

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловіе къ русскому переводу	V
Предисловіе автора	VI

Введение.

§ 1. Раздѣленіе матеріала	1
§ 2. Методъ	5
§ 3. Общая точка зре́нія	11
§ 4. Исторический эпохи	15
§ 5. Мѣсто политической экономіи среди соціальныхъ нау́мъ	21
§ 6. Название и его история	25

Книга I. Денсторический періодъ.

Глава I. ДРЕВНОСТЬ.

§ 1. Введение	28
§ 2. Древняя Греция	29
§ 3. Древний Римъ	31

Глава II. СРЕДНІЕ ВѢКА.

§ 1. Введение	67
§ 2. Культура первобытного общества	68
§ 3. Система общинного натурального хозяйства въ раннемъ средневѣковьт	73
§ 4. Система церковно-феодального натурального хозяйства	83
Сословіе ученыхъ	87
О догматической литературѣ	92
Военное сословіе	98
§ 5. Система средневѣковаго городского хозяйства	105
О догматической литературѣ	130
а. Каноническое учение о деньгахъ	132
б. Учение о „справедливой цѣнѣ“	136
с. Учение о процентахъ	138
§ 6. Переходъ къ новому времени	143

Глава III. НОВОЕ ВРЕМЯ.

§ 1. Меркантилизмъ или система государственной политії благосостоянія	153
а. Введение	153

СТРАН.

b. Франція и колльбертизмъ	164
c. Іспанія и Португалія.	184
d. Нидерланды.	193
e. Англія.	202
f. Германія	229
g. Італія.	242
h. Россія	250
i. Обзоръ предыдущаго и взглядъ на послѣдующую эпоху	252
§ 2. Періодъ переходный къ системѣ физіократовъ	253
а. Паденіе французскаго протекціонизма и аграрная реакція	253
b. Меркантилисты реформы.	270
c. Экономіческій радикализмъ	277
d. Гурнэ и его либерально-административная школа	287

Книга II. Національная экономія, какъ наука.**Глава I. Система физіократовъ.**

§ 1. Франсуа Кенэ, его жизнь и дѣятельность	321
§ 2. Ученіе.	345
а. Общій взглядъ	345
b. Методъ	348
c. Метафизика.	350
d. Этика	351
e. Политика и ученіе о правѣ	354
f. Экономика	364
g. Популяціонистика	384
h. Ученіе о финансахъ и налогахъ	388
§ 3. Tableau économique и ея объясненіе	392
а. Общій взглядъ	392
b. „Formule arithmétique“	399
c. „Questions“	403
d. „Maximes“	405
§ 4. Школа физіократовъ и ея противники	408
а. Мирабо, какъ глава школы	408
b. Организація школы	411
c. Физіократы за границей	416
d. Противники во Франціи	429
e. Догматический споръ между Кондильякомъ и Летрономъ	435
§ 5. Тюрго и крушеніе физіократіи	440
а. Тюрго, какъ государственный дѣятель	440
b. Тюрго, какъ теоретикъ	464
c. Конецъ физіократіи	474

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Въ 1902/3 академическомъ году я читалъ студентамъ 1-го курса Экономического отдѣленія только что открытаго тогда Спб. Политехническаго Института исторію экономическихъ учений. При этомъ въ качествѣ вспомогательнаго руководства мною было рекомендовано слушателямъ вышедшее какъ разъ въ то время сочиненіе профессора Бернскаго университета Августа Онкена—*Geschichte der Nationalökonomie, I Teil, Die Zeit vor Ad. Smith* (Leipzig 1902).

Въ цѣляхъ сдѣлать это произведеніе болѣе доступнымъ, группа студентовъ, по совѣту со мной, взяла на себя трудъ перевести его на русскій языкъ и уже къ веснѣ 1903 года, ко времени переходныхъ экзаменовъ, успѣла издать литографированный переводъ довольно значительной части книги проф. Онкена. Послѣ того у студентовъ Института возникла мысль объ ея напечатаніи цѣликомъ, мысль, нашедшая поддержку Экономическаго отдѣленія, постановившаго оказать материальную помощь задуманному изданію. Продолжительный перерывъ занятій и разныя неблагопріятныя условія для правильнаго хода учебной жизни за послѣдніе годы замедлили выполненіе задуманной работы, только теперь доведенной до конца.

Можно разсчитывать, что появляющаяся нынѣ на русскомъ языкѣ «Исторія Политической Экономіи» профессора Онкена найдетъ у насъ обширный кругъ читателей и принесетъ значительную пользу учащимся.

А. Посниковъ.

Спб. Политехническій институтъ.
Іюнь 1907 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Итакъ, наступающее столѣтіе призываѣтъ все знаніе къ концентраціи, къ единству. Намъ надоѣло ограничиваться собираниемъ материала, мы хотимъ духовно овладѣть имъ; черезъ частности мы хотимъ проникнуть къ тому, что является истинной иѣзюмъ науки: къ всебиющему вселеному мировоззрѣнію».

H. Diels, Festschrift zur Zweihundertjahrfeier der Kgl. Preuss. Akademie der Wissenschaften, 1900.

Въ настоящемъ трудѣ, первый томъ котораго мы опубликовываемъ, предметъ трактуется совершенно иначе, чѣмъ это дѣжалось обыкновенно до сихъ поръ. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью не хронологический отчетъ о книгахъ, а исторію соціально-экономическихъ понятій и проблемъ. Такимъ образомъ, материалъ былъ съ одной стороны ограниченъ, съ другой—расширенъ. Ограниченъ—постольку, поскольку дѣло заключалось болѣе въ томъ, чтобы выдѣлить принципіально-характерные моменты, чѣмъ въ полнотѣ литературно-историческихъ данныхъ. Расширенъ,—ибо автору пришлось обратить вниманіе и на тѣ вѣнчаніе исторические факты, которые служили поводомъ къ постановкѣ теоретическихъ проблемъ. Поэтому я предвижу, что ожиданія читателя отъ изложенія отчасти не оправдаются, отчасти же онъ встрѣтитъ материалъ, привлеченіе котораго ему покажется новымъ.

Конечно, было бы легче и, имѣя въ виду критику, безопаснѣе остаться на проложенномъ пути. Однако, на это я не могъ рѣшиться. Я уже давно держусь того мнѣнія, что постоянныя жалобы на бесплодность работъ по исторіи экономической литературы слѣдуетъ отнести на долю обычного способа обработки материала. Развѣ можно извлечь изъ исторіи какую-нибудь пользу для проблемъ, волнующихъ насъ въ настоящее время, ограничиваясь извлеченіемъ безъ всякаго выбора изъ нѣдръ прошлаго одного материала за другимъ и не обращая вниманія на отношеніе его къ духовной жизни, какъ прошлой, такъ и настоящей эпохи. Конечно, идя по избранному здѣсь пути, мы вступаемъ на шаткую почву, и никто при этомъ не сможетъ избѣжать упрека въ субъективизмѣ.

Однако, и объективность, выражющаяся въ нанизваніи деталей, мѣсто которыхъ въ примѣчаніяхъ, также въ сущности не далеко ушла. Истинная наука имѣть дѣло не съ фактами, а съ истинами, т. е. сужденіями, важной составной частью которыхъ, конечно, являются

факты; но они и являются лишь составной частью. Кто ихъ разсматриваетъ какъ цѣль, а не какъ средство, тотъ никогда не достигнетъ общаго воззрѣнія, а именно послѣднее мы вѣдь и можемъ и должны почерпать, изучая исторически законченные періоды жизни и мысли. Наша эпоха прямо жаждетъ новаго міровоззрѣнія, и во всѣхъ областяхъ знанія возникло стремленіе философски переработать старый матеріалъ и возстановить давно заброшенную и почти забытую связь съ другими областями знанія.

Насколько удовлетворительно удалось автору разрѣшить поставленную имъ себѣ задачу,—пусть решитъ общество. Одной изъ причинъ появленія одного первого тома является возможность для автора изъ приема, какой ему окажутъ читатели, научиться чему-нибудь для второго тома.

Что касается распределенія матеріала, необходимо принять во вниманіе, что въ общей составъ колективнаго труда¹⁾, часть кото-
раго составляетъ настоящее сочиненіе, входитъ «Исторія соціализма и коммунизма»²⁾, разработанная проф. Георгомъ Адлеромъ; къ ней и слѣдуетъ обращаться за дополненіемъ въ случаѣ совпаденія темъ. Второй томъ, охватывающій время отъ Адама Смита до нашихъ дней, я надѣюсь выпустить въ не слишкомъ отдаленномъ будущемъ, предполагая, что моя учебная дѣятельность не будетъ отнимать всего свободнаго времени. Какъ бы задаткомъ можетъ послужить недавно опубликованное мною сочиненіе: «Was sagt die National-Ökonomie als Wissenschaft über die Bedeutung hoher und niedriger Getreidepreise. Eine dogmengeschichtliche Uebersicht». Въ видѣ обзора произведеній важнѣйшихъ экономистовъ XVIII и XIX столѣтій, оно стремится разъяснить столь интересующее наше время отношеніе национально-экономическихъ системъ къ аграрному вопросу, и исправить распространенные на этотъ счетъ заблужденія. Статья эта появилась въ видѣ отдѣльного оттиска изъ «Monatliche Nachrichten zur Regulierung der Getreidepreise», Berlin 1901.

При разработкѣ настоящаго труда я встрѣтилъ значительную поддержку, за которую долженъ выразить благодарность. Что касается моихъ изслѣдований о Кэнэ и вообще физіократическаго движенія, я въ особенности многимъ обязанъ слѣдующимъ лицамъ за доставку цѣннаго документальнаго матеріала, который впрочемъ только отчасти могъ быть непосредственно использованъ, чтобы не увеличивать размѣровъ книги: графу de Dion, предсѣдателю Société archéologique de

¹⁾ Hand- und Lehrbuch der Staatswissenschaften in selbstst ndigen B nden, begr ndet von Kuno Frankenstein, fortgesetzt von Max von Heckel. Leipzig, Verlag von C. L. Hirschfeld.

²⁾ Переводъ ея предполагаетъ издать, при содѣйствіи экономического отдѣленія Спб. Политехническаго Института, группа студентовъ (прим. перев.)

Rambouillet и ея секретарю г-ну Lorin; затѣмъ архиваріусу города Mantes г-ну Grave; г-ну Maurion de Larroche, Officier d'Académie въ Версалі и г-ну René Allain, редактору въ парижскомъ министерствѣ юстиціи и культовъ; за доставленіе цѣнныхъ документовъ шведскаго физіократическаго движенія я обязанъ особенной благодарностью г-ну Birger Hansted въ Копенгагенѣ. Я долженъ упомянуть еще о томъ, что вѣнскій проф. д-ръ Карлъ Менгеръ былъ такъ любезенъ и предоставилъ свою богатую частную библіотеку въ мое пользованіе. При корректурѣ и составленіи указателя именъ миѣ оказывали помощь г.г. Dr. A. Jöhr и канд. фил. Lifschitz въ Бернѣ.

Замѣтимъ еще, что присоединенный къ книгѣ указатель литературы¹⁾ является самостоятельнымъ трудомъ другого автора²⁾ и не стоитъ поэтому ни въ какой внутренней связи съ настоящимъ сочиненіемъ.

Наконецъ, еще одно извиненіе. Появленіе этой книги было мною объявлено на 1901 г. Независящія обстоятельства, главнымъ образомъ неожиданное возложеніе на меня обязанностей ректора, настолько задержали печатаніе, что книга лишь теперь можетъ быть выпущена въ свѣтъ.

А. Онкенъ.

Бернъ, Пасха 1902 г.

¹⁾ Въ русскомъ изданіи выпущенъ.

²⁾ Д-ръ П. Липпертъ, библиотекарь королевскаго прусскаго статистическаго Бюро въ Берлинѣ.

ВВЕДЕНИЕ И КНИГА ПЕРВАЯ.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЪ.

В В Е Д Е Н И Е.

§ 1. Раздѣленіе материала.

Съ какого момента слѣдуетъ начинать изложеніе исторіи науки? Отвѣтъ, казалось бы, не труденъ: съ момента возникновенія науки. Но тотчасъ же поднимаются два серьезныхъ вопроса: во-первыхъ, чѣмъ опредѣлять этотъ моментъ: во-вторыхъ, захватывать ли также доисторический періодъ ея развитія, и что собственно, въ такомъ случаѣ, вводить въ изложеніе.

По первому вопросу господствуетъ въ политической экономіи большое разногласіе, и какъ разъ въ настоящее время онъ снова привлекаетъ вниманіе ученыхъ. Можно даже прямо сказать, что этотъ вопросъ имѣетъ свою собственную исторію.

Говоря вообще, каждый изслѣдователь склоненъ думать, что дисциплина его стала заслуживать названія науки лишь съ того времени, когда появилось направленіе, котораго онъ самъ придерживается. Возьмемъ примѣръ хотя бы изъ недавняго прошлаго. Густавъ Шмоллеръ, глава «новой исторической школы» въ Германіи, заявилъ въ своей ректорской рѣчи «Смѣняющіяся теоріи и незыблемыя истини въ области государственныхъ и соціальныхъ наукъ и современное состояніе немецкой экономической науки» (*Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten im Gebiete der Staats- und Sozialwissenschaften und die heutige deutsche Volkswirtschaftslehre*), произнесенной въ Берлинскомъ университѣтѣ въ 1897 г., что періодъ «непоколебимыхъ истинъ» и полной научности начался въ политической экономіи съ того момента, когда представители немецкой исторической школы образовали *Verein für Sozialpolitik* (1871). Все же предшествующее, не исключая и «старой» исторической школы съ ея представителями Рошеромъ, Гильдебрандомъ, Книсомъ и др. знаменуетъ собою скорѣе «первые шаги новой науки, ея зародыши и зачатки, но не представляеть еще самой науки»¹). Но и тогда конечно дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы приняться за сбираніе факти-

¹) Стр. 331 сборника „Über einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre“, Leipzig. 1898.

ческаго материала, изъ котораго со временемъ могла бы быть построена наука, а не въ томъ, чтобы выполнить эту послѣднюю задачу. Въ 1900 г. въ своемъ «Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre»¹⁾ Шмольеръ приступилъ, наконецъ, къ осуществленію задуманнаго построенія научной системы; такимъ образомъ, моментъ возникновенія политической экономіи, какъ науки, слѣдуетъ повидимому, по мнѣнію Шмольера, отнести къ началу двадцатаго вѣка. А отсюда вытекаетъ, что въ наши дни, рѣчь можетъ итти въ лучшемъ случаѣ обѣ изложеній доисторическаго периода развитія экономической науки, но никакъ не обѣ ея исторіи.

До второй половины девятнадцатаго вѣка почти единодушно признавали «отцомъ политической экономіи» автора «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ» (1776)—шотландца Адама Смита. Существовало сомнѣніе развѣ лишь въ томъ, не долженъ ли раздѣлять съ нимъ этой чести французъ Ж. Б. Сэй, котораго Морштадтъ, его немецкій переводчикъ, величаетъ «Коперникомъ политической экономіи».

Однако, съ середины 19-го ст., по мѣрѣ того, какъ историки экономической литературы обращаются къ изученію источниковъ, изъ которыхъ черпалъ самъ Адамъ Смитъ, взглядъ на значеніе Смита измѣняется. Убѣдились въ томъ, что онъ имѣлъ видныхъ предшественниковъ, труды которыхъ было бы несправедливо назвать ненаучными. Уже Бернгарди (Theodor Bernhardi) писалъ о французскихъ филократахъ 18-го вѣка въ своемъ «Опытѣ критического разбора доводовъ въ пользу крупной и мелкой земельной собственности» (*Versuch einer Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigentum angeführt werden*, Petersburg, 1848),— сочиненіи, заглавіе котораго не отвѣчаетъ его литературно-историческому содержанію: «Безспорная заслуга ихъ заключается въ томъ, что они впервые удачно расширили взглядъ на явленія политической экономіи и проложили путь болѣе здравымъ воззрѣніямъ на истинную природу народного богатства; смѣлымъ полетомъ мысли поднялись они до такой точки зрѣнія, съ которой окинули однимъ взоромъ весь хозяйственный строй общества и дали ему свое объясненіе. Пожалуй, можно даже сказать, что второй шагъ, сдѣянный Адамомъ Смитомъ, былъ легче первого, который сдѣлалъ Кэнэ»²⁾). Одновременно съ Бернгарди и Карлъ Марксъ въ «Ницшѣ философіи»³⁾, полемическомъ сочиненіи, направленномъ противъ Прудона, прямо заявилъ: «Врачъ Кэнэ сдѣлалъ политическую экономію наукой».

И въ Великобританіи уже давно перестали считать Адама Смита творцомъ экономической науки. Желая однако доказать, что наука

¹⁾ Leipzig. Duncker & Humblot; Erste, grösse Hälften, 1900.

²⁾ Стр. 90.

³⁾ Глава II § 1.

эта вистави англійского прохожденія, С. Джевонсъ и Г. Гиггсъ въ рядѣ весьма интересныхъ статей¹⁾ объявили родоначальникомъ ея Ричарда Кантільона (Richard Cantillon). Кантільонъ родился въ Ирландіи и жилъ въ Парижѣ, где занимался банковою дѣятельностью; своею книгой «*Essai sur la nature du commerce en général*» (посмертное издание 1735), вышедшей сперва на французскомъ языке, онъ придалъ политической экономії научный характеръ. Такъ какъ известно, что эта книга имѣла сильное влияніе на Кэнз, то Кантільонъ заслуживаетъ названія истинного отца физіократіи (*«father of physiocracy»*), а въ силу этого и отца политической экономії.

Какъ только традиція была поколеблена, аналогичныя притязанія начали выдвигаться одно за другимъ.

Такъ, по мнѣнію француза Рукселя (Rouxel), истиннымъ отцомъ политической экономіи (*«le véritable père de l'économie politique»*) является маркизъ Мирабо (Victor de Mirabeau), отецъ знаменитаго своимъ краснорѣчіемъ дѣятеля великой революціи и авторъ сочиненія *«L'ami des Hommes»* (1756)²⁾. Мирабо, утверждаетъ Руксель, чрезвычайно повредилъ себѣ самъ, перейдя подъ знамя Кэнз; въ силу этого онъ и не слыветъ основателемъ науки, но потомство должно признать его таковымъ.

Съ другой стороны, еще раньше того англичанинъ Бертонъ въ биографіи Давида Юма указывалъ, что своими «Политическими разсужденіями» (*«Political Discourses»*, 1752), Юмъ положилъ «основаніе политической экономіи» (*«the foundation of political economy»*)³⁾.

Французъ А. Сорель, съ своей стороны, говорилъ приблизительно то же самое о сочиненіи Монтескіе «Духъ Законовъ» (*«Esprit des Lois»*, 1748)⁴⁾.

Еще раньше, нѣкоторые писатели, въ особенности англичанинъ Фіцморисъ, настаиваютъ на томъ, что основателемъ политической экономіи слѣдуетъ считать В. Петти (William Petty) автора «Политической Ариѳметики» (*«Political Arithmetic»*, 1687)⁵⁾; тогда какъ французъ Т. Функъ-Брентано, переиздавшій книгу Монкретьена де Ватвилля (*Montchrétien de Vatteville*) *«Traité de l'Oeconomie Politique»*

¹⁾ Stanley Jevons, Richard Cantillon and the nationality of political economy; *Contemporary Review*, 1881. H. Higgs. Cantillons place in Economics, *Quarterly Journal of Economics*, 1892; *Его же*, *Economic Journal*, vol. I, 1891.

²⁾ Въ предисловіи *Rouxela* къ новому изданію *«Ami des Hommes»* Paris. 1883. Стр. XLIX.

³⁾ J. H. Burton. Life and Correspondence of David Hume, Edinburgh 1840, vol I, p. 354.

⁴⁾ Albert Sorel, Montesquieu, нѣмецкій переводъ Kressler'a, Berlin, 1896, Bd. 20 der „Geisteshelden“, изданіе Bettelheim'a, S. 109.

⁵⁾ Edmond Fitzmaurice, The Life of Sir William Petty, London 1895.

(1615) требуетъ, чтобы этотъ авторъ былъ признанъ творцомъ экономической науки¹⁾.

Споры по этому вопросу велись преимущественно между англичанами и французами; однако и другія націи не остались совершенно непричастными къ нимъ. Итальянцы желаютъ чтобы пальма первенства была признана за неаполитанцемъ Антоніемъ Серра (1613). Нѣмцы же указываютъ на такъ называемую камеральную науку (*Kameralwissenschaft*), возникшую еще на исходѣ средневѣковья и очень рано сумѣвшую занять мѣсто среди университетскихъ дисциплинъ. Даже ко временамъ древности считаютъ возможнымъ относить моментъ возникновенія политической экономіи. Творцомъ этой науки выставляется иногда Аристотель, въ силу того, что съ его именемъ связанъ терминъ «Экономика».

Словомъ, иѣть такой эпохи отъ древности и до нашихъ дней, которая не считалась бы кѣмъ-нибудь временемъ возникновенія политической экономіи.

Гдѣ же истина?

Для рѣшенія этого вопроса нужно прежде всего найти какой-либо критерій; необходимо выяснить, при какихъ условіяхъ дисциплина пріобрѣтаетъ характеръ дѣйствительно научный, т.-е. освобождается отъ полнаго или почти полнаго порабощенія эмпирікѣ.

Я усматриваю такой критерій въ появленіи *метода изслѣдованія*, опредѣляемаго вполнѣ сознательно задачами науки. О теоріи какъ таковой, о научной «дисциплине», можно говорить лишь съ того момента, когда выработалось ясное представлениe о цѣли изслѣдованія, и найденъ особый путь, по которому неуклонно идетъ впередъ изслѣдователь. До этого времени рѣчь можетъ ити о материалѣ, относящемся къ данной области знанія и отдаленномъ отъ элементовъ другихъ дисциплинъ, но отнюдь не о самостоятельной наукѣ.

Если съ этимъ масштабомъ приступить къ разрѣшенію поставленнаго нами выше вопроса, то всѣ трудности исчезаютъ. Намъ приходится серьезно выбирать только между двумя авторами: основателемъ «Политической Ариѳметики» Вилліамомъ Петти, жившимъ въ концѣ 17-аго вѣка, и творцомъ «Экономической таблицы» (*«Tableau économiique»*) Франсуа Кэнэ (Quesnay), дѣятельность которого относится къ серединѣ восемнадцатаго столѣтія. Но въ настоящее время всѣми признано, что политическая ариѳметика Петти есть въ сущности *статистика*, а не политическая экономія въ точномъ смыслѣ слова. Остается одинъ Кэнэ, творецъ, такъ называемаго, «точного или математически-наглядного метода», при помошникою которого онъ создалъ «физіократи-

¹⁾ Th. Funck - Brentano, Traicté de l’Oeconomie Politique dédié en 1615 au Roy et à la Reine mère du Roy par Antoyne de Montchrétien. Paris 1889. Intro-

ческую систему». Это тотъ методъ, который обычно считаютъ характернымъ для, такъ называемой, *классической политической экономии*; противъ него бытъ впослѣдствіи выдвинуть выступавшій постепенно все рѣзче и рѣзче *«исторический методъ»*, господствующій въ наше время, по крайней мѣрѣ, въ Германіи. Въ самое послѣднее время замѣчается, впрочемъ, снова теченіе въ обратную сторону или, вѣрище, въ сторону синтеза.

Что касается, такимъ образомъ, первого вопроса, то намъ удалось найти твердую точку опоры. Но тутъ выдвигается сейчасъ же второй вопросъ: излагать ли исторію науки съ того момента, когда она достигла самостоятельности, или же включать въ изложеніе и доисторическій періодъ ея развитія, время ея зарожденія? Тотъ, кто избралъ бы первое, обнаружилъ бы мало исторической проницательности. Періодъ зрѣлости нигдѣ не является моментомъ, опредѣляющимъ существованіе. Правда,—новая жизнь, устроенная по собственному плану, начинается достижениемъ самостоятельности, т.-е. сознательнымъ разрывомъ съ родной семьей, но не съ этого момента начинается жизнь вообще. Въ силу этихъ соображеній мы должны включить въ изложеніе исторіи науки также и періоды ея дѣтства и юношества. Но не лишается ли при этомъ своей опредѣленности тотъ признакъ, который служилъ намъ для опредѣленія момента возникновенія науки, и найти который намъ стоило столько труда? Не теряетъ ли онъ всякое значеніе для нась? Отнюдь нѣтъ! Въ своемъ изслѣдованіи мы стремились лишь къ тому, чтобы отыскать точку опоры для раздѣленія матеріала. Мы должны уяснить себѣ, съ какого момента слѣдуетъ начинать изложеніе исторіи науки, какъ вполнѣ самостоятельной отрасли знанія, и до какихъ порь простирается доисторическій періодъ ея развитія. Эти эпохи требуютъ различныхъ способовъ изложенія. Сначала наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы выдѣлить свѣдѣнія, носящія экономической характеръ, изъ массы посторонняго матеріала; во второмъ періодѣ, мы будемъ сдѣлать за развитіемъ уже вполнѣ обособившихся ідей.

Въ силу вышеизведенныхъ соображеній нашъ трудъ распадается на двѣ главныи части или книги: первая—*доисторическій періодъ развитія политической экономии*,—заканчивающаяся, такъ называемой, «системой меркантилизма». Вторая часть—*исторія политической экономии, какъ науки*;—она начинается со второй половины 18 в., когда Фр. Кэнэ положилъ основаніе «системѣ физіократовъ».

§ 2. Методъ.

Вопросъ о методѣ играетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи настолько важную роль, что намъ необходимо теперь же выяснить нашу точку зрения на него.

Уже почти два десятилѣтія въ политической экономіи ведется рѣзкій споръ о методахъ, и хотя въ настоящее время этотъ споръ иѣсколько утихъ, но вопросъ остался нерѣшеннымъ. Самъ по себѣ споръ о методологическихъ основахъ науки не можетъ считаться дурнымъ признакомъ. Онъ только показываетъ, что снова обсуждается вопросъ о цѣляхъ и средствахъ дисциплины, а это происходитъ обыкновенно лишь тогда, когда на первый планъ выступаютъ ея основные вопросы. И если только разногласіе не поддерживается изъ простого упрямства, то такой идеиной споръ можетъ очень способствовать успешному развитію науки. Что же составляетъ предметъ спора? Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ намъ нужно установить только общую точку зренія, то давать подробную исторію литературы по методологическому вопросу не приходится. Мы укажемъ лишь на главныя направленія и на существенные пункты.

Этотъ споръ вызванъ непосредственно появлениемъ книги Карла Менгера «Изслѣдованіе о методѣ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности» (*«Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere»*, Wien, 1883). Въ своей работе авторъ подвергаетъ критикѣ односторонній, доходящій до расплывчатости *историческій методъ*, сторонниками котораго являются преимущественно профессора политической экономіи въ Германіи: ему онъ противопоставляетъ *точный абстрактный методъ* (*exakte, abstrakt-isolierende Methode*) классической политической экономіи, болѣе подходящее, по его мнѣнію, орудіе изслѣдованія. Менгеръ упрекаетъ историческую школу въ томъ, что она сдѣлала главнымъ содержаніемъ, самою сущностью политической экономіи исторію, которая въ действительности имѣеть для экономической науки значение лишь вспомогательной дисциплины.

Густавъ Шмollerъ, глава новой «исторической школы», отвѣтилъ на эти нападки въ своемъ журналь *«Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft»*. Въ рѣзкой рецензіи на книгу Менгера (1883) онъ отклоняетъ упреки, сдѣланные его школой, и настаиваетъ на томъ, что, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени, историческій методъ является единствено правильнымъ: классическая политическая экономія, благодаря своему методу, пошла по ложному пути, теперь необходимо найти новое основаніе для дисциплины; возвращеніе же въ старое русло можетъ только задержать ея развитіе. Карлъ Менгеръ не замедлилъ отвѣтить. Въ книжѣ *«Заблужденія исторического направленія въ нѣмецкой политической экономіи»* (*«Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie»*, Wien, 1884) онъ съ такой же рѣзкостью третировалъ взгляды Шмollera, и съ тѣхъ поръ экономисты-теоретики раздѣлились на два лагеря: одинъ сплотился подъ названіемъ *«австрійской или точной (exakte) школы»*, другой образовалъ *«германскую или историческую школу»*. Оба направленія имѣютъ по-

слѣдователей и въ другихъ странахъ: во Франціи, въ Великобританії, Скандинавіи, Швейцаріи, Съв. Америкѣ и др.

Можетъ быть, эта полемика велась бы съ меньшою страстью и меньшимъ ожесточеніемъ, если бы обѣ стороны припомнили, что въ сущности всплылъ лишь старый вопросъ, сильно волновавшій умы уже при возникновеніи науки, что ничего новаго, такимъ образомъ, въ этомъ спорѣ нѣтъ.

Уже Кэнэ въ своемъ «Tableau *économique*» примѣнилъ точный абстрактный методъ къ изслѣдованию экономическихъ явлений и этимъ именно придалъ политической экономіи научный характеръ. Онъ энергично боролся съ исторической эмпірикой правительственныхъ опытовъ меркантилизма. Адамъ Смитъ занялъ среднее положеніе. Давидъ Рикардо, напротивъ, снова рѣшительно стала на сторону точнаго абстрактнаго метода и наложилъ этимъ характерную печать на классическую политическую экономію. Къ этому же направленію принадлежалъ и Ж. Б. Сэй. Его слова, рѣшительно отвергающія историческую точку зрѣнія, въ особенности для доктринальской части политической экономіи, пользуются широкой известностью. Въ заключительной главѣ своего «Полного курса практической политической экономіи» («Cours complet d'Economie Politique pratique», 1828) онъ говоритъ: «Что пользы въ собираніи смѣшныхъ мнѣній, отвергнутыхъ и притомъ справедливо отвергнутыхъ теорій? Отыскивать ихъ столь же безполезно, какъ и скучно. Задача заключается не въ томъ, чтобы знакомиться съ заблужденіями, а въ томъ, чтобы забывать ихъ». Однако точный методъ у Сэя снова потерялъ тотъ строго математический характеръ, который ему придалъ первоначально Кэнэ. Этотъ методъ съ удвоенной энергией воскресаетъ у немца Йог. Гейнрихъ фонъ Тюнена (J. H. v. Thünen), въ его трудѣ «Изолированное Государство» («Der isolierte Staat» и т. д., 1826), гдѣ принципъ отвлеченной изоляціи достигаетъ высшей точки своего развитія. Труды Курно (Cournot, 1838) во Франціи, Госсена (Gossen, 1854) въ Германіи и Джевонса (Jevons, 1862) въ Англіи, относящіеся къ болѣе поздней эпохѣ, носятъ еще болѣе математический характеръ; за авторами этихъ трудовъ слѣдуютъ въ томъ же направленіи Вальрасъ (Walras), Парето (Pareto) и Панталеони (Pantaleoni) въ Швейцаріи и Италии, Ланнгардтъ (Lannhardt) въ Германіи, Ауспіцъ (Auspitz), Либенъ (Lieben) и др. въ Австріи и т. д. Менгеръ и его ближайшие послѣдователи не заходятъ такъ далеко. Ихъ можно поставить рядомъ съ Рикардо.

Такимъ образомъ писатели одного и того же направленія значительно расходятся въ методологическихъ вопросахъ: они различно примѣняютъ методъ, и послѣдний не носить у всѣхъ одинакового характера. То же происходитъ и въ предѣлахъ исторической школы.

Мы уже указывали, что еще до Кэнэ меркантилисты пользовались историческимъ методомъ, представляя его себѣ грубо эмпірически.

Типичнымъ примѣромъ этого можетъ служить изложеніе хозяйствено-политическихъ предписаній «стараго режима» въ хронологическомъ порядке, приведенное въ «*Dictionnaire universel de Commerce*» (1723) братьевъ Савари (Savary). Фантастическую противоположность, въ предѣлахъ этого же направленія, образуетъ группа экономистовъ-романтиковъ съ ихъ призывомъ назадъ къ среднимъ вѣкамъ. Представителями этой группы являются, главнымъ образомъ, швейцарецъ К. Л. фонъ Галлеръ (K. L. v. Haller, 1808) и нѣмецъ Адамъ Мюллеръ (Adam Müller, 1809). Среднее положеніе занимаютъ: Фридрихъ Листъ (Friedrich List) въ своей «Национальной системѣ Политической Экономіи» (*Das nationale System der Politischen Oekonomie*, 1841) и затѣмъ профессора Вильгельмъ Рошеръ (Wilhelm Roscher, «Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft nach geschichtlicher Methode», 1843), Бруно Гильдебрандъ (Bruno Hildebrand, «Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft», 1848) и Карлъ Кніесъ (Karl Knies, «Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode», 1853) и др. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ отъ этой, такъ называемой, «старой» исторической школы, не порывая всѣхъ связей съ нею, отдѣляется «молодая» съ Густавомъ Шмольеромъ (Schmoller), Луjo Брентано (Ljо Brentano) и др. во главѣ. Новая школа упрекаетъ старое историческое направленіе въ слишкомъ еще большой приверженности къ догматикѣ классической политической экономіи; младшая вѣтвь, совершенно освободившаяся отъ старой традиціи, намѣрена выстроить зданіе науки, опираясь преимущественно на статистику.

Мы видимъ, что и исторический методъ отнюдь не всѣ экономисты понимаютъ одинаково. Въ томъ же положеніи находится и синтетическое направленіе, которое мы называемъ *историко-философскимъ методомъ*, охватывающее обѣ вѣтви и занимающее отдельное мѣсто.

Нельзя отрицать, что какъ точный, другими словами, философскій методъ, такъ и методъ исторической оказали развитію науки выдающіяся услуги. Если примѣнить здѣсь слова: «Найдите ихъ по ихъ плодамъ», то оба направленія могутъ имѣть притязаніе на награду. Уже изъ этого видно, что нельзя даже поставить вопроса о томъ, который изъ двухъ методовъ исключительно правиленъ: оба направленія выполняли необходимыя функции въ области политической экономіи; оба метода одинаково ей присущи, и противорѣчіе между ними должно быть уничтожено. Впрочемъ, и синтетическая точка зрѣнія не нова. Она тоже имѣетъ свою исторію.

Уже въ древности Аристотель съ историко-философской точки зрѣнія изучалъ политику и экономику, поскольку у него идетъ рѣчь о послѣдней. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи Адамъ Смітъ. Въ своемъ сочиненіи «Теорія нравственныхъ чувствъ» (1759) онъ воспользовался историко-философскимъ методомъ

для изслѣдованія проблемъ нравственной философіи; въ «Изслѣдованіи о природѣ и причинахъ богатства народовъ» (1776) онъ примѣнилъ этотъ методъ къ изученію экономическихъ явленій. Цѣлью труда Смита было соединить воедино методологическія основы и фактическое содержаніе меркантилизма и системы физіократовъ, дабы такимъ путемъ уничтожить односторонности обѣихъ школъ. Отъ времени до времени потребность въ такой синтетической точкѣ зрѣнія даетъ себя сильно чувствовать; только въ этомъ смыслѣ и можно придавать значеніе раздающемся иногда въ наше время призыву: «Назадъ къ Адаму Смиту!»

Изъ соціалистовъ Сенъ-Симонъ отчасти воспользовался историко-философскимъ методомъ; затѣмъ тотъ же методъ нашелъ примѣненіе въ крайне материалистическомъ направленіи Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Они перенесли *діалектический методъ Гегеля* изъ области духа въ область исключительно экономическихъ явленій и впервые въ исторіи культуры создали *материалистическую философию исторіи*, являющуюся въ то же время и политической экономіей. Безъ этого историко-философскаго фундамента соціализмъ никогда не достигъ бы того важнаго значенія, которое фактически ему теперь принадлежитъ. Эта именно основа современного соціализма и объясняетъ намъ, почему ему удалось привлечь на свою сторону много лучшихъ умовъ. Успѣшно бороться съ соціализмомъ можно только на той же, т.-е. на историко-философской почвѣ; для этого нужно замѣнить материалистическую философию исторіи другой исторической концепціей. Какъ среди соціаль-демократовъ, такъ и въ лагерѣ академиковъ-философовъ замѣчается уже движение въ этомъ направленіи. Оно сводится къ противопоставленію *критического метода Канта діалектическому методу Гегеля*. Призывъ «назадъ къ Канту» раздается все громче и громче не только съ университетскихъ каѳедръ философіи; его можно услышать и среди идеологовъ пролетаріата¹⁾). Приложеніе философи къ разрѣшенію экономическихъ проблемъ стало въ настоящее время всеобщимъ лозунгомъ.

Мы находимъ, такимъ образомъ, три различныхъ метода, примѣняемыхъ въ экономической наукѣ: точный или философскій, исторический или вѣрнѣе историко-статистический и, наконецъ, историко-философскій, носящій синтетической характеръ. Авторъ этой книги придерживался послѣдняго направленія, онъ пытался идти въ одно и то же время по стопамъ Адама Смита и Канта. Методъ, примѣняемый

¹⁾ Подробнѣе обѣ этомъ новомъ методологическомъ спорѣ, который ведется пока исключительно на почвѣ соціализма, см. мою рецензію на книгу *Карла Форлендера* (Karl Vorländer „Kant und der Sozialismus unter besonderer Berücksichtigung der neuesten theoretischen Bewegung innerhalb des Marxismus“ 1900) въ „Deutsche Litteraturzeitung“ 1901, № 16.

нами, можно было бы охарактеризовать, какъ историко-философскій критицизмъ¹⁾.

¹⁾ Было бы полезно выяснить здѣсь отношеніе этой точки зрѣнія къ возврѣніямъ „новой исторической школы“, образовавшей въ началѣ семидесятыхъ годовъ 19-го вѣка „Verein für Sozialpolitik“. Густавъ Шмоллеръ, глава школы, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій высказывался о характерѣ метода, примѣняемаго экономистами исторического направлѣнія; особенно подробно онъ останавливается на этомъ вопросѣ въ своей ректорской рѣчи, произнесенной въ Берлинскомъ университѣтѣ въ 1897 году: „Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten im Gebiete der Staats—und Sozialwissenschaften und die heutige deutsche Volkswirtschaftslehre“. По его мнѣнію, только то знаніе можетъ быть названо „вполнѣ достовѣрнымъ“ и „строго научнымъ“, которое находится на пути къ „детальному и неоспоримому познанію“ объекта. „Всѣ новѣйшіе успѣхи эмпирической точной науки основаны на раздѣленіи труда, на ограниченіи сферы изслѣдованія; чтобы достигнуть этихъ успѣховъ, нужно было останавливаться на частностяхъ, заниматься микроскопической или какой-либо другой детальной работой“ (Стр. 321 и сл. въ сборнике „Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre“, Leipzig, 1898) Иначе дѣло обстоитъ съ той научной дѣятельностью, которая направлена на познаніе „всего цѣлаго“ („des ganzen und grossen“), и которая приводить только къ „неустойчивымъ и мѣняющимся теоріямъ“. „Каждая такая попытка, думаетъ Шмоллеръ, по самому своему существу, по своему методу противорѣчить тому процессу, который приводить насъ къ истинному, неоспоримому познанію“. Всѣ подобныя теоріи не заслуживаютъ „почетнаго названія“ вполнѣ научныхъ; въ нихъ совершенно отсутствуетъ объективный критерій, свойство котораго заключается въ томъ, что „всѣ изслѣдователи всегда приходятъ къ одному и тому же результату“. Эта черта присуща только материалу, полученному детальнымъ и точнымъ эмпирическимъ изслѣдованіемъ; истины, добытыя этими путемъ, „не могутъ возбуждать споровъ, о нихъ не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній“.

Такимъ образомъ, Шмоллеръ видѣтъ цѣль политической экономії исключительно въ образованіи „строго-научной, описательной экономической дисциплины“, стремящейся „не столько къ построенію широкихъ теорій, сколько къ установлению частныхъ непоколебимыхъ истинъ“ (Стр. 332). Этотъ методъ находится въ „полномъ противорѣчіи“ съ методомъ, примѣнявшимся Адамомъ Смитомъ съ одной стороны и Карломъ Марксомъ съ другой. Пріемы послѣдняго „въ методологическомъ отношеніи являются возвращеніемъ къ временамъ далеко предшествовавшимъ Гегелю, чутъ ли не къ схоластику“ (стр. 329).—Незачѣмъ было бы приводить ти разсужденія, если бы Шмоллеръ видѣлъ въ нихъ только выраженіе своего собственного мнѣнія. Каждый изслѣдователь имѣть право примѣнять тотъ методъ, который онъ считаетъ правильнымъ. Но Шмоллеръ не остановился на этомъ. Свой методъ онъ считаетъ исключительно вѣрнымъ и изслѣдованіе свое онъ заканчиваетъ личными нападками на всѣхъ профессоровъ, не принадлежащихъ къ его школѣ. Отвѣчая на вопросъ, слѣдуетъ ли предоставлять университетскія каѳедры представителямъ всѣхъ главнѣйшихъ направлѣній въ науку, Шмоллеръ говоритъ: „Мы кажется, что мы не допустимъ этого, если примемъ во вниманіе современное состояніе исторіи науки... Ставить отживающія и отжившія школы наряду съ направлѣніями болѣе научными и болѣе разработанными, это значитъ задерживать прогрессивное развитіе науки; ни послѣдовательные смитіанцы, ни ортодоксальные марксисты не могутъ претендовать въ настоящее время на

§ 3. Общая точка зрения.

Авторъ историко - философскаго изслѣдованія долженъ обладать яснымъ и сознательно выработаннымъ міросозерцаніемъ; въ против-

то, чтобы ихъ ученія были признаны вполнѣ научными. Кто не стоитъ на почвѣ современныхъ изслѣдований, не обладаетъ достаточной эрудиціей и не придерживается общепринятаго метода (здесь разумѣется катедерь-соціалистической методъ), тотъ не можетъ быть полезнымъ учителемъ" (Стр. 341).

Особенно интересно отметить, что это мнѣніе, высказанное Шмольеромъ съ такой рѣшительностью, нашло противника въ его собственномъ лагерѣ. Въ сочиненіи „Aufgaben und Massst  be einer allgemeinen Geschichtsschreibung“ (Band I der „Kulturgeschichte der Neuzeit“, Berlin 1900)—книга, какъ ни странно это, посвящена Г. Шмольеру—*Kurt Breysig* энергично выступаетъ на защиту дедуктивнаго метода изслѣдованія, которымъ онъ рѣшилъ пользоваться въ своемъ трудахъ.

„Я не могу допустить“, говорить онъ, „что ученые, которые избираютъ специальнымъ объектомъ изученія именно общія взаимоотношенія, относятся къ своему предмету менѣе серьезно и менѣе старательно, чѣмъ авторы тѣхъ монографій, которыхъ посвящены изслѣдованію частныхъ вопросовъ и обыкновенно одинъ носятъ название изслѣдований. Правда, работы первого рода встрѣчаются въ наше время съ некоторымъ предубѣждениемъ, но вопросъ еще, насколько послѣднее справедливо“ (Einf. XVIII). Въ концѣ своей книги *Kurt Breysig* возвращается къ этому вопросу въ выраженіяхъ, направленныхъ, повидимому прямо противъ Шмольера: „Какъ мало обоснованы многіе упреки, которые эмпиріки дѣлаютъ дедуктивному методу изслѣдованія. Эмпіризмъ девятнадцатаго вѣка, гордый своимъ большими успѣхами, создалъ настоящую систему нравственныхъ предписаний (sittlicher Vehimvorschriften) съ цѣлью заклеймить всякий методъ, отступающій отъ его собственнаго, не только какъ научно и интеллектуально несостоитъный, но и какъ нравственно недопустимый. Нравственное право рѣшать какой-либо вопросъ принадлежитъ якобы только тому, кто собралъ безусловно весь описательный материалъ, къ нему относящейся. Но легко возразить на это положеніе, которое кажется оспариватъ уже Нибуръ, что всякая отдельная работа, выполненная согласно этому правилу, будетъ несомнѣнно отличаться глубиной и безусловной достовѣрностью, но устойчивости ея детального основанія можетъ, и наѣтъ даже будетъ соответствовать узость и ограниченность въ остальныхъ отношеніяхъ. У такого строенія не будетъ контрфорсовъ и подпорокъ, на которые оно могло бы опереться извнѣ, среди сосѣднихъ построекъ... И какое дѣло, наконецъ, до всего этого нравственности... изслѣдователь, стремящійся къ рѣшенію общихъ вопросовъ, могъ бы сть такимъ же основаніемъ (вѣрнѣ было бы сказать—такъ же неосновательно) упрекать специалиста въ томъ, что онъ поступаетъ безнравственно, не обращая вниманія на тотъ широкій кругъ явлений, часть котораго составляетъ изслѣдуемый имъ объектъ. Часто приходится наблюдать, какъ ученый съ величайшей обстоятельностью и торжественностью изслѣдуетъ въ монографіи какое нибудь явленіе, кажущееся ему оригинальнымъ и даже единственнымъ въ своемъ родѣ; а между тѣмъ, человѣкъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ могъ бы сразу замѣтить, что тутъ же рядомъ находится гораздо болѣе характерный типъ подобнаго состоянія или процесса, которому болѣе присущи извѣстныя свойства, и въ которомъ онъ

номъ случаѣ ему не избѣжать противорѣчій¹⁾). Авторъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы заранѣе не познакомить читателя со своимъ міровоззрѣніемъ, хотя бы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Правда, это вноситъ въ изложеніе субъективный моментъ; но вѣдь мы уже указывали выше, что полной объективности въ наукѣ достичнуть нельзя. Приступая къ чтенію книги, читатель долженъ знать, какихъ мнѣній придерживается ея авторъ, по крайней мѣрѣ—какое положеніе занимаетъ онъ въ отношеніи къ соціальному вопросу, главной проблемѣ нашего времени вообще и политической экономіи въ особенности.

Обыкновенно соціальный вопросъ коротко характеризуютъ въ слѣдующихъ словахъ: онъ заключается въ эманципаціонной, классовой борьбѣ четвертаго сословія съ третьимъ. Но этимъ сказано лишь очень немного. Необходимо установить, что такое четвертое сословіе, что называется третьимъ сословіемъ, чѣмъ являются или чѣмъ были первыя два сословія, и въ какомъ отношеніи стоять они всѣ другъ къ другу. А для этого нужно бросить взглядъ на прошлое, надо выяснить, какія задачи преслѣдовали отдельные классы въ различные эпохи.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ общество, расчлененное на классы, клиръ или ученое сословіе (*Lehrstand*) всегда занималъ первое мѣсто. Это и понятно: его задачей была забота о высшихъ человѣческихъ

окрашены съ большей выпуклостью²⁾. Подъ этими словами Breysig'a подразумевается всякий беспристрастный паслѣдователь.

Въ „Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre“ Шмollerъ „попытался“, какъ онъ говорить, „собрать... всѣ общіе, въ цѣломъ непоколебимые, результаты экономическихъ изслѣдований“ (Стр. 123). Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, многія ли изъ этихъ „прочныхъ“ и „непоколебимыхъ“ истинъ будутъ считаться и въ будущемъ таковыми, и можетъ ли быть признано историческимъ воззрѣніе, отвергающее историческую относительность и повторяющее въ существенныхъ чертахъ мнѣніе Ж. Б. Сэя. Извѣстное выраженіе А. Людера (A. Lüder): „истина только въ деталяхъ“, выраженіе, къ которому съ такимъ почтеніемъ относится Шмollerъ, въ сущности ироистекаетъ только изъ смѣщенія понятій факта и истины.

¹⁾ Карлъ Лампрехтъ (K. Lamprecht) находитъ слѣдующія достоинства у „культурно-исторического“ метода, рекомендуемаго имъ для историческихъ изслѣдований и довольно близкаго къ „историческому“ методу въ политической экономіи, представленному Шмollerомъ, если и не вполнѣ совпадающаго съ послѣднимъ: „культурно-исторический методъ—въ этомъ есть ни малѣшаго сомнѣнія—открыть индуктивно, путемъ простого чтенія источниковъ; въ основѣ его происхожденія ни въ коемъ случаѣ не лежитъ опредѣленное міросозерцаніе“ (Die kulturhistorische Methode, Berlin, 1900. S. 33). Я не могу сказать, что бы это могло служить рекомендацией методу. По моему мнѣнію, опредѣленное міросозерцаніе должно въ равной мѣрѣ быть предпосылкой исторического изслѣдованія и вытекать изъ него, къ какой бы области паслѣдованіе ни относилось.— Для болѣе подробнаго изученія методологическихъ вопросовъ можно указать на сочиненіе Эрнеста Бернгейма (Ernst Bernheim) „Lehrbuch der Historischen Methode“ 2. Aufl., Leipzig, 1894.

интересахъ, т. е. обѣ отношенияхъ человѣка къ сверхчувственнымъ силамъ. Вторымъ классомъ являлась свѣтская военная знать, *военное сословіе* (Wehrstand). Ему принадлежитъ власть на землѣ, оно регулируетъ правоотношенія народа. Подъ его охраной образуется третій классъ—*промышленный* (Nahrstand). Остается, наконецъ, еще четвертый, *рабочій классъ* (пролетаріатъ); онъ служить остальнымъ классамъ общества и, не обладая имуществомъ, принужденъ жить только трудами своихъ рукъ.

Это расчлененіе на четыре класса проходитъ черезъ всю всемирную исторію. Каждый классъ стремится сперва къ тому, чтобы его интересы были признаны, а затѣмъ и къ тому, чтобы они стали господствующими. И именно въ борьбѣ этихъ классовъ за руководящую роль, борьбѣ, въ которой можно замѣтить извѣстную послѣдовательность въ сменѣ однѣхъ формъ другими, заключается сущность всѣхъ видовъ соціального вопроса. Содержаніе этой борьбы въ различныя эпохи неодинаково. Она можетъ происходить въ формѣ стремленія клира занять первое мѣсто въ обществѣ, и тогда соціальная борьба будетъ вертѣться, главнымъ образомъ, вокругъ спорныхъ теологическихъ проблемъ. Даѣ, она можетъ проявляться въ формѣ борьбы за господство свѣтского военного сословія съ клиромъ,— и тогда на первомъ планѣ появляются уже не религіозные, а военные и правовые вопросы. Когда на арену борьбы выступаетъ третіе сословіе, оно выдвигаетъ на первый планъ политическіе интересы торговли въ противовѣсь военнымъ. Когда же очередь доходитъ, наконецъ, до четвертаго сословія, оно своимъ лозунгомъ объявляетъ обыденные интересы рабочаго класса. Въ первомъ случаѣ, практической цѣлью является созданіе теократіи, во второмъ— родовой или личной аристократіи, въ третьемъ—буржуазнаго или торгового конституціоннаго государства, въ четвертомъ случаѣ—диктатуры пролетаріата.

Ни у одного народа расчлененіе на сословія не вышло въ болѣе рельефную форму, чѣмъ у древнихъ индоевропейцевъ. По законамъ *Ману*, записаннымъ впервые около 600 года до Рождества Хр. и закрѣпившимъ гораздо болѣе древніе обычай и нормы, общество дѣлится на слѣдующія, совершенно обособленныя другъ отъ друга, касты; переходъ изъ одной въ другую возможенъ только путемъ переселенія души, т. е. путемъ возрожденія послѣ смерти¹⁾.

Во главѣ стоятъ каста *брахмановъ* или жрецовъ. Это—ученое сословіе, происходящее, по индійскому мифу, отъ усть Брамы. Его девизъ: *святость и мудрость!*

Второй кастой являются *кишатрии* или воины, высшее сословіе; оно произошло изъ рукъ Брамы и объединяется лозунгомъ: *власть и сила!*

1) Ср. „Allgemeine Weltgeschichte“ Georgа Weberа, Bd. I, S. 234 ff, а также статью „Kasten“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2 Auflage.

Третье мѣсто занимаютъ *васіи*, т.-е. свободные крестьяне, ремесленники, сословіе промышленное. Оно произошло изъ бедеръ Брамы и его мотто: *богатство и барышь!*

Затѣмъ слѣдуетъ послѣдняя, четвертая каста—*судры*. Ихъ обязанность—служить, происходятъ они изъ ногъ Брамы, и пароль для нихъ: *услугливость и послушаніе!*

Каждой изъ этихъ четырехъ общественныхъ категорій Богъ опредѣлилъ на вѣчныя времена извѣстный кругъ дѣятельности. Ни одна изъ кастъ не имѣть права присвоивать себѣ функции другой: но низшія обязаны повиноваться высшимъ и относиться къ нимъ съ особеннымъ почтеніемъ. Весь институтъ въ цѣломъ носитъ теократический характеръ. Мы не имѣемъ историческихъ свѣдѣній, болѣе подробно рисующихъ, какъ возникло здѣсь господство клира, и какъ велась борьба за преобладаніе между отдѣльными сословіями. Остатки этой общественной организаціи, усложнившійся появленіемъ многихъ промежуточныхъ классовъ, сохранились и по сей день ¹⁾.

Подобная же общественная организаціи можно встрѣтить и у другихъ народовъ древности и среднихъ вѣковъ съ тою лишь разницей, что нигдѣ онѣ не носятъ столь строго выраженного кастового характера какъ въ Индіи, вслѣдствіе чего сословія приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ; это обстоятельство могло способствовать соціальному прогрессу, но могло ускорить и паденіе народа. Лишь немногимъ націямъ суждено было пережить всѣ четыре фазы соціального вопроса. По большей части нить обрывается уже на промежуточныхъ ступеняхъ силу внутреннихъ или возникающихъ извѣнѣ препятствій.

Излагать въ этомъ мѣстѣ подробнѣе ходъ соціального развитія во всемірной исторіи—значило бы предвосхищать дальнѣйшее содержаніе предлагаемаго читателю труда. Мы сдѣлаемъ лишь одно замѣченіе, относящееся къ области права: каждый разъ, какъ господство переходитъ къ тому или другому классу, вмѣстѣ съ нимъ достигаетъ господства и особое понятіе собственности, которое стремится вытѣснить всѣ остальные.

Въ эпоху преобладанія клира на первомъ планѣ стоитъ понятіе собственности «мертвой руки». Истиннымъ собственникомъ считается лицо, отошедшее уже въ вѣчность, земной же владѣлецъ является лишь управляющимъ довѣренного ему имущества и за дѣятельность свою, въ качествѣ такового, онъ отвѣчаетъ на томъ свѣтѣ.—Во время правленія знати господства достигаетъ понятіе *собственности бенефиціальной* или *феодальной*. Земной владыка—ленный король—считается соб-

¹⁾ Объ экономической структурѣ индусскихъ кастъ см. Hunter, *The Indian Empire*, London 1893, стр. 247 и Hopkins, *Ancient and modern Hindugilds*, Yale Review, май и августъ 1898.

ственникомъ всей земли. Онъ раздалъ своимъ вассаламъ отдельные участки, въ качествѣ содержанія за выполнение различныхъ общественныхъ функций—какъ-то военной и судебной, но онъ сохранилъ за собой право на получение земли обратно, въ случаѣ вымирания рода или непослушанія вассала. Такимъ образомъ, возникаетъ *двойная собственность*, так. наз. *высшая и низшая* («Ober- и Untereigentum»). Въ слѣдующую затѣмъ эпоху *территорально - буржуазнаго* государства двойная собственность опять превращается въ *абсолютную частную собственность*. Наконецъ, выступаетъ *четвертое сословіе* съ лозунгомъ *общей собственности* во имя блага населенія, живущаго собственнымъ трудомъ—*пролетаріата*.

Такимъ образомъ, въ процессѣ соціального развитія одно понятіе собственности смѣняетъ другое и создаетъ соответствующіе вицѣніе институты. Собственность—«категорія историческая». Всѣ четыре формы ея, подобно самимъ сословіямъ, исторически равноправны, ибо всѣ они въ совокупности выполняютъ необходимыя общественные функции. И впредь всегда будетъ существовать церковная организація для заботы о религіозныхъ интересахъ человека, государство—для поддержанія внутренней и вицѣнной безопасности, хозяйственная администрація для содѣйствія общему благосостоянію и, наконецъ, организація для призрѣнія бѣдныхъ; и всему этому будутъ соответствовать определенные понятія собственности. Переимѣщаться будетъ только соціальный центр тяжести. Въ средніе вѣка онъ находился въ клире; въ началѣ новаго времени онъ перемѣстился къ территориальнымъ князьямъ, потомкамъ знатныхъ дворянскихъ родовъ; со временемъ французской революціи онъ находится въ третьемъ сословіи—буржуазіи, а теперь мы присутствуемъ уже при борьбѣ четвертаго сословія за эманципацію, т.-е. за господство; начало общей собственности борется съ началомъ частной, подобно тому какъ послѣднее вело никогда борьбу съ понятіемъ собственности феодальной, а феодальная собственность боролась съ «владѣніемъ мертвой руки». Движеніе это всюду носить совершенно законный характеръ и становится опаснымъ только тогда, когда въ силу незаконнаго сопротивленія по необходимости вместо реформы выступаетъ революція. Ибо исторія идетъ своимъ путемъ, не обращая никакого вниманія на всѣ попытки людей воспрепятствовать ея движению.

§ 4. Историческая эпохи.

Въ сдѣланномъ только что общественно - историческомъ очеркѣ, мы уже заняли определенную позицію по вопросу, составляющему въ настоящее время предметъ подчасъ очень горячихъ споровъ между историками и экономистами. Дѣло идетъ о томъ, основательно или неосновательно обычное раздѣленіе всемирной исторіи на 4 периода: древность, средніе вѣка, новое и новѣйшее время. Это вопросъ

не второстепенный, не коснуться его нельзя; онъ находится, вообще, въ связи со всѣми историческими и культурными воззрѣніями автора, въ особенности же съ его взглядами на ходъ экономического развитія. Главный спорный пунктъ—слѣдующій: является ли хозяйственная организація древности и вмѣстѣ съ тѣмъ весь этотъ исторический періодъ дѣствомъ нашей современной культуры, за которымъ послѣдовали болѣе зрѣлый возрастъ — средневѣковье, а затѣмъ и новое и новѣйшее время? Или же древность образуетъ сама по себѣ самостоятельную, законченную культурную эпоху съ собственнымъ періодомъ возвышенія, расцвѣта и паденія?

Начало спора положило появленіе книги Карла Бюхера—«Происхожденіе народнаго хозяйства» (*Die Entstehung der Volkswirtschaft*, 1 Auflage, 1893). Авторъ ея, примыкая къ Карлу Родбертусу и въ иѣ-которомъ согласіи съ Бруно Гильдебрандомъ, полагаетъ, что процессъ прогрессивнаго историческаго развитія совершился непрерывно, начиная съ первобытнаго состоянія общества древнѣйшихъ временъ вплоть до образованія современнаго хозяйственнаго строя. Можно отмѣтить на этомъ пути слѣдующія ступени экономического развитія. Послѣ выхода изъ первобытнаго состоянія, въ теченіе всей древности и первой половины среднихъ вѣковъ господствовала экономическая система «замкнутаго домашнаго хозяйства», при которой, за рѣдкими исключеніями, не происходило обмѣна между отдѣльными хозяйственными единицами. Каждая семья работала почти исключительно для собственного потребленія. Лишь позднѣе, къ исходу среднихъ вѣковъ, ростъ городовъ вызываетъ расширение обмѣна. Въ разvивавшемся «городскомъ хозяйстве» возникъ регулярный денежный обмѣнъ, носящий, однако, лишь мѣстный характеръ; производитель и потребитель вступаютъ въ это время въ непосредственные сношенія другъ съ другомъ: это періодъ «производства на заказчика» (*Kundenproduktion*). Все это еще не было народнымъ хозяйствомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Но сѣднєе возникло только въ новое время съ образованіемъ территоріальныхъ государствъ и, вслѣдъ за ними, национальныхъ хозяйственныхъ территорій. Только съ этого времени можно дѣйствительно говорить о народѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вообще, о народномъ хозяйстве. Вслѣдствіе образованія особаго промышленнаго сословія, обслуживающаго интересы обмѣна, а именно купцовъ, возникла сложная организація современной хозяйственной жизни.

Изъ всего этого Бюхерь вывелъ важное заключеніе, «что *народное хозяйство* есть продуктъ историческаго развитія, продолжавшагося много тысячелѣтій, и что оно не древнѣе современнаго государства. До его появленія человѣчество много лѣтъ вело хозяйство, не зная обмѣна; если же и совершился обмѣнъ продуктовъ или услугъ, то происходилъ онъ въ такой формѣ, которую никакъ нельзя назвать

народно-хозяйственной»¹⁾. Говоря кратко, ни древность, ни большая часть средневѣковья не знаютъ народнаго хозяйства. Оно—явление относительно новое.

Прежде всего между Бюхеромъ и Шмольлеромъ возникъ споръ о первенствѣ Шмольлера утверждалъ²⁾, что уже въ 1884 году онъ высказалъ въ существенныхъ чертахъ ту же мысль въ статьѣ «Меркантильная система и ея историческое значение» (*Das Merkantilsystem in seiner historischen Bedeutung*). Въ общемъ можно согласиться съ этимъ утверждениемъ Шмольлера, хотя между его воззрѣніями и взглядами Бюхера есть некоторое различие. Въ предисловіи къ «Grundriss» (1900) Шмольлеръ повторилъ свою мысль въ следующемъ видѣ: низшую ступень занимаетъ «домашнее, родовое или деревенское хозяйство». Изъ него развивается затѣмъ «городское хозяйство». Даѣще—«есть образованіемъ современного государственного строя возникаетъ то, что мы называемъ «народнымъ хозяйствомъ». Вышшую ступень занимаетъ «мировое хозяйство» (Бюхерь не удѣляетъ ему особаго мѣста, включая его въ стадію народнаго хозяйства); это мировое хозяйство есть «совокупность соприкасающихся и находящихся во взаимной зависимости народныхъ хозяйствъ». Между воззрѣніями Шмольлера и Бюхера, какъ видимъ, существенной разницы неѣть: они идутъ какъ бы параллельно другъ другу.

На эту теорію посыпались очень рѣзкія возраженія не только изъ среды экономистовъ, но въ гораздо большей степени со стороны специалистовъ-историковъ. Эдуардъ Мейеръ, профессоръ въ Галле, опровергъ ее, доказывая, что она не соответствуетъ результатамъ изслѣдований древности; со стороны историковъ средневѣковья выступилъ Г. ф. Беловъ (G. v. Below) въ Марбургѣ (нынѣ въ Тюбингенѣ).

Оба они протестуютъ противъ этого произвольного и схематического конструированія соотвѣтствующихъ эпохъ, насилиующаго факты. Эдуардъ Мейеръ изложилъ свои мысли въ докладѣ, прочитанномъ въ 1895 году на собраниіи нѣмецкихъ историковъ, «Экономическое развитіе древнаго мира» (*Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums*)³⁾ и въ болѣе подробномъ рефератѣ, «Рабство въ древности» (*Die Sklaverei im Altertum*)⁴⁾, прочитанномъ въ 1898 году въ дрезденскомъ учрежденіи Гез. По его мнѣнию, ошибочно видѣть въ древности примитивную ступень развитія, предшествовавшую средневѣковью. Причина этого распространеннаго заблужденія лежитъ въ обычномъ дѣленіи

¹⁾ K. Bücher, Entstehung der Volkswirtschaft, Tübingen, 2 Aufl. 1898, S. 57; 3 Aufl. 1901, S. 107. Русскій переводъ въ послѣдней аф. М. Вѣдовской.

²⁾ Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, Jahrg. 1894, S. 319 ff.

³⁾ Издано отдельно Gustavомъ Fischerомъ, Лейпцигъ 1895. Русск. пер. Спб. 1898.

⁴⁾ Dresden, v. Zahn & Jensch, 1898. Русск. переводъ въ Спб. 1899.

исторії на три частини: древність, середнє вікі и нове время. «Встрѣчая въ средніе вѣка совершенно первобытныя условія жизни, справедливо или ошибочно полагаютъ, что въ древности уровень культуры долженъ быть выше еще ниже». Въ дѣйствительности же, мы имѣемъ дѣло съ двумя совершенно самостоятельными періодами развитія; у каждого изъ нихъ есть своя эпоха подъема и своя эпоха паденія. Древность погибла какъ бы отъ старческой немоціи, а именно «вслѣдствіе внутренняго разложенія совершенно развившіяся и уже отживавшей культуры, по существу своему вполнѣ современной». Настоящій историкъ не можетъ не замѣтить, что съ разложеніемъ древней культуры начинается совершенно новый періодъ развитія, при чмъ общество снова впадаетъ въ первобытное состояніе, изъ котораго ему однажды уже удалось выйти. У древности были свои середніе вѣка и свое новое время. Затѣмъ исторический циклъ начался снова.

Бюхеръ возразилъ на это далеко не удачно. Во второмъ изданіи своей книги (1898), а затѣмъ и въ недавно появившемся третьемъ (1901, Anhang), представляющемъ буквальное повтореніе второго, онъ замѣчаєтъ, что Мейеръ приписываетъ ему такую нелѣпость, какъ желаніе дать полное изображеніе хозяйственной жизни древности; между тѣмъ, въ дѣйствительности, онъ хотѣлъ только указать, что для этой эпохи являлось «нормальнымъ». Его книга содержитъ не хозяйственную исторію, а хозяйственную теорію.

Я называю эти возраженія неудачными въ виду того, что аргументація Мейера была въ дѣйствительности направлена не противъ частностей, а противъ центрального историко-философскаго ядра ученія Бюхера¹⁾: послѣдний же старается замолчать это.

Насъ интересуетъ здѣсь только основной вопросъ. Онъ недавно снова былъ разработанъ Куртомъ Брейзигомъ, горячимъ сторонникомъ воззрѣній Эдуарда Мейера и Белова. Обычное дѣленіе исторії «было установлено», по его словамъ, «въ періодъ такого состоянія историческаго знанія, когда отсутствовало всикое болѣе глубокое представленіе о связи между историческими событиями, когда въ наукѣ не было и слѣда теоретического критерія для систематизаціи явленій. Тогда—это было въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ эпоху горячаго увлеченія изслѣдованіями историческаго материала—тогда «всемирную исторію» раздѣлили на три отдѣла: древность, средневѣковье и новое время, подобно тому какъ режутъ на части кусокъ матеріи; при этомъ не обратили ни малѣйшаго вниманія на то, что подобное дѣленіе кореннымъ обра-

¹⁾ Прекрасный критический обзоръ всей литературы этого спора находится въ статьѣ G. v. Below'a „Ueber Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker, mit besonderer Rücksicht auf die Stadtwirtschaft des deutschen Mittelalters“ (Historische Zeitschrift, Bd. 86, N. F. Bd. I).

зомъ противорѣчить замѣчательному параллелизму двухъ великихъ эпохъ европейской истории: греко-римской и германо-романской». «Къ сожалѣнію, название «древность», по винѣ древне-франкской ошибочной, а слѣдовательно и совершенно ненаучной терминологии, стало обычнымъ обозначеніемъ всей истории грековъ и римлянъ на всѣхъ стадіяхъ ихъ соціального развитія; поэтому-то всякое употребленіе этого слова не въ общепринятомъ смыслѣ и нуждается въ особомъ оправданіи¹⁾). Брейзигъ въ исторіи каждого народа различаетъ первобытную эпоху, древность, средніе вѣка, новое и новѣйшее время; къ особенности же это относится къ грекамъ, къ римлянамъ и къ германо-романскимъ народамъ. Эту мысль Брейзигъ положилъ въ основу своего всемирно-исторического сравнительного изслѣдованія. Я самъ уже въ теченіе двадцати лѣтъ придерживаюсь этой точки зрѣнія въ своихъ лекціяхъ по экономической истории. Публично я изложилъ ее въ 1897 г. въ рецензіи на сочиненіе Л. Штейна «Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія» (Ludwig Stein, Die soziale Frage im Lichte der Philosophie²⁾). Возражая на основную точку зрѣнія автора этой книги, признающаго непрерывность прогрессивнаго развитія отъ первобытныхъ временъ до высокой культуры нашихъ дней, я высказалъ свое мнѣніе³⁾ по этому вопросу и позволю себѣ привести его здѣсь словно, такъ какъ тѣ же мысли имѣютъ руководящее значеніе и въ этомъ труде.

«Ни въ коемъ случаѣ нельзя усматривать въ древности періодъ дѣтства нашей современной культуры, въ среднихъ вѣкахъ видѣть ея юность, болѣе высокую стадію развитія, и въ новомъ и новѣйшемъ времени—періодъ зрѣлости. Древность является самостоятельной и законченной культурной эпохой: у нея есть свои годы дѣтства, юности, зрѣлости и старости. Съ паденiemъ отжившей римской имперіи, при вторженіи германцевъ, начинается новый періодъ культуры; и у него есть свое дѣтство, юность, свои годы зрѣлости и т. д. Раннее средневѣковье, въ дѣйствительности, является настоящей колыбелью нашей современной культуры, а отнюдь не продолженіемъ древности. Только въ эпоху возрожденія, когда мы достигли уровня развитія, болѣе или менѣе соответствовавшаго культурѣ поздней древности, античный міръ снова стать оказывать плодотворное влияніе на нашу исторію. Этимъ объясняется также и то, что культура классической древности была до сихъ поръ, а отчасти является еще и теперь идеаломъ, а не пройденной уже стадіей развитія. Мы смотримъ на нее не

1) Kurt Breysig, Kulturgeschichte der Neuzeit, 2 Bd. Altertum und Mittelalter als Vorstufen der Neuzeit. Berlin 1901. Erste Hѣlfte, S. 23; 22.

2) Stuttgart 1897. Русскій переводъ Москва, 1899.

3) Моя рецензія напечатана въ „Schweizerische Blätter für Wirtschafts- und Sozialpolitik“, Jahrg. 1897, Heft 23 и 24.

сверху внизъ, а снизу вверхъ... Теорія, которую я здѣсь защищаю-
отнюдь не нова въ философіи исторіи, она уже давно извѣстна подъ
названіемъ «теоріи цикловъ»¹⁾, по которой каждый народъ пережи-
ваетъ параллельно стадіямъ развитія индивида циклъ четырехъ воз-
растовъ—дѣтство, юность, годы зрѣлости и старость; затѣмъ нить
культуры беретъ въ свои руки другой народъ, который проходитъ
черезъ тѣ же стадіи. Эту теорію развивали уже въ свое время Макіа-
вelli и Боденъ, но особенно энергично ее отстаивалъ дѣйствительный
основатель философіи исторіи—итальянецъ Вико (Vico 1725). Изъ эко-
номистовъ ея придерживается Рошеръ».

Для распредѣленія излагаемаго въ этой книгѣ материала вопросъ
этотъ имѣеть значеніе въ слѣдующемъ отношеніи: если начало нашего
соціального развитія лежитъ не въ такъ называемой древности, а
въ ранимъ средневѣковыѣ, и если античная культура стала оказывать
существенное вліяніе на нашу только съ эпохи возрожденія, то исторію
древности слѣдуетъ излагать не вначалѣ, а между средними вѣкаами
и новымъ временемъ. Признаюсь, меня долго привлекала эта мысль,
и я даже пытался осуществить ее въ своихъ лекціяхъ. Но мнѣ приш-
лось натолкнуться на затрудненія, которые побудили меня оставить ее.
Классическая древность не воскресла въ одинъ опредѣленный историче-
скій моментъ, а возрождалась по частямъ. Этотъ процессъ совершался
въ теченіе многихъ столѣтій; онъ начался уже въ эпоху франкской монархіи
и продолжается еще въ настоящее время: къ тому же, какъ мы теперь
видимъ, возрожденіе никогда не было полнымъ. При этомъ возникло
безчисленное множество недоразумѣній, и потому безусловно необходимо
отличать дѣйствительную древность отъ реципированной. Историку куль-
туры приходится вслѣдствіе этого два раза излагать древность: сначала
въ качествѣ самостоятельного и законченного периода культуры,
и затѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ она отразилась въ исторіи позднѣй-
шихъ народовъ. Поэтому, слѣдя общепринятой формѣ изложенія, я по-
мѣстилъ въ свое мѣсто трудъ «древность» вначалѣ, но энергично предупре-
ждаю, что ее отнюдь не слѣдуетъ, въ силу этого, рассматривать какъ
періодъ возникновенія или дѣтства нашей культуры; ее нужно считать
самостоятельной эпохой, прошедшей черезъ всѣ стадіи развитія. Еще
вѣрнѣе было бы назвать древность совокупностью самостоятельныхъ
періодовъ развитія и паденія культуръ, связанныхъ съ господствомъ
того или другого народа. Во всемъ цѣломъ и здѣсь, конечно, можно за-
мѣтить постоянное движеніе впередъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ это
понимаетъ современная философія исторіи, которая примыкаетъ къ учению
Дарвина и утверждаетъ, что это движеніе совершается непрерывно,

¹⁾ Ср. Richard Mayr, Die Philosophische Geschichtsauffassung der Neuzeit,
I Abteilung. Bis 1700; Wien 1877. Продолженіе этого сочиненія еще не вышло.

хотя и не всегда прямолинейно, съ древнейшихъ временъ до высокаго культурнаго уровня нашихъ дней.

§ 5. Мѣсто политической экономіи среди соціальныхъ наукъ.

Выше мы установили тѣ общія соціально-философскія воззрѣнія, которыя положены въ основу этого труда. Намъ нужно еще точнѣе опредѣлить мѣсто, занимаемое *политической* или *національной* экономіей среди наукъ соціальныхъ, къ которымъ она принадлежитъ. И для этой цѣли необходимо прослѣдить исторію вопроса.

Наука, какъ таковая, въ древности появилась впервые у грековъ. Совершенно справедливо указывали, что у нихъ можно уже найти начало соціальной философіи. Какъ известно, греки дѣлили философію, обнимавшую у нихъ всѣ отрасли знанія, на три отдѣла: *логику*—ученіе о методахъ, *теоретическую философію*—ученіе о познаніи явлений природы и *практическую философію*—ученіе о дѣятельности человѣка. Изслѣдованіе общественныхъ отношеній входило въ третій отдѣлъ, который въ свою очередь дѣлился на три части: *этику*—науку о высшихъ принципахъ дѣятельности человѣка въ его отношеніяхъ къ богамъ и всему человѣчеству, затѣмъ *политику*—науку объ интересахъ національного государства и, наконецъ, *экономику*—теорію хозяйства, составляющую впрочемъ только подотдѣлъ политики. Это дѣленіе соотвѣтствовало тремъ началамъ жизни индивида: началу разума, аффективности и чувственного влечения. Начала эти были установлены Платономъ, попытавшимся разъяснить свою мысль сравненіемъ ихъ съ колесницей, запряженной парой лошадей и управляемой разумомъ.

Въ своемъ идеальномъ государствѣ Платонъ различаетъ три общественныхъ класса, отвѣчающихъ тремъ началамъ жизни человѣка: сословія философовъ, охранителей или воиновъ и промышленниковъ. Четвертый классъ не получилъ признанія, такъ какъ служащіе были рабами и считались вещами, подобно скоту.

Экономика соотвѣтствуетъ нашей наукѣ о народномъ хозяйствѣ, хотя въ это время, какъ мы подробнѣе увидимъ ниже, она еще не носитъ того характера, который она получила впослѣдствіи. Лишь много лѣтъ спустя, на рубежѣ 19-го вѣка, отдѣлилась отъ экономики и стала самостоятельной наукой четвертая вѣтвь, трактующая специально объ интересахъ четвертаго сословія. Можно признать появление Мальтусовскаго «Опыта о законѣ народонаселенія» (*Essay on the principle of population*, 1798—1803) моментомъ, когда, послѣ неоднократныхъ болѣе раннихъ попытокъ, впослѣдствіи сознательно было выдѣлено изъ экономики ученіе о народонаселеніи. Практическая или нравственная философія, обнимавшая первоначально ученіе объ обществѣ, дѣлился съ тѣхъ поръ на слѣдующія четыре части: *этику*, *политику*, *экономику* и ученіе о народонаселеніи—*популяционистику*.

Вся эта философия носитъ, однако, преимущественно *индивидуалистический* характеръ. Независимо отъ нея развивалась, діаметрально противоположная ей, новая практическая философия, исходнымъ пунктомъ которой служило *общество*, т. е. человѣческое общежитіе въ его цѣломъ.

Вико (Giambattista Vico) уже въ серединѣ XVIII вѣка положилъ начало новой наукѣ: своей книгой «Principii di una scienza nuova d'intorno alla commissione natura delle nazioni» (Неаполь 1725). Этотъ трудъ доставилъ Вико славу творца, какъ философіи исторіи, такъ и соціальной философіи. Въ своей «новой наукѣ» онъ хочетъ изложить законы, управляющіе жизнью народовъ въ цѣломъ. Всѣ народы появляются и существуютъ по историческому пути, подобно индивидамъ. Они проходятъ черезъ три стадіи развитія, а затѣмъ уступаютъ мѣсто другимъ народамъ. Первая стадія *религіозная* или *божественная*: въ этотъ періодъ господствуетъ теократическое правительство. Вторая стадій—*героическая*; она носить характеръ аристократической и республиканской. Третья стадія развитія—*человѣческая*: она носитъ буржуазный характеръ и тяготѣетъ къ монархической формѣ правленія.¹⁾ Что у Платона выступаетъ въ качествѣ одновременного сосуществованія различныхъ общественныхъ классовъ при совершенномъ государственномъ устройствѣ, то Вико представляется въ качествѣ исторического процесса послѣдовательной смены стадій развитія.

Сто ять спустя графъ Сенъ-Симонъ (Saint-Simon, † 1825) снова взялся за рѣшеніе проблемы общественного развитія, вѣроятно побуждаемый къ этому, между прочимъ, примѣромъ Вико. Въ его «физико-политической наукѣ», подъ которой Сенъ-Симонъ въ сущности подразумѣваетъ философію общества, выдвигается четвертое звено. Онъ первый отмѣчаетъ противорѣчіе между «буржуазіей» («bourgeoisie») и «народомъ» («peuple»), требуетъ эманципації «наиболѣе многочисленнаго и бѣднѣшаго класса» при помощи «соціальной монархіи», долженствующей уничтожить господство третьего сословія.

Огюстъ Конть (Auguste Comte, 1851), его бывшій секретарь и ученикъ, въ извѣстномъ отношеніи снова возвращается къ воззрѣніямъ Вико. «Законъ трехъ стадій» (*loi des trois états*), положенный въ основу его «Соціологіи», въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ учениемъ Вико. Согласно этому закону исторія распадается на три періода: а) *теологический*, б) *метафизический* и с) *позитивный*, при чёмъ каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется господствомъ соответствующихъ классовъ: жрецовъ, воиновъ и буржуазіи. О каждомъ поступкѣ человѣка слѣдуетъ судить, принимая во вниманіе ту общественную и «историческую среду»,

¹⁾ Giambattista Vico, Grundzüge einer Neuen Wissenschaft über die gemeinschaftliche Natur der Völker. Aus dem Italienischen von W. S. Weber, Leipzig, 1822, S. 696 ff.

въ которой онъ совершаются. Въ то время какъ въ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ слѣдуетъ, согласно математическому методу, начинать съ изученія отдельныхъ явлений, въ наукахъ психологическихъ и общественныхъ нужно пользоваться историческимъ методомъ и итти противоположнымъ путемъ, переходя отъ общаго къ частному. Общественнымъ идеаломъ Канта является соціальный строй подобный средневѣковому: рядомъ съ организацией, заботящейся только о духовныхъ интересахъ (это однако не церковно-христіанская организація), стоитъ другая, поддерживающая материальное благосостояніе общества: въ рукахъ ея находится промышленная жизнь страны.

Еще одинъ шагъ впередъ сдѣлалъ недавно Жанъ Изуле (Jean Izoulet), профессоръ соціальной философіи въ Collège de France, во вступлении къ своимъ «лекціямъ» (1897), озаглавленнымъ «Четыре соціальныхъ проблемы» (*Les quatre problèmes sociaux*).¹⁾ Въ общественной жизни слѣдуетъ, по его мнѣнію, различать четыре общества, живущія рядомъ другъ съ другомъ и преследующія различные цѣли, именно 1) религіозное общество (*la société religieuse*); 2) политическое общество (*la société politique*); 3) экономическое общество (*la société économique*); 4) домашнее общество (*la société domestique*).

Мы имѣемъ здѣсь дѣленіе на четыре класса, но оно не совпадаетъ съ тѣмъ, которое было установлено нами. Цѣли, прествѣдаемыя различными классами, должны рассматриваться не только въ ихъ существованіи, но и въ ихъ исторической послѣдовательности. «Домашнее общество», занимающее по Изуле четвертое мѣсто, съ точки зренія соціальной классификаціи не можетъ быть признано отдельнымъ классомъ. Каждое сословіе, какъ таковое, содержитъ его уже въ себѣ. Не вся жизнь даже рабочаго уходитъ исключительно на поддержаніе домашняго хозяйства, у него есть наряду съ этимъ классовые и профессіональные интересы; въ настоящее время послѣдніе именно и стоять на первомъ планѣ.

Въ «законѣ четырехъ стадій» въ томъ видѣ, въ какомъ мы его признаемъ, классъ рабочихъ является самостоятельной соціальной категоріей съ опредѣленными функциями, подобно классу «судры» въ древнеиндійскомъ общественномъ строѣ, но съ гораздо болѣе высокимъ положеніемъ. Въ настоящее время дѣло идетъ о признаніи трудовой аристократіи (*des Adels der persnlichen Arbeit*). Слѣдуетъ, однако, избегать преувеличеній. Въ 1789 году аббатъ Сійесъ (Siéyès) требовалъ, чтобы третье сословіе, которое въ действительности есть все, было признано «чѣмъ нибудь», т. е. всімъ; но эта претензія была отвергнута исторіей, какъ неосновательная и несправедливая. Въ наши дни подобнымъ же образомъ марксистскій соціализмъ, утверждая, что пролетаріатъ есть все

¹⁾ Парижъ 1897.

требуетъ, чтобы онъ бытъ признанъ *всімъ*. Исторія и этому преувеличенію откажетъ въ своей санкції.

Мы видимъ, такимъ образомъ, въ прошломъ науки два отдѣльныхъ теоретическихъ теченія; исходный пунктъ одного носить индивидуалистический, другого—соціальный характеръ. Эти теченія не соединились до сихъ поръ, даже попытки Спенсера и Шеффле въ этомъ направлениі были неудачны. Несомнѣнно однако, что это соединеніе необходимо, и что цѣль можетъ быть достигнута только путемъ историко-философскаго, т. е. синтетического метода.

Авторъ предлагаемаго труда намѣренъ, конечно, только способствовать выполненію этой задачи, безъ всякой претензіи на ея разрѣшеніе. Его изслѣдованія простираются только на область исторіи политической экономіи. Какое же положеніе занимаетъ послѣдняя во всемъ зданіи соціальныхъ наукъ? Выше уже было указано, что она составляетъ только часть его. Какую же именно?

Всѣ опредѣленія политической экономіи съ самаго начала выражали ту мысль, что она имѣеть дѣло съ народнымъ богатствомъ. Сомнѣніе возбуждалъ лишь вопросъ о томъ, достойна ли вообще такая цѣль, и духовенство неоднократно возставало противъ нея. Но исторія учитъ насъ другому. Уже въ древне-индійскомъ обществѣ мы находимъ цѣлое сословіе, третью по порядку, съ девизомъ «богатство и барышъ». Эти слова остались, вплоть до нашихъ дней, лозунгомъ третьаго сословія, но только третьаго, такъ какъ остальные классы имѣли другія цѣли и другіе девизы. Съ появлениемъ соответствующей отрасли научнаго знанія она получила название экономики, хотя первоначальное значеніе этого слова не совсѣмъ совпадаетъ съ современнымъ. Наука, впослѣдствіи названная политической или національной экономіей, исторически развилась какъ ученіе объ интересахъ третьаго сословія или буржуазіи, наряду съ политикой и этикой—науками, служащими цѣлямъ высшихъ классовъ, съ одной стороны,—и съ другой стороны—популяционистикой, этой совокупностью учений, отвѣчающіхъ на запросы той части населенія, которая обладаетъ только собственной рабочей силой.

Исторія ученія о богатствѣ и будеть предметомъ дальнѣйшаго изложенія. Не слѣдуетъ, однако, односторонне преувеличивать значеніе экономического момента. Уже прошли тѣ времена, когда буржуазія боролась только за признаніе ея равноправности съ высшими сословіями. Въ настоящее время задача науки должна скорѣе заключаться въ указаніи естественныхъ границъ ея интересовъ. Богатство и прибыль,—это необходимые факторы общественной жизни, но они *не все*. И горе тому народу, который руководится въ своей жизни только стремленіемъ къ наживѣ.

Нашей задачей въ дальнѣйшемъ изложеніи будеть, такимъ образомъ, не защита и возвеличеніе интересовъ имущаго класса а историко-

критическое изслѣдованіе ихъ отношенія къ другимъ сторонамъ человѣческой жизни.

§ 6. Название и его история.

Если въ содержаніи дисциплины и въ отношеніи ея къ другимъ наукамъ мы отмѣтили нѣкоторое непостоянство, то и о названіи ея мы должны сказать то же самое. Оно отнюдь не было одинаково во всѣ эпохи и мѣнялось, соответственно перемѣщенію центра тяжести въ сторону тѣхъ или другихъ изучаемыхъ интересовъ.

Значеніе слова *экономика*, употреблявшагося уже въ древности, не совсѣмъ совпадаетъ со значеніемъ современного термина «политическая экономія» (Nationalökonomie). Подъ экономикой понимали ученіе о *домашнемъ хозяйстве*, а не ученіе о промышленномъ предпріятіи. Послѣднее, по Аристотелю, составляєтъ объектъ особой науки «хрематистики» или ученія объ обогащениі. И какъ разъ хрематистика, бывшая лишь второстепеннымъ подотдѣломъ науки, и есть то, что въ настоящее время носить название политической или національной экономіи. Въ общемъ, она не пользовалась уваженіемъ, и изучали ее не благородные греки и римляне, а сословіе пришлыхъ союзниковъ (метеки). Это было тогдашнее третье сословіе, лишенное всякихъ политическихъ правъ.

Средневѣковые съ его чисто церковной культурой знало, собственно говоря, только одну религіозную мораль, обнимавшую безъ различія и политику, и право, и экономику. Хрематистика была осуждена какъ ученіе о ростовщичествѣ. Весь христіанскій міръ долженъ былъ образовать своего рода единое домашнее хозяйство съ духовенствомъ во главѣ.

Въ новое время свѣтскіе интересы стали все болѣе выдвигаться на первый планъ. Территоріальные князья, потомки знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, создали себѣ собственную администрацію, предназначенну для свѣтскихъ цѣлей, и послѣдняя положила начало новому ученію, окрещенному въ Германіи собирательнымъ названіемъ «камеральныхъ наукъ» (отъ камера—камера). Это была наука княжескихъ чиновниковъ, ученіе не только о хозяйствѣ, но и о государственномъ управлении вообще. Поэтому-то она носила также и общее название науки объ управлении (science de l'administration). Вопросы, касавшиеся специально хозяйственного управления составляли предметъ особаго отдѣла, получившаго название *полицейской науки* (science de police)¹⁾.

¹⁾ Камеральные науки дѣлились на три отдѣла: а) Экономическое ученіе (Oekonomielehre, ученіе о сельскомъ хозяйстве); б) полицейская наука (ученіе о городскомъ хозяйстве) и с) камеральная наука въ тѣсномъ смыслѣ слова (наука о финансахъ).

Подъ словомъ полиція (police) понимали въ то время не только полицію безопасности, но и полицію благосостоянія. Полагали, что преступленія противъ собственности вызываются, главнымъ образомъ, бѣдностью, и что устраненiemъ послѣдней лучше всего могутъ быть достигнуты цѣли полицейской охраны. Это періодъ, такъ называемой, меркантильной системы въ первой стадіи ея развитія. Ни камеральная науки вообще, ни полицейская наука въ частности не были самостоятельнымъ учениемъ объ интересахъ буржуазіи, какъ таکовой. Третье сословіе, однаково съ другими, считалось составной частью домашняго хозяйства терри-торіальныхъ князей. Въ эпоху эманципаціонного движения буржуазіи наша наука получила новое название. Оно введено было сочиненiemъ Антуана Монкретьена «Трактать о политической экономії» (Antoine de Montchrétien, sieur de Vateville, *Traicté de l'Œconomie Politique*, 1615). Здѣсь впервые встречается выражение *«économie politique»*, причемъ изслѣдованіе ограничивается политикой благосостоянія, оставляя въ сторонѣ полицію безопасности.

Это название усвоивается всѣми направленими, которые добивались болѣе либеральной или индивидуалистической хозяйственной политики и боролись съ порядками монархического «полицейского государства», не оспаривая, впрочемъ, роли государства, какъ охранителя хозяйственныхъ интересовъ вообще. То же название встречается и у физіократовъ, хотя самъ основатель этой школы, Кэнэ, употребляетъ постоянно выражение *«science économique»* и возвращается такимъ образомъ къ античной терминологіи.

У Адама Смита, соотвѣтственно его стремленію вообще занять среднее мѣсто между меркантилистами и физіократами, и терминологія страдаетъ непостоянствомъ. Недавно были изданы лекціи Смита, записанныя однимъ изъ его учениковъ въ 1763 году: въ нихъ онъ употребляетъ исключительно слово *police* и излагаетъ полицію безопасности рядомъ съ полиціей благосостоянія и даже раньше ея¹⁾. Въ «Изслѣдованіи о богатствѣ народовъ», появившемся на тринадцать лѣтъ позднѣе (1776), мы находимъ уже название *«political economy»*, а о полиціи безопасности не говорится ничего.

По мѣрѣ достижения третьимъ сословіемъ полной эманципаціи, право гражданства получаетъ другое название, знаменующее полное отличие народныхъ интересовъ отъ интересовъ государства, какъ та-кового; этотъ терминъ — *национальная экономія* или *наука о наро-дномъ хозяйстве*. Родина этого выражения — Италия, и введено оно было венеціанцемъ Ортесомъ (Giammaria Ortes), авторомъ сочиненія

¹⁾ См. *Edwin Cannan, Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms, delivered in the university of Glasgow by Adam Smith, reported by a Student on 1763. Oxford 1896. Part. II.*

«Errori popolari intorno all'Economia nazionale» (1774). Изъ Италии оно перешло въ Германию, и здѣсь мы встрѣчаемъ его впервые у ф. Содена (von Soden): «Die Nationalökonomie, ein philosophischer Versuch über die Quellen des Nationalreichtums und über die Mittel zu seiner Beförderung» (3 Bde 1805—1808); затѣмъ у ф. Якоба (von Jacob) «Grundsätze der Nationalökonomie oder Grundsätze des Nationalreichtums» (1809). Именно у Якоба проявляется стремленіе отѣснить ученіе о государственномъ хозяйствѣ отъ науки о народномъ хозяйствѣ и излагать его въ качествѣ самостоятельной дисциплины, носящей название «науки о финансахъ». Впрочемъ, попытки выдѣленія послѣдней въ видѣ «камеральной науки въ тѣсномъ смыслѣ слова» встречаются въ Германіи уже раньше. «Политическая экономія», какъ у физіократовъ, такъ и у Адама Смита, обнимала и ученіе о финансахъ и налогахъ. «Национальная экономія», напротивъ, тѣмъ и отличается, что совершенно не изслѣдуетъ финансовыхъ и податныхъ вопросовъ. Терминъ «национальная экономія», употребляемый въ этомъ смыслѣ, получилъ недавно права гражданства во Франціи и въ Англіи, и теперь его можно считать общепринятымъ.

Кромѣ этого, въ послѣднее время появилось еще одно название: «соціальная экономія». Оно означаетъ, что односторонніе индивидуалистические интересы класса капиталистовъ отодвигаются на второй планъ, уступая мѣсто интересамъ четвертаго сословія. Мы выбрали для ученія обѣ интересахъ пролетаріата название «популяционистика», считая его исторически болѣе обоснованнымъ. Можно было бы, однако, сохранить и название «соціальная экономія» для ученій, стремящихся примирить конечный цѣліи науки о богатствѣ и ученія о народонаселеніи, или, другими словами, ученій о капиталѣ и о трудѣ. Но въ такомъ случаѣ соціальная экономія означаетъ часть, а не цѣлое. Многое здѣсь еще не ясно. Не совсѣмъ опредѣлился объектъ науки, его судьбу раздѣляетъ и терминология.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЪ.

Глава I. Древность.

§ 1. Введение.

Вся, такъ называемая, древность относится къ доисторическому периоду развитія политической экономіи, точно такъ же, какъ и все средневѣковые и большая часть новаго времени. Ко всему этому периоду слѣдуетъ примѣнять иной методъ научной обработки, чѣмъ къ исторіи политической экономіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Мы указали его уже выше: нужно соотвѣтствующій материалъ выдѣлить сперва изъ другихъ, болѣе старыхъ дисциплинъ и расположить его, руководясь современной точкой зрѣнія. Здѣсь будетъ больше мѣста субъективному моменту, чѣмъ при изученіи позднѣйшаго, главнаго периода развитія, для котораго материалъ болѣе или менѣе прочно установленъ. Это замѣченіе въ особенности относится къ данному труду въ виду той специальной задачи, которую поставилъ себѣ его авторъ.

Если идеальные системы народнаго хозяйства дѣйствительно настолько же являются продуктомъ тѣхъ хозяйственныхъ условій, при которыхъ они возникаютъ, насколько они въ свою очередь стремились оказывать и оказывали вліяніе на хозяйственную жизнь,—то необходимо при изученіи исторіи экономическихъ учений изслѣдовывать и, по мѣрѣ возможности, вводить въ изложеніе эти выѣшнія обстоятельства. При изложеніи доисторического периода придется ограничиваться лишь тѣми фактами, которые *несомнѣнно* повлѣяли на развитіе позднѣйшихъ теорій. Что касается древности, то она оказала вліяніе на послѣдующія эпохи не столько своимъ хозяйственнымъ строемъ, который не представлялъ собой, какъ мы старались выяснить, начальной стадіи нашей культуры, сколько своей *литературой*. Поэтому мы и ограничимся здѣсь изученіемъ литературы древности, причемъ все, что не возродилось непосредственно въ послѣдующихъ системахъ, будетъ выключено, какъ бесполезный балластъ. Научная литература была впервые создана древними греками, и потому мы начинаемъ свое изложеніе съ этого исторического периода.

§ 2. Древняя Греция.

Въ Греции литература была первоначально созданіемъ одного второго сословія. Лишь впослѣдствіи къ занятіямъ литературой пріобщились и метеки—третье сословіе, и они добились въ этой области даже роли руководителей. Изученіемъ экономическихъ явленій занималась практическая или нравственная философія. Кэнэ, создавшій свою теорію въ XVIII вѣкѣ нашей эры, полагалъ, что центръ тяжести его системы лежитъ въ ея философской сторонѣ. Система эта, подобно теоріямъ древнихъ грековъ, должна была быть философіей въ противоположность рутинной, дѣловой практикѣ, господствовавшей въ государственномъ управлении его времени. Только такимъ путемъ, полагалъ Кэнэ, можно сдѣлать политическую экономію наукой. Поэтому же пути шель, вслѣдъ за Кэнэ, профессоръ нравственной философіи въ Гласго—Адамъ Смитъ, шла вообще вся шотландская нравственная философія XVIII в., представителемъ которой онъ былъ. Но между тѣмъ какъ Кэнэ прикаль болѣе къ Сократу и Платону, А. Смитъ склонялся скорѣе къ воззрѣніямъ Аристотеля.

Физіократы до такой степени почитали главу своей школы—Кэнэ, что ставили его на равную высоту съ Сократомъ (469—399 до Р. Хр.). Вотъ, напр., слова маркиза Виктора де Мирабо, взятые изъ рѣчи¹⁾, произнесенной имъ въ память основателя доктрины, скончавшагося 20 декабря 1776 г.: «Говорятъ, что Сократъ заставилъ мораль спуститься съ неба: нашъ учитель далъ ей возможность пустить корни на землѣ. Мораль неба удовлетворяла только выдающихся людей, этика чистой прибыли (*produit net*) дала сынамъ человѣческимъ хѣбъ» и т. д. Кэнэ и самъ не уклонялся отъ подобныхъ сравненій. На одномъ изъ его портретовъ, написанномъ въ 1745 году художникомъ Шевалье (*Chevallier*) на средства покровителя Кэнэ герцога de Villeroi, Кэнэ изображенъ сидящимъ у письменного стола, а на заднемъ планѣ виднѣется бюстъ Сократа. Ученики Кэнэ полагали, что даже въ его виѣности можно найти сходство съ древнимъ философомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ обладалъ, какъ передаютъ, въ высокой степени ироніей Сократа и его искусствомъ «наведенія»²⁾. Эпиграфомъ къ «Analyse du Tableau Eco-

¹⁾ Напечатана въ моемъ изданіи „Oeuvres de F. Quesnay“, Francfort et Paris 1888. „Eloge funѣbre de M. F. Quesnay“ стр. 8.

²⁾ Въ своемъ „Eloge de Fran҃ois Quesnay“ (1777) *Romance de Mesmon* (стр. 110 „Oeuvres de Quesnay“) говоритьъ объ этомъ слѣдующее: „Opposé comme Socrate à la foule des sophistes, il avait son ironie, et semblait, comme le fils de Sophronisque, avoir fait son étude particuli re de l'art d'accoucher les esprits. Il est étonnant combien la nature avait mis de rapport entre ces deux hommes dont l'histoire est celle de la morale. On trouvait à Montesquieu la figure de Ciceron

номіque», изданному въ 1766 г., Кэнэ выбралъ слова, приписываемыя Ксенофонтомъ Сократу: «Когда процвѣтаетъ земледѣліе, процвѣтаютъ и всѣ другія искусства; если же земледѣліе приходитъ въ упадокъ, то вмѣстѣ съ нимъ погибаютъ и всѣ прочія отрасли промышленной дѣятельности, на суши и на морѣ». Дѣйствительно, въ этихъ словахъ выражена основная мысль всего ученія физіократовъ.

За исключениемъ этого отрывка, который представляетъ собою лишь цитату изъ произведенія болѣе ранняго писателя, разсужденія Ксенофона (444—353 до Р. Х.) о земледѣліи въ его «Оекономікус» не имѣютъ существеннаго значенія и не были заимствованы Кэнэ. Мысли, высказываемыя въ діалогахъ Изомахомъ, знатокомъ этого дѣла, сводятся къ тому, что земледѣліе въ отличіе отъ другихъ искусствъ не требуетъ предварительного обученія; всѣ обладаютъ необходимыми понятіями и достаточнымъ навыкомъ, чтобы заниматься имъ. Здѣсь, однако, агркультура смѣшивается съ обыкновенными работами на землѣ, а послѣдній только въ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ тому, что Кэнэ противополагаетъ «grande culture» (крупной культуры) подъ названіемъ «petite culture» (мелкой культуры). Но его мнѣнію, только крупныя земледѣльческія хозяйства, эксплоатируемые съ помощью капитала и знанія, приносятъ чистую прибыль, мелкое же производство означаетъ хищническое веденіе хозяйства. Зато Кэнэ послѣдовалъ примѣру Ксенофона и Платона въ томъ отношеніи, что написалъ нѣкоторыя изъ своихъ экономическихъ сочиненій въ формѣ діалоговъ.

И Адамъ Смитъ неоднократно говорить въ своихъ сочиненіяхъ о Сократѣ, но исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о вопросахъ этики въ тѣсномъ смыслѣ слова. О Ксенофонѣ, насколько мнѣ известно, онъ совсѣмъ не упоминается. Я не думаю поэтому, чтобы мимоходомъ приведенное въ «Киропедіи» описание раздѣленія труда, на которое Марксъ указываетъ въ 1-омъ томѣ «Капитала»¹⁾, могло имѣть вліяніе на соотвѣтствующее мѣсто труда Смита. Однако это мѣсто (книга VIII, 2) дѣйствительно замѣчательно въ культурно-историческомъ отношеніи, и мы приведемъ его здѣсь. Говоря о томъ, что кушанья королевскаго стола вкусили тѣхъ, которыхъ изготавляются въ мелкихъ хозяйствахъ, Ксенофонтъ замѣчаетъ слѣдующее: «Это и не удивительно. Подобно тому, какъ всѣ искусства достигаютъ въ большихъ городахъ высокой степени совершенства, и кушанья короля также приготавливаются весьма искусно. Въ небольшихъ городахъ одинъ и тотъ

tel que les marbres nous le repr sentent. Quesnay avait exactement la figure de Socrate, tel que nous l'ont conserv  les pierres antiques; comme si la nature, fid le a un plan d'analogie, attachait constamment certaines qualit s de l'âme a certains traits de la phisionomie».

¹⁾ 2 Aufl. 1872, S. 381, Anm. 81.

же человѣкъ изготавливает кровати, двери, плуги, столы; онъ часто строить даже дома и счастливъ, если находить такимъ путемъ достаточно работы для своего пропитанія. Нельзя конечно ожидать, чтобы человѣкъ, занимающійся столькими ремеслами, исполнялъ хорошо всѣ работы. Въ большихъ же городахъ есть много покупателей на каждый видъ продуктовъ, и достаточно знанія одного ремесла, чтобы раздобыть себѣ средства къ жизни. Часто и одного ремесла для этого много: случается, что одинъ изготавливаетъ мужскую обувь, а другой женскую; иногда одинъ человѣкъ занимается только сшиваніемъ обуви, а другой одинъ выкраиваниемъ ея; одинъ кроить платье, другой только и дѣлаетъ, что сшиваетъ его. Очевидно, что тотъ, кто занять наименѣе сложной работой, сдастъ ее въ наиболѣе совершенномъ видѣ. Точно также дѣло обстоитъ и съ кулинарнымъ искусствомъ. Если одно лицо разстилаетъ подушки, накрываетъ столъ, мѣситъ тѣсто для хлѣба и приговариваетъ то или другое блюдо, то необходимо довольствоваться работой, какъ она удается. Но если одинъ человѣкъ занять исключительно тѣмъ, что варитъ мясо, другой—тѣмъ, что жарить его, третій занимается приготовленіемъ хлѣба, да и то не всякаго, а только хлѣба извѣстного рода, то при такомъ устройствѣ всѣ работы должны быть сдѣланы въ совершенствѣ». Изъ этого описанія во всякомъ случаѣ слѣдує, что въ то время, т. е. на рубежѣ IV-го вѣка до Рождества Христова, промышленная жизнь находилась на ступени развитія, оставившей далеко позади стадію «замкнутаго домашняго хозяйства»¹).

Вліяніе Платона и Аристотеля какъ на Кэнэ, такъ и на А. Смита было очень велико.

Въ то время какъ сущность ученія Кэнэ сводится къ положенію, установленному еще Сократомъ, свой научный методъ глава школы физіократовъ заимствуетъ у Платона, изслѣдуя явленія общественной жизни при помощи математического анализа. Эпиграфомъ одной изъ своихъ работъ, въ которой примѣняемый имъ методъ подчеркивается съ особенной силой, Кэнэ избралъ слѣдующія слова изъ «Законовъ» Платона: «Желательно, чтобы лица, посвящающія себя управлению государствомъ, были основательно знакомы съ наукой о числахъ»²).

Адамъ Смитъ не былъ сторонникомъ этого метода. Напротивъ того онъ всегда питалъ къ нему некоторую антипатію и придерживался скорѣе историко-философскаго метода Аристотеля, котораго въ свою очередь не признавали физіократы.

¹⁾ Подробную оценку Ксенофonta какъ экономиста даетъ G. Vogel въ своемъ сочиненіи „Die Ökonomik des Xenophon. Eine Vorarbeit für die Geschichte der griechischen Ökonomik“, Erlangen 1895. Въ этой книгѣ научное значеніе „Экономики“ оцѣнивается, однако, слишкомъ высоко. Ср. далѣе диссертацию Bruno Hildebrand'a „Xenophontis et Aristotelis de oeconomia publica doctrinae illustratae“. Marburg 1845.

²⁾ „Second problème économique“ (1767), Стр. 696 „Oeuvres de Quesnay“.

Душеприказчиками Адама Смита были изданы отрывки изъ его литературного наследия; это цѣлые главы изъ его старыхъ лекцій по логикѣ и метафизикѣ, относящихся къ тому времени, когда Смитъ не приступилъ еще окончательно къ чтенію лекцій по нравственной философіи (1751). Въ нихъ онъ подробно останавливается на вопросѣ о различіи между философией Платона и Аристотеля¹⁾. Послѣдняго Смитъ ставитъ гораздо выше, чѣмъ Платона. Особенно цѣнить онъ въ Аристотеля то, что этотъ мыслитель завершилъ установленное Платономъ разграничение интеллектуального и чувственного міровъ. Интеллектуальный міръ Платонъ считаетъ вѣчнымъ, міръ чувственный—преходящимъ; по мнѣнію же Аристотеля и чувственный міръ носить непреходящій характеръ. Ученіе Платона объ идеяхъ А. Смитъ разбираетъ одновременно съ аристотелевой критикой этого ученія, и вездѣ онъ отдаетъ предпочтеніе Аристотелю²⁾. Въ седьмой книгѣ «Теоріи нравственныхъ чувствъ» (1759), содержащей историческій очеркъ всѣхъ предшествующихъ морально-философскихъ теорій, Смитъ снова возвращается (ч. II, глава I) къ вопросу объ отношеніи Платона къ Аристотелю. Здѣсь Смитъ пытается показать, что эти философы какъ бы пополняютъ другъ друга. Платонъ совершенно правъ, характеризуя добродѣтели какъ достойное поведеніе въ установленныхъ границахъ. Но, съ другой стороны, вѣрно и утвержденіе Аристотеля, что добродѣтель всегда является среднимъ между двумя крайностями, что она, следовательно, нечто неустойчивое. Это-то утвержденіе Аристотеля вызвало возраженія со стороны физіократовъ. По мнѣнію *Romance de Mesmon'a*,³⁾ Аристотель положилъ въ основу своей этики ложный, въ силу своей неустойчивости, принципъ и отрѣзалъ морали путь къ дальнѣйшему развитію. Аристотель могъ бы положить основаніе экономической наукѣ, но его многочисленныя ошибки виной тому, что о немъ можно сказать лишь одно: онъ былъ очень близокъ къ истинѣ, но не сумѣлъ открыть ее.

Обратимся теперь специально къ Платону (428—347 до Р. Х.).

Соціальное ученіе Платона изложено въ двухъ главныхъ его сочиненіяхъ: въ діалогахъ о *государствѣ* (*Politeia*), и въ діалогахъ о *законахъ* (*Nomoi*). Много спорили въ наукѣ о взаимномъ отношеніи этихъ двухъ трудовъ. Одни полагали, что въ «Законахъ», написанныхъ позднѣе чѣмъ «*Politeia*», Платонъ отступаетъ отъ своего ученія «о го-

¹⁾ *Essays philosophical and literary by Adam Smith LLD., F. R. S. including: The theory of moral sentiments. The formation of Languages. Astronomical enquiries. Ancient physics. Ancient Logic and metaphysics. The imitative arts, music dancing poetry. The external senses. English and Italian verses.* London-Ward, Lock & Co, 1795.

²⁾ Въ статьѣ „The principles which lead and direct philosophical enquiries, illustrated by the history of the ancient Logics and Metaphysics“; a. a. O., S. 395 ff.

³⁾ a. a. O., S. 92.

сударствъ¹), другіе, напротивъ, утверждали, что «Законы» являются необходимымъ «практическимъ» дополненіемъ этого ученія. Если только позволительно заключать о первоначальномъ значеніи трудовъ Платона по тому вліянію, которое они оказали впослѣдствіи, то придется согласиться со вторымъ мнѣніемъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Кэнэ имѣлъ въ виду именно этотъ дуализмъ, проходящій черезъ сочиненія Платона (хотя самъ Кэнэ и не ссылается прямо на него), когда онъ устанавливаетъ различіе между *естественнымъ порядкомъ* (*ordre naturel*)—идеальной, абсолютно совершенной общественной организаціей—и *позитивнымъ порядкомъ* (*ordre positif*), который есть то, что фактически возможно. Этотъ дуализмъ существуетъ уже въ ученіи Платона *объ идеяхъ*, по которому абсолютнымъ и вѣчнымъ идеямъ соответствуютъ относительныя, измѣнчивыя реальныя ихъ проявленія. Идеальное, совершенное государство существуетъ только одно и мыслимо лишь одно, напротивъ того, возможно множество государствъ, приближающихся къ своему идеалу. Въ своихъ «Законахъ» Платонъ прямо заявляетъ, что лучшее государство годится только для боговъ и героевъ, и поэтому онъ беретъ на себя задачу конструировать еще государство второго по своему совершенству порядка, а за-

¹) Напр. R. Pöhlmann; см. „Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus“, Bd. I, München 1893. Въ третьей части книги первой Нельманъ выражаетъ ту мысль, что разочарованія, испытанныя Платономъ при дворѣ Диониса, заставили его приступить къ составленію „Законовъ“. Отчаявшись въ добре природѣ человѣка—основномъ предположеніи его идеального государства, Платонъ во второмъ своемъ труде „сталъ вынимать изъ гордо высящагося зданія идеального государства одинъ камень за другимъ, пока все строеніе не было разрушено и повергнуто въ практѣ руками самого строителя. Понятно, что у старика, принужденного взяться за это дѣло разрушенія, появлялись мучительныя мысли о ничтожности и тщетности земной дѣятельности“, и т. д. (Стр. 488). Но, кажется, Нельманъ впадаетъ въ некоторое противорѣчіе самъ себѣ, говоря всего несколькими строками далѣе: „И все же Платонъ не былъ человѣкомъ, могучія реформаторскія стремленія котораго могли бы быть парализованы подобнымъ настроеніемъ. Въ томъ же самомъ мѣстѣ, где онъ заявляетъ, что цѣли, доступныя человѣку, не стоять того, чтобы къ нимъ горячо стремиться, что во всякомъ случаѣ подобное стремленіе не можетъ насть осчастливить, онъ признаетъ его необходимостью, которой человѣкъ не долженъ избѣгать. Въ самоотреченіи Платонъ отнюдь не доходитъ до того, чтобы отбросить совершенно свое идеальное государство какъ игру фантазіи, не имѣющую абсолютно никакого практическаго значенія. Напротивъ! Его реформаторскій пытъ такъ мало изсякъ, что онъ и теперь еще не можетъ остановиться въ восторженномъ изображеніи прелести и блаженства общественной жизни, освободившейся отъ права частной собственности“ и т. д.. „Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Платонъ, по крайней мѣрѣ въ *принципѣ*, до самого конца своей жизни продолжалъ считать созданное имъ идеальное государство идеаломъ политики“. А если это дѣйствительно такъ, то не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ указаніи на необходимость искать органическаго разрѣшенія проблемы?

тѣмъ и государство третьаго порядка—для людей и ихъ потомковъ. Послѣднюю задачу (изображеніе государства третьаго разряда) ему уже не пришлось выполнить, но для характеристики его общаго міровоззрѣнія достаточно и этого плана¹). И Кэнэ хотѣлъ изобразить въ своемъ «Tableau économique» и въ относящихся къ нему максимахъ только «естественный и совершенный порядокъ вещей» (*l'état naturel et parfait*), какимъ онъ существовалъ всегда въ идеѣ мірового плана до появленія какого-либо реальнаго государственного порядка. По его мнѣнию, позитивный порядокъ, въ противоположность естественному, созданъ людьми и приоравливается къ измѣняющимся практическимъ потребностямъ націи. И въ данномъ случаѣ существуетъ, такимъ образомъ, одно только идеальное состояніе и рядомъ съ нимъ цѣлый рядъ позитивныхъ состояній, приближающихся или существующихъ приближаться къ идеальному. Это и есть основная мысль Платона, ученіе котораго возродилось уже въ философіи естественнаго права XVII-го вѣка, непосредственнымъ преемникомъ которой былъ Кэнэ.

Что касается содержанія ученія Платона объ идеальномъ государстваѣ, то въ немъ отражается аристократический образъ мыслей его творца. Платонъ происходитъ изъ древняго и знатнаго афинскаго рода. Недовольный до глубины души господствовавшей въ его время демократической формой правленія, онъ пытался дать своимъ современникамъ идеальную картину прошлаго, чтобы возбудить въ нихъ стремление вернуться къ прежнимъ, лучшимъ временамъ. Можно спорить лишь о томъ, является ли его идеальное государство утопіей первого или второго сословія: она содержитъ въ себѣ признаки обѣихъ категорій. Прототипами Платонъ избралъ себѣ теократическое египетское и аристократическое спартанское государства.

¹) Въ пятой книгѣ „Законовъ“ (немецкій переводъ Schultess'a и Vögelin'a стр. 223 и сл.) Платонъ говоритъ объ отношеніи идеального государства къ действительности и объ осуществлениіи его слѣдующее: „Мы должны, однако, всегда обращать вниманіе и на то, что обстоятельства никогда не сложатся согласно нашему желанію такъ, чтобы весь набросанный нами планъ могъ быть выполненъ... И все же я считаю весьма благоразумнымъ, чтобы во всякомъ предпріятіи человѣкъ осуществлять идеаль красоты и истины въ своемъ планѣ, показывающемъ, какимъ должно выйти его произведеніе. Если затѣмъ оказывается, что той или другой части проекта нельзя выполнить, то онъ отпускаетъ ее, не дѣлая тщетныхъ попытокъ; но не щадя своихъ силъ, онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы вѣвъ другія части его произведенія подходили какъ можно ближе къ выработанному плану, чтобы онъ по возможності приближались къ совершенству. Пусть же и законодателю будетъ позволено составить наилучшій планъ, и когда это будетъ сдѣлано, можно вѣвъ съ нимъ изслѣдовывать, что въ немъ представляется вѣрнымъ средствомъ для достижениія цѣли, и что является невыполнимымъ. Ибо каждый мастеръ, какое бы скромное мѣсто онъ ни хотѣлъ занимать, долженъ въ своей жизни создать чтонибудь совершенное“.

Повторяю, по учению Платона, народъ долженъ дѣлиться на три сословія. Во главѣ стоитъ классъ философовъ, миссія которыхъ вполнѣ аналогична возложеній на жрецовъ въ египетскомъ, а еще раньше въ индійскомъ государственномъ строѣ. Затѣмъ слѣдуетъ, какъ въ Индіи и Спаргѣ, сословіе охранителей или воиновъ; третьимъ сословіемъ являются ремесленники. О четвертомъ сословіи не упоминается: рабы въ Асинахъ не признавались общественнымъ классомъ. Члены каждой изъ этихъ группъ отъ природы отличны отъ членовъ двухъ другихъ: Богъ какъ бы примѣшалъ къ крови философовъ золото, къ крови воиновъ — серебро, къ крови ремесленниковъ простую мѣдь. Государство по своему устройству аналогично человѣку, и подобно тому какъ душа отдельного человѣка слагается изъ трехъ различныхъ началъ — мыслящаго или разумнаго, мужественнаго или аффективнаго и чувственнаго, такъ и каждый изъ трехъ общественныхъ классовъ имѣеть свою добродѣтель: сословіе ученыхъ — мудрость, сословіе воиновъ — мужество, сословіе промышленное — умѣренность.

По мнѣнию Платона, только два высшихъ сословія должны принимать участіе въ управлении государствомъ. Съ третьимъ сословіемъ приходится считаться, какъ съ необходимымъ зломъ. Въ то время какъ первыя два сословія должны жить по правиламъ общности имущества и женъ, для третьего сословія слѣдуетъ допустить моногамію и частную собственность. Изъ этого постановленія можно вывести коренное различіе между коммунизмомъ Платона и коммунизмомъ новѣйшихъ утопистовъ. Современные утопіи являются утопіями четвертаго сословія, которое у Платона не играетъ никакой роли. Творецъ древнѣйшей утопіи придалъ ей скорѣе строго выраженный аристократический характеръ. Третье сословіе не живетъ согласно коммунистическимъ началамъ. Идея общаго воспитательного учрежденія, проектируемаго Платономъ для его идеального государства, также относится лишь къ первымъ двумъ сословіямъ. Люди, занимающіеся производствомъ, не нуждаются въ воспитаніи, а развѣ только въ обученіи ручному ремеслу. Платонъ говоритъ въ «Законахъ»: «Всякую подготовку, которая имѣеть въ виду деньги, физическую силу или какое-либо искусство, не нуждающееся въ разумѣ или справедливости, мы считаемъ низкой, неблагородной и не заслуживающей названія воспитанія»¹⁾.

Въ известномъ отношеніи, а именно въ вопросѣ о *раздѣленіи труда*, на Платона можно смотрѣть, какъ на предшественника Адама Смита. Правда, авторъ «Богатства народовъ» на него не ссылается, но очевидно, что Смитъ много почерпнулъ изъ соответствующихъ разсужденій древняго мыслителя въ его «Политіи». Слѣдуетъ, однако,

¹⁾ „Законы“ Платона. Нѣмецкій переводъ J. G. Schulthess'a, 2 изд. переработанное S. Vögelin, 2 Bde. 1842, Bd. 1, S. 41.

отмѣтить существенное различіе между воззрѣніями этихъ авторовъ. Оба они, правда, полагаютъ, что раздѣленіе труда возникло въ перво-бытную эпоху развитія и коренится въ физическихъ потребностяхъ людей. Но пути, которыми они идутъ, различны.

Платонъ связываетъ моментъ возникновенія раздѣленія труда съ появлениемъ города (*Politeia*, книга II, гл. 11) ¹⁾ и слѣдующимъ образомъ излагаетъ свои мысли:

«Городъ возникаетъ потому, что мы не въ состояніи удовлетворять всѣ свои потребности собственными силами, а нуждаемся въ помо-щи другихъ людей». Между тѣмъ люди отъ природы различны и склонны къ разнымъ родамъ дѣятельности. «И поэтому, всѣ предметы будуть изготавляться въ большемъ количествѣ, лучшаго качества и съ экономіей труда, если каждый человѣкъ будетъ заниматься дѣятельностью, соответствующей его наклонностямъ, въ надлежащее время иничѣмъ не связанный. Земледѣлецъ не можетъ, очевидно, самъ изготовить себѣ хороший плаугъ, кирку или другія земле-дѣльческія орудія. Такъ же мало способенъ и плотникъ сдѣлать само-стоятельно все то, въ чёмъ онъ нуждается, а нуждается онъ во многомъ. То же можно сказать и о ткачѣ и сапожникеъ». «Но какъ же имъ надѣлить другъ друга предметами своего изготавленія, вѣдь они для этого только и образовали общину и основали городъ? Очевидно, что это дѣлается путемъ купли-продажи. Такимъ образомъ, возникаютъ рынокъ и деньги или опредѣленные знаки, служащіе орудіемъ *об-мена*. Съ расцвѣтомъ городовъ и ростомъ народонаселенія, продолжаетъ Платонъ, возникаетъ необходимость въ присоединеніи чужой территории для расширенія земледѣлія и удовлетворенія возросшихъ потребностей въ съѣстныхъ припасахъ. Приходится вести войну. И тѣмъ большее значеніе приобрѣтаетъ дѣятельность воиновъ, тѣмъ болѣе растетъ необходимость освободить ихъ отъ вскихъ другихъ занятій, тѣмъ искуснѣе и тщательнѣе должны они выполнять свои обязан-ности. Такимъ образомъ, создается *сословіе охранителей*. Аналогично развивается сословіе *философовъ* изъ тѣхъ лицъ, которыхъ отъ природы расположены къ философскому мышленію.

Изъ всего сказанного слѣдуетъ, что Платонъ признаетъ раздѣленіе труда (этотъ терминъ у него не встрѣчается) основнымъ принципомъ общественной организаціи, въ то время какъ Адамъ Смитъ ставитъ его въ тѣсную связь лишь съ технической стороной хозяйства и цѣлью его считаетъ приобрѣтеніе денегъ, дѣятельность, по мнѣнію Платона, неблагородную. Дѣло въ томъ, что авторъ «Политіи» былъ эллинскимъ аристократомъ, а авторъ «Богатства народовъ» современ-нымъ буржуа. Между теоріями названныхъ мыслителей существуютъ однако различія и въ частностяхъ.

¹⁾ Нѣмецкій переводъ Kirchmann'a, стр. 82 и сл.

Между тѣмъ какъ у древняго философа раздѣленіе труда является послѣдствіемъ различныхъ природныхъ способностей людей и влечетъ за собой обмѣнъ,—по мнѣнію первого экономиста, занявшагося вопросомъ о раздѣленіи труда въ новѣйшее время, оно, напротивъ того, есть послѣдствіе обмѣна и само вызываетъ дифференціацію людей по способностямъ, первоначально у всѣхъ почти одинаковымъ. Изъ этого слѣдуетъ далѣе, что по Смиту степень раздѣленія труда зависитъ отъ условий рынка, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ явленіемъ, подверженнымъ измѣненіямъ; и это обусловливается, въ свою очередь, требованіе свободы перехода отъ одного занятія къ другому, т. е. свободы промышленности. Діаметрально противоположныя слѣдствія вытекаютъ изъ ученія Платона: исходя изъ предположенія, что отъ природы люди различны, онъ приходитъ къ необходимости раздѣленія лицъ, занимающихся отдѣльными отраслями промышленности, на касты. Въ этомъ смыслѣ онъ и пишетъ въ «Законахъ» (книга VIII): «Относительно класса ремесленниковъ слѣдуетъ издать такое постановленіе: во-первыхъ, ни туземцы, ни ихъ слуги не должны принадлежать къ числу лицъ, занимающихся ремеслами. Ибо у гражданина и безъ того достаточно дѣла, требующаго долгой практики и большихъ познаній; онъ долженъ установить и поддерживать общій строй государственной жизни, а это искусство, на которое нельзя смотрѣть, какъ на побочное занятіе. Между тѣмъ, въ совершенствѣ выполнять два различныхъ дѣла — недоступно человѣческой природѣ; такъ же мало способенъ человѣкъ, надлежаще заниматься одного рода дѣятельностью, а въ то же время наблюдать за другимъ человѣкомъ, выполняющимъ иные функции. Соответственно этому государство прежде всего должно издать законъ, воспрещающій лицу, обрабатывающему металлы, работать по дереву; и далѣе, ремесленнику, дѣлающему вещи изъ дерева, необходимо запретить держать у себя подмастерьевъ, обрабатывающихъ желѣзо, дабы онъ не могъ удѣлять имъ больше вниманія, чѣмъ своему собственному ремеслу... Пусть, напротивъ, въ нашемъ государствѣ каждый занимается и кормится только однимъ ремесломъ. Городскіе надзиратели должны тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы законъ этотъ исполнялся, и если найдется туземецъ, болѣе склонный къ занятію ремесломъ, чѣмъ къ заботѣ о молодомъ поколѣніи, то пусть они порицаютъ его и клеймятъ его презрѣніемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратится на правильный путь. Иностраниц же, занимающагося двумя ремеслами, слѣдуетъ наказывать тюремнымъ заключеніемъ, денежнымъ штрафомъ или же изгнаніемъ изъ города и принуждать его такимъ путемъ представлять изъ себя только одно лицо, а не иѣсколькихъ лицъ»¹).

Мы уже видѣли, что Адамъ Смитъ выводить принципъ свободы

¹⁾ Нѣм. перев. Schulthess & Vögelin'a, т. 1, стр. 114 и сл.

промышленности и независимости хозяйства изъ принципа разделения труда, а Платонъ, наоборотъ, изъ этого принципа заключаетъ о необходимости самаго строгаго подчиненія волѣ государства. Подобное же отношение къ Платону занимаютъ физіократы; немало однако и отличительныхъ чертъ. Кэнэ не былъ приверженцемъ принципа разделения труда, по крайней мѣрѣ, понималъ онъ его не въ томъ смыслѣ, какъ Адамъ Смитъ. Но зато его системѣ не была чужда идея классового государства въ духѣ платоновскаго. Кэнэ вполнѣ соглашался съ Платономъ въ томъ, что земледѣліе является действительной основой жизни всякаго государства, и что чрезмѣрное развитіе индустріализма можетъ оказаться для него даже гибельнымъ. Но—между тѣмъ какъ Платонъ хотѣлъ достигнуть «справедливости» въ торговыхъ оборотахъ при помощи принудительныхъ нормъ, издаваемыхъ правительствомъ,— физіократы полагали, что имъ удалось открыть другое, гораздо болѣе действительное средство въ свободной конкуренції. Свободная конкуренція гораздо скорѣе ведетъ къ намѣченной цѣли, чѣмъ попечительная дѣятельность государства. Но Кэнэ вовсе не придерживался этого принципа въ такой радикальной формѣ, какую онъ принялъ у позднѣйшихъ приверженцевъ свободной конкуренціи, постоянно ссылавшихся на него; то же можно сказать и объ Адамѣ Смитѣ. Во всякомъ случаѣ, не безынтересно уже здѣсь отметить тотъ фактъ, съ которымъ намъ придется еще неоднократно встречаться: изъ одинаковыхъ или сходныхъ положеній далеко не всегда дѣлаются тѣ же выводы.

При изученіи исторіи экономической литературы необходимо еще остановиться на «Атлантидѣ» Платона, сохранившемся отрывкѣ политического романа. Въ немъ авторъ, по его собственному заявлению, поставилъ себѣ задачей изобразить динамику того идеального государства, статику которого онъ описалъ въ «Политіи». Содержаніе романа образуетъ разсказъ, который будто бы былъ переданъ Солону старымъ жрецомъ во время пребыванія афинскаго законодателя въ Египтѣ. Разсказъ этотъ почерпнутъ изъ древнѣйшихъ преданій жрецовъ. По ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ, въ Атлантическомъ океанѣ находится островъ, обитаемый народомъ, который живеть по законамъ идеального государства и потому счастливъ. Но постепенно жажда богатства овладѣваетъ сердцами людей и проникаетъ въ государственные учрежденія. Внутренний миръ исчезаетъ. Несправедливость торжествуетъ и приближается день страшного суда боговъ. На этомъ мѣстѣ разсказъ обрывается. Бэконъ Веруламскій въ XVII вѣкѣ взялся за его продолженіе и въ «Nova Atlantis» пытался создать политическій романъ съ нѣсколько буржуазными тенденціями. Но и это сочиненіе осталось въ видѣ фрагмента.

Платону долго приписывали небольшой діалогъ «Eurixias», трактующій объ экономическихъ проблемахъ; доказано однако, что сочиненіе это не принадлежитъ его перу, и мы тѣмъ болѣе можемъ не останавлив-

ваться на содержаніі діалога, что онъ не имѣлъ никакого вліянія на развитіе экономической науки.

Аристократическое происхожденіе Платона несомнѣнно наложило сильный отпечатокъ на его политическую и общественную философию; въ меньшей степени вліяніе происхожденія отразилось на трудахъ его великаго ученика, а впослѣдствіи и критика—Аристотеля.

Аристотель (384—322 до Р. Х.) былъ метекомъ; родился онъ въ македонскомъ городѣ Стагирѣ. Вопреки предразсудкамъ своего времени онъ женился на дочери вольноотпущенника и такимъ образомъ, если угодно, имѣлъ точки соприкосновенія съ четвертымъ сословіемъ. Съ другой стороны, будучи въ теченіе многихъ лѣтъ воспитателемъ Александра Великаго, онъ вращался въ высшемъ обществѣ того времени. Если существовалъ, такимъ образомъ, когда-либо человѣкъ, способный судить объективно и независимо отъ общественныхъ предразсудковъ окружающей среды о соціальныхъ отношеніяхъ той эпохи, отдавая должную дань заслугамъ каждого сословія, то такимъ человѣкомъ былъ Аристотель. Замѣчательно, однако, что онъ въ значительной мѣрѣ раздѣлялъ точку зренія своего учителя, оставаясь, однако, самостоятельнымъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и совершенно расходясь съ Платономъ въ методологическихъ вопросахъ. И Аристотель смотритъ на государственное устройство съ точки зренія аристократа; ремесленники не способны усвоить истинную, т.-е. политическую добродѣтель, они не являются членами государства въ собственномъ смыслѣ этого слова, и ихъ слѣдуетъ держать въ строгомъ повиновеніи. Только два высшихъ сословія,—его дѣленіе на сословія совпадаетъ съ классификацией Платона,—должны пользоваться политическими правами. Несмотря однако, на это, Аристотель посвящаетъ классу метековъ и ихъ экономическимъ интересамъ болѣе подробное изслѣдованіе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ; въ своей практической философіи онъ даже удѣлилъ мѣсто нуждамъ рабовъ и положилъ основаніе своего рода политики рабства. Условія личной жизни Аристотеля отражаются на его теоріяхъ, хотя бы въ томъ отношеніи, что онъ интересуется, по крайней мѣрѣ, низшими классами.

Ни одинъ изъ философовъ древности не имѣлъ такого вліянія на позднѣйшія поколѣнія, какъ Аристотель. Энциклопедический характеръ его изслѣдованій и свойственная ему поразительная разносторонность объясняютъ, почему ученые во все времена возвращались къ нему, какой бы отраслью знанія они ни занимались въ области естественныхъ или гуманитарныхъ наукъ; это относится и къ экономистамъ. Вліяніе Аристотеля сказалась на Адамѣ Смитѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ на фізіократахъ, прымкавшихъ скорѣе къ Платону. Нерѣдко можно найти у Аристотеля и положенія меркантилистического характера. Кромѣ того, экономическая ученія среднихъ вѣковъ находились въ полномъ согласіи съ его взглядами. Наконецъ, его можно назвать

провозъстникомъ теоріи, на знамени которой въ настоящее время написаны слова: политика средняго сословія.

Методъ Аристотеля—не конструктивный, какъ у Платона, а историко-философскій: идеальное государство онъ не конструируетъ a priori, чтобы затѣмъ спуститься къ реально существующимъ отношеніямъ; напротивъ, онъ выводить его путемъ критической оцѣнки изъ изученія исторически сложившихся государственныхъ образованій. Аристотель вообще не допускаетъ построенія чисто теоретическихъ идеаловъ. Картина его *идеального* государства, безъ сомнѣнія не вполнѣ законченная, во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ *идеальное* государство *второго порядка*, изображенное Платономъ въ «Законахъ». Такимъ образомъ столь прославленный эмпирическій или индуктивный методъ Аристотеля вовсе не отличается односторонностью. Аристотель не сомнѣвается въ томъ, что наука преслѣдуєтъ обѣ цѣли, что она должна изслѣдовать какъ идеальные такъ и реальные отношенія, считая, однако, первыя не абсолютно, а только относительно идеальными. Туже мысль мы встрѣчаемъ впослѣдствіи опять-таки у Адама Смита, что обыкновенно упускается изъ виду.

Въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ» Смитъ *настойчиво* рекомендуетъ «изученіе различныхъ государственныхъ системъ, ихъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ, порядковъ своего государства, положенія и интересовъ его по отношенію къ другимъ народамъ, его торговли, могущества, тѣхъ обстоятельствъ, которыя вредно отражаются на его дѣятельности, грозящихъ ей опасностей, и тѣхъ средствъ, посредствомъ которыхъ эти опасности могутъ быть предотвращены¹»). Дѣятельность реформатора и законодателя представляется ему вообще наиболѣе великой и благородной²). Но при этомъ необходимо, чтобы у государственного дѣятеля было известное общее и цѣльное представление о совершенномъ политическомъ устройствѣ. Пусть онъ, однако, остерегается фанатически проводить въ жизнь эту идеальную систему, подвергая ломкѣ прочно установленніе обычай и предразсудки. Если государственный дѣятель не въ состояніи осуществить свой планъ средствами разумнаго увѣщанія, онъ все же не долженъ прибѣгать къ насилию. Если нельзя провести въ жизнь совершенную систему, то пусть онъ, подобно Солону, ограничится изданиемъ лучшихъ законовъ, которые доступны народу въ его время³).

Туже мысль Смитъ повторяетъ позднѣе въ «Изслѣдованіи о богатствѣ народовъ». Онъ упрекаетъ Кэнэ и его школу въ томъ, что они слишкомъ увлеклись описаніями состоянія «полней свободы и пол-

¹⁾ Part IV, Kap. 1.

²⁾ Part VI, Sect. II, Kap. 2.

³⁾ Тамъ же.

наго торжества справедливости»¹). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Смитъ не выступаетъ безусловнымъ противникомъ этого метода; въ концѣ своего сочиненія онъ самъ создаетъ «утопію». Правда, онъ не пытается конструировать общаго теоретического идеала государства, а ограничивается изображеніемъ того практически возможнаго усовершенствованнаго государственного строя, къ которому, по его мнѣнію, должна стремиться Великобританія,—въ смыслѣ «Greater Britain», какъ говорятъ въ наши дни. Оспаривая систему меркантилизма и находя, что въ Великобританіи сохраняютъ еще силу многіе меркантилистическіе законы, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что снова ссылается на максиму Солона; объ этихъ законодательныхъ актахъ, замѣчаетъ онъ²), можно сказать то, что говорилось о законахъ Солона: они не были идеальными законами, но лучшими, какіе были возможны при господствовавшихъ въ то время интересахъ, сущѣріяхъ и настроеніи. И въ другомъ мѣстѣ³) Смитъ прибавляетъ: въ какомъ видѣ можетъ быть осуществлена естественная система полной свободы и справедливости, это вопросъ, разрѣшеніе котораго должно быть предоставлено мудрости будущихъ государственныхъ дѣятелей и законодателей. Солонъ, государственный дѣятель всего больше приходившійся по сердцу Адаму Смиту, былъ человѣкомъ, которому поклонялся также и Аристотель, неоднократно ссылавшійся на него въ своей «Политикѣ».

По Аристотелю, «политика»—«царица наукъ»: это, впрочемъ, говорилъ уже и Платонъ. Въ изложеніи практической философіи ей удѣляется, однако, лишь второе мѣсто: слѣдя общиепринятой въ то время классификациії, Аристотель до политики излагаетъ этику, послѣ нея экономику. Какъ известно, съ тѣхъ поръ эта классификація и установилась въ наукѣ. Ее принялъ и Адамъ Смитъ. Иначе поступилъ Ф. Кэнэ: исходя изъ того начала, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ человѣкъ подчиненъ однимъ и тѣмъ же основнымъ принципамъ, онъ совершенно смѣшилъ какъ экономическую науку, такъ и политику съ наукой о нравственности, предполагая однако, что основаніе послѣдней лежитъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Адамъ Смитъ, напротивъ, остается вѣрнымъ классификаціи Аристотеля, при чёмъ въ его воззрѣніяхъ на экономику замѣчается такое же непостоянство, какъ и во взглядахъ древняго мыслителя. До насъ дошли два отрывка изъ различныхъ сочиненій Аристотеля, относящіеся къ области экономики; оригиналы, къ сожалѣнію, не сохранились, и мы обладаемъ этими трудами Аристотеля только въ изложеніи его школы.

¹) „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ“. Книга IV, глава 9.

²) Тамъ же, глава 5.

³) Книга IV, глава 7, отд. 3.

Существенная часть ихъ содержанія,— и притомъ въ законченной формѣ,—находится уже въ его «Политикѣ», образуя первый отдѣлъ ея. Здѣсь экономика является основаніемъ, на которомъ воздвигается политика. Поэтому-то экономику часто излагали не въ концѣ, въ видѣ третьей части практической философіи, а помѣщали ее на второмъ мѣстѣ, между этикой и политикой. И Адамъ Смитъ въ своихъ лекціяхъ по нравственной философіи долгое время колебался, рассматривать ли ему экономику какъ подотдѣлъ политики или науки права, или же какъ самостоятельную часть нравственной философіи. Въ своей «Теорії нравственныхъ чувствъ» (1759) онъ дѣлить излагаемую имъ науку всего на двѣ части. «Два полезныхъ отдѣла нравственной философіи», говорить онъ въ заключительной главѣ названного труда, «это Этика и наука права»¹⁾; подъ послѣдней онъ понимаетъ «общіе принципы законовъ и управлениія» (*the general principles of law and government*), включая сюда и «police», въ смыслѣ полиціи благосостоянія. Впрочемъ, на этомъ намъ придется еще остановиться подробнѣе. И въ запискахъ одного изъ слушателей Смита, относящихся къ 1763 г., но изданныхъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кеннаномъ (Cannan)²⁾, экономика излагается еще какъ «police», въ видѣ отдѣла науки о правѣ и государствѣ, но не въ самомъ началь, какъ въ аристотелевої «Политикѣ», а въ концѣ. И лишь въ «Изслѣдованіи о богатствѣ народовъ» (1776) экономика (political economy) разсматривается какъ совершенно самостоятельный отдѣлъ моральной философіи, въ основѣ котораго лежать свои особенные принципы; но и здѣсь еще экономика является «вѣтвию науки, необходимой для государственного дѣятеля». Если эти измѣненія въ воззрѣніяхъ Адама Смита могутъ быть разсматриваемы какъ шагъ впередъ, то въ другомъ отношеніи замѣчается при этомъ и регрессъ. Экономика излагается уже впереди другихъ наукъ, а именно въ первыхъ четырехъ книгахъ «Wealth of Nations». За нею въ пятой книжкѣ слѣдуетъ эскизъ, отрывокъ науки о государствѣ; естественное право не нашло мѣста въ системѣ. О немъ намъ даютъ краткія свѣдѣнія записки слушателя Адама Смита, написанныя, по всейѣѣоятности, подъ диктовку учителя. Такимъ образомъ Адамъ Смитъ, подобно Аристотелю, постоянно колеблется въ вопросѣ о раздѣленіи нравственной философіи на отдѣлы.

Для насъ имѣть здѣсь существенное значеніе только первая книга «Политики», содержащая экономику Аристотеля, при чѣмъ мы можемъ воспользоваться и содержаніемъ упомянутыхъ выше отрывковъ, несомнѣнно составленныхъ на основаніи воспоминаній о словахъ учителя.

Прежде всего замѣтимъ—въ цѣляхъ выясненія общихъ соціально-

¹⁾ „The two useful parts of moral philosophy are Ethics and Jurisprudence“. Part VII, Sect. IV.

²⁾ См. выше стр. 26, прим.

философскихъ воззрѣній,—что Аристотель упрекаетъ Платона въ слишкомъ рѣзкомъ и абсолютномъ разграничениіи трехъ сословій. Второе сословіе, по мнѣнію Аристотеля, не долго будетъ покорно сносить его отстраненіе отъ верховнаго управлениія. И въ виду этого онъ предлагаєтъ, чтобы первое сословіе составлялось изъ старѣйшихъ и мудрѣйшихъ представителей второго, и чтобы послѣднее, такимъ образомъ, какъ бы сросталось съ первымъ. Зато въ вопросѣ о строгомъ подчиненіи двумъ высшимъ третьего, промышленного класса, Аристотель вполнѣ солидаренъ съ Платономъ.

Путеводной звѣздой соціального ученія Аристотеля является принципъ средняго сословія. Вмѣстѣ съ Фокиlidомъ онъ восклицаетъ: «среднее сословіе—наилучшее, я хочу быть среднимъ въ государствѣ». Но принципъ этотъ относится лишь къ двумъ высшимъ сословіямъ, которыя одни, и по мнѣнію Аристотеля, признаются дѣйствительными членами государственного союза; это начало замѣняетъ коммунистической принципъ идеального государства Платона. Третье сословіе не подлежитъ его дѣйствію, и вотъ причина того, что все оно считается неблагороднымъ. Ибо въ совершенномъ государствѣ владѣніе имуществомъ можетъ служить лишь средствомъ къ достижению цѣли, т. е. основаніемъ для добродѣтельного поведенія, но никакъ не самоцѣлью. Подъ добродѣтелью Стагиритъ понимаетъ только участіе въ политическихъ дѣлахъ. Этимъ объясняется столь известный афоризмъ Аристотеля, что та часть народа, которая занимается производствомъ, лишена возможности вести добродѣтельную жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишена и блаженства. Аристотель, конечно, не намѣренъ быть утверждать, что этому классу отказано и во всякомъ личномъ счастіи; напротивъ того, онъ и самъ говорить, что «счастье, какъ известно, существенно отличается отъ блаженства. Блага вѣчнаго мѣра—дары случая, счастья; но случай или счастье никого не могутъ сдѣлать справедливымъ или мудрымъ»¹⁾.

Въ соотвѣтствіи съ этой двойной цѣлью, блаженствомъ для господствующихъ классовъ и счастьемъ для низшаго, все народное достояніе распадается на двѣ категоріи: во-первыхъ, естественное, природное имущество полноправныхъ и знатныхъ гражданъ, обеспечивающее имъ возможность заниматься дѣлами политики; оно ограничено по размѣрамъ и является преимущественно ноземельнымъ владѣніемъ; Аристотель сравниваетъ послѣднее съ тѣмъ запасомъ пищи, который природа даетъ млекопитающимъ въ видѣ материнского молока, птицамъ въ видѣ яичнаго бѣлка. Вторую категорію составляетъ искусственное богатство, продуктъ промышленной дѣятельности: оно состоитъ изъ движимой собственности и стремится къ безконечно большимъ раз-

¹⁾ Aristoteles' Politik übers. von C. N. v. Osiander und G. Schwab, Stuttgart, 1856, S. 651.

мѣрамъ. Этому дуализму соответствуютъ два отдельныхъ экономическихъ ученія; во-первыхъ, *ученіе о домохозяйствѣ* (экономика въ тѣскомъ смыслѣ слова); эта наука — благородна и достойна того, чтобы ею занимался свободный человѣкъ, такъ какъ она изслѣдуетъ преимущественно вопросы потребленія; затѣмъ слѣдуетъ *ученіе объ обогащеніи* (*хрематистика*). Послѣдняя дисциплина не благородна, такъ какъ имѣеть дѣло съ приобрѣтеніемъ однихъ материальныхъ благъ, не освященнымъ высшими цѣлями; къ ней относится неблагопріятный отзывъ Солова: «богатство не имѣеть никакого предѣла, яснымъ образомъ поставленного человѣку». Личный интересъ, а не забота объ общемъ благѣ играетъ здѣсь роль стимула, хитрость и обманъ,—вотъ средства и пути, ведущіе къ цѣли.

Мы вступаемъ, такимъ образомъ, въ область *хрематистики*; собственно говоря, эта наука, а не экономика, является предшественницей нашей политической экономіи—представительницы интересовъ третьяго сословія. Но то, что казалось неблагороднымъ философу древности, въ наши дни, когда измѣнились общественные отношенія и третье сословіе занимаетъ мѣсто господствующаго класса, признается вполнѣ законнымъ и почтеннымъ.

Мы можемъ сдѣлать здѣсь слѣдующее въ высшей степени поучительное наблюденіе: исходя изъ указанного выше дуализма хозяйственныхъ формъ, Аристотель приходитъ къ общепринятому въ настоящее время различенію потребительной и мѣновой цѣнности. «Всякое благо,—говорить онъ,—можетъ быть предметомъ пользованія двухъ родовъ; оба они касаются самаго предмета, но различнымъ образомъ. Одинъ видъ пользованія соотвѣтствуетъ самой природѣ вещи, другой же нѣть: можно, напр., носить обувь и можна обмѣнять ее». И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы пользуемся обувью; но въ первомъ случаѣ — она фигурируетъ какъ потребительная цѣнность въ области домохозяйства, во второмъ — она является средствомъ къ получению прибыли, служа предметомъ искусства обогащенія¹⁾. Прибыль всегда выражается въ деньгахъ и получается отъ затратъ денегъ на что-либо. Отсюда и вытекаетъ положеніе: «Деньги являются начальнымъ и заключительнымъ звеномъ обмѣна». Однако деньги только «символъ» богатства, но не самое богатство. Аристотель смѣется надъ жадностью къ деньгамъ царя Мидаса, который умеръ жаждой, голодной смертью, когда по сказанію исполнилось его желанье, чтобы все къ чему онъ ни прикоснется, превращалось въ золото. Изъ этихъ положеній вытекаетъ знаменитое ученіе Аристотеля о *ростовщичествѣ*, которое впослѣдствіи, въ средніе вѣка, пріобрѣло громадное значеніе и имѣеть приверженцевъ еще и въ наши дни. Въ первой книжѣ *«Политики»*, въ которой — мы говорили уже объ этомъ выше — изложена главная

¹⁾ Тамъ же, стр. 372.

часть «экономики», обь этой наукѣ говорится слѣдующее: «Она, согласно вышесказанному, дѣлится на двѣ части: одна изслѣдуетъ вопросы торговли, другая — вопросы домохозяйства; при этомъ вторая необходима, и занятія ею похвальны; первая же, имѣющая предметомъ обмѣнъ, вполнѣ заслуживаетъ порицанія, ибо она не вытекаетъ изъ природы вещей, а основана на простомъ актѣ мѣны. Поэтому-то ростовщичество вполнѣ заслуженно является предметомъ всеобщей ненависти: оно извлекаетъ прибыль изъ самихъ денегъ, не дѣлая изъ нихъ того примѣненія, для котораго они созданы. Ибо деньги введены ради интересовъ торговли, а процентъ ведетъ къ возрастанію денегъ изъ себя, почему и получилъ по-гречески название *«τόκος»* — дитя. Дѣйствительно, рожденный походитъ на родителя, и процентъ — это деньги отъ денегъ. Поэтому занятіе ростовщичествомъ и является наиболѣе противоестественнымъ».

Легко замѣтить, что аргументація эта основана на смѣшенніи ажю и процента, т. е. прибыли, извлекаемой изъ денегъ какъ мѣрила цѣнности или валюты, съ тѣмъ вознагражденіемъ, которое всякий уравомоченъ получить за предоставление другому права пользованія извѣстною суммою денегъ, какъ капиталомъ. Именно изъ того, что деньги сами по себѣ являются только символомъ богатства, Аристотель могъ бы вывести заключеніе, что процентъ можетъ быть и дѣйствительно есть вознагражденіе за представляемое деньгами богатство. Для Аристотеля эта ошибка врядъ ли престигательна, такъ какъ въ его время въ Аѳинахъ уже существовало довольно развитое капиталистическое хозяйство. Болѣе заслуживаетъ извиненія средневѣковье, которому, по выходѣ его изъ рамокъ натурального хозяйства, деньги сначала были извѣстны только въ качествѣ мѣрила цѣнности и орудія обмѣна, а не въ качествѣ самостоятельнаго имущественнаго фонда. И кромѣ того, средневѣковье, защищая поземельную собственность какъ природный производительный фондъ, пыталось, по возможности, устранить конкуренцію со стороны денегъ — капитала.

Максимой, въ которой Аристотель предвосхищаетъ идею позднѣйшей меркантильной системы, является положеніе: чтобы разбогатѣть, нужно раздобыть себѣ монополію въ продажѣ какого-нибудь товара. Въ доказательство онъ приводить слѣдующій разсказъ, который съ тѣхъ поръ неоднократно воспроизводился въ литературѣ. Философу Фалесу указывали на его бѣдность, какъ на доказательство безполезности занятія философіей. Чтобы устыдить своихъ противниковъ, онъ будто бы прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости. Благодаря своимъ астрологическимъ познаніямъ, ему удалось предугадать, что слѣдующее лѣто дастъ обильный урожай маслинъ; въ теченіе зимы онъ заарендовалъ всѣ оливковые прессы въ Мильтѣ и его окрестностяхъ, затративъ на это остатки своего состоянія. Когда наступилъ урожай, возникъ неожиданно чрезвычайно большой спросъ на оливковые прессы, и

Фалесу не трудно было, повысивши арендную плату за прессы и переуступивъ ихъ другимъ, получить крупный барышъ. Изъ этого жители Милета могли вывести заключеніе, что философамъ, при желаніи, не трудно разбогатѣть, но что не въ этомъ заключается цѣль ихъ стремленій.

Защита Аристотелемъ рабства всегда и всего больше возбуждала удивленіе и вызывала возраженія. Происходило это не только потому, что, женившись на дочери вольноотпущенника, Аристотель самъ даль геройскій для своего времени примѣръ свободнаго отъ предразсудковъ отношенія къ этому классу, но также и въ силу приводимаго имъ обоснованія необходимости рабства. Въ то время какъ позднѣйшая философія естественного права нового времени, изъ которой непосредственно и развилаась политическая экономія, именно изъ природы вещей выводила абсолютную свободу индивида, какъ неотъемлемое право человѣка,—философъ, раньше всѣхъ сдѣлавшій понятіе природы однимъ изъ принциповъ соціальной теоріи, стоялъ на той точкѣ зреінія, что рабство большой части населенія прямо соответствуетъ требованіямъ самихъ естественныхъ законовъ. Вотъ его аргументація: Во всякомъ хозяйствѣ необходимы орудія производства; они распадаются на одушевленныя и неодушевленныя. Рабъ—одушевленное орудіе, и безъ него можно было бы обойтись лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ орудія работали, повинуясь приказанію, или даже просто по собственному почину, подобно орудіямъ Дэадала и треножникамъ Гефеста, которые, согласно легендѣ, сами являлись на собраніе боговъ. Если бы, далѣе, ткацкіе членки сами ткали, а плектры (палочки) сами играли на цитрѣ, тогда мастера не нуждались бы въ помощникахъ, а господа въ рабахъ.

Часто въ экономическихъ сочиненіяхъ этотъ отрывокъ разсматривается какъ пророческое предвидѣніе нашего современного хозяйственного строя, основанного на машинномъ производствѣ. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого мнѣнія. Напротивъ, все теченіе мыслей Аристотеля въ совокупности гораздо болѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что намѣреніемъ его было показать всю безсмысленность такого порядка вещей¹⁾). Впрочемъ, такого рода пророчество вовсе не могло бы считаться осуществившимся. Введеніе машинъ въ хозяйственную жизнь далеко не уничтожило отношеній господства; оно только вылило ихъ въ другую, еще болѣе тяжелую форму прикрѣпленія человѣка къ машинѣ. Рабочій, бывшій прежде юридически закрѣпленнымъ слугою живого господина, но господиномъ безжизненнаго орудія, теперь опустился до положенія слуги самого орудія. Юридически свободный, онъ попалъ, однако, въ еще худшее положеніе: онъ рабъ капитала и машины.

¹⁾ Ср. *Wilhelm Oncken*, Die Staatslehre des Aristoteles, Leipzig 1870—1875, Bd. II, § 2.

Аристотель различает понятия «раба по природѣ» и «раба по закону». Рабомъ по природѣ является тогъ, кто способенъ заниматься только физическимъ трудомъ и кто обладаетъ разумомъ лишь въ такомъ количествѣ, чтобы только понимать эту работу, но не стать хозяиномъ своего дѣла. Напротивъ того, рабомъ по закону становится военнопленный, на основаніи своего рода соглашенія, согласно которому все захваченное на войнѣ считается собственностью завоевателя. Философъ допускаетъ, что «природное» состояніе и «законное» положеніе отнюдь не всегда совпадаютъ. Но онъ уклоняется отъ попытки примирить это противорѣчіе, развѣ что видѣть ее въ мысли, высказываемой имъ попутно въ одномъ изъ двухъ экономическихъ фрагментовъ, принадлежащихъ его школѣ. Разсуждая о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ рабами, онъ замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Ихъ пребыванію въ рабствѣ долженъ полагаться известный предѣлъ. Равно полезно и справедливо обѣщать имъ въ награду свободу. Они охотнѣе трудятся, зная, что ихъ ждетъ награда и что время подневольного труда ограничено». Впрочемъ рабство не представляется ему наихудшимъ изъ всѣхъ золъ. Онъ неоднократно говорить о лицахъ, «для которыхъ и выгодно и справедливо быть рабами». Не слѣдуетъ забывать, что рабство того времени—домашнее рабство—было сравнительно не особенно тяжелымъ, и что въ древности этотъ институтъ замѣнялъ до известной степени призрѣніе бѣдныхъ. Кто не могъ кормиться собственными силами, отдавался въ рабство болѣе богатому, получалъ отъ него пропитаніе и служилъ ему. Мало обосновано поэтому то нравственное отвращеніе, которое часто вызывали въ прежнее время, да отчасти вызываютъ еще и теперь изложенные выше разсужденія автора «Политики».

Болѣе подробнысъ совѣты Аристотеля относительно управления живыми хозяйственными орудіями носятъ утилитарный характеръ. «Въ отношеніи къ рабамъ,—говорить онъ,—слѣдуетъ вести себя такъ, чтобы они не становились ни заносчивыми, ни лѣнивыми; съ свободомыслящими нужно обходиться вѣжливо, работающимъ слѣдуетъ давать достаточно пищи. Такъ какъ вино дѣлаетъ надменными даже свободныхъ людей и цѣлыя народности, и такъ какъ даже свободные народы, какъ напр. кареагеніе, воздерживаются отъ него на войнѣ, то слѣдуетъ, очевидно, вовсе не давать рабамъ вина или ужъ давать его въ очень маломъ количествѣ. Вообще, нужно обращать вниманіе на три вещи: работу, взысканія и пищу. Если раба не наказываютъ, мало задаютъ работы и обильно кормятъ, то онъ становится заносчивымъ. Если же онъ и трудится достаточно и взыскиваютъ съ него, а кормятъ его плохо, онъ теряетъ силы и становится склоннымъ къ возмущенію. Остается, такимъ образомъ, только заставлять его работать въ мѣру, но и кормить его досыта; нельзя заставлять служить себѣ безъ всякаго вознагражденія; а содержаніе это есть вознагражденіе раба». Въ этихъ словахъ анти-

цированы уже элементы, изъ которыхъ сложился «желѣзный законъ заработной платы». Въ сферу дѣйствія этого закона входили въ то время только рабы, теперь онъ распространяетъ свое, безъ сомнѣнія спорное, вліяніе и на свободныхъ рабочихъ.

Частное хозяйство должно быть построено, по мнѣнію Аристотеля, на монархическомъ начаљѣ, тогда какъ въ государствѣ формъ правленія должна быть республиканская. Основнымъ принципомъ веденія частного хозяйства является то положеніе, что никто не заботится о чужомъ добрѣ такъ, какъ о своемъ собственномъ. Хозяину слѣдуетъ поэтому надзирать за всѣмъ. Это иллюстрируется изреченіями одного перса и одного ливійца: «на вопросъ, что всего полезнѣе для лошади, первый отвѣтилъ: глазъ хозяина! Когда же ливійца спросили, какое удобрение наиболѣе, онъ сказалъ: сѣды ногъ хозяина!»¹⁾). Но эллинскій гражданинъ никогда не долженъ забывать, что въ хозяйствѣ ему принадлежитъ только роль руководителя, согласно максимѣ: «цѣль жизни дѣйствовать, а не производить; стремиться повсюду къ выгодѣ менѣе всего достойно благородно мыслящихъ и свободныхъ людей»²⁾.

Все предыдущее показываетъ, что если будетъ преувеличеніемъ, подобно некоторымъ экономистамъ, называть Аристотеля творцомъ политической экономіи, то все же есть полное основаніе считать его виднымъ предшественникомъ представителей этой науки. Мы встрѣчаемся у него съ постановкой важныхъ вопросовъ, бывшихъ впослѣдствіи предметомъ обширныхъ изслѣдованій въ области теоріи политической экономіи; такова, напр., проблема цѣнности. И если отбросить даже то, что специально характеризуетъ Стагирита, какъ человѣка своей эпохи, то у него останется еще достаточно идей, цѣнныхъ даже и въ настоящее время³⁾). Къ нимъ въ особенности относится его историко-философскій методъ⁴⁾). Современный изслѣдователь уже не подпишется подъ словами Ж. Б. Сэя: «Сочиненія аѳинянъ, ихъ мирные трактаты, управление завоеванными провинціями, все это показываетъ, что имъ чуждо было ясное представленіе о существѣ и источникахъ богатства, о способѣ его распределенія и о результатахъ его потребленія»⁵⁾.

¹⁾ Фрагментъ *Ökonomik* § 6.

²⁾ *Politik*, B. VIII, 3.

³⁾ Въ этомъ смыслѣ и высказывается Ад. Вагнеръ (*Die akademische Nationalökonomie und der Sozialismus*, 1895): «Въ сущности, немецкая экономическая и соціальная теорія и практика вполнѣ сознательно становятся теперь на очень старую, дѣйствительно классическую почву, которая лишь приближаетъ осуществленіе словъ великаго Стагирита,—конечно въ современномъ ихъ пониманіи и съ помощью современныхъ средствъ».

⁴⁾ Ср. *Kurt Breysig, Kulturgeschichte der Neuzeit II Bd. Altertum und Mittelalter als Vorstufen, Erste HÃ¤lfte, Abschnitt V*, въ которомъ подвергается подробной оценкѣ историко-философскій методъ Аристотеля.

⁵⁾ „*Traité d'Economie Politique*“, 1803, перев. Morstadt'a, 3 Aufl. 1830, Bd. I, S. 27.

Со времени Аристотеля философіей стали заниматься главнымъ образомъ метеки. Образуются большія школы, но замѣчательно: они мало проявляютъ интереса къ экономическимъ проблемамъ. Подвергаются изслѣдованию преимущественно вопросы этики въ тѣсномъ смыслѣ слова. Впрочемъ, кое что при этомъ выпадаетъ и на долю экономики. Прежде другихъ слѣдуетъ назвать основателя *киренской школы*—Аристиппа (435—? до Р. Х.), ученика Сократа, въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, однако, совершенно самостоятельного. Въ тѣсной связи съ его сенсуалистической моралью находится, такъ называемый, *гедонистический принципъ* (отъ греческого слова *ұбоуї*, наслажденіе), которому суждено было сыграть впослѣдствіи важную роль въ политической экономіи; сущность его заключается въ слѣдующемъ правилѣ: нужно стремиться къ тому, чтобы съ наименьшимъ напряженіемъ достичнуть наибольшаго наслажденія, добиться возможно большаго эффекта при возможно меньшихъ затратахъ (въ наше время это начало называютъ сокращенно также «хозяйственнымъ принципомъ» или «принципомъ наименьшихъ издержекъ»). Его противоположность составляеть такъ называемый *аскетический принципъ*, творцомъ которого является основатель *школы циниковъ* Антисоенъ († 366 до Р. Х.), также одинъ изъ послѣдователей Сократа; воздержаніе и умѣренность въ потребностяхъ—таково содержаніе этого принципа. Не тотъ богатъ, кто самимъ легкимъ способомъ доставляетъ себѣ наибольшее число наслажденій, а тотъ, кому легче всего обойтись безъ нихъ.

Объ большія школы, которыми была представлена, въ концѣ концовъ, вся древняя философія, а именно *школы Эпикура* (342—271 до Р. Х.) и *стоика Зенона* (340—270 до Р. Х.) имѣютъ исходными пунктами эти два теченія: эпикурейская школа примкнула къ Аристиппу, стоическая—къ Антисоену. Философія все болѣе и болѣе теряетъ свой прежній національно-эллинистический характеръ и становится космополитической, соответственно всѣмъ идеямъ греко-персидского мирового государства; въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія экономики эта эпоха оказалась бесплодной¹⁾.

¹⁾ Людвигъ Штейнъ въ упомянутой уже выше книжѣ „Соціальний вопросъ съ философской точки зрењія“ (Москва 1899), а за нимъ и Георгъ Адлеръ въ своей „Geschichte des Sozialismus und Kommunismus von Plato bis zur Gegenwart“ (Leipzig 1899) нашли возможнымъ утверждать, что въ стоической философіи „въ первый разъ во всемирной исторіи была развита теорія анархизма“. Мне кажется, что мысль эта основана на смѣшении индивидуализма съ анархизмомъ. Какое-нибудь учение можетъ быть крайне индивидуалистическимъ, если угодно, анархическимъ, и все же этого не достаточно, чтобы назвать его „анархическимъ“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается въ настоящее время. И манчестерство посчитъ, напр., индивидуалистической характеръ, но оно вовсе не является поэтому анархическимъ, скорѣе напротивъ, составляетъ противоположный анархизму консервативный полюсъ. Точно также и стоицизмъ, отличаясь космополитическимъ и индивидуалистическимъ характеромъ.

Зато въ болѣе поздній періодъ эллинскимъ идеямъ пришлось еще служить философскими предпосылками экономическихъ теорій. Стоицизмъ несомнѣнно далъ материалы для построенія философіи естественаго права 17 и 18 вѣка, которая послужила фундаментомъ системы физіократовъ ¹⁾). Съ другой стороны, философскія идеи эпікуреицъ лежать въ основѣ современного манчестерства, а дополненный въ историческомъ направленіи и перенесенный на почву интересовъ пролетаріата, онъ образуютъ философскія предпосылки марксизма. Извѣстно, что Марксъ, будучи еще студентомъ, написалъ докторскую диссертацию объ Эпікуре ²⁾).

Адамъ Смитъ придерживается въ этомъ отношеніи синтетической точки зренія. Онъ отнюдь не является приверженцемъ міровоззрѣнія Эпікура, какъ это обыкновенно думаютъ. Въ послѣдней книжѣ «Теоріи нравственныхъ чувствъ», гдѣ находится исторический очеркъ господствовавшихъ раньше нравственно-философскихъ системъ, Смитъ, желая показать, что его собственная теорія представляетъ синтезъ всѣхъ старыхъ, тщательно размежевывается и съ стоицизмомъ и съ эпікуреизмомъ. Они представляются ему противоположными другъ другу крайностями, въ которыхъ крупица истины выродилась въ парадоксъ. Но въ то время какъ о стоицизмѣ онъ говоритъ съ признательностью ³⁾), его аргументація, направленная противъ эпікуреизма, носить, рѣдкій у него, рѣзкій характеръ. Онъ какъ будто предчувствовалъ, что ему со временемъ будутъ приписывать симпатіи къ этому учению, и всѣми силами стремился оградить себя отъ этого. Онъ призываетъ авторитетъ Сократа противъ того воззрѣнія, что добродѣтель выражается въ практическомъ умѣ, и что для осуществленія собственныхъ интересовъ нужно съ ловкостью добиваться благопріятнаго

теромъ, является въ то же время въ высшей степени консервативнымъ, а отнюдь не революціоннымъ, какъ современный анархизмъ. Послѣдний охотно уничтожилъ бы всякое государство, каково бы оно ни было, въ то время какъ стоицизмъ, напротивъ, рекомендуетъ вовсе не заниматься государственными дѣлами, такъ какъ они нарушаютъ спокойствіе духа и психическое равновѣсіе: анархизмъ же, напротивъ, призываетъ индивидуума къ революції. Стало быть эти учения діаметрально противоположны. Съ одной стороны, полная политическая пассивность (апатія), съ другой—политическая борьба, доведенная до крайности. Индивидуализмъ развился преимущественно въ видѣ буржуазной доктрины, современный же анархизмъ есть выродившаяся форма учений и стремлений пролетаріата. По моему мнѣнію, онъ совершенно не стоитъ въ связи съ философией древности.

¹⁾ Ср. Wih. Hasbach, Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von Quesnay und Adam Smith begründeten Politischen Oekonomie, Leipzig 1890.

²⁾ Она недавно была издана Franz'омъ Mehring'омъ въ „Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels, 1841 bis 1850“. Erster Band, Von Mrz 1841 bis Mrz 1844, Stuttgart 1901. Въ ней нѣть ничего, относящагося къ соціальной политикѣ.

³⁾ „Theory of moral sentiments“, 6-е изд., Part VII, Sect. II, chap. I.

общественного мнения и поддержки окружающихъ людей. Сократъ справедливо указывалъ, что добродѣтельный человѣкъ долженъ стремиться не къ тому, чтобы его хвалили, а къ тому, чтобы стать достойнымъ одобренія, а похвала явится тогда уже по собственному почину. Добротель, такимъ образомъ, цѣнна сама по себѣ; она отнюдь не служить только средствомъ для достиженія различныхъ цѣлей, какъ думаетъ Эпикуръ. Адамъ Смитъ приходитъ относительно эпикурейства къ съдѣющему заключенію¹⁾: «Эта система несомнѣнно кореннымъ образомъ противорѣчитъ системѣ, которую я самъ постарался выработать». Съ такой же рѣшительностью онъ выступаетъ и противъ близкихъ эпикурейству воззрѣй Мандевилля (Mandeville) и Де ла Рошефуко (De la Rochefoucauld).

Заканчивая главу о древней Греціи, слѣдуетъ еще упомянуть объ историкѣ Фукидидѣ (471—400 до Р. Х.). Вильгельмъ Рошеръ восхваляетъ его во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій какъ образецъ, которому онъ слѣдовалъ въ своихъ попыткахъ соединить исторію съ политической экономіей. И дѣйствительно, въ своей исторіи Пелопонесской войны, въ особенности въ первыхъ главахъ ея, Фукидидъ вплетаетъ въ изложеніе кой-какія наблюденія экономического характера. Но причислить его, въ силу этого, къ экономистамъ—значить зайти черезчуръ далеко. Въ крайнемъ случаѣ, онъ можетъ быть признанъ предшественникомъ современной чисто-описательной школы политической экономіи, которую Карлъ Менгеръ не безъ основанія упрекаетъ въ томъ, что она смѣшиваетъ исторію съ политической экономіей. Данными, сообщаемыми Фукидидомъ, часто пользовались впослѣдствіи авторы экономическихъ сочиненій. И Адамъ Смитъ при случаѣ ссылается на него. Но мы всегда имѣемъ при этомъ дѣло съ одними фактами. Въ исторіи экономической теоріи Фукидиду мѣста нѣть.

Когда изсякли творческія силы греческой философіи, она выродилась, въ концѣ концовъ, въ эллентизмъ и скептицизмъ. Этотъ періодъ, носившій название александрийскаго, не имѣлъ ни прямого, ни косвенного влияния на развитие экономической доктрины.

§ 3. Древній Римъ.

Нѣть въ древности народа, соціальная исторія которого была бы для насъ болѣе поучительна, чѣмъ исторія римлянъ: у нихъ соціальный вопросъ пережилъ все: четыре стадіи своего развитія непрерывно,—одну за другой. Древнійшей политической организацией Рима была теократическая монархія. Нума Помпілій (+ 672 до Р. Х.), второй римскій

¹⁾ Тамъ же, chap. 2.

царь, окончательно установилъ обрядовую сторону религії. Послѣ изгнанія седьмого царя, Тарквинія Гордаго (510 до Р. Х.), монархію замѣнила аристократическая республика. Съ этого момента начинается для Рима эпоха завоеваній, въ продолженіе которой господство принадлежало квиритскому патриціату—второму сословію. Съ патриціатомъ тогтчъ вступаютъ въ антагонизмъ плебеи—третье сословіе. Въ теченіе многовѣковой упорной борьбы они отвоевываютъ у господствующихъ родовъ одну политическую привилегію за другой. Эта борьба за эмансирацію заканчивается ко времени паденія республики и возникновенія имперіи. Вмѣсто завоевательной вѣшней политики, выступаетъ на первый планъ внутренняя политика, начало которой положилъ Цезарь; цѣль ея—благосостояніе народа, и простирается она одинаково на всѣ: народности, подчиненные власти самодержавнаго императора или *princeps'a*. При Каракаллѣ (212 послѣ Р. Х.) всѣ жители обширнѣйшаго территоріального государства уравнены были въ политическихъ правахъ съ римскими гражданами. Римское право, для котораго теперь наступаетъ эпоха процветанія, есть капиталистическое или денежное право,—буржуазное, какъ сказали бы мы теперь. Эта буржуазная черта, характеризующая римскую имперію, была причиной того, что много вѣковъ спустя, когда снова шла соціальная борьба противъ привилегій знати, люди обратились къ римскимъ институтамъ, заимствовали ихъ и положили начало возрожденію римского права. Однако, въ эпоху имперіи въ Римѣ выступило на сцену и четвертое сословіе—пролетаріатъ, въ составъ котораго входили преимущественно вольноотпущенники. И между тѣмъ какъ плебеи заимствовали свое духовное оружіе у грековъ, воспринявши философію метековъ позднѣйшаго періода, пролетарское движение находило главнымъ образомъ опору въ новой религії, выросшей изъ юдаизма,—въ христіанствѣ. Со времени возникновенія христіанско-византійской имперіи при Константинѣ (330 г.) новая тенденція проникаетъ въ государственную жизнь. Византійское государство обнаруживаетъ въ своей административной организаціи различные формы, приближающіяся къ требованіямъ современного соціализма. Но, разумѣется, полнаго разрѣшенія послѣдней соціальной проблемы нельзѧ было ожидать отъ Рима. Западная имперія подвергалась нападеніямъ молодыхъ германскихъ народностей въ ту эпоху, когда она только приступила къ решению задачи. Восточная половина имперіи пережила на много вѣковъ западную, но и здѣсь изсякли источники той силы, которая поддерживала соціальное движение. Она такъ и закостенѣла на промежуточной стадіи развитія, пока не рушилась окончательно подъ напоромъ другого молодого народа, арабовъ и турокъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ соціальная исторія древне-римского государства. У него не хватило силъ пережить послѣднюю борьбу. И только теперь культура, прошедшая снова три первыя ступени развитія, вновь стоитъ передъ той же проблемой. Но мы приступаемъ.

къ ея разрѣшенію, во всякомъ случаѣ, съ болѣе сильными силами, чѣмъ въ свое время римляне. Какъ ни поучительна историческая дѣятельность соціальной жизни римскаго народа, соответствующая литература не имѣеть для насъ большого значенія. Въ этой области римляне всегда оставались учениками другихъ народовъ, главнымъ образомъ, грековъ. Плебеи, какъ мы уже ранѣе указывали, заимствовали у нихъ свое духовное оружіе въ борьбѣ съ патриціями. Можно прямо говорить о рецепціи древнегреческой культуры Римомъ въ послѣдніе годы республики и въ эпоху языческой имперіи.

Всѣ греческія школы философіи, одна за другой, находили послѣдователей въ Римѣ. Но наибольшей популярностью пользовались всегда два направленія философской мысли: стоицизмъ, съ одной стороны, и эпікуреизмъ, съ другой. Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ адепты этихъ учений не создали экономической теоріи. Мы можемъ, однако, остановиться здѣсь на двухъ авторахъ, принадлежащихъ, одинъ къ школѣ стоиковъ, другой къ числу послѣдователей Эпікура: они являются представителями умственной жизни Рима въ ту эпоху, когда онъ достигъ наибольшаго своего могущества и началъ клониться къ упадку; это было въ послѣдніе годы республики. Имена этихъ писателей: Маркъ Тулій Цицеронъ и Титъ Лукрецій Каръ.

Цицеронъ (107—44 до Р. Х.) былъ близокъ къ учению стоиковъ, не раздѣляя его, однако, вполнѣ. Въ своей книгѣ «оъ обязанностяхъ» (*De officiis*) онъ стремится дать стоическому учению освѣщеніе съ точки зрѣнія платоновскихъ принциповъ. Въ молодости онъ, говорятъ, перевѣзъ на латинскій языкъ «экономику» Ксенофонтата; однако, этотъ трудъ его до насъ не дошелъ. Цицеронъ былъ буржуа съ ногъ до головы. И если въ своей политической дѣятельности онъ иногда принималъ сторону оптиматовъ, то дѣлалъ онъ это въ качествѣ адвоката, а не по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Эти убѣжденія не помѣшили бы ему при случаѣ защищать на судѣ отъ обвиненія въ вымогательствѣ даже того самаго Катилину, котораго онъ публично укорялъ въ самыхъ скверныхъ и безстыдныхъ поступкахъ¹). Очень часто цитируются то мѣсто изъ «обязанностей» (книга I, 42), гдѣ говорится оъ относительномъ достоинствѣ занятій различными отраслями хозяйства. По Цицерону, «земледѣліе изъ всѣхъ видовъ хозяйственной дѣятельности наиболѣе выгодное, пріятное, наиболѣе достойное благороднаго человѣка занятіе». Къ земледѣлію примыкаетъ непосредственно оптовая торговля. «Торговля въ крупныхъ размѣрахъ, приводящая въ движение большое количество денегъ и товаровъ, снабжающая страну всевозможными иностранными продуктами, дающая жителямъ ея воз-

¹) Ср. обстоятельную оцѣнку Цицерона съ соціально-политической точки зрѣнія, которую даетъ *Pohlmann* во 2-мъ томѣ своей „Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus“, 1901, Buch II, Kap. 3.

можность, не теряя ущерба, наслаждаться ими, отнюдь не заслуживаетъ пренебреженія. Напротивъ того, глубокаго уваженія достоинъ купецъ, который послѣ многихъ морскихъ путешествій удовлетворяется приобрѣтеннымъ состояніемъ, поселяется въ безопасности на сушѣ и даетъ своимъ капиталамъ полезное и прочное помѣщеніе въ недвижимостяхъ». Напротивъ, всѣ виды мелкой торговли, ремесль, наемнаго труда, подобно занятію сборщика податей и ростовщичеству, по мнѣнію Цицерона, низки и неопрятны.

Въ общемъ можно сказать, что Цицеронъ, подобно всѣмъ писателямъ древности, въ области политической экономіи болѣе интересуется вопросомъ, какія отрасли хозяйственной дѣятельности слѣдуетъ считать приличными, чѣмъ тѣмъ, какія изъ нихъ можно признать производительными. Послѣдній вопросъ поставленъ въ наше время во главу угла во всѣхъ теоретическихъ спорахъ. Но что и эта точка зрѣнія не была совершенно чужда Цицерону, явствуетъ изъ слѣдующаго мѣста его сочиненія (книга II, 25): «Остается еще одинъ чрезвычайно важный вопросъ: сравненіе различныхъ видовъ полезнаго... Одни виды внѣшнихъ выгодъ цѣнятся выше чѣмъ другіе, славу предпочтитають богатству, городское хозяйство приносить больший доходъ, чѣмъ сельское. Сюда относится и отвѣтъ Катона на вопросъ: какого рода хозяйство приносить наибольшую прибыль? Раціонально поставленное скотоводство, сказалъ онъ. А какое занимаетъ слѣдующее мѣсто? Неважно поставленное скотоводство. А затѣмъ? Скверно организованное скотоводство. Какое же слѣдуетъ поставить на четвертомъ мѣстѣ? Земледѣліе». Это мѣсто было впослѣдствіи подхвачено Адамомъ Смитомъ, который, вообще, подобно физіократамъ, охотно ссылался на Цицерона.

Въ третьей книгѣ «обязанностей» Цицеронъ рассматриваетъ вопросъ о противорѣчіи между обязанностью и выгодой и приходить къ тому заключенію, что это противорѣчіе только кажущееся, такъ какъ выполненіе обязанностей является само по себѣ величайшей выгодой для человѣка. «Вѣчной истиной, говоритъ онъ, является положеніе: запрещенное не можетъ быть полезнымъ, не исключая и того случая, когда человѣкъ дѣйствительно достигаетъ обладанія искомымъ мнимымъ благомъ. Ибо считать преступное полезнымъ само по себѣ есть уже величайшее несчастіе для человѣка» (ки. III, 12). И далѣе: «Нравственное благо должно быть для насть критеріемъ при решеніи вопроса, что выгодно; такимъ образомъ, добродѣтель и польза должны быть разматриваются лишь какъ два различныхъ названія тождественныхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ природѣ нераздѣлимыхъ началь». Другими словами ту же мысль можно выразить такъ: экономика и этика совпадаютъ, двухъ точекъ зрѣнія при оценкѣ благъ быть не можетъ.

Можно было бы предположить, что другой школѣ—эпикурейской,

столь высоко ставившей принципъ пользы, не трудно было создать экономику. Но этого не случилось ни въ Греціи ни въ Римѣ. Матеріализмъ римлянъ относился больше къ потреблению, или вѣрѣ къ кутежамъ, чѣмъ къ производству. Матеріалистическая воззрѣнія, прилагаемыя къ области послѣдняго, составляютъ характерную особенность нашего современного исторического материализма въ сравненіи съ материализмомъ древняго міра. Единственной личностью, действительно заслуживающей вниманія среди эпикурейцевъ древняго Рима является Лукрецій (99—55 до Р. Х.), котораго мы назвали уже выше. Его дидактическое стихотвореніе «De rerum natura», ¹⁾ вполнѣ заслуженно пользующееся громкой извѣстностью, правда, не представляетъ собой экономики, но оно является попыткой создать учение о развитіи общества, попыткой, сдѣланной въ духѣ современного дарвинизма. Отвергнувъ мнѣніе, будто создателями людей и звѣрей были боги и поставивъ на ихъ мѣсто «матерь—землю», авторъ говорить слѣдующее въ пятой пѣснѣ (мы приводимъ наиболѣе характерные стихи):

828. Миръ не коснѣть въ одномъ положеніи. Все—преходяще,
Все измѣняетъ природу и все къ превращенью стремится.
Тльѣтъ одно и отъ дряхлости чахнетъ, тогда какъ другое
Наоборотъ возрастаєтъ и выдти изъ мрака стремится.

853. Въ пору ту многие виды животныхъ должны были сгинуть
И не могли свою жизнь продолжать, размножая потомство.
Виды же тѣ, что донынѣ вдыхаютъ живительный воздухъ,
Испоконъ вѣка отъ гибели племя свое сохраняютъ
Хитростью или отвагою или же ловкимъ проворствомъ.

Затѣмъ идетъ нижеизложенное изображеніе первобытнаго общественнаго состоянія:

931. Не было сильнаго пахаря для управлениія плугомъ,
И не умѣть никто ни обрабатывать почву жѣлезомъ,
Ни произвести на земль насажденіе кустарниковъ новыхъ,
Ни у высокихъ деревьевъ обрѣзывать старые сучья.
То, что давали тутъ солнце и дождь, то, что собственной силой
Почва рождала, казалось достаточнымъ сердцу простому.
Люди кормились въ дубовыхъ лѣсахъ, желудями обильныхъ.

1009. Люди затѣмъ изготовили шкуры, жилища, узнали
Силу огня, и слились тогда мужъ и жена воедино.
Стали извѣстны имъ въ бракѣ утѣхи любви непорочной,
И они видѣть могли, какъ отъ нихъ возникаетъ потомство.
Только тогда человѣчество стало немного смягчаться.

1027. По побужденію природы языки стали различные звуки
Произносить, при нуждѣ выражая названія предметовъ.

¹⁾ Титъ Лукрецій Карпъ „О природѣ вещей“, перев. съ лат. Ив. Рачинскій, книгоиздательство „Скорпіонъ“, Москва, 1904. Кн. V стр. 171—189.

1240. Минь остается повѣдать, какъ найдены были желвазо,
Золото, мѣдь, серебро и свинецъ полновѣсный и крѣпкій.
1288. Мѣднымъ орудіемъ почва пахалась, и мѣдь приводила
Битву въ смятеніе, тяжкія раны вездѣ разсѣвала.
Скотъ и поля похищались при помощи мѣди; легко вѣдь
Все безоружное, голое повиновалось оружью.
1304. Вотъ какимъ образомъ вслѣдствіе ужасовъ вооруженія
Мало-по-малу возникла вражда въ человѣческомъ родѣ,
И увеличились бѣды войны, съ каждымъ днемъ возрастаю.
1348. Прежде чѣмъ ткань изобрѣтена, люди одежду сплетали.
Ткать стали послѣ открытия желѣза, безъ коего можно-ль
Было бы множество тонкихъ орудій тканья изготовить;
Какъ напримѣръ: веретена, колоды звенящія, шпульки?
1368. День изо дня на высокія горы лѣса отступали.
Здѣсь же внизу расширялись пространства воздѣланной почвы,
Чтобъ человѣкъ могъ добыть на холмахъ и на мѣстности ровной
Пастбибы, посѣвы, луга, виноградники, рѣки, озера;
Чтобы деревья масличныя цѣнью лазорево-блѣдной
Распространялись вездѣ по буграмъ, по полямъ и долинамъ.
Въ разнообразной красѣ намъ земля представляется иныи
Тамъ, гдѣ ее украшаютъ посадки деревьевъ плодовыхъ,
Съ краю кругомъ окаймленныя лентой кустовъ изобильныхъ.
1438. Люди вели уже жизнъ, оградивъ себя башнями крѣпко,
И, раздѣливъ межъ собою всю землю, ее населили;
Парусоносное море не斯特рѣло уже кораблями,
И въ договоры вступали ужъ люди о дружбѣ и мирѣ.
Стали поэты тогда только пѣть о дѣяньяхъ совершенныхъ,
А незадолго еще до того изобрѣтены буквы.
Вотъ отчего мы не можемъ узнать то, что раньше совершилось,
Иначе какъ по слѣдамъ, возстановленнымъ нашимъ разсудкомъ.
Судостроеніе, полей обработка, постройки, законы,
Платея, оружье, дороги и прочее въ этомъ же родѣ;
Равно какъ прелести и наслажденія всякия жизни:
Пѣсни, картины, стихи, изваяніе статуй чудесныхъ,—
Все это вызвано мыслию пытливою или нуждою
Смертныхъ и мало-по-малу идеть по пути къ совершенству.
Такъ постепенно со временемъ распространяются въ мірѣ
Всякія вещи, а разумъ людей ихъ на сѣть выдвигаетъ.
А такъ какъ вещи одна изъ другой получаютъ значеніе,
То человѣкъ высочайшихъ вершинъ достигаетъ въ искусствахъ.

Государственный и культурно-философскія ученія 17 и 18 вѣковъ не на много подвинули впередъ разрѣшеніе вопроса о первобытной стадіи развитія человѣчества и о переходѣ отъ нея къ высоко развитой цивилизациі, сравнительно съ Лукреціемъ, стоявшимъ на материалистической точкѣ зренія. Это не относится, конечно, къ грандиозно задуманному сочиненію Гердера, въ основѣ которого лежитъ спиритуалистическое міросозерцаніе.

Весьма характерно въ сочиненіи Лукреція, и въ эпикурейской фило-

софії вообще, объясненіе происхожденія государства изъ договора, и при томъ договора утилитаристического характера—«для обеспеченія взаимной помощи и поддержки». Отсюда слѣдуетъ, что право, какъ та-ковое, является исключительно созданіемъ человѣка; другими словами: есть одно только *положительное право* и нѣтъ го^{го} *естественного права* (*jus naturae, jus naturale*), вытекающаго изъ «вѣчнаго разума» и пред-шествующаго праву, создаваемому человѣкомъ, которое существуетъ по утвержденію противоположнаго, стоического ученія. Первобытное состояніе представлялось стоикамъ, въ отличие отъ эпикурейцевъ, не первобытной эпохой варварства, опасной для человѣчества, а напротивъ того, золотымъ вѣкомъ—и только упадокъ нравовъ, начавшійся позднѣе, привелъ къ появлению положительного права. Мы находимъ, такимъ образомъ, въ обѣихъ философскихъ школахъ древности, пре-имущественно господствовавшихъ надъ умами римлянъ, корни позднѣй-шей философіи права, переносившей центр тяжести науки то въ область естественнаго, то въ сферу положительного права. Мы видѣли, что противорѣчіе это коренится уже въ ученіи Платона; оно проникло и въ возникшую позднѣй политическую экономію ¹⁾.

Было бы, однако, неправильно предположить, что у римлянъ вовсе не существовало экономической литературы. Слѣдуетъ даже различать цѣлыхъ двѣ группы писателей, занимавшихся экономическими вопросами: это *«scriptores de re rustica»* съ одной стороны, и *«scriptores de re agraria»* съ другой. Но мѣсто первыхъ—скорѣе въ исторіи экономіи сельскаго хозяйства, чѣмъ въ исторіи политической экономіи въ собственномъ смыслѣ слова, послѣдніе же занимались аграрной стати-стикой и наукой межеванія. Нась ближе касаются писатели-теоретики сельскаго хозяйства. Время ихъ процвѣтанія относится къ послѣднимъ годамъ республики и начальной эпохѣ имперіи.

Рядъ этихъ писателей начинается Маркомъ Порциемъ Катономъ Старшимъ (234—149 до Р. Х.), авторомъ книги *«De agricultura»*. Это безусловно самое оригинальное изъ всѣхъ сочиненій, трактующихъ обѣ этомъ вопросѣ; многія изъ его положеній сдѣлались даже поговорками. Такъ, напр., знакомое намъ уже разсужденіе о прево-ходствѣ скотоводства надъ земледѣліемъ. Слѣдующее мѣсто изъ книги Катона пользуется широкой извѣстностью: «Въ чёмъ заключается ра-циональное земледѣльческое хозяйство? Въ хорошей вспашкѣ. Во вторыхъ? Въ вспашкѣ. Въ третьихъ? Въ удобрени!» Можно привести и другіе примѣры: «домовладыка долженъ охотно продавать, но быть очень осмотрительнымъ при покупкахъ.. «Пусть онъ продаетъ масло, когда цѣны на него высоки, пусть поступаетъ точно такъ же съ

¹⁾ Wih. Hasbach, Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von Fran-çois Quesnay und Adam Smith begründeten politischen Ökonomie, Leipzig 1890, Kap. 1.

излишкомъ вина и пшеницы. Пусть продаетъ старыхъ коловъ, негодный рогатый скотъ, плохихъ овецъ, шерсть, шкуры, старая телѣги, старая желѣзныя вещи, престарѣлыхъ и болѣзненныхъ рабовъ, словомъ, пусть онъ продаетъ все, что является излишнимъ». Катонъ вездѣ стоитъ на той точкѣ зреїнія, что человѣкъ, оставляющій по себѣ большее состояніе, чѣмъ то, которое онъ получила отъ своихъ родителей, является полезнымъ членомъ общества.

Не думайте, однако, что Катонъ имѣеть въ виду сельско-хозяйственное предпріятіе, ставящее себѣ цѣлью полученіе дохода. Къ такого рода промыслу онъ, подобно всѣмъ «scriptores de re rustica», отнесся бы съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и къ ремеслу. Все разсматривается съ точки зреїнія домашняго хозяйства, основная цѣль котораго непосредственное удовлетвореніе потребностей хозяйствующаго субъекта; только тѣ излишки, которые въ самомъ хозяйствѣ не находятъ примѣненія, выносятся имъ на рынокъ. Катонъ пишетъ не хрематистику, а экономику въ аристотелевомъ смыслѣ. Такъ же поступаютъ и всѣ другіе члены этой группы. Всѣдѣ за Катономъ слѣдуетъ назвать «многовѣдца» Марка Терентія Варрона (116—27 до Р. Х.), въ восьмидесятиглѣтнемъ возрастѣ написавшаго свой трехглѣтній трудъ о сельскомъ хозяйствѣ. Далѣе слѣдуетъ Публій Вергилій (70—19 до Р. Х.) авторъ «Георгикъ», поэтическаго произведенія, написаннаго въ стихахъ. Первое мѣсто во всей этой литературѣ принадлежитъ сочиненію въ 12 книгъ современника Сенеки (1-й вѣкъ послѣ Р. Х.), уроженца Гадъ (Кадиксъ въ Испаніи) Юнія Модерата Колумеллы; оно озаглавлено «De re rustica». Этотъ трудъ до сихъ поръ остался основнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о римскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Изъ сравненія сочиненія Колумеллы съ «Экономикой» Ксенофonta вытекаетъ, что Римъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи стоялъ гораздо выше Грекіи. 10-ая книга, трактующая о садоводствѣ, подобно сочиненію Вергилія, написана стихами. Можно назвать еще Рутілія Палладія, жившаго въ 4 вѣкѣ по Р. Х., въ позднѣйшую эпоху имперіи. Его трудъ «De re rustica», растянутый на 14 книгъ, въ важнѣйшихъ вопросахъ примыкаетъ къ сочиненію Колумеллы, не давая въ сущности ничего новаго.

Экономисты позднѣйшаго времени часто ссылались на римскихъ теоретиковъ сельскаго хозяйства. Предпочтеніе, оказываемое ими земледѣлію передъ городскими ремеслами, вызвало особенную симпатію къ нимъ со стороны физіократовъ. Но всѣдѣствіе неисторического характера школы послѣднихъ, мы находимъ у нихъ лишь общія указанія на римскихъ авторовъ. Болѣе подробно древними писателями занимается Адамъ Смитъ. Въ главномъ своемъ сочиненіи, въ обширной главѣ «о поземельной рентѣ» онъ изслѣдуетъ вопросъ объ отношеніи интенсивной и экстенсивной культуры къ высотѣ чистаго дохода. Рыночная цѣна не всегда оплачиваетъ большія затраты въ производ-

ствѣ. И въ этомъ случаѣ, Адамъ Смитъ ссыпается на воззрѣнія древнихъ мыслителей. Мы приведемъ здѣсь соотвѣтствующее мѣсто изъ сочиненій Адама Смита, чтобы, съ одной стороны, охарактеризовать древнихъ теоретиковъ сельского хозяйства, съ другой—показать, каково было ихъ вліяніе на современную политическую экономію. Вотъ слова Адама Смита (книга I, глава 11):

«Кажется, что при прежнемъ способѣ веденія хозяйства наиболѣе выгоднымъ предпріятіемъ, послѣ разведенія виноградниковъ, считалось огородничество, при условіи хорошаго водоснабженія. А между тѣмъ Демокритъ, писавшій о сельскомъ хозяйствѣ 2000 лѣтъ тому назадъ и почитавшійся древними, какъ отецъ этой науки, полагаетъ, что обнесеніе огорода стѣной не особенно рационально; стоимость каменной стѣны не покрывалась бы доходомъ; а кирпичи (Демокритъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду только тѣ, которые приготавляются простымъ выжиганіемъ на солнцѣ) приходятъ въ негодность отъ дождей и зимнихъ непогодъ и требуютъ постоянныхъ починокъ. Колумелла, сообщающій это разсужденіе Демокрита, ничего на него не возражаетъ, онъ предлагаетъ, однако, обносить огороды терновыми изгородями: онъ прочны, непроницаемы и въ то же время дешевы; во времена Демокрита онъ, повидимому, не были еще известны. Палладій запищаетъ мнѣніе Колумеллы: тотъ же способъ рекомендуется и Варрономъ. Имъ доходъ съ огорода представляется только достаточнымъ для покрытия расходовъ по высокой культурѣ и орошенію. Въ этихъ жаркихъ странахъ уже тогда, какъ и теперь, считалось необходимымъ, чтобы въ каждомъ огородѣ былъ жобъ, по которому вода могла бы стекать ко всѣмъ грядкамъ. И теперь еще во всей почти Европѣ считаются, что огородъ не заслуживаетъ лучшей ограды, чѣмъ та, которую рекомендовалъ Колумелла. Въ Великобританіи и въ некоторыхъ сѣверныхъ странахъ болѣе нѣжные плоды могутъ быть культивирумы только съ помощью шпалеръ: здѣсь, такимъ образомъ, цѣны должны быть достаточны высоки, чтобы оплачивать необходимыя затраты на возведеніе и поддержаніе этихъ сооруженій. Шпалеры часто служатъ въ то же время и стѣной, которой обносится огородъ, и онъ получаетъ такимъ путемъ ограду, постройка которой едва ли была бы выгодна при томъ доходѣ, который можетъ приносить огородъ» и т. д.

Адамъ Смитъ возвращается къ этому вопросу въ томъ мѣстѣ своего труда, гдѣ онъ говорить о разведеніи виноградниковъ. Колумелла, по его словамъ, какъ сторонникъ всякой специальной культуры, былъ того мнѣнія, что виноградарству слѣдуетъ отдавать предпочтеніе передъ хлѣбопашествомъ. Но и въ древности этотъ вопросъ представлялся уже спорнымъ; Смитъ и здѣсь полагаетъ, что абсолютнаго решенія вопроса дать нельзя: все зависитъ отъ обстоятельствъ. Таково и въ настоящее время господствующее уображеніе.

Всѣ эти выписки изъ Смита доказываютъ наше утвержденіе, что

мѣсто «scriptores de re rustica» скорѣе въ исторіи экономіи сельскаго хозяйства, чѣмъ въ исторіи политической экономіи. Они занимаются технической стороной сельскаго хозяйства.

Мы съ еще большимъ основаніемъ можемъ не останавливаться на «scriptores de re agraria». Они появляются впервые въ эпоху имперіи; ихъ задачей было представить экономико - статистическая данная для распределенія введенного тогда поземельного налога; ихъ работы чисто относительного характера и не имѣютъ теоретического значенія. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія: Фронтинъ, Громатикъ и Флаккъ.

Этимъ исчерпывается все, что было сдѣлано римлянами непосредственно въ области экономической науки; какъ видимъ, немногого. Но мы оставили бы большой пробѣлъ въ исторіи политической экономіи, если бы обошли молчаніемъ великой культурно-исторической трудъ римского народа—созданіе римскаго права. Дѣло идетъ не столько о непосредственномъ вліяніи его на развитіе экономическихъ учений, сколько о косвенномъ вліяніи, которое оно должно было проявлять въ этой области, господствуя надъ хозяйственными отношеніями въ теченіе нѣкоторыхъ историческихъ періодовъ и древности и новаго времени.

Каково отношеніе римского права къ исторіи политической экономіи? Этотъ вопросъ такъ же издавна раздѣляетъ ученыхъ на два враждебныхъ лагеря, какъ и споръ о взаимномъ отношеніи хозяйства и права вообще. Симонъ-де-Сисмонди высказалъ мнѣніе ¹⁾, что въ римскомъ правѣ нѣтъ, или почти нѣтъ никакихъ следовъ научныхъ экономическихъ воззрѣній. А новѣйший авторъ П. Эртманъ прямо говоритъ о «хозяйственныхъ теоріяхъ Corpus Juris Civilis» ²⁾, предупреждая, впрочемъ, что эти теоріи не образуютъ стройной «системы». Ранѣе Эртмана В. Эндеманъ пытался подобнымъ же образомъ разработать «экономическія положенія» Corpus Juris canonici ³⁾, дѣлая, однако, ту же оговорку, что собственно экономической системы въ каноническомъ правѣ нѣтъ, что въ лучшемъ случаѣ, здѣсь можно говорить объ «экономическихъ воззрѣніяхъ» или, вѣрѣнѣ, о «воззрѣніяхъ, имѣющихъ хозяйственное значеніе». И все же «Corpus Juris Civilis» въ этомъ отношеніи значительно отличается отъ «Corpus Juris canonici». Римское гражданское право стремится отѣлить отъ права, какъ такового, съ одной стороны все чисто этическое, съ другой—все чисто экономическое, чтобы сохранить, такимъ образомъ, принципъ раздѣленія ма-

¹⁾ *Simonde de Sismondi, Nouveaux Principes de l'Economie Politique, 1819, Livre I, chap. 3.*

²⁾ *Paul Oertmann, Die Volkswirtschaftslehre des Corpus Juris Civilis, Berlin 1891.*

³⁾ *W. Endemann, Die nationalökonomischen Grundsätze der kanonistischen Lehre, Jena 1863, S. 4.*

теріала во всей его формальной чистотѣ. Авторы *Corpus Juris Civilis* во все не отрицали значенія этики и экономики въ народной жизни, они полагали только, что хозяйство и нравственность образуютъ двѣ совершенно самостоятельные области, а не составляютъ части права въ собственномъ смыслѣ слова. Иначе смотрѣло на тѣ же вопросы каноническое право, право болѣе позднаго происхожденія. Характерной его чертой является какъ разъ принципіальное смѣщеніе религіозно-нравственныхъ, правовыхъ и экономическихъ точекъ зрењія. Здѣсь, дѣйствительно, можно говоритьъ объ «экономическихъ положеніяхъ», хотя эти положенія и подчинены болѣе высокимъ этическимъ принципіямъ, и потому не образуютъ отдѣльной системы. А въ римскомъ гражданскомъ правѣ можно найти, въ лучшемъ случаѣ, экономическія *предпосылки*, которыя отражаются въ правовыхъ нормахъ и, въ случаѣ недостатка другихъ источниковъ, могутъ быть открыты путемъ обратного умозаключенія. Всѣ попытки извлечь изъ правового материала больше, чѣмъ это, должны были поэтому окончиться неудачей. При этомъ не слѣдуетъ также забывать, что экономическая подкладка права должна быть разсмотриваема въ процессѣ постоянного исторического измѣненія. Кодексъ Юстиніана представляется собою не римское право, какъ таковое, а по справедливому замѣчанію Лассаля¹⁾, только римское право въ *послѣдней фазѣ его развитія*; а этой фазѣ предшествовала долгая эволюція.

Право грековъ совершенно совпадало съ политикой. Напротивъ того, у римлянъ частное право впервые было открыто и выдѣлено изъ всей совокупности юридическихъ нормъ, и рѣзкое разграничение частнаго права отъ публичнаго возведено было въ принципъ. Это всегда считалось главной заслугой римлянъ. «Греку казалось естественнымъ, что личность безправна въ отношеніи къ государству. Съ этой точки зрењія предложеніе Платона объ уничтоженіи брака и частной собственности не могло показаться ему странными: въ немъ онъ видѣлъ только послѣдовательное проведеніе въ жизнь господствовавшихъ политическихъ воззрѣній. Но Римлянину такое предложеніе никогда не пришло бы въ голову»²⁾. Въ этихъ словахъ Вильгельму Арнольду удалось очень мѣтко охарактеризовать различіе между обѣими націями. Публичное и частное право въ Римѣ успѣли вполнѣ обособиться. Это были двѣ области, соотвѣтствовавшія совершенно самостоятельнымъ группамъ юридическихъ отношеній. Разграничение это имѣло огромное значеніе для хозяйственной жизни: оно давало почву для самостоятельной сферы чисто индивидуальной дѣятельности и частной собственности, и субъектъ частнаго права могъ,

¹⁾ *Ferdinand Lassalle*, System der erworbenen Rechte, 2 Aufl. Leipzig, 1880, Bd. II, S. 471.

²⁾ *Wilhelm Arnold*, Kultur und Recht der Römer, Berlin 1868, S. 58.

такимъ образомъ, при случаѣ стать въ противорѣчіе къ государству. Въ области науки вліяніе этого разграничія выразилось въ томъ, что съ этого времени «политика» стала дѣлиться на двѣ части: учение о правѣ частномъ и учение о правѣ публичномъ (*ius publicum, quod statum rei Romanae spectat; jus privatum, quod ad singulorum utilitatem pertinet*); обѣ вѣтви объединялись подъ общимъ названіемъ «ученія о правѣ». Въ позднѣйшее время оставался нерѣшеннымъ развѣ вопросъ о томъ, какому изъ отдѣловъ принадлежитъ первенствующее положеніе. Авторы расходились во взглядахъ въ зависимости отъ точки зрењія, на которой они стояли. Индивидуалистическая философія естественного права 17 и 18 вѣковъ выдвигала на первый планъ частное право, публичное право она бы охотно и совсѣмъ отвергла. Среди экономистовъ на той же точкѣ зрењія стояли опять-таки фізіократы. Адамъ Смільтъ, съ юридическими воззрѣніями котораго мы знакомы по упоминавшимся уже запискамъ ученика его Кеннана, придерживается противоположнаго взгляда: «public jurisprudence» для него выше, чѣмъ «private law». Это имѣеть немаловажное значеніе въ дѣлѣ оцѣнки точки зрењія, которую онъ занимаетъ въ «Изслѣдованіи о богатствѣ народовъ».

Мы уже говорили, что римское гражданское право въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, является буржуазнымъ правомъ, правомъ третьяго сословія. Это преимущественно право временъ имперіи. Наряду съ абсолютной властью императора или принципса существовала столь же абсолютная власть отца семейства въ сферѣ семейственныхъ отношеній.

Наиболѣе рѣзко этотъ характеръ римского права сказывается въ области права венчнаго. Ни одна нація не придавала понятію частной собственности (*dominium ex jure Quiritium*) такого абсолютнаго значенія, какъ римляне. Высшее выраженіе ея заключается въ полномочіи пользоваться и злоупотреблять вещами (*ius utendi et abutendi*), причемъ въ категорію вещей входили и рабы. Впрочемъ, положеніе рабовъ внаслѣдствіи измѣнилось къ лучшему. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что это суровое право встрѣчало въ жизни сильный противовѣсь въ *обычаяхъ*. И только потому, что обычай въ Римѣ обладалъ громадной силой, римляне могли безъ вреда для народа дѣлать изъ основныхъ принциповъ права крайніе формальные выводы. Это противорѣчіе нашло свое официальное выраженіе въ существованіи двухъ высшихъ должностей: претора и цензора. Во времена позднѣйшей рецѣпціи римского гражданского права часто не замѣчали этого дуализма, господствовавшаго надъ всей жизнью древняго Рима. Замѣщали одно право, забывая о соотвѣтствовавшемъ ему обычай. Только поэтому въ наши дни римскимъ правомъ могли пользоваться (или вѣриТЬ, злоупотреблять) въ цѣляхъ самой безжалостной эксплуатации человѣка, вызвавшей, въ концѣ концовъ, противъ него

всеобщее народное возмущение. Какъ плохо было понять истинный «дѣхъ римского права!»¹⁾.

Для политической экономіи важно съдѣающее.

Подобно всѣмъ народамъ, и римляне начали свое экономическое развитие съ натурального хозяйства. Но они ранѣе другихъ перешли къ употреблению денегъ и денежный обмѣнъ замѣнилъ собой натуральный. Впервые деньги появились въ Римѣ, по мнѣнію Моммсена²⁾, въ промежутокъ времени отъ царствованія Сервія Туллія до изданія законовъ двѣнадцати таблицъ. По мѣрѣ того, какъ римляне переходили отъ одной ступени хозяйственного развитія къ другой, менялся и металъ, служившій платежнымъ средствомъ; при этомъ вѣнчая торговля постоянно опережала развитіе внутреннихъ сношеній. «Такъ, римскій купецъ долгое время пользовался въ качествѣ мѣрила цѣнности серебряными деньгами, между тѣмъ какъ официальной монетой была мѣдная асъ; въ послѣднее столѣтіе республики торговые расчеты производились уже на золото, а государство чеканило только серебряные деньги. Такимъ образомъ, Римъ два раза менялъ валюту: отъ мѣди онъ перешелъ къ серебру, отъ серебра къ золоту. И каждой изъ этихъ эпохъ отмѣчается особый періодъ политической истории и гражданскаго права. Введеніе серебряныхъ денегъ вызвано было завоеваніемъ Италии и торговлей съ Греціей, золотая валюта появилась благодаря господству надъ міромъ и имперіи. Періоду мѣдныхъ денегъ отвѣчаютъ сдѣлки старого национального гражданскаго права; вторая эпоха — это переходъ къ болѣе свободнымъ формамъ; третья соотвѣтствуетъ превращенію началъ римского оборота въ нормы всесмѣрного права. Можно было бы римскія торговыя сдѣлки по ихъ происхожденію подѣлить на сдѣлки мѣднаго, серебрянаго и золотого вѣка» (Ариольдъ)³⁾.

Все это относится, однако, только къ одной изъ двухъ, присущихъ деньгамъ, функций, а именно къ ихъ значенію, какъ официального мѣрила цѣнности,—валюты. Но римское право, въ противоположность Аристотелю, расширило понятіе денегъ. Для Аристотеля деньги были исключительно непроизводительнымъ мѣриломъ цѣнности, и этотъ взглядъ уже тогда находился въ иѣкоторомъ противорѣчіи съ практикой современной ему дѣйствительности. Подъ понятіе денегъ римское право подводитъ всякую цѣнность, которая можетъ быть выражена въ деньгахъ. Такъ гласить и опредѣленіе Гермогеніана: «pecuniae nomine non solum numerata pecunia, sed omnes res tam soli quam mobiles et tam corpora quam jura continentur». Поэтому-то римское

¹⁾ Ср. R. v. Ihering, Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung, 4 Aufl., 1878.

²⁾ Mommsen, Geschichte des römischen Münzwesens, 1860, S. 169—176.

³⁾ a. a. O., S. 245.

право и не могло требовать подобно Аристотелю, чтобы за денежную ссуду вовсе не уплачивался процентъ; впрочемъ, возврѣнія на процентъ и на нравственное его оправдание неоднократно измѣнялись. «Римляне—говоритъ Арнольдъ—несмотря на нѣкоторыя колебанія, уже съ давнихъ поръ знакомы были съ процентомъ. Размѣръ процента первоначально опредѣлялся только соглашеніемъ сторонъ; но впослѣдствіи наряду съ этимъ былъ установленъ и законный процентъ (quaе ex officio judicis praestantur)... Римляне совершенно правильно подводятъ процентъ, подобно арендной и наемной платѣ, подъ категорію гражданскихъ плодовъ, существующихъ наряду съ естественными плодами; процентъ они, примѣняя этимологическое толкованіе, объявляютъ вознагражденіемъ за пользованіе деньгами (*usus aeris crediti*) и полагаютъ, что существуетъ естественная обязанность уплатить процентъ въ тѣхъ случаяхъ, когда соглашенія на этотъ счетъ между сторонами не состоялось, а правомъ не установлена законная обязанность уплаты процента, такъ напр., при задержанныхъ процентахъ, или процентахъ съ покупной цѣны товара, передача котораго уже состоялась (безъ одновременной уплаты эквивалента)»¹⁾.

Мы не хотимъ, однако, сказать этимъ, что римлянамъ вполнѣ ясна была сущность процента. Для этого хозяйственная жизнь не успѣла еще сдѣлать достаточно большихъ успѣховъ. Кредитъ, который логически тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ процентомъ, достигъ полнаго развитія только въ наши дни. Въ то время онъ переживалъ еще періодъ своего младенчества, хотя ссуды были явленіемъ уже весьма распространеннымъ. Но кредитъ извѣстенъ былъ римлянамъ только въ формѣ личныхъ долговыхъ обязательствъ, а не въ видѣ передачи капитала въ руки предпринимателя въ производительныхъ цѣляхъ: вѣдь тогда еще не существовало такой промышленной жизни, какъ та, которая развилаась въ нашъ машинный вѣкъ.

Этимъ опредѣляется и задача, которую могло выполнить римское право при своемъ возрожденіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Пока необходимо было на мѣсто германского права, соотвѣтствовавшаго отношеніямъ натурального хозяйства, поставить денежное право, болѣе отвѣчавшее расширившимся торговымъ сношеніямъ того времени, вновь извлеченное на свѣтъ Божій римское право удовлетворяло этой цѣли. Но, когда хозяйственная жизнь въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи вышла изъ этихъ рамокъ, римское право не могло за нею послѣдовать, и пришлось искать новаго права, процессъ образованія котораго мы теперь и переживаемъ.

И если римское право не является капиталистическимъ въ современномъ смыслѣ этого слова, то оно все же было правомъ древнаго, менѣе развитого капитализма, и какъ таковое, оно стоитъ въ рѣзкомъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 299.

противорѣчіи съ тѣмъ правомъ, построеннымъ на началѣ труда, къ которому стремятся въ настоящее время. Деятельность по управлению домашнимъ хозяйствомъ не представлялась римлянамъ трудомъ; доходъ, получавшійся отъ этой дѣятельности, не считался заработной платой. Всякій доходъ признавался приращеніемъ имущества, это было «fructus», полученный благодаря приложенію рабскаго труда къ предметамъ движимымъ или недвижимымъ. Подобно тому, какъ въ сфере политики центральное мѣсто принадлежало понятію завоеванія, такъ въ области хозяйства надъ всей дѣятельностью римлянъ господствовало понятіе насильственного присвоенія, завладѣнія,—того, что выражалось словами «тареге» и «оссипраге». Въ основѣ всего лежалъ принципъ «добычи», или, какъ говорятъ въ наши дни, принципъ эксплуатации. Право собственности на вещь утверждалось за лицомъ не на томъ основаніи, что она была изготовлена его трудомъ, а потому, что онъ обладалъ достаточной силой, чтобы обеспечить себѣ длительное владѣніе ею. Современное пониманіе экономического значенія труда было совершенно чуждо римлянамъ. Арнольдъ вполнѣ справедливо указываетъ на то, что римляне выражали понятіе труда не родственнымъ по корню словомъ «labor», а словомъ «орегае», употреблявшимся во множественномъ числѣ. «Орегае» технически обозначало рабскій трудъ (*servitus oreragum*), и терминология эта объясняется тѣмъ, что всякий физический трудъ считался дѣломъ раба. Въ этой области современная хозяйственная жизнь опередила экономическія отношенія Рима, и мы можемъ вполнѣ согласиться со словами Эртмана въ концѣ его книги объ экономическомъ учениіи *Corpus juris civilis*: «Поскольку дѣло идетъ о частно-хозяйственномъ элементѣ, объ объемѣ правъ индивида, римское право мастерски выполнило свою задачу. Но наряду съ индивидуальнымъ моментомъ появляется моментъ социальный, заслуживающій такого же вниманія, какъ и первый. Для изслѣдованія этого фактора необходимо экономическое учение современное, соответствующее условіямъ нашихъ дней. Римское право, построенное на совершенно иныхъ социальныхъ отношеніяхъ, такого учения дать намъ не можетъ. И если, съ одной стороны, не слѣдуетъ пренебрегать интересами отдельныхъ лицъ въ пользу социалистическихъ идей, то, съ другой стороны, надо всеими силами стремиться къ органическому соединенію обоихъ моментовъ въ высшее единство». Эти слова дѣйствительно мѣтко характеризуютъ отношеніе нашего времени къ римскому праву. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ присоединиться и къ восклицанію Эртмана: «Было бы неблагодарностью забыть, что мы обязаны ему безконечно многимъ!»—Польза, которую удалось изъ него извлечь, лежитъ въ области методологии.

Часто ставили вопросъ, въ чёмъ заключаются вѣчные, непреходящіе элементы римской юриспруденціи, и отвѣтъ гласилъ обыкновенно, что ихъ слѣдуетъ искать въ точности формулировки понятій и онкентъ. Исторія полит. экон.

въ удивительномъ умѣніи обращаться съ абстракціями. Въ этомъ смыслѣ Савини и говорилъ о римскихъ юристахъ: «безъ преувеличенія можно утверждать, что они оперировали понятіями, какъ математическими величинами». Мысль вполнѣ правильная, и если впослѣдствіи эта способность и вырождалась часто въ простой формализмъ и въ игру понятіями, то все же нельзя отрицать, что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій люди изощряли свои умственные способности, изучая опредѣленія римского гражданскаго права; а изъ этого извлекали пользу и другія науки. Гоббсъ впослѣдствіи примѣнилъ этотъ методъ въ области государственного права. Для него мыслить и считать одно и то же. Кэнэ примѣнилъ методъ римскихъ юристовъ къ изученію явлений хозяйственной жизни въ видѣ своего «точного» метода и сдѣлался такимъ путемъ основателемъ науки политической экономіи. Въ самомъ началѣ сочиненія «Le droit naturel» (1765), въ которомъ изложены основные начала его возврѣнія на право, Кэнэ заявляетъ, что первымъ дѣломъ необходимо дать правильное опредѣленіе естественного права. Онъ приводитъ длинный перечень старыхъ опредѣленій, объявляетъ ихъ несостоятельными, отвергаетъ ихъ и замѣняетъ ихъ новымъ опредѣленіемъ. И лишь тогда онъ приступаетъ къ изслѣдованию материальной стороны вопроса. Его методъ, подобно методу Гоббса, безусловно абстрактенъ и неисториченъ. Въ сочиненіи «Деспотизмъ въ Китаѣ» (1767), въ которомъ Кэнэ излагаетъ свои общія философско-политическія возврѣнія и гдѣ онъ признаетъ себя сторонникомъ правового или просвѣщенного абсолютизма, онъ прямо предостерегаетъ отъ попытокъ извлекать основные принципы права изъ истории¹⁾. Исторія, по его мнѣнію, хаосъ, изъ которого нельзѧ добыть руководящихъ понятій. Въ «tableau sconomique», пользуясь ариѳметическими и геометрическими величинами, онъ доводитъ оперированіе понятіями, какъ числами, до крайняго предѣла.

Отношеніе Адама Смита къ римскому праву иногда сближаетъ его съ Кэнэ, но, вообще, ихъ возврѣнія на этотъ счетъ совершенно различны. Правда, Смитъ въ своемъ учениіи гражданскаго права неоднократно ссылается на кодексъ Юстиніана, и для гражданина страны, въ которой римское право не рецирировано еще и по сей день, это представляется страннымъ. Но вплетается онъ принципы римского права въ свою систему совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлаетъ Кэнэ. Адамъ Смитъ обращается здѣсь къ тому же методу, которымъ онъ пользуется въ своей теоріи нравственныхъ чувствъ, къ методу историко-философскому. Онъ, въ противоположность Кэнэ, исходитъ изъ того положенія, что между гражданскимъ правомъ съ одной стороны, культурнымъ уровнемъ народа и господствующимъ у него политическимъ строемъ—съ другой, существуетъ взаимная зависимость. И онъ пы-

¹⁾ Oeuvres de Quesnay, p. 641.

тається доказати це путемъ сравнительно-исторического изученія права. Смитъ является, быть можетъ, почти что предшественникомъ «исторической школы права». Примѣромъ въ этомъ случаѣ онъ ставить себѣ Монтескье, на которого горячо нападаетъ Кэнэ за его якобы безусловно неправильный методъ изслѣдованія. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Относительно общихъ политическихъ воззрѣній Адама Смита слѣдуетъ сказать, что онъ отдастъ предпочтеніе «mixed government» въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ Англіи, т. е., такой формѣ правленія, которая заключала бы въ себѣ элементы всѣхъ прежнихъ системъ. И здѣсь, такимъ образомъ, онъ не отступаетъ отъ своего синтетического міровоззрѣнія. Определеній и математическихъ примѣровъ, которымъ Кэнэ придаетъ первенствующее значеніе, Адамъ Смитъ избѣгаетъ: они почти что совсѣмъ не встречаются у него.

Римское право было великимъ культурно-историческимъ созданіемъ римского народа. Оно достигло полнаго расцвѣта въ ту эпоху народной жизни, которую обыкновенно называютъ эпохой упадка. Во всякомъ случаѣ, оно не въ состояніи было задержать гибель націи; всего замѣчательнѣе, что хозяйственныя отношенія къ концу римской исторіи все болѣе и болѣе принимали характеръ натурального хозяйства, который они носили и въ первые годы существованія Рима. Какъ бываетъ съ человѣкомъ, такъ случилось и съ націей: въ старческомъ возрастѣ она какъ бы снова впала въ дѣтство.

Отъ старческой немощи и рушилось въ концѣ концовъ государство. Германцы пришли просто въ качествѣ наследниковъ. И если гибель народа не была особенно славной, то не иначе обстояло дѣло и съ дѣлежомъ оставленнаго имъ наследства. Впрочемъ, это относится уже къ новой исторической эпохѣ.

II. Глава. Средніе вѣка.

§ 1. Введеніе.

Такъ называемые средніе вѣка, согласно нашему дѣленію, также входить въ доисторический періодъ политической экономіи. Однако, здѣсь придется пользоваться инымъ методомъ изложенія чѣмъ въ предыдущей главѣ. То, что, по всеобщему соглашенію, начиная съ 17-го вѣка, принято называть средневѣковьемъ, въ дѣйствительности не является таковыемъ ни для всего развитія человѣчества вообще, ни для германского культурного періода въ частности; мы неоднократно указывали уже на это обстоятельство. Разматриваемый періодъ не является «средними вѣками» для всей исторіи человѣчества потому, что такъ называемая древность уже сама распадается на цѣлый рядъ культурныхъ цикловъ,

слагающихся изъ периодовъ прогрессивнаго развитія и периодовъ репресса, и каждый изъ такихъ цикловъ имѣетъ свои собственные средніе вѣка; и никто не знаетъ, сколько времени такое круговорашеніе будетъ еще продолжаться въ будущемъ. Эта эпоха—не средніе вѣка для германскаго культурнаго периода потому, что минимое средневѣковье въ дѣйствительности является начальной стадіей развитія германскаго народа и, такимъ образомъ, съ точки зреінія современности, оно скорѣе можетъ быть названо древностью германской культуры, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части. И если при изученіи экономическихъ теорій такъ называемой древности можно было ограничиться изложеніемъ литературныхъ памятниковъ, оставляя въ сторонѣ факты,—съ тою однако оговоркою, что полное пониманіе переданныхъ идеи до-стижимо только при одновременномъ изслѣдованіи историческихъ событій, вызвавшихъ эти идеи къ жизни и испытавшихъ на себѣ ихъ явленіе,—то въ дальнѣйшемъ такой методъ изложения оказывается уже недостаточнымъ. Такъ какъ дѣло идетъ о начальныхъ стадіяхъ нашего собственнаго экономического и соціального развитія, о томъ фундаментѣ, на которомъ строилась вся позднѣйшая исторія,—древность по отношенію къ намъ не имѣеть такого значенія,—то необходимо привлечь къ изслѣдованію и эмпирической матеріалъ. Эмпиріка также обладаетъ своею системой, которую можно установить согласно руководящимъ идеямъ. И мы имѣемъ тѣмъ больше основаній изучать первоначальныя условія національной хозяйственной жизни германскаго народа, что не только многія понятія, созданныя при отношеніяхъ натуральнаго хозяйства, возродились въ экономической литературѣ (это видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложения), но и новѣйшая фаза соціального развитія, какъ рисуетъ ее намъ соціализмъ, замѣтнымъ образомъ тяготѣеть къ условіямъ древнѣйшей стадіи культурнаго развитія. Коммунистическій строй будущаго, по указаніямъ наиболѣе популярныхъ его проповѣдниковъ, не будетъ нуждаться въ деньгахъ. Это вовсе не значитъ, что человѣчество возвратится къ первобытнымъ временамъ. Напротивъ того, высшая ступень развитія должна представлять собою низшую въ высшемъ ея завершеніи.

§ 2. Культура первобытнаго общества.

Происхожденіе германцевъ, подобно происхожденію народовъ античнаго міра, скрыто отъ насъ глубокимъ мракомъ. Тѣмъ не менѣе всегда появлялись гипотетическія изображенія этихъ событій, какъ въ области религіи, такъ и въ области философіи. Существуютъ по этому вопросу два противоположныхъ вззрѣнія: одни принимаютъ за исходный пунктъ счастливую жизнь (въ раю), за которой слѣдовало внезапное или постепенное паденіе; другіе стоятъ на точкѣ зреінія медленнаго развитія человѣчества отъ животнаго состоянія до современ-

наго культурного уровня, съ утопическимъ идеаломъ впереди. Платонъ и стоики, а также и юдейско-христіанская религія придерживаются первой гипотезы. Эпикуръ и его школа, въ томъ числѣ и римлянинъ Лукреций, придерживаются, какъ мы уже знаемъ, второй. Въ эпоху, которая именуется «новымъ временемъ», Гуго Гроцій опять взялся за разрѣшеніе этой проблемы, и его ученіе о первобытномъ состояніи, къ которому примыкаетъ и его философія естественного права, занимаетъ среднее положеніе. Гоббсъ и Руссо снова формулируютъ двѣ крайнія противоположныя точки зренія. Гоббсъ видитъ въ первобытномъ состояніи общества, предшествовавшемъ возникновенію государства, эгоистическую «борьбу всѣхъ противъ всѣхъ» и изъ этого выводить необходимость государственного абсолютизма. Руссо, исходя изъ того положенія, что по природѣ своей человѣкъ добръ, находитъ золотой вѣкъ въ первобытной жизни людей; счастье было разрушено введеніемъ монархіи, основанной на принципѣ частной собственности; отсюда слѣдуетъ необходимость возвращенія къ демократической республикѣ, какъ результату «общественного договора», который долженъ замѣнить собою «договоръ подчиненія». По мнѣнію Гоббса, на первоначальной стадіи общественного развитія существовала частная собственность; по мнѣнію Руссо, общественная собственность – исторически предшествуетъ частной.

II Кэнз, и Адамъ Смітъ создали свои ученія о первобытномъ состояніи, которые мы впослѣдствіи разсмотримъ подробнѣе; оба они очень близки къ ходу мыслей Гуго Гроція, но основатель физіократической системы обнаруживаетъ большую склонность къ взглядамъ Руссо, въ то время какъ шотландскій изслѣдователь моральной философіи болѣе солидаренъ съ Гоббсомъ; это повело къ различіямъ и въ ихъ политико-экономическихъ воззрѣніяхъ.

Всѣ эти конструкціи фантастичны, и никто серьезно не считается съ ними въ настоящее время. Зато въ этой области производятся теперь точные изслѣдованія, цѣль которыхъ конструировать эпоху первобытнаго состоянія путемъ сравнительного изученія и заключеній отъ настоящаго къ прошлому. причемъ въ основу этой научной работы кладутся условія жизни сохранившихся до нашихъ дней дикихъ народовъ.

Какъ известно, толчокъ къ такимъ изслѣдованіямъ дала книга Бахофена «Материнское право» (*Das Mutterrecht*), изданная въ 1861 году. Теорія Бахофена, которую впослѣдствіи американецъ Мортганъ дополнилъ въ работѣ *Ancient Society* (1877), написанной на основаніи многочисленныхъ наблюдений надъ жизнью индійского племени прокезовъ, охватываетъ только семейственные отношенія, не касаясь хозяйственной жизни; это остается характерной чертой всѣхъ подобныхъ изслѣдованій и до настоящаго времени. Правда, экономический моментъ былъ привнесенъ въ эту область совмѣстной работой Маркса

и Энгельса—«Происхождение семьи, собственности и государства»¹⁾; однако, выводы ихъ не особенно глубоки и не построены на самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ.

По Бахофену, первая стадія общественного развитія, это—состояніе *гетеризма*, какъ онъ его называетъ, т. е. свободное половое общеніе всѣхъ мужчинъ и женщинъ, принадлежащихъ къ данному племени. А такъ какъ, при этихъ условіяхъ, съ достовѣрностью можетъ быть опредѣлена только связь ребенка съ матерью, а не связь его съ отцомъ, то древайшими родственными узами были отношения матери къ ребенку, древнейшей формой власти—материнская власть. Въ силу этого женщина естественно занимаетъ въ племени болѣе высокое положеніе, чѣмъ мужчина; Бахофенъ называетъ это *материнскимъ правомъ*. Коллективной формѣ брака соответствуетъ колективная форма веденія хозяйства подъ руководствомъ женщины. Частной собственности еще не существуетъ. Все общество, подобно звѣрямъ, живетъ непосредственнымъ захватомъ тѣхъ даровъ природы, которые поставлены ею въ распоряженіе человѣка. Постепенно накапливается запасъ благъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинается соціальная дифференціація, которая, достигнувъ извѣстнаго уровня, вызываетъ переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Частная собственность придается и наследственному праву все болѣе рѣзкій индивидуальный характеръ. У человѣка возникаетъ потребность имѣть наследника своего имущества, права которого были бы неоспоримы. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется и принципъ моногаміи, прошедший однако цѣлый рядъ ступеней развитія, прежде чѣмъ онъ вылился въ форму строго моногамического брака, въ одно время съ которымъ утверждается и абсолютная частная собственность. Одну изъ такихъ переходныхъ ступеней образуетъ институтъ «главной жены», выдѣляющейся среди наложницъ; эту форму брака можно встрѣтить еще кое гдѣ на востокѣ. Въ той же послѣдовательности совершается и переходъ господства въ семье отъ женщины къ мужчинѣ; *отцовское право* замѣняется собой право материнское. Абсолютной свободѣ мужа соответствуетъ полное порабощеніе жены. Въ будущемъ коммунистическомъ строѣ, согласно Энгельсу и Марксу, женщина вновь эмансируется. Отмѣнѣ частной собственности соответствуетъ ликвидациѣ и современныхъ семейственныхъ отношеній. И собственность и семья, какъ «историческая категоріи», подвержены измѣненіямъ.

Въ послѣднее время сдѣлано было много возраженій на эту безусловно остроумную теорію, довольно долго господствовавшую въ наукѣ,

¹⁾ Stuttgart 1884; русск. переводъ въ изд. Павленкова. Спб. 1896 г. Ср. для справокъ о литературѣ вопроса главу „Die Urfamilie und ihre Entwicklung“ въ книгѣ Людвига Штейна „Die soziale Frage im Lichte der Philosophie“, Stuttgart 1897; русск. переводъ „Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія“ Москва 1899 г.

почти не вызывая споровъ. Не безъ основанія указывали, что аналогія съ животнымъ міромъ вовсе не доказываетъ, что человѣкъ непремѣнно былъ стаднымъ животнымъ: вѣдь среди послѣднихъ жизнь отдельными парами встречается по меньшей мѣрѣ такъ же часто, какъ и свободное половое обиженіе въ стадахъ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ достовѣрно, что то индивидуалистическое состояніе, которое современная политическая экономія относитъ уже къ самому началу хозяйственнаго развитія (особенно далеко зашелъ въ этомъ отношеніи Адамъ Смитъ, заставляя пекаря и мясника менять продукты своего труда уже на первыхъ стадіяхъ исторической жизни), является плодомъ фантазіи. Лавеле—и это составляетъ его вѣчную заслугу—съ настойчивостью указывалъ, что древнѣйшія формы собственности и хозяйства всюду носили общинный характеръ¹⁾, не отличавшійся, впрочемъ, исключительностью. Для насъ важно установить, на какой стадіи развитія находились германцы, когда они перекочевали въ Европу. Лампрахтъ попытался освѣтить этотъ вопросъ въ небольшомъ сочиненіи *Zur Sozialgeschichte der deutschen Urzeit*²⁾. Книга заканчивается слѣдующими словами, резюмирующими все ея содержаніе: «На основаніи важнѣйшихъ и единственно полныхъ франкскихъ источниковъ права можно заключить, что борьба между материнскимъ и отцовскимъ правомъ окончилась около шестого вѣка въ пользу отцовскаго права; съ этихъ поръ господство принадлежитъ патріархальной семье». Предшествовавшая историческая эпоха цѣликомъ характеризуется борьбой между материнскимъ и отцовскимъ правомъ и, соответственно съ этимъ, господствомъ непостоянныхъ и смѣшанныхъ системъ родственныхъ правъ по отцовской и по материнской линіямъ». Достовѣрно, что германскія племена во время своего вторженія въ Европу уже отнюдь не были «дикарями», подобными американскими краснокожимъ, какъ полагаютъ некоторые ученые. Вотъ что говорить о нихъ Феликсъ Данъ³⁾: «Это былъ народъ, богато одаренный всякими благородными чертами, стоявшій на уровнѣ весьма несложной культуры, доисторической (*Vorkultur*) въ сравненіи съ позднѣйшимъ развитіемъ, но отнюдь не первобытной; по степени послѣдней онъ напоминалъ эллиновъ временъ Гомера... Они были «варварами», но людьми способными къ широкому развитію, развитію вполнѣ своеобразныхъ дарованій, оплодотворенныхъ чужой болѣе высокой культурой».

¹⁾ *Emile de Laveleye, De la propri t  et de ses formes primitives*, 1874; немѣцкій перев. Карла Бюхера „Das Ureigentum“, Leipzig 1879. Русск. перев. „Первобытная собственность“, Спб. 1875.

²⁾ T bingen 1889. Ср. также *Karl Lamprecht, Deutsche Geschichte*, Berlin 1891, Bd I, Buch I, Kap. I. Русск. перев. „Исторія германскаго народа“, Москва 1891—1895.

³⁾ *F. Dahn, Urgeschichte der germanischen und romanischen V lker*, Berlin 1881, Bd. I, S. 31.

Мы не располагаемъ достаточнымъ материаломъ, чтобы описать экономическую систему этой «доисторической культуры». Извѣстно только, что это была культура номадовъ. Кочуя, германцы тащили за собой въ видѣ повозокъ и скота свои жилища и имущество. Все это носило, конечно, характеръ домашняго, семейнаго хозяйства. Это было первобытное натуральное хозяйство¹⁾.

Въ началѣ пятой книги своего «Изслѣдованія» Адамъ Смитъ попытался дать картину условій жизни того времени. Онъ отличаетъ, во-первыхъ, народы, занимающіеся охотой, отъ гораздо выше ихъ стоявшихъ—пастушескихъ. Народы, добывающіе себѣ средства пропитанія охотой, не имѣютъ почти никакой собственности, «ниѣть у нихъ ни государей, ни государства». Иначе у номадовъ: въ видѣ скота они могутъ накопить порядочное имущество. На этой «второй стадіи развитія человѣческаго общества» появляется неравномѣрное распределеніе богатствъ: оно вызываетъ возникновеніе организованной судебнай защиты правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государства, цѣль котораго бороться противъ посягательствъ бѣдныхъ на имущество болѣе богатыхъ. Здѣсь существуетъ уже и опредѣленное военное устройство, правда—въ формѣ всенароднаго ополченія. Въ то время какъ охотничье племя никогда не можетъ оказаться опаснымъ для состоянія цивилизованнаго народа, о номадахъ этого сказать нельзѧ. Исторія знаетъ много примѣровъ, доказывающихъ это положеніе. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательный—разрушеніе римскаго государства пастушескимъ народомъ—германцами. Кромѣ того, Смитъ ссылается еще на соотвѣтствующіе разсказы Фукидида, относящіеся къ древности. Экономическую жизнь номадовъ, находящуюся въ тѣсной связи съ господствующимъ у нихъ военнымъ устройствомъ, онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Эти народы не имѣютъ обыкновенно постоянныхъ жилищъ, они живутъ либо въ палаткахъ, либо въ особаго рода крытыхъ телѣгахъ, которыя легко перевозить съ мѣста на мѣсто. Все племя мѣняетъ мѣсто жительства въ зависимости отъ временъ года или подъ вліяніемъ другихъ обстоя-

¹⁾ Довольно подробное изслѣдованіе „первобытнаго хозяйства“ мы находимъ въ книгѣ *К. Бюхера*, „Die Entstehung der Volkswirtschaft“ (3 Auflage 1901) („Происхожденіе народнаго хозяйства“, изд. М. Водовозовой) въ главахъ „Der wirtschaftliche Urzustand“ и „Die Wirtschaft der Naturvölker“. Въ своемъ „Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre“ (1900) *Ш.м.леръ* сдѣлалъ сводку результатовъ изслѣдованій первобытной формы семьи (Buch II, Abschn. I, „Die Familienwirtschaft“). Болѣе подробная свѣдѣнія о литературѣ этого вопроса можно найти въ книгѣ *Людвига Штейна*, „Die sociale Frage im Lichte der Philosophie“ (1897; „Соціальный вопросъ съ философской точки зренія“, Москва 1899) въ первомъ отдѣлѣ, озаглавленіемъ „Urformen des Gemeinschafts- und Gesellschaftslebens“.—*Sartorius von Waltershausen* рассматриваетъ вопросъ о первобытномъ хозяйстве въ своемъ сочиненіи „Die Entstehung des Tauschhandels in Polynesien“ (Zeitschrift für Wirtschaftsgeschichte u. s. w. Bd. 4, 1896) въ прямомъ отношеніи къ ученію Ад. Смита о первобытномъ состояніи.

тельствъ. Когда стада стравливаютъ пастища въ одномъ мѣстѣ, племя перекочевываетъ на другія, затѣмъ на третьи. Въ сухое время года оно располагается по берегамъ рѣкъ; въ сырое время оно ищетъ высокихъ мѣстъ. Когда такой народъ отправляется на войну, воины не поручаютъ своихъ стадъ безсильному надзору стариковъ, женъ и дѣтей, ибо старики, жены и дѣти не могутъ оставаться безъ защитниковъ и безъ средствъ къ жизни; такъ какъ весь народъ и безъ того даже въ мирное время привыкъ къ кочевой жизни, онъ и во время войны легко оставляетъ насиженныя мѣста. Правда, иль въ этомъ случаѣ иная, но образъ жизни остается приблизительно тѣмъ же, кочуетъ ли племя въ видѣ войска или въ видѣ общества пастуховъ. Всѣ вмѣстѣ идутъ на войну и каждый дѣлаетъ то, что ему подъ силу» и т. д.

При составленіи этого описанія авторъ, очевидно, кромѣ другихъ источниковъ воспользовался еще рассказами Страбона, Цезаря и Тацита о жизни германскихъ племенъ. Въ общемъ оно можетъ быть признано правильнымъ, хотя детальной картины тогдашней жизни не даетъ.

Замѣтимъ еще, что и Кэнэ¹⁾ мимоходомъ указываетъ на различие между народами, занимающимися охотой (сюда относятся и тѣ, которые живутъ рыболовствомъ), и скотоводческими племенами. И тѣ и другіе, по мнѣнію Кэнэ, стоять на ступени экономического развитія, предшествующей появлению земледѣлія. Подробного описанія экономическихъ отношеній того времени онъ, въ отличіе отъ Смита, не даетъ.

§ 3. Система общинного натурального хозяйства въ раннемъ средневѣковьѣ.

Когда въ политической экономіи говорятъ о натуральномъ хозяйстве (это выраженіе получило право гражданства только въ серединѣ 19 вѣка благодаря Бруно Гильдебранду), то подъ нимъ понимаютъ всю экономическую жизнь, предшествовавшую возникновенію денежного хозяйства; въ ея предѣлахъ никакихъ различій не усматриваются. Это безусловно не соответствуетъ дѣйствительности. Какъ денежное, такъ и натуральное хозяйство проходятъ нѣсколько стадій развитія. Натуральное хозяйство выливается въ одну форму въ первобытные времена, уnomадовъ, въ другую—въ ту эпоху, когда люди перешли уже къ осѣдлому образу жизни, въ третью—въ феодальномъ обществѣ. Безусловно неправильно допущеніе, будто натуральное хозяйство можетъ существовать только на низшей ступени культурного развитія; будто деньги, въ качествѣ орудія обмена, появляются тотчасъ, какъ только начинаютъ развиваться сношения между сосѣдями. Этого воззрѣнія

¹⁾ „Oeuvres“ p. 646.

придерживалась обыкновенно классическая политическая экономія. И соціалисты впоми^н спраедливо упрекали ее въ томъ, что въ ея конструкціяхъ допускается непосредственный переходъ отъ самого перво-бытного состоянія къ наиболѣе развитымъ формамъ денежного и кредитного хозяйства. Разъ дѣло обстояло бы такъ, то вѣдь всему такъ называемому средневѣковью вовсе и не было бы мѣста въ исторіи хозяйства и въ теоріи политической экономіи; экономисты этого направліенія дѣйствительно ограничивались тѣмъ, что называли средневѣковые эпохой варварства, такъ сказать ложнымъ путемъ, по которому пошла исторія культуры. Но въ міровой исторіи ничто не совершается безъ достаточнаго основанія; вслѣдствіе этого въ наукѣ продолжаетъ оставаться открытой проблема такого рода—выяснить историко-философскій смыслъ средневѣковой хозяйственной жизни и определити, отношеніе послѣдней къ позднѣйшимъ экономическимъ системамъ.

Мы уже указывали на то, что всѣ культурныя націи, не исключая и античныхъ народовъ¹⁾, начали свою исторію эпохой натурального хозяйства. Это обстоятельство долгое время оставалось незамѣченнымъ, оттого что въ тѣ времена символы замѣняли собой письмена. А между тѣмъ наука вплоть до нашихъ дней основывалась почти исключительно на памятникахъ письменности и лишь въ послѣднее время стала обращаться и къ другимъ источникамъ. Дѣлаются попытки извлечь изъ подъ пыли вѣковъ остатки прежней культурной жизни и по этимъ обломкамъ восстановить, по возможности, вѣрную картину старого быта. Это относится особенно къ древнимъ условіямъ поселенія германцевъ, предшествовавшимъ тому времени, когда они окончательно осѣли въ различныхъ частяхъ Европы, входившихъ и не входившихъ въ составъ Римской Имперіи.

Археологи и экономисты съ одинаковымъ рвениемъ изслѣдуютъ въ настоящее время древніе материалы; при этомъ, конечно, всплыли важные спорные вопросы, изъ-за которыхъ въ наши дни ведется горячая борьба; и въ ней принимаютъ участіе представители почти всѣхъ націй.

Между тѣмъ какъ болѣе старая группа изслѣдователей, представителями которой являются Вайцъ, Гансенъ, Мауреръ, Гирке и Мейценъ (къ нимъ присоединились бельгіецъ Лавеле и русскіе Виноградовъ и Ковалевскій) признаютъ основной соціальной ячейкой марку, построенную на равенствѣ всѣхъ членовъ, другая группа писателей, къ которой принадлежать французъ Фюстель де Куланжъ, англичане Сибомъ (Seeböhm) и Эшли (Ashley), а изъ иѣмцевъ и австрійцевъ Г. Ф. Кнаппъ, Рихардъ Гильдебрандъ, Зоммерладъ и до известной степени также

¹⁾ Ср. Lexis, Статья „Naturalwirtschaft“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

Инама Штернегъ, выступаетъ противъ этой точки зре́нія. Фюстель де Куланжъ прямо назвалъ свободную марку «тевтонской химерой», а другіе утверждаютъ, что она является «послѣднимъ остаткомъ романтической концепціи исторіи, любящей помышлять золотой вѣкъ въ самомъ началѣ исторической жизни». У древнихъ германцевъ господствовало не общинное начало, а начало властовданія въ древне-римскомъ смыслѣ слова. Основной чертой древне-германского соціального строя было не общинное веденіе хозяйства, а экономическая жизнь, основанная на началѣ частной собственности на землю, причемъ обработка земли лежала на обязанности рабовъ-иноземцевъ, между тѣмъ какъ хозяева занимались военнымъ искусствомъ и политикой.

Если бы эта точка зре́нія была вѣрна въ полномъ объемѣ, то въ германской культурѣ слѣдовало бы видѣть непосредственное продолженіе культуры римской. Но въ такомъ случаѣ все средневѣковые было бы совершенно непонятно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отказать вышеупомянутымъ изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ съ огромнымъ приложеніемъ и большой основательностью, въ иѣкоторой достовѣрности—нельзя. Германский общинный принципъ могъ, конечно, развиться во всей своей чистотѣ, только тамъ, где германцы поселялись на пространствахъ, дотолѣ необитаемыхъ. И что этотъ принципъ дѣйствительно проявлялся (хотя и не въ формѣ идеальныхъ конструкцій иѣкоторыхъ изслѣдователей), это съ полной несомнѣнностью доказано было въ недавнее время, не говоря уже о другихъ источникахъ, громаднымъ трудомъ Августа Мейцена «Wanderungen, Aufbau und Agrarrecht der Völker Europas nördlich der Alpen»¹⁾). Неразрѣшенными остались однако еще многие вопросы меньшей важности. Гдѣ германцы встрѣчались съ другими народностями, тамъ они выступали, конечно, въ качествѣ господъ. Либо они изгоняли прежнихъ жителей страны, либо они селились среди нихъ и приступали къ раздѣлу владѣній. Тамъ, где имѣло мѣсто послѣднее, отъ смѣщенія образовались нынѣшнія романскія націи; въ первомъ случаѣ сохранялась чистая германская народность.

Въ своемъ труда «Экономическое развитіе Европы до возникновенія капиталистического хозяйства» Максимъ Ковалевскій изслѣдуетъ, какой характеръ носилъ и какъ производился этотъ дѣлѣніе между различными племенами. Наиболѣе точны сиѣдѣнія, относящіяся къ бургундцамъ. Они пришли въ серединѣ 5 вѣка въ Савою и Южную Францію не въ качествѣ враговъ, а въ качествѣ гостей, призванныхъ для защиты отъ другихъ надвигавшихъ германскихъ народностей. Но вопреки общепринятыму правилу, что «гость» можетъ притязать только на одну треть имущества пригласившихъ его хозяевъ, бургундцы захватили двѣ трети ихъ земли. Изъ числа колоновъ, жившихъ на этой землѣ, они взяли только одну треть, такъ что римскіе владѣльцы

¹⁾ Band I, W. Hertz, Berlin 1895.

сохранили одну треть земли и двѣ трети колоновъ¹⁾. Лѣса, дворы, огороды и т. п. были раздѣлены поровну. На тѣхъ же почти основаніяхъ дѣлѣлись происходилъ у вестготовъ въ Галліи, Испаніи и т. д.

Сначала германцы и римляне жили рядомъ, не вступая въ болѣе близкія сношенія другъ съ другомъ; браковъ (*connubium*) между лицами, принадлежавшими къ двумъ различнымъ національностямъ, не бывало. Каждая нація имѣла свое право, вела свою особую хозяйственную жизнь. Прежніе обитатели страны жили, регулируя свой бытъ нормами римского права и, соотвѣтственно этому, по законамъ денежного хозяйства; пришельцы придерживались своихъ обычаевъ въ области права и хозяйства. Только по истеченіи значительного промежутка времени различія между ними стладились, причемъ германцы переняли языкъ туземцевъ, а послѣдніе въ свою очередь, заимствовали многое изъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній «варваровъ». Германисты часто печалились объ этомъ смышеніи, отъ котораго произошли романскія націи. Такъ напр. еще недавно Брейзигъ²⁾ говорилъ объ «остромъ, со страшной быстротой подѣстествовавшемъ отравленіи» германской націи; именно тѣ германскія племена, которыхъ всего рѣшительней и агрессивней вторглись въ древнее государство и низвергли владычество римлянъ, раньше другихъ погибли, какъ побѣжденные побѣдители. Здѣсь однако очень уже много преувеличеній. Новыя этнологическія образованія, произошедшия (хотя и не вездѣ) отъ этого смышенія, выполнили впослѣдствіи не одну важную культурную миссію, часто оставлявшую въ тѣни миссію тѣхъ германскихъ племенъ, которыхъ сохранили чистоту своей національности.

Но не вездѣ германцы поступали съ римскимъ населеніемъ такъ мягко. Иначе, напр., вели себя алеманы.

Черезъ Рейнъ они вторглись въ Швейцарію между 400 и 450 г. по Р. Х. и съ большой жестокостью прогнали всѣхъ римлянъ безъ исключенія. Намъ ничего не известно о какомъ-нибудь дѣлѣ, имѣвшемъ здѣсь мѣсто³⁾. Такимъ путемъ они, конечно, сохранили національную чистоту своего племени. И поэтому еще въ наши дни алеманскіе дистрикты Швейцаріи представляютъ важнѣйшія точки опоры для изслѣдованія германской культуры.

Что же можно установить относительно организаціи древне-германской *марки*? Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду слѣдовать тому описанію ея, которое Гирке далъ въ своемъ объемистомъ сочиненіи «Das deutsche Genossenschaftsrecht»⁴⁾.

¹⁾ Ковалевскій, т. I, гл. 5.

²⁾ Breysig, „Kulturgeschichte der Neuzeit“, Bd. II., 2 Hѣlfte, 1901, S. 697.

³⁾ Ср. Eugen Huber, System und Geschichte des Schweizerischen Privatrechts, Bd. IV, § 108.

⁴⁾ Три тома, 1868—1881.

Въ отличіе отъ современныхъ формъ союзовъ, которые носятъ специальный характеръ и преслѣдуютъ тѣ или другія отдельныя цѣли, причемъ каждый членъ такого союза можетъ принадлежать еще и цѣлому ряду другихъ союзовъ, марка была единымъ всеобъемлющимъ союзомъ, имѣвшимъ въ виду всѣ цѣли общежитія. Она являлась религіозной и военно-правовой, экономической и соціальной корпорацией. Въ экономическомъ отношеніи она была замкнутымъ производительнымъ и потребительнымъ товариществомъ: все, что производило это товарищество, оно же и потребляло, и все, что входило въ кругъ предметовъ его потребленія, должно было быть произведено членами союза; были, конечно, и исключенія изъ этого правила (напр. желѣзо и соль). Но несмотря на это, марка не была простымъ домашнимъ хозяйствомъ съ «pater familias» во главѣ. Она распадалась на цѣлыи рядъ равноправныхъ домашнихъ хозяйствъ, принимавшихъ равное участіе въ выработкѣ общей воли. Эта общая воля господствовала надъ всѣми жизненными отношеніями, хотя и въ различной степени, соотвѣтственно юридической и хозяйственной структурѣ данной части территории. Каждый членъ марки, какъ таковой, имѣлъ право на одну гуфу, Huse (штова, по Мейцену отъ слова Behuf: то, что каждому полагается). Эта гуфа была для него въ одно и то же время и средствомъ производства и источникомъ проштанія. Владѣлецъ ея являлся также какъ бы офиціальнымъ лицомъ и несъ ответственность передъ всѣмъ союзомъ за управление тѣмъ участкомъ, который достался на его долю. Соответственно съ тѣмъ, была ли система поселенія деревенская или подворная—встрѣчалась и та и другая—площадь земли, принадлежащая маркѣ, дѣлилась на четыре или на три хозяйственныхъ и правовыхъ округа. Система поселенія деревнями, повидимому, древнѣе, такъ какъ ей соотвѣтствуетъ болѣе низкій уровень сельско-хозяйственной культуры. Когда племя селилось деревней, прежде всего огораживалась площадь, предназначенная для жертвоприношенія и отправленія суда, и мѣсто вокругъ этой площади для жилыхъ домовъ. Эта территорія охранялась самимъ строгимъ образомъ и всѣ преступленія, совершенные на ней, карались самыми суровыми взысканіями. Затѣмъ слѣдовалъ поясъ, вмѣщавшій дворы, хозяйственныхъ сооруженія и огороды. Поясъ этотъ подлежалъ меншей охранѣ и наказанія за совершенные здѣсь преступленія отличались меншой строгостью. Къ нему примыкала такъ называемая «Feldmark» (полевыя угодья марки). Здѣсь собственно и занимались земледѣліемъ на началахъ индивидуализированного общинного хозяйства. Въ зависимости отъ того, былъ ли съвооборотъ однолѣтнимъ, двухлѣтнимъ, трехлѣтнимъ или многолѣтнимъ, участки земли черезъ соотвѣтственные промежутки времени передѣлялись, чтобы по истечениіи срока быть возвращенными общинѣ для новаго передѣла. И полевая марка тоже пользовалась особой охраной. Ниже всего въ этомъ отношеніи находилась та земля общины, которая

между ся членами не дѣлилась; это — такъ называемая альменда-*Gemeinmark*; каждый общинникъ, по мѣрѣ надобности, могъ свободно пользоваться здѣсь всѣми дарами природы.

Гуфа заключалась въ правѣ притязать на участіе въ пользованіи этими четырьмя полосами территоріи марки, опредѣлявшими уже, въ свою очередь, объемъ правоспособности ся членовъ. Жилище пользовалось наибольшею неприкосновенностью, т.-е. оно болѣе всего подчинено было юрисдикціи владѣльца. Не такъ велики были права послѣдняго во дворѣ и на огородѣ. Такъ напр., вопросъ о томъ, входить ли убийство человѣка, вторгшагося въ чужія владѣнія въ собственную юрисдикцію хозяина, другими словами, вопросъ о томъ, наказуемо ли оно, разрѣшался сообразно съ тѣмъ, въ какомъ положеніи находился трупъ. Если голова убитаго лежала на порогѣ дома, хозяинъ, охранявший свое право, быть свободенъ отъ ответственности, въ противномъ же случаѣ онъ долженъ быть отвѣтчикомъ за свой поступокъ передъ общиной. Размѣры гуфы опредѣлялись средними потребностями семейства и варировали, слѣдовательно, въ зависимости отъ степени плодородія участка. Въ своемъ домѣ и въ своемъ огородѣ общинникъ воленъ быть избирать какую угодно систему хозяйства. Никто, не исключая и общинъ, не могъ дѣлать ему здѣсь какихъ-либо предписаній. Иначе дѣло обстояло съ полевыми угодьями. Здѣсь община устанавливала ежегодно планъ веденія хозяйства (принудительный сѣвооборотъ), которому каждый общинникъ долженъ быть строго подчиняться. Общимъ рѣшеніемъ опредѣлялось время посева и жатвы, время держанія земли подъ паромъ, кошенія сѣна, открытія и закрытія проходовъ, время пастьбы скота въ лѣсу и на поляхъ, рубки лѣса и т. д.¹⁾. Индивидуальнымъ правомъ пользованія полевыми угодьями общинникъ обладалъ только въ промежутокъ времени отъ начала полевыхъ работъ до снятія хлѣбовъ; послѣ жатвы или кошенія пахотныя земли и луга снова поступали въ общее распоряженіе («wiederum gemein»), наступало время общей пастьбы скота, такъ наз. «Stoppelweide». Соответственно съ господствовавшей тогда трехпольной системой, земля дѣлилась на три поля: на одномъ сѣяли озимые хлѣба, на другомъ яровые, третье оставалось подъ паромъ; эти три поля носили названія «Zelgen», «Eschen» и т. п. Паровое поле обыкновенно удобрялось, и для того, чтобы удоброящія вещества не пропадали, строго было воспрещено вывозить изъ предѣловъ марки сѣно и солому, навозъ и листья, дернъ, мергель, даже дрова, вѣники и т. п. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ коллективное хозяйство должно было быть, по возможности, независимымъ и изолированнымъ отъ внешняго мира. Если появлялась нужда въ товарѣ, который нельзѧ было произвести въ самомъ хозяйствѣ (такими товарами были обыкновенно соль и желѣзо), то сама община,

¹⁾ Ср. обѣ этомъ *O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht*, Bd. II. 1873.

какъ таковая, вступала въ сношениі и обмѣнъ съ другими коллективными хозяйствами; она же и распредѣляла эти товары между общинниками. За нихъ платили обыкновенно шерстью. Въ деньгахъ, такимъ образомъ, не было надобности ни для внутренняго ни для виѣшняго оборота. Ихъ замѣнило регулированіе отношеній постановленіями общины. Каждому общиннику удѣлялось то, въ чемъ онъ нуждался и на что онъ имѣлъ право, обмѣна между отдельными индивидами не существовало; а обмѣнъ въ цѣляхъ получения прибыли и подавно не былъ бы терпимъ. Ибо основнымъ началомъ, господствовавшимъ надъ жизнью древнихъ германцевъ, было положеніе, что между общинниками, какъ братьями, должно существовать по возможности полное равенство. У корыбели германской культуры мы находимъ *принципъ «средняго словія»*. И всего замѣчательнѣй то, что этотъ принципъ не просто постулировался; нѣтъ, онъ вытекалъ изъ сознательного синтеза противоположностей частной и коллективной собственности.

Въ противоположность римскому праву, строго разграничающему право частное и публичное, въ германскомъ правѣ эти двѣ сферы постоянно смѣшивались. Одно и то же отношеніе, въ зависимости отъ обстоятельствъ, рассматривалось то съ точки зрењія публичного, то съ точки зрењія частнаго права. Такъ и понятіе собственности не является неизмѣннымъ, оно опредѣляется положеніемъ объекта въ той или другой хозяйственной сферѣ. На противоположныхъ ея полюсахъ стоять частная и общественная собственность, взаимно дополняя другъ друга. Въполнѣ (*vollfreies*) частномъ обладаніи находится домъ (деревянный), къ нему присоединяется «отгороженная» или «настоящая» (*ächtes*) собственность. *Vollfreies und ächtes Eigen*—въ качествѣ блага, «добытаго личнымъ трудомъ» (*erarbeitetes* Gut) или путемъ наслѣдства—составляютъ индивидуальную собственность, поскольку послѣдняя вообще совмѣстима съ германскими правовыми возврѣніями. Поля и альменды оставались объектомъ общей собственности. Здѣсь общинникъ обладалъ только правомъ пользованія. Это право въ отношеніи къ полямъ было строго регулировано и заключалось въ правѣ исключительной эксплоатации въ продолженіе нѣсколькохъ лѣтъ; что касается альменда, оно не носило такого характера: альменда походила на общую миску, изъ которой каждый общинникъ могъ черпать, чтобы удовлетворить возникшей у него въ данную минуту потребности. Лишь власнѣствіи право пользованія альмендой было ограничено. Гуфа заключалась, такимъ образомъ, не только въ правахъ частнаго владѣнія, а совмѣщала въ себѣ частную и общественную собственность въ различныхъ степеняхъ. Тяжбы могли возникнуть только по вопросу о томъ, не вышелъ ли кто за предѣлы предоставленныхъ ему познамочій. Эти тяжбы разрѣшала община, на разсмотрѣніе которой долженъ былъ поступать каждый подобный случай. Публичная или общая воля носила абсолютный характеръ. Вѣдь каждый членъ марки получалъ свои владѣнія отъ

общины только въ видѣ «должности» (Amit). Кто не занимаетъ должности, не имѣетъ владѣній. Конечно, имѣло мѣсто и обратное положеніе: всякий, владѣющій чѣмъ-нибудь, какъ бы занимаетъ должность, слѣдовательно, несеть определенные обязанности. Это была «должностная собственность» (Amteigentum) *in optima forma*. Мы встрѣчаемся здѣсь съ мыслью, которую заимствовалъ изъ древне-германской жизни въ самомъ концѣ 18 вѣка Г. Фихте: онъ излагаетъ ее въ своихъ «Geschlossener Handelsstaat» и «Rechtslehre».

Совершенно иначе относится къ тому же вопросу римское право со своимъ твердымъ понятіемъ индивидуальной собственности. Все выводится здѣсь изъ понятія индивида, который мыслится абсолютнымъ. Публичная воля представляется какъ бы другою частною же волей, но гораздо болѣе могущественной. Собственность заключается въ полномочіи пользоваться и злоупотреблять ея объектомъ. Этимъ объектомъ можетъ быть и человѣкъ, который считается тогда вещью. Основнымъ началомъ здѣсь является принципъ господства, занимающій мѣсто принципа свободного союза германской марки. Владѣнія, налагающаго обязанности, здѣсь нѣтъ. Между тѣмъ какъ источникомъ права у германцевъ является совѣсть общинниковъ (*herausweisen—Weistümer, schöpfen—Schöffen*), у римлянъ его источникъ—вѣдѣніе. По римскому праву во время процесса происходитъ состязаніе отдѣльныхъ лицъ, причемъ болѣе сильный и ловкій остается побѣдителемъ и правопорядокъ охраняетъ его добычу. Германское же право поконится на принципѣ примиренія тѣжущихъ. Оно стремится съ помощью общей воли урегулировать частные отношенія и удѣлить каждому то, что соответствуетъ его обязанностямъ и его услугамъ. Римское право есть право городской культуры, денежное право, германское право является правомъ сельской культуры. Оно относится враждебно ко всему абстрактному и шаблонному и прекрасно приспособляется къ живому многообразію естественныхъ формъ проявленія. Въ римскомъ правѣ все носить абсолютный характеръ, для германского права все—относительно. Коротко говоря, нельзя представить себѣ большаго различія, чѣмъ то, которое существуетъ между римскимъ и германскимъ воззрѣніями на право.

Яснѣе всего эта противоположность выражается при германской системѣ поселенія деревнями. Но существуетъ, какъ мы уже указывали, еще другая германская система поселенія, такъ наз. подворная система или *Einölsystem*—терминъ очень распространенный еще и въ настоящее время. Совершенно неправильно предположеніе, будто здѣсь господствовала частная собственность въ современномъ или въ римскомъ ея значеніи. «Общинный принципъ» сохранилъ свою силу и при дворовой системѣ съ тою лишь разницей, что территорія поселенія («Bauerschaft») дѣлилась не на четыре, а только на три части. Поле и огородъ соединялись здѣсь въ одно угодье. Земля распадалась на слѣдующія

З части: а) домъ и дворъ; в) огороженная земля подъ пашню, луга и огородъ; с) альменда. Поле, на которомъ ведется общинное хозяйство, здесь не существуетъ, оно соединено съ землей, отведенной подъ огородъ, и обрабатывается индивидуальнымъ способомъ; господствующая система полеводства не трехпольная, а болѣе высокая—травопольная. По мнѣнію Justus'a M ser'a, это и была собственно германская система поселенія. А въ наши дни A. Мейценъ—его трудъ мы назвали уже выше—въ противоположность M ser'у выступилъ съ категорическимъ утвержденіемъ, что первоначальной германской формой поселенія была деревенская система. Подворная система, говорить онъ, кельтского происхожденія. Какъ бы то ни было, достовѣрно, что позднѣе именно наиболѣе благородныя нѣмецкія племена приняли систему, называемую «Bauerschaft». Здесь начала общинного хозяйства отступали на задній планъ. Но въ альмендѣ можно еще найти остатки первоначальной полу-коммунистической организаціи. И эта форма предпріятія, подобно всякому виду натурального хозяйства, производить преимущественно для собственного потребленія. Сношенія съ вѣшнимъ міромъ происходятъ хотя и не черезъ посредство самой общины, какъ при деревенской системѣ, но во всякомъ случаѣ подъ ея контролемъ. Вообще, можно сказать, что въ эпоху господства натурального хозяйства индивидуального обмѣна не существуетъ: такъ обстояло дѣло и у германцевъ, и у другихъ народностей; все они, находясь на одинаковой ступени развитія, обладали аналогичнымъ характеромъ общественной жизни. Совершенно произвольной представляется поэтому конструкція Адама Смита, надѣляющаго человѣка, въ отличіе отъ животнаго, влечениемъ къ обмѣну и утверждающаго, что въ этомъ влеченіи заключается корень всякаго прогресса. По мнѣнію Смита, каждый человѣкъ, чтобы имѣть возможность вступить въ обмѣнъ, стремится къ обладанію такимъ товаромъ, котораго у другого человѣка нѣтъ; такимъ образомъ, образуется рынокъ, возникаетъ раздѣленіе труда, а вслѣдъ съ тѣмъ тотчасъ же появляется мѣрило цѣнности и орудіе обмѣна—деньги¹⁾. Въ дѣйствительности деньги появляются далеко не такъ скоро. Ихъ замѣняютъ приговоры, постановляемые общиной по мѣрѣ надобности. Община, какъ таковая, оцѣниваетъ вещи, поступающія въ оборотъ и удѣляетъ каждому общиннику то, что ему полагается. На ея же обязанности лежатъ и сношенія съ вѣшнимъ міромъ²⁾.

Вообще раздѣленіе труда возникаетъ лишь на довольно высокой ступени культурнаго развитія и его послѣдствія отнюдь не всегда

¹⁾ Адамъ Смитъ „Изслѣдованіе“—Т. I, гл. 2. Адамъ Смитъ не вездѣ, однако, остается вѣрнымъ этимъ своимъ воззрѣніямъ. Это будетъ выяснено въ дальнѣйшемъ.

²⁾ Ср. статью *Sartorius von Waltershausen* „Die Entstehung des Tauschhandels in Polynesien“ (Zeitschr. f. Wirtschaftsgeschichte, Bd. IV).

были благотворными для общества. Въ этомъ сознается и самъ Смитъ въ одномъ мѣстѣ своего труда. Во второй главѣ пятой книги—въ ней рѣчь идетъ о воспитаніи народа—онъ рисуетъ всѣ вредныя послѣдствія, вытекающія для современаго общества изъ того, что рабочій классъ въ своей хозяйственной дѣятельности обреченъ заниматься постоянно одной и той же несложной работой. Это притупляетъ его умственные способности, разслабляетъ его организмъ. Этому положенію вещей онъ противопоставляетъ прежнія условія жизни, когда не было еще и слѣда современаго раздѣленія труда. И преимущество, по его мнѣнію, находится на сторонѣ послѣднихъ. Вотъ его слова: «Иначе обстоитъ дѣло у варварскихъ народовъ—охотниковъ, пастуховъ и даже земледѣльцевъ, когда земледѣліе стоитъ еще на низкой ступени развитія, т.-е. до возникновенія фабричной промышленности и вицѣнной торговли. При такомъ состояніи общества, каждый членъ вынужденъ заниматься самыми разнообразными видами дѣятельности, поэтому упражнять всѣ свои способности и искать средства, чтобы преодолѣть встрѣчающіяся на каждомъ шагу затрудненія. Это постоянно держитъ изобрѣтательные способности человѣка въ напряженіи и не даетъ ему опуститься до того уровня физической и умственной апатіи, которое почти сплошь характеризуетъ низкіе классы населенія въ цивилизованномъ обществѣ. У этихъ, такъ называемыхъ племенъ, всякий мужчина является воиномъ. Каждый членъ общества до извѣстной степени является и государственнымъ дѣятелемъ: онъ способенъ составить себѣ болѣе или менѣе правильное мнѣніе объ интересахъ общества и о поведеніи тѣхъ лицъ, которымъ играютъ въ немъ руководящую роль. Каждый дѣлаетъ или можетъ сдѣлать почти все то, что дѣлаетъ или можетъ сдѣлать другой. Каждый обладаетъ порядочной дозой ума, знаній, изобрѣтательности» и т. д. Во всякомъ случаѣ въ такомъ обществѣ никто не въ состояніи развитъ свои умственные способности до такой степени, какъ это могутъ сдѣлать отдельные лица въ цивилизованныхъ странахъ. Но въ общемъ масса населенія цивилизованныхъ государствъ, по мнѣнію Смита, находится въ худшемъ состояніи, чѣмъ варварскіе народы, если только правительство не заботится о предотвращеніи вредныхъ послѣдствій раздѣленія труда путемъ правильной постановки народнаго образованія, другихъ средствъ просвѣщенія, а также военного и физического воспитанія.

Въ наши дни особенно горячаго защитника древне-германскія аграрныя отношенія нашли въ лицѣ Лавеле. Въ предисловіи къ своему сочиненію «О первобытной собственности» (1874) онъ превозноситъ Швейцарію за то, что она въ большей степени, чѣмъ другіе народы, сохранила древне-германскія формы собственности въ видѣ альменды, что она сумѣла противостоять вліянію квиритскаго понятія собственности, господствовавшаго у римлянъ. «Есть

страны — говорить онъ, — въ которыхъ крайне радикальная демократія существовала въ теченіе разныхъ историческихъ эпохъ, не проходя черезъ такія стадіи развитія, какъ феодализмъ и монархизмъ; въ нихъ господствовала полная свобода, которая не окончилась классовой борьбой и соціальными войнами. Это лѣсные кантоны Швейцаріи. Здѣсь можно увидѣть непосредственное участіе народа въ управлениі, о которомъ мечталъ Ж. Ж. Руссо. Весь народъ, на народныхъ собранияхъ (*Landgemeinde*) издаетъ законы, избираетъ должностныхъ лицъ, самъ собою управляетъ, точъ въ точъ такъ, какъ это происходило въ свободныхъ греческихъ государствахъ. Мало того, здѣсь достигнута та цѣль, къ которой тщетно стремились древніе законодатели. Сохранилось равенство въ условіяхъ жизни, котораго требовалъ Аристотель, и поэтому политическое равенство не повело черезъ анархію къ деспотизму. Въ этихъ швейцарскихъ кантонахъ существуетъ еще первоначальная форма собственности; она одна соотвѣтствуетъ естественному праву, и следовательно, только она можетъ обеспечить истинной демократіи длящееся существованіе, не создавая анархіи въ обществѣ». Лавеле заканчиваетъ свой трудъ воззваніемъ, обращеннымъ къ гражданамъ новыхъ частей свѣта, Америки и Австралии, онъ убѣждаетъ ихъ не принимать «узкаго и суроваго права, которое мы заимствовали изъ Рима», но вернуться къ традиціямъ собственныхъ предковъ; это единственный путь предохранить себя подобно Швейцаріи отъ соціальной борьбы.

Правда, Лавеле чрезвычайно идеализируетъ какъ древне-германскія, такъ и швейцарскія условія жизни, выставляя ихъ въ совершенно фантастическомъ видѣ. Но доля правды въ его словахъ все же есть; она заключается въ томъ, что и въ древнихъ отношеніяхъ можно почерпать кой какія указанія, которые окажутся полезными при проведеніи современной соціальной реформы. Въ этомъ въ сущности и заключается мысль Лавеле. И въ этомъ смыслѣ изученіе древнѣйшей формы натурального хозяйства можетъ еще принести пользу современной теоріи политической экономіи.

§ 4. Система церковно-феодального натурального хозяйства.

Существуетъ еще третья ступень натурального хозяйства: это хозяйство *эпохи феодализма*. Замѣтимъ, что позднѣйшія экономическая теоріи обыкновенно игнорировали эту эпоху, квалифицируя ее, какъ переходный періодъ варварства, для экономической теоріи не имѣющій значенія. Такъ, у Кэнэ и его учениковъ мы не найдемъ даже упоминанія о ней. Въ лучшемъ случаѣ экономисты эти удовлетворяются поверхностнымъ и пренебрежительнымъ упоминаніемъ объ этомъ, по ихъ мнѣнію, времени анархіи и произвола. Отъ такого недостатка несвободенъ даже Тюрго; до насть дошло нѣсколько его

очерковъ, представляющихъ собою опытъ философіи исторіи, основанной на эволюціонномъ принципѣ¹⁾). (Они относятся къ тому времени, когда онъ еще не былъ физіократомъ). Въ этихъ очеркахъ, закончивъ изложеніе исторіи древности, онъ, послѣ общихъ разсужденій, переходитъ непосредственно къ эпохѣ Колумба. Мы находимъ у него лишь отрывочные упоминанія о крестовыхъ походахъ. Характерно также и то, что въ проектѣ организаціи муниципалитетовъ, составленномъ Тюрго уже въ концѣ его политической дѣятельности совмѣстно съ Дю-Пономъ, онъ высказывается противъ необходимости изучать исторически возникновеніе городовъ. Слишкомъ долго, по его мнѣнію, занимались вопросомъ о томъ, что дѣлали и думали наши предки въ эпоху, которая, по общему признанію, является временемъ невѣжества и варварства²⁾). Швейцарскій физіократъ J. Iselin въ своей «Geschichte der Menschheit»³⁾ съ пренебреженіемъ отзывается о феодальныхъ учрежденіяхъ какъ о «самомъ варварскомъ изъ всѣхъ законодательствъ». Другой ученый, авторъ одного изъ «Eloge de Quesnay», Romance de Mesmon выноситъ среднимъ вѣкамъ слѣдующій приговоръ: «Послѣ паденія Римской имперіи народы сѣвера вернули человѣчество къ состоянію дикости; и ночь покрыла землю на много вѣковъ; не существовало болѣе ни морали, ни политики. Рыцарство, основанное на высокомъ феодаловъ, суевѣрномъ благочестіи и романтической галантности, не оказывало на нравы того смягчающаго вліянія, которое ему долго приписывалось»⁴⁾.

Сужденія Адама Смита не такъ рѣзки. Правда, и онъ въ своемъ «Изслѣдованіи» говорить о «лениной анархіи». Но онъ дѣлаетъ оговорку, что данные институты въ такой же мѣрѣ соответствовали потребностямъ своего времени, въ какой они стали вредны для послѣдующаго периода. Но это не все. Въ различныхъ мѣстахъ своего главнаго сочиненія Смитъ подвергаетъ подробному изслѣдованию отдѣльныя части феодального зданія (Кн. III и V). Даѣте, въ его «Лекціяхъ по правовѣдѣнію» мы находимъ систематической историко-философскій трактатъ о сущности феодальной системы. Но въ догматической части «Изслѣдованія», въ особенности въ началѣ сочиненія, Смитъ дѣлаетъ тотъ же скачокъ отъ древности къ новому времени; да и вообще онъ не отличается послѣдовательностью въ систематическихъ построеніяхъ. Къ тому же онъ не повсюду придерживается одной и той же точки зрѣнія. Между тѣмъ какъ его «Лекціи» отличаются объективностью, въ его «Изслѣдованіи», напротивъ того, сразу

¹⁾ Eugène Daire, Oeuvres de Turgot, Paris 1844, t. II, „Discours sur l'histoire universelle“, S. 597 и сл.

²⁾ Тамъ же, стр. 502.

³⁾ 2. Aufl. 1891. Bd. II, S. 33.

⁴⁾ „Oeuvres de Quesnay“, p. 94.

же бросается въ глаза предубѣжденность противъ господствующихъ классовъ—духовенства и дворянства.

Относительно первого Ад. Смитъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Искусно эксплуатируя «наивное благочестіе князей и частныхъ лицъ», духовенство стало владѣльцемъ огромныхъ помѣстій, что поставило его въ совершенную независимость отъ свѣтской власти, и сдѣлало его настолько сильнымъ, что духовные феодалы стали вступать въ борьбу съ высшимъ ея носителемъ. «Привилегіи духовенства того времени (которые кажутся намъ теперь крайне нелѣшими), напр. его полная неподсудность свѣтскому суду и *Benefit of the Clergy* въ Англіи, были естественнымъ или, вѣрнѣе сказать, необходимымъ результатомъ подобного положенія». Папа сумѣлъ искусно присвоить себѣ верховное руководительство. «Духовенство всѣхъ европейскихъ государствъ образовало такимъ образомъ, своего рода духовное воинство; оно, правда, было разсѣяно по всѣмъ странамъ, но движенія его могли опредѣляться только однимъ главой соответственно одному общему плану... Если бросить взглядъ на положеніе Европы въ промежутокъ времени приблизительно отъ 10 до 14 столѣтія, то въ устройствѣ римской церкви можно усмотрѣть самый страшный союзъ, который когда-либо составился, какъ противъ авторитета и безопасности всей свѣтской власти, такъ и противъ человѣческой свободы, разума и благостоянія»¹⁾.

Не менѣе рѣзко отзыается Адамъ Смитъ въ своемъ главномъ сочиненіи и о второмъ господствующемъ сословіи—дворянствѣ. Вопреки римскому праву, солидарному въ данномъ вопросѣ съ естественнымъ правомъ, установился тотъ обычай, что дѣти наследовали по земельную собственность не поровну: бывъ введенъ институтъ первородства и заповѣдныхъ имѣній. Институты эти являлись совершенно естественными въ периодъ, когда политическое и служебное положеніе лица и его могущество находились въ зависимости отъ землевладѣнія. Но сохраненіе этого обычая до настоящаго времени, какъ это имѣеть мѣсто въ Великобританіи, несправедливо и нелѣшно. Смитъ пытается доказать, что въ Англіи первоначально господствовала альодиальная собственность. Къ концу саксонского периода ее постепенно вытѣсняется ленная система, получившая окончательное преобладаніе при Вильгельмѣ Завоевателѣ. Подобное измѣненіе на первыхъ порахъ, навѣрное, имѣло своей цѣлью ограниченіе власти крупныхъ вассаловъ, а не расширение ея. «Она установила іерархическую подчиненность, начинавшуюся съ короля и кончавшуюся самымъ мелкимъ землевладѣльцемъ, подчиненность, связанную съ цѣлью рядомъ обязанностей и повинностей». Съ теченіемъ времени это взаимоотношеніе кореннымъ образомъ измѣнилось: «Глава государственной власти стала слишкомъ слабъ, низшие

1) „Изслѣдованіе и т. д.“, т. V. ч. II. гл. 3.

ея носители слишкомъ сильны; преобладающая сила послѣднихъ была причиной слабости первого. Ленная система, съ характеризующей ее іерархической структурой, не давала королю достаточно власти для обузданія крупныхъ вассаловъ. Какъ и раньше, вассалы враждовали не только другъ съ другомъ, но и съ самимъ королемъ; страна была ареной всяческихъ насилий и грабежей». Ростъ городовъ и связанного съ ними абсолютизма королевской власти вызвалъ заслуженное паденіе этой ленной анархіи¹⁾). Главный толчокъ къ этому дали крестовые походы, о которыхъ, кстати, Смитъ отзываетъся какъ о величайшемъ изъ безумствъ, когда-либо овладѣвавшихъ европейскими народами.

Что касается экономическихъ основъ этого строя, мы находимъ у Смита только намеки на нихъ—не болѣе. Онъ напр. сообщаетъ намъ, что духовенство и дворянство получали доходы *in natura*: такъ напр. въ видѣ хлѣба, вина, скота, птицы и пр. Такъ какъ количество этихъ продуктовъ далеко превышало общую сумму личныхъ потребностей ихъ собственниковъ, такъ какъ, далѣе, отсутствіе торговли и промышленности исключало возможность превращенія ихъ въ товары съ цѣлью обмѣна на предметы роскоши,—единственное, что оставалось дѣлать—кормить этими продуктами большое число другихъ людей. Надъ ними приобрѣтались такимъ путемъ власть и авторитетъ. Что касается крупныхъ свѣтскихъ владѣльцевъ, то они въ мирное время естественно чинили судъ и расправу, а въ военное являлись въ роли военачальниковъ надъ тѣми, кто проживалъ въ ихъ помѣстьяхъ или же жилъ ихъ щедротами. Сказанное относится и къ духовенству, которое пїедро одаряло не только бѣдныхъ прихожанъ, но и рыцарей и дворянъ. «Свиты нѣкоторыхъ презатовъ были иногда такъ же многочисленны, какъ и свиты иныхъ могущественныхъ феодаловъ, а свиты всего духовенства въ общей сложности превышали численностью свиты всѣхъ свѣтскихъ феодаловъ, взятыхъ вмѣстѣ».

Картина совершенно мѣняется съ появлениемъ на исторической сценѣ города, съ возникновенiemъ торговли и промышленности. Вполнѣ понятно, что свѣтские и духовные феодалы сочли болѣе выгоднымъ умѣрить свое гостепріимство и обмѣнивать свои излишки на предметы роскоши. «Когда такимъ образомъ они нашли способъ тратить всѣ свои доходы на предметы собственного потребленія, они потеряли желаніе дѣлиться ими съ другими. За пару брилліантовыхъ застежекъ или что-либо подобное, столь же пустое и бесполезное, они отдавали пропитаніе или, что то же самое, стоимость пропитанія тысячи людей въ теченіе года, а вмѣстѣ съ этимъ и весь свой вѣсь и авторитетъ. Но за то застежки составляли ихъ неотъемлемую собственность, которую пользовались только они, между тѣмъ какъ при прежнемъ способѣ потребленія имъ приходилось дѣлиться съ тысячами. Конечно, въ

¹⁾ „Изслѣдованіе и т. д.“ Т. III гл. 2 и „Lectures on Justice“ etc. Part I. §§ 7—8.

глазахъ тѣхъ, кого это близко касалось, указанное различіе имѣло рѣшающее значеніе; такимъ образомъ феодалы постепенно отдавали все свое вліяніе и авторитетъ ради удовлетворенія самаго ребяческаго, пустого тицеславія». Такимъ путемъ эти два класса произвели революцію, въ высшей степени важную для общественнаго блага, хотя они и совершенно не руководились соображеніями государственной пользы: «У владѣльцевъ крупныхъ помѣстій единственнымъ мотивомъ служило удовлетвореніе ребяческаго тицеславія. У купцовъ и ремесленниковъ мотивъ былъ менѣе смѣшной: они слѣдовали тому, что имъ диктовалъ ихъ личный интересъ, интересъ завочника, пускавшаго въ оборотъ шфенингъ, когда на немъ можно было заработать другой и т. д.»¹⁾.

Въ настоящее время не многихъ удовлетворить нарисованная Смитомъ картина перехода феодального хозяйства въ денежное. Его сужденія въ данномъ случаѣ поражаютъ какой-то наивностью, вообще ему не свойственной, но отъ которой онъ не можетъ отдѣляться, когда рѣчь идетъ объ экономическихъ формахъ, предшествовавшихъ денежному хозяйству. Его характеристика духовенства и дворянства, обоихъ классовъ, господствовавшихъ въ то время, страдаетъ, по меньшей мѣрѣ, односторонностью. Во всякомъ случаѣ эта характеристика уже потому цѣнна, что она нашла мѣсто въ системѣ Смита. Она является составной частью его общаго историко-философскаго міровоззрѣнія, хотя при догматическомъ изслѣдованіи отдельныхъ экономическихъ категорій онъ и не всегда ея придерживается; напримѣръ тогда, когда, оставляя безъ разсмотрѣнія цѣную стадію хозяйственной жизни, онъ переходитъ отъ первобытнаго состоянія непосредственно къ денежному хозяйству.

Для настоящаго времени эта характеристика недостаточна. Необходимо теперь раскрыть сущность, «идеальное ядро» этой эпохи съ меньшей односторонностью. Конечно, подобная задача не легка. Тѣмъ не менѣе я дѣлаю попытку этого рода отчасти изъ методологическихъ соображеній, отчасти, изъ желанія указать на существование пробѣла, не заполненного со временемъ Смита. При этомъ я сошлюсь на слѣдующія слова Монтескіе изъ введенія къ 30 книгъ его «Духа законовъ», которая посвящена изслѣдованію феодальной системы: «Изъ самой сущности настоящаго труда слѣдуетъ, что читатель въ немъ не найдетъ полнаго изложенія этихъ (феодальныхъ) законовъ, а скорѣе краткій очеркъ моихъ взглядовъ на нихъ».

Сословіе ученыхъ. Свободная марка соответствуетъ языческому періоду германской исторіи. Она еще не знаетъ дифференціаціи по занятіямъ. Религіозныя, военные, экономическая и соціальная полномочія и обязанности одинаково лежали на всѣхъ членахъ марки. Общественныя функции, подобно праву собственности, носятъ непостоянный ха-

¹⁾ „Изслѣдованіе“ и т. д. книга III. гл. 4 и книга V.

рактеръ. Всѣ должны были принимать участіе въ несеніи общихъ обязанностей, и на долю каждого общинника могло выпасть временное выполнение той или другой функции управления, послѣ чего онъ снова вступалъ въ ряды своихъ товарищей. Такимъ путемъ пытались привести въ жизнь «принципъ товарищества», который особенно ярко выраженъ въ извѣстномъ выраженіи фразовъ: «никого надо мнай и никого подо мнай». Но этотъ принципъ, подобно другому: «Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного», не осуществлялся вполнѣ даже тогда, когда поселеніе совершалось родами, между членами которыхъ существовала кровная связь. Наряду съ полноправными членами общины всегда были и другие—неполноправные. Но въ отношеніи соплеменниковъ, а не всѣхъ людей вообще, принципъ равенства все же игралъ роль руководящаго начала. Соціального вопроса не существовало, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ опредѣленной народности. Соціальные противорѣчія были впервые внесены въ общину христіанской церквию, которая отняла у мірянъ религіозныя функции и передала ихъ особому духовному сословію—клиру, отдѣленному рѣзкою гранью отъ остального народа. Клиръ подчинялся особымъ юридическимъ нормамъ, нормамъ церковно-канонического права, альфой и омегой котораго былъ признанъ принципъ покорности (*oboedientia*), совершенно чуждый германскому духу. Среди деревянныхъ домовъ общинъ появилось высившееся надъ ними каменное зданіе, предназначеннное для вѣчности, обитель потусторонняго Божества, которое не было склонно терпѣть около себя прежнихъ германскихъ боговъ и поручило свой кульпъ и попеченіе о своемъ имуществѣ особому сословію вѣрныхъ ему слугъ.

Не упуская случая извлечь пользу изъ нарождавшагося денежнаго хозяйства, церковь въ общемъ продолжала твердо стоять на почвѣ господствовавшаго натуральнаго хозяйства въ управлениі своими имуществами. Въ экономическомъ отношеніи необходимо различать два периода: время до признания Константиномъ христіанства господствующей религіей (321 г.) и время послѣ этого. Въ теченіе первого периода *эжелезію* составляла вся христіанская община вообще, согласно принципу всеобщаго священства; въ теченіе второго периода это была община клира въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Христіанская братская община первоначально имѣла много общаго съ германской маркой. Члены ея были равноправны. Даже рабы не представляли исключенія. Такъ, ихъ допускали къ крещенію, причастію, общей трапезѣ, позволяли имъ вступать въ христіанскій бракъ. Болѣе того, рабы имѣли право даже на духовный санъ; правда, въ послѣднемъ случаѣ предварительно добивались ихъ освобожденія. Господствовала ли при этомъ въ христіанскихъ общинахъ общая собственность,—вопросъ спорный. Во всякомъ случаѣ то состояніе, когда «все принадлежитъ всѣмъ», всегда выдвигалось отцами церкви въ качествѣ идеала. По ихъ мнѣнію, такое состояніе характеризуетъ періодъ, предшествовавшій грѣхопаденію.

Послѣ грѣхопаденія появилась частная собственность: она стала даже необходимостью. Но общая собственность—остается естественнымъ, идеальнымъ порядкомъ вещей, къ которому необходимо вернуться. Фактически на постоянныхъ братскихъ трапезахъ (агапахъ) господствовало въ полномъ смыслѣ слова общее потребленіе. «Богатые и имущіе приносили съ собой все необходимое, бѣдные и нуждающіеся были приглашенными. Всѣ занимали мѣсто у стола, за которымъ на почетномъ мѣстѣ возсѣдалъ епископъ; садились всѣ: мужчины и женщины, знатные и простые, господа и рабы. Какъ сообщаеть Тертулліанъ, трапеза начиналась молитвой; бѣди столько, чтобы утолить голодъ; пили очень умеренно».¹⁾ Послѣ Константина Великаго эти трапезы прекратились и даже были запрещены. Онъ слишкомъ тѣсно были связаны съ принципомъ всеобщаго священства и не могли сохраниться послѣ его паденія. Оказало влияніе и другое обстоятельство: ростъ общинъ: поэтому система братскихъ трапезъ была системой приношеній, которая имѣла цѣлью предоставлять бѣднякамъ излишки богатыхъ. Она получила специальное название (*oblatio*). Сводилась она къ тому, что богатый клалъ свои излишки на алтарь во время обѣдин. Бѣднякъ получалъ Божій даръ съ алтаря Господа. Раздача этихъ приношеній производилась діаконами и діаконисами подъ общимъ наблюдениемъ епископа.²⁾ Въ случаѣ особенной нужды производились *соборы*; пожертвованія вносились натурой. Денежныя приношенія, достигшія только впослѣдствіи некотораго значенія, составляли доброхотные вклады въ *церковную кружку*. Въ ту раннюю эпоху десятина еще не была обязательной, но существовалъ обычай приносить въ даръ *первые плоды* (*Primitzen*).

У германцевъ христианство первоначально распространялось въ формѣ либерального *вѣроученія Ария*, отрицающаго божественную природу Иисуса Христа. Хлодвигъ, основатель франкскаго государства, послѣ выигранной битвы надъ алеманнами при Цюльпихѣ (496 г.; во время этой битвы Хлодвигъ, согласно легенды, обратился съ мольбой о дарованіи побѣды къ христіанскому Богу) принялъ католицизмъ и, такимъ образомъ, господствующимъ сдѣжалось для клира ученіе *Анастасія*. Хлодвига (481—511) въ политическомъ отношеніи, а Бонифація (782—754) въ церковномъ можно считать основателями того средневѣковаго порядка, который начался приблизительно съ 500 года.³⁾ Духовенство содѣствовало усиленію франкской монархіи, а франкскіе короли, въ свою

¹⁾ G. Ratzinger, Geschichte der kirchlichen Armenpflege Freiburg in B., 2 Aufl. 1854. S. 66.

²⁾ Тамъ же стр. 67 и 68. Ср. также G. J. Planck, Geschichte der christlich-kirchlichen Gesellschaftsverfassung, 1803. Bd. 1, 1 Periode, Kap. IV.

³⁾ Wilhelm Arnold, Deutsche Geschichte, Bd. II. Fränkische Zeit. Gotha 1881, I. Hälften, Kap. 2 und 8. Chlodwig hat den Staat, Bonifatius die Kirche des Mittelalters geschaffen. S. 186.

очередь, покровительствовали духовенству. Германский родовой строй оказался бессильнымъ передъ совокупнымъ дѣйствиемъ этихъ двухъ силъ.

Еще императоръ Константина (+ 337) предоставилъ церкви право пріобрѣтать недвижимую собственность (*jus acquirendi*). Церковь и государство подѣлили между собой богатства языческихъ храмовъ.¹⁾ Это создало материальный базисъ для развитія духовенства—сословія, стоявшаго виѣ мірянъ, вѣриѣ надъ мірянами. Это сословіе образовало постепенно огромную автономную организацію, во главѣ которой сталъ папа. Меровингскіе короли сумѣли отблагодарить духовенство за оказанныя имъ услуги: они щедро надѣляли церковь землей въ за-воеванныхъ областяхъ. Они прекрасно знали, что эти мѣры лучше всего утверждаютъ ихъ собственное могущество. Очень рано утвердился принципъ, что собственникомъ земли, которой владѣетъ церковь, является какъ бы Богъ, въ силу чего эта земля не можетъ быть отчуждаема (т. наз. владѣніе мертвей руки—*mansus mortua*). Скопленіе земельныхъ богатствъ въ рукахъ духовенства уже во времена Карла Мартелла приняло такие огромные размѣры, что военные силы государства, покончившія на свѣтскомъ землевладѣніи, стали чувствительно отъ этого страдать и пришлось прибѣгнуть къ ограничительнымъ законамъ. При Карлѣ Великомъ (конецъ 8-го вѣка) было окончательно установлено взаимоотношеніе свѣтского и духовного землевладѣнія. Духовенство было освобождено отъ воинской повинности, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишилось права пріобрѣтать землю, на которой лежала такая повинность. Взаменъ этого была введена десятина, какъ обязательная подать въ пользу церкви. Въ тѣхъ помѣстьяхъ, которыми уже владѣла церковь, но на которыхъ тѣмъ не менѣе лежала воинская повинность, были введены церковные фогты (*advocati ecclesiae*), которые за извѣстное вознагражденіе ее отбывали.

Десятина (*decimae*), которая первоначально ложилась на всѣхъ вѣрующихъ, не только землевладѣльцевъ, но и ремесленниковъ и т. д., вносилась натурой, какъ свободными, такъ и несвободными. Поземельная подать (*census*), которую церковь взимала какъ арендную плату за сданныя ею земли, выплачивалась также натурой, т. е. въ видѣ овощей, плодовъ, скота, ремесленныхъ изделий и т. д. Наряду съ нею существовалъ еще цѣлый рядъ барщинныхъ повинностей, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Благотворительность духовенства шла на убыль по мѣрѣ роста церковныхъ богатствъ. Расходы на благотворительныя цѣли (*patrimonium pauperum*), вначалѣ поглощавшіе почти что весь бюджетъ церкви, теперь понизились до четверти. Законодательство Каролинговъ признаетъ четверть церковныхъ доходовъ принадлежащими епископу,

¹⁾ Ср. G. J. Planck a.a. O., III Periode, Kap. V.

четверть—остальному духовенству, четверть — бѣднымъ и, наконецъ, четверть—входить въ составъ строительного фонда. Но даже эта пропорція сохранялась не долго. Начиная съ Псевдо-Исидора (9 ст.) подъ бѣдными стали разумѣть бѣдныхъ членовъ духовнаго сословія. Такимъ образомъ, церковь окончательно раздѣлалась съ своей прежней роллю благотворительницы.¹⁾ Заботу о бѣдныхъ взяли на себя органы свѣтской власти; отчасти сельскія общества, на обязанности которыхъ уже издавна лежало призрѣніе бѣдныхъ, отчасти землевладѣльцы-сенаторы въ тѣхъ областяхъ, где установился феодальный порядокъ. Неудивительно, что жалобы на алчность духовенства, на увлеченье его мірскою сущностью стали раздаваться все громче и громче.

Такимъ образомъ изъ клира постепенно сложилось поднимавшееся надъ мірянами и іерархически построенное *первое сословіе*, материально и духовно независимое съ «character indelebilis». Экономически оно представляется намъ какъ бы въ видѣ огромнаго *домашняго хозяйства*, въ своихъ низахъ дробившагося на безчисленное количество отдѣльныхъ хозяйствъ, получавшихъ свои доходы отчасти съ принадлежащихъ имъ земельныхъ владѣній «мертвой руки», отчасти съ поштатей, которая вносились мірянами, жившими въ предѣлахъ даннаго церковнаго округа.

Въ серединѣ 8 вѣка епископъ Хродегангъ (Chrodegang), ввелъ институтъ совмѣстной жизни (*vita canonica*), по которому духовенство жило вмѣстѣ съ епископомъ; они вмѣстѣ жили и спали и отправляли духовныя функции, чередуя ихъ съ физическимъ трудомъ. Еще до этого св. Бенедиктъ († 543) установилъ правило для монастырей, что подвиги аскетизма должны чередоваться въ жизни монаховъ съ полезными работами. Ирландскіе и шотландскіе монахи, вышедши изъ основаннаго старшимъ Колумбомъ монастыря «НУЕ» на островѣ Іонѣ, въ значительной мѣрѣ обязаны были своимъ успѣхомъ тому обстоятельству, что они были очень опытны въ обработкѣ земли и ремеслахъ и умѣли распространять техническія свѣдѣнія такъ же успѣшно, какъ и христіанское ученіе. Они давали пищу не только духу, но и тѣлу. Молитва и трудъ (*ora et laboras*) сливались такимъ образомъ въ одно цѣлое. Въ трудѣ они видѣли не средство заработать себѣ пропитаніе, а орудіе морального совершенствованія. Трудъ былъ, какъ правильно выражались, «постулатомъ аскетизма»²⁾. Здѣсь мы присутствуемъ при возрожденіи такъ называемаго «аскетическаго принципа», который еще въ древности выступилъ, какъ диаметральная противоположность «гедонизма». Аскетизмъ проникаетъ всю экономическую культуру средневѣковья.

¹⁾ „Die Armenpflege hörte auf, ein Gegenstand der kirchlichen Gesetzgebung zu sein“. Ratzinger, Geschichte der kirchlichen Armenpflege, S. 236.

²⁾ Th. Sommerlad, Die wirtschaftliche Thätigkeit der Kirche in Deutschland. I. Bd. Leipzig. 1900, S. 208.

Вместо принципа: максимумъ наслаждений и минимумъ страданий, аскетизмъ провозгласилъ противоположное начало: максимумъ страданий и минимумъ наслаждений. Самымъ богатымъ считается не тотъ человѣкъ, который больше всѣхъ можетъ наслаждаться, предаваясь въ то же время бездѣлью, а тотъ, кто работаетъ, не смотря на то, что сумѣлъ низвести свои потребности до *minimum'a*. Трудъ является самоцѣлью, а не средствомъ къ получению какой-либо выгоды. Поганѣдня является скорѣе случайнымъ спутникомъ труда, по слову библейского изреченія: «если будете искать царства небеснаго, сокровища земнага сами придутъ къ вамъ». Интересно отметить, что, признавая трудъ прежде всего обязанностью, должностю (*Amt*), возложенной на человѣка, церковное ученіе сходилось съ міровоззрѣніемъ древнихъ германцевъ, хотя они отнюдь не одинаково отвѣчали на вопросъ, по отношенію къ кому трудъ является обязанностью. По отношенію къ обществу отвѣчали германцы; по отношенію къ Богу, утверждала церковь. Отсюда ясно, что у германцевъ исполненіе обязанностей не могло привести къ тому умерщвленію плоти, которое имѣло мѣсто у средневѣковаго монашества. Обѣть добровольной нищеты, добровольного цѣломудрія, добровольного послушанія, коротко говоря, отреченія отъ всего земнаго—логическій выводъ изъ основного принципа христіанскаго міровоззрѣнія. Если въ древности, какъ и въ наши дни, пришли къ признанію обоихъ хозяйственныхъ началъ, то въ средніе вѣка, наоборотъ, упорно стояли на точкѣ зрѣнія аскетизма, а въ новое время подавленный дотолѣ гедонистичекій принципъ снова прорвался наружу и стала играть роль руководящаго начала. Нельзя поэтому сказать, что средніе вѣка не имѣли своей соціальной и экономической теоріи, конечно, значительно отличавшейся отъ позднѣйшей «политической экономіи».

О догматической литературѣ. Эту главу мы начнемъ съ разсмотрѣнія взглядовъ творца такъ называемаго «августинизма». Съ полнымъ основаніемъ св. Августина (354—430) называются «первымъ соціальнымъ утопистомъ среднихъ вѣковъ»¹). Въ противоположность современному утопизму четвертаго сословія, утопизмъ св. Августина, нашедшій себѣ выраженіе въ его сочиненіи «De civitate Dei», — есть утопизмъ *перваго* сословія. Существующая церковная организація является земнымъ воплощеніемъ царства Божія—идеала, къ которому должно стремиться человѣчество. Носительница божественной благодати, церковь, представляетъ собой единственный справедливый, единственный разумный союзъ людей; это поистинѣ царство Божіе, и только въ немъ возможна жизнь, вполнѣ согласная съ требованіями христіанской добродѣтели²). Антиеза церкви, свѣтское государство (*civitas*

¹⁾ Тамъ же, стр. 138.

²⁾ Ср. K. Hiltz, Politisches Jahrbuch d. schweiz. Eidgenossenschaft, 4 Jahrg. 1889, S. 121 и сл.

terrena) по самому существу своему противоречить божественному закону. Только при помощи oboedientia (послушания) по отношению к церкви государство и его члены могут спастись. Церковь относится к свѣтскому государству, какъ начало вѣчное къ преходящему, какъ духъ къ тѣлу въ человѣческомъ организмѣ. Государство заслуживаетъ оправданія только до тѣхъ поръ, пока оно соглашается быть орудіемъ въ рукахъ церкви. Оно, напротивъ того, попадаетъ въ руки дьявола и превращается изъ civitas Dei въ civitas diaboli въ томъ случаѣ, если обуянное духомъ гордыни, оно пытается освободиться отъ этой зависимости и изъявляетъ притязаніе на самостоятельное существованіе. Этимъ оно обрекаетъ себя на вѣчное проклятие. Лишь до тѣхъ поръ, пока не осуществится въ чистомъ видѣ царство Божіе на землѣ, свѣтское государство имѣть право на существованіе. Да и то это право является только производнымъ. Государство обязано оказывать поддержку церкви и содѣствовать ей въ осуществленіи ея задачъ. Слуга церкви, оно никогда не должно господствовать. Въ этихъ взглядахъ сказалось вліяніе ученія объ идеяхъ и ученія о государствѣ Платона. Но принципъ господства сословія философовъ, въ данномъ случаѣ духовенства, выраженъ здѣсь гораздо энергичнѣе.

Идеи этого такъ называемаго августинизма являются господствующими въ теченіе всей средневѣковой жизни. Въ немъ именно и скрываются корни пресловутаго ученія о *двуихъ мечахъ*: духовномъ и свѣтскомъ, якобы переданныхъ Богомъ церкви съ правомъ передавать свѣтскій мечъ на время какому-либо князю (императору), но лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдній будетъ подчиняться вѣлѣніямъ церкви т. е. папы. Въ известной буллѣ Бонифація VIII «*Unam sanctam*» (1302) это ученіе находитъ себѣ слѣдующее, не лишенное оригинальности, догматическое обоснованіе: «Изреченія Евангелія учатъ настъ, что церковь имѣеть въ своей власти два меча: духовный и свѣтскій; ибо когда апостолы сказали (Лука 22, 38) «Господи! вотъ, здѣсь (т. е. въ церкви) два меча», — Господь не отвѣтилъ, что ихъ много, но сказалъ, что этого *дозволено*. Во истину, кто отрицаєтъ, что свѣтскій мечъ находится во власти Петра, тотъ плохо исполняетъ слова Господа, который (Мате. 26, 52) сказалъ: «возврати мечъ свой въ его мѣсто» и т. д. Если соціальная теорія Августина витаетъ въ «потусторонней» области, то иначе обстоитъ дѣло съ его экономическими воззрѣніями, проникающими юриспруденцію того времени, именно *каноническое право*, составившееся изъ римскихъ, перковыхъ и германскихъ элементовъ и все же образующее единое цѣлое.

Мы указывали выше, что характерной чертой древняго римского гражданскаго права является то, что оно разсматривало понятіе права совершенно изолированно и освободило юриспруденцію отъ чуждыхъ ей этическихъ и экономическихъ точекъ зрѣнія. Обратное мы видимъ въ каноническомъ правѣ: здѣсь все смѣшиваются и все разсматри-

вается исключительно съ нравственно-религиозной точки зре́нія. Существуетъ только одна общая христіанская мораль. Самостоятельного значения за юридическими и экономическими принципами не признается. Помимо этого существуетъ еще одно важное отличіе между каноническими и римскими воззрѣніями на право. Если римское право строго формально, если оно опирается только на вышеупомянутые принципы порядка и принужденія, то каноническое, наоборотъ, центръ тяжести переносить на внутреннее содержаніе сознанія: *forum conscientiae internum*—судь совѣсти—гораздо важнѣе формального суда. Если римское право есть право имущихъ, богатыхъ классовъ, то каноническое, наоборотъ—право трудящихъ, неимущихъ. Наиболѣе характерной чертой для канонического права является аскетический принципъ, а не принципъ гедонизма, положенный въ основу римского права. «Молись и работай»—къ этому сводится вся мудрость канонической экономики, поскольку вообще о ней можно говорить. И по моему, это можно сдѣлать, хотя слѣдуетъ помнить, что экономика не занимала въ это время самостоятельного положенія, а сливалась съ этикой. Церковь тогда дѣйствительно приписывала себѣ право регулировать даже экономическую и соціальную жизнь мірянъ, и о средневѣковой доктринаѣ можно поэтому говорить, какъ объ «этической политической экономії» въ собственномъ и самомъ строгомъ смыслѣ слова. Въ указаніи на эту сторону канонического ученія заключается несомнѣнная заслуга Эндемана¹⁾. Онъ совершенно правильно замѣчаетъ: ²⁾ «Безъ сомнѣнія великое дѣло задумала церковь, когда она стремилась распространить авторитетъ своей догмы и на область хозяйственной жизни. Ей предстояла задача господствовать надъ этой областью такъ же, какъ она властновала надъ другой. То, что было завоевано въ одной области, содѣйствовало успехамъ другой. Церковь, безконечно усиливала свою власть не только тѣмъ, что увеличивала до крайности свои богатства, но и тѣмъ, что основнымъ началомъ, господствовавшимъ вездѣ, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ сношеніяхъ, она провозгласила канонический принципъ *справедливости* и сумѣла заставить повиноваться ему. Духовная зависимость средневѣкового общества отъ церкви обусловила собой возможность господства ея надъ материальной жизнью; и наоборотъ—господство надъ материальными отношеніями обеспечивало ея власть надъ идейной жизнью человѣчества».

Можно, пожалуй, сказать, что политico-экономические основы канонического права послужили какъ бы вышеупомянутымъ дополненіемъ къ «Civitas Dei» св. Августина; между civitas Dei и этимъ дополненіемъ его существовало такое же отношение, какъ между идеальнымъ госу-

¹⁾ W. Endemann, „Die Nationalökonomischen Grundsätze der kanonistischen Lehre“. Jena 1863.

²⁾ а. а. О., S. 191.

дарствомъ Платона и конструированнымъ въ «законахъ» государствомъ второго порядка.

Къ серединѣ XII вѣка относится составленіе «Corpus juris canonici» болонскимъ монахомъ Граціаномъ. Въ основу его положены документы, относящіеся ко времени отъ III до XII вѣка. Все это дополнено коллекціей папскихъ декреталій. Трудъ Граціана проникнуть въ своей основѣ дуализмомъ божественного и человѣческаго права. Божественное право — оно называется также естественнымъ — соответствуетъ идеальному порядку, тому порядку, который существовалъ въ раю при «status incorruptus naturae». Здѣсь все признавалось общимъ, ибо «jure naturali omnia sunt communia omnibus». Лишь послѣ грѣхопаденія стали дѣлать различіе между «моимъ» и «твоимъ», и появилось «divisio regum». При настоящемъ порядкѣ вещей частная собственность необходима, конечно, не какъ благодѣяніе, а въ качествѣ наказанія, въ виду людскаго жестокосердія. Общая собственность должна оставаться идеаломъ, основой нормальной организаціи, какъ для клира, такъ и для всѣхъ, желающихъ жить по правиламъ канонического права. Міряне, согласно человѣческому праву, могутъ владѣть частной собственностью, но и они обязаны смотрѣть на нее, какъ на временно извѣренное имъ благо, за распоряженіе которымъ они дадутъ отчетъ Богу. Люди — братья и должны относиться другъ къ другу по братски. Возникающее на почвѣ частной собственности имущественное неравенство является причиной классовыхъ противорѣчій между людьми. Церковь призвана бороться съ чрезмѣрнымъ богатствомъ съ одной стороны и страшной нищетою съ другой. На церкви лежитъ важная соціально-политическая миссія — устанавливать имущественное равенство между людьми, убѣждая богатыхъ добровольно отдавать свои излишки бѣднякамъ и играя при этомъ посредническую роль. Бѣдняки находятся подъ особымъ покровительствомъ Бога. Тотъ, кто подаетъ милостыню, создаетъ себѣ сокровище на небесахъ. Въ хозяйственной жизни слѣдуетъ всегда препятствовать эксплуатации слабаго сильнымъ. Это достигается путемъ строгаго церковнаго контроля надъ экономической жизнью съ цѣлью предупреждать не только ростовщичество (*usura*), но и всякаго рода экономическую эксплуатацию. Тотъ отдѣль экзомическаго права, который направленъ былъ противъ ростовщичества, получилъ полное развитіе только къ концу средневѣковья, когда каноническое право вступило въ борьбу съ развивавшимся денежнымъ хозяйствомъ. Къ разсмотрѣнію канонического, права въ этомъ періодѣ времени мы еще вернемся.

Каноническое право признаетъ законными только два фактора производства: *землю* и *трудъ*. Земля принадлежитъ Богу; ея продукты являются дарами Бога. Человѣкъ подвергаетъ эти дары обработкѣ, затрачивая на нихъ, такимъ образомъ, свой трудъ. Всѣ хозяйственныя блага создаются взаимодѣйствиемъ этихъ двухъ факторовъ; эти блага

следует потреблять по возможности непосредственно, не прибегая къ торговлѣ для ихъ обмѣна. Самымъ почетнымъ въ нравственномъ отношеніи изъ всѣхъ занятій признается *земледѣліе* (*cultura*). Это самое естественное изъ занятій, и имъ лучше всего можно служить Богу. Второе мѣсто занимаетъ *ремесло* (*artificium*); оно должно находиться въ возможно болѣе тѣсной связи съ земледѣлемъ и обрабатывать тѣ сырье продукты, которые производитъ земледѣлецъ. И ремесло также признается занятіемъ, угоднымъ Богу. Далеко ужъ не такъ почетна *торговля* (*negotiatio, mercatura*). Она терпима, но только какъ неизбѣжное зло, причемъ требуетъ строгаго контроля, такъ какъ преимущественной ея цѣлью является обогащеніе на счетъ другихъ, а не справедливое распределеніе богатствъ, которое преслѣдуется первыми двумя отраслями хозяйства. Она направлена скорѣе на получение прибыли ростовщическимъ путемъ, чѣмъ на снисканіе честнаго заработка; хитрость и обманъ цѣнятся здѣсь выше, чѣмъ усердіе и честный трудъ.

Такъ какъ для торговли нужны деньги, то отсюда уже понятно то глубокое предубѣжденіе, которое канонисты питали къ деньгамъ. Въ лучшемъ случаѣ соглашались видѣть въ деньгахъ мѣрило цѣнности, но никакъ не капиталъ, служащій источникомъ дохода или цѣлямъ производства. Въ послѣднемъ случаѣ деньги конкурируютъ съ землей, а такъ какъ земля принадлежитъ Богу, то деньги, въ качествѣ капитала, очевидно являются собственностью діавола. Результатъ скучности (*avaritia*) и земной алчности (*cupiditas*), деньги, при дальнѣйшемъ расширеніи своихъ функций, могутъ повести къ гибели всего общественного строя, построенаго на началѣ справедливости. Отсюда и ненависть къ проценту—денегамъ, получаемымъ отъ денегъ: это уже само по себѣ ростовщичество, такъ какъ только земля можетъ приносить плоды, деньги же по самой природѣ своей искусственное созданіе человѣка, и потому онѣ непродуктивны. Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Изъ всего сказаннаго ясно, что идеалъ канонического права далекъ отъ обѣихъ крайностей, какъ богатства, такъ и бѣдности: средняя за житочность—вотъ къ чему долженъ стремиться мірянинъ. На той же точкѣ зрѣнія стояли еще въ древности Платонъ и Аристотель. Дѣло въ томъ, что обѣ крайности несовмѣстимы съ добродѣтелью. Бѣденъ (и бѣденъ изъ принципа) долженъ быть только клиръ, но только въ томъ смыслѣ, что отдельный членъ его не долженъ обладать частной собственностью, во избѣженіе противорѣчій между братьями по сословію. Зато каждому изъ членовъ духовнаго сословія принадлежитъ доля въ общемъ имуществѣ церковнаго хозяйства; и нужно сознаться, что церковь всегда умѣла устроить свои дѣла такъ, чтобы клиръ ни въ чёмъ не имѣлъ недостатка.

Въ монастыряхъ каноническое хозяйство достигло необыкновенной

степени процвѣтанія. Монастыри стремились сдѣлаться образцовыми учрежденіями не только въ религіозномъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи. Они представляли собой громадныя хозяйства чисто-натурального типа. «Подъ вліяніемъ правилъ св. Бенедикта — говорить Ratzinger¹⁾—повсюду, гдѣ появлялись монахи, лѣсные и невоздѣланые участки земли превращались въ благодатныя цвѣтущиа нивы, повсюду развертывалась картина сельско - хозяйственной культуры и счастіе процвѣтающей трудовой жизни. Монастыри являлись притягательной силой для всѣхъ, религіозное обученіе облагораживало нравы и побуждало къ строгой семейной жизни; примеръ монашеской дѣятельности побуждалъ народъ къ труду, которому всѣ скоро предались съ любовью, какъ долгу... Подъ мягкимъ управлѣніемъ и покровительствомъ монастырей постепенно стали собираться поселенцы изъ окрестныхъ мѣсть и пришлецы издалека и образовали ядро монастырскихъ подданныхъ, которымъ въ различныхъ видахъ, сначала въ формѣ аренды, затѣмъ на правахъ вѣчныхъ леновъ, а позже и въ собственность подъ условіемъ уплаты десятины и несенія другихъ по-винностей—было предоставлено владѣніе землей для веденія на ней хозяйства. Распространяясь отсюда, изъ монастырей, трудъ завоевывалъ все большія области; осушались болота, выкапывались пруды, расчищались лѣса, прокладывались дороги и проходы, строились мосты, у опасныхъ аллюпійскихъ проходовъ устраивались страннопріимные дома. Монастыри учили населеніе вѣрѣ, смягчали жестокость нравовъ, обрабатывали землю, занимались ремеслами и распространяли техническія знанія, служили посредниками въ сношеніяхъ и т. д.». Для полноты картины къ этому необходимо добавить, что въ монастыряхъ впослѣдствіи въ такой же мѣрѣ стали процвѣтать злоупотребленія, въ какой первоначально въ нихъ культивировалась добродѣтель. Сыгравъ въ прошломъ крупную роль, эти монастыри, за очень рѣдкими исключеніями, сошли съ исторической сцены. Какъ бы то ни было, вѣрно одно: во время своего полнаго расцвѣта они представляли собою образцовая крупная хозяйства и могутъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, что хозяйства натуральнаго типа при извѣстныхъ условіяхъ могутъ сохраняться еще на сравнительно высокой ступени развитія культуры. Въ своемъ труде: «Die wirtschaftliche Thatigkeit der Kirche in Deutschland»²⁾ Зоммерлайдъ приводитъ выдержку изъ знаменитой книги Irmino (9 ст.), аббата монастыря St Germain des Pr s (близъ Парижа) о количествѣ продуктовъ, которые были получены на 24 господскихъ подворьяхъ со свободныхъ, колоновъ, крѣпостныхъ, рабовъ и пр., составлявшихъ въ общемъ 8643 души. Такъ какъ это обозрѣніе доходовъ аналогично тому, которое мы даемъ ниже (стр. 103 и сл.), характер-

¹⁾ „Geschichte der kirchlichen Armenpflege“, S. 267.

²⁾ S. 307 ff.

ризия свѣтское феодальное домохозяйство, то здѣсь достаточно ограничиться однимъ указаниемъ на него.

Военное сословіе. Духовенство было первымъ сословіемъ, которое навязало себя германскому племени и романскимъ смѣшаннымъ национальностямъ, образующимся при его содѣйствії; виѣшняя связь впослѣдствіи становилась все болѣе и болѣе внутренней. Это была первая борьба, которую пришлось выдержать новому социальному движенію, начавшемуся послѣ паденія Римской имперіи. Подобно тому какъ камень, разъ брошенный, продолжаетъ свое движение по инерціи, такъ и разъ начавшаяся социальная дифференціація — не могла не продолжать развиваться. Сначала, подъ покровительствомъ духовенства выросло *второе сословіе*, почти столь же могущественное, какъ и первое. Оно поставило себѣ преимущественно военно-политическая задача съ цѣлью защищать интересы церкви не только отъ виѣшнихъ опасностей, но и распространять насильственнымъ путемъ ея ученія среди другихъ народовъ. Мы имѣемъ въ виду т. н. ленное дворянство. Историческая родословная его восходить до временъ Хлодвига. Каролинговъ страшно привлекала мысль создать христіанско міровое государство. Основателемъ ленной системы обыкновенно считаютъ Карла Мартелла. Но въ систему, въ истинномъ смыслѣ слова, этотъ порядокъ былъ возведенъ только Карломъ Великимъ, вслѣдствіе коронованія его христіанско-римскимъ императоромъ въ дни Рождества 800 г. папою Львомъ III. Полного развитія ленная система достигла въ 10 столѣтіи при Генрихѣ I послѣ окончательного превращенія пѣшой милиціи (Heerhann) въ рыцарское войско. Подобно двумъ готическимъ башнямъ новыхъ два сословія стали вскорѣ возвышаться надъ простымъ народомъ. Каждое изъ нихъ вело свой особый образъ жизни, и все же они были связаны взаимной зависимостью. Главой одного былъ папа; главой другого — императоръ. Первому принадлежалъ духовный мечъ, второму свѣтскій. Если здѣсь что-либо возбуждало сомнѣніе, то это только вопросъ о томъ, достался ли свѣтскій мечъ императору непосредственно «Божіей милостью» или черезъ посредство папы. Эта борьба между свѣтской и духовной властью красной нитью проходитъ черезъ всю исторію среднихъ вѣковъ.

Какъ раньше духовная, такъ теперь ленная система или система бенефиціевъ проникла къ германцамъ извнѣ. Для усиленія франкскаго могущества Карлъ Мартелъ во время своихъ походовъ раздавалъ приближеннымъ большія помѣстія въ покоренныхъ провинціяхъ, сохранивъ за собой право отнимать ихъ въ случаѣ нарушенія ими вѣрности (Felonie). Коронованіе Карла Великаго императоромъ, возложившее на государство миссію распространенія христіанства среди язычниковъ, тѣмъ самымъ дало толчокъ дальнѣйшему развитію этой системы.

Внутреннее развитіе также благопріятствовало этой тенденціи образованія профессионального войска.

Прежнее ополчение, имѣвшее цѣлью только защиту отъ нападеній извѣй, оказалось бессильнымъ для выполненія новой задачи. Стала чувствоватьться нужда въ дисциплинированномъ, болѣе тѣсномъ по кругу охватываемыхъ имъ лицъ профессиональномъ войскѣ, способномъ вести и наступательную войну, оставаясь долго за предѣлами своего мѣста осѣдлости, не нанося этимъ никакого ущерба земледѣлю. Вмѣстѣ съ этимъ отбываніе воинской повинности теперь стало настолько обременительнымъ, что всѣ ее нести не могли и установился такой порядокъ: нѣсколько лицъ снаряжали на войну одного изъ своей среды и во время отсутствія сообща обрабатывали его поле. Этотъ обычай превращенъ былъ въ законъ капитуларіемъ 807 года, изданнымъ во вторую половину царствованія Карла Великаго. Согласно этому законодательному акту, каждые три гуфы (*mansi*) снаряжаютъ по одному воину. Позже, въ 812 году число это было повышенено до четырехъ¹⁾. Впослѣдствіи, когда все пѣшее войско было превращено въ конное (особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлано при Генрихѣ I), законъ былъ нѣсколько измѣненъ: сначала 10, затѣмъ 12 гуфъ должны были снаряжать по одному всаднику. Если вспомнить, что вообще въ мѣровой исторіи съ несеніемъ воинской повинности всегда было связано отправление законодательныхъ функций, и что военная и законодательная дѣятельность всегда ставилась выше хозяйственной, то покажется вполнѣ естественнымъ, что оставшіеся дома подпадали подъ извѣстную зависимость отъ уходившихъ въ походъ. Военная служба превратилась такимъ образомъ изъ личной повинности въ реальную; она связана была съ землей. И соответственно съ этимъ раздѣленіемъ функций въ обществѣ, произошло раздвоеніе и въ понятіи собственности. Верховное право собственности (*dominium directum*) надъ гуфами, участвовавшими въ снаряженіи войска, принадлежало военно-начальнику или сеньору. Онъ же являлся и въ роли судьи надъ своими подчиненными («обязанными», вассалами, *Hintersassen*). Судебную власть онъ осуществлялъ либо лично, либо черезъ представителя. Лицамъ, освобожденнымъ отъ воинской повинности (за исключеніемъ того случая, когда въ страну вторгся врагъ), принадлежало производное, низшее право собственности—право пользованія (*dominium utile*). Они постепенно теряли въ большей или меньшей степени свою свободу, платили сеньору налогъ за землю натурой, отбывали барщину (*Fronen*) и въ силу этого считались прикрепленными къ помѣстью (*glebae adscripti*). Дифференціація шла ускореннымъ темпомъ. Цѣлые деревни считали выгоднымъ передать верховное право собственности надъ своими землями какому-нибудь могущественному сеньору, превращаясь въ полусвободныхъ держателей земли, если онъ бралъ на себя заботу

¹⁾ J. D. Hüllmann, Geschichte des Ursprungs der Stände in Deutschland. 2 Aufl., 1830, S. 205.

о снаряжении войска. Они добровольно подчиняли—коммандировали—себя господству сеньора («sich kommandieren», «sich verherren»). Приговоры общины замыкались решениями землевладельца. Место общинны занялъ господинъ (dominus, senior). Такимъ образомъ принципъ товарищества вытесненъ былъ принципомъ господства. И подобно тому, какъ духовенство было сословиемъ, господствующимъ въ религиозной области, дворянство стало сословиемъ активнымъ въ дѣлахъ политическихъ. Прочие слои народа держались въ состояніи глубокой политической пассивности. Но и высшія сословія не были абсолютно свободны. Лениный пароль «Я служу» («Ich dien») проникалъ всю высшую іерархію, которая дѣлилась на семь такъ называемыхъ военныхъ щитовъ. При этомъ и владыка (Lehnsherr) былъ обязанъ вѣрностью своимъ подчиненнымъ (вассаламъ). Король или императоръ, какъ высший и самый могущественный изъ землевладельцевъ считался принадлежащимъ къ первому щиту. Ко второму принадлежали духовные князья; къ третьему—свѣтскіе; къ четвертому—графы и дворяне, имѣющіе право носить знамя, гербъ (Bannerherren); къ пятому—бароны; къ шестому—простое рыцарство. Наконецъ, къ седьмому щиту принадлежали всѣ свободные («Jedermann der ehelich Kind und nicht eigen ist»).

Экономическимъ базисомъ этой политической системы было широко организованное натуральное хозяйство, проникшее даже туда, где со временемъ господства Рима сохранились следы денежного хозяйства, какъ напримѣръ во Франціи и Англіи. Здѣсь ленная система вскорѣ охватила всѣ земли согласно принципу «Nul terre sans seigneur». Въ Германіи этой системѣ оказало сопротивленіе жившее подворно крестьянство. Бѣдность не принуждала его отказаться отъ иссеченія воинской повинности и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своей свободы. Въ странѣ Фризовъ, Вестфаліи, Верхней Баваріи, Швейцаріи и т. д. сохранилось крупное крестьянство, упорно отстаивавшее свою независимость, и оно сумѣло съ оружиемъ въ рукахъ воспрепятствовать проникновенію въ его среду ленной системы. Послѣ распаденія сельской общины здѣсь, въ противоположность феоду (отъ fee—обязанность, подать и odal—собственность), образовались аллоды, категорія третьего сословія. Въ то же время крестьянство повсюду впадало въ крѣпостную зависимость; это обстоятельство дало поводъ разматривать крестьянство и четвертое сословіе, какъ одно цѣлое, что однако невѣрно.

Четвертое сословіе въ деревнѣ было далеко неоднородно въ зависимости отъ того, явилось ли его подчиненіе послѣдствиемъ добровольной коммандациіи или же вытекало изъ первоначального рабства. Сеньоръ вмѣстѣ съ своими крѣпостными составлялъ обыкновенно крупное домашнее хозяйство — *familia*; но это конечно не семья въ современномъ значеніи слова; *familia* здѣсь не основана на кровномъ родствѣ. Податямъ и барщинной повинности крестьянъ (*Frohndienst* отъ *froh*, что значитъ господинъ), соотвѣтствовала обязанность сеньора

поддерживать ихъ въ случаѣ старости, увѣчья, болѣзни. Три дня въ недѣлю крѣпостной былъ обязанъ работать на землѣ помѣщика и обыкновенно (не всегда однако) онъ за это не получать вознагражденія. Вознагражденіе заключалось въ правѣ эксплуатации разъ навсегда предоставленного ему участка земли. Этотъ участокъ крѣпостной обрабатывалъ остальные три дня недѣли. Здѣсь мы встрѣчаемся, такимъ образомъ, не съ той формой заработной платы, которая господствуетъ въ эпоху денежного хозяйства. Во всякомъ случаѣ по высотѣ своей уже тогда заработка плата стояла на уровне необходимыхъ средствъ существованія. Слѣдовательно, «желѣзный законъ заработной платы» существовалъ и тогда. Среди барщинныхъ повинностей принято различать: опредѣленныя и неопределѣленныя (послѣднія выражали собой большую степень зависимости), пѣшія и конныя, мужскія и женскія и т. д. Противъ неповиновенія или забытья у помѣщика имѣлось въ распоряженіи средство въ видѣ принужденія къ труду (*Dienstzwang*); чтобы заставить крѣпостного работать онъ могъ подвергать его тюремному заключенію и даже тѣлесному наказанію. Противъ чрезмѣрной эксплуатации выступило духовенство. Ежедневнымъ церковнымъ звономъ оно добилось соблюденія нормального рабочаго дня. Устанавливая многочисленные праздники всего чаще въ дни барщины, оношло навстрѣчу потребности крестьянъ въ отдыхѣ.

Помимо этихъ повинностей существовали крайне многосложные натуральные земельные налоги; они были неодинаковой высоты въ зависимости отъ степени закрѣпощенія. Они распространялись на всѣ продукты хозяйства—какъ на предметы питания, такъ и на ремесленные изделия. Крѣпостной могъ непосредственно уплатить подати продуктами своего приготовленія и не долженъ быть, какъ это дѣлается въ наше время, везти свои изделия на рынокъ и уплачивать налогъ изъ той не всегда одинаковой суммы денегъ, которую онъ получаетъ за нихъ.

Это обстоятельство было однимъ изъ оснований, давшихъ поводъ Лассалю и иѣкоторымъ другимъ ученымъ утверждать, что положеніе рабочаго на томъ болѣе низкомъ уровнѣ развитія было лучше, чѣмъ въ условіяхъ совремѣнного денежного хозяйства. Тогда господствовала взаимная зависимость, носившая патріархальный характеръ, а теперь ее замѣнила «безчувственная плата чистоганомъ».

Физіократовъ характеризуетъ рѣзко отрицательное отношеніе къ порядкамъ феодального строя; они видѣли въ нихъ тиранническое посягательство на естественную свободу человѣка. Странно, что они почти всегда только въ общемъ высказывались противъ этихъ порядковъ; оставляя въ сторонѣ дорожную повинность мелкихъ землевладѣльцевъ (*corvées*), противъ которой Тюро въ свое министерство издалъ эдиктъ, мы только у одного изъ физіократовъ, у Le Trône'a, найдемъ проектъ общей отмены феодальныхъ повинностей (въ его посмертномъ трудахъ).

Въ III-й книгѣ «Изслѣдованія» Адама Смита мы находимъ много данныхъ о положеніи крестьянства при господствѣ феодальныхъ порядковъ. Онъ рисуетъ угнетенное положеніе крѣпостныхъ, хотя имъ при феодализмѣ все-таки жилось лучше, чѣмъ въ древней Греціи и Римѣ, или даже теперь въ Вестъ-Индскихъ британскихъ колоніяхъ. По его мнѣнію, крѣпостные отношенія должны были пасть въ тотъ моментъ, когда убѣдились въ большей продуктивности свободного труда. Онъ говорить: «Я думаю, опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ учитъ, что производство при помощи рабского труда самое дорогое, хотя и кажется, будто его стоимость составляетъ только стоимость содержанія рабовъ. Кто не имѣетъ возможности приобрѣтать собственность, тотъ не имѣетъ также иного интереса, какъ возможно большее быть и возможно меныше работать»¹). Смитъ изображаетъ, какъ крѣпостные отношенія во Франціи стали мало-по-малу замѣняться системой *Métayers*—испольной аренды. Эта система сводилась къ тому, что крестьянинъ вкладываетъ свой трудъ, а помѣщикъ даетъ все остальное: землю, сѣмена, скотъ, инвентарь и т. д. Урожай дѣлится между ними пополамъ. Въ Англіи, съ другой стороны, постепенно выработались свободные арендные отношенія (*yeomanry*); въ остальныхъ же странахъ продолжаетъ господствовать прежняя почти неограниченная крѣпостная зависимость крестьянъ (1776 г.).

Карлъ Марксъ при выводѣ своей теоріи прибавочной цѣнности опирался между прочимъ и на тотъ общеизвѣстный фактъ, что крестьянинъ работалъ три дня въ недѣлю на помѣщика и три дня — на себя. Этотъ трехдневный трудъ на помѣщика и составляетъ прибавочную цѣнность, которую выжимаетъ изъ рабочаго помѣщика пользуясь своими политически-правовыми привилегіями²). Здѣсь, очевидно, упущенъ изъ виду, что помѣщикъ несъ военную службу, которая прежде лежала на крестьянинѣ; отъ несенія которой онъ теперь освободился, вступая въ ряды войска только въ случаѣ крайней необходимости. Безъ этой военной защиты и остальныхъ правительственныйыхъ функций сеньора, земледѣлю едва ли бы было обеспечено необходимое для него спокойствіе и безопасность. Было бы вѣрѣть въ данномъ случаѣ видѣть не чистую прибавочную стоимость, а уплату за услуги, безусловно необходимыя.

Особенную симпатію къ натуральному хозяйству вообще, и къ древне-германскимъ отношеніямъ въ частности—обнаруживаетъ, какъ мы уже замѣтили, Лассаль. Съ какой-то любовью рисуетъ онъ въ своей книгѣ: «Капиталъ и трудъ»³) картину экономической жизни въ одномъ изъ крупныхъ феодальныхъ помѣстій на исходѣ среднихъ вѣковъ.

¹⁾ A. Smith. Изслѣдованіе, кн. III, гл. 2.

²⁾ Karl Marx, Das Kapital, 2 Auflage 1872, S. 229.

³⁾ Ferdinand Lassalle, Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der ökonomische Julian oder: Kapital und Arbeit. Berlin 1864. S. 169. Есть русскій переводъ.

«Присмотритесь поближе,—обращается онъ къ Шульце-Деличу,—хотя бы даже поверхностно, къ хозяйству средневѣковаго феодальнаго поземельнаго собственника. Не говоря уже о крѣпостныхъ, поля его обрабатываются при помощи ручной и упряжной повинности, при помощи барщины точно опредѣленной и барщины неопределенной, трудами свободныхъ и несвободныхъ колоновъ всевозможныхъ категорій; да же, подобно несвободнымъ, свободные *mansi* (крестьянскіе дворы) и тѣ обязаны отбывать барщину съ тою только разницей, что первые—въ теченіе трехъ дней въ недѣлю, а вторые—около пяти, шести недѣль въ году. Но оставимъ земледѣліе. Вообще, нѣть такой повинности, которую при феодальномъ строѣ хозяйства не отбывали бы сеньору *naturой* съ одной стороны—свободные и несвободные *mansi*, съ другой—жители мѣстечекъ и мелкихъ городовъ, находившихся въ различныхъ степеняхъ зависимости отъ него.—Перенеситесь мысленно въ одинъ изъ дней, когда такой благородный феодалъ принимаетъ приносимые ему продукты. Передъ вами—огромное количество ржи, ячменя, курь, ветчины, воловъ, свиней, яицъ, масла, фруктовъ, воску, свѣчей, меду—все это должны принести его подвластные; болѣе того, они приносятъ ему пряники, цветы, букеты изъ розъ. Портные и сапожники мѣстечекъ, находящіеся подъ его высокой рукой—вспомните принципъ: «*nulle terre sans seigneur*»—приносятъ ему платья и обувь, сработанныя для феодала и его дворни въ теченіе барщинной недѣли; перчаточники («*Hentschuhern*» = *Handschiuhmacher*), ремесленники, изготавляющіе кубки («*Becherere*» = *Bechermacher*), дровосѣки (*Kiefer*), столяры («*Zimmerliute*» = *Zimmerleute*)—въ свою очередь должны работать для удовлетворенія его потребностей и, конечно, безъ вознагражденія (*sine mercede*); кузнецы доставляютъ ему замки, цѣпи, стрѣлы, и, кромѣ того, известное количество подковъ и гвоздей. И если въ первые периоды средневѣковой жизни на помѣщичьемъ дворѣ жили ремесленники и мастера всѣхъ видовъ (*mechanici et artifices*), мясники (*carnifices*), кожевники (*cerdones*), бочары (*doliatores*), мѣховщики (*pellifices* и *pelliparii*), каретники (*currifices* и *carpentarii*), лавочники (*institores*), архитекторы (*aeditui*), каменщики (*caementarii* и *lapicidae*), красильщики (*pictores*) и т. д., и даже торговцы (*negotiantes*), золотыхъ дѣлъ мастера (*aurifices*), рѣзчики по дереву (*lignorum caesores*),—если вообще помѣщичій барщинный дворъ долженъ быть имѣть представителя всякаго ремесла, которое встрѣчалось въ предѣлахъ помѣстья («*von einem iedlichen antwergke ein antwergmann*»),—то хотя въ позднѣйшія времена они и не жили уже въ замкахъ, все же въ память этого первоначального отношенія, или отношенія *mansi* и феодальныхъ помѣстій, они должны были давать помѣщику продукты своей ремесленной дѣятельности: всякаго рода ножи, ножницы и клемши (*cultelli, rasoria, forcipes* и *forfices*), крючья и топоры (*picarii*), блюда (*scutellae*), кубки (*picaria*), сосуды всякаго рода (*craterae*), сѣда и

другія вещи (*sellae et cetera ustensilia*). Если мясникъ продаетъ вола,— помѣщикъ получаетъ языкъ и ноги; подобныя подати взымаются онъ и съ вина, пива и другихъ напитковъ. Но что станетъ онъ дѣлать съ виномъ и пивомъ, если у него нѣтъ бочекъ? Слѣдовательно, ему должны быть доставлены бочки (*tunnae*) съ тегѣгами и безъ нихъ, заклепки (*dovae*) для нихъ, обручи (*circuli*), донья (*patellae*), котлы (*caldaria*), какъ желѣзные, такъ и мѣдные, а также доски и прочій материалъ для починки крыши. Погребщики «обязаны даромъ готовить вино и варить пиво милостивѣшему господину своему» (*«seint schuldig meins gnedigsten Herrn wein und bier umbsunst zu schroden»*), бочары обязаны «даромъ дѣлать всѣ бочки для пива и вина» (*«meinem gnedigsten Herrn alle Wein und Bierfass umbsunst zu ohmen»*). Кузнецы обязаны доставлять ему шпоры, а ткачи скатерти длиной въ 6 локтей (*Ellen*) и одну кисть (*Handquel*).—Вы легко поймете, что въ этомъ общемъ стремлениі довести хозяйство до образцовой высоты, женщины не отстанутъ отъ мужчинъ. Жены колоновъ обязаны приносить феодалу по куску льняной и шерстяной матеріи (*camisilem I et sarcilem I*), приготовлять солодъ и печь хлѣбъ. Однѣ изъ женщинъ должны давать готовый продуктъ, т. е. приготовлять ткань изъ своего материала (*rappos ex proprio lino*), другія же обязаны заниматься только обработкой (*si datur eis linificum, faciunt camsilos*), а потому трети крестьянскіе дворы должны, кроме поросѣтъ, льняного семени и чечевицы, доставлять по мотку льна въ мастерскія. Рыбаки должны доставлять ему семгу и другую рыбу (*«барщинная рыба»*), которая ловилась въ опредѣленное время, возить его съ мельниками по рѣкѣ, куда онъ пожелаетъ; привилегія быть его посыльнымъ, когда онъ пожелаетъ написать письмо, исполнять почтовую и сигнальную службу, принадлежаща мясникамъ» и т. д.

Такъ говоритьъ Лассаль, изъ пластического изображенія котораго можно сдѣлать очень важный въ экономическомъ отношеніи выводъ, что натуральное хозяйство примѣнимо еще на сравнительно высокой ступени культурнаго развитія. Что же касается теоретическихъ основъ этого периода, то онъ нашли свое отраженіе главнымъ образомъ въ хозяйственныхъ нормахъ канонического права позднѣшаго периода, о чёмъ мы уже имѣли случай говорить.

Въ наше время соціальная возрѣнія церковно-феодального периода до извѣстной степени воскресаютъ у Ог. Конта. Слѣдуя старому образцу, онъ выступаетъ защитникомъ дѣленія власти на свѣтскую и духовную съ самостоятельнымъ іерархическимъ соціальнымъ устройствомъ. Отрицая ученіе средневѣковой католической церкви, онъ наоборотъ признаетъ нормальной ея организацію и мечтаетъ о возрожденіи ея, конечно, на совершенно новомъ духовномъ фундаментѣ. Онъ прочилъ самого себя въ папы новой «редигіи гуманности».

Во всякомъ случаѣ возможно, что, когда хозяйственная исторія

этого времени будетъ лучше изслѣдована, и наука представить намъ точную картину безусловно величественной по своей цѣльности системы церковно феодального натурального хозяйства, какая-нибудь позднѣйшая экономическая система обнаружить тенденцію въ томъ или другомъ отношеніи возвратиться къ ней. Уже теперь существование подобныхъ тенденцій («neue Feodalit t») кое-кѣмъ усматривается въ соціальномъ ученіи Родбертуса; вопросъ о правильности этого утверждения мы оставляемъ открытымъ.

§ 5. Система средневѣковаго городского хозяйства.

Города были колыбелью новаго времени. Ихъ исторія неразрывно связана съ процессомъ возрожденія денежнаго хозяйства, въ свое время уничтоженнаго германскимъ нашествіемъ. Но процессъ этотъ совершился крайне медленно. Протекли цѣлые столѣтія мучительной борьбы, пока экономическая культура могла, до извѣстной степени, снова сравняться со ступенемъ развитія, достигнутой римскимъ государствомъ къ периоду его паденія. Этотъ процессъ перехода отъ чисто натуральнаго хозяйства къ чисто денежному самъ по себѣ образуетъ какъ бы особую систему экономическихъ отношеній. Система эта получила свое развитіе въ городахъ въ то время, какъ сельское населеніе продолжало оставаться въ цѣпяхъ феодально-натуральнаго хозяйства, и лишь гораздо позднѣе она оказалась въ состояніи втянуть и деревню въ сферу своего вліянія. Въ виду этого она получила въ наукѣ не вполнѣ правильное название системы «городскаго хозяйства» (Шмоллеръ, Бюхеръ, фонъ-Беловъ) — терминъ, котораго и мы также будемъ придерживаться.

Извѣстна та непріязнь, которую выказывали къ городамъ германцы при своихъ передвиженіяхъ и разселеніи. Во-первыхъ, они считали недостойнымъ свободнаго человѣка укрываться отъ врага за каменными стѣнами и, во-вторыхъ, они опущали страхъ передъ укладомъ городской жизни съ характеризующими ее имущественнымъ неравенствомъ и гибелю общинныхъ порядковъ. Города представлялись имъ могилой свободы. Согласно такому взгляду, они не щадили попадавшихся имъ по пути каменныхъ стѣнъ римскихъ муниципій и селились за предѣлами послѣднихъ въ открытомъ полѣ. Короче, германцы были земледѣльческимъ народомъ и желали таковымъ остаться. Но культура не могла застыть на этой ступени. Религіозные, военные, хозяйственныи и специальные интересы заставляли германскую народность ити тѣми самыми путями, которыми шли предшествовавшія имъ націи. Въ исторической наукѣ господствуетъ коренное разногласіе по вопросу о томъ, какъ совершалась эта эволюція въ каждомъ отдалѣнномъ случаѣ.

Современные историки всѣ сошлись на томъ, что болѣе старый, высказанный Eichhorn'омъ взглядъ, будто новѣйшіе города возникли,

какъ простое продолженіе римскихъ муниципій, — ложенъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда новые поселенія возникали на территории старыхъ римскихъ муниципій, они все же являются новыми образованіями. Такъ напримѣръ, Шмидлеръ относительно Страсбурга доказалъ, что этотъ городъ своимъ родоначальникомъ можетъ считать алеманскую деревню, лежавшую за предѣлами римского города, и онъ только впослѣдствіи поглотилъ территорію послѣдняго¹⁾.

Другой, еще не вполнѣ выясненный вопросъ заключается въ томъ, были ли жители первыхъ городовъ несвободны или свободны; другими словами, лежало ли въ основѣ первоначального городского устройства начало крѣпостной зависимости или общинныхъ порядковъ. За первое предположеніе, болѣе раннее, высказывался именно Nitzsch, къ основнымъ положеніямъ которого впослѣдствіи примкнули Штида и Бюхеръ. За послѣднее стоять Wilda, Арнольдъ, Гирке и т. д., а въ послѣднее время его настойчиво отстаиваетъ ф.-Беловъ.

Изъ крупныхъ системъ экономической науки этому вопросу удѣлила вниманіе лишь одна: — именно система А. Смита. Что касается меркантилистовъ, то они, правда, относились въ высшей степени благожелательно къ городской культурѣ и, не будучи по своему методу чужды пріемовъ исторического изученія, могли бы имѣть полное основаніе изучать разбираемый нами вопросъ. Но для выполненія подобной задачи имъ недоставало вообще истинно научного духа. Таковымъ обладала, конечно, система физіократовъ. Однако методъ этой школы былъ принципіально неисториченъ, а потому она (за исключениемъ, отчасти, Тюрго) и не дошла до сознанія необходимости заняться подобными изслѣдованіями. Иное дѣло — авторъ «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ». Интересующему насъ вопросу А. Смитъ посвящаетъ въ своей III книжѣ, въ которой наиболѣе полно отражаются его историко-философскіе взгляды, — особую главу (3-ю) подъ заглавіемъ «Ростъ и развитіе городовъ послѣ паденія римской имперіи». Начиная нѣсколько издалека, Смитъ высказываетъ здѣсь идеи, совпадающія съ теоріей происхожденія городовъ на почвѣ крѣпостной зависимости; во всякомъ случаѣ его можно считать однимъ изъ прародителей этой теоріи.

Указавъ на смысль античной городской культуры сельской культурой германцевъ, онъ продолжаетъ: «Города были населены главнымъ образомъ мелкими ремесленниками и мастеровыми, которые въ то время, если и не занимали положенія рабовъ, то во всякомъ случаѣ были очень близки къ этому. Привилегіи, которыя, по свидѣтельству древнихъ документальныхъ данныхъ, были дарованы жителямъ нѣкоторыхъ крупныхъ европейскихъ городовъ, съ достаточной ясностью

¹⁾ „Strassburgs Blüte und die volkswirtschaftliche Revolution im 13 Jahrhundert“, Rektoratsrede, Strassburg 1874, S. 22 ff.

показываютъ, какъ обстояло дѣло до ихъ полученія. Тотъ, кому въ качествѣ привилегіи даруется право выдавать замужъ свою дочь безъ разрѣшенія феода, оставлять послѣ своей смерти имущество дѣтямъ, а не сеньору, свободно распоряжаться своимъ имуществомъ путемъ завѣщенія, — тотъ до полученія подобныхъ правъ долженъ быть находиться вполнѣ или почти въ такой же крѣпостной зависимости, какъ и житель деревни».

Опериуя съ данными только одной англійской дѣйствительности, Смитъ вкратцѣ рассматриваетъ систему пошлинъ, которая лежали тогда на торговлѣ и ремеслахъ. Онъ показываетъ, какъ по мѣрѣ усиленія городовъ происходило постепенное освобожденіе ихъ отъ гнета этихъ налоговъ. Распространяясь сначала на отдѣльныхъ лицъ, это освобожденіе распространялось потомъ на города, какъ таковые, и сдѣлалось, такимъ образомъ, общимъ для всего городского населенія. «Такимъ образомъ, послѣдняя (т.-е. свобода отъ налоговъ) перестала быть личной и уже не могла быть дарована отдѣльнымъ лицамъ, какъ таковыми, а только гражданамъ извѣстнаго города, который вслѣдствіе этого получалъ название «свободнаго» (Freeburgh), а жители его — «свободныхъ гражданъ» (Freeburghers) или свободныхъ купцовъ (Freetraders). Когда были уничтожены существенные признаки крѣпостной зависимости и рабства, граждане стали свободны въ томъ смыслѣ, какой мы привыкли связывать съ понятіемъ свободы». Далѣе Смитъ описываетъ, какъ постепенно города получили право корпорацій, собственная магистратуры и городскіе суды, какъ въ цѣляхъ защиты отъ нападеній извѣнѣ они стали строить укрѣпленія, ввели всеобщую воинскую повинность, стали заключать другъ съ другомъ союзы для сохраненія своей независимости, для огражденія ея главнымъ образомъ отъ своего заклятаго врага — дворянства. «Дворяне презирали горожанъ, они не только считали ихъ принадлежащими къ другому сословію, но и смотрѣли на нихъ, какъ на толпу освобожденныхъ рабовъ, принадлежащихъ чуть ли не къ другой породѣ; помимо этого, богатства горожанъ вызывали ихъ зависть и гнѣвъ; поэтому они при каждомъ удобномъ случаѣ грабили ихъ безъ всякаго снисхожденія и пощады». Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., въ Италии и Швейцаріи (здѣсь въ особенности въ Бернѣ) города побѣдоносно справились со своими противниками и даже подчинили себѣ окружное дворянство; на этой основе возникли свободные территоріальные республики. Въ другихъ мѣстахъ борьба приняла иныхъ формы, и города сами поручали себя и свои интересы защитѣ могущественныхъ князей. «Монархи также чувствовали страхъ передъ дворянствомъ... и вслѣдствіе этого создавалось между ними единство интересовъ; горожанамъ было выгодно поддерживать монарха, а послѣднему — горожанъ въ борьбѣ противъ дворянства; горожане были врагами его враговъ» и т. д. Этимъ покровительствомъ и поддержкой владѣтельныхъ князей

и объясняется колоссальный ростъ и процвѣтаніе торгово-промышленной жизни, которые изумили весь міръ. Этотъ ростъ оказалъ выгодное воздействиe и на самое хозяйство.

Нарисованная Смитомъ картина развитія городской жизни въ общемъ соотвѣтствуетъ установившимъ въ настоящее время взглядамъ, въ которыхъ руководящимъ началомъ является принципъ эволюціи. Однако, съ точки зренія исторической достовѣрности противъ нея можно сдѣлать не мало возраженій, въ особенности поскольку это касается германской дѣйствительности.

Прежде всего, Смитъ дѣлаетъ въ своемъ построеніи ту ошибку, что усматриваетъ только одинъ способъ возникновенія городовъ, между тѣмъ какъ процессъ ихъ образованія направлялся по цѣлому ряду путей. Ошибочно даже видѣть въ городахъ дѣтище исключительно третьаго сословія и игнорировать тотъ фактъ, что въ дѣйствительности всѣ четыре сословія, одно за другимъ, играли въ городахъ первенствующую роль, опредѣляя каждое въ свое время всю ихъ политику.

Что касается основанія городовъ, то въ этомъ принимали участіе всѣ четыре сословія. «Весьма рѣдко города вызывались къ жизни исключительно торговлей и положеніемъ, особенно ей благопріятствовавшимъ. Чаще всего торговля оказывала лишь посредствующее вліяніе, при чемъ ее приковывали предварительно къ данному мѣсту посторонняя причины» (Арнольдъ). Наиболѣе древніе изъ городовъ этого периода возникли около епископскихъ резиденцій. По закону послѣднія учреждались въ мѣстахъ и безъ того густо населенныхъ. Къ этой категоріи относятся на Западѣ большие Рейнскіе города: Кельнъ, Майнцъ, Вормсъ, Шпайеръ, Страсбургъ, Базель и т. д. Точно также и монастыри, хотя и рѣже, оказывались тѣми первоначальными ячейками, изъ которыхъ выростали города (St.-Gallen, Fulda и др.).

Затѣмъ и стратегическія причины заставляли устраивать укрѣпленіе, обнесенные стѣнами пункты, почему первоначально понятіе города совпадало съ понятіемъ крѣпости. Набѣги въ предѣлы Германіи венгерскихъ всадниковъ заставили, какъ известно, Генриха I (X вѣкъ) выстроить въ восточныхъ округахъ рядъ укрѣпленій, которые должны были служить мѣстами прикрытия для его собственной конницы. Обыкновенно это были императорскіе замки, специально для этого предназначенные—какъ напр.: Магдебургъ, Мерзебургъ, Госларъ, Нюренбергъ, кромѣ этого Франкфуртъ, Вецларъ, Аахенъ и. т. д. Позднѣе, въ XII вѣкѣ, стали основывать города, по заранѣе намѣченному плану, отдѣльные княжескія династіи: Вельфы на сѣверѣ и Церингеры на югѣ. Такъ, первые построили Любекъ и Брауншвейгъ, вторые—оба Фрейбурга и Бернъ. Возникновеніе многихъ городовъ Ганзейскаго Союза обусловливалось ихъ выгоднымъ положеніемъ у устья рекъ или у мѣста ихъ сліянія. Наконецъ, и нѣкоторыя закрѣпощенные прежде села вслѣд-

ствіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ или сознательно направлennой энергії жителей постепенно сумѣли завоевать себѣ свободу и городскія привилегіи. Обыкновенно, однако, не одно какое-нибудь обстоятельство, а взаимодѣйствіе цѣлаго ряда факторовъ обусловливали собой процвѣтаніе городской общины.

Какъ разнообразны были причины, вызывавшія къ жизни новыя поселенія, такъ разнообразенъ бытъ и составъ поселенцевъ. Безусловно неправиленъ взглядъ Ад. Смита, будто въ городахъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ, обособленнымъ извѣтъ городскимъ сословіемъ. Гораздо правильнѣе думать, что въ городскихъ поселеніяхъ съ самаго начала были представлены всѣ четыре сословія, рѣзко отличавшіяся по своему положенію и обыкновенно находившіяся въ ожесточенной борьбѣ другъ съ другомъ.

Присмотримся, напр., къ какому-нибудь епископскому городу, гдѣ сословное расчлененіе достигало наиболѣе рѣзко выраженныхъ формъ. Мы, прежде всего, встрѣчаемся въ немъ съ *епископской общиной*, которая живетъ на особо ограниченной территории и обнимаетъ все духовенство, какъ бѣлое, такъ и черное; она свободна отъ податей, подсудна единственно епископскому суду и экономически представляетъ собой автономную единицу, регламентируемую нормами канонического права.

Далѣе выступаетъ второе сословіе—*старое бургерство или патриціи*; они происходятъ отъ дворянъ и занимаютъ военные и высшія гражданскія должности. Они носятъ название «Achtbürger (acht отъ acht)», и имъ принадлежитъ исключительное право владѣнія недвижимой собственностью. Они составляютъ особыя организаціи: т. н. «юнкерскія компаніи» или «общества собутыльниковъ», которые охотно даютъ себѣ всякаго рода шуточныя названія, вродѣ: «Zur Mücke», «Zum Seufzen» въ Базель, «Zum Narren», «Zum Distelzwang» въ Бернѣ и т. д. Важнѣйшее требование, предъявляемое имъ, это «бездѣлье» (т. н. «Müssiggang»): члены этихъ обществъ не должны жить личными заработками. Промежуточное положеніе между духовенствомъ и дворянствомъ занимали слуги императора или епископовъ (т. н. «Ministerialen»). Возроставшая самостоятельность городского сословія все больше оттесняла ихъ на задній планъ и принуждала ихъ либо переселяться въ села, гдѣ они вступали въ среду мелкаго дворянства, либо, оставаясь въ городахъ, входить въ общества патриціевъ.

Къ третьему сословію относились *купеческия гильдіи* или «господскіе цехи» (Herrenzünfte). Это были купцы (mercatores), подраздѣлявшіеся въ зависимости отъ торгового значенія города на большее или меньшее количество гильдій. Этотъ классъ состоялся когда-то изъ свободныхъ мелкихъ собственниковъ, которые владѣли слишкомъ малыми участками земли, чтобы стоило жить при нихъ и потому переселились въ города и обратились къ торговлѣ. Они и образовали

собственно третье сословіе въ городахъ. Сначала они жили на арендованной землѣ, за которую платили оброкъ, но скоро добились права владѣнія собственной недвижимостью, а всѣстѣ съ тѣмъ и права участія въ городскомъ управлениі.

На вицѣйшей ступени общественной лѣстницы стоятъ ремесленники. Вопреки общераспространенному взгляду они представляли собой въ самомъ началѣ не третье, а четвертое сословіе. Это т. н. «Nahrungen», «Hantierungen» или «Zünfte», т. е. просто цехи. Сначала они были подчинены праву господина (*Hofrecht*), подобно другимъ крѣпостнымъ, и не считались вообще принадлежащими къ городской общинѣ (*civitas*). Лишь довольно поздно получили они доступъ въ нее. Званія «cives» и «Burghenses» въ прежнее время не предоставлялись имъ; въ позднѣйшихъ актахъ мы находимъ для нихъ терминъ *concives* или *Schutzenposse*, пока они не завоевали себѣ права участвовать въ управлениі городомъ и не получили званія гражданъ; но это случилось лишь въ концѣ среднихъ вѣковъ. Къ этому времени ремесленники уже поднялись до высоты одной изъ группъ третьяго сословія и имѣли движимую и недвижимую собственность¹⁾.

Изъ предыдущаго изложения съ полной очевидностью обнаруживается несостоятельность построенія Смита. Мы видимъ, что характеръ города измѣняется въ зависимости отъ характера исторической эпохи. Кроме этого, экономическая основы городской жизни мѣняются въ зависимости отъ преобладающаго вліянія того или другого сословія. Въ началѣ, въ эпоху преимущественного преобладанія церковнаго и аристократического элемента (періодъ передъ крестовыми походами приблизительно 900—1100 гг.) городскія поселенія носятъ чисто деревенскій характеръ; хозяйственная жизнь протекаетъ въ рамкахъ феодально-церковнаго натурального хозяйства. Въ эпоху крестовыхъ походовъ (приблизительно 1100—1300 гг.) на первый планъ болѣе выдвигаются торговая гильдія и коммерческие цехи. Денежное хозяйство начинаетъ развиваться. Въ третій періодъ вплоть до конца средневѣковья (1300—1500 гг.) ремесленные цехи стремятся занять господствующее положеніе, что имъ въ основныхъ пунктахъ и удается. Денежное хозяйство продолжаетъ распространяться, но никогда не теряетъ характера иѣкоторой связаннысти, которая создается регламентацией цѣнъ со стороны верховной власти. Лишь въ новое время денежное хозяйство сбросило всѣ связывавшія его путы. Лишь мало-по-малу выдвигается тотъ характеръ хозяйственной жизни, который мы въ наше время называемъ городскимъ. На протяженіи всего средневѣковья городскіе жители всѣхъ сословій продолжаютъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ въ размѣрахъ,

¹⁾ Ср. обѣ этомъ *Hüllmann*, *Geschichte des Ursprungs der Stände in Deutschland*, 2 Aufl. 1830, S. 481. Далѣе—*Arnold*, *Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte*, 1854, Bd. II, S. 186 f.

необходимыхъ для собственного потребленія. Каждый городъ стремился къ тому, чтобы образовать замкнутый хозяйственный кругъ, который по возможности самъ удовлетворялъ бы всѣ свои потребности. Если крестьянинъ въ деревнѣ представлялъ собою въ то же время отчасти и ремесленника, стараясь собственными силами удовлетворить возникающую въ предѣлахъ его хозяйства потребность въ ремесленной работе,—то и горожанинъ, обратно, былъ въ иѣкоторой степени сельскимъ хозяиномъ. Каждая семья имѣла въ предѣлахъ городского района собственный или арендованный участокъ земли, доставлявшей ей самые необходимые пищевые продукты. Только нужда въ сырье или недостатокъ въ какихъ-либо продуктахъ заставляли городъ вступать въ торговыя сношенія съ деревней, при чемъ городъ отдавалъ въ обмѣнъ за ея произведенія излишекъ своихъ ремесленныхъ издѣлій. Вначалѣ этотъ обмѣнъ вела община, какъ таковая, впослѣдствіи онъ производился отдѣльными лицами подъ строгимъ контролемъ городскихъ властей. Отъ этого контроля не была изъята и торговля внутри города. Цехи въ опредѣленные сроки вступали въ мѣновыя сношенія другъ съ другомъ, какъ цѣлые единицы. По отношенію къ высшимъ сословіямъ существовалъ точно регламентированный взаимный обмѣнъ повинностей. Сказанное относится одинаково къ продуктамъ ремесленного и сельскохозяйственного производства. У Арнольда въ его «Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten»¹⁾ мы найдемъ подробное описание отдачи земли старожилами (*Altburger*) въ аренду другимъ сословіямъ, не имѣвшимъ права владѣть землей. Сравнительно поздно уплата процента (*census*) продолжала еще производиться въ формѣ «*pensio*» т. е. продуктами и личными повинностями. Оброки, уплачиваемые плодами, курами и т. п. распредѣляли на весь годъ. «Такъ какъ назначеніе срока уплаты зависѣло отъ договаривающихся сторонъ, то мы встрѣчаемъ, согласно средневѣковымъ обычаямъ, цѣлый рядъ праздниковъ, въ которые производилась уплата повинностей, особенно праздники въ честь Св. Маріи (*Marientage*), крестные дни (*Kreuztage*), трехъ королей, *Cathedra* и *Vincula Petri*, дни Георга и Ремигія, Филиппа и Якова (1 мая), Симона и Іуды (28 октября), Иоанна Крестителя и Иоанна Евангелиста, Маргариты, св. Михаила (*Michaelis*), Рождества Христова, дни престольныхъ и монастырскихъ патроновъ (*Stifts-und Klosterheilige*), такъ что величиной сборовъ можно почти измѣрить то почтеніе, которымъ пользовался тотъ или иной святой въ томъ или другомъ городѣ» (Арнольдъ)²⁾. Излюбленными днями были—св. Мартина и заговѣнья. Объ отношеніи страссбургскаго бургерства къ епископу, *Hüllmann*³⁾ сообщаетъ слѣдующее: «По старому

¹⁾ Basel 1861, Abschnitt II und III.

²⁾ Тамъ же, стр. 69.

³⁾ а. а. О., S. 547.

обычаю ремесленники должны были изготавлять или производить определенную работу для епископа, при чемъ бургграфъ устанавлилъ надзоръ за каждымъ ремесломъ при посредствѣ мастеровъ, выбранныхъ изъ числа епископскихъ слугъ. Относительно отдельныхъ ремесленниковъ, какъ-то: оружейниковъ, кузнецовъ, сѣдельниковъ, перчаточниковъ, сапожниковъ, плотниковъ, рыбаковъ, скорняковъ, существовали особыя постановленія. Послѣдніе, напримѣръ, чередовались въ несеніи придворной службы; ее несли ежегодно по двѣнадцати человѣкъ, но при томъ такимъ образомъ, что они только работали безвозмездно, а материалъ доставлялся на господскій счетъ. Надъ прочими ремесленниками, замкнутыми въ цехи, тяготѣли подобныя же обязательства; болѣе того, всѣ бургеры безъ исключенія обязаны были быть готовыми для несенія барщины ежегодно въ теченіе пяти дней и пяти часовъ. Если въ городъ прѣѣзжалъ епископъ и придворные конюшни не вмѣщали всѣхъ лошадей его свиты, то содержатели гостинницъ обязаны были помѣщать остальныхъ безвозмездно у себя. Служба купцовъ была построена въ полномъ соотвѣтствіи съ ихъ профессіональнымъ занятіемъ: она заключалась въ торговыхъ путешествіяхъ и была построена на тѣхъ же основаніяхъ, что и служба скорняковъ. Ежегодно 24 члена цеха должны были по очереди совершать по 3 путешествія, но на средства епископа» и т. д.

Крестовые походы нанесли страшный ударъ всему строю феодального натуральнаго хозяйства. Начатые по инициативѣ духовенства, стоявшаго на высшей ступени своего могущества, встрѣтивши одушевленіе лениаго дворянства крестовые походы захватили и всѣ остальные сословія до крѣпостного крестьянства включительно:—величественное доказательство того, что и идеи, а не только материальная побужденія могутъ давать новое направление общественной жизни. Крестовые походы поставили творчеству и стремленіямъ западныхъ народовъ, направленнымъ до сихъ поръ на внутреннія стороны жизни, новую и притомъ вѣнчанную цѣль. Для того, чтобы отправиться въ чужія страны и сражаться тамъ, требовалось громадное движимое имущество и притомъ въ формѣ наличнаго состоянія. Требовались деньги.

Германцы давно уже были знакомы со словомъ «деньги», хотя первоначально оно имѣло совершенно иное значеніе. Именно, деньгами называли сначала не монеты, а всякое вознагражденіе, возмѣщеніе и при томъ въ натуральной формѣ. Тарифъ такъ наз. *виры* (Wehrgeld) за причиненіе тѣлеснаго поврежденія лицу, причемъ принадлежность послѣдняго къ тому или другому сословію опредѣляла ея высоту, былъ выраженъ въ головахъ скота; точно также судебныя пошлины, штрафы и т. д. Даже при товарномъ обмѣнѣ подъ деньгами подразумѣвали полное возмѣщеніе получаемаго блага.

Германцы получили деньги отъ римлянъ въ видѣ монеты или пфен-

ниговъ, но, кажется, они сначала употребляли ихъ въ качествѣ украшения, а потомъ уже въ видѣ орудія обращенія. Франкскіе короли, ведя постоянныя войны, нуждались въ большомъ количествѣ наличныхъ средствъ и стали вновь вводить въ обращеніе западно-римскія монеты (*aureus*), а Каролинги, и въ особенности Карлъ Великій, провели въ имперіи монетную реформу по Византійскому образцу, при чемъ въ основу системы былъ положенъ такъ наз. *solidus* Константина Великаго. Золотой солидъ подраздѣлялся на 12 серебряныхъ динариевъ. Мѣдные монеты потребовались только позже, такъ какъ господствовавшее внутри государства натуральное хозяйство дѣжало на первое время излишними мелкія монеты. Первые имперскія монеты чеканились въ имперскихъ замкахъ состоявшими на службѣ придворными чиновниками (министеріалами). Чеканка составляла одну изъ императорскихъ регалій. Когда развились торговые сношенія и появилась надобность въ особыхъ торговыхъ монетахъ, на всѣхъ болѣе значительныхъ мѣстахъ склада товаровъ, рынкахъ и ярмаркахъ устраивались особые монетные дворы; управление этими дворами передавалось особой гильдіи — такъ наз. *Hausgenossen*¹⁾. Членовъ этой гильдіи или монетныхъ дѣлъ мастеровъ мы находимъ почти исключительно въ крупныхъ торговыхъ центрахъ, какъ Кельнъ, Майнцъ, Франкфуртъ, Вормсъ, Аугсбургъ, Вѣна, Базель и т. д. Они выполняли свою обязанность отъ имени императора — *Münzherr* — и находились какъ бы на императорской службѣ. Свое название они будто бы получили отъ каменного дома, где гильдія жила въ полномъ составѣ и где сберегались наличные запасы ея благородныхъ металловъ. Они пользовались особой охраной, охраной короля, и потому были изъяты отъ подчиненія городскимъ властямъ. Въ сословной іерархіи ихъ мѣсто было непосредственно за дворянствомъ и впереди членовъ торговой гильдіи. Отчеканенную монету они сдавали въ императорскую казну; при этомъ за чеканку отчислялась въ пользу гильдіи определенная плата, обыкновенно каждый 22-й пфеннигъ.

Помимо привилегіи чеканить монету («*Pfennigstampf*»), они владѣли правомъ торговли благородными металлами («*Wechsel*»). На всѣхъ ярмаркахъ члены этой гильдіи имѣли особая скамьи («*Bänke*»), где производилась покупка привезенного чужеземными купцами золота въ слиткахъ и размѣнъ иностранной монеты, при чемъ взымалась определенная пошлина. Ювелиры были обязаны закупать у «*Hausgenossen*» золото для своего ремесла тамъ, где они не были соединены съ ними въ одну гильдію, какъ напр., въ Базеле; евреи должны были приобрѣтать у нихъ золото, которое они отдавали въ ростъ подъ залогъ вещей. Количество монетъ и благородного металла, которое могло пріоб-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. K. Th. Eheberg, Über das ältere deutsche Münzwesen und die Hausgenossenschaften. Leipzig. 1879.

рѣсти одно лицо, было строго ограничено. Ни одинъ ювелиръ не могъ пріобрѣсти и обработать большее количество золота, чѣмъ это нужно было для его ремесла. Для далекихъ путешествій, во время которыхъ предпочтительнѣе было имѣть съ собою чистое серебро въ слиткахъ вмѣсто чеканной монеты, путешественникъ могъ купить у гильдіи только определенное количество такого серебра. Такъ, по монетному уставу города Аугсбурга: «при поѣздкѣ во Францію—40 марокъ, но не больше, Франконію—20, Богемію—20, Венецію—40». Только тому, кто отправлялся къ Святымъ Мѣстамъ, или въ Римъ, или къ Св. Якову, разрѣшалось пріобрѣтать неограниченное количество монетъ и серебра въ слиткахъ, не уплачивая при этомъ пошлины¹⁾. Вначалѣ монеты перечеканивались для каждой ярмарки. Въ ходу были такъ называемые дутые пфенниги (Brakteaten),— оцѣнка которыхъ производилась по вѣсу. Лишь позднѣе въ обращеніи появились массивные пфенниги (Grossi), какъ орудіе обмѣна при среднихъ и мелкихъ сдѣлкахъ. Постоянная перечеканка монетъ производилась съ двоякой цѣлью: въ фискальныхъ интересахъ возможно болѣе честаго взиманія пошлинъ, а затѣмъ изъ желанія предупредить подѣлку монетъ. Къ послѣдней причислялась чеканка частными лицами даже и полноцѣнныхъ монетъ и превращеніе монетъ въ слитки. Для веденія своихъ дѣлъ «Hausgenossen» обладали особыннымъ имущественнымъ фондомъ, принадлежавшимъ всей гильдіи. Въ Кельнѣ, напр., фондъ этотъ достигалъ 1.200 марокъ. Это первое въ средніе вѣка примѣненіе капитала въ качествѣ фактора производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ членовъ гильдіи, вербовавшихся, обыкновенно, изъ богатѣйшихъ членовъ патриціанскаго или купеческаго сословія, обладалъ собственнымъ, еще болѣе значительнымъ состояніемъ. Когда къ концу средніхъ вѣковъ право чеканки монеты перешло отъ императора къ владѣтельнымъ князьямъ, «Hausgenossen» исчезли, слившись съ другими гильдіями или цехами. Исторія денегъ ясно показываетъ, что они явились къ германцамъ извѣт. Органически связанныя съ государственной и церковной политикой средніхъ вѣковъ, они являются дѣтищемъ навязанной государству религіозной политики. Денежное обращеніе особенно оживляется подъ влияніемъ иностраннѣхъ сношеній съ заграницей въ эпоху крестовыхъ походовъ. До XIII вѣка исторія не знаетъ «Hausgenossen»; ихъ расцвѣтъ относится къ XIII столѣтію, а въ XVI они уже исчезаютъ.

Рядомъ съ ними и въ значительной степени благодаря ихъ развитію выросли купеческія гильдіи или торговые цехи. Въ періодъ крестовыхъ походовъ снаряженіе огромныхъ армій и снабженіе ихъ провіантромъ дали толчокъ развитію городской жизни. По мнѣнію Шмоллера, переворотъ, который пережила нѣмецкая экономическая жизнь

¹⁾ Eheberg, стр. 60.

въ ХІІ и ХІІІ ст. можетъ считаться даже болѣе значительнымъ, чѣмъ тѣ, которые ей приходилось переживать впослѣдствії. «Не безъ основанія,—говорить онъ,—можно запищать положеніе, что переходъ отъ эпохи, вовсе не знавшей городовъ, къ тому времени, когда встрѣчаются города съ 50.000 жителей и съ такими шедеврами техники, какъ Страсбургскій соборъ,—величественнѣе перехода отъ культуры этого времени къ нашимъ современнымъ крупнымъ городамъ съ ихъ вокзалами, музеями и театрами»¹⁾). Лишь въ новѣйшее время историческая наука энергично начала изучать экономическую сторону этого периода. Въ результатѣ создалась громадная литература. Въ нашу задачу не входитъ, конечно, изложеніе выводовъ, къ которымъ пришли по вопросу о происхожденіи и развитіи гильдій и ремесленныхъ цеховъ средневѣковья Wilda, Nitzsch, Heusler, Gierke, Sohm, Schmoller, Stieda, Bicher, Lamprecht, Gross, Schulte, Below, Hegel, Geering, Eberstadt, Inama-Sternegg и многіе другіе. Многое, если не большая часть того, что высказано этими и другими изслѣдователями, представляется еще спорнымъ. Наша задача ограничивается только изложеніемъ строя средневѣковаго городского хозяйства, въ самыхъ его существенныхъ чертахъ, чтобы имѣть возможность установить различія между нимъ и другими хозяйственными системами.

Изслѣдователи болѣе или менѣе согласны въ томъ, что купеческія гильдіи возникли раньше ремесленныхъ цеховъ²⁾), что члены ихъ съ самаго начала принадлежали къ группамъ свободныхъ лицъ и что поэтому ихъ соціальное положеніе приближалось къ положенію патриціанскихъ союзовъ.

Дошедши до насъ исторические документы оставляютъ открытымъ вопросъ о возникновеніи купеческихъ гильдій; сплошь да рядомъ рѣчь идетъ о статутахъ уже возникшихъ гильдейскихъ организаций. Это объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что торговля сначала носила чисто странствующій характеръ, что союзы, цѣлью которыхъ была взаимная охрана во время путешествій, заключались въ пути. Впослѣдствії

¹⁾ Rektoratsrede über Strassburgs Blüte und die volkswirtschaftliche Revolution im 13 Jahrhundert. Strassburg 1874, S. 34.

²⁾ Въ правильности этой гипотезы долго не считали возможнымъ сомнѣваться. Она выражается съ наибольшою ясностью въ часто цитируемомъ положеніи Sohma: „Первымъ продуктомъ были купеческія гильдіи. Извѣстно, что за купеческими гильдіями послѣдовали позже ремесленные братства“ (*Die Entstehung des deutschen Städtewessens*, Leipzig 1840, S. 88). Въ наши дни Беловъ въ своей работѣ „Die Bedeutung der Gilde für die Entstehung der deutschen Stadtverfassung“ (Jahrg. 1892 der Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik), наоборотъ, старается доказать, „что ремесленные цехи древнѣе купеческихъ гильдій“ (стр. 64). Но приводимые имъ факты говорятъ скорѣе въ пользу того взгляда, что обѣ эти общественные группы приблизительно одновременно получили свои статуты. Но мракъ, покрывающій самое ихъ вступление на историческую сцену, до сихъ поръ не можетъ считаться разсѣяннымъ.

только потребность въ постоянныхъ укрепленыхъ пунктахъ вызвала появление такъ называемыхъ товарищескихъ поселеній, относительно основанія которыхъ входили въ соглашеніе съ городскими властями. Подобно деньгамъ и торговля у германцевъ появилась извѣтъ. Первоначально представителями торговли были западноримскіе или византійскіе купцы, занимавшіеся среди германскихъ племенъ торговлей въ разносъ. Позже выполненіе этихъ торговыхъ функций перешло къ евреямъ, которые тогда занимались торговлей вообще, а не только ссудными операциими, какъ внослѣдствіи. Съ возникновеніемъ городовъ, евреи встрѣтили сильныхъ соперниковъ въ лицѣ нѣмецкихъ купцовъ, которые стали вытѣснять ихъ отовсюду.

Сначала эти торговцы имѣли право жить только за городскими воротами. Они составляли особую общину. Патрономъ своимъ они обыкновенно избирали св. Мартина (напр., Мартинскій приходъ въ Кельнѣ¹⁾). Иногда подобное купеческое поселеніе выростало позже въ цѣлый городъ; въ такихъ случаяхъ первоначальная купеческая община становилась ядромъ городской (извѣстнѣйшимъ примѣромъ этого могутъ служить Любекъ и Фрейбургъ въ Breisgau). Въ другихъ мѣстахъ купеческое сословіе вели долгую борьбу съ патриціанскими родами и нерѣдко добивалось равноправія и даже преобладанія въ городскомъ управлениі. Однако эта побѣда нигдѣ не была достигнута раньше XIII вѣка. Затѣмъ начинаетъ развиваться и цеховое движение.

Торговые гильдіи съ полнымъ основаніемъ считаются «представителями нарождавшагося денежного хозяйства» (Doren). Это дѣйствительно такъ: рано или поздно торговля, разъ она достигла извѣстнаго уровня развитія, неизбѣжно превратится въ капиталистическую. Подробныхъ свѣдѣній по этому вопросу мы не имѣемъ. Извѣстно, что гильдія обладала большими движимымъ имуществомъ. Однако послѣднее врядъ ли служило для нея оборотнымъ капиталомъ, какъ это имѣло мѣсто у *Hausgenossen*. Гильдія была не только торговой компанией, но и братствомъ (*fraternitas*), которое преслѣдовало, наряду съ непосредственно торговыми, еще и другія цѣли. Вмѣстѣ съ религіозными, военными и товарищескими цѣлями организація обязывала своихъ членовъ взаимно поддерживать другъ друга и вести честный образъ жизни. Каждая гильдія обладала монополіей въ своей отрасли торговли. Самой древней послѣ *Hausgenossen* была гильдія купцовъ-суконщиковъ. Иногда она входила въ составъ шерстопрядильщиковъ. Въ городахъ Ганзейскаго Союза гильдіи различались по странамъ, въ которыхъ имѣли право вести торговлю. Заграницей (Лондонъ, Брюгге,

¹⁾ См. Alfred Doren. Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters. Leipzig 1893, S. 94. Тамъ же библиографія предмета.

Бергенъ, Кельнъ-Новгородъ и т. д.) всѣ нѣмецкіе купцы были организованы въ одну общую гильдію, которая имѣла своихъ старшинъ, свое особое право, свое имущество; всѣ члены гильдіи жили вмѣстѣ въ гильдейскомъ домѣ; былъ установленъ кодексъ общихъ правилъ почти монашеской жизни, обязательныхъ для всѣхъ членовъ гильдіи. Изъ основанной первоначально въ XI в. кельнскими купцами въ Лондонъ гильдіи, путемъ присоединенія другихъ нѣмецкихъ купцовъ и перенесенія дѣлъ товарищества на родину, возникъ могущественный Ганзейскій Союзъ. Въ верхне-нѣмецкихъ городахъ гильдіи развивались не въ той мѣрѣ, какъ въ ниже-нѣмецкихъ. Въ первыхъ ясно обнаруживалось тяготѣніе къ городамъ верхней Италии, вродѣ Венеціи. Но купцы верхне-нѣмецкихъ городовъ никогда не могли добиться тамъ въ своихъ поселеніяхъ (напр., венеціанской *fondaco teutonicum*) самоуправлениія. И это можетъ считаться главной причиной того, что въ верхне-нѣмецкихъ городахъ развились купеческія корпораціи, но большей частью не въ видѣ купеческихъ гильдій, какія существовали въ сѣверо-нѣмецкихъ городахъ.

Отношенія гильдій, какъ крупныхъ торговыхъ организаций, къ мелкимъ торговцамъ отличались разнообразіемъ. Первоначально мелкая и крупная торговля сливались, но затѣмъ крупная выдѣлилась изъ нея. *Mercator* и *Chramarius* организовались въ различные товарищества. Послѣднія были обыкновенно членами ремесленныхъ цеховъ, иногда же они входили въ составъ «господскихъ цеховъ», какъ впослѣдствіи называли въ Базель гильдіи, гдѣ мелкие торговцы занимали мѣсто рядомъ съ купцами. Здѣсь, напримѣръ, купцы получали сукно съ сѣвера, а лавочники вели торговлю колоніальными товарами и всѣми остальными предметами ввоза¹⁾.

Существенное отличіе отъ купеческихъ гильдій съ ихъ уже калической организацией представляли собой цехи ремесленниковъ или просто «цехи» (*Ämter, officia*).

Цехи вмѣстѣ съ гильдіями составили то, что можетъ быть названо городской вѣтвью средневѣковаго промысловаго сословія, въ составъ котораго входили третья и четвертое сословія, подобно тому, какъ мелкое свободное и несвободное крестьянство составляло деревенскую вѣтвь этого сословія. Но тѣмъ не менѣе между цехами и гильдіями господствовалъ антагонизмъ, доходившій до открытой вражды. Это обусловливалось уже различiemъ ихъ происхожденія. Какъ бы ни решать возбуждающей такую ожесточенную полемику научный вопросъ о происхожденіи цеховъ (составились ли они исключительно изъ крѣпостныхъ или нѣть), есть полное основаніе думать, что первые члены ремесленного сословія принадлежали къ числу несвободныхъ, и что только съ организацией цеховъ и благодаря ей они постепенно доби-

¹⁾ *Traugott Geering „Handel und Industrie der Stadt Basel“*, Basel 1886, S. 39.

лись свободы и права частной собственности. Исключительно къ этой группѣ городского населения и приложима вышеизложенная теорія, которую защищалъ А. Смить. Но ремесленники не всегда составляли основную часть городского населения. Они выступаютъ на историческую сцену гораздо позже, вѣроятно послѣ купеческихъ гильдій, и не раньше 12 столѣтія организуются въ союзы. Контингентъ ремесленныхъ цеховъ пополнялся главнымъ образомъ деревней, гдѣ послѣдовательное развитіе крѣпостныхъ отношеній приводило къ массовому бѣгству угнетаемыхъ въ города. Здѣсь они получали право поселяться только за межевыми столбами (*Pfahl*), откуда впослѣдствіи возникло ихъ название «*Pfahlbürger*». Не считаясь полноправными членами городской общины, они находились тѣмъ не менѣе подъ ея покровительствомъ. Чѣмъ больше росло порабощеніе крестьянъ въ деревнѣ, тѣмъ сильнѣе дарованныя городамъ вольности манили сельское населеніе; тѣмъ большее число крѣпостныхъ бѣжитъ туда и, такъ какъ «городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ», селится въ предѣлахъ города. Это давало поводъ къ рѣзкимъ конфликтамъ, ожесточенной борьбѣ городовъ съ сосѣднимъ дворянствомъ, которое обыкновенно безуспѣшно добивалось возвращенія своихъ крѣпостныхъ. Впослѣдствіи было установлено, что крѣпостной, прожившій «годъ и день» (т.-е. годъ, шесть недѣль и три дня) въ городѣ безъ того, чтобы помѣщикъ потребовалъ его возвращенія, приобрѣталъ полную свободу. Бывшіе крѣпостные продолжали здѣсь заниматься главнымъ образомъ земледѣліемъ. Впослѣдствіи они получили право селиться внутри укрѣпленной черты города и заниматься ремеслами. Организовавшись въ цехи, они вошли въ составъ городской военной организаціи.

Съ правомъ носить оружіе они получали и право участія въ городскомъ управлениі. Въ полную противоположность соціальнымъ процессамъ въ деревнѣ, гдѣ лежаній на крестьянствѣ гнетъ непрерывно возрасталъ, въ городѣ ремесленное сословіе продолжало пріобрѣтать все большія и большія права и свободу, которыми оно гордилось въ такой степени, что стало отказываться отъ принятія въ свою среду лицъ, прежде бывшихъ несвободными: для поступленія въ ученики стало обязательнымъ, чтобы предки лица на протяженіи ряда поколѣній принадлежали къ свободнымъ сословіямъ.

Въ противоположность гильдіямъ, съ которыми у нихъ были общія соціальные задачи, ремесленные цехи рѣзко отличались тѣмъ, что были не капиталистическими организаціями, а рабочими товариществами. Они ставили себѣ цѣлью не наживу путемъ ловкой купли-продажи, а «пропитаніе» «честнымъ трудомъ». Если сельская община (*Markgenossenschaft*) представляла собой союзъ, основывающійся на равенствѣ происхожденія отдельныхъ членовъ, союзъ, члены которого занимались почти исключительно земледѣліемъ и видѣли въ ремеслѣ второстепенное занятіе,—то цехи, наоборотъ, выдвигали ре-

месло, какъ основное занятіе, и занимались земледѣліемъ, какъ побочную отраслью хозяйства, на арендованной землѣ. Въ осталномъ цехъ, какъ и древняя марка, какъ и другія городскія товарищества, представлялъ собой общественную организацію, преслѣдовавшую самыя широкія цѣли¹⁾.

Какъ религіозная единица цехъ имѣть своимъ патрономъ какого-либо Святого, воздвигаетъ ему въ перкви алтарь и для поддержанія его устанавливаетъ особый с搏ръ, обыкновенно воскомъ. Да же, цехъ является военно-правовой единицей: онъ имѣть знамя и составляеть особый отрядъ городской милиціи подъ предводительствомъ «цинфтмейстера». У цеха бытъ собственный судъ, разрѣшавшій всѣ дѣла до поступленія ихъ въ публичный городской судъ. Ему было предоставлено право назначать штрафы и даже тѣлесное наказаніе. Цехъ представлялъ собою и экономическую единицу. Экономическими функциями завѣдывала ремесленная управа, за дѣятельность которой цехъ бытъ отвѣтственъ передъ городскимъ совѣтомъ. Цехъ считалъ дѣломъ своей чести соблюденіе не только своихъ собственныхъ интересовъ, но и интересовъ потребителя, беря на себя гарантію за доброкачественность и дешевизну продуктовъ, вырабатываемыхъ членами цеха. Это требовало строгаго надзора (Schau) цеховыхъ старшинъ за отдѣльными мастерскими. Отсюда такъ называемый «Zunftzwang», аналогичный «Flurzwang»у въ селахъ. Ремесломъ могъ заниматься только тотъ, кто бытъ подчиненъ надзору, съѣдовательно, кто входилъ въ составъ цеха. Принятие въ цехъ вначалѣ не было связано ни съ какими затрудненіями, но впослѣдствіи стали требовать доказательства ремесленной опытности (пробныя работы, опредѣленный срокъ обученія, срокъ ученичества и подмастерства) и «честнаго происхожденія». Сырой матеріаъ обыкновенно приобрѣтался цехомъ для всѣхъ членовъ и переуступался по жребію товарищамъ или «братьямъ», какъ ихъ называли. Такимъ точно образомъ раздавалось время отъ времени и право на продажу товара въ опредѣленныхъ пунктахъ городского района. Все это должно было поддерживать имущество равенство между членами цеха. Вѣдь не достиженіе богатства, а «честное пропитаніе» было поставлено цѣлью. Число учениковъ и подмастерьевъ, которыхъ имѣлъ право держать мастеръ, опредѣлялось также цехомъ, такъ какъ не отдѣльные лица, а цехъ бытъ тотъ назначеній городомъ предприниматель, который, какъ низшая инстанція, имѣлъ право распредѣлять различные функции между отдѣльными членами. Честь ремесла требовала, чтобы работа производилась всегда ручнымъ трудомъ. Машинная работа считалась недостойной ремесленника, такъ какъ въ этомъ случаѣ человѣкъ низводился будто бы до роли слуги своего же орудія. Вообще между мастеромъ и подма-

¹⁾ Послѣдующее преимущественно по Gierke — „Das deutsche Genossenschaftsrecht“, Bd. I, § 38

стереть должно по возможности существовать полное равенство; онъ долженъ быть товарищемъ по работѣ, «Geselle». Ибо подмастерья не составляли категоріи по своимъ интересамъ вполнѣ противоположной работодателямъ: они сами были будущими мастерами. Работа за плату была только переходной стадіей. Пріемъ и выпускъ изъ ученика не былъ частнымъ дѣломъ, устанавливавшимся договоромъ между мастеромъ и родителями ученика,—это было дѣло, касавшееся всего цеха. Цехъ, какъ таковой, по совершенніи определенныхъ обрядовъ, принималъ ученика въ ремесло и назначалъ ему учителя. По окончаніи учения, длившагося обыкновенно 3 года, мастеръ вносилъ предложеніе о выпускѣ своего питомца, и выпускъ производился опять-таки цехомъ, какъ таковымъ. Мастеръ обязанъ былъ ознакомить ученика со всѣми деталями даннаго ремесла. Если испытаніе обнаруживало недостаточность обученія, цехъ на счетъ мастера, у которого находился ученикъ, отдавалъ послѣдняго для пополненія образованія на выучку къ другому. Совершенно ясно отсюда, что цехъ былъ также и ремесленной школой. — Постѣ выпускса подмастерье отправлялся странствовать, обыкновенно безъ денегъ. Расходы по странствованію несло все ремесленное сословіе Германской имперіи, соединившееся для этой цѣли въ одинъ общій союзъ. Согласно уставу этого союза, странствующій подмастерье вездѣ, куда онъ попадалъ, долженъ былъ обращаться за работой къ старшинѣ соответствующаго цеха, и работа давалась ему у одного изъ мастеровъ, у которого какъ разъ было свободно мѣсто рабочаго. Если же такого мѣста не оказывалось, то подмастерье получалъ кормовыя деньги (*Geschenk*); на эти деньги онъ могъ поселиться въ гостиницѣ, содержимой цехомъ, и ожидать, пока освободится какое-либо мѣсто, или могъ отправляться въ дальнѣйшія странствованія. Поступивъ на работу, подмастерье жилъ въ семье мастера и на его счетъ. Все это было связано съ особыми обычаями, торжественными обращеніями, по которымъ члены одного цеха узнавали другъ друга; съ другой стороны эти обычай должны были предупреждать злоупотребленія правомъ странствованія. Такое странствованіе, регулированное обычаемъ, представляетъ собой национальное немецкое явленіе, не знакомое другимъ странамъ. Возвратившись домой послѣ трехъ- или четырехъ-лѣтняго странствованія, подмастерье могъ добиваться мѣста мастера (*das Handwerk muten*). Выдержанъ соотвѣтствующее испытаніе на мастера (*Meisterst ck*), онъ получалъ это званіе отъ всего цеха, съ соблюденіемъ торжественныхъ обрядовъ. Съ этого момента онъ считался полноправнымъ членомъ цеха и принималъ активное участіе въ управлениі дѣлами цеха. Онъ приобрѣталъ также право вступить въ бракъ.

Цехъ былъ далѣе и соціальнымъ союзомъ. Онъ помогалъ членамъ въ несчастныхъ случаяхъ, заботился о нихъ въ случаѣ болѣзни или неспособности къ труду вслѣдствіе старости. Всѣ члены цеха шли за

гробомъ своего умершаго товарища. Цехъ обязанъ быть поддерживать, а при случаѣ и воспитывать оставшихся послѣ его смерти. Профессиональная гордость ремесленника требовала, чтобы каждый мастеръ какимъ-либо вышнимъ знакомъ отмѣчалъ свое ремесло. Поэтому когда ремесленникъ отправлялся въ церковь или харчевню, или уходилъ на работу въ чужія страны, онъ носилъ въ рукѣ часть инструментовъ своего ремесла: кузнецъ — молотъ, плотникъ — треугольникъ, трубочистъ — свой скребокъ и т. д. На регулярно устраиваемыхъ цеховыхъ пирушкахъ имѣла мѣсто совмѣстная работа мастеровъ; высшимъ культурно-историческимъ проявленіемъ этой стороны жизни цеховъ былъ такъ называемый «Meistersgesang». Вообще придавали большое значеніе тому, чтобы отъ занятія ремесломъ не страдали высшіе человѣческіе интересы. Это движение находило себѣ поддержку со стороны церкви. Постоянно призывая своимъ колокольнымъ звономъ къ молитвѣ утромъ, въ полдень и вечеромъ, она способствовала сохраненію нормального рабочаго дня, а требуя соблюденія праздниковъ, предоставляла рабочимъ и дальнѣйшій отдыхъ. Въ «сіній понедѣльникъ», который не былъ церковнымъ праздникомъ, сначала не работали $\frac{1}{2}$ дня, а впослѣдствіи цѣлый день, чтобы дать возможность подмастерьямъ поочередно работать другъ для друга.

Такъ въ средневѣковомъ городѣ было организовано четвертое сословіе. При сравненіи этихъ порядковъ съ теперешними сейчасъ же становится ясно, что положеніе тогда было значительно лучше; правда, этому противополагается темная картина, которую представляетъ положеніе закрѣпощенныхъ крестьянъ въ деревнѣ. Какъ мастеръ, такъ и подмастерье имѣли право на трудъ,—или тамъ, гдѣ оно не могло осуществиться, право на существованіе. Благодаря тому, что подмастерье работалъ въ мастерской рядомъ съ мастеромъ, имѣя въ виду самъ сдѣлаться имъ, противоположность между работодателемъ и рабочимъ была по существу устранена. Конечно, и тогда происходили столкновенія между мастерами и подмастерьями въ формѣ стачекъ, бойкота и такъ даѣ. Но все таки подмастерьямъ жилось лучше, чѣмъ въ настоящее время наемнымъ рабочимъ. Если подмастерью не нравилось въ данномъ мѣстѣ, онъ отправлялся просто странствовать, не нуждаясь при этомъ въ деньгахъ. Слѣдовательно, настоящей противоположности классовыхъ интересовъ въ ремеслѣ не было мѣста въ то время, пока оно оставалось вѣрнымъ тѣмъ принципамъ, которые легли въ его основу. Но такая противоположность интересовъ несомнѣнно существовала по отношенію къ высшимъ сословіямъ.

Эти отношенія не могли оставаться неизмѣнными. По мѣрѣ того, какъ цехамъ удавалось упрочить свое вліяніе по отношенію къ высшимъ сословіямъ, они все болѣе и болѣе отдалялись отъ низшихъ. Изъ категоріи четвертаго сословія они превратились въ третье. Цехи все болѣе и болѣе становились оплотомъ средняго сословія, которое

ревниво оберегало свои привилегии. Стадія «подмастерій» многими способами изъ временной превратилась въ постоянную. Нарождался рабочій современаго характера, ставшій съ этого времени представителемъ четвертаго сословія. Мы подходимъ къ III-му періоду среднихъ вѣковъ, который на основаніи характеризующей его первую половину борьбы называется періодомъ борьбы цеховъ и продолжается отъ 1300 до 1500 г.¹⁾). Прежде чѣмъ перейдемъ къ этому времени, которое лежитъ за предѣлами періода типического средневѣковаго городскаго хозяйства,— необходимо бросить взглядъ на экономической обмѣнѣ и связанныя съ нимъ учрежденія.

Экономическимъ центромъ города былъ рынокъ. Послѣдний былъ расположены около общественныхъ вѣсовъ. Вѣсы первоначально помѣщались въ особо ограниченной купеческой общинѣ. Надъ всѣми условиями обмѣна господствовало то основное положеніе, что здѣсь дѣло идетъ не о частной сдѣлкѣ между непосредственно заинтересованными лицами, но о такомъ актѣ, который имѣеть общественное значеніе. Если натуральное хозяйство установило положеніе, что всякий обмѣнъ долженъ вообще производиться только по распоряженію общини, для чего не требовалось никакой монеты, то такой принципъ нельзя было болѣе сохранить въ развитомъ городскомъ хозяйстве. Теперь обмѣнъ былъ предоставленъ отдѣльнымъ лицамъ при помощи мѣрила цѣнности и монетной единицы, установленныхъ общественной властью, но былъ учрежденъ за нимъ строгій надзоръ, чтобы этотъ обмѣнъ происходилъ безъ всякаго ущерба для общаго блага. Этому принципу соответствуетъ и тотъ институтъ, по которому право торговать на рынкѣ предоставлялось королемъ. Актъ этотъ выполнялся въ символической формѣ: въ присыпкѣ королемъ перчатки. Мѣсто для рынка находилось подъ охраной короля, въ знакъ чего въ часы торговли выставлялись обычно крестъ или перчатка. Порядокъ на рынкѣ охранился королевскимъ фогтомъ или бургграфомъ, который при случаѣ и примѣнялъ нормы «рыночнаго права». Согласно съ этимъ было установлено, что торговая сдѣлка не могла быть произведена тайкомъ, въ торговыхъ мѣстѣ, подчиненныхъ надзору,—именно въ городской черты. Извѣстное исключеніе было сдѣлано для лавочниковъ и ремесленниковъ, которые могли продавать товары непосредственно изъ своей мастерской²⁾). Всякий товаръ, который выставлялся на продажу, долженъ былъ предварительно подвергнуться правительенному осмотру съ цѣлью убѣдиться, не былъ ли онъ подѣланъ или изготовленъ низшаго качества, чѣмъ установлено правилами. Въ послѣднемъ слу-

¹⁾ Cp. Schmoller, „Rede über Strassburg zur Zeit der Zunftkämpfe und die Reform seiner Verfassung und Verwaltung im 14 Jahrhundert“, 1875. Inama-Sternegg, „Deutsche Wirtschaftsgeschichte“, Leipzig 1901, Bd. III, 2 Hälften.

²⁾ См. обѣ этомъ Inama-Sternegg, „Deutsche Wirtschaftsgeschichte“, Bd. III, 2 Hälften, стр. 249 и слѣд.

чай товаръ отбирали и сжигали («сварить безъ котла»). Да же, были установлены официальная *такса* на цѣны продуктовъ. Постоянныи для ремесленниковъ, тарифъ этотъ предоставлялъ известную свободу торговцамъ. Для послѣднихъ была установлена максимальная, нормальная и минимальная цѣны. Средняя (нормальная) цѣна была «*justum pretium*». Отклоненія въ предѣлахъ этихъ границъ были допущены, при чёмъ полагались на честность купца. Отклоненіе отъ максимальной или минимальной цѣны считалось лихоимствомъ и влекло за собой наказаніе. Сдѣлки въ кредитъ были также запрещены изъ опасенія, что онъ дадутъ поводъ установить взиманіе процента, что считалось запрещеннымъ Св. Писаніемъ. Такимъ образомъ вся торговля ограничивалась сдѣлками съ наличными товарами, т.-е. разрешалось торговать только предметами, привезенными на рынокъ и осмотрѣнными какъ особыми чиновниками, такъ и покупателями. Торговля производилась на наличные деньги. Этимъ думали съ корнемъ вырвать зловредную посредническую или спекулятивную торговлю, которая стремилась получить барышъ безо всякаго труда, пользуясь только разницей цѣнъ. Такимъ образомъ, законный барышъ купца долженъ заключаться въ дешевомъ вознагражденіи за произведенную имъ перевозку товаровъ. Законная операция торговца сводилась слѣдовательно въ существенныхъ чертахъ къ транспортной дѣятельности.

Такимъ образомъ, при средневѣковой организаціи существовалъ регламентированный властю обмѣнъ, который производился, правда, на деньги, но не въ формахъ свободнаго денежнаго хозяйства, а при господствѣ такой системы, которую можно назвать *системой регулированнаго денежнаго хозяйства*. Купленные и проданные товары должны были возможно болѣе непосредственноходить отъ производителя къ потребителю, минуя всякий обходный путь и обусловливаемое послѣднимъ обстоятельствомъ вздорожаніе товаровъ. Тѣ же самые принципы, правда, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, сохранили свое значение въ торговомъ оборотѣ между городами. Для этой цѣли существовали большиe *торговые дома*. Прежде всего, они служили складочнымъ мѣстомъ для привезенныхъ иностранными купцами товаровъ; затѣмъ, для горожанъ это были мѣста оптовой продажи. Торгово-полицейскій надзоръ и фиксація цѣнъ распространялись и на эти товары. Продажей здѣсь занимались особые посредники (маклера), считавшіеся на общественной службѣ и не имѣвшіе права заключать сдѣлокъ на собственный счетъ и рискъ. Торговымъ домамъ принадлежало такъ называемое *стапельное право* (*Stapel* отъ *Staffel* — скамьи со ступеньками, на которыхъ выставлялись товары для осмотра). Первоначально оно сводилось къ праву контроля надъ торговлей на торговыхъ дорогахъ («*Stapelstrassen*») и праву заставить для осмотра разгрузить товары въ этихъ торговыхъ домахъ. При этомъ взималась установленная пошлина. Позже это право было расширено до того,

что администрация могла принудить чужеземного купца продавать свои товары туземнымъ жителямъ въ теченіе определенного времени. Съ другими чужеземными купцами имъ были запрещены непосредственныя торговыя сношения¹⁾.

Важную роль въ дѣлѣ обмѣна между городами играли ярмарки и месссы. И тѣ, и другія носили временный характеръ, и хотя пользовались значительной свободой, однако не были ни въ коемъ случаѣ освобождены отъ контроля. Между тѣмъ какъ ярмарки служили цѣлямъ ближайшаго обмѣна между различными пунктами страны, месссы пріобрѣтали даже интернациональный характеръ. Самыя старинныя и известныя месссы были въ Шампани. О нихъ упоминается уже въ 5 столѣтіи. Своего высшаго развитія они достигли съ начала 12 до начала 14 столѣтія. Въ городахъ Troyes, Bar, Provins и Lagny, на границѣ Германіи и Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ на прямой дорогѣ изъ Италии въ Нидерланды и Англію на мессахъ, смѣнявшихъ другъ друга въ теченіе года, встрѣчались купцы всѣхъ европейскихъ народовъ²⁾. Подъ защитой графа Шампани былъ организованъ строгій порядокъ на ярмаркахъ, который касался и орудій платежа въ виду того, что тамъ развились значительная денежная торговля. Могущественными конкурентами этихъ ярмарокъ-месссъ явились основанные по ихъ образцу ярмарки въ Ліонѣ, Женевѣ, Франкфуртѣ и др. городахъ. Но центромъ средневѣковой торговли скоро сдѣлалась Венеция на югѣ и Брюгге на сѣверѣ. Въ Брюгге находилась главная резиденція (Kontoor) ганзейскаго союза; въ Венеции, какъ было уже упомянуто, резиденція верхне-германскихъ купцовъ. Оба города имѣли различные торговые обычай и оказывали влияніе на обычай городовъ, находившихся съ ними въ торговыхъ сношеніяхъ. Значеніе Венеции поднялось еще потому, что въ позднѣйшее время участники крестовыхъ походовъ предпочитали морскую дорогу изъ Венеции сухопутной дорогѣ черезъ Константинополь. Это обстоятельство обусловило собой колоссальный притокъ денежныхъ богатствъ какъ въ Венецию, такъ и въ другіе верхне-итальянскіе города, вродѣ Генуи и Флоренціи, гдѣ древне-римское денежное хозяйство никогда окончательно не погибало, и придало всему торговому обмѣну такой характеръ, который можетъ считаться предзнаменованиемъ эпохи чистаго денежнаго хозяйства. Брюгге, наоборотъ, упорно держалась средневѣковыхъ торговыхъ принциповъ и стапельного права, что повело къ паденію его гегемоніи и возвышенню сосѣднаго Антверпена, гдѣ стала развиваться биржевая торговля.

¹⁾ Сравн. W. Stieda—статья „Stapelrecht“ въ „Handwörter der Staatsw.“.

²⁾ Alois Schulte, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien mit Ausschluss von Venedig, Bd. I, 1900, Kapitel 14.

Въ концѣ этого исторического обзора средневѣковаго городского хозяйства необходимо бросить взглядъ на положеніе одной категоріи лицъ, входившей въ составъ тогдашняго торговаго міра; съ ней мы имѣли дѣло съ самаго возникновенія торговли; мы разумѣемъ евреевъ.

До крестовыхъ походовъ евреи занимались всѣми видами крупной торговли. При этомъ имъ были предоставлены значительныя привилегіи. Такъ, при Генрихѣ IV (1090 г.) они получили право свободнаго передвиженія и торговли по всей странѣ, собственный судъ, право приобрѣтать земельную собственность и держать христіанскую прислугу. Тотъ же Генрихъ IV счелъ необходимымъ въ годъ заключенія общаго мира въ странѣ (1103 г.) взять евреевъ подъ особую императорскую защиту. Между тѣмъ совершился первый крестовый походъ (1096 г.) на Востокъ. Для еврейскаго купечества, хорошо знакомаго съ денежной торговлей, это событие съ одной стороны было источникомъ обогащенія, съ другой—послужило поводомъ къ жестокимъ преслѣдованіямъ. Со времени организаціи гильдій, куда евреевъ, какъ иностранцевъ, не принимали, они все болѣе и болѣе вытѣсняются изъ различныхъ отраслей крупной торговли. Въ концѣ концовъ евреямъ пришлось удовольствоваться занятіемъ, не пользовавшимся особенно хорошей репутацией: ссудой денегъ подъ залогъ движимаго имущества, при чёмъ имъ было разрѣшено взиманіе процентовъ. Такъ какъ они не были христіанами и Ветхій Завѣтъ разрѣшалъ имъ взиманіе процентовъ съ не-евреевъ, то на это смотрѣли сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что торговля не могла обойтись безъ этой операции, будто бы запрещенной Новымъ Завѣтомъ. За оказываемое королевской властью покровительство евреи, какъ это было обычно въ подобныхъ случаяхъ, платили особый налогъ, который они должны были вносить въ императорскую казну. Поэтому они назывались «слугами королевской казны» (*servi camereae*). Позже эта такъ называемая еврейская регалия вмѣстѣ съ правами на другіе сборы перешла къ владѣтельнымъ князьямъ, городамъ и т. д. Въ городахъ евреи были поселены въ особыхъ кварталахъ (еврейскій городъ — гетто), гдѣ они составляли особую общину (кагаль) съ собственными представителями и властями. Съ цѣлью лучшей ихъ охраны, кварталы эти были окружены стѣнами. Бюргерами евреи не считались. Только какъ члены купеческой общины или общинѣ такъ наз. *Pfahlbürger* они входили впослѣдствіи въ составъ городскихъ общинъ. Первый шагъ по пути къ ихъ равноправію былъ сдѣланъ только въ 19 ст. Какъ особый знакъ своей профессії, евреи носили желтый кафтанъ подобно тому, какъ всѣ прочія ремесла тоже имѣли свои отличительные знаки. Позднѣе этотъ желтый кафтанъ былъ замѣненъ желтой накладкой на рукавѣ. Во взиманіи процентовъ евреи были ограничены. Закономъ была назначена максимальная норма процента, и нарушение ея каралось. Это тотъ самый принципъ, который заступилъ мѣсто полнаго запрещенія

процента послѣ того, какъ взиманіе процентовъ было разрѣшено и христіанамъ.

Въ соціальному отношеніи евреи представляли собой категорію третьяго, а не четвертаго сословія, какъ ни старались извести ихъ на эту ступень. Въ виду того, что евреи не были допущены въ цехи, какъ не-христіане и иностранцы, они были исключительно купцами, а не ремесленниками. Такъ какъ, по представлениямъ того времени, они не выполняли никакой «честной работы», то они принадлежали къ классу отверженныхъ. Однако ихъ положеніе не считалось низшей ступенью безчестья: нѣкоторыя христіанскія ремесла въ общественномъ миѣніи стояли еще ниже. Это можетъ служить доказательствомъ того, что не національность и религія евреевъ, а ихъ профессія возбуждала къ нимъ презрѣніе со стороны общества. Послѣднее видно изъ того, что христіане, занимавшіеся тѣмъ же ремесломъ, вызывали къ себѣ такое же отношеніе, какъ и евреи. Мы имѣемъ въ виду такъ называемыхъ *Kahursiner* или *Kawerschen* (безтолково говорящіе).

До послѣдняго времени спорили о томъ, какого происхожденія эти христіане, скитавшіеся въ тѣ времена по всѣмъ сѣвернымъ торговымъ городамъ и конкурировавшіе съ евреями. Они называли себя уроженцами французскаго города Cahors; но такъ какъ они имѣли опредѣленно выраженный итальянскій типъ, то ихъ считали происходящими изъ итальянскаго города Caorsa, доказательствъ чего не было никакихъ. Очень недавно этотъ вопросъ разъяснилъ Алоизъ Шульте. Въ своемъ труда *«Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien»*¹⁾ онъ изслѣдовалъ эту проблему, опираясь на огромный фактическій матеріалъ. Свой выводъ онъ формулировалъ въ слѣдующемъ положеніи: «Кагорцы Германіи назывались по имени города Кагора, но происходили почти исключительно изъ Асти и были итальянцами, а не французами». Кагорцы были подчинены тѣмъ же законамъ, что и евреи; подобно послѣднимъ они платили особые налоги за оказываемое имъ покровительство. Ихъ также ненавидѣли какъ ростовщики, хотя эта ненависть и не выливалась въ такія жестокія формы, какъ по отношенію къ евреямъ. Впрочемъ, они нерѣдко подвергались изгнаніямъ наряду съ евреями. Въ 15 столѣтіи они совершенно исчезли.

Евреи и кагорцы вели главнымъ образомъ мелкія кредитныя операции; это былъ такъ называемый потребительный кредитъ. Монополію крупнаго кредита въ торговыхъ оборотахъ пріобрѣлъ другой чужеземный элементъ: это были большия банковыя дома верхне-итальянскихъ городовъ, именно флорентійскіе. Они же завели въ сѣверныхъ торговыхъ городахъ свои отдѣленія и были известны подъ именемъ

¹⁾ Въ главѣ 27: „Die Thatigkeit der Kawerschen“.

ломбардцевъ (Lamparter). Такъ какъ эти банковые дома главнымъ образомъ служили посредниками въ денежныхъ оборотахъ римской церкви, то къ ихъ лихомству относились очень снисходительно. Съ низшими классами населенія они мало приходили въ соприкосновеніе; несмотря на это народъ не любилъ ихъ. Впослѣдствіи съ ними во всѣхъ отношеніяхъ сравнялись нѣмецкіе банкиры (Fugger, Welser въ Аугсбургѣ), которые все больше и больше оттесняютъ ихъ на задній планъ. Несмотря на это, флорентійскіе банкиры пользовались значеніемъ даже и въ новое время, хотя значеніе ихъ постоянно шло на убыль.

Въ заключительномъ очеркѣ своей недавно законченной «Deutsche Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters», Ихама-Штернеггъ¹⁾ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ высшую хозяйственную ступень, достигнутую Германіей къ концу этого исторического периода: «Земля теперь прекрасно обработана, обширныя лѣсныя пространства обращены подъ пашню, горная промышленность въ полномъ расцвѣтѣ; нѣмецъ реализуетъ стоимость своего недвижимаго земельного имущества въ хлѣбѣ, деревѣ и металлахъ. Нѣмецкій купецъ господствуетъ надъ морями и по всей Европѣ, какъ у себя дома; нѣмецкія ремесла имѣютъ мастеровъ въ каждой отрасли ремесленной техники и искусства и повсюду работаютъ съ одинаковымъ успѣхомъ, наполняютъ замки и дома горожанъ драгоценной домашней утварью и снабжаютъ своими товарами чужеземные рынки. Деньги и кредитъ всюду распространяютъ свое плодотворное влияніе. Общественная власть при помощи точнаго контроля поддерживаетъ безопасность и порядокъ въ различныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, но уже теперь обнаруживаются отрицательныя стороны быстро выросшихъ отраслей промышленности: эксплуатация, скрытая борьба конкурентовъ, спекуляція съ цѣлью наживы, стачки, акты соціального насилия». Эта въ существенныхъ чертахъ вѣрная характеристика послужить для насъ исходнымъ пунктомъ, который поможетъ намъ определить свое отношеніе къ недавно возникшему спору объ основномъ теоретическомъ признакѣ, характеризующемъ всю систему средневѣковаго городского хозяйства, эмпирическія проявленія котораго были подробно нами разобраны въ предыдущемъ изложеніи.

Карлъ Бюхеръ въ своемъ сочиненіи «Происхожденіе народнаго хозяйства», первое изданіе котораго вышло въ 1893 году, выставилъ теорію развитія общественнаго хозяйства, которая признаетъ три его ступени: 1) замкнутое домашнее хозяйство, 2) городское хозяйство и 3) народное хозяйство. Противъ этой схемы, поскольку она всю культуру древности замыкаетъ въ систему домашнаго хозяйства, возражали, какъ было указано выше, Эдуардъ Мейеръ и другие и, какъ

¹⁾ Bd. III, 2 Hälften, 1901, S. 496 f.

видно изъ всего предшествовавшаго изложения, съ полнымъ основаниемъ¹⁾). Гораздо правильнѣе начало германской культуры считать за начало новой эпохи, а древность выдѣлить въ совершенно самостоятельный періодъ. Древне-германское натуральное хозяйство въ его обѣихъ формахъ можетъ быть легко подведено подъ понятіе замкнутаго домашняго хозяйства, которому вполнѣ соотвѣтствуетъ характеристика Бюхера: «весь круговоротъ хозяйства отъ производства до потребленія совершается въ замкнутомъ кругу домохозяйства (семействъ, родъ)» и далѣе, что «нигдѣ не имѣеть мѣста специальный эквивалентный обмѣнъ»²⁾; конечно, предполагаются известныя оговорки во избѣженіе слишкомъ абсолютнаго примѣненія этой точки зренія.

Сказанное примѣнено и ко второй ступени, системѣ городского хозяйства, которая характеризуется Бюхеромъ слѣдующимъ образомъ: «Производство на заказъ или ступень непосредственнаго обмѣна, на которой продукты производительного хозяйства непосредственно переходятъ въ потребительное» въ противоположность позднѣйшей ступени народнаго хозяйства, «на которой продукты должны обыкновенно пройти черезъ рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ попадутъ къ потребителю»³⁾.

Въ весьма поучительномъ и солидномъ изслѣдованіи «Über Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker mit besonderer Rücksicht auf die Stadtwirtschaft des deutschen Mittelalters»⁴⁾ Г. ф. Беловъ съ точки зренія историческаго изученія среднихъ вѣковъ подвергаетъ разбору относящіеся къ этому вопросу соображенія Бюхера. Соглашаясь съ Бюхеромъ въ необходимости отличать особую «систему городского хозяйства», онъ указываетъ между прочимъ на предшественниковъ Бюхера: Бруно Гильдебранда, Шенберга, Гирке, Шмоллера и др. При этомъ онъ считаетъ неточной данную Бюхеромъ характеристику городского хозяйства, какъ такого, въ которомъ господствуетъ исключительно производство на заказъ или прямой обмѣнъ между производителями и потребителями. Картина, нарисованная Бюхеромъ, по его мнѣнію, нуждается въ значительномъ дополненіи. Сношенія между отдѣльными мѣстностями въ средніе вѣка, какъ это на отдѣльныхъ случаяхъ показываетъ Беловъ, были гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагаетъ классификація Бюхера. Беловъ заявляетъ: «Тѣ факты, которые Бюхеръ приводитъ, какъ уклоненія отъ установленного имъ принципа, онъ считаетъ только «исключеніями въ системѣ прямого обмѣна», и не хочетъ признавать за ними значенія «конститутивнаго элемента всего хозяйственнаго строя». Беловъ продол-

¹⁾ См. выше введеніе.

²⁾ Entstehung d. Volkswirtschaft, 3 Aufl., 1901, S. 108 und 115.

³⁾ Тамъ же 108 стр.

⁴⁾ Historische Zeitschrift, Bd. 86.

жаетъ: «Послѣ дополненія, которому подверглись въ нашемъ изложении эти пункты, — мы готовы смягчить нашъ приговоръ. Мы готовы назвать городское хозяйство среднихъ вѣковъ системой прямого обмѣна, производства на заказъ, ибо эти отношенія занимаютъ въ то время больше мѣста, чѣмъ теперь. Но различіе тутъ должно считаться только относительнымъ. Вѣдь и въ средніе вѣка (и даже на ранніхъ ступеняхъ) сношенія между отдельными мѣстностями уже образуютъ «конститутивный элементъ въ хозяйственной жизни»¹⁾. Беловъ предостерегаетъ противъ того, чтобы, путемъ схематического изображенія явленій, придавать преувеличенное значеніе идеи о преемственномъ развитіи, и разматривать явленія, имѣющія мѣсто въ различная эпохи, какъ типичныя формы отдельныхъ ступеней развитія. Пока мы готовы съ нимъ совершенно согласиться. Однако, если онъ далѣе, несмотря на свои собственные указанія, касающіяся торговли, хвалитъ въ Бюхерѣ «вѣрное и цѣнное наблюденіе, что о сословіи крупныхъ торговцевъ въ средніе вѣка не можетъ быть и рѣчи»²⁾,

¹⁾ а. а. О. С. 55.

²⁾ Свой взглядъ на средневѣковый экономический строй Беловъ высказываетъ въ двухъ изслѣдованіяхъ: „Die Bedeutung der Gilden fü r die Entstehung der deutschen Stadtverfassung“ и „Grosshändler und Kleinhändler im deutschen Mittelalter“ (Jahrbücher für Nationalökonomie за 1892 и 1900). Эти сочиненія направлены непосредственно противъ Nitzsch'a, автора „Über die niederdeutschen Genossenschaften des 12. u. 13. Jahrhunderts“ и „Über niederdeutsche Kaufgilden“ (Monatsberichte der Berliner Akademie, 1879 и 1880), и примыкающихъ къ Nitzsch'у ученымъ. Я думаю, что споръ идетъ исключительно о томъ или иномъ типѣ классификаціи. Если причислять, какъ это дѣлаетъ Беловъ, гильдіи купцовъ-суконщиковъ, виноторговцевъ и т. п. къ мелкимъ торговцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ цехамъ, такъ какъ они наряду съ крупной торговлей вели и мелкую, а крупной занимались будто бы побочно, то, пожалуй, придется признать, что въ средніе вѣка на долю „истинной“, „чистой“ крупной торговли остается немного. Но не впадаетъ ли самъ Беловъ въ ту именно ошибку, отъ которой онъ предостерегаль, а именно, что не слѣдуетъ понятій болѣе поздняго времени прилагать къ условіямъ болѣе ранняго периода? Мы, конечно, не можемъ не согласиться съ Беловымъ въ умѣстности его отрицательного отношенія къ выводамъ Nitzsch'a; послѣдній, только ради своей любимой идеи, отводить слишкомъ низкое, по сравненію съ крупной торговлей, мѣсто цеху суконщиковъ, помѣщая ихъ между лавочниками и мелкими купцами. Совершенно вѣрно Беловъ противопоставляетъ этимъ выводамъ тотъ фактъ, что гильдія суконщиковъ стояла близко къ дворянскимъ родамъ и даже неоднократно рекрутировала своихъ членовъ изъ ихъ среды. Но развѣ такой взглядъ самъ-по-себѣ не ограничиваетъ рѣзко всю категорію суконщиковъ и виноторговцевъ, какъ особую категорію, отъ ремесленныхъ цеховъ? Какъ бы то ни было, уже ихъ название „господскіе цехи“ (Herrenzünfte), какъ это обычно было въ Baselъ, яснѣе всего указываетъ на ихъ привилегированное положеніе. Не нужно далѣе забывать того, что понятія „цехъ“ и „гильдія“ въ средніе вѣка вообще не имѣли строго определенного значенія; въ широкомъ значеніи мы можемъ считать ихъ тождественными; въ узкомъ — они не совпадаютъ. Сказанное приложимо и къ терминамъ: „mercator“, „negociator“, „institutor“ и т. п. Въ за-

то здѣсь мы не можемъ согласиться съ Беловымъ. Эта проблема остается еще нерѣшенной; для разрѣшения ея потребуется и упорный трудъ, и остроуміе специалистовъ.

Оба изслѣдователя — Бюхеръ и Беловъ — не удѣлили особенного вниманія *идейному содержанію* средневѣковаго городского хозяйства. Тѣмъ не менѣе, у послѣдняго мы находимъ одно чрезвычайно важное указаніе. По его мнѣнію, существуетъ въ высшей степени интересное сходство между системой городского хозяйства и канонической экономической теоріей¹⁾. Правда, нельзя отрицать того, что основныя положенія экономической политики, господствовавшія въ городахъ, въ очень многихъ пунктахъ и довольно часто сильно расходились съ канонической теоріей хозяйства. Но, съ другой стороны, ихъ связывали и некоторые общія идеи. Именно, какъ и каноническое право, средневѣковая экономическая политика стремилась къ тому, чтобы всякая сделка производилась по справедливой цѣнѣ (*pretium justum*) и для достиженія этого признавалася необходимымъ контролъ власти. Какъ объясняется это сходство, до сихъ поръ не выяснено тѣмъ болѣе, что Эндеманъ²⁾ не принялъ во вниманіе фактической стороны дѣла. Итакъ, какъ бы то ни было, Беловому выскажана вѣрная мысль. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы прослѣдимъ ее дальше.

О догматической литературѣ. Мы имѣли уже случай говорить о *канонической теоріи хозяйства*. Мы пришли къ выводу, что въ основу этой теоріи легли принципы *церковно-феодального натурального хо-*

висимости отъ круга своихъ клиентовъ лавочники причислялись то къ господскимъ (Базель), то къ обыкновеннымъ цехамъ. Безъ сомнѣнія, съ одинаковымъ успѣхомъ можно характеризовать суконщиковъ, или какъ крупныхъ торговцевъ, занимавшихся, въ видѣ побочнаго занятія, и мелкой торговлей, или обратно. Да и самъ Беловъ сознается: „Мнѣніе, что вѣкоторые суконщики, вѣкоторые члены кельнскихъ виноторговыхъ братствъ занимались главнымъ образомъ крупной торговлей,—нѣть оснований отклонять безъ всякихъ оговорокъ“ (*Grosshändler und Kleinhändler*, 48 стр.). Очевидно, что при такой классификаціи нельзя отрицать существованія въ средніе вѣка „постояннаго“ сословія крупныхъ торговцевъ. Можно при всемъ томъ считать вѣрнымъ замѣчаніе Белова, что самый строй средневѣковаго хозяйства былъ враждебенъ крупной торговлѣ. Можетъ быть, болѣе всего приближается къ истинѣ взглядъ его, высказанный раньше въ сочиненіи *„Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung“* (1892), но затѣмъ подвергнувшейся ограниченіямъ съ его стороны; тамъ сказано: „О сословіи крупныхъ торговцевъ, само собой разумѣется, можно говорить только по отношенію къ крупнымъ городамъ“. Какъ бы то ни было, мы не можемъ не признать, что критическія изслѣдованія Белова дали толчокъ къ болѣе точному пониманію проблемъ, относящихся къ хозяйству среднихъ вѣковъ, и оказали успѣшное противодѣйствіе неясности понятій, во многихъ случаяхъ здѣсь господствующей.

¹⁾ „Über Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker“, S. 75.

²⁾ „Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre“, 2 Bände, Berlin 1874 и 1883.

зяйства. Сказанное примѣнено и къ системѣ городского хозяйства которая рядомъ съ церковно-феодальной создалась въ городахъ и постепенно получила равноправіе, а въ послѣдующемъ періодѣ даже преобладающее значеніе. Обѣ теоріи вмѣстѣ собственно и составляютъ общую систему средневѣковаго міросозерцанія.

Домашнее семейное или общинное производство, имѣющее цѣлью только собственное потребленіе, производство, исключающее деньги и обмѣнъ,—вотъ, что составляетъ идеалъ церковно-феодального натурального хозяйства. Всё имущество должно быть по возможности общимъ для всѣхъ; не слѣдуетъ придавать большого значенія вѣнчанимъ благамъ; простое земледѣліе есть занятіе, наиболѣе подходящее для христианина; богатымъ долженъ считаться тотъ, кто возможно больше можетъ ограничивать свои потребности. Короче говоря, замкнутое домашнее хозяйство по указаніямъ аскетического принципа, монастырская жизнь по каноническимъ правиламъ, вотъ что было цѣлью, къ которой стремились.

При подъемѣ культуры, явившемся результатомъ преслѣдованія цѣлей, связанныхъ съ возстановленіемъ римской имперіи, такую точку зрения сохранять было невозможно. Внѣшнія сношенія стали фактъмъ, съ которымъ такъ или иначе приходилось считаться; сталъ неизбѣженъ возвратъ къ формамъ хозяйства Рима въ эпоху имперіи. Но тутъ пришлось считаться съ серьезной дилеммой. Какъ известно, римское денежное хозяйство привело къ самому неограниченному культу гедонизма. Богатымъ признавался только тотъ, кто имѣлъ возможность всячески удовлетворять свои потребности, хотя бы и на счетъ другихъ. Это былъ языческій принципъ, съ которымъ со всей силой и боролось христіанство, какъ съ принципомъ враждебнымъ добродѣтели. Естественно возникалъ вопросъ, какъ предотвратить опасность? Это было возможно, только ограничивъ примѣненіе денегъ самыми необходимыми случаями и поставивъ обмѣнъ подъ строгій надзоръ, чтобы онъ оставался въ тѣхъ границахъ, которыя ему предписывало христіанство, чтобы была устранена всякая возможность *ростовщичества*. Послѣднее, какъ указано выше, понималось шире, чѣмъ въ настоящее время; всякая сдѣлка, въ которой одна изъ сторонъ получала прибыль или, какъ теперь говорятъ, *прибавочную стоимость* на счетъ другой, подпадала подъ это занятіе. Такая сдѣлка противорѣчила принципу христіанской справедливости и потому каралась. Предполагалось, по возможности, сохранить господство за этими принципами натурального хозяйства и при денежнѣмъ обращеніи. И въ этой борьбѣ церкви противъ чистаго денежного хозяйства, борьбѣ, которая ведется на протяженіи цѣлыхъ столѣтій, такъ ярко выражается экономическая система того времени, что ее можно было бы назвать, какъ уже было указано выше, «системой стѣсненного денежного хозяйства»—то, что обычно называютъ средневѣковымъ городскимъ хозяйствомъ. Эконом-

мическая система среднихъ вѣковъ распадается на три главныя теоріи, связанныя другъ съ другомъ и взаимно другъ друга обусловливающія. 1) учение о деньгахъ, 2) учение о цѣнѣ и 3) учение о процентѣ.

а. *Каноническое учение о деньгахъ*. Оно нашло свое полное выражение въ трудахъ св. Фомы Аквинского (1224—1274). Послѣдний опирался не только на отцевъ церкви и священное писаніе, но и на великаго языческаго писателя Аристотеля; какъ известно, ему же принадлежитъ заслуга синтеза философіи Аристотеля съ христіанской метафизикой. Взгляды Ф. Аквинского пріобрѣли особенный интересъ для нашего времени, такъ какъ папа Левъ XIII въ своей энциклике «Regum novarum» и «De conditione opificum» (1891 г.), посвященной социальному движению, снова указываетъ на нихъ, какъ на руководящія положенія церковной соціальной политики. Для ознакомленія со взглядомъ Фомы на деньги необходимо пользоваться, главнымъ образомъ, сочиненіемъ, посвященнымъ кипрскому царю и озаглавленнымъ «De regimine principum» (1274); въ этой работѣ только первыя двѣ книги подлинны.

Признавая необходимость денегъ, Фома Аквинскій находитъ, что при правильномъ пользованіи деньгами они могутъ даже служить для спасенія души. Онъ говоритъ: «Монета — вѣрнѣшняя мѣра для материальной жизни въ торговлѣ и оборотѣ, подобно тому, какъ милостыня — лучшая мѣра для жизни духовной»¹⁾). Слѣдовательно, и то и другое необходимо: милостыня — мѣрило добродѣтели; монета — мѣрило усердія въ работѣ. У Фомы, какъ и вообще у отцовъ церкви, понятіе денегъ (pecunia) совпадаетъ съ понятіемъ монеты (nummus, moneta) какъ мѣрила цѣнности (mensura), и только какъ этого мѣрила. Какъ только функции денегъ распространяются, они теряютъ свое нравственное оправданіе. Въ формѣ самостоятельнаго имущественнаго фонда или капитала они становятся непродуктивными и являются источникомъ морального зла. Онъ ссылается при этомъ на Аристотеля и въ основу своего учения о деньгахъ кладетъ выраженіе послѣдняго, что «деньги не могутъ произвести денегъ» (pecunia respicit parere non potest), хотя при этомъ онъ и не дѣлаетъ такихъ радикальныхъ выводовъ, какъ отцы церкви.

Здѣсь именно и лежитъ глубокое различіе въ ученіи о деньгахъ канонического и римского права. Римское право, какъ мы указывали, знало два понятія о деньгахъ (pecunia): одно — болѣе широкое, другое — болѣе узкое. Въ болѣе широкомъ смыслѣ подъ pecunia разумѣли всякое имущество, которое можетъ быть реализовано въ деньгахъ, короче говоря, всякую денежную цѣнность; въ болѣе узкомъ смыслѣ подъ деньгами разумѣли только pecunia numerata, т.-е. монету, какъ мѣрило цѣнности и орудіе обмѣна, какъ валюту и платежное сред-

¹⁾ De regimine principum, Lib. II, cap. XV.

ство¹). Канонически-схоластическая теорія признаетъ деньги только въ ихъ узкомъ значеніи и отрицаеть ихъ широкій смыслъ. Христіанинъ не долженъ накоплять земныхъ сокровищъ ни для потребленія, ни для производства. Законнымъ родомъ имущественного и производительного фонда признается только недвижимая земельная собственность. Обладаніе ею гарантируетъ возможность жить нравственной жизнью; она къ тому же не можетъ быть ни отъ кого скрыта. Денежное богатство, наоборотъ, можетъ быть скрыто отъ другихъ; это—продуктъ алчности, которая также должна быть осуждаема, какъ и расточительность. Только земля доставляетъ естественнымъ образомъ излишекъ надъ издержками производства, не нарушая ничьихъ интересовъ. Наоборотъ, прибыль отъ денежного капитала можетъ быть получена только на счетъ другихъ и, въ силу этого, нарушаетъ общее благо; она приводитъ къ имущественному неравенству. Какъ мѣрило или масштабъ цѣнности, деньги являются, какъ и всякий масштабъ, общественнымъ институтомъ, и занимаютъ по отношенію къ измѣряемымъ товарамъ особое положеніе. Власть обладаетъ исключительнымъ правомъ устанавливать этотъ масштабъ и опредѣлять цѣну идущей въ обращеніе единицы цѣнности (монетная регалія); но таковая должна оставаться непрѣбѣгаемой. Какъ цѣлое, деньги — неподвижный, мертвый механизмъ; но они оживаютъ въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, какъ орудіяхъ обмѣна, оставаясь, все-таки, непроизводительными по существу.

Хотя цѣнность монеты назначается правительствомъ (*valor impensis*), это не значитъ, что ея значеніе чисто фиктивное. Осма Аквінскій²), какъ всѣ почти канонисты, считаетъ долгомъ совѣсти каждого правителя стремиться, насколько возможно, къ сближенію внутренней цѣнности (*valor intrinseca*) денегъ съ ихъ номинальной цѣнной (*valor extrinseca*). Несмотря на это, считается дозволеннымъ взимать монетную пошлину, путемъ ли уменьшенія вѣса монеты или путемъ примѣси неблагородныхъ металловъ, но эта операция должна продѣлываться съ возможной осторожностью, чтобы не мѣнять масштаба. «Здѣсь наносится вредъ всему народу, который во всѣхъ оборотахъ видѣтъ въ деньгахъ правильное мѣрило. Поэтому измѣненіе монетъ слѣдуетъ разматривать какъ поддѣлку мѣръ вѣса или длины, отъ чего и предостерегаютъ поговорки: «*Gewicht und Gewicht* (т.-е. настоящій и фальшивый), *Wage und Wage*, *beides ist ein Greuel vor Gott*»³). Впрочемъ и въ данномъ случаѣ канонисты отрицаютъ виѣшнее принужденіе и обращаются къ правителю *in foro conscientiae*⁴).

¹⁾ Ср. W. Endemann, *Die nationalökonomischen Grundsätze der kanonistischen Lehre*, Jena 1863, стр. 73.

²⁾ *De regimine principum*, Lib. II, cap. 13.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Endemann, *Nationalökonomische Grundsätze der kanonistischen Lehre*, S. 77 f.

Наряду со взглядомъ на деньги, какъ на монету, обладающую законною платежною силою, у канонистовъ существовать еще взглядъ на нихъ, какъ на товаръ (merx), — следовательно деньги — не только *mensura*, но и *mensuratum*. Въ указанномъ фактѣ некоторые были склонны видѣть отклоненіе отъ принципа и переходъ къ болѣе широкому пониманію слова «деньги». На самомъ дѣлѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, это не такъ. Дѣло въ томъ, что въ обопѣхъ случаяхъ, имѣмъ ли мы въ виду *usus primus*, *usus activus* денегъ или *usus secundus*, *usus passivus*, т.-е. функционируютъ ли деньги въ роли монеты или въ качествѣ товара — безразлично, — они разматриваются только какъ мѣрило цѣнности или орудіе обмѣна, хотя и въ различныхъ сферахъ; а именно, въ первомъ случаѣ они разматриваются въ области, где они имѣютъ закономъ установленное значеніе, во второмъ — виѣ ея. Не нужно забывать того, что по воззрѣніямъ средневѣковья монета обладала принудительнымъ курсомъ только тамъ, где она чеканилась. Здѣсь она принималась по нарицательной цѣнѣ (*valor impositus*, *valor extrinsecus*). Виѣ этой области обращали вниманіе только на ея «*bonitas intrinseca*» — металлическое содержаніе. На этомъ различіи покоялся весь институтъ средневѣковаго «размѣна». Правда, правительство фиксировало цѣну иностранной монеты на томъ же основаніи, какъ устанавливала таксу на всякой другой товаръ, идущій въ обращеніе (*valor legalis*). И именно потому, что деньги служили орудіемъ обмѣна между различными мѣстностями, необходимо было, во избѣженіе слишкомъ большого ущерба для торговли, чтобы разница между нарицательной и фактической цѣной денегъ была возможно меныше¹). Отсюда ясно, что понятіе «*pecunia*» толковалось только въ тѣскомъ смыслѣ. Деньги въ роли производительного капитала являлись общественнымъ фондомъ и были допустимы, такъ какъ могли служить общественному благу. Осма Аквинскій идетъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что рекомендуетъ князьямъ собирание денежныхъ сокровищъ не только во имя всеобщаго блага, но для цѣлей управления вообще²). Конечно, священное писаніе запрещаетъ собирание сокровищъ. Но вѣдь оно имѣетъ въ виду вредныя послѣдствія богатства: высокомѣре и надменность, а не сама богатство. А онъ совѣтуетъ собирать сокровища для общественного блага. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ нѣть никакого противорѣчія между его учениемъ и священнымъ писаніемъ³). Вѣдь государи, какъ намѣстники Бога, обязаны помочь бѣднымъ. Выполнение этого невозможно безъ накопленныхъ сокровищъ. Всѣ схоластики

¹⁾ См. объ этомъ также Endemann „Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre bis gegen Ende des 17 Jahrhunderts“, Berlin 1874 и 1883, Bd. II, Abschn. VII, § 2.

²⁾ „De regimine principum“, L. II, c. 7.

³⁾ Тамъ же.

сходятся между собой въ томъ отношеніи, что ничего не имъя противъ накопленія богатствъ государствомъ и церковью, какъ органами общественного блага, запрещали это частнымъ лицамъ¹).

Эти теоретические постулаты вполнѣ соответствуютъ фактическому положенію дѣлъ. Чеканкой монетъ «Hausgenossen» занимались отъ имени императора, первоначально единственного обладателя монетной регалии, и по его повелѣнію. Кромѣ этого, они производили размѣщать чужеземныхъ монетъ на мѣстныя. Отдавать деньги взаймы они не имѣли права. Послѣднее было предоставлено евреямъ, чуждой группѣ.

¹) Говорить въ отдѣльности о взглядахъ другихъ схоластиковъ—завело бы насъ слишкомъ далеко. Къ тому же эти взгляды мало разнятся отъ взглядовъ св. Фомы Аквинского. Интересующихся даннымъ вопросомъ мы отсылаемъ къ двумъ уже названнымъ работамъ Эндемана и къ сочиненію *H. Contzen's „Geschichte der volkswirtschaftlichen Litteratur im Mittelalter“*, 2 Aufl., Berlin 1872. Мы остановимся только на одномъ изъ писателей этой группы — именно на епископѣ *Nicolaus Oresmius* (1320—1382), авторѣ „Tractatus de origine, natura, iure et mutationibus monetarum“, потому что въ наши дни разгорѣлась оживленная полемика относительно его значенія и положенія, занимаемаго имъ въ исторіи политической экономіи. *Wilhelm Roscher* въ своей „Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland“ (Munich 1874, стр. 25) и уже въ своемъ трактатѣ „Un grand économiste fran ais du XIV-e si cle“, напечатанномъ въ „Comptes Rendus de l'Academie des Sciences morales et politiques“ (1862) называетъ Орезмія „великимъ политико-экономомъ среди схоластиковъ“, такъ какъ онъ является авторомъ теоріи денегъ, „которая даже съ точки зрѣнія взглядовъ 19-го столѣтія вполнѣ безукоризнена“. Главное ея достоинство заключается въ томъ, что „она вполнѣ свободна отъ тѣхъ ошибочныхъ взглядовъ, которые въ большей или меньшей степени трактуютъ деньги, какъ товаръ“. Въ противоположность Рошеру, Эндеманъ въ своемъ сочиненіи „Nationalökonomische Grundsätze der kanonistischen Lehre“ (1863, стр. 75, примѣч. 331) и позже въ „Studien“ о томъ же предметѣ (т. II, стр. 164 и 188) указалъ на то, что Орезмій излагаетъ то же самое, что излагали схоластики съ Фомой Аквинскимъ во главѣ, только въ менѣе схоластической формѣ. Отсюда ясно, что вѣтъ никакого основанія отводить ему какое-то особое мѣсто, какъ это сдѣлалъ Рошерь. Но если бы даже утвержденія Рошера фактически были бы вѣрны, то съ точки зрѣнія историко-философскаго метода нельзя было бы оправдать похвалъ, расточаемыхъ Орезмію. Мы имѣемъ дѣло съ некапиталистическимъ періодомъ, гдѣ обращеніе строго регламентируется властью, — требовать при подобныхъ условіяхъ свободы денежнаго обращенія, которая известна только высоко-развитому капиталистическому обмѣну XIX вѣка, значило бы вавлечь на себя, и съ полнымъ основаніемъ, со стороны современниковъ упрекъ въ фантазерствѣ. Но такой же, а не иной приговоръ должна вынести и исторія, принципъ которой — релятивистъ. Въ данномъ случаѣ кстати вспомнить мысль О. Конта, что въ теологический періодъ вѣрныхъ является соответствующій, теологический же методъ, и что было бы неправильно примѣнять къ нему какой-нибудь другой, напр., метафизический или позитивный методъ, и наоборотъ. Принимая все это во вниманіе, очевидно, что Орезмій далеко не заслужилъ того почетнаго положенія, которое хочетъ отвести ему Рошерь. Ср. также *Eugen Dühring, Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus*, 1871, стр. 24.

населенія, пользовавшейся дурной сэзой вслѣдствіе своего ростовищества. Христіанамъ это было запрещено. Вполнѣ понятно, что не было никакой возможности усѣдить за точнымъ выполненіемъ этого предписанія. Несмотря на усиленныя старанія удержать торговлю на ступени мелкой, т.-е. чисто потребительской торговли, она продолжала разрастаться и находила возможность пробить себѣ дорогу. Это приводитъ насъ ко второму важному учению схоластиковъ, къ учению о цѣнѣ.

б. Ученіе о «справедливой цѣнѣ». Оно стоитъ въ логической связи съ учениемъ о деньгахъ. Пока господствовало натуральное хозяйство съ своимъ чисто домашнимъ характеромъ, доля участія каждого въ изготовленныхъ продуктахъ опредѣлялась либо общими постановленіями общинъ, либо указаніями «Pater familias». Возможность получения выгода однимъ лицомъ на счетъ другого исключалась въ силу того, что собственно индивидуальныхъ сношеній между хозяйствами не существовало. Ростовищества при куплѣ не могло быть вслѣдствіе отсутствія настоящей купли. Появленіе монеты измѣнило все это. Появился договоръ купли-продажи, а съ нимъ и цѣна. Послѣдняя, согласно взгляду канонистовъ, есть возвратъ эквивалента непремѣнно въ видѣ монеты (*pecunia numerata*). Во избѣженіе ростовищества было необходимо установить справедливую, настоящую цѣну (*justitia pretii*), которая гарантировала бы эквивалентность обмѣниваемыхъ благъ (*aequalitas valoris*). Для достижениія этого считалось прежде всего необходимымъ, чтобы продавались только наличные товары, которые можно подвергнуть осмотру, и чтобы сдѣлка производилась бы на наличныя. Продажа въ кредитъ, какъ съ послѣдующей доставкой товара, такъ и съ послѣдующей уплатой стоимости была запрещена изъ опасенія нарушенія эквивалентности и взиманія особаго вознагражденія за просроченное время въ видѣ процента, который считался церковью самой рѣзкой формой ростовищества.

Какимъ же образомъ можно было осуществить принципъ справедливой цѣны во всякихъ мѣновыхъ сношеніяхъ? ¹⁾ Только путемъ всесторонняго контроля надъ обмѣномъ и путемъ таксированія цѣнъ товаровъ. Осуществленіе этой задачи должны взять на себя церковь и государство. Церковь могла средствами морального воздействиія на совѣсть, путемъ увещанія на исповѣди, путемъ угрозы вѣчными мукуми побудить къ добровольному возвращенію незаконно приобрѣтенаго. Государство обладало возможностью прямо предупреждать эксплуатацию установленіемъ цѣнъ и соответствующими наказаніями. Въ общемъ, правда, церковь (папа и епископы) присвоила себѣ право опредѣлять и блюсти справедливыя цѣны во всякихъ сдѣлкахъ; государство должно оказывать ей содѣйствіе своей положительной властью.

¹⁾ О послѣдующемъ см. названныя сочиненія Эндемана.

Вносковъдствіи ремесленные и купеческие союзы стали считать дѣломъ своей чести заботу о доброкачественности товаровъ и законномъ уровнѣ цѣны, хотя они и были отвѣтственны передъ магистратомъ и другими должностными лицами. Естественно долженъ быть возникнуть вопросъ, чѣмъ нужно руководствоваться при опредѣлениіи законной цѣны? Обыкновенно прежде всего обращали внимание на потребительную цѣнность (*bonitas rei*), именно на ея полезность (*utilitas*). Послѣдняя оцѣнивалась не съ индивидуальной точки зрѣнія покупателя (*personalis utilitas*), а съ общественной (*communis utilitas*). Съ другой стороны, принимали въ разсчетъ издержки производства и стоимость доставки товара на рынокъ. Признавалось аксиомой, что каждый долженъ получить вознагражденіе за свой трудъ (*dignus operarius mercede sua*). Тогда не допускали даже и мысли, что кто-нибудь можетъ понизить цѣну, воспользовавшись нуждой продавца.

Чтобы предоставить торговыѣ возможно больше свободы и избѣжать возможныхъ при опредѣлениіи цѣны затрудненій, былъ установленъ максимумъ и минимумъ цѣнъ, въ предѣлахъ которыхъ должна была вестись торговля. Впрочемъ, даже и внутри этихъ предѣловъ запрещалось искусственное повышеніе или пониженіе цѣнъ, производимое съ цѣлью господства на рынке. Уже одна массовая закупка товаровъ съ цѣлью спекуляціи (*Vorkauf*) была запрещена, какъ незаконное стремленіе къ монополіи. Профессія лицъ, занимавшихся покупкой для перепродажи съ цѣлью извлечения прибыли (*negotiatio lucrativa*), занимала низшее мѣсто въ ряду другихъ промысловъ. Она можетъ быть терпима лишь постольку, поскольку съ ней было связано труда на доставку, либо переработку товара. Въ послѣднемъ случаѣ оно уже переходитъ въ *artificium* и не вызываетъ возраженій. Изъ всѣхъ видовъ торговли наибольшимъ уваженіемъ пользовалась *negotiatio oeconomica* — торговля для поддержанія собственного существованія и существованія семьи. И здѣсь такимъ образомъ на первый планъ выдвигается «достойность» труда, а не его производительность.

Будь схоластики въ силахъ, они вообще охотно устранили бы крупную торговлю. Но это было невозможно и ее терпѣли, какъ неизбѣжное зло, которому не слѣдуетъ только давать возможность разростись. Объ этомъ Фома Аквинскій говоритъ слѣдующее. Существуетъ два способа снабженія города необходимыми для него предметами потребленія: производство ихъ на мѣстѣ и привозъ; въ послѣднемъ случаѣ приходится прибѣгать къ торговыѣ. Первый способъ слѣдуетъ рѣшительно предпочесть второму не только по политическимъ, но и моральнымъ соображеніямъ. Дѣло въ томъ, что торговля развиваетъ въ населеніи духъ алчности, и тогда дѣло легко можетъ дойти до того, что въ городѣ, занимающемъся торговлей, все станутъ продажнымъ, вѣрность и честность исчезнутъ и не будетъ рвенія къ добродѣтели. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, прибавляетъ Фома Аквинскій, что нужно

изгнать изъ города всѣхъ купцовъ. Едва ли найдется городъ, который въ такой полнотѣ снабженъ всѣми предметами потребленія, что не нуждается вовсе въ привозѣ извѣй. Съ другой стороны, городъ терпѣть бы ущербъ, если бы оказалось невозможнымъ сбыть путемъ торговли излишekъ собственныхъ товаровъ. «Мы утверждаемъ такимъ образомъ, что городу торговля необходима, но торговля умѣренная»¹).

Таковы воззрѣнія схоластиковъ на цѣну и торговлю. Излишне, конечно, напоминать, что эти воззрѣнія являются простымъ отраженіемъ въ области теоріи той средневѣковой дѣйствительности, съ которой мы познакомились при изученіи городского хозяйства. Въ такомъ же отношеніи къ жизни стоитъ и третья основная экономическая теорія схоластиковъ — ихъ учение о процентахъ. Въ этомъ учениіи схоластическая доктрина достигаетъ своего апогея.

с. Ученіе о процентахъ. Обыкновенно полагаютъ, что учение канонистовъ о ростовщичествѣ исчерпывается запрещеніемъ взимать проценты. Это не совсѣмъ такъ. Подъ словомъ «usura» канонисты разумѣютъ всякую «injustitia» въ экономическомъ оборотѣ, всякое нарушение «aequalitas» при мѣновыхъ взаимоотношеніяхъ. Конечно, это — правда, что запрещенія главнымъ образомъ касались именно кредита, который благодаря запретительному закону лишенъ былъ возможности развитія. Потому-то на этой почвѣ и разгорѣлась самая ожесточенная борьба, какъ только хозяйственная жизнь стала пріобрѣтать болѣе широкій размахъ и стремиться выйти изъ прежнихъ стѣснительныхъ формъ.

Запрещеніе процента церковью имѣетъ свою исторію, богатую вышними и внутренними событиями. Оно покоятся на двухъ основаніяхъ: во-первыхъ, на словахъ евангелиста Луки: «mitum date nihil inde sperantes» и во-вторыхъ, на словахъ аристотелевой политики и экономики: «recupia recupiam parere non potest». Очевидно, что не только откровеніе, но и естественный законъ запрещаютъ взиманіе процентовъ. Первоначально изреченіе Луки разсматривалось только какъ религіозная и нравственная заповѣдь, обязательная развѣ только для клира. Въ такомъ смыслѣ этотъ вопросъ былъ решенъ на первомъ соборѣ, въ Никѣї (325 г.). Но позже, при Карлѣ Великомъ запрещеніе взимать проценты было распространено и на мірянъ, а папа Александръ III (1179) потребовалъ, чтобы оно легло въ основу свѣтскихъ законодательствъ. На соборѣ въ Vienne (1311) Климентъ V объявилъ недѣйствительнымъ всякое свѣтское законодательство, идущее въ разрѣзъ съ этимъ запретомъ. Это было кульминаціоннымъ пунктомъ движенія противъ процентовъ. Жизнь выставила свои требованія, и выросшая изъ нихъ могучая оппозиція противъ церковнаго ученія въ союзѣ съ примкнувшей къ ней наукой привела къ полному его низложенію, несмотря на упорное сопротивленіе церкви.

¹⁾ De regimine principum, L. II, c. 3.

Мы не имѣемъ времени прослѣдить отдельные стадіи этой борьбы. И въ этомъ вопросѣ Фома Аквинскій занимаетъ центральное положеніе. Въ его сочиненіяхъ «De usuris in communi et de usurarum contractibus», затѣмъ въ «De emptione et venditione ad tempus» и «De regimine Judaeorum» собраны всѣ старые аргументы и кромѣ того выставленъ рядъ новыхъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, онъ стремится примирить необходимыя потребности обмѣна со старымъ ученіемъ и тѣмъ придать ему большую прочность. Но при этомъ онъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлать уступки, которыя приближаютъ его къ авторамъ, занимавшимъ въ данномъ вопросѣ примирительную позицію.

Чтобы правильно понимать все это движеніе, необходимо помнить, что подъ словомъ процентъ (*census*) церковь понимала различные вещи. Этимъ и объясняется неодинаковое отношеніе ся къ разнымъ категоріямъ процента.

Вполнѣ правомѣрной прежде всего считалась *арендная плата*. Такъ какъ церковь, согласно принципу мертвой руки не имѣла права отчуждать приобрѣтеннія земли, то ей приходилось сдавать въ аренду тѣ участки, которыхъ духовенство само не обрабатывало. Это былъ единственный способъ подвергнуть ихъ хозяйственной эксплуатации. Оброкъ уплачивался первоначально *in natura*, т.-е. плодами земли и личными услугами; размѣръ его былъ разъ навсегда установленъ. Считалось, что собственникъ удерживаетъ часть продуктовъ, произведенныхъ силами земли (*census reservativus*). Онъ никого не эксплуатировалъ, и запретъ евангелиста Луки не распространялся на арендную плату. Справедливость арендной платы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она уплачивалась деньгами, какъ это имѣло мѣсто впослѣдствіи, была такимъ образомъ навсегда установлена.

Труднѣе было разрѣшить вопросъ о такъ называемой *ипотечной рентѣ* — «*Rentenkauf*» (*census constitutivus*). Основой ея являлась обыкновенно ссуда на такъ называемую меліорацию (*melioratio*); эта форма развилась особенно въ городахъ, где она образовала особый институтъ «*Hausleihe*» — ссуды подъ дома¹). Рядомъ съ «*census reservativus*» существовалъ еще одинъ видъ ренты — «*census constitutivus*», уплачиваемый въ видѣ вѣчной или срочной ренты, другому собственнику. Сначала только терпимый церковью, онъ былъ признанъ законнымъ папой Мартиномъ V (1425), конечно, въ опредѣленныхъ законахъ рамкахъ².

Не мало затрудненій доставилъ церкви вопросъ о такъ называемомъ *интересѣ* въ торговлѣ. Изъ отрицанія продуктивности денегъ и права на существованіе за частнымъ капиталомъ логически вытекало отри-

¹⁾ Ср. W. Arnold, Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten, Abschnitt II, III и IV.

²⁾ Endemann, Studien etc.

цаніе необходимости какого бы то ни было вознаграждения за пользование денежнымъ капиталомъ. Исключение составляли тѣ случаи, когда снабжение деньгами требовало труда, было связано съ рискомъ или затратами. Взиманіе небольшого вознаграждения въ этихъ случаяхъ было вполнѣ понятно. Изъ размѣна денегъ на мѣсто развился впослѣдствіи переводъ денегъ съ указаніемъ денежного курса на другомъ рынке («Messwechsel»). И въ этомъ случаѣ вошло въ обычай требовать вознаграждение за переводъ денегъ; создавалась фикція, будто этотъ транспортъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто. Считались, да же, съ возможностью потерпъ при транспорте, съ тѣми убытками, которые несъ владѣлецъ денегъ вслѣдствіе того, что онъ не пускалъ ихъ въ оборотъ на мѣсто. Этотъ вопросъ долго возбуждалъ горячіе споры. Въ 13 ст. споръ достигъ своей кульминаціонной точки. Высказавшись въ пользу уменренного вознаграждения за «damnum emergens», а въ ограниченной степени и за «lucrum cessans», Фома Аквинскій разрѣшилъ въ главныхъ чертахъ вопросъ. Отсюда, конечно, еще далеко до признанія полной свободы за «интересомъ». И здѣсь на смѣну прежняго полнаго запрета выступилъ принципъ общественного регулированія.

Въ связи съ этимъ естественно возникалъ слѣдующій вопросъ. Предположимъ, что иѣсколько лицъ образуютъ общество или торговую компанію, причемъ одни вкладываютъ въ дѣло только трудъ, другіе—только капиталъ; спрашивается, въ правѣ ли послѣдніе претендовать на участіе въ прибыли за свои вклады (commenda)? Фома отвѣчаетъ утвердительно, но съ оговоркой, что онъ въ отличіе отъ обычной ссуды, имѣть право на очень небольшую, стало быть подлежащую таксациі, долю прибыли.

Съ тѣмъ большимъ жаромъ возстаетъ Фома Аквинскій противъ взиманія процентовъ при чистомъ заемѣ (mutuum). Подобно всѣмъ отцамъ церкви, онъ знаетъ только потребительный заемъ. Послѣдній могъ вызываться только стѣсненными обстоятельствами; пользованіе ими съ цѣлью извлечь выгоду допускалось въ крайнемъ случаѣ по отношенію къ врагамъ, но по отношенію къ братьямъ христіанской общины это приравнивалось къ грабежу или даже убийству. Это извѣнительно только евреямъ и язычникамъ, да и то съ натяжкой.

Предыдущее изложеніе доказываетъ неосновательность того мнѣнія, будто схоластика относились абсолютно враждебно къ потребностямъ развивающейся торговли. Мы, конечно, не отрицаемъ того, что схоластика сдѣловала за этимъ развитіемъ замедленнымъ темпомъ, но она все же сдѣловала за нимъ. Съ другой стороны, нельзя принимать иначе, какъ съ оговоркой, мнѣнія Г. Ратцингера¹⁾: «никогда церковь не мѣшала дѣйствительно необходимымъ и внутренне оправдываемымъ

¹⁾ G. Ratzinger, Die Volkswirtschaft in ihrer sittlichen Grundlage, Freiburg in B. 1881; общирная глава IV: „Wucher und Zins“, стр. 280.

хозяйственнымъ формамъ кредитнаго обращенія». Вѣрно то, что церковь была противницей ростовщичества, эксплуатации одного человѣка другимъ, въ какой бы формѣ послѣдняя не выражалась, а не только въ формѣ взиманія процентовъ. Церковь относилась къ торговлѣ очень синисходительно, поскольку она не была связана съ ростовщичествомъ. Для предупрежденія его необходимо подчиненіе торговли, какъ и всей хозяйственной жизни—строгому контролю¹).

Мы видимъ, что схоластики стоятъ на высотѣ пониманія задачь своего времени. Никто не станетъ отрицать непригодности этихъ теорій для настоящаго времени. Тѣмъ не менѣе мы должны признать, что посгѣ Аристотеля это—первая экономическая система, хотя, конечно, и подчиненная религіознымъ догмамъ. Многое изъ высказанного канонистами было повторено впослѣдствіи представителями совершенно другихъ системъ. Такъ, мысль о продуктивности земледѣлія и непродуктивности капитала, обѣ естественныхъ, установленныхъ Богомъ, законахъ, которымъ должны быть подчинены положительные законы, о справедливомъ обмѣнѣ, о недоступности монополій въ торговлѣ, возродилась въ системѣ физіократовъ. Въ одномъ только, но очень существенномъ пунктѣ они расходятся. Физіократы полагали, что справедливость можетъ быть достигнута только при абсолютной свободѣ обмѣна (*laissez faire, laissez passer*). Канонисты, наоборотъ, видѣли въ свободной конкуренціи корень зла, причину всякой несправедливости, и были, въ силу этого, сторонниками неограниченаго государственного вмѣшательства. Послѣднее обстоятельство сближаетъ ихъ съ современниками соціалистами; конечно, у этихъ совершенно иная философская основа—материалистическая. Вотъ какъ переходятъ догмы изъ одной эпохи въ другую. Иногда обладая виѣшнимъ сходствомъ, они имѣютъ совершенно различное содержаніе.

Какъ бы то ни было, изъ предыдущаго обзора мы съ полнымъ правомъ можемъ сдѣлать одинъ выводъ. Среди нихъ вѣкамъ принадлежитъ мѣсто не только въ исторіи эмпирическимъ системъ, но также и въ исторіи политической экономіи или, лучше сказать, въ ея доисторическомъ періодѣ. Отсюда ясно, что общераспространенное мнѣніе о «безплодности» среднихъ вѣковъ—невѣрно. Конечно, относящіеся сюда элементы перемѣшаны съ другими, какъ это всегда бываетъ со всякой наукой въ ея доисторическомъ періодѣ. Ихъ поэтому надо сначала выдѣлить; но они все-таки существуютъ²).

¹) Ср. W. J. Ashley „An introduction to English economic history and theory“ sec. ed. London 1892, t. I, p. 129 f.

²) Ср. для ученія о ростовщичествѣ F. H. Funk, Geschichte des kirchlichen Zinsverbots, 1876; M. Neumann, Geschichte des Wuchers in Deutschland, 1865; V. Brants, Les thÃ©ories Ã©conomiques au XIII-e et XIV-e siÃ¨cle, 1895; E. de Girard, Histoire de l'Ã©conomie sociale jusqu'à la fin du XVI-e siÃ¨cle, 1900.

§ 6. Переходъ къ новому времени.

Крестовые походы, вызвавшіе расцвѣтъ экономической жизни, впослѣдствіи явились причиной ея упадка. Они были вызваны религіознымъ воодушевленіемъ и увѣренностью, что войска, сопутствующія божескимъ благословеніемъ, одержать побѣду надъ искрѣнными. Когда послѣ двухсотлѣтия напряженія, стоявшаго потокомъ крови, были подведены итоги, то оказалось, что все предпріятіе окончилось неудачей. Болѣе того: съ востока началось обратное движеніе. Цѣлья столѣтія Европа должна была защищаться противъ нападеній турецкаго полуострова.

Послѣ взятія крестоносцами Іерусалима (въ 1099 г. подъ предводительствомъ Готфрида Бульонскаго) было основано Іерусалимское королевство, где предполагалось ввести соціальный строй, выработавшійся въ Западной Европѣ, въ его чистой, идеальной формѣ. Въ «Assises et bons usages du royaume de Jérusalem» — конституціи Іерусалимского королевства — предусматривался сословный строй, аналогичный западноевропейскому. Первое сословіе — духовенство съ патріархомъ во главѣ, за которымъ слѣдовали архіепископы, епископы и прочіе клирики. Затѣмъ идетъ феодальное дворянство, распадающееся на 3 ордена; назначеніе его сводится къ охранѣ свѣтскаго порядка и защитѣ отъ внешнихъ враговъ. Третье мѣсто занимаетъ бургическое сословіе, организованное въ корпораціи, и наконецъ, остальную часть населенія составляютъ аборигены¹⁾.

У арабовъ, съ которыми пришлось вступить въ борьбу, существовалъ совершенно иной соціальный строй. Здѣсь совсѣмъ не было іерархического расчлененія населенія на сословія. Во главѣ единообразной массы населенія стоялъ падишахъ, совмѣщавшій духовную и свѣтскую власть, т.-е. бывшій въ одно и то же время калифомъ и пользовавшійся абсолютной властью; этотъ строй походилъ на строй древней римской имперіи, какъ обѣ этомъ узнали изъ возрождавшагося римскаго права. Казалось, что этотъ строй давалъ народамъ, которые его придерживались, отнюдь не меньшую силу, чѣмъ и христіанское расчлененіе на сословія; испытать это было не мало поводовъ. Надъ этимъ стоило призадуматься. Далѣе — крестовые походы повели къ измѣненію военной организаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣнія. Болѣе бѣдные дворяне не были въ состояніи покрывать собственными средствами большія издержки походовъ. Они поступали на службу къ болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ и передавали имъ свои владѣнія. Результатомъ этого

¹⁾) „Письма святого гроба“ погибли при паденіи Іерусалима (1187) и позже, около середины 13 ст., были восстановлены на основаніи устнаго преданія грамотъ Яффскимъ Іоанномъ Ибелиномъ. Ср. Georg Weber, Allgemeine Geschichte т. VI стр. 602.

быть ростъ могущества высшаго дворянства и превращеніе его въ *территориальныхъ имперскихъ князей*. Соответственно этому императоръ терялъ свое могущество. Въ эпоху *междукарствія* (1254—1273) оказалось, что при нуждѣ можно обойтись и безъ императора. «Золотой буллой», основнымъ имперскимъ закономъ, изданнымъ Карломъ IV въ 1356, былъ введенъ виѣшній порядокъ, хотя въ дѣйствительности рѣчь шла не о чёмъ иномъ, какъ о формальной уступкѣ имперіей владѣтельнымъ князьямъ важнѣйшихъ регалій, принадлежавшихъ до сихъ поръ императору. Только въ случаѣ отказа въ правосудіи допускалась апелляція къ императору.

Кромѣ владѣтельныхъ князей, города сумѣли извлечь выгоды изъ этого переворота. Вольные имперскіе города давно пользовались безсиліемъ императоровъ, чтобы распространить свое господство на прилегающія къ нимъ окрестности и, такимъ образомъ, самимъ пріобрѣсти права, принадлежавшія владѣтельнымъ князьямъ, причемъ они побуждали императоровъ подтверждать эти права за оказываемую имъ помошь. Такимъ образомъ, города и князья затягивали одну и ту же петлю.

Въ городахъ между тѣмъ происходили важныя перемѣны. Изъ категоріи четвертаго сословія цехамъ, благодаря росту благосостоянія, удалось подняться до категоріи третьаго сословія. Постепенно ихъ должны были допустить къ участію въ городскомъ управлѣніи. Теперь они уже начали стремиться къ полному захвату городского управлѣнія въ свои руки. Эти постыки, естественно, встрѣчали энергичный отпоръ со стороны высшихъ сословій. Цѣлые столѣтія прошли въ борьбѣ, которая велась съ перемѣннымъ счастіемъ. Ко времени реформаціи (16 ст.) эта борьба достигла наивысшаго своего напряженія. Цехи примкнули къ новому ученію, между тѣмъ какъ высшія сословія (хотя и не повсюду) оставались вѣрными старому. Особенного ожесточенія достигла борьба въ рейнскихъ епископскихъ городахъ. Герингъ¹⁾ оставилъ намъ наглядное изображеніе тѣхъ событий, которыя повели къ изгнанію епископа, къ лишенію старыхъ бургеровъ ихъ политическихъ преимуществъ и къ реформаціи. Движеніе проходило слѣдующія стадіи. Лишивъ епископа всякаго вліянія на городскія дѣла, цехи занялись аристократіей, группировавшейся въ т. н. *Stubengesellschaft* (общества собутыльниковъ). Съ цѣлью ослабить ихъ было постановлено, что каждый новый членъ долженъ уступить городу $\frac{1}{10}$ части своего имущества (1515 и 1521 гг.). Послѣ этого цехи направили свои удары противъ такъ называемыхъ «господскихъ цеховъ». Въ 1526 г. постановлено запрещеніе быть членомъ двухъ цеховъ, принимать къ себѣ

¹⁾) *Traugott Geering, Handel und Industrie der Stadt Basel*, 1886, гл. VII.

Его же, *Der soziale Hintergrund der Basler Reformation*, докладъ читанный въ базельскомъ эк.-статист. общ. 1883. Referat der „Basler Nachrichten“.

въ качествѣ контрагентовъ членовъ *Stubengesellschaft* и, наконецъ, составлять болѣе тѣсныя торговые общества. Послѣ изгнанія епископа (въ томъ же году) изъ города выселилось много знатныхъ родовъ. Позже (1528/29) «*Stube*» была выгнана изъ городского совѣта. Послѣ этого, какъ и можно было ожидать, началась реакція. 1542 годъ принесъ съ собой отмѣну большинства ограничительныхъ законовъ 1526-го года. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ перемѣнъ въ міровой торговлѣ, пробивается себѣ путь крупная промышленность въ комбинаціи съ торговлей (*Verlegertum*) ¹⁾. Броженіе началось и въ крестьянствѣ. Крестовые походы, участіе въ которыхъ, согласно постановленію папы, давало крестьянамъ личную свободу,—отвлекли въ эту сторону потокъ эмиграціи, направлявшійся прежде во все болѣе и болѣе замыкающіеся города. Это обстоятельство повело къ улучшенію положенія оставшихся на мѣстѣ крестьянъ. Возникла классовая борьба. 12 статей крестьянской войны (1525) могутъ считаться предтечей декларациіи правъ человѣка и гражданина великой французской революціи. Мечтали объ имперской реформѣ въ смыслѣ народнаго государства съ императоромъ во главѣ. Гейльброннскій планъ (1525), выработанный при содѣйствіи руководителя крестьянъ Венделина Гиплера (*Hippler*), требуетъ уничтоженія всѣхъ аристократическихъ должностей, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Единственно, что необходимо сохранить,—это «императорскую защиту и охрану» (*kaiserlicher Schirm und Frieden*). Необходима отмѣна всѣхъ поземельныхъ податей, отмѣна крѣпостного права, необходимо введеніе единообразной для всей имперіи монетной системы, единообразныхъ мѣръ и пошлинъ ²⁾. Таково же содержаніе другого проекта—*Eberlein a von Gmünd*а.

Тогда возникъ великий вопросъ, кѣмъ осуществляется территоріальный принципъ, императоромъ или имперскими князьями. Уже Максимилианъ I пытался решить вопросъ въ пользу имперіи. Города и мелкое дворянство въ свою очередь были сторонниками этого плана. Францъ фонъ-Сикингенъ и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ надѣялись на то, что планъ будетъ осуществленъ Карломъ V ³⁾, канцлеръ котораго Гаттинари былъ, какъ говорятъ, ревностнымъ ходатаемъ за него. Но Карлъ V былъ не изъ числа тѣхъ, кто можетъ служить какой-либо великой идеѣ. Подавленіе крестьянскаго восстанія имперскими князьями и переходъ Лютера на ихъ сторону разъ навсегда рѣшили, что носителемъ новаго государственного принципа будетъ не императорская власть, а высшее дворянство.

¹⁾ О такомъ же движениі въ Страсбургѣ см. *G. Schmoller*, *Strassburgs Zunftkämpfe* и т. д.

²⁾ Ср. *W. Roscher*, „*Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland*“, *München 1874*, стр. 79.

³⁾ *F. Гассаль*, „*Францъ фонъ-Сикингенъ*“, соц. драма, 1859 г.

Подъ этими вѣшними событиями скрывалась могучая экономическая революція, которую можно охарактеризовать, какъ переходъ отъ замкнутаго денежнаго хозяйства городовъ къ общему территориальному денежному хозяйству съ национальными цѣлями.

Въ послѣднее время въ наукѣ было поставленъ на очередь вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы передъ собой особую систему *территориального хозяйства* или же просто переходную ступень къ системѣ народнаго хозяйства новаго времени.

Въ противоположность Бюхеру, согласно теоріи котораго періодъ народнаго хозяйства слѣдуетъ непосредственно за періодомъ городскаго хозяйства,—Шмидлеръ считаетъ нужнымъ отличать самостоятельную промежуточную *стадію территориального хозяйства*¹⁾. Минѣе Шмидлера встрѣтило съ различныхъ сторонъ возраженія. Адольфъ Вагнеръ²⁾ находилъ, что между территориальнымъ хозяйствомъ Шмидлера и народнымъ хозяйствомъ существуетъ только количественное различіе. Беловъ въ своемъ очень солидномъ труде «Der Untergang der mittelalterlichen Stadtwirtschaft (über den Begriff der Territorialwirtschaft)»³⁾ пытается решить вопросъ слѣдующимъ образомъ: «можно говорить о территориальной хозяйственной политикѣ, но не о территориальномъ хозяйстве». Съ этимъ можно согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, вы не найдете разницы между хозяйственной политикой территориальныхъ княжествъ и позднѣйшей политикой национального хозяйства; единственная разница только въ томъ, что еще не решаются положить въ ея основу притязанія национальной политики. Нужны вѣка для того, чтобы эта идея проникла въ хозяйственную жизнь. И она не выступаетъ въ новое время сразу—въ качествѣ готовой программы. Осуществленіе ея въ Германіи относится только къ 19 ст. (таможенный союзъ и пр.). Но если нельзя говорить объ особой системѣ, то о переходной хозяйственной эпохѣ на протяженіи 14—16 ст. можно говорить. Эта эпоха наложила отпечатокъ на тогдашнюю литературу, разсмотрѣніемъ которой мы и займемся.

Къ вопросу о догматической литературѣ. Сочиненіе автора Божественной Комедіи *Данте Алигієри* (1265—1313) «De Monarchia»⁴⁾ считаются обыкновенно произведеніемъ, въ которомъ подобно двуликому Янусу отразились идеи и средневѣковья и нового времени. Въ этомъ сочиненіи Данте становится на сторону свѣтской монархіи и выступаетъ противъ высказанной Бонифаціемъ VIII въ буллѣ «Unam sanctam» (1302) мысли о подчиненіи свѣтского меча духовному; повидимому, оба эти литературные памятника относятся къ одному и тому же вре-

¹⁾ Статья „Das Merkantilsystem in seiner historischen Bedeutung“, Jahrb für Gesetzgeb. 1884, перепечатанная въ „Umriss und Untersuchungen“, 1898.

²⁾ Preussische Jahrbücher, Bd. 75, S. 553.

³⁾ Jahrbücher f. Nationalök. u. Statistik, 1901.

⁴⁾ Нѣмецкій переводъ *O. Hubatsch'a*, Berlin 1872.

мени. По моему, заходить слишкомъ далеко, когда желаютъ въ этомъ произведеніи видѣть пророчество о грядущемъ господствѣ имперскихъ князей. Между «мировой монархіей», о которой мечтаетъ Данте, и территоріальнымъ государствомъ—нѣтъ ничего общаго. Данте тоже былъ сторонникомъ идеи дуализма между свѣтской и духовной властью, идеи, которая господствовала надъ мыслью всего средневѣковья. Подобно «саксонскому зерцалу» (1230) онъ—защитникъ независимой отъ папскаго престола свѣтской власти. Человѣчеству, по мнѣнію Данте, поставлена двоякая цѣль: небесное и земное блаженство. Первая осуществляется папой; вторая—императоромъ. Каждый получилъ свой мечъ отъ Бога или Христа¹⁾. Ни папа ни императоръ не должны присваивать себѣ никакихъ правъ по отношенію къ сферѣ влиянія другого, но наоборотъ должны оказывать уваженіе другъ другу. Напоминаніемъ объ этомъ Данте и заканчиваетъ свой трудъ. Нѣтъ и намека на необходимость совмѣстить свѣтскую и духовную власть въ лицѣ владѣтельного князя съ подчиненіемъ послѣдней первой.

Совершенно другой характеръ носятъ политические трактаты соотечественника Данте *Никколо Макіавелли* (1469—1527), жившаго два вѣка спустя и бывшаго государственнымъ секретаремъ флорентійской республики. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ проводитъ принципъ книжескаго верховенства и притомъ съ послѣдовательностью, вызывавшей въ послѣдующія времена и удивленіе, и возмущеніе. Для насъ особенный интересъ представляютъ его сочиненія *«Discorsi sopra la prima decade di Tito Livio»* (Разсужденія о первомъ десятикнижіи Тита Ливія) и *«Il Principe»* (О государѣ). Оба сочиненія написаны почти одновременно (около 1516 г.). Второе сочиненіе представляетъ собою не что иное, какъ экстрактъ первого. Въ введеніи мы уже касались историческихъ взглядовъ Макіавелли; исторический методъ, вытекающій изъ нихъ, лучше всего можетъ быть выраженъ его же словами (начало 43-ей главы 3-ей книги «Разсужденій»): «Умные люди имѣли обыкновеніе говорить и отчасти не безъ основанія, что желающій знать, что будетъ, долженъ знать, что было: все въ мірѣ обладаетъ чрезвычайнымъ сходствомъ съ прошлымъ. Это происходитъ оттого, что все дѣлаются людьми, которые обладали и обладаютъ одинаковыми страстями, поэтому и результаты ихъ дѣятельности должны быть одинаковы»²⁾. Это поможетъ намъ «узнать средства, которыя примѣнялись стариками, и если уже ихъ нельзя будетъ теперь примѣнять, найти новыя, опираясь на сходство событий»³⁾. Съ одушевленіемъ обращается Ма-

¹⁾ Дѣло согласно одному изъ комментаріевъ къ саксонскому зерцалу обстояло слѣд. обр. „Духовный мечъ былъ переданъ Петру, имъ владѣть папа. Свѣтскій, переданный Иоанну, находится во власти императора“. См. Sachsen-spiegel въ изданіи Reclam's Universal-Bibliothek, стр. 171.

²⁾ Нѣмецкій переводъ W. Grützmacher'a, Berlin 1871, 254 стр.

³⁾ Тамъ же, стр. 79.

кіавелли къ древнему Риму временъ республики и имперіи. Тамъ онъ видить осуществление своего политического идеала, находить государственный строй, зиждущійся на политической энергіи (*virtus*) и свободный отъ религіозныхъ вліяній, стремящихся ослабить силы свѣтской власти. Государь, по мнѣнію Макіавелли, свободный отъ всякихъ моральныхъ и религіозныхъ сомнѣній, долженъ преслѣдоватъ исключительно политические цѣли; на религію и мораль онъ смотритъ, какъ на средство осуществленія своихъ политическихъ задачъ; если онѣ безсилы укрѣпить его власть, онъ ихъ игнорируетъ. Сломить могущество германскихъ варваровъ въ Италии, т.-е. императорской власти, и объединить ее подъ властью національного владѣтельного князя— вотъ къ чему сводится практическая задача настоящаго момента. Осуществленіе этой задачи онъ считаетъ миссіей рода Медичей, хотя послѣдніе, при паденіи республики, лишили его должности. Своего «Государя», посвященнаго Лоренцо Медичи, онъ кончаетъ слѣдующимъ образомъ: «Пусть вашъ сіятельный домъ приметъ это посланіе съ мужествомъ и надеждой, съ которыми принимаютъ справедливыя задачи, и пусть оправдаются пророческіе слова Петrarки: «Если противъ неистовства вооружится добродѣтель, скоро тогда конецъ борьбы, ибо въ итальянской добродѣти тѣ же старыя неукротимыя силы».

Самъ Макіавелли питалъ, очевидно, надежду принять участіе въ осуществленіи этой задачи. Но онъ ошибся. Ни самый планъ, ни защитникъ его—не пользовались довѣріемъ въ глазахъ Лоренцо Медичи. Только въ 19 столѣтіи осуществился планъ ученаго флорентійца.

Мы видимъ такимъ образомъ, что Макіавелли является въ литературѣ представителемъ совершенно новой теоріи государства, сущность которой можно лучше всего опредѣлить, сказавъ, что она является полной противоположностью теоріи Данте¹⁾.

Сочиненія Макіавелли не носятъ теоретического характера; честь же построенія теоріи княжескаго верховенства въ собственномъ смыслѣ принадлежитъ французу Іоанну Бодену (*Bodinus*, 1530—1597), бывшему парижскому адвокату и другомъ короля Генриха III²⁾. По своему историко-философскому методу и основнымъ воззрѣніямъ Боденъ приближается къ Макіавелли, отъ которого его отличаетъ то, что онъ влагаетъ менѣе радикальный смыслъ въ понятіе власти владѣтельныхъ князей.

Сущность своего метода онъ излагаетъ въ сочиненіи *«Metodus ad facilem historiarum cognitionem»* (1566), а свою теорію государства въ сочиненіи *«De la Republique»* (1576—1586). Центральнымъ пунктомъ

¹⁾ Ср. Karl Knies, Machiavelli als volkswirtschaftlicher Schriftsteller, Zeitschrift f. d. gesamte Staatswissenschaft, 1852.

²⁾ Ср. „J. Bodin et son temps. Tableau des th ories politiques et des id es  conomiques au seizi me si cle“ par Henri Baudrillart, Paris 1853.

его теорії является понятіе *суверенитета* (*souveraineté*)—выраженіе, впервые имъ введенное въ ученіе о государствѣ. Понятіе это означаетъ приблизительно то же самое, что и «*superioritas territorialis*» Золотой Буллы. Въ латинскомъ текстѣ онъ самъ не употребляетъ этого термина, но вмѣсто него—«*summa potestas*» и «*summum imperium*». Королевство или легитимную монархію онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ (II, 3): «Подданные подчиняются законамъ своего государя, а государь подчиняется естественнымъ законамъ». Но абсолютная власть государя вовсе не является совершенно неограниченной. Боденъ допускаетъ сословное представительство съ правомъ совѣщательного голоса въ законодательной сфере. Это сословія, известныя среднимъ вѣкамъ: 1) духовенство, 2) наследственное и служилое дворянство, и 3) бургерство и ремесленное сословіе. Особаго четвертаго сословія онъ не отличаетъ. По тогдашимъ взглядамъ, оно получало свое представительство въ третьемъ же сословіи. Надъ всѣми классами, въ роли посредника между Богомъ и народомъ стоитъ суверенный король.

Послѣдній, какъ и «*princeps*» древняго Рима ставится выше даже духовенства. Это воззрѣніе могло дать поводъ къ обвиненію Бодена въ сочувствіи къ протестантизму; по крайней мѣрѣ, онъ только съ трудомъ избѣгъ ужасовъ Варфоломеевской ночи. Конституція того или другого государства, по мнѣнію Бодена, обусловливается не только определенной цѣлью, которую ставить себѣ государственное цѣлое, но зависитъ и отъ климатическихъ свойствъ определенной территории. Южныя страны обнаруживаютъ склонность къ самоуглубленію и религіознымъ эмоціямъ; наиболѣе подходящей для нихъ формой правленія является теократія. При умеренномъ климатѣ успешно развиваются право и торговля. Жители сѣвера обнаруживаютъ воинственные наклонности и доводятъ до совершенства ремесла. Поскольку каждая страна производить свой специфическій продуктъ, естественно возникаетъ обмѣнъ. Торговля же должна быть свободна отъ всякихъ стѣсненій. Впрочемъ, можно налагать пошлины на предметы ввоза и вывоза. Да же, слѣдуетъ заботиться о нормальности денежнаго обращенія, именно, о полномъ равенствѣ между нарицательной и реальной стоимостью монеты. Вотъ въ общихъ чертахъ теорія Бодена; необходимо добавить, что у него не такъ ясно выступаетъ национальный характеръ государства, какъ у Макіавелли. Характерно, что въ нѣмецкомъ государствѣ, по Бодену, суверенитетъ осуществляется не императоромъ, а отдѣльными князьями.

Боденъ тоже любить обращаться къ порядкамъ классической древности и противополагать ихъ феодальнымъ, хотя и не въ такой степени, какъ Макіавелли. Сочиненія обоихъ авторовъ представляютъ собой продуктъ могучаго движения, известнаго подъ именемъ возрожденія, которое начинается довольно рано въ средніе вѣка съ постеп-

пенної рецепції римського права і переходить затѣмъ на другія сторони общественной жизни. Это происходило не безъ упорной борьбы съ каноническими воззрѣніями. Сначала, впрочемъ, *corpus juris civilis* Юстиніана и *corpus juris canonici* Граціана, повидимому, мирно уживались рядомъ. Однако, между ними было слишкомъ рѣзкое принципіальное различіе, чтобы не повести къ соревнованію и борьбѣ, успѣхъ въ которой сначала выпалъ на долю канонического права. «Уже въ 1219 г., — такъ резюмируетъ соответствующіе факты Max Neumann въ своей «Geschichte des Wuchers in Deutschland»¹⁾), — папа Гонорій III запретилъ духовенству изученіе римского права. Въ Парижской Высшей школѣ, наиболѣе посвящаемой именно немцами, была запрещена въ 1220 г. лекція о римскомъ правѣ, ибо, по словамъ запрещенія, «vel in civitatibus seu aliis locis vicinis» оно распространялось слишкомъ широко. Съ полнымъ основаніемъ могли сослаться на то, что римское право использовано каноническимъ, поскольку это выгодно было церкви. Кто хотѣлъ заниматься изслѣдованіями за этими предѣлами, тотъ возставалъ противъ авторитета церкви. Изъ этихъ соображеній и въ виду канонического характера судебной практики, въ университетахъ Германіи первое время занимались только каноническимъ правомъ. Отдѣльныя, противоположныя вышесказанному, разрѣшенія папы некоторымъ священникамъ или орденамъ изучать римское право только подтверждаютъ вышеупомянутое запрещеніе. Самый текстъ этихъ разрѣшеній вводить одно ограниченіе за другимъ. Факультеты немецкихъ университетовъ состояли большей частью изъ канонистовъ и поэтому часто ихъ называли просто «universitates canonistarum», а юридические факультеты «facultates juris canonici». Изученіемъ римского права занимались постольку, поскольку это казалось необходимымъ для объясненія канонического права. Лишь къ концу 15 ст. вслѣдствіе растущаго всюду значенія римского права — его вліяніе и въ этихъ сферахъ усилилось, и опять возобновилось начавшееся въ Прагѣ въ 1380 г. стремленіе» и т. д.

Растущее вліяніе римского права ярко сказалось въ вопросѣ о *ростовщичествѣ*. Древній Римъ не знаетъ тѣхъ стѣсненій хозяйственного оборота, которыя считались необходимыми въ средніе вѣка. Что касается въ частности вопроса о процентахъ, то въ Римѣ придерживались закона, устанавливавшаго только высшую норму процента, совершенно независимо отъ свойствъ самаго займа, хотя бы это былъ заемъ на потребительныя нужды. Этотъ самый принципъ къ концу средніхъ вѣковъ съ возрастающей силой боролся съ каноническимъ запрещеніемъ процента.

Реформаторы не имѣли строго опредѣленнаго взгляда на этотъ вопросъ. Лютеръ и его приверженцы стояли въ этомъ отношеніи еще

¹⁾ Стр. 467 и сл.

очень близко къ каноническимъ возврѣніямъ, хотя и не безъ иѣкото-
раго колебанія. Въ письмѣ къ Данцигской общинѣ (отъ 5 мая 1525 г.)¹⁾ Лютерь, соглашаясь съ тѣмъ, что взиманіе процентовъ противно Еван-
гелію, пишетъ слѣдующее: «Но Евангеліе—духовный законъ, пользуясь
которымъ нельзя править, но который предоставляетъ каждому посту-
пать по немъ или отступать отъ него. И къ этому не слѣдуетъ
принуждать, какъ и къ вѣрѣ, ибо здѣсь не мечъ, а духъ Бо-
жій долженъ наставлять и управлять. Поэтому необходимо строго
отдѣлять духовную власть Евангелія отъ вѣшней свѣтской и
не смѣшивать одну съ другой... Евангеліе вѣдь учитъ отказу отъ
всѣхъ богатствъ,—но кто меня принуждаетъ и заставляетъ это дѣлать,
тотъ отнимаетъ у меня мое имущество». Если же,—продолжаетъ Лю-
терь,—человѣческий законъ допускаетъ умѣренный процентъ, то нужно
придерживаться этого. Установленный закономъ уровень въ 5%, по
его мнѣнію, нельзѧ считать высокимъ.

Это дало поводъ упрекать его въ непослѣдовательности, такъ какъ,
отрицая ростовщичество вообще, онъ признаетъ его же въ небольшомъ
размѣрѣ. Въ остальномъ Лютерь относится рѣзко отрицательно къ ка-
ноническому праву; это яснѣе всего обнаруживается въ его сочиненіи
«An den christlichen Adel der deutschen Nation» (1520), гдѣ онъ го-
ворить: «Ибо—такъ говорить св. Павель— всякая душа—я думаю и
папа—властямъ да повинуется, ибо не даромъ они мечь носятъ, они
имъ служить Богу». Какъ извѣстно, Лютерь былъ защитникомъ кня-
жеской власти, что видно изъ его позиціи во время крестьянскихъ
войнъ.

Въ наше время много занимались вопросомъ о политико-экономи-
ческихъ возврѣніяхъ реформаторовъ. Цѣнныи матеріалъ можно найти
у Шмидлера²), Вискемана³) и Рошера⁴). Впрочемъ, общіе итоги не
богаты. Оригинальные взгляды высказаны только Кальвиномъ (1509—
1564). Въ своемъ знаменитомъ письмѣ⁵) «De usuris», адресованномъ
его другу Oecolampadius'у, онъ становится на сторону тѣхъ, которые
подобно французскому юристу Molinaeus (Dumoulin) утверждаютъ, что

¹⁾ Переиздано Max'омъ Neumann'омъ въ приложениі къ его „Geschichte des Wuchers in Deutschland“.

²⁾ G. Schmoller, „Zur Geschichte der nationalökonomischen Ansichten in Deutschland während der Reformationsperiode“, Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft, 1860.

³⁾ H. Wiskemann, „Darstellung der in Deutschland zuz Zeit der Reformation herrschenden nationalökonomischen Ansichten“, Leipzig 1861.

⁴⁾ W. Roscher, „Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland“, München 1874, Kap. 3.

⁵⁾ Письмо это приводится по французскому оригиналу, хранящемуся въ
женевскомъ архивѣ, въ собраніи сочиненій Кальвина изд. Baum, Canitz и
Reuss (Braunschweig 1871), а также въ трудѣ E. de Girard „Histoire de l'eco-
nomie sociale“, 1900 г.

совершенно неправильно думать, будто взиманіе процентовъ абсолютно запрещено Евангеліемъ. А что касается старого аргумента, выставленаго Ambrosius'омъ и Chrysanthemus'омъ, «que l'argent n'engendre point l'argent», — то онъ считаетъ его «trop frivole». Какъ можно на этомъ основывать запрещеніе процента, разъ закономъ допускается взиманіе поземельной ренты и квартирной платы и разъ отъ воли владѣльца денегъ зависить свои деньги превратить въ земельные участки или какую-нибудь другую недвижимость. Но, при всемъ томъ, Кальвинъ ни въ коемъ случаѣ не стоитъ за полную свободу процента. Наоборотъ, онъ сторонникъ законодательного установления максимальной нормы процента.

Во взглядахъ Кальвина мы находимъ отголоски мощно развивавшагося въ эпоху реформаціи денежнаго хозяйства, которое безостановочно втягивало въ сферу торговаго обращенія недвижимость, особенно въ городахъ. Въ эпоху чистаго средневѣковья его доводы не нашли бы себѣ поддержки. Теперь впервые капиталъ (денежный) былъ признанъ производственнымъ фондомъ наряду съ землей. Этимъ было положено основаніе новой хозяйственной стадіи.

Изъ всего вышесказанного ясно, насколько недостаточенъ очеркъ развитія городского хозяйства, данный Адамомъ Смитомъ въ III-й книгѣ его «Ізслѣдованія» въ главѣ о «Ростѣ и развитіи городовъ послѣ паденія римской имперіи», хотя, конечно, необходимо считаться съ условіями его времени. Намъ кажется наивностью видѣть причину паденія дворянства въ стремлѣніяхъ окружить себя городской роскошью и отдать все свое могущество и авторитетъ за «дѣтскіе пустыни и бесполезные предметы тщеславія». Существовали болѣе серьезныя причины, которые обусловили собой переходъ къ денежному хозяйству, какъ это, впрочемъ, готовъ признать и А. Смитъ въ другихъ мѣстахъ своего труда. Нельзя не поражаться, что въ своемъ историко-философскомъ обзорѣ государственныхъ системъ, которымъ онъ занимается въ своихъ лекціяхъ о правѣ, Смитъ игнорируетъ этотъ періодъ. Канонического права онъ касается рѣдко. Очевидно, его симпатіи на сторонѣ римского права. Подобно Кэнэ, Смитъ — сторонникъ регулированія процентовъ съ установлениемъ максимальной нормы дозволеннаго. Въ 5-й книгѣ «Ізслѣдованія» онъ, говоря о высшемъ образованіи, распространяется подробно о вредномъ вліяніи сколастики на университетское преподаваніе и на занятія философией.

Онъ говоритъ: «Обычный порядокъ преподаванія философіи въ университетахъ былъ слѣдующій: сперва изучалась логика, затѣмъ слѣдовала онтологія. Въ третьихъ, пневматология, которая обнимала ученіе о сущности человѣческой души и божества; въ четвертыхъ, слѣдовала искаженная система моральной философіи, которая стояла въ тѣсной связи съ пневматологіей, съ ученіемъ о бессмертіи души, вознагражденіемъ и наказаніемъ божественной справедливостью въ бу-

дущей жизни. Краткая, но поверхностная система физики обыкновенно завершала курсъ». Не мало способствовало искажению моральной философии присоединение къ ней казуистики и учения объ аскетизме. «Казуистика и аскетическое моральное учение обыкновенно составляютъ большую часть изучаемой въ школахъ моральной философіи. Благодаря этому наиболѣе важныя отрасли моральной философіи были въ то же время наиболѣе слабо разработаны».

Причину этого Смитъ видитъ въ томъ, что европейскіе университеты первоначально имѣли въ виду главнымъ образомъ образование духовенства. Было бы совершенной неизбѣжностью сохранять прежній порядокъ венцѣ тамъ, гдѣ указанная цѣль не достигалась.

Вопроса о правильномъ расчлененіи моральной философіи онъ касается въ заключительной главѣ своей «Теоріи моральныхъ чувствъ», и считаетъ необходимымъ вернуться къ дѣленію древне-греческой философіи. Онъ заявляетъ: «Поэтому двумя полезными частями моральной философіи являются этика и учение о правѣ: казуистику слѣдуетъ окончательно забраковать». Подъ правовѣдѣніемъ онъ разумѣеть здѣсь, какъ мы знаемъ, науку, включающую въ себя не только ученіе о публичномъ правѣ (политику), но и экономику».

Въ заключеніе этой главы необходимо указать на то, что въ началѣ 19 в. некоторые писатели самымъ неумѣреннымъ и фантастическимъ образомъ идеализировали предреформаціонный періодъ и призывали вернуться къ нему; это такъ называемые политico-экономические романтики. Изъ нихъ укажемъ Карла Людвига фонъ Галлера и Адама Мюллера. Въ противоположность Адаму Смиту, съ которымъ они вообще расходились во всѣхъ пунктахъ, этимъ писателямъ симпатично теологическое направление мысли того времени. Въ глазахъ А. Мюллера средніе вѣка являются «развитіемъ личности Христа»; наше время, думаетъ онъ, ушло отъ этого идеала, «введенное въ заблужденіе золотомъ, древнимъ Римомъ и собственностью»¹). По его мнѣнію, настоящее съ характеризующими его политическими волненіями является переходнымъ состояніемъ—«переходомъ естественной, но безсознательной экономической мудрости отцовъ черезъ опрометчивость дѣтей къ разумному признанію этой мудрости со стороны внуковъ»²).

Аналогичнымъ путемъ идетъ мысль Haller'a въ его сочиненіи «Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie des natürliche-geselligen Zustandes, der Chimäre des künstlichbürgerlichen entgegengesetzt» (1816/25). Нѣть ничего удивительного въ томъ, что люди, стремящіеся вырваться изъ подъ гнета невыносимыхъ для нихъ условій, считаютъ прошлое самымъ счастливымъ временемъ. Пусть это послужить предостереженіемъ для послѣдніихъ критиковъ всякой эпохи.

¹⁾ Adam Müller, Theorie des Geldes, 1816, предисловіе.

²⁾ „Elemente der Staatskunst“, II, стр. 74 и сл.

Глава III. Новое время.

§ 1. Меркантилизмъ или система государственной полиції благо- состоянія.

а. *Введение.* Традиционная классификация учебниковъ политической экономии обычно различаетъ три системы, исторически слѣдующія одна за другой: 1)—систему меркантилизма, 2)—фізіократическую или земельно-дѣльческую систему Кэнэ и 3)—промышленную систему Адама Смита. Эта классификація опирается на «Ізслѣдованіе о богатствѣ народовъ» (Wealth of nations), где она является базисомъ всей системы Смита. Самъ Смитъ задается цѣлью дать синтезъ обѣихъ предшествовавшихъ его учению системъ, заблуждавшихся, по его мнѣнію, въ противоположныхъ крайностяхъ, чтобы такой объективностью построенія воззвысить политическую экономію до степени строгого-научной дисциплины; правда, онъ нигдѣ не высказываетъ вполнѣ определенно своего напіренія, но его легко можно прочесть между строкъ. Всякое схематизированіе нѣсколько искажаетъ истину, то же случилось и со схемой Смита. Такъ, его воззрѣнія на первую систему совершенно ложны. Согласно справедливому замѣчанію Фридриха Листа, такъ называемая система меркантилизма съ большимъ правомъ можетъ быть названа промышленной системой, чѣмъ система самого Смита. Для послѣдней, въ особенности въ той ея формѣ, которую она приняла у послѣдователей Смита, болѣе подходящимъ можно считать терминъ — торговая система. Но это замѣчаніе Листа въ свою очередь не вполнѣ справедливо по отношенію къ Смиту. Провѣрка терминологии также была бы очень желательна. Но—пока что—приходится придерживаться принятыхъ названий.

Такъ называемая система меркантилизма возникла въ позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ. Она опиралась на городское бургическое сословіе съ одной стороны и на владѣтельныхъ князей—съ другой, и первоначально въ большей мѣрѣ на послѣднихъ, чѣмъ на горожанъ. На союзѣ, третьяго сословія, достигшаго господства въ городахъ, съ князьями, вышедшими изъ сферы высшаго дворянства, строится все зданіе соціального и государственного порядка нового времени. Первоначально главенство принадлежитъ владѣтельнымъ князьямъ, а впослѣдствіи третье сословіе эмансируется отъ ихъ опеки и, въ свою очередь, занимаетъ господствующее положеніе.

Термины: «système mercantile», «système commercial» стали употребляться сравнительно поздно противниками меркантилизма—фізіократами¹⁾; у фізіократовъ ихъ заимствовалъ впослѣдствіи Ад. Смитъ.

¹⁾ Смотри мою статью „Quesnay“ въ Handw. d. Staatsw., 2 изд. V т., примѣчаніе.

Литература того времени рассматривала предметъ, какъ «science de police»—науку, распадавшуюся на два отдѣла: полицію безопасности и полицію благосостоянія. Правильнѣй всего называть эту систему, по существу остающуюся эмпирической, несмотря на появление богатой литературы, системой государственной политики благосостоянія («System der landesfuerstlichen Wohlstandspolizei»). Теперь во Франціи въ ходу другіе термины—«système protecteur» и «système réglementaire», но они имѣютъ въ сущности тотъ же смыслъ.

Какъ извѣстно, періодъ господства меркантилизма Шмollerъ и Бюхеръ считаютъ началомъ эпохи «народного хозяйства» именно потому, что только съ этого времени можно говорить о государствѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова; Шмollerъ выражаетъ этотъ взглядъ въ слѣдующихъ словахъ: «по своему существу меркантилизмъ былъ ничѣмъ инымъ какъ *sозиданіемъ государства*,—однако не только этимъ; онъ былъ въ одно время созиданіемъ и государства и народного хозяйства»¹). Ту же мысль высказываетъ Бюхеръ въ своемъ знаменитомъ тезисѣ: «Глубокое изученіе, объективно относящееся къ условіямъ жизни прошедшаго и не измѣряющее явленій прошлаго современнымъ масштабомъ, должно притти къ тому заключенію, что *народное хозяйство* есть продуктъ тысячелѣтняго развитія, который во всякомъ случаѣ не древнѣе современнаго государства; что до его возникновенія человѣчество на протяженіи долгихъ періодовъ не знало мѣнового хозяйства или пользовалось такими формами обмѣна продуктовъ и услугъ, которыя не заслуживаютъ названія народно-хозяйственныхъ»²). Воззрѣнія Шмollera отличаются отъ взглядовъ Бюхера только тѣмъ, что онъ признаетъ существование дальнѣйшей стадіи экономического развитія—стадіи мірового хозяйства; это звено классификаціи Бюхеръ считаетъ излишнимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, все существенные черты мірового хозяйства заключаются въ понятіи народного хозяйства.

Мы не разъ указывали выше, что не раздѣляемъ этихъ взглядовъ. Уже въ древности существовали какъ національные, такъ и міровые государства. Въ этомъ отношеніи характерно, что территоріальное (*landesfuerstlich*) государство новаго времени созидалось именно по образцу, взятыму изъ исторіи древности. Государственная наука новаго времени объявила территоріального князя прямымъ преемникомъ древне-римскаго *princeps'a*. Наряду съ римскимъ гражданскимъ правомъ эпохи имперіи, новое время стало заимствовать и римское государственное право; это было необходимымъ послѣдствіемъ возрожденія денежнаго

¹⁾ G. Schmoller. „Studien über die wirtschaftliche Politik Friedrichs des Grossen und Preussens überhaupt von 1690—1786, Jahrb. f. Gesetzgebung, т. VIII, стр. 43

²⁾ K. Bücher, „Die Entstehung der Volkswirtschaft“. 3 изд. 1901. Стр. 107. Есть русск. перев.

хозяйства, которое снова создало себѣ соответствующую государственную организацію, какъ это будетъ подробнѣе выяснено ниже. Такимъ образомъ и хозяйственная жизнь того времени находила свой прототипъ въ древности, хотя въ своемъ развитіи она пошла впослѣдствіи дальше своего античнаго образца. А развѣ феодальное помѣстье средневѣковья не было также государствомъ? Конечно, оно отлилось въ совершенно своеобразныя формы, мало похожія на государственные формы античнаго міра или новаго времени, но отъ этого оно не переставало быть государствомъ. Отрицать это, значитъ смыывать сущность предмета съ его временной формой и дѣлать ту ошибку, которую обличаетъ самъ Бюлеръ, т.-е. «мѣрить явленія прошлаго современнымъ масштабомъ», который не можетъ «удовлетворять жизненнымъ условіямъ прошлаго».

Какъ бы то ни было, тогда начиналось новое время и это сознавалось всѣми. Прочь отъ Рима и впередъ на просторъ! — такъ можно охарактеризовать девизъ тогдашняго общества. Здоровая бодрая чувственность смынила духъ средневѣковаго мудрствованія и гедонизмъ вновь властно выдвинулся на первый планъ, выг҃еснивъ принципъ аскетизма. Открытие Америки (1492) и морскаго пути въ Индію (1498) поставило новыя задачи, какъ завоевательнымъ стремленіемъ, такъ и хозяйственной жизни и отвлекало мысль человѣка отъ внутренняго созерцанія къ изученію виѣшиаго міра и его явленій. Новыя философскія системы отг҃есняли устарѣвшую — схоластику и стремились создать для новыхъ интересовъ болѣе прочный базисъ.

Если съ одной стороны въ своемъ труде «Novum Organon» Бэконъ Верулямскій дѣлаетъ попытку создать для молодого естествознанія его собственную опытную, индуктивную логику, французъ Декартъ, съ другой стороны, прилагаетъ къ догматической философіи новый методъ и вмѣсто вѣры ставить сомнѣніе исходнымъ пунктомъ научнаго мышленія; всему духовному и тѣлесному міру онъ противопоставляетъ автономнаго индивида; таковъ только смыслъ его знаменитаго тезиса *cogito ergo sum* (я мыслю, значитъ я существую).

Въ практической жизни общестремленіе впередъ выражается цѣльнымъ рядомъ техническихъ изобрѣтеній, которыя въ свою очередь не остаются безъ вліянія на умственное движение. Безъ изобрѣтенія книгопечатанія, которое дало библію въ руки народу, не была бы возможна реформація. Не даромъ Лютеръ характеризуетъ искусство Гуттенберга, какъ второе искупленіе человѣческаго рода. Такую же роль сыграло и то движение, которое носитъ название возрожденія. Оба теченія соединенными усилиями подорвали могущество первого сословія — духовенства. Подобную же судьбу испытало и мелкое ленное дворянство благодаря примѣненію на войнѣ другого великаго изобрѣтенія этой эпохи — пороха. Огнестрѣльное оружіе дало простому наемному солдату преимущество передъ закованнымъ въ латы и панцырь рыцаремъ; наемное войско,

зависимое отъ территориальныхъ князей, замѣнило прежнюю феодальную милицию. А горожане получили громадное преимущество благодаря другимъ великимъ изобрѣтеніямъ того времени: компасъ и астролябія дали возможность безбоязненно пускаться въ открытое море, не держась вблизи береговъ.

И материальная и духовная силы боролись съ общественнымъ строемъ, унаследованнымъ отъ средневѣковья и вызвали, наконецъ, его паденіе. Княжеская власть и города дружно работали противъ духовенства и землевладѣльческаго дворянства, опираясь на античное публичное и частное право. Въ настоящее время, когда такъ много позднѣйшихъ событий отошло уже въ область исторіи, своеобразно звучитъ заявленіе, которое внесено было въ *cahier* въ 1614 г., во время послѣдняго собранія генеральныхъ штатовъ до великой революціи 1789 г., 3-ымъ сословіемъ (*tiers états*), вступившимъ въ конфликтъ съ двумя высшими—духовенствомъ и дворянствомъ. Въ заявлении этомъ формулированъ самымъ категорическимъ образомъ принципъ абсолютизма; оно гласить: «Мы просимъ Ваше Величество постановить и объявить, въ качествѣ неизмѣнного и общеобязательного основного государственного закона, слѣдующее: Королю принадлежитъ суверенная власть въ его государствѣ. Свою корону онъ получилъ отъ одного Бога и поэтому нѣть никакой власти на землѣ, ни духовной, ни свѣтской, которая имѣла бы права на его государство. Не говоря уже о томъ, что нѣть такой власти, которая могла бы лишить страны священные особы нашихъ королей и освободить подданныхъ отъ присяги на верность имъ, каковъ бы ни былъ предлогъ къ этому»¹⁾.

Всѣмъ известно, что такое единство интересовъ продолжалось далеко не вѣчно. Стать достаточно сильнымъ, чтобы самостоятельно защищать свои интересы, третье сословіе сбросило съ себя опеку королевской власти. Сначала обѣ стороны являлись носителями прогресса. Абсолютизмъ, первоначально полезный народу тѣмъ, что онъ далъ ему одного облеченнаго всей полнотою государственной власти повелителя вместо безчисленнаго множества мелкихъ духовныхъ и свѣтскихъ сувереновъ, впослѣдствіи выродился въ формы невыносимаго произвола и заслужилъ тогда свою гибель въ той же мѣрѣ, какъ нѣкогда онъ заслужилъ свое возвышеніе. Воззрѣнія Бокля, изложенные въ его известной «Исторіи цивилизаций въ Англіи», должны быть признаны совершенно неисторичными и покоюющимися на предвзятыхъ историко-философскихъ предпосылкахъ. Бокль решительно порицааетъ «систему опеки» того времени и безуспѣшно пытается доказать, что ея послѣдствіемъ всегда бывало «оскудѣніе и порабощеніе гenia, а затѣмъ упадокъ науки и, наконецъ, упадокъ всего государства»²⁾.

¹⁾ *Eugen Jäger. Geschichte der sozialen Bewegung und des Sozialismus in Frankreich*, т. I. 1876. 349стр.

²⁾ Т. I. Гл. II.

Одновременно съ этимъ процессомъ происходила и другая перемѣна: носительницей культурнаго движения становилась, другая нація. Эта роль въ средніе вѣка принадлежала Италии и Германіи. Въ новое время она перешла къ западно-европейскимъ странамъ. Въ этихъ государствахъ, находившихся всегда лишь въ слабой связи съ теократической всемирной имперіей, національные королевства достигли высшаго пункта развитія. Ни въ одной странѣ принципъ національного государства не проводился столь сознательно и энергично, какъ во Франціи. И поэтому-то нигдѣ связанныя съ нимъ хозяйственная система—такъ называемый меркантилизмъ или государственная политія благосостоянія—не вылилась въ болѣе характерныя формы чѣмъ здѣсь.

Но при всемъ томъ безусловно ошибочно часто повторявшееся утвержденіе, будто французскій меркантилизмъ, который иногда называютъ также по имени его наиболѣе выдающагося представителя жольбертизмомъ, является типичнымъ для всѣхъ націй. Конечно, всюду проявляются извѣстныя общія возврѣнія. Но, согласно съ высказаннымъ Боденомъ мнѣніемъ, что географическія условія страны имѣютъ рѣшающее влияніе на ея государственное устройство,—и экономическая политика разныхъ націй, образующихъ хозяйственныя единства, складывается различнымъ, въ извѣстномъ смыслѣ даже противоположнымъ образомъ. Мѣсто міровой политики уравненія, свойственной среднимъ вѣкамъ, занимаетъ взаимное соперничество національныхъ государствъ, причемъ каждая часть стремится выиграть на счетъ другой въ материальномъ и политическомъ преобладаніи, двухъ обуславливающихъ другъ друга факторахъ.

Морально - философское оправданіе этого принципа въ литературѣ можно найти въ одномъ изъ Essays Монтеня¹⁾). Впослѣдствіи часто цитировались слѣдующія строки, подъ заголовкомъ «Выгода одного есть вредъ другого»: «Аенининъ Демадъ призналъ достойнымъ наказанія одного изъ своихъ согражданъ, торговавшаго предметами, которые употребляются при похоронахъ, на томъ основаніи, что онъ извлекаетъ прибыль изъ смерти своего ближняго. Этотъ приговоръ кажется мнѣ неосновательнымъ. Никто ничего не пріобрѣтаетъ безъ того, чтобы другой не терпѣлъ при этомъ убытка, и ввиду этого слѣдовало бы всѣ виды промышленности считать наказуемыми. Лавочникъ обогащается не иначе, какъ благодаря расточительности молодыхъ людей, крестьянинъ—не иначе, какъ благодаря вздорожанію хлѣба: архитекторъ—только благодаря разрушению домовъ; суды—благодаря процессамъ и тяжбамъ. Даже почетъ и функции духовенства покоятся на нашей смерти и нашихъ грѣхахъ. Врачъ съ неудовольствіемъ видитъ, когда его друзья здоровы, говоритъ старый греческій комікъ,

¹⁾ „Essays“ de Montaigne 1580/88 г.; двацатый Essay.

тѣмъ болѣе солдать, когда его городъ наслаждается миромъ и т. д. А пусть каждый изъ насъ заглянетъ къ себѣ поглубже въ душу—онъ убѣдится въ томъ, что наши сокровенные желанія большею частью возникаютъ и питаются на счетъ другихъ людей. Основываясь на этомъ, я готовъ думать, что природа и здѣсь не отступаетъ отъ своихъ общихъ законовъ. Вѣдь натуралисты утверждаютъ, что возникновеніе, питаніе и ростъ одного существа совершаются на счетъ гибели и исчезновенія другого».

Эту точку зреінія, которую Монтезъ пытается приложить къ отношеніямъ индивидовъ, Вольтеръ въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ міровоззрѣніемъ современной ему эпохи, въ статьѣ «Patrie» въ своемъ *Dictionnaire philosophique* (1764), переносить на взаимныя отношенія пѣлыхъ націй. Онъ заявляетъ: Очевидно, что одна страна ничего не можетъ выиграть безъ того, чтобы другая ничего не потеряла. (*«Il est clair, qu'un pays ne peut gagner sans qu'un autre perde»*). И онъ выводить отсюда заключеніе, что желать величія своей странѣ значить желать несчастія сосѣдямъ. Мы знаемъ, что такой взглядъ діаметрально противоположенъ воззрѣніямъ средневѣковыхъ канонистовъ.

Изъ этого міровоззрѣнія вытекали два руководящихъ понятія того времени, идеи *политического* и *торгового баланса*: искусство государственного дѣятеля сводилось къ тому, чтобы достичнуть актива въ обоихъ балансахъ и избѣгать пассива. Въ то время какъ активъ въ политическомъ балансѣ, балансѣ власти, устанавливается преимущественно силой оружія, для торгового баланса тотъ же результатъ достигается искусственной конкуренціей съ другими странами въ промышленности и торговлѣ. Послѣдняя задача представляеть для насъ особый интересъ¹⁾.

Торговый балансъ—единственная догма, которую выставила система меркантилизма. Это основное понятіе, которое опредѣляетъ собою всю теорію, и вмѣстѣ съ тѣмъ это центральный вопросъ, которымъ занимается вообще крайне богатая литература этой эпохи. Но не всегда подъ нимъ разумѣются одно и то же, и еще менѣе сумѣла уловить сущность этого понятія позднѣйшая критика. Его то восхваляютъ до небесъ, то осмѣиваютъ, какъ полнѣйшую безмыслицу; оценка этого понятія въ политической экономіи постоянно измѣняется. Какъ известно, противниками теоріи торгового баланса были: Буагильберъ (*Boisguillebert*), Давидъ Юмъ и физіократы; суровый приговоръ надъ ней изрекаетъ и Адамъ Смитъ, хотя, строго судя, его собственные воззрѣнія не такъ далеки отъ него, какъ онъ вѣроятно самъ это думалъ. Ознакомимся теперь же съ этимъ вопросомъ, чтобы исколько

¹⁾ Ср. *Heyking, Zur Geschichte der Handelsbilanztheorie*, Berlin 1880.

выяснить его и найти критерий для оценки относящейся сюда литературы¹⁾.

Коренная ошибка приверженцев теории торгового баланса сводится, по мнению ихъ противниковъ, къ отождествлению денегъ (и вообще благородныхъ металловъ) съ богатствомъ. Этотъ упрекъ повторяется Адамомъ Смитомъ безчисленное число разъ; впервые онъ произносить его не въ своемъ «Wealth of nations» (1776), но уже въ лекціяхъ о правѣ (1763) въ главѣ «Police», т. е. въ то время, когда онъ еще не былъ знакомъ съ физіократами, и, следовательно, не могъ этотъ взглядъ заимствовать у нихъ. Смитъ говоритъ «о нелѣпой мысли, будто богатство заключается въ деньгахъ» (*absurd notion that wealth consists in money*), на основаніи которой торговая политика Англіи покровительствовала тѣмъ отраслямъ вицінной торговли, «въ которыхъ балансъ оплачивается деньгами», (*where the balance is paid in money*)²⁾. Въ «Изслѣдованіи» онъ положилъ этотъ взглядъ въ основу всей критики «меркантилизма»³⁾; этотъ терминъ А. Смита еще не употребляетъ въ лекціяхъ; онъ, следовательно, заимствовалъ его у физіократовъ. Истинное богатство націи заключается, по мнѣнию Смита, не въ деньгахъ, т.-е. въ золотѣ и серебрѣ, а въ тѣхъ полезныхъ предметахъ, которые можно купить на нихъ. Ошибка политики торгового баланса заключалась въ томъ, что она стремилась извлекать изъ вицінной торговли излишekъ денегъ, т.-е. благородныхъ металловъ. И изъ этой ошибки вытекали всѣ правительственные мѣроprіятія, направленные къ искусственному регулированію всего народного хозяйства. «Двойственный смыслъ» слова деньги въ общежитіи дѣйствительно часто приводитъ къ смѣщенію понятій денегъ и богатства. А между тѣмъ, деньги въ сущности «такой же товаръ, какъ и всякий другой», напр. «кухонная утварь»⁴⁾, и не имѣютъ передъ другими товарами никакихъ особыхъ преимуществъ. Только ради удобства обмена они получили еще значеніе мѣрила цѣнности. Но отсюда не вытекаетъ, что изъ денегъ слѣдуетъ создавать какой-то кумиръ, давать имъ предпочтеніе передъ другими товарами, даже отождествлять ихъ съ богатствомъ.

Обращаясь затѣмъ къ литературѣ меркантилизма, Смитъ говоритъ съдѣющее: «Нѣкоторые изъ лучшихъ англійскихъ изслѣдователей торговли исходили изъ того положенія, что богатство страны состоитъ не исключительно изъ золота и серебра, но обнимаетъ собой и ея земли, дома, потребляемыя блага всякаго рода. Но когда они дальше

¹⁾ Замѣтимъ, что *K. J. Bidermann*, авторъ „Ueber den Merkantilismus“ (1870) первый выступилъ противъ неосновательныхъ обвинений, расточаемыхъ по адресу меркантилизма.

²⁾ Lectures стр. 247.

³⁾ Въ книгѣ IV.

⁴⁾ Изслѣдованіе... книга IV гл. I.

стали развивать свои мысли, то получилось впечатление, что земли, дома вмѣстѣ со всѣми потребляемыми благами исчезли изъ ихъ памяти и остались только золото и серебро, возрастаніе количества которыхъ и составляетъ великую цѣль промышленности и торговли народа¹⁾.

Эти слова Адама Смита безусловно не вѣрны. Ниже мы увидимъ, что дѣло находилось какъ разъ въ обратномъ положеніи. Вездѣ, гдѣ меркантилисты говорятъ о денежной прибыли во вѣшней торговлѣ, они имѣютъ въ виду не благородный металль, какъ таковой — онъ является для нихъ лишь носителемъ цѣнности, а то, что на него можно купить. Они стремятся приобрѣсти имущество, капиталъ, а не валюту саму по себѣ. Въ то время знали такъ же хорошо, какъ и теперь, что она является только орудіемъ обмѣна. Полагать, что цѣлая цвѣтущая эпоха культуры могла быть построена на заблужденіи, подобномъ безумной идеи Мидаса, на предположеніи, которое Дж. Ст. Милль сравниваетъ съ одной изъ «нескладныхъ фантазій дѣтства, мгновенно разрушаемыхъ однимъ словомъ взрослого человѣка»²⁾ значитъ обнаружить малое пониманіе историческихъ явлений. А вѣдь вообще Адамъ Смитъ обладалъ тонкимъ историческимъ чутьемъ.

Больше внимательный наблюдатель безъ труда замѣтилъ, что въ ошибку впадаютъ не меркантилисты, а ихъ критики. Не меркантилисты, а критики оперируютъ съ ложнымъ понятіемъ денегъ.

Совершенно неправильно утвержденіе, будто деньги — такой же товаръ, какъ и всякий другой. Какъ мы видѣли, уже канонисты не отожествляютъ денегъ съ продуктами потребленія, а, напротивъ того, противополагаютъ первыя послѣднимъ. Деньги въ качествѣ валюты признавались общественнымъ институтомъ. Частныя лица не имѣли права изготавливать монету, какъ это они дѣлали по отношеніи къ продуктамъ потребленія. Существовала также специальная регламентация торговли иностранными монетами и слитками благороднаго металла — международной валютой. Вмѣшательство властей должно было создать возможно болѣе устойчивое мѣрило цѣнности. Устанавливался принудительный денежный курсъ (*valor impositus*); товаръ, который самъ колебался въ цѣнѣ, не могъ бы служить мѣриломъ цѣнности другихъ предметовъ.

Ошибочная сторона этихъ воззрѣній заключалась въ томъ, что они признавали за деньгами только одно ихъ значеніе — значеніе валюты. Но деньги имѣютъ еще и другое значеніе, которое знаетъ уже римское право, утверждающее, что «*pecuniae nomine non solum numerata pecunia, sed omnes res, tam soli quam mobiles et tam corpora quam jura continentur*». Этого свойства денегъ канонисты упорно не хотѣли призна-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Дж. Ст. Милль, Основы политической экономіи, Спб. 1865, стр. 7.

вать, и потребовались цѣлые столѣтія борьбы въ области теоріи и практики, чтобы эта вторая функция денегъ получила признаніе. Меркантилизмъ новаго времени въ значительной мѣрѣ опирается именно на пониманіе этого второго значенія денегъ. Для меркантилистовъ деньги являются не только валютой, но въ гораздо большей степени представителемъ состоянія, именно капитала. Уже тотъ фактъ, что меркантилисты обозначали деньги терминомъ «знакъ» (*signe, gage и т. п.*) показываетъ, какъ мало имѣли они въ виду металлическую цѣнность денегъ, какъ таковую.

Если канонисты постоянно протестовали противъ взгляда на деньги, какъ на богатство, признавая за ними только роль мѣрила его, то это логически вытекало изъ ихъ основной точки зреінія. Но въ устахъ Адама Смита и физіократовъ, которые стоятъ на точкѣ зреінія капиталистического хозяйства, такой упрекъ уже не вполнѣ простителенъ. Но Смитъ и физіократы сдѣлали еще и другую ошибку: они отрицали публичный характеръ денегъ—валюты и приписывали деньгамъ только частный товарный характеръ и такимъ образомъ до извѣстной степени вообще изгнали понятіе денегъ изъ народнаго хозяйства. Не даромъ физіократы настаивали на необходимости отвлечься отъ понятія денегъ для лучшаго пониманія сущности обмѣна. Это было возвратъ къ натуральному хозяйству, къ древнѣйшему періоду канонистовъ.

Впрочемъ, ни Смитъ, ни физіократы не оставались послѣдовательными. Они не могли совершенно освободиться отъ вліянія дѣйствительности и у нихъ можно найти много оговорокъ, указывающихъ на различіе между деньгами и другими товарами. Такъ напр. Смитъ заканчиваетъ свои разсужденія о деньгахъ слѣдующими словами: «но деньги—товаръ, относительно котораго каждый человѣкъ является купцомъ; всѣ покупаютъ ихъ только для того, чтобы ихъ перепродать, и для нихъ нѣть, собственно говоря, послѣдняго покупателя или потребителя»¹⁾). Если это положеніе вѣрно, (а его оспаривать никто не станетъ), то этимъ уже признается, что деньги — не такой «товаръ, какъ всякой другой».

Теоретически дѣло сводится къ слѣдующему. При господствѣ чисто натурального хозяйства обращеніе протекаетъ по формулѣ Т—Т (товаръ на товаръ). Въ этомъ случаѣ обмѣниваемые товары приблизительно равнозначны. Купля вмѣстѣ съ тѣмъ является и продажей и, наоборотъ, продажа всегда бываетъ куплей. Обмѣнъ ограничивается только наличными продуктами. Съ появлениемъ денегъ, какъ орудія обмѣна, происходитъ измѣненіе и прежній актъ обмѣна распадается на двѣ части: Т—Д и Д—Т (товаръ на деньги и деньги на товаръ). Здѣсь деньги не играютъ роли самаго эквивалента, онѣ являются только промежуточнымъ звеномъ, времененнымъ представителемъ тѣхъ

¹⁾ Исследованіе... кн. IV гл. 6.
онкенъ. история полит. экон.

предметовъ потребленія, которые на нихъ впослѣдствіи будуть пріобрѣтены. Весь циклъ можетъ считаться оконченнымъ только послѣ вторичнаго обмѣна полученныхъ денегъ на желаемый продуктъ. Второй актъ обмѣна не связанъ ни во времени, ни въ пространствѣ съ первымъ. Онъ можетъ быть совершенъ въ другомъ мѣстѣ и въ другое время и здѣсь не существуетъ гарантіи того, что цѣнность первоначально проданного товара равна будетъ цѣнности товара пріобрѣтенаго. Канонисты стремились сохранить при денежномъ обмѣнѣ то равенство цѣнностей (*aequalitas valoris*), которая имѣла мѣсто при натуральномъ обмѣнѣ, и пришли такимъ путемъ къ извѣстной уже намъ системѣ регулированнаго денежнаго хозяйства. Чисто денежное хозяйство явилось дальнѣйшей ступенью развитія. Въ прежней формулѣ появляются новые промежуточныя звенья, вслѣдствіе чего она принимаетъ слѣдующій видъ. Т—Д, Д—Т, Т—Д, Д—Т. На промежуточныхъ стадіяхъ, которая теперь еще болѣе далеко отстоять другъ отъ друга во времени и въ пространствѣ, товаръ можетъ испытать различные превращенія. Та сумма денегъ, которая была первоначально затрачена на покупки сырыхъ продуктовъ, не равна уже той суммѣ, которая будетъ получена отъ продажи предметовъ потребленія. Она можетъ быть больше или меньше. Этимъ обусловливается прибыль или убытокъ въ торговлѣ. И прибыль или убытокъ принимаютъ большіе размѣры, когда деньги выступаютъ во второмъ своемъ значеніи—капитала, вѣрнѣе представителя имущества или капитала.

Согласно взглядамъ меркантилистовъ, сбытъ товара означаетъ то же, что пріобрѣтеніе денегъ, а сбытъ денегъ то же, что пріобрѣтеніе товара. Если перенести эту точку зрѣнія на обмѣнъ между націями, то вывозъ товаровъ является вмѣстѣ съ тѣмъ ввозомъ денегъ, а вывозъ денегъ—ввозомъ товаровъ. По мнѣнію же физіократовъ и Смита, разъ они отрицаютъ различіе между деньгами и товаромъ, можетъ существовать только обмѣнъ товара на товаръ. Вывозъ денегъ тождественъ съ вывозомъ товаровъ, ввозъ денегъ—съ ввозомъ товаровъ. Допуская возможность прибыли и убытка въ обмѣнѣ, иначе говоря, состоянія *activa* и *passiva* въ торговомъ балансѣ, меркантилисты избѣгаютъ послѣдняго; наоборотъ, Смитъ и физіократы, исходя изъ того взгляда, что въ международной торговлѣ происходитъ уравненіе обмѣниваемыхъ цѣнностей, объявляютъ излишнимъ всякое вмѣшательство правительства въ эту область, имѣющее цѣлью предотвратить пассивъ въ балансѣ, считая подобное вмѣшательство даже вреднымъ, въ виду вызываемыхъ имъ стѣсненій.

Если меркантилисты добивались прибыли въ международныхъ сношеніяхъ, то это, по мнѣнію критиковъ, происходило изъ смыщенія денегъ съ богатствомъ. На самомъ же дѣлѣ меркантилисты были совершенно правы. Ихъ интересовало не золото и не серебро само по себѣ, а представляемый ими капиталъ. А никто, конечно, не

станетъ сомнѣваться въ томъ, что этотъ капиталъ является богатствомъ.

Меркантилисты не желали вовсе сохранять полученную въ международной торговлѣ прибыль, какъ мертвый кладъ; они совѣтовали примѣнять ее продуктивно внутри страны въ качествѣ капитала и тѣмъ давать работу трудящемуся населенію. Многіе называютъ поэтому торговыи балансъ балансомъ занятій, балансомъ труда.

Вѣдь никто съ большей настойчивостью, чѣмъ Адамъ Смитъ, не поддерживалъ положенія, что размѣръ внутренней промышленности зависитъ отъ размѣра національнаго капитала. Казалось бы, именно онъ долженъ былъ определить значеніе роста національнаго капитала благодаря проявленію внѣшней торговли и вытекающей изъ нея прибыли. Но ложное представление о деньгахъ помѣшало ему, какъ и физіократамъ, понять идею торговаго баланса.

Обстоятельствомъ, извiniюющимъ нѣсколько ошибку Смита и физіократовъ, является то, что учение о торговомъ балансе теоретически никогда не было ясно развито писателями меркантилизма. Понятіе торговаго баланса всегда принимается за нѣчто, не требующее болѣе глубокаго обоснованія. Въ этомъ лежитъ причина, почему меркантилизмъ, несмотря на свою необыкновенно богатую литературу, не можетъ быть признанъ собственно теоретической системой. Его представители разрабатываютъ исключительно практическіе вопросы торговой и экономической политики. Теоріи еще не существуетъ. Меркантилизмъ является практической, а не теоретической или научной системой политической экономіи.

Хотя система меркантилизма и примыкаетъ къ древне-римскому понятію денегъ и капитала, но послѣднее все же не вполнѣ покрываетъ соотвѣтствующее понятіе меркантилистовъ. Римское право знаетъ только одну форму денежнаго капитала — именно ростовщической капиталъ. Ему чуждо понятіе о капиталѣ, какъ о производительномъ фонде, рентномъ фонде. Мануфактуры еще не существовало. Она возникла только какъ результатъ эпохи изобрѣтеній, которая въ свою очередь была продуктомъ эпохи открытій. Рынки росли и требовали новой организаціи производства. На смѣну ремеслу является развивающаяся на основѣ домашняго производства мануфактура съ предпринимателемъ съ одной стороны, и постояннымъ рабочимъ классомъ съ другой. На историческую сцену выступаетъ пролетаріатъ. Эту-то мануфактуру и взяли подъ свое особое покровительство территоріальные владѣтели, и она стала отгѣснить мѣстное ремесло. «Королевская мануфактура» или «das landesbefugte Gewerbe» имѣла право сбыта во всей странѣ; ремесло могло работать только на мѣстный рынокъ. Постепенно образуются территоріальные хозяйственныя единицы, съ внѣшней стороны ограниченныя таможнями и постепенно разростающіяся національныя хозяйственныя единицы. Мануфактура должна была имѣть не только

внутренне, но и внешние рынки, чтобы содействовать росту могущества государства. Весь богатство является въ то же время и силой, и благоприятный торговый балансъ долженъ поддерживать политический балансъ. Государственная политика и народное хозяйство преслѣдуютъ одинъ и тѣ же цѣли. Развитіе мануфактуры является прежде всего политической задачей, и оно должно опредѣляться планами правительства. Народное хозяйство не есть сама цѣль. Въ этомъ положеніи выражены основной принципъ меркантилизма или вѣриже государственной поліції благосостоянія.

Политическая же цѣли отдельныхъ государствъ разнообразны и зависятъ отъ ихъ территорialного положенія и ихъ природы. Поэтому мы и находимъ въ каждой странѣ своеобразную экономическую политику. И въ виду этого, чтобы исчерпывающимъ образомъ изучить и понять систему меркантилизма, ни въ коемъ случаѣ нельзя ограничиваться изученiemъ ея въ одной странѣ и дѣлать затѣмъ общіе выводы. Наоборотъ, мы должны разсмотрѣть экономическую политику каждой культурной страны. Только такимъ путемъ можно составить себѣ ясное представление объ этой системѣ, которая такъ часто понималась совершенно превратно; и тогда можно будетъ понять ея тенденціи и найти въ нихъ много относительно вѣрного.

Во Франціи, какъ известно, королевскій абсолютизмъ достигъ наибольшаго развитія. Поэтому и связанная съ нимъ хозяйственная система нашла здѣсь свое наиболѣе яркое выраженіе со всѣми своими положительными и отрицательными сторонами. Апогея своего развитія французскій меркантилизмъ достигъ при Людовикѣ XIV и его министрѣ Кольберѣ, по имени котораго эту систему и стали называть кольбертизмомъ¹⁾). Именно во Франціи поднялась и наиболѣе энергичная реакція противъ меркантилизма, и эта реакція привела къ образованію новой экономической системы—первой системы, имѣющей право претендовать на истинно научное значеніе. Все это заставляетъ начать разсмотрѣніе меркантилизма съ Франціи. Нужно при этомъ помнить, что здѣсь система носить еще преимущественно эмпирический характеръ и положенія ея придется выводить главнымъ образомъ изъ историческихъ фактовъ, а не искать ихъ въ книгахъ. Центръ тяжести изложенія будетъ поэтому лежать въ области фактовъ.

b. Франція и кольбертизмъ.—Экономическая история Франціи, какъ въ области теоріи, такъ и въ сферѣ практическихъ мѣропріятій, постоянно колеблется между одностороннимъ покровительствованіемъ то города, то деревни. Вместо того, чтобы поощрять, какъ въ Англіи, и сельское хозяйство и промышленность, во Франціи, кажется, съ самаго

¹⁾ Впервые этотъ терминъ былъ употребленъ итальянцемъ Ф. Менготти („Il Colbertismo“ 1792). Авторъ ошибочно понимаетъ подъ кольбертизмомъ меркантильную систему вообще. Этимъ именемъ можно обозначить только французскій меркантилизмъ, да и то съ нѣкоторыми ограниченіями.

начала думали, что покровительство одной отрасли народного хозяйства может совершаться не иначе, какъ на счетъ другой. Такимъ образомъ, только во Франціи существовали известныя предпосылки для такого раздвоенія, которое исторически выражалось въ образованіи двухъ диаметрально противоположныхъ другъ другу экономическихъ системъ: меркантилизма, съ одной стороны, и системы физіократовъ или земледѣльческой системы—съ другой. Въ средніе вѣка здѣсь, какъ и вездѣ, главное значеніе признавалось за интересами деревни. Въ началѣ новаго времени направлѣніе экономической политики совершенно менѣется и династія Валуа стремится положить развитіе городовъ въ основу своего собственнаго могущества. Францискъ I, соперничавшій съ Карломъ V изъ-за императорской короны,—которой ему всетаки не удалось получить,—стремится другими путями достигнуть преобладанія Франціи въ Европѣ. Начинаютъ думать, что политическая сила создается не только успѣхами оружія, но и мирнымъ преуспѣяніемъ промышленной и торговой жизни. Нужно, чтобы французская промышленность, постепенно совершенствуясь, овладѣвала рынками, вытѣсняющими произведенія другихъ странъ, чтобы она завладѣвала ихъ капиталами, и такимъ образомъ экономическими побѣдами подготовила почву для политического преобладанія Франціи. Эта программа сохранилась во Франціи и до нашего времени.

Францискъ I энергично взялся за дѣло. Для руководства промышленнымъ и художественнымъ воспитаніемъ французского народа былъ вызванъ въ 1516 году Леонардо да Винчи, величайший итальянскій художникъ. Да Винчи привлекъ другихъ выдающихся художниковъ и мастеровъ Италии, напр.: ювелира Бенвенуто Челлини, художника-горшечника Джироламо Делла Роббіа, художника-рѣзчика на деревѣ—Гуго да Капри, живописца—Андреа дель Сарто. Къ нимъ присоединились французы: живописецъ на эмали—Léonard Limousin, художественно вышивавшій ковры Salomon de Herbaines и др. Въ Фонтенебло была основана своего рода академія, гдѣ находились мастерскія всѣхъ художниковъ и гдѣ они обучали любознательныхъ членовъ средняго сословія новымъ отраслямъ художественной промышленности. Послѣдовавшее затѣмъ оживленіе строительной дѣятельности создало для нихъ возможность приложить свои таланты. Хотя Леонардо да Винчи¹⁾ и умеръ черезъ три года (1519), но брошенныя съмена попали на благодарную почву и промышленность стала развиваться.

Внѣшняя торговая политика Франциска I была не менѣе удачна. По знаменитому торговому договору съ Солиманомъ II (1535 г.) вся европейская торговля съ Турцией должна была совершаться подъ французскимъ флагомъ. Это тотъ самый торговый договоръ, который

¹⁾ См. A. von Dumreicher. „Über den französischen Nationalwohlstand, als Werk der Erziehung“. Wien 1879. гл. 2.

косвеннымъ путемъ повліялъ на возникновеніе формулы «наибольшаго благопріятствованія»; это произошло такимъ образомъ, что другія націи постепенно добивались равноправія съ французами, т.-е. съ «nation la plus favorisée»; эта формула вошла впослѣдствіи и въ западно-европейскіе торговыя договоры¹⁾). Слѣдующіе короли изъ дома Валуа шли по стопамъ Франциска I. Послѣдствіемъ этой сознательной политики было то, что въ 1577 г. торговля, а въ 1585—мануфактура (при Людовикѣ XII) были объявлены «droit domanial». Это давало возможность болѣе успѣшно имъ покровительствовать.

Извѣстный поворотъ въ сторону охраны интересовъ деревни замѣчается съ переходомъ короны къ династіи Бурбоновъ. Приписанное Генриху IV выражение: «каждый крестьянинъ долженъ имѣть по воскресеньямъ въ своемъ супѣ курицу»—было дополнено словами его ministra Сюлли: «Земледѣліе и скотоводство являются для государства двумя сосцами, они вполнѣ замѣняютъ рудники Перу». Поэтому-то физіократы считали ministra Сюлли своимъ предшественникомъ, что, впрочемъ, имѣеть мало основаній. Полагая, что народному хозяйству можно помочь только заботливой государственной опекой, Сюлли разсуждалъ, какъ самый строгій протекціонистъ. Только предубѣжденіе неприхотливаго и бережливаго ministra противъ отраслей промышленности, изготавлившихъ предметы роскоши для двора, сближало его съ физіократами. Но по этому вопросу Генрихъ IV расходился съ нимъ. Король склонялся здѣсь болѣе къ мнѣніямъ генеральнаго контролера мануфактуръ Barthélemy de Laffemas (основателя шелковой промышленности во Франціи), а также и автора «Théâtre de l'Agriculture» (1600)—Oliver de Serres²⁾), который тоже расходился по этому вопросу съ Сюлли.

При Ришелье, могущественному министру Людовика XIII, симпатіи экономической политики Франціи снова склоняются къ городу и его интересамъ. Политика покровительства мануфактуры дополнялась заботой правительства о томъ, чтобы найти для нея заграничные рынки, и грандіозной колоніальной политикой. Кольберъ съ такимъ одушевленіемъ продолжалъ вести политику своего предшественника, что даже вызвалъ ироническое замѣчаніе короля: «Voilà Colbert qui va nous dire: Sire ce grand cardinal Rischelieu» etc³⁾). Мы подошли такимъ образомъ къ человѣку, который долженъ былъ осуществить то, о чёмъ мечталъ еще Францискъ I: упрочить на цѣлые вѣка экономическое и политическое преобладаніе Франціи. Система Кольбера носить чисто эмпиріческий характеръ, вся она содержится въ его администра-

¹⁾ См. мою статью „Handelsverträge“ въ Handwörterbuch d. Staatsw. Bd. IV.

²⁾ См. Gustave Fagniez „L'Economie sociale de la France sous Henri IV (1589—1610), Paris 1897 и мою рецензію этой книги въ „Deutsche Litteraturzeitung“ 1897—сентябрь.

³⁾ Dumreicher a. a. O. S. 45.

тивныхъ мѣропріятіяхъ, въ его предписаніяхъ и регламентахъ. Понять ее мы можемъ поэтому, только подойдя ближе къ личности самого Кольбера и ознакомившись съ его практической дѣятельностью¹⁾.

Jean Baptiste Colbert происходилъ изъ средняго сословія. Онъ родился въ 1619 г. въ Реймсѣ. Отецъ его былъ фабрикантомъ суконъ; дѣла егошли неудачно. Сына онъ первоначально готовилъ къ торговой профессіи. Изучивъ банковое дѣло, Кольберъ по протекціи своего дяди (съ материнской стороны) поступилъ на службу къ Мазарини; министръ скоро обратилъ внимание на его честность и рѣдкія административныя способности и до того привязался къ нему, что сказалъ королю на смертномъ одрѣ: «Ваше Величество! я обязанъ Вамъ всѣмъ, но, думается мнѣ, я до извѣстной степени уплачиваю свой долгъ Вашему Величеству, такъ какъ оставляю Вамъ Кольбера».

Когда Людовикъ XIV со смертью Мазарини взялъ въ свои руки бразды правленія, государственное управление Франціи находилось въ печальномъ состояніи. Смуты фронды привели къ полному разстройству финансъ, а между тѣмъ общество переживало периодъ смѣшнаго натурального средневѣковаго строя денежнымъ хозяйствомъ новаго времени. И надо отдать справедливость Людовику XIV, у него не оказалось недостатка ни въ гениальномъ пониманіи момента, ни въ необходимой энергіи. Онъ пользовался тремя лицами, какъ главными помощниками (министровъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, его властная натура не терпѣла). Это были Lionne въ дипломатіи, Le Tellier (впослѣдствіи его сынъ Лувуа) въ военномъ дѣлѣ и Кольберъ въ внутреннемъ управлѣніи и финансахъ.

Самой неотложной потребностью было упорядоченіе государственного управления. Эта работа всецѣло выпала на долю Кольбера. Если Ришелье видѣлъ въ государственныхъ финансахъ Архимедову точку опоры, то это положеніе еще болѣе можно считать девизомъ всей реформационной дѣятельности Кольбера. Онъ весь отдался ей, безпощадно искореняя злоупотребленія, выработавшіяся въ пѣну систему. Обыкновенно упрекаютъ Кольбера въ томъ, что его мѣропріятія того времени мало чѣмъ отличались отъ объявленія банкротства государства. Это—такъ. Но слѣдуетъ прибавить въ его оправданіе, что когда государство фактически сдѣжалось несостоятельнымъ, то кто-нибудь долженъ имѣть мужество объявить объ этомъ. Трусливо замалчивать истинное положеніе вещей здѣсь безполезно и даже вредно, такъ какъ рано или поздно оно должно будетъ неизбѣжно обнаружиться и легко можетъ привести къ катострофѣ. Если бы 100 лѣтъ спустя Людовикъ XVI при своемъ восшествіи на престолъ послѣдовалъ примѣру своихъ пред-

¹⁾ Дальнѣйшее изложеніе основано на слѣд. источникахъ: *Pierre Clément Lettres, instructions et m moires de Colbert* (7 vols., 1861—73); *его же, Histoire de la vie et de l'administration de Colbert* (1846); *Felix Jonnleau, Etudes sur Colbert* (2 vols., 1856); *Alfred Neymark, Colbert et son temps* (2 vols., 1877).

шественниковъ (такое положение дѣлъ повторялось въ исторіи Франціи не разъ) вмѣсто того, чтобы присоединиться къ тезису Тюрга «Безъ банкротства, какъ явнаго, такъ и тайного», — онъ быть можетъ удержанялся бы на престолѣ и спасъ Францію отъ многихъ бѣдствій. Исторія никогда не прощаетъ неумѣстной гуманности.

Мы не имѣемъ возможности вдаваться въ разсмотрѣніе частностей. Слѣдуетъ коснуться только одного несправедливаго упрека, который нерѣдко дѣлаютъ Кольберу. Въ борьбѣ политическихъ миѣній современности безусловно установленнымъ признается взглядъ, что косвенные налоги необходимо влекутъ за собой чрезмѣрное обремененіе низшихъ классовъ. Основываясь на симпатіяхъ реформатора французскихъ финансовыхъ къ косвенному обложению, нѣкоторые называютъ его угнетателемъ народа. Это—ложное умозаключеніе. Въ наше время, когда вся тяжесть прямыхъ налоговъ падаетъ главнымъ образомъ на имущіе классы, а бѣднѣйшіе слои населенія, благодаря освобожденію очень незначительныхъ имуществъ отъ уплаты прямыхъ налоговъ съ одной стороны, благодаря принципу прогрессивности прямыхъ налоговъ (правда, не повсюду еще проведенному)—стъ другой, ощущаютъ ихъ тяжесть лишь въ очень незначительной мѣрѣ,—въ наше время, дѣйствительно, косвенное обложение предметовъ потребленія первой необходимости примѣняется съ цѣлью привлечь къ участію въ весеніи государственныхъ расходовъ широкіе слои населенія. И въ такихъ случаяхъ бѣдный платить относительно больше, чѣмъ богатый. Иначе обстояло дѣло во времена Кольбера. Прямые налоги, прежде всего такъ называемыя *Taille*—не были возложены, какъ у насъ, на имущіе классы, а платились крестьянами и мелкой буржуазіей, классами, жившими собственнымъ трудомъ. Высшія сословія—духовенство и дворянство пользовались почти полной свободой отъ налоговъ. При подобныхъ условіяхъ, ввести косвенные налоги на предметы роскоши и сократить прямые налоги,—значило облегчить финансовое бремя, падавшее на народъ, и привлечь къ обложению высшіе классы.

Вскорѣ удалось построить финансовую систему на новыхъ основаніяхъ. Государственное хозяйство въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ велось еще натурально-хозяйственнымъ способомъ. Построить его на началахъ купеческаго финансового управления—въ этомъ заключался основной принципъ Кольбера. Доходы возросли постепенно почти вдвое, расходы уменьшились на половину; государственные долги были частично погашены, частично конвертированы; въ финансовомъ управлении появилась точность.

Упорядоченіе государственныхъ финансовыхъ было только первымъ шагомъ. Затѣмъ нужно было въ союзѣ съ третьимъ сословиемъ разрѣшить соціальные, политическіе и народно-хозяйственные задачи, т.-е. положить предѣлы притязаніямъ высшихъ сословій.

Наиболѣе виднымъ противникомъ было первое сословіе — духовен-

ство. Государственная власть требовала низведенія этого сословія, управлявшагося изъ-за границы интернациональнымъ главою—папою, до степени слуги національного королевства. Уже давно придворные юристы французскихъ королей, воспитанные на римскомъ правѣ, выставили положеніе, что имущество всѣхъ французовъ представляетъ полную собственность короля, какъ преемника римскихъ императоровъ, признавъ за нимъ такимъ образомъ право обращать это имущество въ свою собственность. Кольберъ рѣшилъ провести эту норму въ жизнь по отношенію къ духовенству. Завладѣвъ внезапно именемъ короля всѣми церковными имуществами, Кольберъ сталъ распоряжаться ими, какъ государственою собственностью. Король вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣлъ косвеннымъ образомъ право распоряжаться капиталами церкви и замѣщать церковныя должности. Конечно, дѣло не обошлось безъ протеста со стороны папы: этимъ было положено начало долгому такъ наз. спору о регаліяхъ. Но Кольберъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые останавливаются или возвращаются назадъ. Созванное имъ въ 1682 г. за годъ до его смерти, собраніе предатовъ и еписковъ принуждено было вотировать за предложенные ему четыре такъ называемыхъ «галликанскихъ» статьи, которыми санкционировались всѣ правительственные мѣропріятія и папа устраивалася отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія французскія церковныя дѣла. Послѣ опубликованія папой второго протеста, дѣло настолько осложнилось, что предстояло одно изъ двухъ: или отступить или пойти дальше, и подобно Генриху VIII английскому объявить короля главой независимой галликанской церкви. Есть много основаній предполагать, что Кольберъ стремился къ осуществленію послѣдняго рѣшенія. Но его смерть совершенно измѣнила положеніе дѣла. Людовикъ XIV не рѣшился продолжать начатой его министромъ борьбы. Великій моментъ не нашелъ столь же великаго короля.

Другимъ соперникомъ абсолютной власти было дворянство, второе сословіе. Всѣми своими силами оно противилось превращенію короля, который прежде былъ только *primus inter pares*, въ верховнаго абсолютнаго властителя. Дворянство можно было обесилить отнятіемъ у него его общественныхъ функций и передачей ихъ зависимой отъ короля бюрократіи. Обладая денежными средствами, которая дала финансовая реформа, Le Tellier, товарищъ и единомышленникъ Кольбера организовалъ уже безъ труда постоянное войско, набиравшееся изъ среды третьаго сословія. Этой мѣрой былъ нанесенъ ударъ феодальной рыцарской милиціи. Главной задачей Кольбера сдѣлалось теперь вырвать у дворянства и другой источникъ его вліянія — занятіе судебныхъ должностей. Могущественнымъ средствомъ для осуществленія этой цѣли было римское право. Было постановлено, что среди кандидатовъ на судебныя должности преимущество дается лицамъ, изучившимъ римское право. Имя и происхожденіе перестали оказывать рѣшающее

вляніє. А такъ какъ дворянство давно уже придерживалось того воззрѣнія, что «наука и занятія ослабляютъ мужество и усыпляютъ дворянскій духъ», то судейскія должности опять таки были заняты преимущественно представителями третьаго сословія. Новыя правовые нормы естественно вызвали нужду въ новомъ законодательномъ кодексѣ. Осуществленіе этой задачи было поручено специальной комиссіи юристовъ (1615 г.). Спустя два года появился *Code Louis*, предтеча *Code Napoléon*, а затѣмъ быстро послѣдовали *Ordonnance Criminelle* и *Ordonnance de Commerce*; этотъ законодательный сборникъ сдѣлалъ Кольбера основателемъ современного торгового права. Всѣ эти законодательные памятники заняли положеніе рѣзко враждебное феодальному строю. Въ полномъ соотвѣтствіи съ основнымъ положеніемъ римского права съ этого времени признавался только одинъ стоящій надъ закономъ *princeps*, а остальное составляла масса юридически равноправныхъ подданныхъ. Этимъ подготовлялась почва для современной гражданской демократіи, построенной на принципѣ равноправія. И въ чѣмъ бы ни обвинять абсолютизмъ, въ одной заслугѣ ему отказать нельзя: онъ энергично обрушился на остатки феодального режима и сыгралъ роль подготовительной стадіи для развитія современной демократіи.

Въ этихъ сферахъ политика Кольбера направлялась общими тенденціями времени. Эти тенденціи существовали и въ другихъ странахъ, и въ нѣкоторыхъ вопросахъ, такъ напр. въ вопросѣ церковномъ, Франція не находила даже такъ далеко, какъ другія государства. Исключительной по своему радикализму, значительно опережающей свое время, является дѣятельность Кольбера. направленная къ подъему третьаго сословія—«королевской буржуазіи», какъ она себя съ гордостью называла. По его мнѣнію, разбогатѣвшая буржуазія должна была, опираясь на могущественный рычагъ движимаго капитала, пріобрѣсти особенное вліяніе и оттѣснить на второй планъ два другихъ сословія.

Когда бывшій прикащикъ сталъ министромъ (1661), Франція въ отношеніи промышленного развитія стояла далеко позади какъ Италии, такъ и Германіи, не говоря ужъ объ Англіи или Нидерландахъ. Кольберъ ясно понималъ, что существуетъ только одинъ путь догнать и опередить эти страны—путь широкаго распространенія среди народа промышленного и художественного профессионального образованія. Его внутренняя экономическая политика лучше всего характеризуется, какъ система принудительнаго, доходившаго временами даже до насилия, профессионального воспитанія народа. Какъ мы видѣли, Кольберъ только продолжалъ политику Ришелье и Франциска I. Если Францискъ I привлекалъ мастеровъ исключительно изъ Италии, то Кольберъ распространилъ эту систему приглашенія талантовъ на всѣ остальные страны Европы. Онъ обращалъ глубокое вниманіе на всякую страну или область, гдѣ только проявлялась какой-либо видъ промышленности,

им'ючій значеніе для мірового ринка. Деньгами и хитростю завлекались во Францію лучші рабочі, мастери, інженери и художники, чтобы здѣсь насаждать свои знанія. Выросшій такимъ образомъ молодой промышленности онъ оказывалъ поддержку ссудами, преміями, привилегіями; зоводилъ на государственные средства образовыя фабрики и т. д. Планы Кольбера основаны были на томъ предположеніи, что искусство сум'єть облагородить ремесло. Грандіозная сѣть промышленныхъ и художественныхъ школъ, музеевъ, академій была раскинута по всей странѣ. Для изученія тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ необходимые образцы не могли быть по какимъ-либо причинамъ доставлены во Францію, и для завершенія своего художественного и техническаго образованія, французскіе ученики посылались за границу. Такъ, академія для французскихъ художниковъ въ Римѣ, существующая и понынѣ, обязана своимъ возникновеніемъ Кольберу. Для того, чтобы развить художественный вкусъ и энергию духа, онъ создалъ тѣ великолѣпныя зданія, которыя до сихъ поръ налагаются на царствованіе Людовика XIV совершенно особый отпечатокъ эпохи Возрожденія. Таковы замки Версаля, Marly, St-Germain, Луврская колоннада въ Парижѣ и др. Средневѣковое церковное искусство стало уступать мѣсто свѣтской архитектурѣ и живописи. Кольберъ распространялъ свое покровительство и на науки и на поэзію. Онъ материально поддерживалъ какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ поэтовъ и ученыхъ, устраивалъ театры, основывалъ научные академіи, въ томъ числѣ Академію Надписей, расширилъ и великую Академію Наукъ, созданную Ришелье. Короче говоря, если начальный періодъ царствованія Людовика XIV еще и теперь называются, благодаря его блеску,—золотой эпохой Франціи, то главная заслуга въ этомъ отношеніи должна быть приписана Кольберу; онъ не только сум'єль сообщить оживленіе самымъ различнымъ сторонамъ жизни, но и снабдилъ ихъ достаточными денежными средствами. Незнакомый доселъ размахъ мысли и идеаловъ внезапно проникъ въ культурную жизнь Франціи. И міръ съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ до того времени мало опѣненная нація быстро стала опережать всѣ остальные.

Конечно, въ этой системѣ было много опеки и насилия. Но не слѣдуетъ забывать того, что приходилось спѣшить и наверстывать потерянное. Къ тому же эта «королевская» опека была освобождениемъ отъ системы значительно болѣе тяжкаго насилия, которому подчинены были трудящіеся классы населенія со стороны множества мелкихъ сувореновъ и цеховыхъ организаций.

Реорганізація совѣта народного хозяйства (*conseil de commerce*), старого учрежденія, въ которое Кольберъ влилъ новую струю жизни, снимаетъ съ Кольбера упрекъ въ томъ, будто онъ желалъ проводить свои реформы для народа, но ни въ коемъ случаѣ не при его помощи. Засѣдавшій первоначально подъ личнымъ предсѣдательствомъ короля,

этот видъ хозяйственного парламента состоялъ изъ представителей, избранныхъ торГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫМИ КЛАССАМИ¹⁾. Его цѣлью было дать возможность королю лично и непосредственно узнавать о нуждахъ и потребностяхъ народного хозяйства. Далекій отъ мысли называть свои регламенты вновь образующимся корпораціямъ, Кольберъ предоставлялъ имъ самимъ вырабатывать свои уставы и самъ спрашивалъ для нихъ утвержденіе короля.

Могучей внутренней политикѣ, направленной на развитіе новыхъ производительныхъ силъ, вполнѣ отвѣчала не менѣе плодотворная по своимъ результатамъ политика во внѣшней торговлѣ. И эта сторона дѣятельности Кольбера до сихъ поръ служитъ для однихъ предметомъ восхищенія, для другихъ, наоборотъ, предметомъ рѣзкой критики.

Почти всѣ думаютъ, что Кольберъ былъ въ исторіи народного хозяйства принципіальнымъ защитникомъ охранительныхъ пошлинъ. Но это ходячес мнѣніе вѣрно только отчасти. По крайней мѣрѣ, съ равнымъ основаніемъ можно считать его однимъ изъ первыхъ сторонниковъ свободной торговли. Самъ онъ, по крайней мѣрѣ, считалъ себя таковымъ; это видно изъ его любимой фразы, что торговля должна быть свободна, даже «extrêmement libre». Конечно, онъ имѣетъ здѣсь въ виду относительную свободу. Дѣйствительнымъ сторонникомъ полной свободы онъ являлся въ вопросахъ внутренней торговли. Здѣсь онъ лишилъ цехи привилегій по сбыту товаровъ и, по возможности, устранилъ провинціальныя таможенные пошлины, что имѣло своей цѣлью превращеніе Франціи въ единую таможенную область. Достигнуть этого вполне ему однако не удалось: дѣло это было завершено Великой Революціей. До извѣстной степени Кольберъ оставался фритредеромъ въ отношеніи торговли съ тѣми странами, которые по своему промышленному развитію стояли ниже Франціи. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда конкуренція другого государства могла нанести какой-либо ущербъ французской промышленности, онъ высказывался за покровительственные пошлины. Въ нихъ онъ видѣлъ, однако, только костыли, которые слѣдуетъ отбросить, когда отечественная промышленность достаточно окрѣпнетъ, чтобы успѣшно выносить соперничество съ соотвѣтственными отраслями иностранного производства на міровомъ рынкѣ. Такимъ образомъ оба принципа, а не только одинъ изъ нихъ, характеризуютъ систему Кольбера. Этотъ принципъ относительности въ торговой политикѣ французского министра находитъ выраженіе въ характерѣ французскихъ тарифовъ 1664 и 1667 года: первый изъ нихъ фритредерскій, второй охранительный. Тарифъ 1664 г. распространялся на всѣ товары, переправляемые черезъ границу, тарифъ 1667 г. устанавливаетъ категории особенно покровительствуемыхъ то-

1) Составленная Кольберомъ рѣчь короля на открытии этого парламента (3 августа 1664) перепечатана у *Neymark'a*, t. I, Appendice IV, стр. 345.

варовъ и примѣняется по отношенію не ко всѣмъ странамъ. Здѣсь впервые выразилась воскресшая въ наши дни идея двойного тарифа: одного для тѣхъ государствъ, съ которыми заключены торговые трактаты, другого для всѣхъ остальныхъ.

Но не въ тарифной политикѣ лежала ошибка колльбертизма. Если говорить о таковой, то ее слѣдуетъ искать въ несомнѣнномъ пренебреженіи интересами сельского хозяйства, логически вытекавшемъ изъ стремленія ослабить соціальное значеніе обоихъ землевладѣльческихъ классовъ. И другою его ошибкой было то обстоятельство, что въ развитіи промышленности меркантилизмъ видѣлъ не самоцѣль, а могущественное орудіе политической борьбы французской короны съ соперничавшими съ нею другими державами.

Le roi soleil не удовлетворялся неограниченной властью внутри страны, онъ хотѣлъ быть и виѣ ея первымъ изъ властителей. Въ мирное время торговля и промышленность должны были успѣшно конкурировать съ соотвѣтствующими отраслями хозяйства другихъ странъ и подготавливать государство къ войнѣ. Кольберу приписываютъ чрезвычайно характерное въ этомъ отношеніи выраженіе: «Мы должны побѣдить другіе народы нашей промышленностью и одолѣть ихъ нашимъ вкусомъ». Чтобы достигнуть этой цѣли, Кольберъ гораздо болѣе стремился подмѣнить вкусы другихъ націй, чѣмъ выработать оригинальный, чисто французскій вкусъ. Онъ хотѣлъ воспроизвести продукты иностранной промышленности въ художественно облагороженной формѣ ибросить ихъ затѣмъ на заграничные рынки. Такимъ образомъ въ другихъ государствахъ спросъ на произведения отечественной промышленности долженъ былъ исчезнуть и эти государства должны были подпасть въ такую же экономическую зависимость отъ Франціи, въ какой находится деревня отъ города. Разъ эта цѣль будетъ достигнута, довершить покореніе страны оружиемъ будетъ уже дѣломъ нетруднымъ. Недаромъ Кольберъ считалъ производительными классами не только землевладѣльцевъ и промышленныхъ рабочихъ, но и солдатъ.

Конечно, эти мысли заключали въ себѣ разумныя начала и политика Кольбера соотвѣтствовала той эпохѣ и тенденціямъ ея развитія. Кольберу удалось такимъ путемъ сдѣлать французскій вкусъ господствующимъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но онъ оказался въ состояніи создать только модный стиль, а не оригиналъный французскій стиль въ области промышленности и искусства. Не изысканность, не внутренняя гармонія частей, а виѣшній блескъ, разсчитанный на освѣщеніе и подавленіе зрителя, — вотъ къ чему стала стремиться съ того времени французская художественная промышленность; это помѣшило ей создать свой специфическій стиль и она черпаетъ свои вѣчно измѣняющіеся мотивы изъ всевозможныхъ историческихъ и этнографическихъ стилей. И между тѣмъ какъ въ настоящее время другія культурныя націи, примыкая къ собственнымъ традиціямъ, стали выраба-

тывать свой оригинальный вкусъ, французская художественная промышленность вытесняется постепенно изъ всѣхъ своихъ позицій.

Какъ бы то ни было, въ ту эпоху даже эта осторожность подъ искусствой рукой Кольбера превращалась въ источникъ внутренняго благосостоянія и внѣшняго национального могущества. Чтобы имѣть возможность лучше заботиться о внѣшней торговлѣ, носившей въ то время въ еще большей степени, чѣмъ теперь, морской характеръ, Кольберъ побудилъ короля въ 1669 г. передать въ его вѣдѣніе и морской департаментъ. Его дѣятельность на этомъ поприщѣ была столь же плодотворна, какъ и всюду. При вступлениіи своемъ въ должность онъ нашелъ только 30 полуразбитыхъ кораблей, но онъ создалъ постепенно флотъ, состоявшій въ моментъ его смерти почти изъ 200 готовыхъ и около 100 строившихся судовъ. Къ тому же онъ выкупилъ обратно у англичанъ принадлежавшіе имъ до тѣхъ поръ нѣсколько городовъ на французскомъ берегу, между прочимъ важный портъ Дюнкирхенъ, и превратилъ ихъ въ сильно укрепленный гавани.

Кольберъ создалъ обширное законодательство о консулатахъ и учредилъ, для болѣе дѣйствительной поддержки торговыхъ интересовъ Франціи, должность консуловъ въ важнѣйшихъ пунктахъ, въ особенности на Востокѣ. Параллельно съ этимъ широко велась колониальная политика. Онъ подчинилъ Франціи помошью хитрости, денегъ и оружія обширныя области во всѣхъ странахъ свѣта и вѣль съ ними крупную колониальную торговлю при помощи учрежденныхъ имъ же, могущественныхъ торговыхъ компаний. Къ концу его жизни Франція была первой среди колониальныхъ державъ, и король повсѣдѣвалъ флотомъ, невиданнымъ со времени великой армады. Съ удивленіемъ смотримъ мы на творческую силу этого человѣка, которому все удавалось и который во всемъ, къ чему ни прилагалъ онъ свой сози-
дательный трудъ, открывалъ обильные источники национального благосостоянія и политического могущества. И если правъ Аристотель, когда говоритъ, что счастье человѣка заключается въ успѣхахъ, сопровождающихъ дѣятельность его,—то Кольбера слѣдуетъ назвать самыемъ счастливымъ человѣкомъ своего времени.

Но чистыя радости жизни не даны ни одному смертному. И ему также предстоялъ трагический конецъ, причемъ послѣдній ударъ долженъ быть исходить съ той стороны, съ какой онъ менѣе всего былъ заслуженъ: отъ короля. Ознакомленіе съ личной катастрофой человѣка, значеніе которого заключается въ его дѣятельной жизни, необходимо для оценки его системы.

Уже во время поглотившей невѣроятныя суммы войны съ Голландіей,—войны, начало которой, впрочемъ, было, какъ говорять, положено самимъ Кольберомъ, исходившимъ изъ соображеній торговой политики (1672—78 гг.),—въ совѣтѣ министровъ возникли всяческія

разногласія, въ особенности съ Лувуа, главой военного департамента, постоянно испытывавшаго нужду въ средствахъ. Къ тому же склонность короля къ величественнымъ постройкамъ и къ другимъ созданиемъ искусства, поощрявшаяся сначала самимъ Кольберомъ, приняла совершенно расточительный характеръ, такъ что приходилось сокращать средства, предназначенные на усиление виѣшняго могущества монархіи. Уже раньше какъ-то Кольберъ воскликнулъ, жалуясь: «Ваше Величество, я готовъ достать миллионы для Польши, если даже мнѣ для этого придется продать всѣ свои имѣнія и ходить съ семьей всю жизнь пѣшкомъ. Но излишній расходъ въ 3000 ливровъ причиняетъ мнѣ неизѣяснимую боль!» Онъ долженъ былъ вслѣдствіе этого отказаться отъ своей любимой идеи: отмѣнить Taille, лежавшую всей тяжестью на низшихъ классахъ, и замѣнить ее налогомъ на потребленіе, падающимъ на всѣ сословія. Онъ даже былъ принужденъ отказаться отъ уже сдѣланныхъ облегченій и ввести новые налоги. Съ глубокою горечью, онъ самъ налагалъ руку на созданную имъ съ такимъ трудомъ систему. И народъ, видѣвшій въ немъ инициатора новыхъ притесненій, сталъ относиться къ нему съ возрастающею холоднотою. Когда-то на вопросъ сына, когда лучше работать, утромъ или послѣ обѣда, онъ отвѣтилъ: «Сынъ мой, работать нужно и утромъ и послѣ обѣда»; теперь же онъ рѣдко показывался въ своей министерской канцеляріи, гдѣ нехотя выслушивалъ неотложныя дѣла. Скоро долженъ былъ произойти разрывъ.

Въ одномъ изъ засѣданій совѣта министровъ Кольберъ указалъ на громадные суммы, поглощенные постройкой версальского дворца, и настаивалъ на ихъ сокращеніи; король вспылилъ. Онъ высказалъ сомнѣніе въ правильности представленныхъ оправдательныхъ документовъ и раздраженіе довело его до заявленія: «Дѣло не обошлось безъ мошенничества!»

«Я надѣюсь, что эти слова Вашего Величества не касаются меня!»— возразилъ Кольберъ въ страшномъ волненіи. Король вернулся къ главной темѣ разговора, но такъ, что тѣнь подозрѣнія оставалась на главномъ контролерѣ. Этого послѣдній не вынесъ. Обвинить въ подлогѣ его, олицетворенную честность иѣрность, въ собраніи совѣта министровъ и въ присутствіи Лувуа, смертельного врага его—это было слишкомъ много. Въ полуобморочномъ состояніи его доставили домой, гдѣ тотчасъ его постигла сильнейшая нервная лихорадка. Въ постели, больной, страдая отъ жестокихъ физическихъ мученій, онъ трудился надъ составленіемъ подробнѣйшаго отчета въ томъ, какъ имъ было приобрѣтено его состояніе. Когда онъ его окончилъ и уже готовился къ смерти, Людовикъ XIV прислалъ ему письмо. Кольберъ отказался читать его. Онъ хотѣлъ, чтобы король оставилъ его въ покое; хотя бы теперь, когда онъ готовится отдать отчетъ царю царей. «Если бы я

для Бога сдѣлалъ столько, сколько сдѣлалъ для этого человѣка, я былъ бы спасенъ два раза. а теперь я не знаю, что со мной будетъ!» 6-го сентября 1683 г. его не стало.

Когда вѣсть обѣ дошла до народа, онъ разразился радостными криками: онъ считалъ этого «мраморнаго» человѣка, какъ его называетъ одинъ изъ современниковъ, не искавшаго популярности, своимъ главнымъ притѣснителемъ. Дворъ, повидимому, также былъ доволенъ, что нашелся удобный козель отпущенія и сошелъ со сцены непріятный человѣкъ; по крайней мѣрѣ дворъ ничего не предпринималъ, чтобы заставить стихнуть торжествующіе возгласы. Возбужденіе противъ Кольбера парижской черни, еще искусственно подстрекаемое духовенствомъ и аристократіей, врагами покойнаго, было такъ велико, что похороны его могли состояться только ночью подъ запѣтой тумана и вооруженного эскорта. Но и это не могло спасти его трупъ отъ насиленія поруганія.

Слишкомъ скоро, однако, заблуждавшійся народъ долженъ былъ почувствовать, кто былъ его истиннымъ другомъ и заступникомъ въ королевскомъ совѣтѣ, и чѣмъ онъ обязанъ скромному и прилежному человѣку, который всегда руководился сознаніемъ своего долга, не обращая вниманія на хвалу или порицаніе толпы.

Съ этого момента государство гигантскими шагами стало приближаться къ гибели. Послѣ паденія смертельнаго врага своего духовенство и дворянство льстивой преданностью окружили короля; ихъ осыпали милостями и отличіями. Третье сословіе чувствовало, какъ оно все больше и больше отодвигается на задній планъ. Оно изнемогало подъ обрушившимся на него потокомъ разорительныхъ налоговъ и снова вытѣснялось изъ высшихъ административныхъ и военныхъ должностей. Подъ ханжескимъ вліяніемъ Madame de Maintenon, черезъ два года послѣ смерти Кольбера, въ 1685 г. дѣло дошло до отмѣны Нантскаго эдикта; эта отмѣна повела за собою бѣгство за границу полумилліона протестантскихъ рабочихъ и искусственныхъ мастеровъ, которыхъ систематически привлекалъ или подготовлялъ къ дѣлу Кольберъ; теперь они создали французской промышленности острую, подчасъ гибельную конкуренцію. Къ тому же, въ несчастной морской битвѣ при La Hogue въ 1692 г. французскій флотъ, изъ ничего созданый Кольберомъ, долженъ былъ пастъ передъ натискомъ соединенныхъ флотовъ Англіи и Нидерландовъ. Такъ—камень за камнемъ разрушалось зданіе, съ такимъ трудомъ построенное Кольберомъ.

Хуже всего обстояло дѣло съ финансовымъ управлениемъ. Военные предприятия короля, каждый разъ оканчивавшіяся все несчастіе и несчастіе, поглощали невѣроятныя суммы. Одинъ министръ финансовъ смѣнялъ другого, но ни одному не удавалось пріостановить прогрессивный ростъ дефицита. Въ концѣ царствованія Людовика государственный долгъ, противъ увеличенія котораго Кольберъ не переставалъ бороться

сь крайней энергией, ворось до неслыханной для тѣхъ временъ суммы въ два миллиарда ливровъ; управление государствомъ снова оказалось въ печальномъ положеніи полной дезорганизаціи. Къ этому времени относится возгласъ Фенелона: «Мы существуемъ какимъ-то чудомъ. Государство это старая, негодная машина, продолжающая двигаться отъ сообщенного ей толчка, но готовая разрушиться при первомъ ударѣ». И крушение не заставило себя долго ждать. Правда, Людовикъ самъ не дожилъ до официального банкротства государства, разразившагося послѣ периода мнимаго, но головокружительного подъема, при его преемникѣ, однако въ его подавленной душѣ уже виталъ этотъ грозный призракъ. И какъ знать, можетъ быть, къ этому присоединялось предчувствіе того будущаго, еще большаго краха, который произвело въ концѣ того же столѣтія третье сословіе, бывшее когда-то въ союзѣ съ королемъ, отвергнутое впослѣдствіи и ставшее, въ концѣ концовъ, непримиримымъ врагомъ королевской власти.

Герцогъ С. Симонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что Людовикъ XIV призвалъ къ себѣ за нѣсколько дней до своей смерти наследника, несовершеннолѣтняго правнука своего, будущаго Людовика XV и сказать ему слѣдующія знаменательныя слова: «Дитя мое, ты вскорѣ станешь могущественнымъ королемъ. Не подражай мнѣ въ страсти вести дорого стоящія войны и возводить огромныя роскошныя зданія. Напротивъ, старайся поддерживать миръ съ сосѣдями и облегчать тягости подданныхъ. Безъ замедленія слѣдуй хорошимъ соѣтамъ. Къ несчастью, я не всегда былъ въ состояніи дѣйствовать такимъ образомъ».

Это постепенное паденіе въ теченіе второй половины царствованія Людовика XIV всегда приписывалось Кольберу, и этимъ доказывалась неправильность его воззрѣній. Однако, кто безпристрастно и съ знаніемъ дѣла станетъ изучать исторію, тотъ долженъ будетъ прійти къ противоположному заключенію, что паденіе Франціи, послѣдовавшее послѣ его смерти, обусловливается отклоненіемъ отъ принциповъ и практики управления великаго государственного человѣка. Въ другомъ своемъ сочиненіи¹⁾ я уже указалъ на то, что преемникъ Кольбера по «Surintendance des Bâtiments, Arts et Manufactures» бытъ не кто иной какъ Лузуа, смертельный врагъ его. Военный по профессіи и удержаній въ своемъ постоянномъ завѣдываніи военный департаментъ, онъ сообщилъ управлению народнымъ хозяйствомъ неподвижный характеръ сурою регламентаціи, отъ которой Кольберъ всегда старался сохранить его. Въ то время какъ Кольберъ учредилъ на всю монархію только три должности инспектора мануфактуръ, которымъ принадлежала только высшій надзоръ надъ про-

1) „Die Maxime Laissez faire et laissez passer, ihr Ursprung, ihr Werden“, Bern 1886, стр. 20 и сл.

изводствомъ, Лувуа сразу значительно увеличиваетъ ихъ количество и черезъ годъ послѣ смерти Кольбера поручаетъ имъ (Arrêt 17 іюля 1684 г.) лично изслѣдовать на всѣхъ ярмаркахъ и рынкахъ своего округа въ сопровождении мѣстныхъ надзирателей качество и форму фабрикатовъ и налагать соотвѣтствующія наказанія. Скоро инспектора образуютъ цѣлую армію, созданную, повидимому, для того, чтобы отягощать производственную жизнь безполезными налогами, придерживаться устарѣвшихъ регламентовъ, въ то время какъ потребности рынка давно переросли ихъ. Не вѣришь собственнымъ глазамъ, когда видишь, какъ предписанія Кольбера продолжаютъ примѣняться еще въ XVIII столѣтіи. Нѣть ничего удивительнаго, что дѣло обстояло плохо. Но историческая справедливость требуетъ, чтобы съ Кольбера была снята отвѣтственность, которой онъ никакъ не подлежитъ: она должна пасть на его неспособныхъ преемниковъ и прежде всего, на человѣка, бывшаго злѣйшимъ врагомъ его экономической системы, триумфъ котораго у короля рѣшилъ его паденіе. Та карикатура, которую мы считаемъ истиннымъ кольбертизмомъ, есть вѣрище системы Лувуа, сущность которой составляетъ перенесеніе въ область торговли практики воинскаго управления и дисциплины. Это планами Кольбера совершенно не предполагалось. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи именно эта выродившаяся система создала школу¹⁾.

Другой упрекъ, который дѣлался впослѣдствіи Кольберу главнымъ образомъ *физіократами*, какъ уже замѣчено выше, имѣть больше основаній; это недостаточная заботливость о земледѣліи; впрочемъ, и эта вина слишкомъ преувеличивалась. Адамъ Смить, также дѣлающій этотъ упрекъ, отзываетъ все же съ величайшимъ уваженіемъ о французскомъ государственномъ дѣятелѣ. Онъ говоритъ: «Кольберъ, знаменитый министръ Людовика XIV, былъ честный человѣкъ, обладавшій большимъ прилежаніемъ и массой специальныхъ знаній, широкою опытностью и остротой мысли въ вопросахъ финансовой политики, однимъ словомъ, самыми разнообразными способностями, созданными на то, чтобы внести методъ и порядокъ въ веденіе государственного хозяйства. Къ несчастью, этотъ министръ имѣлъ всѣ предубѣжденія меркантильной, по существу полицейской или принудительной системы, которая должны были быть по сердцу прилежному и аккуратному чиновнику, привыкшему держать въ порядкѣ различные отрасли государственной службы, и подвергать ихъ строжайшему контролю, чтобы они не переходили за положенные границы. Такимъ образомъ, онъ пытался регулировать промышленность великаго государства по тому же

1) Тамъ же стр. 22 См. также H. W. Fernam, Die innere französische Gewerbepolitik von Colbert bis Turgot, Leipzig, 1878; затѣмъ названное выше сочиненіе Dumreicher, и очеркъ G. Cohn, Colbert, vornehmlich in staatswirtschaftlicher Hinsicht (Zeitschr. f. die ges. Staatsw. 1869/70).

образцу, какъ и отдѣленія министерства». Въ своемъ стремлениіи по-кровительствовать городамъ на счетъ деревни онъ совершенно запретилъ вывозъ хлѣба съ той цѣлью, чтобы городскіе жители пользовались дешевыми средствами продовольствія, и т. д. Согласно пословицѣ, по которой для того, чтобы выпрямить камышъ, который согнули въ одну сторону, слѣдуетъ перегнуть его въ другую сторону,—послѣ Кольбера возникла земледѣльческая система Кэнз¹).

Если мы теперь обратимся къ разсмотрѣнію тогдашней экономической литературы, то мы будемъ поражены ея скучностью. Въ то время какъ изящная литература при Людовикѣ XIV достигла подъ вліяніемъ Кольбера и при его поддержкѣ могущественнаго развитія, въ политической области господствуетъ полнѣйшій застой. Это стоитъ въ совершенно естественной связи съ природой абсолютизма, не допускающаго различія во мнѣніяхъ. Извѣстно, какъ чувствителенъ былъ король ко всякому обсужденію общественныхъ вопросовъ, если даже оно не было направлено прямо противъ него.

Прежде всего мы должны указать на Бодена о сочиненіи кото-раго «De la Republique» (1577) мы уже высказались. Эта работа имѣть значение преимущественно въ области государственного права; Боденъ защищаетъ умѣренный абсолютизмъ. Дополненіемъ труда Бодена съ экономической точки зрѣнія можетъ служить книга, о которой мы уже имѣли случай упомянуть (см. выше стр. 26) изъ-за ея заглавія: это «Traicté de l’Oeconomie Politique, dédié au Roy et à la Reyne mère du Roy par Antoyne de Montchrétien, sieur de Vateville» (1615). Эта книга, какъ намъ уже известно, замѣчательна тѣмъ, что въ ней впервые по отношенію къ экономическимъ сюжетамъ примѣнено выраженіе «Oeconomie Politique» вместо обычнаго «Police». Впрочемъ, это выраженіе употреблено только на заглавномъ листѣ, въ самой же книгѣ не встрѣчается; повидимому, оно вставлено въ послѣдній моментъ, можетъ быть по совѣту какого-либо другого лица, такъ какъ въ цензорскомъ разрѣшеніи на напечатаніе говорится не менѣе 3-хъ разъ о «livre intitulé: Traité oeconomique du Trafic». Книга эта является хорошо написанной монографіей о средствахъ къ поднятію производительности французского хозяйства; авторъ рекомендуетъ взять за образецъ порядки Англіи, которые были имъ изучены въ теченіе долговременного пребыванія въ этой странѣ въ качествѣ бѣглеца²). Мыѣніе Функъ-Брентано, новѣйшаго издателя его сочиненія³), что Монкретьенъ является «le cr  ateur   la fois du nom et de la

¹) „Изслѣдованіе“, Книга IV, гл. 9.

²) Монкретьенъ, получившій известность также и въ качествѣ поэта, паль во время восстанія 1621 года, какъ сторонникъ гугенотовъ.

³) Paris 1889, Introduction p. XXIII.

science», оспаривается совершенно правильно. Уже Дюваль¹⁾ весьма мѣтко замѣтилъ, что для этого книгѣ недостаетъ интернациональной объективности: она проникнута партійнымъ духомъ и сознательно противопоставляетъ интересы Франціи интересамъ остальныхъ странъ. Такъ, напр., заглавіе одной изъ главъ гласить: «О слишкомъ большой свободѣ и независимости, которыми пользуются у насъ испанцы, португальцы и голландцы». Это придаетъ, правда, сочиненію типично меркантилистический характеръ. Но такъ какъ оно уже вслѣдствіе этого предполагаетъ только практическія, а не теоретическія цѣли, на него нельзя смотрѣть, какъ на основной трудъ въ наукѣ. Написана книга въ формѣ обращенія къ королю и королевѣ-матери (Марія Медичи). «Vostre Estat est composé de trois principaux membres, l'ecclésiastique, le noble et le populaire». Онъ не касается въ своемъ изложеніи отношеній первыхъ двухъ. Они слишкомъ «delicates et requirent vostre propre main». Тѣмъ подробнѣе слѣдуетъ остановиться на послѣднемъ, «le plus négligeable en apparence, mais en effet fort considérable». Правда, уже древніе, въ особенности Платонъ и Аристотель «ont traité de la police», но въ недостаточной степени и т. д.²⁾.

Мокретьенъ придаетъ особенное значение техническому образованію народа. Сочиненіе распадается на 4 отдѣла, въ которыхъ подвергаются обсужденію мануфактуры, торговля, мореплаваніе и экономическая политика государей. О земледѣліи говорится только мимоходомъ. Крестьяне называются «основой государства» («Füsse des Staates»)³⁾ и заслуживаютъ особаго вниманія, но авторъ его имъ удѣляетъ немного. Въ отдѣлѣ о мануфактурахъ онъ особенно настаиваетъ на профессиональномъ образованіи народа и на изданіи соответствующихъ правилъ и т. д. Заслуживаетъ особенного вниманія то обстоятельство, что такое типично меркантилистическое сочиненіе не только не смѣшиваетъ богатство съ обладаніемъ благородными металлами, но что оно даже возражаетъ на это заблужденіе почти тѣми же словами, какъ впослѣдствіи Адамъ Смитъ⁴⁾. Количество монетъ, по его мнѣнію, можетъ даже быть чрезмѣрино, и это такъ же вредно для народнаго благосостоянія, какъ и недостатокъ въ нихъ. Какъ истый меркантилистъ, онъ утверждаетъ, что въ торговлѣ выигрышъ одного свя-

¹⁾ J. Durval, Mémoire sur Antoyne de Montchrétien de Vateville, lu en séance de l'Académie des sciences morales et politiques, Paris 1869.

²⁾ Въ др. мѣстѣ, стр. 13.

³⁾ Въ др. мѣстѣ, стр. 43.

⁴⁾ „Ce n'est point l'abondance d'or et d'argent, la quantité de perles et de diamans qui fait les Estats riches et opulens; c'est l'accommodement des choses nécessaires à la vie et propres au vêtement; qui plus en a, plus a de bien... De vray nous sommes devenus plus abondans d'or et d'argent que n'estaient nos pères; mais non pas plus aisés et riches“. Тамъ же, стр. 241.

зань съ потерей для другого¹⁾). Это справедливо въ особенности относительно виѣшней торговли. Правда, то же начало примѣнено и къ внутреннимъ торговымъ сношеніямъ, но при этомъ народъ въ цѣломъ не терпить ни убытка, ни прибыли: и то и другое взаимно покрываются; мы можемъ сравнить это съ двумя сосудами, содержимое которыхъ переливается собственникомъ то въ одинъ, то въ другой. Не такъ обстоитъ дѣло при виѣшнихъ сношеніяхъ. Иностранныхъ купцовъ можно сравнить съ насосомъ, выкачивающимъ кровь изъ народного организма, и останавливающимъ его только тогда, когда онъ мертвъ²⁾). Мы видимъ, что Монкретьенъ не очень-то приверженъ къ виѣшней торговлѣ, которая будто бы является самой характерной чертой меркантильной системы. Его взгляды имѣютъ предпосылкой идею торгового баланса. Но этой проблемы отдалено онъ не разрабатываетъ.

Книга Монкретьена принадлежитъ къ лучшимъ трудамъ меркантилизма. Она не оказала непосредственного вліянія и вскорѣ вообще была предана забвенію; только въ самое послѣднее время о ней снова вспомнили. Уже одно это доказываетъ совершенную ошибочность взгляда, приписывающаго ей основаніе политической экономіи, какъ науки. Послѣдняя возникла впослѣдствіи совершенно независимо отъ этой книги. Но данное ею экономической дисциплинѣ название сохранилось во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ.

Противоположную судьбу испытало другое сочиненіе, которое несмотря на свое, въ сущности не-экономическое содержаніе, оказалось въ этомъ отношеніи вліяніе, далеко превысившее дѣйствительное значеніе книги. Мы говоримъ о «Economies Royales» герцога *Béthune de Sully*, опубликованныхъ въ 1638 г., но относящихся къ гораздо болѣе ранней эпохѣ. Эти мемуары бывшаго министра Генриха IV, продиктованные имъ своимъ секретарямъ, являются въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ хвастливымъ восхваленіемъ собственной административной дѣятельности; ихъ недостаточная достовѣрность въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію. Очевидна потребность сослаться на авторитетъ какого-нибудь государственного человека заставила физіократовъ восхвалять Сюлли какъ дѣятеля въ ихъ духѣ. Уже Мирабо старшій на основаніи «Economies royales» выставилъ, въ своемъ сочиненіи «L'ami des hommes» (1756), Генриха IV типомъ «короля-пастуха» (*roi pasteur*) и рекомендовалъ своимъ современникамъ формулированныя въ этомъ сочиненіи 36 максимъ управления. Кэнэ свои максимы, приложенные къ «Tableau économique» (1758) озаглавилъ «Extrait des Economies Royales de M. de Sully». Правда, этотъ взглядъ стали оспаривать, и Кэнэ впослѣдствіи опустилъ упо-

¹⁾ „On dit que l'un ne perd jamais que l'autre n'y gagne. Cela est vray, et se conaist mieux en mati re de trafic, qu'en toute autre chose“ и т. д.

²⁾ Тамъ же, стр. 161—2.

мнятое заглавіе. Впослѣдствіи, въ своїй «*Histoire de l'Economie Politique en Europe*» (1837), Ад. Бланкі охарактеризовалъ Сюллі какъ «le plus ardent propagateur du système mercantile». Въ самихъ мемуарахъ можно черпать подтвержденія въ пользу обоихъ мнѣній. Недавно французскій изслѣдователь Gustave Fagniez¹⁾ изслѣдовалъ на основаніи архивныхъ данныхъ экономическую политику Генриха IV. Хотя онъ и не касается подробно интересующей насъ проблемы, но косвеннымъ образомъ обнаруживается большая близость къ исторической истинѣ взглядовъ Бланкі, чѣмъ физіократовъ. Правда, Сюллі не былъ сторонникомъ промышленности, удовлетворяющей потребность городовъ и двора въ роскоши. Въ остальномъ же его мѣропріятія носятъ такой характеръ, что самый ярый меркантилизмъ не могъ бы дѣйствовать болѣе прямолинейно. Согласно этому слѣдуетъ перемѣнить то мѣсто, которое до сихъ поръ отводилось Сюллі въ исторіи политической экономіи. Его слѣдуетъ поставить настолько же ниже, на сколько современника его—Monchrétien de Vateville—выше. Изъ исторіи системы физіократовъ имя Сюллі должно быть совершенно вычеркнуто²⁾.

Уже выше было замѣчено, что время высшаго расцвѣта французскаго меркантилизма осталось безъ литературы, и объяснено, почему это такъ было. Правда, итальянецъ Менготти въ своемъ сочиненіи «*Il Colbertismo*», о которомъ мы уже упоминали, считаетъ духовнымъ родоначальникомъ этой системы Савари (1673), автора посвященной

¹⁾ „*L'Economie Sociale de la France sous Henri IV*”, Paris 1897. См. мою рецензію въ *Deutsche Litteraturzeitung* 1897 г., № 38.

²⁾ Не совсѣмъ понятно, какъ это маркизъ де Мирабо могъ сказать въ своемъ „*Ami des Hommes*” о максимахъ Сюллі, что первая, третья, четвертая, двадцатая, двадцать пятая и тридцать вторая „*renferment tout ce que j'ai dit, et tout ce qui me reste à dire*” (Изд. Rouxel, Paris 1883, стр. 390). Эти максимы гласятъ:

- „I. Увеличеніе tailles, податей и налоговъ на торговлю—ведеть къ ослабленію государства.
- III. Уменьшеніе торговыхъ и товарныхъ сношеній—ослабленіе государства.
- IV. Уменьшеніе количества продуктовъ промышленности и сельского хозяйства—ослабленіе государства.
- XX. Попустительство порокамъ, роскоши, великолѣпію и стремленію жить въ свое удовольствіе—ослабленіе государства.
- XXV. Пренебреженіе по отношенію къ лицамъ искусственнымъ, заслуженнымъ и обладающимъ сильнымъ характеромъ—ослабленіе государства.
- XXXII. Увеличеніе количества чиновниковъ въ какой бы то ни было отрасли управления—ослабленіе государства.

Изъ всѣхъ 36 максимъ лишь эти немногія положенія обладаютъ содержаниемъ, которое, хотя бы приблизительно, можно было назвать экономическимъ. Нельзя не признать, что это—почти очевидныя истины, и вовсе не заслуживаютъ того, чтобы имъ приписывали высокий научный характеръ. Физіократического въ нихъ очень мало. Во всякомъ случаѣ, максимы Кенэ на нихъ не похожи ни по формѣ, ни по содержанію.

Кольберу книги «Le parfait Négociant». Однако Менготти этимъ только доказываетъ, что никогда не держаъ въ рукахъ этой книги; въ противномъ случаѣ онъ бы увидѣлъ, что восхваляемый имъ трудъ просто торговый учебникъ для купцовъ, совершенно не возвышающійся до изслѣдованія областей торговой политики.¹⁾ Въ большей, хотя и не прямой, связи съ административной дѣятельностью Кольбера стоитъ «Dictionnaire universel de commerce, d'histoire naturelle, d'arts et m tiers», издававшійся сыновьями послѣдняго автора, Jaques и Louis Phil mon Savary. Этотъ словарь появился только въ 1723 г. въ 3-хъ томахъ, количество которыхъ при послѣдующихъ изданіяхъ увеличилось до пяти (послѣднее изданіе отъ 1759 г.) Въ немъ содержатся всѣ постановленія и законы, касающіеся торговли, изъ эпохи Кольбера и Лувра и т. д. Дополненіемъ къ этому словарю можетъ служить «Traité de la Police» (1722—35) генерального прокурора De la Marre. Но обѣ книги содержать одни свѣдѣнія о дѣйствующихъ постановленіяхъ и краткій обзоръ предшествовавшихъ. О принципахъ нѣтъ рѣчи ни въ той ни въ другой. Извлеченіемъ этихъ послѣднихъ изъ писемъ, инструкцій и памятныхъ записокъ Кольбера, опубликованныхъ P. Cl mentомъ, занялся въ наши дни молодой ученый, Гехтъ²⁾.

Было бы преувеличеніемъ утверждать, что теорія отъ этого много выиграла. Образъ мышленія Кольбера имѣлъ столь ясно выраженный практическій характеръ, что въ его писаніяхъ лишь очень рѣдко можно встрѣтить изложеніе общихъ точекъ зреенія. При этомъ также слѣдуетъ осторегаться недоразумѣній. Именно недоразумѣніемъ слѣдуетъ считать увѣренность Гехта (въ противоположность G. Cohn'у) что онъ дѣйствительно нашелъ у Кольбера основные взгляды меркантилизма, какъ они излагаются въ учебникахъ. Свои выводы онъ формулируетъ такимъ образомъ: «Attirer l'argent dans le royaume—такова была конечная цѣль финансовой политики Кольбера, являющаяся характернымъ признакомъ меркантилизма»³⁾. Слѣдовало бы еще доказать, что подъ словомъ l'argent Кольберъ понимаетъ исключительно золото и серебро, т.-е. деньги, монеты, а не подводитъ подъ это понятіе цѣнности капиталовъ и состояній, способныя къ обмѣну на естественные продукты и потому производительныя. Между тѣмъ именно послѣднее и имѣло фактически мѣсто, это слѣдуетъ изъ словъ, также приводимыхъ Гехтомъ, гдѣ Кольберъ называетъ торговлю и мануфактуры «les deux seuls moyens d'attirer les richesses aux dedans du royaume et de faire subsister avec facilit  un nombre infini de

¹⁾ Объ этомъ вопросѣ см. мое сочиненіе «Die Maxime Laissez-faire et laissez passer, ihr Uhrsprung, ihr Werden», 1886, стр. 34, прим.

²⁾ Gustav Heinrich Hecht, Colberts Politische und volkswirtschaftliche Grund-Anschauungen, Freiburg i. B., 1898.

³⁾ Тамъ же, стр. 55.

*ses sujets*¹⁾). Если еще упомянуть о томъ, что по удостовѣренію Гехта, добыча золота и серебра изъ рудниковъ не входила въ программу меркантилистовъ, что они стремились получать ихъ исключительно путемъ сбыта мануфактурныхъ товаровъ; если обратить вниманіе на заключительную характеристику, дѣлаемую Гехтомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Трудъ составляетъ содержаніе меркантилизма Кольбера... Трудъ есть вѣнецъ его мудрости, ему воздается похвала и награда»,—то отъ традиціонныхъ воззрѣній великаго государственаго человѣка останется очень мало или совсѣмъ вичего. Правда, Кольберъ отдалъ дань теоріи торговаго баланса, хотя тщетно мы стали бы искать у него этого выраженія. Но отсюда до смѣшнія благородныхъ металловъ съ богатствомъ еще очень далеко. Скорѣе можно сказать, что Кольберъ, какъ и большинство другихъ меркантилистовъ, особенно германскихъ, отожествляєтъ богатство и населеніе. Всюду можно найти безчисленныя утвержденія, что богатство страны заключается въ большомъ народонаселеніи. Но и такой выводъ не былъ бы правиленъ. Кольберъ только полагаетъ, что количествомъ народонаселенія и богатства совмѣстно обусловливается политическое и экономическое величие страны.

Уже къ концу правительственной дѣятельности Кольбера во Франціи проявляются тенденціи, направленныя къ достижению самостоятельности третьаго сословія и враждебныя пренебреженію сельскими хозяйствомъ. Эти тенденціи проявились впослѣдствіи и въ литературѣ, но обѣ этомъ удобиѣ будетъ поговорить въ связи съ другими сочиненіями, составляющими переходъ къ системѣ физіократовъ.

с. Іспанія и Португалія.— Меркантилизмъ — повторимъ это еще разъ—есть система практической, а не теоретической политической экономіи. Дѣло идетъ о доставленіи преимущества, монопольного положенія своему народу; но это возможно только на счетъ другихъ, такъ что интересы народовъ сталкиваются на почвѣ этого стремленія. Путь, по которому пойдетъ при этомъ отдельный народъ, зависитъ отъ географического положенія, отъ народнаго характера, отъ соціального строя и, въ значительной степени, отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ историческихъ событий, выпадающихъ на долю народа и придающихъ известное направление его развитію. Если великое национальное несчастье—30-ти-лѣтняя война—уничижило міровое положеніе германского народа и принудило его какъ бы вновь начать свое развитіе, то съ другой стороны два счастливыхъ национальныхъ событий, открытие Америки и морскаго пути въ Индію, дали въ концѣ XV-го ст. могучій толчекъ развитію Испаніи и Португаліи. Согласно замѣчательному дѣленію виѣропейскаго міра папой Александромъ VI (1494) на западную—испанскую, и восточную—португальскую сферы

¹⁾ Тамъ же, стр. 31, прим. 4.

влякнія по линії, проведеної межу съвернимъ и южнымъ полюсомъ на 100 миль западнѣе острововъ Зеленаго Мыса,—оба иберійскихъ народа стали монопольными владѣльцами всѣхъ земель, какъ уже открытыхъ, такъ и подлежащихъ еще открытию. И даже, на основаніи признавшагося въ то время права морской собственности они стали единственными обладателями морскихъ путей, ведшихъ въ эти страны. Эта комбинація на столѣтія опредѣлила политику обоихъ государствъ. Необходимо было не только постоянно стремиться къ расширению своихъ колоніальныхъ владѣній, но и защищать ихъ отъ посягательствъ другихъ европейскихъ государствъ, въ свою очередь стремившихся исключительно къ тому, чтобы помошью хитрости и силы стать совладѣльцами колоніальной монополіи. Можно даже прямо сказать, что главный моментъ виїшней торговой политики европейскихъ государствъ до конца 18-го столѣтія составляетъ борьбу съ Испаніей и Португаліей за ограничение монополіи ихъ колоніальной торговли.

Раньше было замѣчено, что пріобрѣтеніе монополіи было дѣломъ счастливой случайности, но это не значитъ, что тутъ не было ничѣй заслуги. Результатъ не съ неба свалился. Не потому португальскій принцъ Генрихъ получилъ прозвище «Мореплавателя», что онъ самъ былъ таковымъ, а потому что онъ основалъ собственное морское учрежденіе, дѣятельность котораго заключалась въ систематической работе надъ открытиемъ морского пути въ Индію вдоль африканскихъ береговъ; задача, решенная много лѣтъ послѣ его смерти, при королѣ Эммануилѣ Счастливомъ въ 1498 г. Также открытие въ Америку генуезца Колумба въ совмѣстное царствование Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонскаго, бракъ которыхъ создалъ испанское королевство, не вполнѣ носить тотъ случайный характеръ, какой ему придаютъ многіе.

Колоніальная система этихъ двухъ народовъ не совсѣмъ одинакова. Испанцы, нашедшіе въ Америкѣ только дикіе или почти нецивилизованные народы, избрали систему *территоріальныхъ колоній*. Они занимали цѣлые области и подчиняли себѣ туземцевъ. Португальцы, напротивъ того, нашли въ Индіи народъ, обладавшій древней культурой, стоявшій далеко не на низкой ступени развитія и искушенный въ воинскомъ дѣлѣ. Для политического преобладанія надъ ними португальцы были слишкомъ слабы и должны были ограничиться занятіемъ отдельныхъ укрѣпленныхъ мѣстностей: это принципъ *поселеній факторіями*. Тамъ, где они попадали въ такія же условія какъ и испанцы, они перенимали также ихъ систему. Зато характеръ колоніальной торговли былъ въ общемъ одинъ и тотъ же. Ежегодно въ определенные сроки отправлялись большие морскіе караваны, снаряженные правительствомъ и сильно вооруженные для защиты отъ пиратовъ, изъ Лиссабона въ Индію, изъ Севильи или Кадиса въ Америку. Отдельные купцы могли за соотвѣтствующую плату отправлять

свои товары на этихъ правительственныехъ корабляхъ. Только значительно позже частнымъ лицамъ было разрѣшено пускаться въ путь на собственныхъ корабляхъ подъ правительственнымъ контролемъ; это были такъ называемые «регистровые корабли». Послѣ смерти короля Севастіана (въ 1580 г.) Португалія соединилась съ Испаніей, и управление португальскими колоніями перешло къ послѣдней; только съ воцареніемъ брагансской династіи въ 1640 г. Португалія снова отдѣлилась отъ Испаніи, но изъ прежнихъ своихъ колоніальныхъ владѣній ей удалось спасти только Бразилію. И съ этихъ поръ, въ экономическомъ отношеніи она всесѣло подпала вліянію другихъ народовъ, сначала голландцевъ, затѣмъ англичанъ.

Испанская колоніальная система была болѣе долговѣчна соответственно большей оригинальности. Всѣ американскія колоніи раздѣлились на 4 вице-королевства: Новая Испанія (Мексика), Новая Гранада (Колумбія), Перу (включая Боливію), Ла-Плата (Аргентина)—и столько же генералъ-губернаторствъ (Generalkapitânschaft): Куба, Каракасъ (Венесуэла), Чили и въ Азіи Филиппины. Во главѣ стоялъ «Індійский совѣтъ», находившійся въ Европѣ (въ Севильѣ) и отсюда строго наблюдавшій за всей организацией. Нѣчто вродѣ ленной системы служило основаніемъ для распределенія земель между отдельными конквистадорами, на время 2-хъ поколѣній. Туземцевъ селили на encomiendѣ (феодѣ), заставляя ихъ работать и принимать христіанство. Какъ известно, состраданіе къ этимъ несчастнымъ побудило около 1500 г. доминиканского монаха Ласъ Казаса выступить съ предложеніемъ поручать болѣе тяжелыя работы неграмъ, привозимымъ для этой цѣли изъ Африки. Эта торговля неграми, уступленная испанцами по договорамъ другимъ народамъ (Assiento), послужила впослѣдствіи причиной краха всей испанской колоніальной системы.

Нельзя отказать католической церкви въ томъ, что она серьезно занималась распространеніемъ христіанства между туземцами и религиознымъ воспитаніемъ ихъ. Іезуиты образовали даже въ 1608 г. въ Парагваѣ изъ туземцевъ значительную теократическую общину, въ теченіе полутора столѣтій удивлявшую міръ, чтобы затѣмъ почти столь же быстро исчезнуть. Она была организована по образцу идеального государства Платона. Во главѣ стояли, образуя касту философовъ, іезуиты. Во внутреннемъ обиходѣ въ основу натурального хозяйства былъ положенъ коммунистический принципъ. Виѣшія сношенія въ общемъ строгого замкнутой общины велись правителями ея и т. д.¹⁾. Это былъ опытъ осуществленія въ строгомъ стилѣ августиновой

1) Подробнѣе объ этомъ см. у E. Gothein, Der christlich-soziale Staat der Jesuiten in Paraguay (въ Staats-und sozialwissenschaftliche Forschungen, издаваемыхъ Г. Шмидлеромъ, т. IV тетр. 4), Лейпцигъ 1883, и у Adler, Geschichte des Sozialismus und Kommunismus, Leipzig 1899, стр. 188—194. Есть русск. перевод.

Civitas Dei. Торговля сношения, къ которымъ принуждало іезуитовъ ихъ создание и которыхъ будто бы придавали ордену свѣтской характеръ, стали для него роковыми. Они дали поводъ къ упраздненію ордена во второй половинѣ XVIII столѣтія и, такимъ образомъ, къ паденію всего дѣла.

Іспанія, метрополія, сохранила колоніальный рынокъ для своихъ мануфактурныхъ товаровъ, обмѣнивая ихъ на колоніальные продукты и перепродаюая излишекъ послѣднихъ другимъ народамъ. Обмѣнъ происходилъ на двухъ большихъ ярмаркахъ, происходившихъ одна въ Портобело на Панамскомъ перешейкѣ для сношений съ Южной Америкой, другая въ Ялаппѣ, мѣстечкѣ между Веракруцомъ и городомъ Мексика, для сношений съ Средней и Сѣверной Америкой и Филиппинами. Ярмарки продолжались 40 дней, чтобы предоставить достаточный срокъ купцамъ, прѣѣзжавшимъ издалека. На каждую ярмарку метрополія посыпала караванъ судовъ. Въ Портобело отправлялись галеоны (обыкновенно 27 парусовъ), въ Веракруцѣ серебряный флотъ (съ 20—23 парусами). На ярмарку въ Ялаппу приходилъ регулярно такъ называемый серебряный корабль изъ Манилы (на Филиппинахъ), направлявшійся въ Асарулко на западномъ берегу Новой Испаніи откуда грузъ его сухимъ путемъ доставлялся на мѣсто. Торговля совершилась повсюду по правиламъ замкнутаго денежнаго хозяйства. Существовалъ строгій надзоръ или досмотръ. Передъ началомъ ярмарки собирались комиссіи, утверждавшія максимальныя и минимальныя цѣны, выше и ниже которыхъ товары не могли продаваться; количество продуктовъ китайскаго и японскаго ремесла, привезенное серебрянымъ кораблемъ, не должно было превышать известную норму, чтобы не вліять на сбытъ мануфактурныхъ товаровъ метрополіи.

Такова была, въ общихъ чертахъ, испанская колоніальная система, вполнѣ соотвѣтствовавшая духу того времени. Но она не послужила къ благу метрополіи и даже довела ее до истощенія; объясняется это двумя причинами: во 1-хъ, центръ тяжести всего политическаго и экономического зданія переносился изъ метрополіи въ заокеанскую область, но ни одно государство не можетъ долго выдержать такое положеніе; во 2-хъ, вниманіе обращалось только на посредническую торговлю, а самое главное, т.-е. забота о трудящемся третьемъ классѣ въ метрополіи пренебрегалась.

Это третье сословіе искони состояло изъ мавровъ. Соединеніе Кастиліи и Арагоніи, христіанскихъ государствъ иберійского полуострова, посредствомъ брака Изабеллы и Фердинанда (1469 г.) было для нихъ роковымъ. Оно окончательно опредѣлило собою изгнаніе ихъ изъ Испаніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оскудѣніе деревень. Извѣстно, что радостное настроеніе Фердинанда и Изабеллы по поводу взятія послѣдняго укрѣпленного убѣжища мавровъ—Гранады склонило ихъ къ принятію проекта, представленного Колумбомъ.

Не существовало, можетъ быть, болѣе рѣзкаго противорѣчія въ соціальномъ отношеніи, чѣмъ то, какое установилось между побѣжденными маврами и ихъ побѣдителями. Кастильцы образовали строго разграниченную родовую аристократію съ рѣзко выраженной христіанской тенденцией.

Въ Арагоніи не было такого строгаго раздѣленія сословій, но духовенство преобладало. Между тѣмъ, мавры были народъ трудолюбивый, занимавшійся ремеслами и обрабатывавшій землю улучшеными способами. Изгнаніе ихъ, закончившееся къ 1609 г., было связано съ изгнаніемъ евреевъ, другого элемента третьаго сословія. Къ этому присоединяется весьма значительная добровольная эмиграція болѣе дѣятельной части христіанскаго населенія въ колоніи, гдѣ ихъ предпримчивость могла быть лучше вознаграждена, чѣмъ въ метрополіи. Все это повело къ уменьшенію народонаселенія Испаніи съ 11 миллионовъ душъ въ годъ открытія Америки (1492 г.) до $7\frac{1}{2}$ милл. въ начаѣ XVIII ст. (1715 г.).

Испанія отказалась отъ развитія собственнаго мануфактурнаго производства. Серебро, привозимое изъ колоній, обладало заграницей большей покупной силой, чѣмъ въ наводненной имъ Испаніи, вслѣдствіе чего оказывалось выгоднѣе закупать у соседнихъ народовъ мануфактурные товары для вывоза ихъ въ колоніи, чѣмъ заниматься самимъ ихъ производствомъ. Его забросили и довольствовались прибылью, которая, при существованіи торговой монополіи, безъ всякаго труда получалась изъ посредничества при торговлѣ. Даже корабли строились заграницей.

Все шло хорошо, пока торговое могущество не было поколеблено. Гибель армады (1588 г.) пошатнула всю систему. Не стало могущественной силы для противопоставленія чужимъ флотамъ. Монополія стала медленно разсыпаться. И когда рушилось это зданіе, построенное больше на политической, чѣмъ на экономической основѣ, тогда не оказалось третьаго сословія, способнаго по традиціи продолжать дѣло, какъ это происходило въ другихъ странахъ. Не отъ теоретического заблужденія насчетъ существа богатства, какъ это иногда излагается въ учебникахъ политической экономіи, а именно отъ этого соціального проблѣла зависѣла и зависѣтъ до сихъ поръ судьба Испаніи. Испанцы также никогда не смысливали благородные металлы съ богатствомъ. Нельзя сказать, чтобы они не сознали въ концѣ концовъ, что идуть по неправильному пути. Итальянецъ Альберони, бывшій первымъ министромъ при Филиппѣ V и его дѣятельной супругѣ Елизавете Пармской, взялъ за образецъ себѣ Кольбера и действительно добился того, что испанская промышленная жизнь переживала въ періодъ отъ 1714—19 гг. творческій подъемъ. Всѣ средства протекціонизма были направлены на созданіе собственной промышленности и новаго флота на собственныхъ верфяхъ. Но послѣ битвы противъ

коалиції Англії, Голландії, Австріи и Франції при мысѣ Пассаро (1718 г.) Альберони палъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезъ и подъемъ. Тогда его программа подхватывается *литературой*.

Замѣчательно, хотя, конечно, и понятно въ извѣстномъ смыслѣ, что первоначальная, собственно испанская (впрочемъ и португальская) система хозяйства не была представлена въ литературѣ. Уже первые писатели начала 17-го столѣтія Монкада, Наваррете (*Moncada, Navarrete*) и др. относятся къ ней критически; они жалуются главнымъ образомъ на отливъ производительной части населенія въ колоніи и рекомендуютъ покровительствовать ей въ метрополіи. Эти идеи подхватываются въ XVIII ст. двумя выдающимися писателями и энергично развиваются: Уцтарицемъ и Улоа.

Вскорѣ послѣ паденія Альберони, въ 1724 г. появилась книга *Іеронима де Уцтарица* (*Jéronimo de Uztáriz*), члена испанского коммерческаго суда, подъ заглавиемъ «*Teórica y práctica de Comercio y de Marina*». Какъ замѣчаетъ авторъ въ предисловіи, она содержитъ въ себѣ наблюденія, сдѣланныя имъ во время продолжительныхъ путешествій по Франції, Англіи, Фландріи, Западной Германіи и Италии. Сущность изложенія заключается въ превознесеніи системы Кольбера, рекомендуемой вмѣсто старой практики, приведшей Испанію, по мнѣнію автора, къ постоянно прогрессирующему безсилию. Цѣлью этой «*пиона politica*» должно быть: сильное войско, могущественный флотъ и разнообразная, хорошо регламентированная промышленность.

На мѣсто существовавшаго «comercio dañoso», заключавшагося въ вывозѣ денегъ и ввозѣ товаровъ, должно было стать «comercio útil», при которомъ вывозиться въ колоніи могутъ только такие мануфактурные товары, которые произведены въ метрополіи. Для этого необходимо однако поощрять въ странѣ промышленность и кораблестроеніе всѣми мѣрами покровительства, какъ-то пошлинами, монополіями, освобожденіемъ отъ налоговъ, субсидіями. Характерно для традиціоннаго испанскаго меркантилизма, что выставляемая какъ образецъ система Кольбера считается «новой политикой». И дѣйствительно, разница между обоими направленіями заключается въ томъ, что у испанцевъ центръ тяжести заключался въ виѣшией посреднической или колоніальной торговлѣ, а у Кольбера въ насажденіи собственной промышленности.

Какъ великъ былъ упадокъ Испаніи того времени, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что за свою книгу, полную горячаго патріотизма, Уцтарицу пришлось претерпѣть гоненія. Только приблизительно два десятилѣтія спустя (въ 1742 г.) авторъ могъ выпустить второе изданіе своей книги, за это время переработанное и дополненное, послѣ того, какъ другой испанскій авторъ воспринялъ и популяризировалъ его идеи. *Бернардо де Улоа* (*Ulloa*), служившій въ магистратѣ, опу-

бліковаль (въ 1740 г.) сочиненіе подъ заглавіемъ «Restablecimiento de las Fábricas y Comercio Español», въ которомъ повторялись мысли Уцтарица съ еще большей силой. Въ особенности горячо возстаетъ авторъ противъ рокового договора (Assiento) съ англійской южно-океанской компаніей о поставкѣ рабовъ, договора, открывшаго испанскія колоніи иностранцамъ. Онъ также полагаетъ центръ тяжести въ выгодномъ торговомъ балансѣ. Торгово-политическое состояніе онъ считаетъ нормальнымъ въ томъ случаѣ, когда ввозъ и вывозъ товаровъ взаимно равны, такъ что всякия денежные доплаты съ той или другой стороны являются излишними. Это состояніе онъ называетъ «comercio recíproco», терминомъ, заимствованнымъ впослѣдствіи физіократами, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что у послѣднихъ «comercio recíproco» является результатомъ свободной конкуренціи, тогда какъ Улоа, согласно своему меркантилистическому образу мысленія, считаетъ необходимымъ для этого искусство государственного человѣка.

Прочая экономическая литература Испаніи тѣхъ временъ не обладаетъ ничѣмъ выдающимся, а Португалія вообще не создавала ничего, достойнаго упоминанія. Итакъ, въ отличіе отъ другихъ странъ, гдѣ меркантилистическая сочиненія даютъ болѣе или менѣе вѣрную картину примѣнявшейся въ нихъ системы, испанская литература носить совершенно обратный характеръ: она изображаетъ систему хотя и меркантилистическую, но получившую свое развитіе заграницей.

Все, что еще можно было бы сказать о торговой политикѣ Испаніи и Португаліи, относится вмѣстѣ съ тѣмъ къ хозяйственной истории другихъ народовъ, въ связи съ которой изложеніе этого будетъ цѣлесообразнѣе¹⁾.

Испанская и португальская практика, какъ у себя дома, такъ и въ меркантилистической литературѣ другихъ странъ всегда подвергалась строгой критикѣ. Уже по одному этому неправильно выставлять ее какъ типическую форму заблужденій меркантилизма, а между тѣмъ это часто дѣлаютъ. Въ сущности, послѣдній представляеть изъ себя цѣлый комплексъ системъ, изъ которыхъ каждую слѣдуетъ подвергнуть особой критикѣ. Ревнители всѣхъ возставали противъ него, конечно, позднѣйшие противники всего духа меркантилизма, а именно физіократы. Для нихъ всякая колоніальная система—сплошной ужасъ, и они высказываютъ горячее пожеланіе, чтобы милостивая судьба

¹⁾ Обо всемъ изложенномъ см. также сочиненія: Werminghaus, Zwei spanische Merkantilisten, Uztariz und Ulloa, Jena 1886. Haebler, Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im 16 Jahrhundert, 1888. Bonn, Spaniens Niedergang während der Preisrevolution des 16 Jahrhunderts, 1896. Ansiaux, Histoire économique de l'Espagne au XVI-e et au XVII-e Siècles; Revue d'Economie politique, 1893. Roscher, Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung, 1856; 3 vermehrte Auflage mit Jannasch, 1885. A. Zimmermann, Die europäischen Kolonien, Bd. I, Portugal und Spanien. Berlin, 1896.

избавила отъ этого всякий дѣльный народъ. Посредническая торговля, по ихъ мнѣнію, выгодна только сравнительно небольшему количеству купцовъ, которые представляютъ изъ себя интернациональную категорію, не имѣютъ ни царя ни отечества и приносятъ вредъ туземному земледѣлію ввозомъ чужеземного сырья. Адамъ Смитъ отзыается о колоніальной торговлѣ не такъ рѣзко. Въ четвертой книжкѣ своего «Изслѣдованія» въ седьмой главѣ, распадающейся на три большихъ отдѣла, подробно говорится объ открытіи новыхъ частей свѣта, и объ ихъ влияніи на европейское народное хозяйство, причемъ дѣлается обширный систематический обзоръ ихъ. Уже въ древности, говорить онъ, существовали двѣ противоположныя системы колонизаціи, греческая и римская. Греческая колоніальная система заключалась въ добровольномъ удаленіи известныхъ частей народа и созданіи ими на новомъ мѣстѣ самостоятельной политической организаціи. Метрополія, правда, смотрѣла на колонію какъ на свое дѣтище, имѣвшее право на покровительство и охрану и обязанное за это благодарностью и уваженіемъ, но она видѣла въ ней выросшее дитя, эманципировавшееся отъ непосредственной ея власти и неподсудное ей. Колонія создавала себѣ собственную форму правленія, издавала свои собственные законы, избирала собственное правительство, объявляла войну или заключала миръ, подобно всякому независимому государству, не нуждаясь въ предварительномъ одобреніи или согласіи метрополіи. Иначе обстояло дѣло въ Римѣ. Здѣсь колонизація являлась слѣдствіемъ завоеванія и производилась сверху. Чтобы удовлетворить потребность бѣдныхъ гражданъ въ землѣ, правительство раздавало имъ участки въ завоеванныхъ областяхъ, «гдѣ они, находясь подъ непосредственнымъ владычествомъ республики, никогда не могли достигнуть независимости; въ крайнемъ случаѣ имъ удавалось образовывать самоуправляющіяся общины, которая однако оставались подъ надзоромъ метрополіи, были ей подсудны и подчинялись ея законодательной власти. Основаніемъ подобныхъ колоній не только удовлетворялись, въ нѣкоторой степени, народная потребности, но и создавался гарнизонъ въ новозавоеванной провинціи, покорность которой безъ этого была бы сомнительна. Поэтому римская колонія вполнѣ отличалась отъ греческой какъ по своей сущности, такъ и по причинамъ своего образованія». При открытіи Америки и морского пути въ Индію,—по мнѣнію Адама Смита это самыя важныя события новой исторіи,—испанцы и португальцы слѣдовали скорѣе римской, а англичане греческой колоніальной системѣ, но и у тѣхъ и у другихъ дѣйствовала еще одна побудительная причина—жажда золота. Послѣдствіемъ этой *auri sacra fames* явилось предоставление колоніи произволу купеческой эксплуатации. Въ угоду купцамъ появилось монопольное право метрополіи на продажу колоніямъ мануфактурныхъ товаровъ, между тѣмъ какъ жителямъ ихъ было запрещено занятие этой отраслью.

Англія, правда, была въ этомъ отношеніи либеральнѣе Испаніи и Португаліи, и очевидно, что именно этому обстоятельству слѣдуетъ приписать болѣе быстрое развитіе ея колоній. Однако, и здѣсь монопольные ограниченія принесли большой вредъ не только колоніямъ, но и метрополіи, такъ какъ онъ искусственнымъ образомъ поднимали прибыль, даваемую торговлей, и способствовали нездоровому приливу капиталовъ къ этой промысловой дѣятельности на счетъ другихъ, болѣе важныхъ для народнаго благосостоянія отраслей производства. Адамъ Смитъ приходитъ къ выводу, что колоніальная торговля была, правда, полезна, но монополія, связанная съ нею, приносила вредъ. «Впрочемъ, говоритъ онъ, естественные хорошия послѣдствія колоніальной торговли въ Англіи болѣе чѣмъ покрывали собой вредныя послѣдствія монополіи, такъ что въ концѣ концовъ эта торговля и въ своемъ теперешнемъ состояніи не только выгодна, но даже очень выгодна». Иначе обстояло дѣло въ Испаніи и Португаліи. Здѣсь, наоборотъ, вредное влияніе монополіи въ общемъ превышало выгоды колоніальной торговли. «Въ Испаніи и Португаліи имѣлись фабрики еще до того, какъ они получили въ обладаніе значительныя колоніи; съ тѣхъ поръ, какъ имъ стали принадлежать самыя богатыя и плодородныя колоніи въ мірѣ, ихъ фабричная промышленность прекратилась».

Тѣмъ не менѣе системѣ правительства произвола, господствующей кромѣ испанскихъ и португальскихъ также во французскихъ колоніахъ, нельзя отказать въ одномъ преимуществѣ передъ болѣе свободной англійской системой,—это лучшее обращеніе съ неграми. «Въ странѣ, управление которой преимущественно основано на произволѣ, въ которой нѣть ничего необыкновенного въ томъ, что правительство вмѣшиваются въ имущественные отношенія частныхъ лицъ и имѣеть право арестовать ихъ (*Lettre de cachets*) въ случаѣ противодѣйствія, въ такой странѣ правительству гораздо легче оказывать защиту рабамъ; а самая обыкновенная человѣчность склоняетъ его къ этому.—Я думаю, исторія всѣхъ временъ и народовъ подтверждаетъ, что рабы чувствуютъ себя лучше при произвольномъ управлении, чѣмъ при свободномъ». Адамъ Смитъ поясняетъ это положеніе примѣромъ изъ исторіи древности. Онъ говоритъ: «Въ римской исторіи мы встрѣчаемся съ заступничествомъ правительства за раба передъ его господиномъ впервые при императорахъ. Когда Ведій Палліонъ въ присутствіи Августа отдалъ приказаніе разрубить въ куски одного изъ рабовъ за незначительный проступокъ и отдать его на съѣденіе рыбамъ, возмущенный императоръ приказалъ ему тотчасъ отпустить на свободу не только этого раба, но и всѣхъ ему принадлежавшихъ. Во времена республики никто не имѣль столько власти, чтобы защитить раба или наказать господина»¹⁾.

¹⁾ „Изслѣдованіе“, кн. IV, гл. 7, отд. 2.

Адамъ Смитъ могъ бы прибавить, что эта точка зре́нія примѣніма не только къ неграмъ, но и къ американскимъ туземцамъ. Въ то время какъ колоніальная политика романо-католическихъ народовъ въ Америкѣ была благосклонна къ индѣйцамъ и стремилась цивилизировать ихъ, англиканско-протестантская колоніальная политика на сѣверѣ этимъ не отличалась. Напротивъ, она стремилась къ уничтоженію туземного населенія и думала занять его мѣсто. И слѣдуетъ признать, что всемірная история оправдала второй методъ.

d. *Нидерланды*.—Меркантилизмъ въ Нидерландахъ является собой во многихъ отношеніяхъ противоположную картину. Третье сословіе, котораго недоставало Испаніи, имѣлось здѣсь въ изобиліи. Нидерландцевъ справедливо называли финикийцами новаго времени. Войдя въ тѣсное со-прикосновеніе съ Испаніей при Карлѣ V, они въ извѣстномъ смыслѣ могли восполнить ея соціальный пробѣгъ, и обѣ страны отлично бы сошлись. Однако, попытка Филиппа II распространить инквизицію на сѣверныя, кальвинистическая провинціи, испортила хорошія отношенія. Возникаетъ сепаратистское движение, оканчивающееся, послѣ многихъ превратностей, раздѣленіемъ провинцій на независимую сѣверную часть, «Республику соединенныхъ Нидерландовъ» (1580 г.) реформатского вѣроисповѣданія, и на южную, испанско-габсбургскую часть, оставшуюся католической. Уже въ средніе вѣка Нидерландамъ принадлежала руководящая роль въ всемірной торговлѣ. Городъ Брюгге на сѣверѣ былъ тѣмъ же, что Венеція на югѣ. Здѣсь находился складъ сѣверогерманской Ганзы, а верхнегерманскіе города и купцы имѣли здѣсь свои гостиные дворы. Они вели сношенія съ англичанами, французами, итальянцами и т. д. Торговля велась на основаніи штапельного права, т.-е. продаваться и покупаться могъ только сложенный въ складѣ (*aufgestapelt*) товаръ, осмотрѣнныій сначала и допущенный къ продажѣ. Торговля должна была производиться только на наличныя. Съ открытиемъ новыхъ морскихъ путей все это менится. Колоніальные товары продавались еще въ пути (*schwimmend*) къ сроку прибытія индійского флота. На ряду съ торговлей на наличныя появляются кредитный обмѣнъ и биржевые сдѣлки (срочныя). Всѣдствіе противодѣйствія со стороны штапельного права Брюгге, для новыхъ сношеній выбирается новое мѣсто, где господствуетъ необходимая свобода. На первый планъ выдвигается Антверпенъ. На мѣсто складочной, штапельной торговли появляется биржевая торговля, въ особенности послѣ того, какъ король португальскій перенесъ въ Антверпенъ торговлю пряностями. Антверпенская денежная и товарная биржа быстро заняла мѣсто руководительницы всемірныхъ сношеній¹). Но это великое

1) См. R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, т. II, гл. I и т. I, стр. 69 и сл. и 81 и сл. По его мнѣнію, городской магистратъ учредилъ биржу уже въ 1460 г. и выстроилъ для нея въ 1531 г. большое зданіе.

продолжалось не долго. Когда городъ въ 1585 г. былъ завоеванъ испанцами, они прекратили всѣ его сношения, и торговля перешла въ независимые Генеральныи штаты, въ Амстердамъ. Отсюда съ величайшей энергией велась война противъ Испаніи. Здѣсь показали міру, насколько денежная держава сильнѣе территоріальной. Всѣ силы были направлены на постройку кораблей. Уничтоженіе испанской армады (въ 1588 г.), произведенное сообща съ Англіей, положило основаніе голландскому морскому могуществу. Оставалось захватить серебряный флотъ ослабленной Испаніи и ея колоніи, еще расширившіяся вслѣдствіе присоединенія Португаліи. Для этой цѣли они создали въ своемъ родѣ классическую организацію. Уже въ 1594 г. была основана большая акціонерная компанія мореходства, «Компанія ванъ-Верне», а въ 1602 г. нѣсколько подобныхъ организацій, возникшихъ за это время, соединились, образовавъ большую «Нидерландо-Остиндскую компанію», достигшую вскорѣ громаднаго значенія. Характерна въ данномъ случаѣ не организація въ видѣ акціонерной компаніи, такъ какъ англичане уже на 2 года раньше образовали этимъ способомъ свою Остиндскую компанію. Характерно то, что на ряду съ торговыми цѣлями она преслѣдовала и политическія, для чего была облечена соотвѣтственными полномочіями. Она имѣла право вести войну въ европейскихъ предѣловъ, заключать миръ, чеканить монеты, чинить судъ гражданскій и уголовный и т. д. Однимъ словомъ, это было искусственное государство на чисто капиталистической основѣ; территоріей ему служили морскіе корабли, къ которымъ въ видѣ подчиненныхъ странъ примыкали колоніальные области, отнятые у испанцевъ. Компанія была искусственнымъ чудовищемъ, Левіаѳаномъ Гоббса *«in optima forma»*. При ея помощи Нидерланды были въ состояніи, несмотря на официальное перемиріе съ Испаніей (1609—1621 гг.), продолжать съ ней въ Европѣ войну. Послѣдняя велась компаніей какъ будто самовластно, на свой рискъ и страхъ. Вскорѣ отъ испанцевъ были отняты важнѣйшія ея, когда-то португальскія колоніи Остиндіи; между прочимъ,—Молуккіе острова, богатые пряностями, гдѣ нидерландцы, хвастающіе своимъ принципомъ свободной торговли, ввели столь суровую систему монополій, какой никогда не существовало при прежнемъ португальско-испанскомъ управлѣніи. Образцомъ для колоніальной организаціи послужила испанская система. И у нихъ былъ учрежденъ въ Европѣ «Индійскій совѣтъ», которому по ту сторону океана было подчинено семь губерній. До нѣкоторой степени была заимствована также флотская система. Религіозныхъ тенденцій Остиндская компанія не имѣла. Торговля составляла для нея все. Когда въ 1543 г. въ Японіи, открытой португальцами и привлекшій іезуитовъ, возникло преслѣдованіе христіанъ, нидерландцы воспользовались этимъ: увѣряя японцевъ, что они не христіане, они приняли участіе въ войнѣ противъ португальцевъ, заняли и сохранили за собой факторію ихъ, лежавшую на ма-

ленъкомъ островкъ Десима въ нагасакской гавани, и монополизировали до середины 19 столѣтія всю японско-европейскую торговлю.

Благодаря своимъ многочисленнымъ кораблямъ нидерландцы монополизировали также морской транспортъ почти всѣхъ сѣверныхъ государствъ Европы, въ особенности послѣ крушения германской Ганзы вслѣдствіе 30-тилѣтней войны. Голландцевъ съ тѣхъ поръ признали «экспедиторами» (*Frachtfahrer*) Европы. Когда на Вестфальскомъ мирѣ (1648 г.) была установлена ихъ полная независимость и укреплены за ними завоеванныя колоніи, казалось, они могли питать надежду на всемирное господство, тѣмъ болѣе, что амстердамская биржа въ союзѣ съ амстердамскимъ банкомъ, основаннымъ въ 1609 г., регулировала всемирный денежный и бумажный рынокъ. Какъ вдругъ ихъ поразилъ первый ударъ въ видѣ *навигаціонного акта Кромвеля* (1651 г.). Отъ этого удара они никогда не могли вполнѣ оправиться. Многочисленные войны, которыя они вели съ Англіей за отмену акта, оканчивались неудачно. Великобританія все болѣе и болѣе стала занимать ихъ положеніе.

Въ соціальномъ отношеніи у нидерландцевъ противорѣчіе между третьимъ и четвертымъ сословіемъ должно было бы опредѣлиться раньше чѣмъ у другихъ народовъ. Если, несмотря на довольно значительное развитіе пролетаріата, этого не случилось, то это слѣдуетъ приписать, повидимому, тому обстоятельству, что исключительное господство капиталистического элемента совершенно подавляло собой низшіе классы населенія. И въ наши дни, кажется, ни въ одной странѣ пролетариатъ не находится на такой низкой ступени духовной культуры, какъ въ Голландіи и Бельгіи. Впрочемъ, мы не хотимъ сказать, что въ то время совсѣмъ не было соціальной борьбы, но она велась съ одной стороны земельной аристократіей, преданной оранскімъ наследственнымъ штатгальтерамъ, а съ другой—денежной аристократіей, жившей главнымъ образомъ въ трехъ провинціяхъ: Голландіи (съ Амстердамомъ), Зеландіи и Западной Фрисландіи. Боролись между собой второе и третье сословія. Низшіе классы были на сторонѣ оранской партии. Ненависть низшихъ слоевъ населенія противъ крупной буржуазіи ужаснымъ образомъ прорвалась въ убийствѣ гаагской толпой великаго пенсионера Яна де Витта (въ 1672 г.).

Въ большей степени чѣмъ у другихъ народовъ нидерландская экономическая литература имѣть характеръ выразительницы интересовъ капиталистовъ. Это въ особенности можно сказать про *Гуго Гроція* (1583—1645), родоначальника естественного и международного права, знаменитаго генерального адвоката провинцій Голландіи и Зеландіи. Уже первое его политическое сочиненіе, написанное въ этой должности, «Свободное море» (*Mare liberum*; 1609), изображаетъ искуснаго адвоката. При заключеніи 12-тилѣтняго перемирія испанцы были готовы признать независимость Нидерландовъ подъ условіемъ прекра-

щенія морскихъ сношеній съ Индіей. Это означало упраздненіе Остиндской компаніи. Гроцій взялся доказать, что это притязаніе противорѣчить естественному и международному праву. Принципъ закрытыхъ морей, или морей находящихся въ частной собственности, которого придерживается Испанія, неправиленъ, по его мнѣнію, ни съ логической ни съ правовой точекъ зрѣнія. Только приобрѣтенное имущество подлежитъ частной собственности. Море же не создано отдельными людьми, но дано Богомъ всему человѣчеству. Каждый народъ имѣть одинаковое право на пользованіе ими, и слѣдовательно, монополія испанцевъ есть узурпация. Правда, земля можетъ стать частной собственностью, но только потому, что ея производительность обусловливается человѣческой дѣятельностью. Однако, свободѣ сношеній и здѣсь нельзя препятствовать запрещеніями или высокими пошлинами. Мы видимъ, что Гроцій защищаетъ исключительно интересы посреднической торговли, развившейся къ тому времени въ Голландіи и нашедшей въ лицѣ государственного дѣятеля Ольденбарневельдта своего политического поборника. Однако, этой денежной олигархической республиканской партіи противостояли національнамъ земельная аристократія и остальное населеніе, группировавшееся вокругъ оранскаго штатгальтерскаго дома. Пострадавшій при окончательномъ сверженіи Ольденбарневельдта, Гроцій не былъ казненъ какъ этотъ послѣдній, но приговоренъ къ пожизненному заключенію въ крѣпости Левенштейнъ. Въ заточеніи онъ разработалъ свой знаменитый трудъ «De jure belli ac pacis», законченный и опубликованный въ 1625 г. въ Парижѣ, послѣ того какъ въ 1621 г. хитростью своей супруги онъ былъ освобожденъ при помощи ящика съ книгами. Здѣсь онъ развиваетъ принципы своего первого труда и старается подкрѣпить ихъ громаднымъ количествомъ научныхъ цитатъ, взятыхъ изъ Священнаго Писанія и древней языческой литературы. Государство возникло путемъ договора между отдельными индивидуумами для защиты частной собственности. Вся правовая система основывающаяся на четырехъ основныхъ законахъ или максимахъ, при рожденныхъ человѣку, сводится къ признанію священности договоровъ и собственности. Эти законы гласятъ:

1) Не слѣдуетъ присвоивать чужого имущества; 2) слѣдуетъ держать данныхя обѣщанія (договоры); 3) слѣдуетъ возмѣщать причиненный убытокъ; 4) злодѣянія должны наказываться¹⁾.

Эти правила должны соблюдаваться, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Наряду съ естественнымъ или философскимъ правомъ (*jus naturale*) существуетъ положительное или гражданское право, установленное людьми (*jus civile*). Надъ тѣмъ и другимъ возвышается божественное право (*jus divinum*). Взиманіе процентовъ не противорѣчить ни естественному, ни божественному праву. Процентъ, по Гроцію, составляется изъ трехъ

¹⁾ Вступленіе.

законныхъ элементовъ. Онъ является вознаграждениемъ а) за трудности, сопряженныя съ оказаниемъ ссуды, б) за рискъ и с) за лишение денежнъя на время займа. Напротивъ, взиманіе процентовъ на проценты не можетъ быть допущено. Процентъ не долженъ превышать установленный закономъ максимумъ. Специально международноправовые принципы остаются тѣ же, что и высказанные въ «*Mare liberum*». Черезъ все сочиненіе проводится идея, что договоры всегда выгодны обѣмъ сторонамъ, въ противномъ случаѣ одна изъ сторонъ не соглашалась бы на договоръ. Напр. отказъ одного народа отъ своей свободы въ пользу другого не противорѣчитъ естественному праву, если онъ совершаются въ видѣ договора. Точно также нація можетъ обязаться закупать недостающіе ей товары только у одной какой-нибудь націи, освободить эти товары, и только ихъ, отъ пошлинъ и перевозить ихъ только на ея корабляхъ. Допускается также отказъ отъ личной свободы (рабство). Впослѣдствіи это положеніе вызвало возраженія Ж. Ж. Руссо. Специально экономического элемента въ «*De jure belli ac pacis*» не много. Однако, для націи интересны разсужденія его о цѣнности, такъ какъ онъ представляютъ изъ себя комбинацію обосновавшихся впослѣдствіи противоположныхъ направленій: субъективной теоріи, исходящей отъ личныхъ потребностей, и объективной, для которой масштабомъ служатъ издержки. Въ Кн. II, гл. XIV, 1 говорится объ этомъ: «Какъ совершенно правильно доказываетъ Аристотель, масштабомъ цѣнности предметовъ является прежде всего естественная потребность; она играетъ первую роль у дикихъ народовъ въ ихъ мѣновомъ оборотѣ. Но это не единственный масштабъ: человѣческія желанія, регулирующія отношенія, не всегда опредѣляются неотложностью потребности... Юристъ Павель говоритъ: «Цѣны товаровъ опредѣляются не мнѣніями отдельныхъ лицъ, не той пользой, какую они имъ приносятъ,—онъ устанавливаются сообща», или какъ онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ, «онъ опредѣляются своей цѣнностью для всѣхъ людей». Для опредѣленія этой общей цѣнности признаются во вниманіе *труды и расходы купцовъ*, и т. д.¹⁾. Собственность по Гроцію коренится въ двухъ началахъ: въ захватѣ и въ договорѣ. Трудъ не признается имъ за источникъ собственности. По этому поводу онъ говоритъ: «Юристъ Павель причисляетъ къ этому способу пріобрѣтенія (захватъ) также тотъ случай, кажущійся наиболѣе естественнымъ, когда мы сами что-нибудь производимъ. Однако, все въ природѣ возникаетъ только изъ материала, уже существовавшаго раніе; следовательно собственность продолжается только надъ измѣнившейся формой; если материалъ никому не принадлежалъ, то этотъ способъ пріобрѣтенія есть видъ захвата; если же онъ принадлежалъ другому, то однимъ захватомъ мы, по естественному праву, его не пріобрѣтаемъ».

¹⁾ Стр. 415 и сл. т. I немецкаго перевода *J. H. von Kirchmann'a Berlin 1869.*

Взгляды, проводимые сыномъ Гроція *Pieter de Groot*омъ въ запискѣ отъ 21 октября 1670 г., поданной королю Людовику XIV въ бытность *Groot'a* нидерландскимъ посланикомъ при французскомъ дворѣ, можно считать строго выдержанными въ духѣ его отца—съ торгово-политической точки зрѣнія ¹⁾). Въ ней онъ подъ угрозой реторсій выступаетъ противъ назначенныхъ незадолго до того французскихъ пошлинъ на голландскій ввозъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ теоретически доказываетъ всю несостоятельность тѣхъ торгово-политическихъ взглядовъ, на которыхъ основывались эти стѣснительныя для торговли мѣры. Земля, созданная Богомъ, говорить онъ, отличается такимъ разнообразіемъ климатовъ, почвы и природы, что не найдется страны, которая не имѣла бы чего-нибудь только ей свойственнаго, особенаго, что отсутствуетъ у другихъ. Благодаря этому явилась потребность обмѣнивать лишніе продукты на недостающіе, что мы и называемъ торговлей. Если же этой потребности будетъ оказано противодѣйствие тѣмъ, что торговля сношенія будутъ затрудняться введеніемъ высокихъ пошлинъ, то это можетъ лишь поставить народъ въ затруднительное положеніе: съ одной стороны, его будетъ отягощать излишекъ въ нѣкоторыхъ продуктахъ, съ другой стороны онъ долженъ будетъ отказывать себѣ въ необходимомъ ²⁾). Такъ какъ благосостояніе народовъ покоится на легкости пріобрѣтенія средствъ къ существованію, то этими мѣрами будетъ разрушаться благосостояніе собственаго же народа. Здѣсь впервые было установлено положеніе, что торговые интересы одной націи тождественны съ интересами другихъ. Это положеніе обосновывается ссылкой на естественный законъ международного раздѣленія труда. Записка непосредственно не имѣла желаемаго успѣха. Два года спустя (въ 1672 г.) между обѣими державами вспыхнула война. По Нимвегенскому миру (1678 г.) для Нидерландовъ были снова возстановлены низкія пошлины тарифа 1664 г.

Конечно, какъ старшій, такъ и младшій *de Groot* очень далеки отъ тенденцій свободной торговли въ современномъ значеніи этого слова. Ни въ одинъ періодъ своей исторіи Нидерланды не преслѣдовали чего-либо иного, какъ свою собственную монополію. Тѣ же писатели, въ случаѣ нужды, нашли бы основанія, доказывающія, что монополія является требованіемъ естественного права. Написалъ же въ молодости Гроцій-отецъ сочиненіе, непоявившееся въ печати, «*De jure praeclae*», послужившее впослѣдствіи основаніемъ для двухъ его главныхъ трудовъ. Ссылаясь на естественное право, онъ здѣсь старается доказать законность дѣйствій Нидерландской Остндской компаніи, завладѣвшей испано-португальской галеоной. Наука уже не является

¹⁾ См. мое сочиненіе „*Die Maxime laissez faire et laissez passer, ihr Ursprung, ihr Werden*“, 1886, стр. 25 и сл.

²⁾ См. также „*De jure belliac pacis*“, кн. II, гл. II, XIII, 5.

здесь свѣтильникомъ, стоящимъ выше мелкихъ интересовъ; ею пользуются скорѣе какъ прислужницей практическихъ интересовъ. Она должна служить выгодѣ своего народа.

То же самое мы можемъ сказать и о *Pieter de la Court* (Van der Hove), лейденскомъ юристѣ и купцѣ, также писателѣ той эпохи. Онъ находился въ такихъ же приблизительно отношеніяхъ къ великому пенсионарию Жану де Витту (Jean de Witt), въ какихъ Гуго Гроцій нѣсколько десятилѣтій до того находился къ Ольденбарневельду. Въ лицѣ де Витта у кормила власти снова стала республиканско-олигархическая денежная аристократія. Борьба партій возобновилась и велась еще ожесточеннѣе чѣмъ раньше. Эта партія ставила себѣ конечной цѣлью—упраздненіе штатгальтерской должности, и для этого даже завязала сношенія за границей (Кромвель). Де Виттъ былъ великолѣпнымъ финансовымъ администраторомъ. При помощи удачной конверсіи ему удалось свести процентъ по государственному долгу съ $6\frac{1}{2}$ на 5%. Две главы сочиненія *de la Court'a* «*Het interest van Holland*», посвященные этому вопросу, какъ говорятъ, написаны самимъ де Виттомъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что французскій переводъ сочиненія былъ изданъ подъ заглавіемъ «*Mémoires de Jean de Witt*». Это—типичная книга въ духѣ меркантилизма; но меркантилизмъ ея не национальный, а интернаціональный: это—партийное произведеніе, защищающее интересы посреднической торговли, которую ведетъ голландская денежная аристократія. Книга исходитъ изъ положенія, что истинные интересы Нидерландовъ—не на суши, а на морѣ, ибо морскіе интересы являются для нихъ важнѣйшими; если въ семье слабаго окружаютъ большей заботливостью чѣмъ сильного, то въ государствѣ, наоборотъ, нужно поопрѣдѣть все сильное и жертвовать слабымъ во имя сильного. Въ монархіяхъ господствуетъ принципъ домовладыки, въ республикѣ—начало большей политической власти. Республикаанское устройство есть, следовательно, необходимое условіе для развитія благосостоянія и мірового значенія государства. Въ частности *De la Court* устанавливаетъ 4 основы (Pfeiler) нидерландского богатства, а именно: морская торговля, кораблестроительство, рыболовство и крупная мануфактура. О земледѣліи не упоминается. Всѣдѣствіе этого остается непонятнымъ, какимъ образомъ могли впослѣдствіи считать эту книгу предвестницей системы физіократовъ. Чтобы покровительствовать этимъ четыремъ основамъ, необходимо освободить торговыя сношенія отъ какихъ бы то ни было пошлинъ и налоговъ. Налоги можно возложить съ одной стороны на землю, съ другой—на потребителей, а смотря по обстоятельствамъ, и на товары, ввозимые черезъ сухопутную границу. Только вѣнчаная торговля можетъ дѣйствительно способствовать повышенію благосостоянія народа, при внутренней же каждый живетъ на счетъ другого, народъ въ его цѣломъ не получаетъ никакой прибыли. Въ этомъ смыслѣ необходимо оказывать пред-

почтение мануфактурамъ, получающимъ сырой материалъ изъ-за границы и тамъ же сбывающимъ свои продукты, передъ тѣми отраслями промышленности, которые работаютъ на внутренній рынокъ. Въ соціальномъ отношеніи эта книга устанавливаетъ чисто капиталистическое положеніе, гласящее, что при недоразумѣніяхъ между рабочими и предпринимателями, хозяину всегда должно оказываться предпочтение передъ работникомъ.

Впослѣдствіи это сочиненіе de la Court'a неоднократно перерабатывалось и переиздавалось подъ различными заглавіями, такъ въ 1669 г. оно вышло подъ названіемъ «Anwaysing der heilsame politike Gronden en Maximen der Republike van Holland en West-Friesland». Въ этой книгѣ авторъ высказывается въ общемъ противъ торговыхъ компаний, имѣя, однако, въ виду отнюдь не общіе интересы потребителей, а лишь специальные интересы купцовъ; онъ боится, чтобы привилегіи отдельныхъ лицъ не стѣсняли купца вообще въ его стремлениі къ прибыли. Впрочемъ, при появленіи новой отрасли торговли авторъ считаетъ цѣлесообразнымъ предоставить временную привилегію одному какому-нибудь торговому обществу. Итакъ, совершенно неправильенъ взглядъ, считающій de la Court'a противникомъ меркантильной системы.

Изъ всѣхъ остальныхъ нидерландскихъ политico-экономовъ только одинъ Диркъ Грасвинкель (Dirck Graswinckel), фискалъ голландскихъ государственныхъ имуществъ, отличается иѣкоторой оригинальностью. Его «Placcaetbook op het Stuck van de Lijf-tocht» (1651) является собраниемъ нидерландскихъ хлѣбныхъ законовъ 1501—1634 гг. Чтобы хлѣбные цѣны соответствовали платежнымъ силамъ народа, онъ предлагаетъ облагать пошлинами ввозимый хлѣбъ и устраниТЬ всѣ препятствія къ вывозу. Въ противоположность Р. de la Court'u онъ этимъ какъ бы склоняется на сторону аграрныхъ интересовъ¹⁾.

Нидерландцы служили всей меркантилистической эпохѣ примѣромъ, достойнымъ подражанія. Тотъ фактъ, что государство, занимающее такую маленькую территорію, могло съ успѣхомъ противостоять большемъ территоріальнымъ державамъ, опираясь исключительно на владѣніе движимымъ имуществомъ, вызывалъ удивленіе всего міра. Такой человѣкъ, какъ Кольберъ, не переставалъ постоянно указывать французамъ на этотъ примѣръ. Извѣстно его замѣчаніе, что торгово-политическая борьба ведется тремя державами: голландцами, англичанами и французами. Въ распоряженіи первыхъ имѣется 16000 кораблей,

¹⁾) Подробное изложеніе нидерландской литературы находимъ въ слѣдующихъ двухъ сочиненіяхъ: *Laspeyres, Geschichte der volkswirtschaftlichen Anschauungen der Niederländer und ihrer Litteratur zur Zeit der Republik*, Leipzig, 1863 и *Van Rees, Geschiedenis der Staathuishoudkunde in Nederland tot het Einde der achtiede Eeuw*, 2 тома, 1865/68. Въ частности о Грасвинкельѣ существуетъ монографія: *G. J. Liesker, Die Staatwissenschaftlichen Anschauungen Dirck Graswinckels*, Freiburg (Schweiz). 1901.

въ распоряжениі вторыхъ 3—4000, треты имѣютъ лишь 5—600. Легко, конечно, опредѣлить, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Необходимо направлять промышленность такъ, чтобы «faire une guerre secrète au commerce des Hollandais»¹⁾. Физіократы не раздѣляли этого удивленія. Кэнэ осуждалъ «кареагенскій строй» этого государства. Подобные народы, живущіе трудомъ другихъ, по его мнѣнію, не что иное, какъ паразиты. Онъ считаетъ ихъ существованіе преходящимъ, ибо власть, основывающаяся на движимой собственности, можетъ легко растаять. Совершенно иначе дѣло обстоитъ у тѣхъ націй, сила которыхъ развилась на твердой почвѣ собственной земельной культуры.

Адамъ Смитъ и здѣсь занимаетъ среднее положеніе. Онъ не относится съ особенной симпатіей къ Нидерландамъ, не будучи вообще сторонникомъ посреднической торговли. Въ своихъ историческихъ обзорахъ колоніальной торговли онъ едва упоминаетъ о голландцахъ. Въ концѣ всетаки высказывается косвенное осужденіе тому принципу, представителемъ которого являются, главнымъ образомъ, голландцы—принципу торговыхъ компаний, пользующихся монополіей и надѣленныхъ полномочіями государственной власти. «Общества такого исключительного характера, говоритъ онъ, во всѣхъ отношеніяхъ вредны: они всегда болѣе или менѣе вредны для государствъ, въ которыхъ они основаны, и оказываютъ роковое влияніе на тѣ страны, которымъ имѣютъ несчастье находиться подъ ихъ управлениемъ»²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Смитъ хвалитъ бережливость и ловкость въ торговыхъ предпріятіяхъ амстердамскихъ купцовъ, оказывая, въ этомъ отношеніи, имъ предпочтеніе передъ купцами Лиссабона, Кадикса и даже Лондона. Что касается прочаго, то Адамъ Смитъ съ похвалой отзыается объ обоснованіи и веденіи амстердамскаго банка, обсужденію котораго онъ посвящаетъ довольно много мѣста³⁾. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ уже давно не заслуживалъ похвального отзыва, даннаго Смитомъ: вопреки уставу банкъ вошелъ въ слишкомъ близкія сношенія съ Нидерландской Остиндской компаніей.

Итакъ подведемъ итогъ всему сказанному: въ то время какъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ третье сословіе еще находится въ тѣсномъ союзѣ съ государями и выступаетъ подъ ихъ руководствомъ, въ Нидерландахъ уже проявляется борьба капиталистической буржуазіи за самостоятельность, сначала противъ испанского абсолютизма, а затѣмъ противъ наследственнаго оранскаго штатгальтерства. Между тѣмъ какъ въ борьбѣ съ Испаніей успѣхъ былъ на сторонѣ Нидерландовъ, борьба съ оранскимъ домомъ велась съ перемѣннымъ счастьемъ. Недостатокъ сплѣ націи положилъ предѣлъ соціальному дви-

¹⁾ См. G. Hecht, a.a. O. S. 32 und 33. Ann. 1.

²⁾ „Изслѣдованіе“, кн. IV, гл. 7 отд. 3, заключительное предложеніе.

³⁾ Тамъ же, кн. IV, гл. 3, отд. 1.

женію. Типичнимъ представителемъ тенденцій буржуазії въ літературѣ можетъ служити Гуго Гроцій. Его можно назвать главнымъ захистникомъ третього сословія въ томъ смислѣ, въ какомъ Ж. Ж. Руссо можетъ быть названъ таковымъ же четвертаго сословія. Въ своемъ «*Contrat social*» Руссо рѣзко критикуетъ положеніе Гроція, гласящее, что можно путемъ договора отказаться отъ своей свободы (глава IV).

е. Англія.—Меркантилизмъ во Франції находитъ себѣ главное выражение въ мануфактурѣ, въ Іспаніи и Португаліи—въ колоніальной торговлѣ, въ Голландіи—въ мореплаваніи и посреднической торговлѣ, въ Англіи это движение дѣлаетъ еще шагъ впередъ, включая въ свой кругъ и земледѣліе. Дѣло въ томъ, что существуетъ и *аграрный меркантилизмъ*.

Немногія страны представляютъ такую поучительную въ хозяйственно-историческомъ отношеніи картину, какъ островное государство по ту сторону канала. Ж. Б. Сэй установилъ положеніе, гласящее, что законы не могутъ создать благосостояніе; англичане же доказали на противъ, что не только въ области технологіи, но и въ области положительного законодательства возможны геніальные открытия, которые въ состояніи дать сильный толчекъ экономическому и политическому развитію нації. Я имѣю въ виду навигаціонный актъ Кромвеля, хлѣбный законъ Вильгельма III, торговые договоры съ Португаліей и Іспаніей.

Англійскій народъ не всегда стоялъ во главѣ міровыхъ сношеній. Его экономическая история распадается на два периода, пассивный и активный. Поворотнымъ моментомъ является эпоха королевы Елизаветы, точнѣе—гибель испанской армады у англійскихъ береговъ. Это была одна изъ тѣхъ случайностей, которая неожиданно открываютъ передъ взорами націи новые широкія перспективы и ставятъ ей новые цѣли. Веденіе иностранной торговли англичане до этого момента предоставляли иностранцамъ, главнымъ образомъ германскому ганзейскому союзу. Теперь же младшіе сыновья дворянъ—такъ называемаго «*Gentry*»—принялись за это дѣло. Океанъ давалъ имъ возможность отличиться, пріобрѣсти въ одно и то же время и богатства и лавры. Вмѣстѣ съ тѣмъ «*middle classes*» добились расширенія поля своей дѣятельности; наряду съ «*landed interest*», представителями котораго являлись оба высшихъ сословія, достигало все большаго и большаго значенія «*monied interest*», въ концѣ концовъ занявшій място первыхъ.

Не будемъ долго останавливаться на первомъ, болѣе раннемъ пассивномъ периодѣ; его достаточно охарактеризовать въ краткихъ чертахъ. Вильгельмъ Завоеватель привелъ въ 1066 г. изъ Нормандіи феодально расчененное аристократическое войско, которому были розданы завоеванныя земли, раздѣленные на 60.000 долей. Планъ Вильгельма подготовить переходъ къ абсолютной территоріальной монархіи не могъ быть осуществленъ его болѣе слабыми преемниками. Планъ этотъ

потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ потерпѣть ее, такъ какъ королевской власти недоставало поддержки снизу, со стороны третьего сословія. Magna Charta (1215 г.) есть не что иное, какъ капитуляція королевской власти передъ дворянствомъ, но отнюдь не передъ буржуазіей; послѣдняя тогда еще не играла никакой роли и лишь въ 1265 году была призвана въ парламентъ для утвержденія налоговъ.

Полная обособленность островного государства повела къ тому, что Англія уже скоро противостояла, какъ цѣлое, континентальной торговлѣ. *Charta mercatoria* Эдуарда I, 1303 года, открыла иностраннымъ купцамъ доступъ къ внутреннимъ рынкамъ страны подъ условиемъ уплаты высокихъ пошлинъ. Нѣсколько разъ издаваемые «*Statutes of employment*» обязывали каждого иностранного купца всю сумму, вырученную отъ продажи товаровъ, употребить на покупку произведеній англійской промышленности¹⁾.

Свободнѣе развивается хозяйственная жизнь при Генрихѣ VII (1509 г.). Правда, онъ отклонилъ въ свое время просьбу Колумба о снаряженіи экспедиціи, однако вслѣдствіи самъ вступилъ на этотъ путь, снарядивъ Кабота (1500). Онъ основываетъ для европейской торговли «*Company of merchant adventurers*» (1505 г.), игравшую впослѣдствіи столь важную роль. Генрихъ VIII, къ царствованію которого относится начало реформаціи въ Англіи, имѣетъ меныше значенія для политики вѣнчанной торговли.

Хозяйственная жизнь переходитъ къ своему активному періоду въ царствованіе его геніальной дочери, великой королевы Елизаветы (1533—1603). Во всѣхъ торговыхъ пунктахъ континента внезапно появляются англійскіе купцы съ цѣлью непосредственнаго сбыта своихъ суконъ. Въ особенности въ Антверпенѣ они играютъ громадную роль, имѣя во главѣ «королевскаго купца» Thomas'a Gresham, довѣренное лицо королевы²⁾. Старанія Gresham'a были направлены на систематический подрывъ торговой монополіи Ганзы въ пользу англійского купечества и на замѣну господствовавшей складочной системы (*Stapelsystem*) биржевой по примѣру Антверпена. Въ 1568 г. послѣдовало въ Лондонѣ открытие биржи, построенной главнымъ образомъ на его средства; въ концѣ 1571 г. при торжественномъ освященіи ей было дано королевою название «*Royal exchange*», название, которое она носитъ и по сіе времена.

Болѣе подробное описание борьбы, ведшейся съ большими упорствомъ въ теченіе двухъ десятилѣтій противъ Ганзы, повело бы насъ слишкомъ далеко. «*Company of merchant adventurers*» имѣла смѣлость, по побужденію своего члена Gresham'a, перенести отдѣленіе суконной

¹⁾ См. v. Heyking, *Zur Geschichte der Handelsbilanztheorie*. Berlin 1882.

²⁾ См. два сочиненія Ehrenberg'a „Das Zeitalter der Fugger“ и „Hamburg und England im Zeitalter der Koenigin Elisabeth“, Jena 1896.

торговли въ область самой Ганзы—въ Гамбургъ. Остальные ганзейские города, крайне возмущенные этимъ поступкомъ, добились императорскаго приказа, по которому англійскіе купцы лишились въ Германіи права торговли. Елизавета отвѣтила на этотъ приказъ закрытіемъ ганзейского склада товаровъ въ Лондонѣ (1598 г.), такъ называемаго стального двора (steel yard). Это было смертельнымъ ударомъ для ганзейской торговли. Тридцатилѣтняя война, начавшаяся вскорѣ послѣ того привела ее къ окончательной гибели.

Ко времени королевы Елизаветы относится постановленіе, что лордъ-канцлеръ и судья верхней палаты должны всегда возсѣдать на мѣшкахъ, набитыхъ шерстью, чтобы всегда помнить о значеніи шерстяной мануфактуры какъ главнаго источника народнаго благосостоянія. До гибели армады (1588 г.) Елизавета очень мало интересовалась флотомъ; послѣ этого события она всѣ свои заботы посвятила ему. Въ 1600 году была основана въ видѣ акціонернаго общества Англійская Остиндская Компания, но она не сумѣла пріобрѣсти того значенія, которое имѣла Голландская Остиндская Компания, основанная двумя годами позже; однако, когда въ 1661 г. ей также было предоставлено право мира и войны въ нехристіанскихъ земляхъ, она заняла мѣсто первой. Въ годъ смерти королевы (1603) Walter Raleigh занялъ въ Сѣверной Америкѣ обширную территорію, которую назвалъ въ честь дѣвственной королевы Виргиніей. Никогда еще англійская королевская власть, исключая пожалуй время Вильгельма Завоевателя, не занимала такого могущественнаго положенія вовнѣ и внутри страны, какъ при Елизаветѣ. Благодаря прекрасному финансовому управлению она сумѣла стать настолько независимой, что не нуждалась въ утвержденіи налоговъ народнымъ представительствомъ; это заставило парламентъ, изъ боязни лишиться своихъ правъ, добровольно предложить королевѣ субсидію. Елизавета была достаточно горда, чтобы отклонить это предложеніе. При послѣдующей королевской династіи Стюартовъ долженъ былъ произойти переворотъ: хроническая финансовая нужда привела черезъ 50 лѣтъ къ тому, что парламентъ отказался ватировать налоги и поднялъ знамя ожесточенной борьбы противъ королевской власти.

Во время англійской революціи (1648) активную роль борцовъ играло городское и сельское третье сословіе. Дворянство стояло на сторонѣ короля. Сынъ арендатора Кромвель пошелъ по стопамъ Елизаветы и продолжалъ начатое ею дѣло подобно тому, какъ Кольберъ следовалъ традиціи Франциска I и Ришелье; благодаря Кромвелю пустили ростки сѣмена, посѣянныя его великой предшественницей. Между тѣмъ какъ англійская торговля боролась раньше лишь противъ Испаніи и германской Ганзы, Кромвель повелъ ее на борьбу съ Нидерландами. *Навигаціонный актъ* 1651 года—такой огромный шагъ впередъ по пути развитія англійского могущества, съ которымъ врядъ ли можетъ сравниться какое-либо другое событие предшествующей и по-

следующей истории Англии. Даже Адам Смитъ, который держался совершенно иной точки зрения и оспаривалъ значение законовъ въ дѣлѣ развитія хозяйственной жизни, признавалъ, что этотъ актъ мощно подвинулъ впередъ политическое могущество Англии; отдавая же послѣднему преимущество передъ богатствомъ, онъ счелъ возможнымъ назвать его «можетъ быть самымъ мудрымъ изъ всѣхъ англійскихъ постановленій о торговлѣ». Нидерландцы сумѣли въ общемъ занять място ганзейскихъ купцовъ. Благодаря низкимъ фрахтамъ имъ принадлежалъ торговый транспортъ не только между Англіей и другими европейскими странами, но и между англійской метрополіей и ея колоніями. Даже сошенія вдоль береговъ Англіи велись главнымъ образомъ на голландскихъ корабляхъ и находились—до рыболовства въ прибрежныхъ водахъ включительно—вполнѣ въ рукахъ голландцевъ. На это уже давно косо смотрѣли и въ 1635 году англичанинъ Сельденъ (Selden) опубликовалъ книгу, одно заглавіе которой «*Mare clausum*» указывало на полемической характеръ, направленный противъ взглядовъ, высказанныхъ Гроціемъ въ его «*Mare liberum*» (1609)¹⁾. И вотъ когда нидерландцы оказали поддержку стюартовскому претенденту на англійский престолъ, Кромвель рѣшился на великий шагъ, смѣлость которого мы можемъ измѣрить—лишь имѣя въ виду то мировое значеніе, которымъ пользовались въ то время Нидерланды. Содержаніе изданного имъ Навигаціоннаго акта слѣдующее²⁾:

1) Иностранныя суда не имѣютъ права заниматься рыболовствомъ и транспортомъ въ англійскихъ прибрежныхъ водахъ.

2) Транспортъ между англійской метрополіей и ея колоніями можетъ совершаться лишь на англійскихъ судахъ, т.-е. такихъ судахъ,

¹⁾ Въ книгѣ Сельдена доказывалось право собственности Англіи на всѣ окружающія ее моря. Это возбудило тѣмъ большее волненіе среди нидерландцевъ, боявшихся за свои обширные сельдяные промыслы въ сѣверномъ морѣ, что король Карлъ I настойчиво ссылался на эту книгу и придавалъ ей этимъ какъ бы официальный характеръ. Всѣдѣствие этого генеральныя интаты поручили въ 1636 г. Грасвинкелю написать возраженіе на эту книгу. Онъ исполнилъ порученіе, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, его отвѣтъ остался ненапечатаннымъ. Характерно при этомъ то, что Грасвинкель обратился съ просьбой о предоставлении ему соответствующихъ материаловъ къ Гуго Гроцію, автору *Mare liberum*, жившему въ то время въ Парижѣ въ качествѣ шведского посла. Гроцій отклонилъ просьбу и нѣсколько разъ въ письмахъ просилъ брата (письма отъ 14 дек. 1636 г. и 20 мая 1634 г.) постараться, чтобы Грасвинкель „не сказалъ бы въ этомъ спорномъ вопросѣ ни одного слова, которое могло бы быть непрѣятно тѣмъ, которые господствуютъ надъ Финскимъ и Ботническимъ заливомъ“ (см. G. J. Liesker, Die staatswissenschaftlichen Auschauungen Dirck Graswinckel's, стр. 32, прим. 64). Мы видимъ, что за это время Гроцій сталъ на точку зреяния другихъ интересовъ—и, соответственно этому, всемирноизвѣстный авторъ *Mare liberum* сталъ самъ склоняться къ понятію *Mare clausum*.

²⁾ См. Адамъ Смитъ, Исслѣдованіе и т.-д., кн. IV, гл. 2.

владельцы и экипажъ которыхъ состоять по крайней мѣрѣ на три четверти изъ природныхъ англичанъ.

3) Торговыя сношенія Англіи съ другими европейскими странами могутъ происходить лишь непосредственно, т.-е. либо на корабляхъ данной страны либо на англійскихъ судахъ. Никакая посредническая торговля не допускается.

4) Иностранные купцы платить двойную пошлину за привезенный въ Англію товаръ сравнительно съ туземными купцами.

5) Всѣ вывезенные изъ колоній продукты должны отправляться въ англійскія гавани.

Чтобы вознаградить колоніи за эти ограничения, Кромвель ввелъ въ слѣдующемъ (1652) году монополію на табакъ; разведеніе его въ метрополіи было запрещено, и управление монополіи должно было покрывать свои нужды материаломъ, вырабатываемымъ въ колоніяхъ (въ Виргиніи). Навигаціонный актъ упразднилъ частныя привилегіи и подчинилъ торговлю одному общему закону; вслѣдствіе этого его привѣтствовали, несмотря на протекціонистскую тенденцію, какъ законъ, поощряющій свободную торговлю (въ смыслѣ того времени).

Изданіемъ этого акта Кромвель думалъ достичь непосредственно двухъ цѣлей. Во-первыхъ, онъ хотѣлъ съ помощью судоходной монополіи побудить своихъ соотечественниковъ приняться за кораблестроеніе и этимъ усилить могущество Англіи на морѣ; во-вторыхъ, онъ расчитывалъ нанести сильный ударъ нидерландцамъ съ ихъ транспортными судами и внезапнымъ уменьшениемъ спроса причинить имъ убытки. Нидерландцы ни за что не хотѣли добровольно примириться съ тѣмъ положеніемъ, въ какое они были поставлены. Они взялись за оружіе, чтобы силой заставить англичанъ взять свой законъ обратно. Несмотря на первоначальный успѣхъ эта война (1652—54) кончилась для нихъ неудачно. Не оправдалась даже надежда, которую они возлагали въ этомъ отношеніи на Вильгельма Оранского, ихъ наследственного штатгальтера, избранного на англійскій престолъ (1688). Вильгельмъ III не могъ устраниТЬ законъ, который считался англійскимъ народомъ палладіумомъ торгового могущества; должно быть онъ серьезно никогда и не задавался этой мыслью.

Реставрація при Карлѣ II, несмотря на свое намѣреніе уничтожить все, созданное Кромвелемъ, сдѣлала исключеніе для навигаціоннаго акта. Особымъ закономъ 1660 г. онъ былъ вновь подтвержденъ и впослѣдствіи нѣсколько дополненъ. Къ такимъ дополненіямъ относится раздѣленіе колоніальныхъ продуктовъ на товары перечисленные и не-перечисленные. Къ перечисленнымъ предметамъ (enumereted commodities) принадлежали продукты тропическихъ странъ, какъ напр. хлопчатая бумага, шелкъ, индиго, инбирь и т. п., дающее дерево для кораблестроенія, ленъ или конопля для парусины и т. п., т. е. такие товары которые либо совершенно не вырабатывались въ метрополіи, либо

вырабатывались въ количествѣ недостаточномъ для ея собственнаго потребленія. Для нихъ осталась въ силѣ принудительность ввоза въ Великобританію, и, впослѣдствіи, ввозъ ихъ старались даже увеличить путемъ ввозныхъ премій. Къ неперечисленнымъ товарамъ (по enumerated commodities) принадлежали такие колониальные продукты, которые могли бы конкурировать съ сельскимъ хозяйствомъ метрополіи, какъ напр. хлѣбъ, солонина, спиртъ и др. Принудительный ввозъ ихъ въ метрополію былъ отмѣненъ. Они разсматривались какъ иностранные товары; они могли быть вывозимы повсюду заграницей; при ввозѣ въ Англію они подвергались стѣсненіямъ, какъ если бы они были вывезены изъ чужихъ странъ. Этимъ начинается эпоха аграрного покровительства, продолжателемъ которой является потомъ Вильгельмъ III.

Наряду съ этимъ очень энергично покровительствуется мануфактура. Къ мѣрамъ этого покровительства относится законъ (1666 г.), по которому каждый умершій въ предѣлахъ королевства долженъ быть погребенъ въ шерстяной простынѣ туземнаго производства,—законъ, отмѣненный лишь въ 1814 году. Колониальная политика руководилась между прочимъ принципомъ, не допускавшимъ возникновенія мануфактуры въ колоніяхъ. Только сырье материалы должны вырабатываться въ колоніяхъ, чтобы такимъ образомъ сохранился рынокъ для продуктовъ промышленности метрополіи. Это ограниченіе было однимъ изъ главныхъ поводовъ къ спору, который возникъ между колоніями и метрополіей и окончился отпаденіемъ первыхъ.

Вступивъ на англійскій престолъ послѣ такъ называемой «славной революціи» 1688 г., Вильгельмъ III продолжалъ хозяйственную политику Стюартовъ съ удвоенной энергией. Онъ также старался, путемъ равномѣрнаго покровительства, способствовать развитію какъ landed interest, такъ и monied interest, между которыми на континентѣ произошло враждебное столкновеніе. Въ угоду капиталистамъ-вигамъ онъ принялъ мѣры къ подавленію шерстяной промышленности въ Ирландіи, запретивъ вывозить изъ этой провинціи шерстяные товары и давъ взамѣнъ этого ирландцамъ возможность развить мануфактуру зънянныхъ товаровъ; съ другой стороны онъ хлѣбнымъ закономъ 1689 года отблагодарилъ торіевъ какъ главныхъ представителей landed interest за то, что они не оказали сопротивленія его призванію на англійскій престолъ. Declaration of Rights (1689 г.) была рѣшительнымъ введеніемъ конституціоннаго образа правленія; благодаря этому, веденіе англійской торговой политики перешло съ тѣхъ поръ всепрѣдо въ руки парламента. Послѣдній заботился о томъ, чтобы обѣ партии, въ немъ представленныя, пользовались этимъ въ равной степени.

Цѣль хлѣбнаго закона состояла въ томъ, чтобы создать такую постоянную нормальную цѣну на хлѣбъ, которая съ одной стороны обеспечивала бы достаточное вознагражденіе арендатору, а землевладѣльцу достаточную ренту, и съ другой стороны не была бы слиш-

комъ высока для потребителей. Къ чему канонисты и ихъ послѣдователи стремились при помощи непосредственного фиксированія цѣнъ, того теперь старались достичь косвеннымъ путемъ искусстваго регулированья ввоза и вывоза. Съ этой цѣлью были даны слѣдующія предписанія. Нормальной цѣнной, какъ бы *justum pretium*, должно было служить для пшеницы 48 шиллинговъ за квартеръ, для ржи $\frac{3}{2}$ шиллинга, для ячменя 24 шиллинга. Пока цѣна на внутреннихъ рынкахъ не достигала означенной высоты, ввозъ соотвѣтствующаго хлѣба изъ-за границы вообще запрещался; вмѣстѣ съ тѣмъ назначались преміи за вывозъ этого хлѣба въ размѣръ 5 шиллинговъ за квартеръ пшеницы и $2\frac{1}{2}$ шиллинговъ за то же количество ржи или ячменя. Такимъ искусственнымъ путемъ хотѣли поднять цѣну до нормальной высоты. Когда цѣны на хлѣбъ на рынкѣ начинали превышать послѣднюю, то вывозныя преміи упразднялись, и ввозъ становился свободнымъ до тѣхъ поръ, пока снова не достигался установленный уровень; послѣ этого прежнія правила опять получали силу.

Этотъ хлѣбный законъ, замѣненный въ XIX ст. системой «скользящей скалы» (*sliding scale*), считался вначалѣ такимъ же образцомъ въ области законодательства, какъ и навигаціонный актъ. Онъ нашелъ, въ особенности на континентѣ, ревностныхъ почитателей, къ которымъ, до извѣстной степени, принадлежали даже физіократы. На противъ, Адамъ Смитъ относился къ нему критически.

Ко времени правленія Вильгельма относится и основаніе англійскаго банка въ 1694 г., оцѣнка котораго будетъ сдѣлана ниже. Периодъ правленія королевы Анны (1702—1714) ознаменовался изданіемъ двухъ важныхъ для торговой политики актовъ: это—торговые договоры съ Португаліей и Испаніей. Въ 1703 г. англійскій посолъ въ Лиссабонѣ Methuen заключилъ съ португальскимъ правительствомъ названный его именемъ *Метуеновъ договоръ*, который извѣстенъ въ исторіи какъ чистѣйший типъ меркантилистического торгового договора. Этотъ трактатъ подготавлялся еще при жизни Вильгельма III и долженъ былъ представлять какъ бы вознагражденіе за то, что Португалія примкнула къ коалиції, заключенной Вильгельмомъ III съ европейскими державами противъ Людовика XIV. Договоръ обнимаетъ всего три статьи, которыми устанавливается слѣдующее: Португалія разрѣшаетъ запрещенный въ 1684 г. ввозъ всѣхъ иностранныхъ шерстяныхъ товаровъ и, взамѣнъ этого, получаетъ право ввозить въ Англію португальскія вина, платя пошлину, размѣры которой на $\frac{1}{3}$ ниже пошлины, налагаемой на одинаковое количество французскаго вина. Договоръ долженъ былъ оставаться въ силѣ въ военное и мирное время и могъ ее утратить лишь въ томъ случаѣ, если Англія отниметъ привилегію, данную Португаліи. Какъ видимъ, Англіи представлялось право прекратить дѣйствіе договора, Португаліи же этого права не давалось.

Вопросъ о томъ, кому договоръ Метуена принесъ больше пользы или вреда, Англіи или Португаліи, вызвалъ цѣлую литературу, и еще теперь продолжаются споры на эту тему. Меркантилисты всегда утверждали, что львиная доля выгодъ отъ этого договора пошла въ пользу Англіи, такъ какъ Португалія, предоставляемая свободную конкуренцію Англіи, обрекла всю свою текстильную мануфактуру на гибель; между тѣмъ Англія свою уплату произвела за счетъ Франціи. Другіе, къ нимъ принадлежитъ и Ад. Смитъ, высказываютъ противоположное мнѣніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ тѣхъ поръ португальская мануфактура начинаетъ исчезать, и все португальское народное хозяйство поднало совершенію подъ вліяніе Англіи.

Десять лѣтъ спустя, въ видѣ дополненія къ уtrechtскому миру (1713 года), съ Испаніей былъ заключенъ *Assiento de negros*, скрапценно называемый обыкновенно *Assiento* (т. е. договоръ); онъ имѣлъ такія же послѣдствія для Испаніи. По этому договору англійской южно-морской компаніи дана привилегія на 30 лѣтъ (до 1743 г.) доставлять ежегодно по определенной цѣни 4800 рабовъ-негровъ въ различныя гавани испанскихъ колоній, съ правомъ нагружать корабли колоніальными продуктами въ качествѣ обратнаго груза. Къ этому присоединилась особая привилегія, заключающаяся въ правѣ посыпать ежегодно на ярмарку въ Портобело (на Панамскомъ перешейкѣ) корабль, нагруженный 500 тоннъ мануфактурныхъ товаровъ англійского производства. Этотъ такъ называемый дозволенный корабль сыгралъ роль клина, раздробившаго испанскую, замкнутую въ себѣ систему. 500 тоннъ, упоминаемыя въ договорѣ, превратились вскорѣ въ 1000 тоннъ. Кроме того прибѣгали къ хитрости, состоявшей въ томъ, что, подъ предлогомъ перевозки провіанта для экипажа, за главнымъ кораблемъ стѣдовали другія суда, которыя ночью пополняли опорожненное за день главное судно. Невольничий суда также занимались контрабандной перевозкой мануфактурныхъ товаровъ, главнымъ складомъ которыхъ служилъ островъ Ямайка. Испанія тщетно старалась мирнымъ путемъ освободиться отъ рокового договора. За четыре года до истеченія срока договора началась война (1739 г.), благодаря которой *Assiento* былъ объявленъ недѣйствительнымъ. Хотя по заключенному въ 1748 году миру въ Аахенѣ, четыре оставшіеся года и были снова обѣщаны южно-морскому обществу, но послѣднее сошло для себя болѣе выгоднымъ по соглашенію въ Буенъ-Ретиро (1750) отказаться отъ этого права и принять отъ испанского правительства вознагражденіе въ размѣрѣ 100,000 ф. ст.; однако, несмотря на это, испанская колоніальная система была уже подорвана. Количества враговъ постепенно сдѣлалось слишкомъ большими. Во время французской революціи почти всѣ колоніи объявили себя независимыми, а въ концѣ 19 столѣтія Порторико, Куба и Филиппины, по-

слѣдніе остатки нѣкогда огромныхъ колоніальныхъ владѣній Испаніи, отошли къ Сѣверной Америкѣ.

Ганноверская династія, первымъ представителемъ которой на англійскомъ престолѣ является Георгъ I (1714), дѣйствовала совершенно въ духѣ «monied interest». Этотъ характеръ ея особенно откровенно выступаетъ въ тронной рѣчи короля отъ 19 октября 1721 года, составленной министромъ Робертомъ Вальполемъ. Въ ней онъ прямо указываетъ на торговлю, какъ на программу государства. «Было бы непростительно съ нашей стороны, говорится въ ней, не воспользоваться благопріятными условіями, которыя предоставляются намъ всеобщимъ миромъ, для расширенія нашей торговли, составляющей главную основу благосостоянія и величія этой націи. Ясно, что это всеобщее благо можетъ быть достигнуто только предоставлениемъ наиболѣе благопріятныхъ условій для вывоза нашей мануфактуры съ одной стороны, и для ввоза необходимыхъ сырыхъ продуктовъ съ другой, а также возможно меньшимъ обложеніемъ пошлинами; этимъ путемъ мы достигаемъ того, что торговый балансъ оказывается въ нашу пользу, наше судоходство развивается, и увеличивается количество бѣдныхъ, которымъ мы, такимъ образомъ, можемъ предоставить занятіе». ¹⁾ Даѣе въ тронной рѣчи формулируется и та политика, которую слѣдуетъ вести по отношенію къ американскімъ колоніямъ. Вывозомъ изъ колоній необходимыхъ для кораблестроенія материаловъ, гдѣ послѣдніе имѣются въ избыткѣ, достигается не только увеличеніе богатствъ метрополії; этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ колоніи «удерживаются отъ занятія мануфактурой, которая непосредственно оказала бы конкуренцію великобританской».

Съ именемъ Вальполя тѣсно связанъ и планъ податной реформы, имѣвшей цѣлью замѣнить ввозныя и вывозныя пошлины, столь обременительныя для торговли, единой системой налоговъ на предметы продовольствія (акцизы). Благодаря этому *оттоварная торговля* освободилась бы отъ какихъ бы то ни было налоговъ, и Лондонъ могъ бы стать открытымъ портомъ для всего міра. Однако законопроектъ, предложенный въ 1733 году парламенту, былъ встрѣченъ такими рѣзкими возраженіями, что его пришлось оставить. Но чѣмъ больше разvивались въ *Великобританіи* (съ 1707 г. Шотландія соединилась съ Англіей) международные торговые интересы, тѣмъ больше общественное мнѣніе начинало уживаться съ этой мыслію; къ тому же и въ литературѣ она пользовалась поддержкой. Этотъ планъ, въ нѣсколько измѣненной формѣ, былъ осуществленъ Пилемъ въ 19-мъ столѣтіи, послѣ того какъ Адамъ Смитъ его одобрилъ.

Въ первую половину 18 столѣтія до семилѣтней войны, англійскій меркаптилизмъ достигаетъ своего кульминационнаго пункта. Причиной

1) Ср. Wih. Oncken, Das Zeitalter Friedrichs des Grossen, т. I, стр. 114.

упадка его послужили отношения къ съверо-американскимъ колоніямъ, какъ въ теоріи такъ и на практикѣ. Если даже, что допускаль Адамъ Смитъ, колоніальная политика Англіи была либеральнѣе чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ, она все же была еще очень далека отъ единственно правильной системы древней Греціи. Виною этого, по его мнѣнію, была алчность англійскихъ купцовъ. Сочиненіе Ад. Смита далеко отъ партійной защиты американцевъ, какъ это старались доказать, но оно все таки стоитъ за нихъ въ томъ смыслѣ, что отвергаетъ колоніальную политику метрополіи, какъ несправедливую и нецѣлесообразную. Поэтому будетъ наиболѣе удобнымъ дать обзоръ послѣдующихъ историческихъ явленій въ связи съ сочиненіемъ Смита. Теперь же необходимо бросить бѣглый взглядъ на предшествовавшую меркантилистическую литературу ¹⁾.

Меркантилистическая литература Англіи, какъ по объему, такъ и по содержанію, оставляетъ за собой литературу другихъ странъ. Дать въ краткихъ чертахъ отчетливый очеркъ этой массы материала, подробное изложеніе котораго потребовало бы самостоятельного сочиненія, представляетъ огромныя трудности. Ибо материалъ этотъ захватываетъ самыя разнообразныя области культуры. Поэтому мы остановимся лишь на самомъ важномъ, именно, на томъ, что оказалось замѣтное влияніе на дальнѣйшее развитіе науки. Мы можемъ здѣсь различить 3 литературныхъ направленія: *купеческое, философское и статистическое*, которые находятся то въ болѣе тѣсной, то въ болѣе отдаленной связи другъ съ другомъ, но въ общемъ развиваются самостоятельно.

Начнемъ съ *купеческой* группы, ближе всего стоящей къ практической жизни. Само собою разумѣется, что всѣ авторы этой группы типичные представители *monied interest*. Характерно, однако, то, что всѣ они стараются доказать, что послѣдній не противорѣчитъ *landed interest*, а напротивъ, его поддерживаетъ. Когда торговля процвѣтаетъ для продуктовъ сельского хозяйства открывается хороший сбытъ и рента растетъ—таковъ лейтъ-мотивъ, проходящій черезъ всѣ ихъ сочиненія. Въ частности обсуждаются, главнымъ образомъ, два важныхъ вопроса: съ одной стороны денежный и процентный вопросъ, съ другой—вопросъ о виѣшней торговой политикѣ.

1) Объ исторической эпохѣ, только что вкратцѣ изложенной, см. сочиненія: *Ashley, An introduction to english economic history and theory*, т. I, 3-е изд. 1894, т. II, 2-е изд. 1893 (немецк. переводъ R. Oppenheim'a въ *Brentano-Lesser'schen Sammlung alterer und neuerer staatswissenschaftlicher Schriften*). *Cunningham, Growth of english industry and commerce in modern times*, Cambridge 1892. *Burgon, The life and times of Sir Thomas Gresham*, London 1839. *Olechnowski, Englands wirtschaftliche Entwicklung*, Jena 1879. *Schanz, Englische Handelspolitik gegen Ausgang des Mittelalters*, Leipzig 1881. *Ehrenberg, Hamburg und England im Zeitalter der Koenigin Elisabeth*, Jena 1896.

Въ области торговой политики уже тогда шли споры о свободной торговлѣ. Слово «freetrade» употреблялось впрочемъ тогда въ нѣсколько иномъ смыслѣ, чѣмъ въ настоящее время. Это выражение появилось, какъ полагаютъ, впервые въ концѣ 16 столѣтія, во время столкновеній merchant adventurers съ остальнымъ купечествомъ Лондона; оно направлено противъ монополіи, полученной Company of merchant adventurers на веденіе англійской суконной торговли на европейскомъ континентѣ. Благодаря этой монополіи остальные купцы терпѣли убытки и требовали ея отмены. Именемъ «freetrade» тогда обозначалась такая торговля, которая противополагалась торговлѣ компаниями; оно обозначало и упраздненіе частныхъ монополій. Этимъ однако, совершенно не имѣлось въ виду достижениe равноправности между иностранными и туземными купцами, что въ наше время составляетъ сущность этого понятія. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что туземной торговлѣ нужно отдавать предпочтеніе передъ иностранной. Въ этомъ смыслѣ мы должны понимать и заглавія книгъ C. Misselden'a «Freetrade, or the means to make trade florish» (1622) и Malynes «The maintenance of freetrade» (1622)³). Денежный вопросъ, какъ и вопросъ объ иностранной торговлѣ, обсуждаются въ книгѣ,

¹⁾ Впервые это название употребилъ *Mac Leod* въ своихъ „Elements of Political Economy“, 1858. См. статью „Gresham-Law“ въ *Palgrave's Dictionary of Political Economy*, т. II.

²⁾ Burges, Life and times of Gresham, t. I, 1839.

³⁾ См. статью *E. Lesera* „Freihandel“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2 Aufl., Bd. III.

написанной около того же времени (1624—30), но изданной лишь послѣ смерти автора его сыномъ подъ программнымъ заглавіемъ: «Englands treasure by foreign trade, or the ballance of our trade is the rule of our treasure» (1644). Авторомъ ея былъ бывшій членъ дирекціи Остиндской компаніи *Thomas Min* (1571—1641)¹⁾. Впослѣдствіи сильно переоцѣненная, книга эта представляетъ не что иное какъ дальнѣйшее развитіе принциповъ изданного Остиндской компаніей въ 1621 г. памфлета «A discourse of trade from England into the East Indies», въ защиту предоставленнаго компаніи права вывоза денегъ въ уплату за индійскіе товары. Такъ какъ европейскую торговлю еще связывали Statutes of employment, то компанія, вслѣдствіе этого, должна была подвергаться многочисленнымъ нападкамъ. Менѣ вообще выступаетъ противъ запрещенія вывозить деньги. Деньги, по его мнѣнію, можно уподобить сѣменамъ, которыя крестьянинъ разбрасываетъ весною по землѣ и которыя онъ, такимъ образомъ, какъ бы непроизводительно затрачиваетъ; но осеню урожай съ прибылью возмѣщаетъ первоначальный убытокъ. Это приложимо и къ торговлѣ съ Остиндіей, при которой естественно торговый балансъ всегда остается пассивнымъ, такъ какъ остиндскій рынокъ не принимаетъ европейскихъ товаровъ. Благодаря перепродажѣ остиндскихъ товаровъ европейскимъ народамъ платежный балансъ въ концѣ концовъ снова обращается въ пользу Англіи. Выраженіе «торговый балансъ» (ballance of trade) здесь встрѣчается не впервые. Оно тогда уже вошло во всеобщее употребленіе; ранѣе всего мы встрѣчаемъ это выраженіе въ одномъ сочиненіи Бэкона Веруламскаго, какъ будетъ указано ниже.

Менѣ стоитъ, конечно, за полноцѣнныя деньги. Несмотря на это мы не можемъ упрекнуть его въ смѣшніи богатства съ драгоценными металлами, какъ это часто дѣлалось. Онъ даже рѣзко разграничиваетъ три понятія wealth, treasure и money. Менѣ, какъ и Аристотель, раздѣляетъ народное богатство (wealth) на естественное и искусственное (natural and artificial wealth). Первое заключается преимущественно въ природномъ богатствѣ, какъ земля и пр., второе—въ движимомъ богатствѣ (treasure, stock)²⁾. Деньги (money) являются лишь частью послѣдняго. Назначеніе вѣнчайшей торговли состоять въ томъ, чтобы черезъ посредство благопріятнаго торговаго баланса «to enrich the Kingdom with treasure». Но такъ какъ «treasure» составная часть «wealth», то путемъ увеличенія «treasure» естественно увеличивается и «wealth». Впрочемъ, не «money», а «treasure» является цѣлью вѣнчайшей торговли, первое лишь средство для достижения послѣдняго. «The exportation of our Money in trade and merchandise is a means to encrease our Treasure»³⁾.

¹⁾ См. статью „Min“ въ Palgraves Dictionnary.

²⁾ Chap. XIX.

³⁾ Chap. IV.

Адамъ Смитъ впослѣдствіи утверждалъ, что въ заглавіи книги Мена заключается основной принципъ меркантилистической системы политической экономіи не только Англіи, но и вообще всѣхъ торговыхъ странъ¹⁾ въ смыслѣ отождествленія money съ wealth съ одной стороны и признанія виѣшней торговли единственнымъ источникомъ благосостоянія—съ другой; но въ отношеніи первого пункта это утвержденіе совершенно неправильно; что же касается послѣдняго предположенія, то и противъ него мы можемъ возразить, что виѣшняя торговля составляетъ отличительную сторону только нидѣрландской и, поскольку торговлю съ колоніями можно считать виѣшней, также испанской формы меркантилизма; но оно совершенно неправильно относительно Франціи и остальныхъ европейскихъ странъ, особенно же Англіи, где сельское хозяйство также составляло важную отрасль государственной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что Адамъ Смитъ, какъ это видно изъ только что приведенного мнѣнія, совершенно исказилъ картину меркантилизма, и борьба, которую онъ велъ противъ него, есть борьба съ вѣтряными мельницами²⁾.

Подобныя проблемы какъ у Мена и съ такими же тенденціями разрабатываются и другимъ позднѣйшимъ членомъ Остиндской компаніи Чайлдомъ (Josuah Child, 1630—1699) въ обоихъ его произведеніяхъ «A new Discourse of Trade» (1668) и «A Treatise concerning the East-India-Trade» (1681). Кромѣ того авторъ занимается еще вопросомъ о процентахъ. Въ отношеніи торговой политики первое сочиненіе является восхваленіемъ навигаціоннаго акта; Чайлдъ называетъ его «Magna Charta Maritima», потому что онъ замѣнилъ принципъ монополіи одной компаніи принципомъ общаго покровительства національной торговли. Монополія одной компаніи сохранена только въ одной области океанской торговли, а именно въ торговлѣ съ Остиндіей. То обстоятельство, что именно купцы являются противниками монополіи Остиндской компаніи, Чайлдъ считаетъ доказательствомъ того, «that merchants are not always the best judges in trade». Въ дѣйствительности же остиндская торговля является «the most national of all foreign trades», такъ какъ она способствуетъ прогрессу судоходства, на ней основано національное могущество, являющееся въ свою очередь поддержкой протестантизма. Значитъ, такъ заключаетъ Чайлдъ, англійскій протестантизмъ зависитъ главнымъ образомъ отъ процвѣтанія остиндской торговли. Все вообще зависитъ отъ прогресса національного судоходства. О состояніи торгового баланса слѣдуетъ судить по увеличенію и убыли торговыхъ судовъ, а не путемъ сравненія ввоза и вывоза товаровъ по пошлиннымъ листамъ, такъ какъ въ этихъ датахъ виѣшняя сношенія

¹⁾ „Изслѣдованіе“ и т. д., кн. IV, гл. I.

²⁾ Сочиненіе *Мака* недавно вновь издано въ собраниі „Economic classics edited by W. J. Ashley“, New York and London 1895.

никогда не изображаются совершенно точно. Главнымъ же средствомъ для установления благопріятнаго торгового баланса долженъ быть низкий процентъ; въ такомъ случаѣ торговля получаетъ дешевый капиталъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевые средства производства, и низкими продажными цѣнами устраняетъ иностранную конкуренцію. Чайльдъ сильно оспариваетъ мнѣніе канониковъ о недопустимости процентовъ вообще, онъ, напротивъ, вступается съ такой же энергией за установление законодательнымъ путемъ опредѣленного размѣра процента. Для государства не можетъ существовать болѣе важной задачи въ области народнаго хозяйства, чѣмъ узаконеніе возможно болѣе низкаго процента. Съ этой цѣлью онъ предлагаетъ уменьшить узаконенный въ Англіи процентъ съ 6 на 4%, причемъ ссылается на примѣръ Голландіи. Низкий процентъ полезенъ и «landed interest», потому что это возвышаетъ капитальную стоимость недвижимыхъ имуществъ, такъ что обогащеніе землевладѣльцевъ прямо пропорціонально паденію процента. Для дальнѣйшаго обоснованія этого послѣдняго пункта Чайльдъ въ приложениі къ своему изслѣдованію даетъ маленькую монографію одного помѣстнаго дворянинна Culpeper'a, въ которой этотъ пунктъ разрабатывается подробно.

Въ концѣ 17-го столѣтія выступаютъ одновременно два автора, которые долгое время были совершенно забыты, въ наши же дни опять вышли на свѣтъ и стоятъ въ литературѣ какъ крайніе антиподы; это *Nicolas Barbon* и *Dudley North*. Первый предпринимаетъ въ своемъ произведеніи «A Discourse of Trade» (1690) ближайшее разсмотрѣніе понятія денегъ, причемъ приходитъ къ слѣдующему результату: «money is a value made by a law», и что вслѣдствіе этого «the difference of its value is known by the stamp and size of the piece»¹). Изъ этого вытекаетъ, даѣтъ, что «it is a change or pawn for the value of all other things». Чужая монета принимается во вниманіе какъ эквивалентъ лишь по своей материальной цѣнности. Дѣйствительная стоимость мѣстной монеты разлагается на два элемента, на неизмѣняемый, который, опредѣляется закономъ и на измѣняемый, заключающійся въ материальной стоимости.

Если у Бэрбона особенно выдвигается национальный моментъ денегъ, то противоположность этому составляетъ появившееся годомъ позже (1691) маленькое произведеніе Норта «Discourses on Trade»²). Въ немъ выставляются противоположныя положенія: «Деньги товаръ, который подверженъ приливу и отливу спроса и предложения. Всякое публичное установленіе цѣны является препятствіемъ для экономическихъ сношеній и, слѣдовательно, вредно. Весь миръ представляется

¹⁾ См. *Stephan Baner*, статья „Barbon“ въ Palgraves Dictionary of Political Economy.

²⁾ Новое изданіе 1846 г., Эдинбургъ.

въ торговыхъ дѣлахъ одной націей. Всякое покровительство одной категоріи торговли на счетъ другой является злоупотреблениемъ и приносить вредъ цѣлому. Въ денежной системѣ должна быть дозволена свобода чеканки (free coinage)».

Съ Нортономъ, который долгое время жилъ въ Константинополѣ въ качествѣ крупнаго торговца, въ Англіи впервые выступаютъ въ литературѣ на первый планъ интересы международной торговли съ ихъ крайнимъ индивидуализмомъ и міровымъ гражданствомъ, чѣмъ они противополагаются интересамъ национального хозяйства. Эти интересы международной торговли завоевываютъ въ 18-мъ столѣтіи все больше право, чтобы въ 19-мъ достичь окончательного господства. Мы видимъ, что уже Вальполь склонялся на эту сторону.

Среднее мѣсто, хотя и съ особенной наклонностью къ национальной точкѣ зрения, занимаетъ очень читаемая когда-то книга *Josua Gee «The Trade and Navigation of Great-Britain considered»* и т. д. (1729). Съ одной стороны она защищаетъ навигаціонный актъ, хлѣбный законъ съ его вывозными преміями, высокія ввозныя пошлины на мануфактурные товары и т. д., съ другой—она поощряетъ также посредническую торговлю: въ ней предлагается открыть для свободной торговли два порта, находящихся подъ великобританскимъ господствомъ, именно Гибралтаръ (гдѣ впрочемъ еще съ 1706 г. при королевѣ Аннѣ существовалъ этотъ порядокъ) и портъ Mahon, тогда еще принадлежавший Англіи; въ этихъ портахъ всѣ корабли и товары должны были пользоваться правомъ безпошлинной торговли. Для гаваней англійскихъ береговъ онъ отвергаетъ «free-port-system». Послѣдняя особенно настойчиво защищается въ книгѣ *«An essay on the causes of the decline of the foreign trade, consequently of the value of the lands in Britain and on the means to restore both»* (1744), которая появилась анонимно и приписывается одному изъ директоровъ Остиндской компаніи *Matthew Decker*. Здѣсь отвергается навигаціонный актъ, какъ и законъ о преміяхъ на хлѣбъ и вообще всѣ мѣропріятія подобнаго направленія. Пользы какъ для monied такъ и для landed interest можно ожидать лишь при полномъ переходѣ къ системѣ свободныхъ портовъ для всей Англіи, причемъ какъ ввозъ такъ и вывозъ совершенно свободны (quite free) отъ пошлинъ. Вмѣсто этого онъ предлагаетъ всеобщую поштину на предметы роскоши съ градуированными ставками и съ прямымъ обложеніемъ (таксу за разрѣшеніе употреблять тѣ или другіе предметы роскоши, какъ-то золотые и серебряные товары, вино, кофе, драгоценные камни, дорогія платья, кареты и под.)¹⁾. Разница между этимъ предложеніемъ и Вальполевскимъ планомъ акциза

¹⁾ „To lay one tax on the consumers of luxuries, to take off all our other taxes, excises, and customs; and when that is done, to make all our ports free“, стр. 92.

состоитъ въ томъ, что Деккеръ желалъ ввести эту пошлину въ формѣ, не косвенного, а прямого налога приблизительно въ томъ видѣ какъ Income tax Шилля (1842), введенная въ Англіи вместо пошлины на товары съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ акцизовъ. Деккеръ, напротивъ, совершенно не признаетъ послѣднихъ. Въ одной изъ предшествовавшихъ статей отъ 1743 г., въ которой высказывается та же мысль только въ незначительномъ измѣненномъ видѣ, онъ уже въ самомъ заглавіи выражаетъ исключительность предложенной имъ пошлины; оно гласитъ: «Serious Considerations on the several high duties which the Nation in general, as well as trade in particular, labours under etc., with a proposal for preventing the removing of goods, discharging the trades from any search, and raising all the public supplies by one *single tax*». Эту «single tax» нельзя смѣшивать съ единымъ налогомъ, который былъ предложенъ физіократами и еще до нихъ Локкомъ и нѣкоторыми его послѣдователями. Послѣдняя является налогомъ на доходъ съ земли, «single tax» Деккера же личнымъ подоходнымъ налогомъ по размѣру потребленія. Съ этимъ не могъ примириться Адамъ Смітъ, посвящающій проекту Деккера обстоятельный разборъ. Ему кажется заслуживающимъ предпочтенія косвенная система обложеній по образцу акцизного плана Вальпола.

Купеческая вѣтвь меркантилистической литературы Англіи мало занимается принципиальными вопросами. Было бы напрасно искать въ ней общаго взгляда на общество. Иное дѣло въ философской вѣтви.

Философское направление въ экономической литературѣ Англіи начинается съ «Утопіи» (1516) Томаса Мора¹⁾, бывшаго впослѣдствіи лордканцлеромъ Генриха VIII. Все это теченіе отличается отъ торгово-литературного тѣмъ, что оно не выхватываетъ, какъ послѣднее, отдельные практическіе вопросы и не разбираетъ ихъ съ извѣстной партійной точки зрѣнія, аргументируя противъ возраженій; оно, напротивъ, обращаетъ вниманіе на общественную проблему въ ея цѣломъ. Соціальная реформа для него важнѣе хозяйственной, но послѣдняя составляетъ важнѣйшее содержаніе первой. Утопія (нигдѣ не существующее государство), сдѣлавшаяся впослѣдствіи нарицательнымъ именемъ для всѣхъ подобныхъ идеальныхъ конструкцій общества, является картиной идеаловъ не первого сословія какъ «Civitas Dei» Августина и не второго—какъ «Politeia» Платона. Утопія основана на буржуазномъ интересѣ наживы, на сельскомъ хозяйстѣ и ремеслѣ, сомнѣніе относительно ея классификаціи можетъ существовать лишь въ томъ, не считать ли ее утопіей пролетаріата, какъ это часто утвер-

¹⁾ Сравни относительно Мора: G. Adler, Geschichte des Socialismus und Kommunismus, I ч., кн. IV, гл. 2; вообще о послѣднемъ: W. Roscher, Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre im 16 und 17 Jahrhundert, 1851/52.

ждалось за послѣднее время. Это утвержденіе опровергается уже тѣмъ виѣшнимъ обстоятельствомъ, что тогда крупнопромышленного пролетариата вообще не существовало, а мануфактурный пролетариатъ лишь нарождался. Моръ, долголѣтній защитникъ интересовъ лондонского купечества, былъ всегда противникомъ народныхъ движений. Его идеаломъ было монархическое государство, причемъ реформа должна проводиться сверху, а не снизу. Въ своемъ требованіи уничтоженія денегъ какъ источника жадности и установлѣнія натурально-хозяйствен-наго коммунизма онъ слѣдуетъ скорѣе этическому побужденію. Съ современнымъ коммунизмомъ пролетариата онъ имѣеть мало или не имѣеть ничего общаго. Его идеальный хозяйственный порядокъ допускаетъ на ряду съ иностранными платными рабочими до извѣстной степени и рабство и другіе виды принудительного труда. «Утопія» Мора можно было бы лучше всего назвать мелкобуржуазной, какъ обнаруживающей, при практиковавшемся тогда смышеніи третьяго и четвертаго сословія, черты обѣихъ категорій. Литературно-историческое значеніе этого блестяще написаннаго произведенія заключается исключительно въ области моральнаго вліянія. Догматически-исторического значенія оно не имѣеть.

Послѣднее можно сказать скорѣе относительно другой книги, появившейся на полстолѣтія позже и приписывавшейся долгое время Вилліаму Шекспиру благодаря блестящему слогу и обозначеніемъ на заглавномъ листѣ инициаламъ «W. S.». Она носитъ длинное заглавіе: *Compendions or brief Examination of certayne ordinary Complaints of divers of our Countaynen in these our Dayes, by W. S., gentleman* (1581¹⁾). Въ 1876 г. она была переиздана New Shakespeare Society съ предисловіемъ С. J. Furnivall'a, въ которомъ изслѣдуется вопросъ обѣ истинномъ авторѣ. Такъ какъ Шекспиру, родившемуся въ 1564 г., въ годъ появленія книги могло быть только 17 лѣтъ, то поэтому и по другимъ причинамъ онъ не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ авторомъ. Удивительно только то, что слогъ произведенія отличается выраженіями и формами предложеній, которыя обычны въ драмахъ великаго писателя и не встречаются раньше въ англійской литературѣ. Долгое время полагали, что авторъ — нѣкто *William Stafford*. Но и противъ этого мнѣнія говорить многое, и предпринятое, по порученію англійскаго Шекспировскаго общества, изслѣдованіе Фернівэля заканчивается выводомъ: «Our W-m Stafford is not identifiable». Вносающій miss Елизавета Ламондъ приписала авторство

¹⁾ Въ немецкомъ изданіи E. Lescer'a (1895), редактированномъ Dr. Hoops'омъ, заглавіе гласитъ: „Eine kurzgefasste Prüfung von gewissen alltäglichen Beschwerden verschiedener unserer Landsleute in diesen unseren Tagen, welche, obwohl zum Teil ungerecht und leichtfertig, dennoch alle in Dialogform gründlich erörtert und besprochen sind. Vom Edelmann W. S.“.

нѣкоему *John Hales* (1549) въ статьѣ, помѣщенной въ «English Historical Review» (1891). Противъ этого высказывается Е. Лезеръ въ предисловіи къ своему нѣмецкому изданію (1895), въ которомъ онъ выражаетъ мнѣніе, что Страффордъ былъ лишь издателемъ, а не авторомъ и т. д. Такимъ образомъ, передъ нами неразрѣшенная проблема, и нельзя сказать, что она не имѣеть значенія, такъ какъ дѣло касается произведенія, какихъ немногого.

Авторъ принадлежитъ несомнѣнно къ одному изъ высшихъ сословій. Изъ предисловія видно, что онъ членъ нижней палаты и что онъ изучаетъ преимущественно нравственную философию, вѣтвью которой является, по его мнѣнію, политика. Всюду цитаты изъ классиковъ: изъ произведеній Платона, Аристотеля, Цицерона, Цезаря, Колумеллы и др. Книга написана въ діалогической формѣ; при этомъ авторъ заставляетъ выступать представителей отдѣльныхъ сословій, которые сообща обсуждаютъ нужды времени. Во главѣ стоятъ д-ръ теологіи какъ представитель первого сословія, затѣмъ дворянинъ, который ведетъ рѣчь отъ имени второго сословія. Третье сословіе представлено тремя лицами, именно купцомъ, шляпнымъ мастеромъ и фермеромъ. Отъ четвертаго сословія итъ особыхъ представителей. Всѣ жалуются на наступившую общую дороговизну, имѣющую ту особенность, что она возникла при кажущемся избыткѣ всѣхъ благъ, а не по недостатку ихъ. Каждый классъ взваливаетъ вину на другой, пока всѣ не приходятъ къ выводу, что нужда общая. Какъ тутъ помочь? Первымъ высказывается священникъ. Только государство можетъ, по его мнѣнію, оказать помощь, а именно не непосредственнымъ вмѣшательствомъ, а воздействиемъ на цѣны путемъ приспособленной къ этому торговой политики, и созданіемъ, такимъ образомъ, условій, на основаніи которыхъ сословія получаютъ возможность помогать сами себѣ. Прежде всего нужно дать деньгамъ полную и неизмѣняемую цѣнность. Ходъ мыслей оратора приближается къ закону Грешема, вскорѣ послѣ этого установленному, по которому лучшія деньги изгоняются худшими за предѣлы страны. Изъ низкой стоимости туземной монеты вытекаютъ слѣдующія неудобства. Чужіе купцы продаютъ намъ товары, которые намъ нужны, по номинальной болѣе высокой цѣнѣ, такъ какъ для нихъ имѣеть рѣшающее значеніе реальная цѣнность монеты; горожане, которые являются первыми покупателями побуждаются такимъ образомъ сбывать товары сельскимъ жителямъ настолько же дороже. Послѣдніе могутъ тогда платить дворянамъ лишь незначительную ренту; въ результатѣ послѣдніе для того, чтобы жить по старому, повышаютъ арендаторамъ ренту или же, что еще хуже, принуждены превратить пахотныя земли въ пастбища, которые приносятъ болѣе высокую ренту; такимъ образомъ изгоняется съ своихъ земель земледѣльческое населеніе. Но денежной реформы еще недостаточно. Деньги имѣютъ значеніе лишь какъ орудіе посредничества между товарами. «Мы

должны обратить внимание на то, что, хотя золото и серебро суть металлы, изъ которыхъ обыкновенно чеканятъ деньги, служація знаками для обмѣна товаровъ между людьми, они являются также необходимыми для людей товарами, которые въ дѣйствительности принимаютъ участіе въ обмѣнѣ подъ названіемъ денегъ; цѣна этихъ товаровъ повышается и понижается въ зависимости отъ избытка или недостатка ихъ» ¹⁾). Государственный дѣятель можетъ воздѣйствовать на недостатокъ и избытокъ товаровъ путемъ соотвѣтствующей торговой политики. Законъ долженъ постановить, «что ни одинъ изъ нашихъ сырыхъ продуктовъ не долженъ вывозиться за границу необработаннымъ». Съ другой стороны, должно быть издано запрещеніе ввоза иностраннныхъ мануфактурныхъ товаровъ и предметовъ роскоши ²⁾). Руководящимъ принципомъ торговой политики должна служить следующая точка зреѣя. «Для насы бы лучше платить нашимъ соотечественникамъ больше, чѣмъ иностранцамъ меньше, за одни и тѣ же товары; ибо, какъ бы ни была незначительна выручка, которая идетъ за границу, для насы она пропадаетъ». И далѣе: «Мы должны слѣдить за тѣмъ, чтобы не покупать у иностранцевъ больше, чѣмъ мы имъ продаемъ; такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы бы сами себя разоряли, а ихъ бы обогащали» ³⁾). Тутъ мы имѣемъ дѣло съ понятіемъ торгового баланса. Самое выраженіе это еще не встрѣчается.

Чтобы уберечь крестьянъ отъ все учащающагося огражденія полей ради превращенія ихъ въ пастбища, государственный дѣятель долженъ воздѣйствовать на то, чтобы скотоводство приносило меньшую ренту, чѣмъ земледѣліе. Этого можно достичь следующимъ образомъ. Поземельный налогъ на десятину пастбища устанавливается вдвое выше чѣмъ на пахотную землю, и вмѣстѣ съ тѣмъ налагается высокая пошлина на шерсть, шкуры и др. животные продукты. Или же уничтожаются ограниченія хлѣбного вывоза и доставляется такимъ образомъ расширенный сбытъ его за границу. «Если увеличить такимъ образомъ доходъ съ пашни и уменьшить доходъ съ скотоводства, то я не сомнѣваюсь въ томъ, что земледѣліемъ будутъ заниматься болѣе, а скотоводствомъ гораздо менѣе, и эти огражденія были бы устраниены» ⁴⁾.

Но не только промышленныя сословія, продолжаетъ священникъ, страдаютъ отъ безвременія. Переживаютъ кризисъ и высшія сословія и во многомъ по своей винѣ. Обязанность духовенства въ это трудное время подавать хороший примѣръ, начиная реформу съ самого себя улучшеніемъ своихъ нравовъ. Кромѣ того авторъ надѣется на

¹⁾ Стр. 71 пѣмецкаго изданія.

²⁾ Тамъ же стр. 132.

³⁾ Тамъ же стр. 63.

⁴⁾ Тамъ же стр. 130.

большой соборъ, на которомъ, однако, долженъ предсѣдательствовать не папа, и на которомъ лежитъ задача устраниТЬ несчастный религіозный расколъ, какъ важиѣйший источникъ всего зла.

Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе замѣчательной книги, которая еще въ первую эпоху территоpіальной монархіи выражаетъ съ полной ясностью основныя максимы меркантильной политики Англіи, какъ содержащей также попеченіе о земледѣліи.

Подобная же точка зрѣнія отражается въ произведеніяхъ великаго основателя эмпирической философіи—Бэкона *Веруламскаго*. И по его мнѣнію, какъ и по мнѣнію древней философіи, политические и экономические вопросы составляютъ отрасль моральной философіи. Систематической обработки ихъ онъ не далъ. Въ этой щекотливой области онъ предпочитаетъ наложить на себя молчаніе,—говорить онъ въ произведеніи «О достоинствѣ и распространеніи наукъ» (1623),¹⁾ намекая на свою общественную должностъ.

Не слѣдуетъ, однако, понимать это буквально. Политические и экономические вопросы разсматриваются имъ вкратцѣ въ «Letter of Advice to Sir George Villiers, afterwards Duke of Buckingham» (1615), написанномъ по предложению Якова I для его любимца. И здѣсь впервые въ литературѣ, насколько это доказуемо, встрѣчается рядомъ съ выражениемъ «balance of greatness» выражение «balance of trade». Оба баланса должны, говоритъ онъ, сообща указывать направление дѣятельности государственного человѣка.

Въ обнародованныхъ въ разное время «Essays moral, political and economical» также находится нѣсколько статей, ставшихъ знаменитыми. На первомъ мѣстѣ стоитъ статья о сущности колоніальной системы (On Plantations), въ которой онъ, какъ впослѣдствіи Адамъ Смитъ, выступаетъ въ противоположность испанской колоніальной системѣ: защитникомъ полной свободы сношеній, по крайней мѣрѣ въ начальной стадіи. Важна также статья о процентахъ. Здѣсь, кромѣ защиты взиманія процентовъ, впервые находится ясное различеніе между потребительнымъ и производительнымъ займомъ. При первомъ законный процентъ не долженъ превышать 5%, при второмъ 8%.

Но истинное значеніе Бэкона для науки народнаго хозяйства заключается не въ этихъ единичныхъ идеяхъ. Это значеніе опредѣляется его «естественно-техническимъ» міросозерцаніемъ. Въ своемъ главномъ философскомъ произведеніи «Novum Organon» (1620) онъ создаетъ новую логику, которая носитъ ярко выраженный буржуазный характеръ. Аристократической, «диспутивной» логикѣ, выработанной въ древности Аристотелемъ въ его *Organon*, бывшей на риторической блескѣ въ политическихъ собранияхъ и въ судебныхъ преніяхъ, Бэконъ противополагаетъ новый методъ мышленія, который стремится къ тому, чтобы дѣлать откры-

¹⁾ „De dignitate et augmentis scientiarum“ Lib. VIII, kap. I.

тія и этимъ добиться власти не только надъ людьми, но еще болѣе надъ природой. Три великихъ изобрѣтенія—компаса, книгопечатанія и пороха, которыми былъ измѣненъ міръ, возникли по его мнѣнію, случайнымъ об-разомъ; какихъ же громадныхъ успѣховъ слѣдуетъ ожидать, если будуть дѣйствовать методично для увеличенія количества изобрѣтеній! То, что Бэконъ сдѣлалъ, чтобы идти этимъ путемъ, не можетъ быть названо выдающимся и вызвало не безъ причины насмѣшку J. von Liebig'a¹⁾. Однако Бэконъ никогда и не претендовалъ на то, чтобы быть изобрѣтателемъ, онъ скромно называлъ себя «герольдомъ, трубящимъ въ трубу», и этого никто не можетъ у него оспаривать. Трагична судьба государственного дѣятеля, который терпитъ крушеніе какъ разъ въ той области, въ которой онъ какъ ученый пріобрѣлъ всемирную славу. Подкупъ, употреблявшійся для полученія государственныхъ привилегій на открытия, повлекъ за собой уголовный процессъ, въ одинъ день лишившій его и должности и чести.

Въ дополненіе необходимо добавить, что Бэкону принадлежитъ отрывокъ утопіи «Nova Atlantis», которая, основываясь на «Atlantis» Платона, должна была служить возраженіемъ произведеніямъ Томаса Мора. Всѣ его произведенія полны остроумными изрѣченіями. Нѣкоторыя стали поговорками, напр. сравненіе богатства съ навозомъ; сложенное въ кучу оно бесплодно, разложенное по землѣ оно дѣлаетъ ее плодородной.

Къ исторіи политической экономіи принадлежать не только произведенія непосредственно экономического содержанія, но и такія, которые, хотя и возникли въ области другихъ наукъ, но послужили материаломъ для построенія экономической науки. Здѣсь необходимо назвать двухъ философовъ, которые при всей діаметральной противоположности своихъ исходныхъ точекъ зреінія дополняли другъ друга и сообща оказали большое влияніе на развитіе теоріи. Эти философы—Thomas Hobbes (1588—1679) съ одной стороны и Richard Cumberland съ другой.

Каждый знаетъ Гоббса какъ автора «Leviathan» (1651), въ которомъ теорія монархического государства доводится до крайности. Государство въ немъ изображается въ видѣ чудовища, искусственного животнаго, которое все поглощаетъ своей пастью, чтобы положить конецъ еще худшему первобытному состоянію. У Гроція, и уже раньше у Аристотеля, человѣкъ опредѣляется какъ существо общественное, которое, изъ любви къ обществу заключая договоръ съ себѣ подобными, образуетъ государство; иныхъ возврѣній придерживается Гоббсъ. Человѣкъ по своей природѣ антисоциаленъ; у него только одинъ импульсъ, себялюбіе, которое побуждаетъ его грабить и побѣждать

¹⁾ Въ его рѣчи Francis Bacon von Verulam und die Geschichte der Naturwissenschaft, сказанной въ Баварской Академіи Наукъ, 1863.

другихъ людейъ, это «борьба всѣхъ противъ всѣхъ». Чтобы выйти изъ возникающаго отсюда состоянія страха, люди подчиняются самому могущественному изъ своей среды, который своимъ болѣе сильнымъ эгоизмомъ обуздываетъ эгоизмъ слабыхъ. На основѣ такого «договора подчиненія» возникаетъ государство. Въ своемъ Левіаанѣ Гоббѣ сдѣлался экономическихъ отношеній. Послѣдовательное проведеніе его точки зрѣнія привело бы къ самому крайнему колъбертизму. Въ соціальномъ отношеніи онъ не признаетъ ни духовенства, ни дворянства какъ особыхъ сословныхъ категорій. Древне римская имперія служить ему образцомъ.

Этой материалистической теоріи, выраженной не только въ Левіаанѣ, но и въ его книгѣ «О гражданинѣ» (*De Cive*, 1642), теологъ Камберлендъ противополагаетъ, исходя изъ спиритуалистической точки зрѣнія, диаметрально противоположную доктрину въ своемъ произведеніи *«De legibus naturae disquisitio philosophica»* (1672)¹⁾. Основной импульсъ человѣческой натуры не себѧлюбіе, а благоволеніе (*bienveillance, benevolence*). Источникомъ индивидуального благоволенія является универсальное благоволеніе, которое есть божество и состоитъ въ «стремлениі дѣлать другимъ добро». Въ любви ко всѣмъ уже содержится любовь къ самому себѣ, поскольку она законна. Государство — созданіе Бога. Каждый въ отдѣльности долженъ подчиняться божественнымъ заповѣдямъ, продолженіемъ которыхъ являются государственные законы. Тогда человѣкъ можетъ быть свободно представленъ самъ себѣ подобно тому, какъ въ системѣ небесныхъ тѣлъ каждое тѣло движется свободно, не мѣшая другимъ и все таки подчиняясь общимъ законамъ, которые необходимы для сохраненія цѣлаго. Камберлендъ ограничился этими въ тѣсномъ смыслѣ морально-философскими разсужденіями и не написалъ ни ученія о государствѣ, ни экономики. Послѣдовательное проведеніе его точки зрѣнія въ послѣднемъ отношеніи привело бы къ *«Laissez faire»*²⁾. Правда впослѣдствіи это положеніе основывалось на принципѣ себѧлюбія, а не на принципѣ любви къ ближнему, какъ у него.

Въ то время какъ Гоббѣ и Камберлендъ совершенно противоположны другъ другу въ основныхъ вопросахъ ихъ философіи, оба автора примиряются въ одномъ пункѣ, а именно въ научномъ методѣ. Камберлендъ говорить очень ясно, что онъ въ этомъ отношеніи

1) Самое распространенное издаваie — французскій переводъ *Barbeugrasa* (Амстердамъ 1744), которымъ и мы пользуемся.

2) Chap. VII § VIII, p. 355: „Revenons donc à considérer la Loi, que nous avons découverte et établie un peu plus haut. Elle ordonne de laisser ou d'accorder à chacun, au moins les choses qui lui sont nécessaires, et de ne rien faire pour l'empêcher d'en jouir; c'est à dire, qu'il faut que chacun acquière la propriété de ces sortes de choses, du moins pour le temps qu'elles lui sont nécessaires; à cause de quoi l'on dit, à chacun le sien, à chacun son droit“.

находится на одинаковой почвѣ съ своимъ противникомъ. Это методъ не исторический, а математически абстрактный. По Гоббсу всякое мышленіе есть исчислениe. Организованное общество не что иное какъ механизмъ, колеса котораго всегда вертятся въ одинаковомъ направлении, разъ они приведены въ движение побудительной силой себялюбія (у Кэмберлэнда силой благоволенія). Въ предисловіи къ «Левіааану» мы находимъ съдѣдующее опредѣленіе: «Большой Левіааанъ (такъ мы называемъ государство)—это произведеніе искусства или искусственный человѣкъ, хотя по объему и силѣ гораздо больше естественного человѣка, который долженъ быть имъ осчастливленъ». Въ предисловіи книги «О гражданинѣ» онъ такъ выказывается о научномъ познавательномъ методѣ, вытекающемъ изъ этой точки зрѣнія: «Элементы, изъ которыхъ данная вещь состоитъ, служить лучше всего для ея познаванія. Уже въ часахъ, которые сами движутся, какъ и въ каждомъ сложномъ механизме, нельзя понять дѣйствіе отдѣльныхъ частей или колесъ, если они не разобраны, и если не изслѣдованы материалъ, форма и движение каждой части въ отдѣльности. Тоже самое при правахъ государства и распознаніи обязанностей гражданъ; государство хотя и не можетъ быть разобрано по частямъ, но должно быть рассматриваемо въ отдѣльныхъ своихъ элементахъ. Это значитъ, что должна быть изслѣдованы природа, насколько она приспособлена къ образованію государства или неѣть, и каковы должны быть взаимоотношенія людей, если они хотятъ достичь единства; только такимъ образомъ можно добиться яснаго пониманія. Я такъ и поступилъ. На первомъ мѣстѣ я ставлю поэтому принципъ,—всѣмъ изъ опыта извѣстный и всѣми признанный,—что человѣческий умъ такъ созданъ отъ природы, что если бы человѣка не удерживала страхъ передъ силой, надъ всѣми стоящей, то каждый относился бы недовѣрчиво къ другому, боялся бы его и имѣть бы возможность и желаніе защищаться своими силами»¹⁾). Нагляднымъ образомъ здѣсь обрисовано то, что было позже названо математически-точнымъ или изолирующимъ методомъ, которымъ потомъ пользовались физіократы. Послѣдніе назвали Гоббса своимъ предшественникомъ въ этомъ методологическомъ, формальномъ пункѣ, въ содержаніи идей они болѣе приближались къ Кэмберлэнду.

Отъ Джона Локка²⁾ (1632—1704), теоретика познанія, можно было ожидать, что онъ особенно выдвинется въ экономической наукѣ. Онъ принадлежитъ, благодаря своему произведению «Treatise of civil government (1690)», къ теоретическимъ обоснователямъ конституціонной системы государства, которая удѣляетъ третьему сословію активное участіе въ государственномъ управлѣніи. Онъ былъ также

¹⁾ Стр. 21 и сл. по измѣцкому переводу Кирхмана.

²⁾ См. о Локке Bonar, Philosophy and Political Economy, 1893 и его же ст. „Locke“ въ „Palgraves Dictionnaire of Political Economy“.

однимъ изъ основателей и главнымъ акционеромъ англійского банка (1694) и состоялъ неоднократно на государственной службѣ какъ разъ по вѣдомству торговли, хотя и былъ врачемъ по профессіи. Несмотря на это, его произведенія не оправдываютъ этихъ ожиданій; во всякомъ случаѣ оправдываютъ очень мало. Его экономическая воззрѣнія страдаютъ пробѣлами, спутанностью понятій и противорѣчіями. Въ своемъ главномъ вышеназванномъ произведеніи онъ лишь слегка касается экономическихъ вопросовъ. Послѣдніе болѣе подробно разрабатываются въ слѣдующихъ двухъ небольшихъ статьяхъ: «Some considerations on the lowering of interest and raising the value of money» (1692) и затѣмъ въ продолженіи ея «Further considerations concerning raising the value of money» (1695). Здѣсь онъ становится на точку зрѣнія тѣхъ, которые подобно Норту усердно нападаютъ на чеканку неполноцѣнной монеты и на пониженіе процента законодательнымъ путемъ (противъ Чайльда). Но мы бы сильно ошиблись, если бы заключили изъ вышесказанного, что онъ противникъ регулированія государствомъ экономическихъ отношеній. Въ другихъ отношеніяхъ Локкъ является узкимъ меркантилистомъ. Въ статьѣ, которую онъ издалъ (1697) въ качествѣ одного изъ членовъ Council of Trade, онъ является поборникомъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью подавленіе ирландской шерстяной мануфактуры въ пользу англійской. Онъ является вообще приверженцемъ ученія о торговомъ балансе. У него разсѣяны иѣкоторые мысли, которыя позже должны были еще сыграть роль. Сюда относится предложеніе одного единственнаго налога на земельную собственность, такъ какъ налоги все равно перелагаются на нее. Этотъ проектъ однако далѣе не разрабатывается. Другіе писатели какъ Asgill¹⁾ (1696) и Vanderlint²⁾ (1734) усвоили и постарались развить его. Основной характеръ эта мысль получила въ системѣ физіократовъ. Кэнэ, однако, дошелъ до этой мысли совершенно самостоятельно, что можно прослѣдить въ его произведеніяхъ. Локкъ былъ, кроме того, одинъ изъ первыхъ среди основывавшихъ собственность на личномъ трудѣ³⁾. Противникомъ мнѣ-

¹⁾ John Asgill, Several assertions proved in order to create another Species of Money than Gold and Silver, London 1696.

²⁾ Vanderlint, Money answers all things, 1735.

³⁾ Wilhelm Hasbach излагаетъ взгляды Локка въ своемъ произведеніи „Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von Fran ois Quesnay und Adam Smith begr ndeten politischen Oekonomie“ (1890) на стр. 50 въ слѣд. положеніяхъ: „Богъ предоставилъ людямъ землю какъ общую собственность. Но такъ какъ онъ создалъ всѣхъ свободными и равными, то онъ далъ каждому частную собственность на свою собственную личность. На нее больше никто не имѣть права. Работа его двѣла, трудъ его рукъ принадлежать ему и только ему одному. Человѣку, какъ известно, принадлежитъ право на нишу и другія средства пропитанія. Но такъ какъ естественно создаваемая землею средства

ний Локка о деньгахъ явился позже великій *Исаакъ Ньютона*, бывшій директоромъ лондонскаго монетнаго двора съ 1700—1727 г. Не въ опубликованномъ сочиненіи, а въ цѣломъ рядѣ рапортовъ, начиняя съ 1701 г., онъ указываетъ на необходимость чеканки монетъ, служащихъ для внутреннихъ сношеній, немного ниже ея номинальной стоимости; въ противномъ случаѣ можно было бы ожидать отлива денегъ въ международныя сношения, въ результатѣ чего страна оказалась бы лишенной средствъ обращенія. Этотъ взглядъ Ньютона имѣлъ успѣхъ у министровъ.

Въ 18 столѣтіи моральная философія стала особенно интересоваться экономикой. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ шотландской школѣ философіи. Изучать эти стремленія всего удобнѣе въ связи съ Адамомъ Смитомъ, который принадлежитъ къ этой школѣ. Только однимъ писателемъ необходимо заняться теперь; онъ, правда, шотландецъ и философъ-моралистъ, но стоить вѣкъ этой школы. Въ противоположность другимъ ся представителямъ онъ является строгимъ меркантилистомъ. Это *James Stewart* (1712—1780). Какъ приверженецъ дома Стюартовъ, онъ бѣжалъ послѣ битвы при Куллодачъ (1745 г.) на континентъ и жилъ здѣсь поперемѣнно во Франції, Германіи, Италии и Нидерландахъ, собирая матеріалъ для опубликованного въ 1767 г. произведения: «An Inquiry into the Principles of Political Economy, being an Essay on the Science of Domestic Policy in Free Nations»; въ немъ онъ обнародовалъ результаты занятій. Эта книга обратила тогда на себя вниманіе всего міра, но лѣтъ черезъ десять была совершенно отодвинута на задній планъ сочиненіемъ Адама Смита «Wealth of Nations» (1776), а въ 19 вѣкѣ почти забыта. Въ наше время опять обратили на нее вниманіе благодаря

пропитанія недостаточны, то человѣкъ долженъ пахать, обрабатывать, удобрять и заливать землю; Богъ приказалъ человѣку трудиться. Своей дѣятельностью онъ соединяетъ съ землею то, что составляетъ его частную собственность, и этимъ онъ дѣлаетъ самый кусокъ земли—своей частной собственностью. Если кто-нибудь захочетъ его отнять у него или помѣшать ему пользоваться плодами своего труда, тогдѣ нарушилъ его естественное право и т. д.⁴. Приведемъ изъ Гасбаха далѣе еще слѣдующее мѣсто, характеризующее общую государственно-философскую точку зрѣнія Локка: „Локкъ—отецъ политического и социального индивидуализма, ученія о неприкосновенности основныхъ правъ, о неотчуждаемости человѣческихъ правъ, о слабости государства, которое должно защищать только собственность и свободу, единственная задача котораго—правовая задача. Если прежніе учителя естественного права и опредѣляли безопасность какъ задачу государства, то они не ограничивали ее только этимъ“. Такъ говорить Гасбахъ. Но что Локкъ не былъ послѣдователенъ въ послѣднемъ пункте, доказывается нашимъ вышеупомянутымъ положеніемъ. Обзорѣніе политico-экономической литературы о Локкѣ, очень обширной въ настоящее время, находимъ у *J. Boga*'а въ статьѣ „Locke“ въ *Palgraves Dictionary of Political Economy*.

Feilbogen¹) и Hasbach²). Прежде всего достойно внимания заглавие, въ которомъ впервые употребляется въ англійскомъ произведеніи выражение «political economy». Относительно содержанія слѣдуетъ признать, что этотъ трудъ задается цѣлью въ болѣе обширной формѣ, чѣмъ до тѣхъ поръ «свести къ основнымъ положеніямъ сложные элементы внутренняго государственного правленія и создать правильную науку» (предисловіе). Гасбахъ, однако, сильно преувеличиваетъ, считая Стейарта самимъ выдающимся экономистомъ 18 столѣтія. Если всмотрѣться внимательно, то мы не найдемъ у Стейарта ничего по содержанію существеннаго, что не было бы высказано, и въ болѣе пластичномъ изображеніи, у болѣе раннихъ писателей. Къ этому присоединяется отсутствіе точности выраженій и ясности понятій. Это чувствуется самимъ авторомъ, такъ какъ онъ часто повторяетъ, что его произведеніе лишь собраніе замѣчаній, записанныхъ во время путешествій въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время. Онъ считаетъ свою книгу «лишь собраніемъ материала, который долженъ быть разработанъ болѣе искусными руками чѣмъ мои». Въ лучшемъ случаѣ ее можно рассматривать, въ соотвѣтствіи съ характеромъ меркантильной системы, какъ справочную книгу народно-хозяйственной политики, но не какъ изложеніе народно-хозяйственной теоріи. Въ разсужденіяхъ о торговомъ балансе нѣть ничего новаго. Центръ тяжести его произведенія лежитъ въ изображеніи сущности денегъ и банковъ, причемъ въ особенности принимается во вниманіе система его соотечественника шотландца Джона Ло (Law). Впослѣдствіи заслуживали вниманія можетъ быть только его разсужденія, касающіяся цѣнъ. При всемъ томъ слѣдуетъ признать несправедливымъ со стороны Адама Смита, что онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ авторѣ, котораго онъ хорошо зналъ.

Среднее положеніе между философской и купеческой литературными группами занимаетъ статистическая вѣтвь. Она начинается произведеніемъ Джона Граунта (Graunt) «Natural and Political Observations upon the Bills of Mortality» (1662), въ которомъ на основаніи листовъ города Лондона о рожденіи и смертности доказывается извѣстная правильность, приведшая впослѣдствіи къ обоснованію страхованія жизни. Два года послѣ смерти Граунта его книга была вновь поздана въ значительно дополненномъ видѣ однимъ авторомъ, который довелъ проведенный въ ней методъ до высшей степени его развитія. Это былъ Вильямъ Петти (Petty, 1623—1687). Рѣдко встречается человѣкъ столь многосторонній. Врачъ по своему призванію, онъ былъ послѣдовательно математикомъ, музыкантомъ, землемѣромъ, кораблестроителемъ и т. д. Ро-

¹⁾ „James Steuart und Adam Smith“, Zeitschr. f. d. ges. Staatswissenschaft, 1889.

²⁾ „Untersuchungen über Adam Smith“, 1891, стр. 81 и сл.

дившись сыномъ бѣднаго мелкаго ремесленника, онъ умеръ англійскимъ первомъ и крупнымъ миллионеромъ. Будучи во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ математикомъ, онъ примѣнялъ методъ исчисленія для всѣхъ отношеній, даже политическихъ. Въ то время какъ его другъ Гоббсъ преслѣдовалъ ту же цѣль дедуктивнымъ путемъ, онъ всегда опирался на индукцію, на изученіе фактовъ. Такимъ образомъ онъ сдѣлался основателемъ «Political Arithmetic» согласно заглавію, которое онъ далъ собранію своихъ статистическихъ сочиненій, написанныхъ въ періодъ съ 1671—1687 г. Въ предисловіи къ нимъ онъ высказывается слѣдующимъ образомъ о своемъ методѣ изслѣдованія: «Методъ, который я тутъ примѣняю, еще мало распространенъ. Вмѣсто образныхъ, наыщенныхъ словъ и отвлеченныхъ аргументовъ, я выражаюсь числами, мѣромъ и вѣсомъ, чтобы употреблять только аргументы чувствъ и принимать во вниманіе такія причины, которыя имѣютъ видимое основаніе въ природѣ». Петти думалъ найти такимъ образомъ научную почву, которая независима отъ мнѣній отдѣльныхъ людей. Слѣдуюція произведенія его написаны въ томъ же направленіи: «Treatise on Taxes and Contributions» (1662), дающе «Political Survey or Anatomy of Ireland» (1672). Въ нихъ разбросаны и экономическія размышленія, которыхъ не слѣдуетъ, однако, переоцѣнивать. Ему первому приписываются напр. слѣдующія миѣнія: 1) трудъ и земля—основные элементы богатства; 2) принципъ раздѣленія труда; 3) пѣнность товара опредѣляется стоимостью его производства и т. п. Но если читать соотвѣтственныя мѣста подлинника, то видно, что тутъ имѣешь дѣло болѣе съ афоризмами, чѣмъ съ методически послѣдовательной разработкой. Дѣйствительное его значеніе лежитъ въ области не догматического, а фактическаго. Одно изъ его изречений вновь возродилось у Cantillon'a въ 18 столѣтіи и у Effertz'a въ 19-омъ; это—изреченіе о томъ, что трудъ и земля, какъ самостоятельные факторы богатства, не могутъ быть приведены другъ къ другу, т. е. земля не можетъ быть приведена къ труду, а трудъ къ землѣ, но оба должны быть рассматриваемы какъ совершенно отдѣльныя категоріи (*«labour is the father and active principle of wealth, lands are the mother»*). Несмотря на то, что Петти долженъ быть причисленъ къ предвѣстникамъ политico-экономической науки, его бiографъ Фицморисъ¹⁾ и некоторые другие ошибаются, называя его «founder of political economy»; его можно назвать «founder of political arithmetic», т. е. статистики. Основываясь на трудахъ Граунта и Петти, англійскій астрономъ Галлей (1656—1742) составилъ, на основаніи таблицъ смертности города Бреславля (1692), первую таблицу смертности, которая примѣнялась для цѣлей страхованія жизни. Торговая статистика получила вскорѣ послѣ этого выдающагося пред-

¹⁾ *Fitzmaurice, Life of Petty, 1895, p. 315.*

ставителя въ лицѣ *Давенанта* (1656—1714). Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на выдающагося статистика того времени *Григорія Кинга* (1648—1712) въ его произведеніи: «Natural and political observations upon the state and condition of England» (1696)¹).

f. Германія. Правленіе Карла V составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи Германіи. Послѣ того какъ планъ превратить имперію съ помощью реформаціи въ единую монархическую державу потерпѣлъ крушеніе вслѣдствіе недостатка разсудительности у этого государя, всегда остававшагося чужды мъ германскому духу,— раздираемое религіозными раздорами государство необходимо должно было впасть въ анархію. Появилась неорганизованная масса стремящихся къ полному суверенитету свѣтскихъ и духовныхъ государей, графовъ, городскихъ и крестьянскихъ республикъ и т. д.; всѣ они враждовали и воевали другъ съ другомъ и даже съ императоромъ. Сто лѣтъ спустя, въ 30-ти лѣтнюю войну и разразилась катастрофа, едва не погубившая совершенно нѣмецкаго народа. Эта эпоха внутренняго разложенія въ свою очередь распадается на періоды, нашедшіе себѣ выраженіе и въ экономическихъ отношеніяхъ. Если открытіе новыхъ морскихъ путей и было совершено главнымъ образомъ при помощи морскихъ инструментовъ (астrolабій) и картъ (глобусъ Бегайма и т. п.), изготовленныхъ въ верхнегерманскихъ городахъ (Нюрнбергъ), то выгоду отъ этого получали другія націи. Нельзя сказать, что не дѣжалось никакихъ попытокъ принять участіе въ колонизаціонной дѣятельности. Аугсбургскій торговыій домъ Вельзеръ снарядилъ съ разрѣшенія Карла V собственную экспедицію въ Венесуелу (1527) подъ начальствомъ Амброса Даннингера²). Но предпріятіе превышало силы одного торгового дома и кончилось безуспѣшно. Съ тѣхъ поръ государи стали преслѣдовать ближе лежащіе цѣли; они укрѣпляли свою территоріальную власть и заботились также объ экономической самостоятельности своихъ областей. Еще въ 1521 г. было возможно, — правда только такому человѣку какъ Эразмъ въ сочиненіи, посвященномъ Карлу V, «Institutio principis christiani» (нѣмецкій переводъ подъ заглавіемъ «Unterweisung eines frummen und christlichen Füsten») — дѣлать предложенія,клонившіяся къ экономическому объединенію всей имперіи. Къ подобной же цѣли стремился разматривавшійся зимою 1522/23 г. въ германскомъ имперскомъ сеймѣ проектъ имперскаго таможеннаго закона, предлагавшій

¹) О дальнѣйшемъ развитіи этого направленія въ 18 столѣтіи см. *F. Lohmann*, Die amtliche Handelsstatistik Englands und Frankreichs im XVIII Jahrhundert, Sitzungsberichte der Kgl. preuss. Akademie der Wissenschaften, 1898.

²) См. обѣ этомъ статью *Häßler'a* въ прил. къ Allg. Zeitung 1894, №№ 285 и 286. Подробиѣ о большихъ торговыхъ домаахъ въ верхнегерманскихъ городахъ *Richard Ehrenberg*, Das Zeitalter der Fugger, Bd. I. 1896. *Aloys Schulte*, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien mit Ausschluss von Venedig, 1 Bd., Leipzig 1900.

вывозную и ввозную пошлину въ размѣрѣ 4% при переходѣ товаровъ черезъ имперскія границы (со включеніемъ Нидерландовъ, но съ исключеніемъ Швейцаріи). Но этотъ планъ разбился о противодѣйствіе Карла V, за которымъ стояли торговыя компаніи нѣмецкихъ городовъ. Съ этого момента хозяйственная жизнь народа распалась на безчисленное множество территоріальныхъ сферъ, болѣе или менѣе рѣзко отдѣлившихся другъ отъ друга и преслѣдовавшихъ часто противоположную политику. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляется споръ о денежной политикѣ, происходившій около 1530 г. между двумя линіями саксонской династіи, — католической альбертинской и протестантской эрнестинской. Онъ вертѣлся вокругъ обычного вопроса, должны ли монеты чеканиться полноцѣнными или неполноцѣнными, и привелъ къ раздѣленію общей до тѣхъ поръ денежной системы. Возникшая отсюда офиціозная полемика въ летучихъ листкахъ интересна въ томъ отношеніи, что въ одномъ изъ этихъ полемическихъ сочиненій: «Die Müntz Belangende Antwort und Bericht der Fürnemesten punkt und Artikel, auff das Büchlein, so der Müntz halben, in der Chur - und Fürsten zu Sachsen Landen.... kürtzlich in Druck ausgegangen ist» и т. д.—мы находимъ фразу, въ которой въ наши дни привыкли видѣть основной принципъ меркантильной системы, а именно, что богатство и драгоценный металлъ — одно и то же. Я искалъ фразу «богатство—это деньги» во всей остальной литературѣ меркантилизма и не нашелъ ея. Всюду въ другихъ сочиненіяхъ деньги представляются какъ знакъ, т.-е. какъ представитель другихъ товаровъ; категоріей богатства они считаются лишь въ той мѣрѣ, поскольку они сами содержатъ въ себѣ естественный материалъ; но никогда никому не приходитъ въ голову выставлять просто благородные металлы какъ такое богатство, на ряду съ которымъ ничто другое не принимается во вниманіе. Здѣсь, напротивъ, ясно указывается, что разработка золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ есть источникъ богатства, и требованіе неполноцѣнной чеканки монетъ мотивируется тѣмъ, что въ противномъ случаѣ деньги, а слѣдовательно и богатство переходили бы за границу. Какъ желательна бы ни была съ литературно-исторической точки зрѣнія талантливая запита этого мнѣнія,—къ со жалѣнію, дѣло обстоитъ иначе. Рошеръ справедливо говоритъ объ этомъ¹⁾: «Эрнестинскій памфлетъ написанъ поразительно плохо: съ софизмами, такъ какъ безъ нихъ нельзѧ обойтись, имъя подобную цѣль; туманно, какъ всѣ софизмы; высокопарно—для скрытия крупныхъ недостатковъ». Напротивъ, сочиненія альбертинской католиче-

¹⁾ „Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland“, München 1874. Летучіе листки, касающіеся монетнаго спора, недавно перепечатаны В. Лотцемъ (W. Lotz), Лейпцигъ 1893, въ Brentano-Leser'sche Sammlung älterer staatswissenschaftlicher Schriften.

ской линіи отличаются достоинствомъ и логической последовательностью.

Тогда же высказался по поводу волновавшаго всѣхъ современниковъ монетнаго вопроса и великий астрономъ Коперникъ въ сочиненіи, составленномъ имъ въ 1526 г. по повелѣнію короля польскаго Сигизмунда «Monetae Cudenda Ratio». Здѣсь онъ излагаетъ свой взглядъ, высказанный имъ, по свидѣтельству Рашера, уже на прусскомъ сеймѣ 1522 г. и заключающійся въ томъ, что слѣдуетъ ввести одну общую монету для всей государственной территории съ доходомъ отъ чеканки, по возможности не превышающимъ расхода послѣдней¹⁾.

Въ то время «Policey» занимались большей частью ученые юридического міра. Среди нихъ выдается въ серединѣ 16 столѣтія Мельхіоръ фонъ Осса (Melchior von Ossa), сочиненіемъ котораго «Prudentia regnativa», написаннымъ въ 1566 г. и опубликованнымъ въ 1607 г., начинается развившаяся впослѣдствіи камеральная литература. Это сочиненіе долго пользовалось большимъ уваженіемъ, особенно потому что въ 1717 г. Томазій переиздалъ его и основалъ на немъ свои лекціи.

Изъ этого, наиболѣе отдаленного, періода заслуживаютъ быть названными еще профессоръ права въ Штрасбургѣ Обрехтъ (Obrecht), сочиненіе котораго «Fünff unterschiedliche secreta politica von Anstellung und Vermehrung guter Policey» (posthum, 1617) заключаетъ въ себѣ предложенія, позволяющія признать автора пionеромъ идеи страховыхъ учрежденій; затѣмъ Борницъ (Bornitz, 1625) и Безольдъ (Besold, 1620), рассматривавшіе главнымъ образомъ финансы государства (Aegarium). Обширное сочиненіе Клока (Klock) «De contributionibus» (1634), вышедшее во время 30-тилѣтней войны, посвящено специальнно податной системѣ и обращаетъ уже вниманіе на прогрессивный налогъ. Вызванныя войной принудительныя контрибуціи и субсидіи (Schwedensteuern) давали достаточно повода для систематической разработки этой темы.

На вопросъ, въ чёмъ собственно заключается великое бѣдствіе, которое претерпѣла Германія во время 30-тилѣтней войны, можно отвѣтить въ иѣсколькоихъ словахъ, что исчезло все ея третье сословіе. Кроме того, духовенство и дворянство оказались вполнѣ на службѣ монарховъ, въ особенности въ протестантскихъ земляхъ. Немногочисленное населеніе, остававшееся въ городахъ и въ деревняхъ было просто индифферентной массой людей, жившихъ чѣмъ Богъ послалъ. Хотя абсолютная власть территорialного государства устояла, однако — какою цѣной! почти цѣлое столѣтіе она должна была выплачивать долги, прибѣгнуть къ которымъ ее принудила война.

1) Это разсужденіе впервые было напечатано Benkowskимъ (Benkowski) въ 1861 г. и затѣмъ перепечатано Wolowskимъ (Wolowski) въ 1864 г.

Принятой на Вестфальскомъ мирѣ конституціей думали, правда, установить мудрое смѣщеніе монархіи съ аристократіей. Но что на самомъ дѣлѣ представляли собой прелести этого «смѣшанного государства» (*gemischter Staat*), которое по истинѣ являлось «неправильнымъ» (*unregelmässiger Staat*), это сдѣгалось извѣстно всему миру по сочиненію Пуфendorфа (1667)—*De statu imperii Germanici*. Уже въ своихъ *Elementa jurisprudentiae universalis* (1660) онъ занялъ среднее положеніе между Гроциемъ и Гоббсомъ. Эту точку зрѣнія онъ старался развить даѣтъ въ своемъ, доставившемъ ему всемирную извѣстность, сочиненіи *De jure naturae et gentium libri VIII* (1672). Это сочиненіе имѣло за границей гораздо большее вліяніе, чѣмъ въ Германіи, духовный уровень которой частолько опустился, что она не могла ничего извлечь изъ этого сочиненія. Изъ него черпали физіократы и Адамъ Смитъ, и Гасбахъ¹⁾ справедливо указалъ на то, что западная политическая экономія въ значительной степени вытекаетъ изъ той идеи естественного права, которой Пуфendorfъ сообщилъ новый толчокъ. Высказанныя имъ воззрѣнія на народное хозяйство не содержать ничего оригинального: это взгляды того времени, только проникнутые либеральнымъ духомъ.

На экономической ученія своего отечества его вліяніе, какъ уже сказано, было сначала не такъ значительно. Экономическая доктрина находила свое развитіе, прежде всего отвѣчая потребностямъ монархіи, въ составѣ такъ называемой *камеральной науки* (отъ самега, канцелярія), и была чисто практической чиновничей дисциплиной (*Beamtdisciplin*). Дисциплина эта раздѣлялась на три отдыла, соотвѣтственно задачамъ монархіи, навязаннымъ ей обстоятельствами. Задачи эти состояли въ заселеніи во-первыхъ опустошенныхъ областей, во-вторыхъ—городовъ, и въ искусномъ финансовомъ управлѣніи для облегченія отъ бремени долговъ. Камеральная наука, какъ специфическая форма меркантилистической литературы Германіи, носить поэтому съ одной стороны характеръ популяционистскій, съ другой—характеръ науки о государственныхъ финансахъ. Элементами, изъ которыхъ состояла камеральная наука, являлись: экономическая или сельскохозяйственная наука, полиція или наука о городскомъ хозяйствѣ, и «особенная» камеральная наука или наука о финансахъ. Богатство страны заключается въ городскомъ и сельскомъ производительномъ (*nahrhaft*) населеніи и въ цвѣтущемъ финансовомъ хозяйствѣ (*aerarium*, *Finanzhaushalt*)²⁾.

¹⁾ W. Hasbach, *Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von Francois Quesnay und Adam Smith begründeten politischen Oekonomie*, Leipzig 1890, S. 46.

²⁾ О внутреннемъ устройствѣ абсолютнаго государства той эпохи см. v. Below, *Territorium und Staat*, München und Leipzig 1900, S. 163 ff.

Къ достоинствамъ «камералистовъ» слѣдуетъ отнести то, что они съ похвальнымъ рвениемъ старались рѣшить поставленныя имъ задачи; правда, нельзя при этомъ отрицать, что измѣряя богатство государя числомъ подданныхъ, они дѣлали это скорѣе въ томъ смыслѣ, какъ въ наше время богатство помѣщика оцѣниваютъ числомъ головъ скота. Только очень медленно появлялось въ Германіи опять третье сословіе, состоятельная буржуазія. Ранѣе XIX ст. о таковой не можетъ быть рѣчи. Только тогда была вновь найдена утерянная въ эпоху реформаціи нить культурнаго развитія, и германское государство стало абсолютной наследственной имперіей, которой была предоставлена миссія играть руководящую роль въ послѣднемъ фазисѣ соціального вопроса.

Вестфальскій миръ установилъ религіозный и тѣмъ самымъ политической дуализмъ, отражающійся въ камеральной наукѣ. Слѣдуетъ различать южное, католическое литературное направление, группирующееся около габсбургскаго дома, и сѣверное, протестантское, центръ котораго былъ въ государствѣ Гогенцоллерновъ.

Католическое направление съ менѣе ясно выраженнымъ религіознымъ (*konfessionell*) характеромъ (главными представителями его были принявшие католичество протестанты), начинается *Логанномъ Ioахимомъ Бехеромъ* (Becher), блестящее сочиненіе котораго «*Politischer Diskurs von den eigentlichen Ursachen des Auf- und Abnehmens der Städte, Länder und Republiken; in specie, wie ein Land Volkreich und Nahrhaft zu machen und in eine rechte Societatem civilem zu bringen*» (1668) можно читать съ пользою и теперь. Это сочиненіе, въ своемъ второмъ изданіи (1673) посвященное императору Леопольду I, выставляетъ цѣлью политики благосостоянія монарховъ заселеніе страны («*Populierung*»). «Но заботы о заселеніи (*Populierung*) и приростѣ населенія (*Volkreichmachung*) города или страны недостаточно, если неѣтъ пищи. Такъ какъ для того, чтобы могло существовать многочисленное населеніе, оно должно имѣть чѣмъ жить, забота о средствахъ къ жизни должна этому предшествовать. Пища, говорю я, это удочка или сачекъ, съ помощью котораго вылавливаются люди; ибо, если они знаютъ, где можно жить, они и бѣгутъ туда, и чѣмъ больше бѣгутъ туда, тѣмъ больше могутъ жить насчетъ другъ друга. Стало быть, второе основное государственное правило заключается въ слѣдующемъ: чтобы сдѣлать населеніе государства обильнымъ, надо доставлять ему хорошия заработки и пропитаніе»¹). Государство должно заботиться, чтобы ни одно сословіе не было переполнено, чтобы все они находились въ надлежащемъ равновѣсіи; такъ какъ, если бы въ городѣ было больше бургомистровъ, чѣмъ обывателей, больше проповѣдниковъ и пастырей, чѣмъ слушателей и духовныхъ чадъ, странѣ было бы плохо. Производительное населеніе, съ своей стороны, ра-

¹) I часть, § 3.

падається на три категорії: сесловіе крестьянське, ремеслене і купеческе. Вони також повинні держатися въ ізвѣстній пропорції, і ихъ для цієї цѣлі організують въ корпорації. Потребленіе—единственна свяжь, соединяющая эти сословія і заставляющая ихъ жить одно на счетъ другого. Слѣдовательно необходимо такъ направлять потребленіе, чтобы оно приносило пользу отечественному производству.

«Различаютъ потребленіе двухъ родовъ, внутреннее и вѣщне. Внутреннее—это потребленіе, обслуживаемое подданными страны; оно осуществляется посредствомъ привилегій, которая называется *privatum*, потому что ею запрещается ввозить изъ чужихъ странъ извѣстнаго рода чужія мануфактуры или не имѣющеся въ странѣ товары». Тѣхъ купцовъ, которые облегчаютъ эти внутреннія сношенія, слѣдуетъ считать полезными членами общества и государства. «Но купцы..., которые вывозятъ деньги и вмѣсто нихъ ввозятъ такія мануфактуры, которая никуда не годится или которая можно достать въ странѣ..., и которые, какъ злые собаки не допускаютъ никого къ своей кости, высасываютъ кровавый потъ земледѣльца и ремесленника; эти купцы, которые изъ-за одного браннаго слова, или если времена не-жного измѣняются къ худшему, или если врагъ будетъ въ 50-ти миляхъ передъ воротами,—грозятся и убѣгаютъ съ своимъ награбленнымъ мамономъ, заставляя страдать одинъ народъ: это піявки государства, смерть, паденіе и конецъ его. Ибо они уменьшаютъ населенность (*Populosit t*) и лишаютъ страну пропитанія, обогащаются ея врага, и не стѣсняются ради своей пользы измѣнить ей и продать ее врагамъ». Во внутренній политикѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что названныя три промышленныхъ сословія имѣютъ трехъ «опасныхъ и вредныхъ враговъ: первый препятствуетъ населенности (*Populosit t*), это—*monopolium* второй мѣшаетъ пропитанію, это—*polopolium*, третій разрушає общество, это—*propolium*».

Чтобы предотвратить вредныя послѣдствія единичныхъ привилегій, полной свободы ремесла и скучки, искони учреждались цехи. Къ сожалѣнію они повели къ сильнымъ злоупотребленіямъ, и въ настоящее время не существуетъ большихъ враговъ промышленного прогресса. Необходимо слѣдовательно создать новую организацію на подобномъ же, но расширенномъ основаніи, и Бехеръ дѣлаетъ слѣдующія предложенія. Сельское хозяйство группируется квадратами по 10 миль вокругъ провіантскаго склада (*Provianthaus*), куда земледѣльцы сдаютъ свои товары за установленную начальствомъ цѣну. Изъ этихъ магазиновъ, состоящихъ въ вѣдѣніи государства, они продаются дальше съ незначительной надбавкой въ цѣнѣ. Ремесло въ томъ же смыслѣ обслуживаетъ рабочій домъ (*Werkhaus*). Его задача насаждать въ странѣ новые ремесла, для чего слѣдуетъ содержать рядъ учебныхъ мастерскихъ. Торговый домъ (*Kaufhaus*) долженъ соединять въ себѣ всю торговлю. Лишь здѣсь оптовые торговцы могутъ выставлять свои то-

вары на продажу, а мелочные торговцы только закупать ихъ. Во главѣ всего стоитъ государственный банкъ (*Landbank*), который служить посредникомъ въ денежномъ обмѣнѣ и заботится о томъ, чтобы деньги не отливали за границу. Завѣдуетъ и руководитъ всѣмъ по правиламъ католической религіи государственная коммерцъ-коллегія (*Kommerz-kollegium*), въ которой засѣдаютъ юристы, купцы, камералисты и другіе знатоки хозяйственной жизни. Нѣсколько выставленныхъ Бехеромъ максимъ или «меркантильныхъ правилъ» (*Merkantilische Regeln*) носятъ чисто меркантилистический характеръ. Онъ самъ старался осуществить на практикѣ свой планъ, будучи назначенъ директоромъ основанного на Таборѣ въ Вѣнѣ императорскаго «Дома искусствъ и ремеслъ» или «Дома мануфактуръ» (*Kunst und Werkhaus* oder *Manufakturhaus*)¹). Но его твореніе не оправдало ожиданій. Вся система Бехера носитъ мелкобуржуазный мѣщанскій характеръ. Онъ обращаетъ больше вниманіе на приличное «питаніе» (*Nahrung*) народа, чѣмъ на богатство. На него можно смотрѣть какъ на предшественника Марло и другихъ политиковъ средняго сословія. Какъ ихъ, такъ и его проекты реформъ носятъ полусоціалистический характеръ.

Впрочемъ Бехеръ прославился не только въ качествѣ камералиста. Врачъ по образованію, онъ оставилъ намъ нѣсколько естественно-историческихъ сочиненій, такъ напр. *«Physica subterranea»* (1668), которая дала химику Сталю первый толчокъ къ созданію его знаменитой теоріи флогистона. Благодаря своему беспокойному характеру Бехеръ нажилъ себѣ много враговъ, лишился всѣхъ мѣстъ и умеръ въ 1682 г. въ Лондонѣ нищимъ²).

Въ томъ же духѣ, что и *«Diskurs»* Бехера написана появившаяся въ 1684 г. и быстро пріобрѣтшая извѣстность книга *«Oesterreich übet alles, wann es nur will»*, приписываемая брату жены Бехера, *Ф. В. фонъ Гернигу* (*Hörnigk*). Она была издана сначала анонимно и вслѣдствіе сходства идей и языка принималась всѣми за посмертное сочиненіе

¹⁾ См. „Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien“ von *H. J. Hatschek* Leipzig 1886.

²⁾ Въ общемъ *Бехеру* не отдаютъ должнаго въ исторіи политической экономіи. Въ особенности *Рошеръ* (*Geschichte der Nationaloekonomik in Deutschland*) переносить на него свое предубѣжденіе противъ людей, жизненный путь которыхъ не шель по прямой линіи. Нѣть еще монографіи, которая разсмотрѣла бы дѣятельность этого выдающагося человѣка со всѣхъ примѣнмыхъ къ нему точекъ зрѣнія. Сочиненіе *R. v. Erdberg-Krzemienewski* „Johann Joachim Becher, ein Beitrag zur Geschichte der Nationaloekonomik“, Jena, Gustav Fischer, можетъ считаться только „вкладомъ“ („ein Beitrag“) въ исторію этого человѣка. См. мою рецензію въ *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* (Jahrg. 1897/98). Въ особенности нужно было бы наслѣдовать достовѣрность клеветъ, связанныхъ съ именемъ Бехера, противъ которыхъ онъ протестовалъ очень горячо. Здѣсь это завело бы насъ слишкомъ далеко. Я предполагаю вернуться къ этому въ другомъ мѣстѣ.

Бехера; пожалуй это можно считать и правильнымъ¹⁾). Въ ней трактуется, главнымъ образомъ, о вицѣней торговой политики и выводится положение, что отечественное народное хозяйство должно быть по возможности независимымъ (*independent*) отъ иностранцевъ. «Слѣдуетъ только на нѣсколько лѣтъ лишить себя (sich entmässigen) сферикованныхъ вицѣ страны шелковыхъ, шерстяныхъ и полотняныхъ издѣлій (Effekte), а также такъ называемыхъ французскихъ товаровъ (Französische Waren) и удовольствоваться, изъ опасенія крайней нужды и полнѣйшей гибели, тѣмъ, что Богъ и природа такъ щедро и обильно даровали намъ въ предѣлахъ нашихъ границъ». Напр., вмѣсто ввозимаго извнѣ сахара можно употреблять родной медъ. «Такимъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ императоръ выигралъ бы такъ много, какъ если бы въ его владѣніяхъ появилось новое могущественное королевство безъ учиненія несправедливости, безъ крови, безъ проклятій и безъ нечистой совѣсти; страна же выиграла бы столько, сколько пользы еще теперь можетъ извлечь испанская монархія изъ перуанскаго Потози (Peruvianisches Potosi)²⁾. Главной максимой слѣдуетъ считать, что было бы лучше заплатить за товаръ два талера, которые останутся въ странѣ, чѣмъ одинъ, который уйдетъ изъ нея³⁾). Для этого необходимо немедленно запретить ввозъ иностранныхъ товаровъ и не ждать, какъ советуютъ нѣкоторые, пока выработается собственная промышленность. «Они хотятъ насадить отечественную мануфактуру, чтобы запретить иностранную. Я же совсѣмъ сейчасъ подымется крикъ, что «такой необыкновенно строгій запретъ мѣшаетъ свободному теченію торговли, которое должно быть неприкосновеннымъ (inviolabel). О злоба или глупость! Слыхано ли когда-нибудь, что свободное теченіе торговли заключается въ безмѣрномъ произволѣ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, во вредъ или на пользу отечеству? Какое государство, даже покоющееся, главнымъ образомъ, на торговыхъ сношеніяхъ, оставляло ихъ когда-либо безъ всякой регламентациії⁴⁾). Мы видимъ, что этотъ нѣмецкій меркантилизмъ сводится не къ вицѣней, а къ внутренней торговлѣ.

То же самое можно сказать про третьяго выдающагося писателя этой группы, *Вильгельма фонъ Шредера*. Послѣ долговременного пребыванія въ Англіи и Голландіи и послѣ того, какъ онъ, подобно Бехеру (оба были имперскіе нѣмцы), перешелъ въ католичество, императоръ Леопольдъ призвалъ его на постъ директора «Дома мануфактуръ»

¹⁾ См. мою уже пазванную рецензію сочиненія Эрдберга о Бехерѣ въ *Deutsche Zeitschr. f. Geschichtswissenschaft*, Jahrg. 1897/98.

²⁾ Стр. 8 и 9 изданія 1753 г.

³⁾ Тамъ же, стр. 32.

⁴⁾ Стр. 101.

⁵⁾ Стр. 129.

на Таборѣ въ Вѣнѣ, какъ преемника Бехера; но вскорѣ онъ потерялъ это мѣсто, такъ какъ Домъ мануфактуръ сгорѣлъ во время осады Вѣны турками въ 1683 г. Поступивъ затѣмъ на венгерскую камеральную службу, онъ написалъ главное свое сочиненіе «Fürstliche Schatz - und Rentkammer» (1686), въ которомъ ярче всего выразилось воззрѣніе, что о благосостояніи населенія слѣдуетъ заботиться главнымъ образомъ для лучшаго поступленія податей въ казну государя. Это выражается уже въ заглавной виньеткѣ, изображающей стрижку овецъ въ деревнѣ. Подъ этимъ находятся слѣдующіе характерные стихи:

„Wenn eines klugen Fürstes Herden
Auf diesem Fuss genützt werden,
So können sie recht glücklich leben
Und dem Regenten Wolle geben.
Doch wer sogleich das Fell abzieht,
Bringt sich um künftigen Profit“ ¹⁾.

Воззрѣнія его на народное хозяйство схожи съ воззрѣніями Бехера. Такъ указывается на то, «что богатство или бѣдность страны обусловливаются не ввозомъ и вывозомъ денегъ, а торговымъ балансомъ» (Balancierung der Kommerzien gegeneinander) ²⁾. Но «прежде всего слѣдуетъ стремиться къ источнику всякаго богатства, который составляетъ Божье благословеніе.» ³⁾. Впрочемъ, Шредеръ не смотритъ на иностраннную торговлю такъ косо, какъ смотрѣли оба его предшественника. Здѣсь видно, что онъ находится подъ влияніемъ Mun'a и de la Court'a. «Чтобы установить «хорошую полицию» («gute Policey»), Шредеръ сначала составляетъ официальную опись имѣющихся въ странѣ мануфактуръ—зеркало народного хозяйства, и присоединяетъ таблицу такихъ мануфактуръ, которыхъ въ странѣ еще нѣтъ. Только такие «государственные очки» («Staatsbrille»), какъ онъ это называетъ, въ состояніи упорядочить хозяйственный «chaos confusum»; посредствомъ этого «вся политика превращается въ чисто-механическое искусство, руководимое началами механики». Въ центрѣ управления долженъ стоять «государственный вексельный банкъ» («landesfürstliche Wechselbank»), который регулируетъ денежныя сношенія внутри страны и вѣтъ ея. На Шредерѣ прекращается католическая вѣтвь въ ея главныхъ представителяхъ.

Богаѣ богато, хотя и далеко не такъ единодушно представлено въ германской литературѣ протестантское направление. Оно раздѣляется на три параллельные вѣтви, какъ и въ Англіи, съ тою только разни-

¹⁾ Если стадами умнаго государя пользуются подобнымъ образомъ, то они могутъ жить счастливо и давать шерсть правителью. Но тотъ, кто тотчасъ сдираетъ кожу, тотъ лишаетъ себя будущей пользы.

²⁾ Гл. LIX.

³⁾ Гл. LXIII, § 3.

цей, что на мѣсто англійской купеческой группы здѣсь становится въ тѣсномъ смыслѣ камералистская, которая состоитъ изъ авторовъ-чиновниковъ, состоящихъ на службѣ у государей. Рядомъ стоять, какъ и тамъ, философская и статистическая вѣтви. Это отклоненіе является естественнымъ послѣдствиемъ различія въ соціальномъ строѣ. Въ противоположность Англіи, гдѣ со временемъ Елизаветы мощно развились «middle classes», въ Германіи, какъ уже сказано, послѣ 30-ти лѣтней войны третье сословіе почти исчезло. Кто могъ выйти изъ рядовъ послѣдняго для защиты его интересовъ? Княжеская власть взяла на себя миссію провести нѣчто вродѣ системы высшаго призрѣнія бѣдныхъ. Народу нужно было доставить «пропитаніе» (*«Nahrung»*). Если вообще думали о богатствѣ, то только для государя. Мы начнемъ съ этой чиновничьей литературы (*Beamtenlitteratur*).

Во главѣ ея стоитъ знаменитое въ свое время сочиненіе *Фейта Людвига фонъ Секкендорфа* (Veit L. v. Seckendorff) *«Der teutsche Fürstenstaat»* (1655), литературно-историческое значеніе котораго заключается въ томъ, что въ немъ впервые (оно появилось на 13 лѣтъ раньше чѣмъ *«Diskurs»* Бехера) въ государственной наукѣ употребленъ нѣмецкій языкъ. Книга написана въ строго лютеранскомъ духѣ и представляетъ собою учебникъ для подготовленія молодыхъ дворянъ къ существующему государственному управлению. Ходъ мыслей сводится къ положенію: «Величайший кладъ страны заключается въ большомъ количествѣ зажиточныхъ (*wohlgenehrt*) людей». Нѣсколько болѣе высокаго полета второе сочиненіе *«Der Christenstaat»* (1685), въ которомъ Секкендорфъ желаетъ показать, «что въ государственныхъ и церковныхъ дѣлахъ правильно и согласно съ христіанствомъ, и что, на основаніи (протестантскаго) христіанства слѣдуетъ исправить». Но это сочиненіе не встрѣтило того сочувствія какъ первое. Оригинальности нѣть ни въ одномъ изъ нихъ. Потомство не признало за Секкендорфомъ элитета «великій», даннаго ему современниками. Большую часть своей жизни онъ состоялъ на службѣ саксен-кобургскаго княжескаго дома, незадолго до смерти (1692) онъ былъ призванъ кураторомъ новооснованаго университета въ Галле на бранденбургскую службу. Однако смерть похитила его еще до торжественнаго открытия этого учрежденія.

Въ своихъ разсужденіяхъ Секкендорфъ всепѣло исходилъ изъ интересовъ управления монархіей и старался способствовать процвѣтанію ея финансовыхъ предложеніемъ косвенныхъ налоговъ; то же воззрѣніе умно и энергично было поддержано *Christiano Tencophilus* (псевд. Тенцеля) въ сочиненіи *«Entdeckte Goldgrube in der Accise, das ist kurtzer jedoch gründlicher Bericht von der Accise, dass dieselbe die allerreichste, politeste, billigste, ja eine ganz nötige Kollekte sei»*, вышедшемъ въ царствованіе великаго курфюрста и ему посвященномъ. Въ немъ прежде всего прославляется великий курфюрстъ

за то, что онъ содержитъ Militem perpetuum для поддержки протестантизма. Но для этого необходимы значительные государственные налоги, а собирание ихъ производится болѣе цѣлесообразно и успѣшно посредствомъ «корткаго акциза» («sanftmütige Accise»), т. е. путемъ «совсѣмъ маленькаго незамѣтнаго воровства», чѣмъ путемъ «открытаго насилия и грабежа у ближняго, путемъ вымогательства контрибуціи». Впрочемъ, слѣдуетъ установить, что родители, имѣющіе дѣтей («be-kinderte Eltern»), освобождаются отъ акциза на муку.

Значительный подъемъ испытываетъ камеральная наука въ царствованіе короля прусскаго Фридриха Вильгельма I (1713—1740), создателя такъ гордо расцвѣтшаго впослѣдствіи прусскаго чиновничества. Хотя онъ не былъ особеннымъ поклонникомъ высшихъ учебныхъ заведеній, онъ все же раньше всѣхъ основалъ первыя камеральные университетскія каѳедры, одну въ Галле, другую во Франкфуртѣ на Одере. Первую каѳедру получилъ бывшій профессоръ права Гассеръ, вторую—бывшій профессоръ исторіи Дитмаръ. «Einleitung in die oekonomische-, Polizei- und Kameralwissenschaft» Дитмара (1731) долгое время послѣ него служила руководствомъ при чтеніи лекцій. Имъ же основано первое экономическое периодическое изданіе подъ названіемъ «Oekonomische Fama», просуществовавшее впрочемъ недолго (выходило съ 1729 г.).

Болѣе свободное теченіе принимаетъ чиновничья наука (Beamtenlehre) въ царствованіе Фридриха Великаго. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать книгу дипломата и друга короля *I. Ф. фонъ Бильфельда* «Institutions politiques» (1760), вышедшую по-нѣмецки подъ заглавиемъ «Lehrbegriff der Staatskunst» (1761). Не заключая въ себѣ ничего оригинального, эта книга въ ~~и~~которомъ родѣ начала новую эпоху тѣмъ, что познакомила нѣмецкое общество съ соответствующей иностранной, главнымъ образомъ французской литературой. Подобную же роль сыгралъ *I. Г. фонъ Юсти* (Justi, † 1771). Онъ состоялъ послѣдовательно на австрійской, ганноверской и прусской службѣ, и на него можно указать какъ на того, который соединилъ въ своихъ многочисленныхъ и обширныхъ сочиненіяхъ (изъ нихъ самое известное «Staatswirtschaft», появившееся первымъ изданіемъ въ 1755 г.) южную и сѣверную школы камералистовъ, и лишилъ науку религіознаго характера¹⁾). Въ этомъ ему помогалъ вѣнскій профессоръ полицейской и камеральной наукъ *Иосифъ фонъ Зонненфельсъ*, шедшій по слѣдамъ Юсти въ своею многотомному сочиненію «GrundzÄtze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft» (1763—67). Съ этихъ поръ въ камераль-

¹⁾ О Юсти см. *G. Marchet*, Studien über die Entwicklung der Verwaltungslehre in Deutschland von der zweiten HÃlfte des 17. bis zum Ende des 18. Jahrhunderts, MÃnchen 1885.

ную науку проникаютъ вѣянія физіократизма, уступающія затѣмъ мѣсто подавляющему авторитету Адама Смита.

Философско-экономическая вѣтвь начинается, если оставить въ сторонѣ Пуфendorфа, о которомъ мы уже говорили, съ *Лейбница*, который въ своихъ «*Bedenken von Aufrichtung einer Sozietät in Deutschland zur Aufnahme der Künste und Wissenschaften*» (1669) по своимъ идеямъ примыкаетъ къ И. И. Бехеру. Рядомъ съ нимъ необходимо назвать кильскаго профессора *Г. Моргофа*, который воскрешаетъ въ своемъ обширномъ «*Polyhistor*» (1688 и 1692) классическое дѣленіе практической философіи на этику, политику и экономику, причемъ онъ особенное вниманіе обращаетъ на послѣднюю. *Хр. Томазій* въ Галле старался соединить положенные имъ въ основаніе своихъ лекцій сочиненія Осса и Секкendorфа съ Пуфendorфомъ. Затѣмъ *Хр. Вольфъ* занялся экономическими предметами, разсматривая ихъ по образцу древнихъ какъ среднее звено моральной философіи, между этикой и политикой, сначала въ сочиненіи «*Vernünftige Gedanken vom gesellschaftlichen Leben der Menschen*» (1721), затѣмъ въ «*Oeconomica methodo scientifica pertractata*» (1754). Философская вѣтвь никогда не достигла большого значенія. Она вращается въ довольно плоскомъ меркантилизмѣ. Начинающееся затѣмъ великое философское движение, связанное съ именемъ Канта, въ экономическомъ отношеніи идетъ по слѣдамъ Адама Смита.

Статистическая вѣтвь не имѣеть ничего общаго съ англійской «политической ариѳметикой», она совершенно самостоятельна и носитъ другой характеръ. На числа она обращаетъ меныше вниманія чѣмъ на «словесное описание»; противоположность, не изгладившая еще и до нашего времени. Древнѣйшимъ родоначальникомъ ея слѣдуетъ назвать основателя исторіи германскаго права Гельмштедтскаго профессора *Г. Конринга* (ум. 1681). Его послѣдователемъ былъ *Г. Шмейцель* († 1772), который, въ бытность свою профессоромъ въ Іенѣ и Галле, читалъ пользовавшійся большими успѣхомъ «*Collegium politico-statisticum*», курсъ, носившій характеръ хроники, въ которой изображалось положеніе разныхъ европейскихъ странъ, включая самыя послѣднія события. Его ученикъ *Г. Ахенваль* († 1772) продолжалъ этотъ курсъ въ Геттингенѣ въ расширенномъ видѣ и пріобрѣлъ себѣ этимъ, а также цѣлью рядомъ опубликованныхъ имъ сочиненій название «отца статистики», которое однако заслужено имъ только для главенствующаго въ Германіи направлѣнія такъ называемой «науки состоянія государства» (*«Staatenzustandskunde»*), да и то только очень условно. За нимъ слѣдовалъ въ Геттингенѣ *А. Шлецеръ* († 1809), опредѣленіе котораго «исторія есть движущаяся статистика, статистика — остановившаяся исторія» сдѣжалось знаменитымъ. Среднее положеніе между англійскими статистиками, придерживающимися числового метода — Граунтомъ, Петти, Галлеемъ и др., съ одной стороны, и германскими,

пользующимися описательнымъ методомъ — съ другой, занимаетъ прусскій полковой священникъ временъ Фридриха Великаго *Иоаннъ Петръ Зюссмилхъ*, сочиненіе котораго, посвященное королю, «Die gütliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben erwiesen» впервые появилось въ 1742 г. Выдающееся сочиненіе это написано однако еще совершенно въ протестантско-религіозномъ духѣ. Авторъ ссылается на слова Священнаго Писанія: «Плодитесь, размножайтесь и населяйте землю», и заявляетъ, что размноженіе людей «установлено заповѣдью, и человѣку предписано свыше обязательное стремленіе къ достижению этого благого повелѣнія и намѣренія Творца»¹⁾. Поэтому слѣдуетъ отмѣнить всѣ ограниченія браковъ. Здѣсь мы имѣемъ теорію, противоположную позднѣйшей теоріи Мальтуса (также духовнаго лица). Само собою разумѣется, необходимо также доставлять пропитаніе являющимся на свѣтъ людямъ, и это лежитъ на обязанности правителя. «Поэтому правитель не долженъ оставлять неиспробованнѣмъ ни одно средство, могущее служить дѣлу увеличенія народонаселенія. Онъ обязанъ уничтожать всѣ препятствія къ этому. Онъ долженъ доставлять своимъ подданнымъ пропитаніе и противодѣйствовать бѣдности, чтобы никто изъ могущихъ и желающихъ заключить бракъ не встрѣчалъ никакихъ затрудненій для этого и родители могли радоваться обилію дѣтей»²⁾. Слѣдуюція затѣмъ предложенія Зюссмилхъ экономического характера — не заключаются въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго. Все сводится къ мелкобуржуазной политикѣ средняго словія, главной характерной чертѣ германскаго меркантилизма вообще. Руководить всѣмъ государь, который считается какъ бы творцомъ всего общественнаго организма и который, поэтому, господствуетъ надъ всѣмъ.

Не только въ литературномъ, но и въ практическомъ отношеніи меркантилизмъ въ Германіи достигъ своей высшей точки развитія въ царствованіе Фридриха Великаго. Онъ принималъ за «axiome certain», что количество народонаселенія составляетъ богатство государствъ»³⁾. И дѣйствительно, ему удалось увеличить населеніе прусского государства съ $2\frac{1}{2}$ милл. на 6 милл., главнымъ образомъ путемъ приобрѣтенія новыхъ провинцій, но также и посредствомъ привлечения иностранныхъ колонистовъ и заботами объ отечественномъ трудящемся населеніи. Въ политикѣ народнаго хозяйства онъ былъ ярымъ сторонникомъ запретительной системы. Онъ запретилъ ввозъ мануфактурныхъ товаровъ съ той цѣлью, «чтобы мои подданные сами производили себѣ то, что они не могутъ получить со стороны». Онъ былъ противникомъ

¹⁾ Введеніе, § 1.

²⁾ Гл. X, § 211.

³⁾ Оеутгес IV, 4. VI, 82.

слишкомъ широкаго примѣненія машинъ, потому что это могло бы лишить многихъ хлѣба. Наряду съ этимъ, въ податномъ дѣлѣ онъ придерживался акцизной системы въ такой сильной степени, что оставилъ далеко позади предложенія Тетцеля въ правленіе великаго курфюрста. Такъ ему удалось, несмотря на всѣ походы, увеличить полученнуя въ наслѣдство отъ отца государственную казну съ 8 милл. до 80 миллионовъ талеровъ. Однако В. Рошерь, посвящающій въ своей «Geschichte der Nationaloekonomik in Deutschland» старательно разработанную главу хозяйственной политикѣ Фридриха II, полагаетъ, что въ этой области великий король не выказалъ столько гениальности, какъ въ военномъ дѣлѣ, въ иностранной политикѣ и въ судебнѣмъ управлѣніи. Манчестерская политическая экономія пошла еще дальше и отрицала въ немъ вообще какое-либо пониманіе народнаго хозяйства. И все же Фридрихъ самъ больше всего гордился своимъ внутреннимъ управлѣніемъ. Во всякомъ случаѣ его успѣхъ свидѣтельствовалъ въ пользу его воззрѣній. О великихъ людяхъ нельзя судить по теоретическому шаблону, ихъ нужно мѣрить по масштабу ихъ времени¹⁾.

Общий выводъ будетъ тотъ, что камералистская литература не стоитъ на высотѣ западноевропейской. Она не имѣла никакого вліянія на послѣднюю и испытала плодотворное вліяніе съ ея стороны только впослѣдствіи. Девятнадцатому столѣтію выпало на долю поставить германскую политическую экономію во главѣ дальнѣйшаго развитія.

г. *Італія*. Апеннинскій полуостровъ, на которомъ разыгрывались важнѣйшія политическія события, пока всемирное господство принадлежало папству, и который къ концу среднихъ вѣковъ стоялъ выше всѣхъ въ экономическомъ отношеніи, въ новое время раздѣлилъ судьбу Германіи и былъ отодвинутъ на задній планъ. Конечно не только перенесеніе всемирного торгового пути было тому причиной, еще менѣе реформація, никогда не пускавшая тамъ своихъ корней. Важнѣйшая причина заключается, можетъ быть, въ томъ, что Италія, какъ и Германія, пропустила моментъ встать во главѣ монархического движения и создать на полуостровѣ единое національное государство. И не потому, что не существовало подобныхъ тенденцій. Никто другой какъ Никколо Макіавелли вполнѣ сознательно стремился къ этой цѣли. Но его старанія не имѣли успѣха. Не только папство, но и сѣверо-итальянскія городскія республики, поднявшіяся на степень территоріальныхъ государствъ, были естественными противниками этой мысли. Отсюда понятно, почему Макіавелли, не смотря на занимаемую имъ должность государственного секретаря флорентійской республики,

¹⁾ См. также *Schmoller*, Studien über die wirtschaftliche Politik Friedrichs des Grossen und Preussens überhaupt von 1680—1786, im Jahrb. f. Gesetzgeb. u Verwaltung, Bd. VIII, X. XI, затѣмъ *A. Zimmermann*, Blüte und Verfall der schlesischen Leinenindustrie.

считалъ государя, превратившаго эту республику въ территориальное государство, Лоренцо Медичи—способнымъ распространить этотъ принципъ на всю Италию. Его сочиненіе (*Il principe*, 1516), врученное этому государю, слѣдуетъ, какъ мы видѣли, понимать именно въ такомъ смыслѣ. Оно проникнуто тою чисто свѣтскою государственною моралью, которая стала въ рѣзкую противоположность съ церковной государственной моралью среднихъ вѣковъ и сдѣлала Макіавелли какъ бы пророкомъ абсолютизма. Лоренцо не оправдалъ ожиданій Макіавелли, и такимъ образомъ национальная разрозненность Италии была окончательно установлена, такъ же какъ разрозненность Германии—плохимъ управлениемъ Карла V.

Экономическая литература Италии носитъ, однако, совершенно иной характеръ чѣмъ литература Германии. Не остановленная въ своемъ развитіи ничѣмъ вродѣ тридцатилѣтней войны, Италия сохранила свое третье сословіе, которое даже конституировалось по финикийскому образцу. Городскія республики были денежными и торговыми аристократіями, Флоренція, въ частности, аристократіей банкировъ. Этимъ объясняется, что экономическая литература вращается главнымъ образомъ вокругъ денежного вопроса и что занимаются имъ большей частью купцы. На заглавныхъ листахъ мы въ безчисленныхъ вариантахъ находимъ слова «*Della Moneta*». Нѣтъ ни одного замѣчательного экономического писателя, который не издалъ бы хоть одной книги о *Moneta*. Эта плеяда ведетъ свое начало отъ *Гаспаро Скаруффи*, банкира изъ Реджіо, опубликовавшаго въ 1582 г. книгу подъ нѣсколько страннымъ заглавиемъ: *L'Alitimonfo per fare ragione et concordanza d'oro e d'argento che servira in universale* etc. (*Alitimonfo* — слово, образованное по древне-греческому образцу и означающее полный свѣтъ). Скаруффи предлагаетъ здѣсь общѣ-европейскую денежную систему, основанную на биметаллизмѣ, причемъ отношеніе цѣнности серебра и золота—1:12. Эта всемирная денежная система должна быть принята на европейской монетной конференціи, имѣющей быть созванной для этой цѣли совмѣстно папой и императоромъ. Измѣненія дѣйствительной цѣнности (монетъ) не должны быть допускаемы. Въ томъ же 1582 г. флорентійскій банкиръ *Бернардо Даванцати* издалъ сочиненіе «*Lezione della moneta*», въ которомъ выражены подобныя же идеи. Чтобы на всѣ случаи обеспечить неизмѣнность дѣйствительной цѣнности всемирной монеты, онъ предлагаетъ чеканку ся всѣми государствами безъ соответствующей пошлины. Большими кругозоромъ отличается сочиненіе *Антоніо Серра* изъ Козенцы «*Breve trattato delle cause che possono fare abbondare li regni d'oro e d'argento, dove non sono miniere. Con applicazione al regno di Napoli*» (1613 г.), которое принимаетъ во вниманіе также другіе экономические вопросы. То же самое можно сказать про разсужденіе его современника *Турболи*, директора монетнаго двора въ Неаполѣ, «*Discorso sopra le monete del*

regno di Napoli (1629 г.) и о разсуждении Монтанари изъ Модены «*Breve trattato de valore delle monete in tutti gli stati*» (1680 г.). Очень удачное объединение идей, находящихся въ этихъ сочиненіяхъ, мы находимъ въ пользоавшемся тогда большимъ уваженiemъ и переведенной почти на всѣ европейскіе языки книгѣ римскаго банкира Джироламо Беллони «*Dissertatione sopra il Commercio*» (1750). Здѣсь соединяются проблемы торгового баланса и биметаллизма. Послѣдний можетъ поддерживаться только активнымъ торговымъ балансомъ, т.-е. большее количество мануфактурныхъ товаровъ должно вывозиться, чѣмъ ввозиться, а это достигается лишь покровительственной хозяйственной политикой. Если балансъ пассивный, то вслѣдствіе отлива золота за границу вся биметаллистическая система приходитъ въ разстройство.

Въ томъ же году (1750) появилось другое сочиненіе «*Della Moneta*», съ болѣе высокими теоретическими запросами; оно было издано анонимно, но скоро стало известно, что эта работа принадлежитъ Фердинанду Галіани, имѣвшему тогда только 21 годъ отъ роду и ставшему вслѣдствіи дипломатомъ. Не практическая сторона дѣла интересуетъ автора. Онъ скорѣе ставить своей цѣлью изслѣдованіе понятія денегъ. Деньги имѣютъ двоякое значеніе. Во-первыхъ это всеобщее мѣрило цѣнности, во-вторыхъ онѣ — средство удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Въ первомъ смыслѣ функция денегъ идеальная, во второмъ реальная. Ясно, что деньги, какъ эквивалентъ товаровъ, и сами должны обладать внутреннею товарною цѣнностью (*un valore intrinseco*), которая опредѣляется совершенно такъ же какъ и цѣнность всякаго другого товара. Опредѣляющими факторами служить полезность и рѣдкость ¹⁾). Здѣсь Галіани вступаетъ въ довольно обстоятельное разслѣдованіе взаимодѣйствія этихъ двухъ факторовъ, дѣлающее его предшественникомъ такъ называемой субъективной теоріи или теоріи предѣльной полезности. Практическое послѣдствіе, вытекающее отсюда, ясно само собой: оно гласить, что деньгамъ нельзя искусственно предписывать изѣстную цѣну. Книга о деньгахъ не единственное экономическое сочиненіе Галіани. Переведенный въ 1759 г. секретаремъ неаполитанскаго посольства въ Парижъ, онъ сдѣлался тамъ душой кружка свободныхъ мыслителей, регулярно собиравшагося въ салонѣ Гольбаха. Въ своихъ «*Dialogues sur le commerce des blés*» (1770 г.) онъ выступаетъ противъ физіократовъ, при изложеніи учений которыхъ мы еще разъ къ нему вернемся.

Наряду съ этой, главнымъ образомъ, купеческой литературой, въ которой принимали участіе также и некоторые государственные чиновники, мы видимъ группу философско-экономическихъ писателей; она хотя и не очень многочисленна, но обладаетъ зато болѣе содержатель-

¹⁾ Книга I, 45.

ными трудами. Къ ней принадлежатъ исключительно неаполитанцы. Прежде всего слѣдуетъ назвать монаха Томаса Кампанеллу (1568—1639) навлекшаго на себя вслѣдствіе мнимаго заговора противъ тогдашняго испанскаго владычества тюремное заключеніе. Тутъ-то онъ и разработалъ свою утопію «Царство солнца» (*Civitas solis*), напечатанную въ 1623 г. Ова должна была указать путь къ возрожденію золотого вѣка. Образцомъ служать ему съ одной стороны Платонъ и Августинъ, съ другой Томасъ Моръ. Въ соціальномъ отношеніи его утопію, какъ и утопію Мора, можно охарактеризовать только съ трудомъ. Можетъ быть, удачнѣе всего будетъ назвать ее буржуазной теократіей (*theokratischer Bourgeoistaat*). Если императоръ Максимилианъ I стремился стать вмѣстѣ съ тѣмъ папой, то тенденція Кампанеллы направлена, наоборотъ, къ тому, чтобы сдѣлать папу также и императоромъ. Эта мысль проводится не только въ «Царствѣ солнца», но и въ другихъ сочиненіяхъ, какъ напр. въ «*Atheismus triumphatus*», въ его «*Philosophia realis*», приложение къ которой составляеть «Царство солнца», и въ разсужденіи «*De Monarchia Messiae*», и проводится въ томъ смыслѣ, что цѣль должна быть достигнута съ помощью свѣтской силы испанской монархіи. Во главѣ царства солнца, какъ папа императоръ, стоитъ Sol (солнце) или метафизикъ, рядомъ съ нимъ троумвирать: Pon (potentia) для военнаго дѣла, Sin (sapientia) для искусствъ и наукъ, Mor (amor) для регулированія размноженія. Господствуетъ общность имущества и труда при ежедневномъ четырехчасовомъ рабочемъ днѣ для мужчинъ и женщинъ. Деньги примѣняются только въ сношеніяхъ съ иностранцами и т. д. Религія, которая все проникаетъ, не является точнымъ ученіемъ католической церкви, Иисусъ имѣть только почетное мѣсто среди другихъ благодѣтелей человѣчества. Эти воззрѣнія навлекли на Кампанеллу обвиненіе въ ереси, особенно со стороны іезуитовъ, рѣзко его оспаривавшихъ. Современные ему папы, которымъ нравилась мысль о папскомъ всемирномъ территоріальномъ государствѣ или всемирной монархіи, благоволили ему. Папа Урбанъ VIII сумѣлъ получить въ свои руки приговоренного къ пожизненному заключенію, послѣ 27-мѣсячнаго сидѣнія (1626 г.) подъ предлогомъ суда надъ нимъ за ересь, и отпустилъ его. Черезъ 13 лѣтъ послѣ этого Кампанелла скончался въ Парижѣ, гдѣ онъ получалъ пенсію отъ Ришелье ¹⁾.

Совершенно другимъ и все же сходнымъ по тенденціи характеромъ отличается человѣкъ, къ которому мы теперь обратимся, и котораго мы оцѣнили по достоинству уже во введеніи къ этой книгѣ; это—дѣй-

¹⁾ Нѣмецкій переводъ „Царства солнца“ издалъ I. E. Вессель, Мюнхенъ, 1900. См. также Лекенсъ, статью „Campanella“ въ Handw. d. Staatsw., затѣмъ Г. Адлеръ, Geschichte des Socialismus und Kommunismus, Leipzig 1899, Buch IV Кар. З. Русск. перев. Спб. 1907 г.

ствительный основатель философии истории, авторъ «Principii di una Scienza Nuova» (1725 г.) Джембаттиста Вико (Vico, 1668—1744). Юристъ по образованию, онъ въ силу многостороннихъ своихъ познаній достигъ профессуры реторики въ неаполитанскомъ университѣтѣ, причемъ его послѣдующія ревностныя старанія получить каѳедру общей теоріи права не увѣнчались успѣхомъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью не изслѣдовать строеніе неизмѣнного идеального государства, но выяснить идеальный законъ развитія государственныхъ организмовъ втеченіе всей всемирной исторіи. Мы знаемъ, что по его мнѣнію существуютъ три стадіи, пройдя которыхъ общество вновь начинаетъ свое развитіе сначала: божественная, героическая и человѣческая эпоха. (См. выше введеніе). Этимъ тремъ стадіямъ соотвѣтствуютъ три формы правленія (Regimente). «Первые были религіозны, греки называли бы ихъ теократическими; тогда люди думали, что все совершается по предписаніямъ боговъ... Вторые были героическія или аристократическія, т. е. не что иное какъ правленія оптиматовъ.... Третьи—это гуманные формы правленія, когда, вслѣдствіе одинакового характера человѣческой природы, всѣ законы дѣлаются равны»¹⁾. Въ то время какъ аристократическая форма правленія носить республиканскій характеръ, вырождающійся обыкновенно въ анархію, въ извѣстный моментъ появляется обыкновенно новый Августъ, вводящій просвѣщенную монархію, которая больше всего соотвѣтствуетъ гуманной эпохѣ. Задача этой монархіи заключается въ возвращеніи права и руководительствѣ народнымъ хозяйствомъ согласно вѣніямъ справедливости и естественному порядку (естественное право въ смыслѣ Гроція). Но и эта форма правленія не чужда религіи. Напротивъ, всѣ стремленія Вико направлены къ тому, чтобы доказать, что надъ всѣми стадіями исторіи господствуетъ Прорицаніе, или какъ онъ выражается въ послѣдней фразѣ книги: «Итакъ, въ общемъ, изъ всего, что говорилось въ этомъ сочиненіи, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что эта наука неразрывно соединена съ исповѣданіемъ страха божія, и что тотъ, кто не боится Бога, не можетъ быть въ дѣйствительности мудрымъ». Здѣсь Вико прямо обращается противъ тѣхъ теоретиковъ государствовѣдѣнія, которые признаютъ въ исторіи или только случай, какъ Эпікуръ, Макіавелли, Гоббсъ, или судьбу (Fatum) какъ Зенона, Спиноза и др. Такъ какъ Вико считалъ, что гуманская эпоха съ ея просвѣщенными монархіями уже наступила, то было бы послѣдовательно съ его стороны, высказаться о ней подробнѣе. Вѣдь вся его книга наполнена замѣтками о двухъ первыхъ эпохахъ, впрочемъ довольно разбросанными. Но замѣчательно, что этого не случилось. Итакъ, своей теоріей развитія или, какъ онъ ее называетъ «новой наукой о всеобщей природѣ народовъ» Вико имѣть значеніе только для экономики въши-

¹⁾ Нѣмецкій переводъ В. Е. Вебера, Лейпцигъ 1822, книга IV, глава 4.

рокомъ социальномъ смыслѣ, но отнюдь не для экономики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Только что названный пробѣль заполненъ ученикомъ Вико, занимавшимъ основанную въ 1754 г. при неаполитанскомъ университѣтѣ каѳедру «торговли и механическихъ наукъ», *Антоніо Дженоvezи* (Genovesi). Духовный по происхожденію, Дженоvezи пріобрѣлъ извѣстность различными философскими работами и въ 1741 г. быть назначенъ профессоромъ метафизики въ неаполитанскомъ университѣтѣ. Но вскорѣ онъ былъ вовлечень въ споръ съ іезуитами, повлекшій за собой потерю этой должности. Тогда, однако, основатель выше-названной каѳедры, меценатъ Интиери, призвалъ на нее Дженоvezи, и такимъ образомъ вниманіе философа было направлено на народное хозяйство, которое онъ началъ изучать, пользуясь методикой опыта-наго діалектика. Послѣ десятилѣтней профессорской дѣятельности онъ издалъ (1765 г.) свои лекціи подъ заглавіемъ «Lezioni di Commercio ossia di Economia Civile», трудъ, про который можно сказать, что въ немъ система меркантилистовъ изложена болѣе научно чѣмъ во всѣхъ другихъ современныхъ сочиненіяхъ. Дженоvezи пользуется всей накопившейся къ тому времени литературой, отечественной и заграничной. Даже германская не совсѣмъ чужда ему. Если бы къ тому же Дженоvezи обладалъ оригинальнымъ умомъ, чего, къ сожалѣнію, не было въ дѣятельности, съ него можно было бы считать начало науки. Зато онъ вознаграждается умѣлымъ систематизированіемъ меркантильныхъ возврѣній. И если, несмотря на все, положеніе, что меркантилизмъ никогда не былъ разработанъ въ дѣятельную систему, въ общемъ со-храняетъ свою силу, то все же слѣдуетъ признать «Lezioni» Дженоvezи наиболѣе близко подходящими къ этой цѣли. Недостатокъ же полной научности объясняется тѣмъ, что книга написана для слуша-телей-студентовъ и должна была скорѣе быть учебникомъ, чѣмъ об-щемъ руководствомъ. Дженоvezи самъ приводитъ это въ свое изви-неніе въ предисловіи. И все же не подлежитъ сомнѣнію, что критики системы меркантилистовъ, должны были бы пользоваться этимъ сочи-неніемъ какъ наилучшимъ ея изложеніемъ. Тогда они были бы сво-бодны отъ извѣстныхъ намъ искаженій. Адаму Смиту сочиненіе Дженоvezи не было известно.

Дженоvezи не столько излагаетъ философію исторіи Вико, сколько предполагаетъ ее извѣстной; онъ говорить о «зnamenитомъ Вико» какъ о своемъ «бывшемъ учителѣ» и называетъ его «человѣкомъ, пріобрѣвшимъ себѣ бессмертную славу своей Scienza nuova»¹⁾. Для него также на первомъ планѣ стоитъ религія, онъ заканчиваетъ предисло-віе обращеніемъ къ тому, «кто на этомъ свѣтѣ щедрѣе всѣхъ раз-даетъ всякия блага». Всѣдѣ за религіозными и метафизическими уч-

¹⁾ Т. II, стр. 6. Прим. въ немецкомъ переводе Авг. Вигмана, Лейпцигъ 1776.

ніями слѣдуютъ по важности тѣ дисциплины, которыя «греки называли этическими и моральными науками». Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ ихъ просто собирательнымъ именемъ «философіи человѣка»¹⁾. Дженовези присоединяется къ древне-греческому дѣленію на этику, политику и экономику. Но онъ излагаетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, и такимъ образомъ его учение становится общей соціально-моральной философіей, которая однако еще носитъ многія черты совершенно индивидуалистического характера.

Главный побудительный мотивъ человѣческой дѣятельности—потребность, это—болѣзньное чувство, которое человѣкъ стремится устранить. Отсюда возникаетъ то, что человѣкъ называетъ интересомъ. Интересъ не слѣдуетъ смѣшивать съ себялюбіемъ, человѣкъ имѣеть также потребность общественного благополучія. Чтобы обеспечить средства удовлетворенія потребности, необходима прежде всего безопасность. Ее доставляетъ государство. Опираясь на Гроція, Дженовези развиваетъ учение о естественномъ правѣ, выливая его въ форму теоріи просвѣщенного абсолютизма. Одной изъ высшихъ заботъ государства является воспитаніе народа, на которомъ въ сущности основывается могущество и счастье всего общества. Лучшее государственное устройство Дженовези находитъ въ Китаѣ. Что касается торговой политики, онъ вполнѣ присоединяется къ англійской практикѣ, такъ какъ эту страну еще никто не превзошелъ въ этой области. Особенно превозноситъ онъ хлѣбный законъ 1689 года, который вмѣсто политики государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, еще господствующей на европейскомъ континентѣ, регулируетъ цѣны искусной национальной политикой ввоза и вывоза. Затѣмъ слѣдуетъ подробное изложеніе учения о торговомъ балансѣ, также основанное главнымъ образомъ на англійскихъ писателяхъ. Лучше всего было бы, если бы ни одна страна не зависѣла отъ другихъ въ экономическомъ отношеніи; но такъ какъ ни одна страна не въ состояніи сама удовлетворить всѣ свои потребности, то нужно, по крайней мѣрѣ, стараться, чтобы внешнія сношенія были полезны народу, а не вредили бы ему. Этого возможно достигнуть, руководясь слѣдующими принципами: «Внѣшняя торговля должна быть съ одной стороны связана, съ другой свободна. Она должна подчиняться главному закону каждого народа—*Salus publica*. Торговцамъ нельзя разрѣшить ввозить и вывозить все безъ различія. Всякій вывозъ, ослабляющій промышленность, есть преступленіе, равносильное оскорблению величества, всякий ввозъ, приносящій вредъ отечественнымъ ремесламъ (*Künste*), разоряетъ государство... Особый экономической законъ долженъ установить границы»²⁾.

Въ учении о деньгахъ Дженовези слѣдуетъ главнымъ образомъ

¹⁾ a. a. O. t. II, стр. 427.

²⁾ a. a. O., t. II, стр. 331.

Галіани. Относительно процентовъ онъ соглашается съ Чайльдомъ, что этотъ видъ дохода—правомъренъ, но долженъ обуздываться государственными законами. Въ концѣ сочиненія разсматривается роль денегъ въ обществѣ и отношеніе ихъ къ богатству вообще. «Люди, говоритъ Дженоvezи, думаютъ обыкновенно, что тѣ народы могутъ быть счастливѣ и счастливѣе, которые, при равенствѣ другихъ условій, обладаютъ наибольшимъ количествомъ денегъ» ¹⁾. Это заблужденіе. «Я говорю, что во-первыхъ, государство можетъ быть счастливо, не только не имѣя значительныхъ богатствъ въ золотѣ, серебрѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, но даже совершенно ихъ не имѣя; предположите только, что оно не чувствуетъ недостатка въ естественныхъ богатствахъ, къ которымъ принадлежать произведенія земли, животныя, мануфактурныя издѣлія—продукты необходимости и удобства, жѣзо и сталь и т. д.». Затѣмъ устанавливается даже положеніе, «что излишекъ въ деньгахъ не только не содѣйствуетъ поднятію необходимыхъ ремеселъ (Künste) и, следовательно, торговли, но ведетъ напротивъ къ ихъ ослабленію и даже уничтоженію» ²⁾. Дженоvezи присовокупляетъ: «Это положеніе подробно доказано многими великими политиками». И чтобы разъяснить его своимъ читателямъ, онъ приводить слѣдующее доказательство: «Предположимъ, что количество денегъ въ нашемъ государствѣ возрастетъ въ четыре раза, между тѣмъ какъ количество рабочихъ, естественныхъ продуктовъ и мануфактуръ только въ два раза. Отсюда слѣдуетъ, что хлѣбъ, который теперь стоитъ 12 дукатовъ за томоло, тогда будетъ стоить 24; также бочка вина, стоящая теперь 10 талеровъ будетъ тогда стоить 20 талеровъ, и цѣна всѣхъ другихъ предметовъ возрастетъ въ той же пропорціи. Отсюда же обязательно произойдетъ зло двоякаго рода: 1. при конкуренціи многихъ другихъ народовъ мы не сможемъ больше продавать ни наши сырые продукты, ни мануфактурные товары, такъ какъ они могутъ предлагать ихъ дешевле; и мы такимъ образомъ должны будемъ платить наличными деньгами за все, что мы у нихъ покупаемъ; 2. иностранцы также наводнятъ нашу собственную страну тѣми же самыми товарами, которые у насъ находятся въ изобиліи, такъ какъ они могутъ продавать ихъ дешевле. Отсюда видно, какъ излишне деньги сами себя губятъ» ³⁾.

Все сочиненіе заканчивается красивой картиной, отчетливо рисующей воззрѣніе Дженоvezи и тѣхъ «многихъ великихъ политиковъ», на которыхъ онъ ссылается. Онъ говоритъ: «Деньги это масло для колесъ торговли. Торговля—это колесница и ее необходимо смазывать, чтобы она быстро двигалась. Пока количество торговыхъ колесницъ было незначительно, и смазки требовалось немного; теперь же, когда ихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 279 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 302.

³⁾ Тамъ же, стр. 309.

много, требуется больше и смазочного материала. Колеса этихъ телъгъ не вертятся безъ денегъ; но если послѣднихъ черезъ-чуръ много, то излишекъ смазки задержитъ движеніе». Гдѣ здѣсь смышеніе драгоценныхъ металловъ съ богатствомъ, напоминающее сказку о царѣ Мидасѣ? На самомъ дѣлѣ ни одинъ дѣйствительный меркантилизмъ не повиненъ въ этомъ!

Дженовези заканчиваетъ собою великий періодъ итальянской политической экономіи. Слѣдующіе писатели, какъ напр. Филянджіери (*Filangieri*, 1752—1788), Ортесъ (1713—1790), Карли (1720—1795), Верри (1728—1797), Беккарія (1735—1793), Паолетти (1717—1801) и др., находятся уже подъ вліяніемъ физіократовъ и являются эклектиками меркантилизма и физіократизма. Только Менготти, авторъ книги «*Il Colbertismo*» (1791), находится еще совершенно на почвѣ старой системы. Итальянская политическая экономія, въ отличие отъ всѣхъ другихъ народовъ пользуется замѣчательнымъ пособіемъ для изученія относящейся сюда отечественной литературы; это—изданный Кустодіи сводный трудъ «*Scrittori classici italiani d'economia politica*» (1803—1816). Въ 43-хъ томахъ онъ заключаетъ всѣ главныя экономическія сочиненія Италии, начиная съ Скаруффи и Серра ¹⁾.

h. Россія. Новая исторія Россіи начинается съ Петра Великаго (царствовалъ 1689—1725). Онъ поставилъ себѣ задачей превратить свое царство въ европейское государство. Для этого было необходимо создать въ народѣ, состоявшемъ только изъ дворянъ и крестьянъ, третье сословіе. Съ безпримѣрной энергией принялъ онъ за это дѣло. Имъ былъ основанъ цѣлый рядъ городовъ, между ними теперешняя, названная по его имени столица государства. Онъ населялъ ихъ ремесленниками, мануфактурристами и т. д., призванными главнымъ образомъ изъ Германіи, Голландіи и Франціи. Онъ самъ отправился за границу, чтобы получить тамъ необходимыя познанія, особенно въ кораблестроительномъ дѣлѣ. Его предписанія (указы), относящіяся къ торговой и промышленной дѣятельности были известны какъ образецъ дальновидной и творческой хозяйственной политики. Дѣятельность Петра была чисто практической; но въ его время выступилъ также экономический писатель, техникъ и купецъ *Иванъ Полосковъ* (1665—1726), защищавшій въ своей книгѣ «*О бѣдности и богатствѣ*» (1724) обычные идеи меркантилизма и рядомъ съ ними отмѣну крестьянского права ²⁾.

¹⁾ Объ итальянской экономической литературѣ см. *Giuseppe Pechio, Storia della Economia publica in Italia*, 1829; *J. A. Müller, Chronologische Darstellung der italienischen Klassiker über Nationalökonomie*, Pest 1820; *Luigi Cossa, Introduzione dell'Economia Politica*, 3 ed., Milano 1892.

²⁾ См. *A. Brückner, J. Possoschkow, Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen*, Leipzig 1878; *Ego-ége, Peter der Große*, Berlin 1879; *v. Schulze-*

Въ то время какъ Петръ обращалъ свое вниманіе главнымъ образомъ на промышленность и торговлю, императрица Екатерина II (царствовала съ 1762—1796 г.) распространила свою заботливую дѣятельность и на сельско-хозяйственные отношенія, дополняя ее аграрнымъ меркантилизмомъ. Въ 1766 году она утвердила уставъ основанного по англо-французскому образцу «Вольно-экономического общества», которое должно было обдумывать мѣры поднятія сельского населенія и проблему отмѣны крѣпостного права. Въ слѣдующемъ (1766) году она анонимно пожертвовала 1000 дукатовъ на случай изданія написанного въ этомъ направлѣніи и премированного обществомъ сочиненія. На ряду съ этимъ она содѣйствовала переводу на русскій языкъ западно-европейскихъ экономическихъ книгъ, какъ напр. «Institutions Politiques» ф. Бильфельда, главы которыхъ сочиненій Юсти, Зонненфельса и др.

Лично она выработала ставшій знаменитымъ «Наказъ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія»; эта комиссія была создана въ 1767 году, но не достигла своей цѣли. Екатерина заимствовала идеи для этого наказа главнымъ образомъ изъ «Духа законовъ» Монтескье, котораго она часто буквально списывала. Это можно сказать особенно про слѣдующее мѣсто, характеризующее ея хозяйственную политику: «Вольность торговли не то, когда торговцемъ дозволяется дѣлать, что они захотятъ; сіе было бы больше рабство оныя. Что стѣсняетъ торговца, то не стѣсняетъ торговли. Въ вольныхъ областяхъ купецъ находитъ безчисленныя противурѣчія; а тамъ, где рабство заведено, онъ никогда столько законами не связанъ. Англія запрещаетъ вывозити свою волну и шерсть; она узаконила возить уголье въ столичный городъ моремъ; она запретила вывозить къ заводамъ способныхъ лошадей; корабли изъ ея американскихъ селеній торгующіе въ Европу, должны на якоряхъ становиться въ Англіи. Она симъ и сему подобнымъ стѣсняетъ купца, но все въ пользу торговли» (§ 321). Въ другихъ параграфахъ императрица распространяется о важномъ значеніи земледѣлія для общаго благосостоянія. «Не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо основанная торговля, где земледѣліе въ уничтоженіи, или нерачительно производится» (§ 294). Да же: «Не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, где никто не имѣеть ничего собственнаго» (§ 295). Въ § 296 доказывается посредствомъ «естественного закона» положеніе, клонящееся къ уничтоженію феодальныхъ тягостей: «Сіе основано на правилахъ весьма простомъ: «Всякій человѣкъ имѣеть болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ; и никакого не прилагаетъ старанія

о томъ, въ чёмъ опасаться можетъ, что другій у него отыметъ». Да-
лѣе говорится: «Земледѣліе есть самый больший трудъ для человѣка;
чѣмъ больше климатъ приводить человѣка къ избѣжанію сего труда,
тѣмъ больше законы ко оному возбуждать должны» (§ 297). «Въ
Китай Богдоханъ ежегодно увѣдомляется о хлѣбопашцѣ превозшедш-
шемъ всѣхъ прочихъ во своемъ искусствѣ, и дѣлаетъ его членомъ
осмыаго чина въ государствѣ. Сей Государь всякий годъ съ великолѣп-
ными обрядами начинаетъ самъ пахати землю сохой своими руками»
(§ 298).

Вѣроятно эти и другія фразы, носящія ясные слѣды западно-евро-
пейскаго происхожденія, побудили тогдашняго русскаго посланника въ
Парижѣ князя Голицына, ревностнаго приверженца Кэнэ, завязать
прямая сношенія между императрицей и физіократами. По совѣту
Голицына въ Петербургѣ былъ вызванъ *Мерсье де ла Ривьеръ*, опубли-
ковавшій въ томъ же году свой «Ordre naturel et essentiel». Но уже
въ первой аудіенціи императрица раскусила доктринера и отпустила
его. Она была и осталась меркантилисткой, хотя и съ либеральнымъ
пошибомъ¹⁾. Всѣ тогда были либеральны,—почему этой модѣ не по-
слѣдовать и умной императрицѣ! На практикѣ торговая политика со-
хранила тотъ покровительственный характеръ, который сообщилъ ей
Петръ Великій; она сохранила его въ немного только ослабленномъ
видѣ и до настоящаго времени, несмотря на позднѣйшую экономи-
ческую литературу, отклонившуюся въ совершенно либеральное русло.
Въ этомъ нельзѧ видѣть проявленія произвола со стороны власти.
Россія еще и теперь борется за развитіе національнаго славянскаго
третьяго сословія. Когда западные народы находились на той же ступ-
пени развитія, они преслѣдовали ту же или сходную политику. Если
Россія вступила на тотъ же путь, то это не говорить ни о безразсуд-
ствѣ, ни о тиранніи.

i. *Обзоръ предыдущаго и взглядъ на послѣдующую эпоху.* Оцѣнка
общаго положенія меркантилизма должна подтвердить сказанное въ
началѣ, что онъ представлялъ собой скорѣе теченіе, связанное съ
извѣстной эпохой, чѣмъ единую систему. Содержаніе этого теченія не
только экономического характера, но и политическаго и даже рели-
гіознаго; это движение, поставившее абсолютную монархію съ денеж-
нымъ хозяйствомъ, государство возрожденія и церковной реформы—
на мѣсто средневѣковаго феодальнаго государства съ его натураль-
нымъ хозяйствомъ, и все это даже тамъ, гдѣ католическая церковь
осталась государственной.

Въ каждомъ народѣ этотъ культурный переворотъ происходилъ
различно, смотря по географическому положенію страны, по характеру

¹⁾ См. A Brückner, Katharina die Zweite, Berlin 1883, и Семевскій, крестьяне
въ царствованіе Екатерины II, Спб. 1881.

и истории народа. Дѣло идетъ о цѣломъ рядѣ системъ. Всѣмъ имъ обще практическое направление. Это системы экономической политики, а не теоретической политической экономіи, даже и тамъ,—не считая нѣкоторыхъ попытокъ въ этомъ родѣ,—гдѣ литература занимается на родно хозяйственными проблемами, какъ таковыми. Въ этомъ процессѣ мы усматриваемъ сначала почти всюду союзъ буржуазіи съ государями въ общей борьбѣ противъ духовенства и дворянства. Тамъ, гдѣ это не такъ, какъ напр. въ Нидерландахъ и отчасти въ Италии, тамъ она составляетъ олигархическую денежную аристократію, которая съ первымъ счастьемъ борется не за гражданскую свободу, а за господство надъ другими сословіями, т.-е. за доставленіе верховной власти привилегированной денежной аристократіи, которая обыкновенно организуется въ формѣ аристократической республики. По мѣрѣ того какъ въ монархіяхъ исчезало могущество духовенства и дворянства, теряло почву также единеніе между монархомъ и третьимъ сословіемъ. Прежніе союзники въ свою очередь набрасываются другъ на друга. Начинается періодъ борьбы за эманципацію третьаго сословія противъ подавляющаго его монархического полицейского государства. При этомъ ссылаются въ свою очередь на болѣе высокій авторитетъ, чѣмъ авторитетъ монархического государства, на метафизическій авторитетъ естественного права. Въ союзѣ съ наукой естественного права буржуазія выступаетъ противъ абсолютизма, который теперь ищетъ для себя опоры у сословій, съ которыми онъ до сихъ поръ боролся: у духовенства и дворянства. Въ этой соціальной борьбѣ различаются опять свои стадіи. Прежде всего наступаетъ переходный періодъ, когда подготавливается новое, а старое старается удержать свои позиціи. Водворяется колебанье на идеїйной и практической почвѣ, ведущее къ хаосу, изъ котораго въ концѣ концовъ поднимаются новые системы.

§ 2. Періодъ переходный къ системѣ физіократовъ.

а. *Паденіе французскаго протекціонизма и аграрная реакція.* Наиболѣе ранняя и упорная реакція противъ меркантилизма возникла тамъ, гдѣ онъ проводился наиболѣе методично, хотя и не наиболѣе широко,— во Франціи. При этомъ, она идетъ въ четырехъ направленихъ. Во-первыхъ, расцвѣтшая при помощи монархической власти буржуазія стремится освободиться отъ полицейскихъ помочей и трактовать свои интересы какъ самопѣль. Во-вторыхъ, сельское хозяйство, которое до тѣхъ поръ находилось на второмъ планѣ болѣе въ силу политическихъ, чѣмъ экономическихъ основаній, начинаетъ подумывать о самопомощи и бороться за подобающую ему равноправность съ городомъ. Появляется сельское третье сословіе по образцу англійского крупнаго фермерства. Въ третьихъ, ощущается потребность преобразовать путемъ усиленія прямого обложения государственную подат-

ную систему, носившую до тѣхъ порь односторонне-косвенный характеръ. Наконецъ, въ четвертыхъ, пробуждается реакція противъ основъ прежней денежной валюты, носившей почти исключительно металлическій характеръ. Всякій другой предметъ можетъ также служить мѣриломъ цѣнности, и еще болѣе чѣмъ металъ годится для этой цѣли участки обрабатываемой земли, цѣнность которой путемъ кредита легко сдѣлать способной къ обороту. Эти четыре направленія проявляются одно за другимъ отчасти уже при Людовикѣ XIV, отчасти непосредственно послѣ его смерти; поставленная нами на первомъ планѣ тенденція обнаруживается уже при Кольберѣ.

Война съ Нидерландами (1672—78) послѣ многообѣщавшаго начала окончилась для Франціи несчастливо. По нимвегенскому миру пришлось согласиться на отклоненный раньше таможенный тарифъ 1664 года съ Нидерландами. Французскія области были сильно истощены военными походами, промышленная жизнь была подавлена. Кольберъ всѣми силами старался возстановить благосостояніе. Преданіе сообщаетъ о съездѣ купцовъ и промышленниковъ, созванномъ имъ (приблизительно въ 1680 г.) для обсужденія мѣръ къ поднятію народнаго хозяйства. На этомъ собраниіи будто бы купецъ Лежандръ отвѣтилъ ему, что торговлѣ нужно только, чтобы государство оставило ее въ покое. «*Laissez-nous-faire!*». Тогда ужъ все само собой возстановится. Здѣсь мы встрѣчаемся съ зарожденіемъ сдѣлавшейся впослѣдствіи лозунгомъ формулы «*laissez-faire*». Связанное обыкновенно съ нею выраженіе «*laissez-passar*»—есть позднѣйшая прибавка, какъ мы это увидимъ далѣе¹⁾). Впрочемъ, слѣдуетъ осторегаться придавать слишкомъ большее значеніе этой оппозиції. Субсидіи, оказываемыя раньше Кольберомъ дѣловымъ людямъ, были ими охотно принимаемы. Когда впослѣдствіи государство, тѣснѣмое нуждой, съ своей стороны потребовало отъ нихъ податей, они естественно взглянули на это, какъ на тиранническую мѣру. Такъ всегда обстояло дѣло съ купцами. Впрочемъ недовольство, можетъ быть поддерживаемое врагами Кольбера, кажется было дѣйствительно распространено въ промышленномъ мірѣ: часто разсказывается о подобныхъ случаяхъ изъ той эпохи, какъ напр. слѣдующій: «Однажды Кольберъ созвалъ самыхъ вліятельныхъ купцовъ Парижа и окрестныхъ городовъ для совмѣстного обсужденія, какими средствами можно возстановить преуспѣяніе торговли. Такъ какъ никто не рѣшался высказывать свое мнѣніе, министръ сказалъ: «Вы нѣмы, господа?» «Нѣть, Ваша милость»,—отвѣчалъ представитель города Орлеана Газонъ, отличающейся своимъ умомъ,—«но мы боимся оскорбить Вашу милость неосторожнымъ словомъ, которое Вамъ можетъ не понравиться». «Говорите не стѣсняясь», возразилъ министръ, «тотъ, кто будетъ

¹⁾ См. мое сочиненіе „Die Maxime *laissez-faire et laissez-passar*, ihr Ursprung, ihr Werden“, Bern 1886.

говорить откровеніе всѣхъ, тотъ лучшій слуга королю и мой лучшій другъ». Тогда Газонъ попросилъ слова и сказалъ: «Ваша милость, такъ какъ Вы этого требуете и обѣщаете не оскорбиться тѣмъ, что мы будемъ имѣть честь представить Вамъ, я откровенно скажу, что при вступлении въ должность Вы нашли тачку перевернутой,—и Вы подняли ее, чтобы перевернуть на другую сторону». При этихъ словахъ кровь бросилась Кольберу въ голову и онъ воскликнулъ: «Что вы говорите, мой другъ?» «Ваша милость», возразилъ Газонъ, «я покорнѣйше прошу прощенія за то, что такъ наивно положился на Ваше обѣщаніе; больше я ничего не скажу». Тогда министръ предложилъ другимъ высказаться; но никто больше не рѣшался заговорить и обсужденіе этимъ кончилось¹⁾.

Если уже во времена Кольбера обнаруживались подобныя тенденціи, то какое волненіе должно было охватить торговые круги въ періодъ, непосредственно слѣдующій за Кольберомъ, когда дѣйствительно и въ самой рѣзкой формѣ наступило то, противъ чего они уже тогда считали нужнымъ восставать. Лувуа, непримиримый врагъ Кольбера сдѣлался, какъ известно, его преемникомъ въ «Département des Bâtiments, Arts et Manufactures», и сверху прямо пошли дождемъ постановленія. Въ то время какъ въ тарифахъ 1664 и 1667 г.г. не заключалось запрещеній ввоза, кромѣ товаровъ, составлявшихъ предметъ финансовой монополіи, уже въ годъ смерти Кольбера (1683) былъ запрещенъ ввозъ и употребленіе бумажныхъ цветныхъ матерій (Indiennes, toiles peintes) съ цѣлью поднятія собственной льняной и конопляной мануфактуры. Въ 1701 г. прибавился запретъ на все вообще английскіе товары, продержавшій до конца столѣтія (1786). Регламенты внутренняго производства соединялись съ податной системой, и ихъ нарушеніе сопровождалось тяжелыми наказаніями. При наложеніи послѣднихъ доходили даже до угрозъ смертной казни²⁾.

Больше всего страдало сельское хозяйство. Если уже во времена Кольбера о немъ почти не заботились, то тѣмъ менѣе обращали на него вниманія при Лувуа и поставленныхъ имъ неспособныхъ генеральныхъ контролеровъ финансовъ Пончартгрена, Шамильяра и др. Никто не препятствовалъ въ общемъ свободному отъ податей дворянству сваливать на крестьянъ еще и то, что оно подносило казнѣ въ видѣ «добровольныхъ подарковъ».

Тогда за угнетенное сословіе заступился судья при руанскомъ парламентѣ Буагильберъ (Pierre le Pesant de Boisguillebert, 1646—1714). Въ опубликованной имъ въ 1695 г. книгѣ «Détail de la France», за

1) *Amelot de la Haussaye, Mémoires historiques, politiques, critiques et littéraires*, Amsterdam 1731, t. II, p. 101.

2) Ясную картину тогдашняго состоянія французской хозяйственной жизни можно найти у Савари въ его „Dictionnaire universel de Commerce“.

которой въ 1706 г. послѣдовало второе сочиненіе «Factum de la France», оно обращаетъ вниманіе на то пренебреженіе, съ которымъ относится государство къ интересамъ земледѣлія, и на тяжелое положеніе, въ которомъ, вслѣдствіе этого, находится сельское населеніе. Испугавшись навлеченныхъ на себя преслѣдованій, въ 1712 г. Буагильберъ соединилъ обѣ книги, дополнилъ еще нѣсколькоими разсужденіями и издалъ все вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ «Détail de la France». Буагильберъ долженъ считаться непосредственнымъ предшественникомъ физиократовъ. Почти всѣ главныя идеи ихъ встрѣчаются уже у него. Вотъ ихъ краткое изложеніе.

Истинную основу могущества и богатства страны составляетъ не изненачавшееся отъ роскоши городское, а здоровое сельское населеніе. Слѣдовательно оно заслуживаетъ, чтобы государство въ собственномъ своемъ интересѣ заботилось о немъ и покровительствовало ему. Это понялъ уже одинъ изъ прежнихъ гениальныхъ министровъ, Сюлли, въ царствование Генриха IV, которому удалось реформировать страну и поднять количество и благосостояніе населенія на высоту, ни разу съ тѣхъ поръ не достигнутую. Напротивъ, съ 1661 г., когда вступилъ въ должность министръ, настроенный благосклонно по отношенію къ городскому населенію (подразумѣвается Кольберъ), государство стало переживать эпоху упадка. Систематически запрещая вывозъ хлѣба, препятствовали крестьянамъ находить лучшій сбыть продуктовъ, чтобы такимъ образомъ нарочно поддерживать низкія цѣны въ интересахъ городского населенія. Нельзя забывать, что существуетъ двоякаго рода дороговизна: съ высокими и низкими цѣнами. Послѣдняя гораздо болѣе опасна для народовъ, чѣмъ первая; по влиянию ее можно сравнить съ медленно всасывающимся ядомъ, въ силу чего она и менѣе замѣтна, тогда какъ быстрый подъемъ цѣнъ, который можно сравнить съ ударомъ кинжала, привлекаетъ немедленно всеобщее вниманіе¹). Англія своимъ хлѣбнымъ закономъ 1689 г. безнадобно предупредила оба несчастія—появленія какъ высокихъ, такъ и низкихъ цѣнъ. Франціи нужно только послѣдовать этому примеру. Въ такомъ случаѣ не только будутъ удовлетворены интересы сельскихъ хозяевъ и землевладѣльцевъ, но и значительно поднимется культура земли. Потому что сельскій хозяинъ бросаетъ воздѣлыванье земли и оставляетъ поля необработанными, если неувѣренъ, что возможститъ издержки производства. Если только цѣны не повышаются неожиданно рѣзко вслѣдствіе дѣйствительнаго недостатка средствъ пропитанія, то высокія цѣны на хлѣбъ означаютъ благопріятное此刻 показаніе барометра общаго благосостоянія народа, тогда какъ наоборотъ

¹⁾ Détail de la France, 1712, T. I, стр. 189.

«le peuple ne sera jamais plus misérable, que lors que le bled sera à vil prix»¹⁾). Лучшей гарантией противъ подобного несчастья можетъ служить разрешение неограниченного вывоза хлѣба при одновременномъ запрещеніи ввоза. Это послѣднее замѣчаніе очень характерно для оценки Буагильбера.

Обыкновенно въ исторіи политической экономіи выставляютъ Буагильбера однимъ изъ прародителей манчестерства, т.-е. учения объ абсолютной свободѣ ввоза и вывоза. Между тѣмъ это мнѣніе—ложно, и оно должно быть таковымъ уже по той причинѣ, что манчестерское учение, какъ известно, стремится къ возможно низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ и, естественно, желаетъ возможно сильнаго привлеченія иностраннай конкуренціи. Буагильберъ, напротивъ, стремится къ высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ и хочетъ поэтому ограничить ввозъ посыпдняго, а посредствомъ отмѣны затрудненій къ вывозу дать возможность отечественному земледѣлію воспользоваться заграничными высокими цѣнами; съ подобной идеей выступалъ уже Грасвинкель. Но во всякомъ случаѣ, внутри страны Буагильберъ желалъ бы отмѣнить всѣ мѣстныя и провинциальныя пошлины, какъ въ Англіи. Чѣмъ меньше начальство будетъ сюда вмѣшиваться и чѣмъ болѣе будетъ склоняться къ правилу, что народное хозяйство должно итти своимъ естественнымъ путемъ, тѣмъ лучше. Такъ какъ природа, которая въ сущности не что иное какъ Провидѣніе (*la Nature, qui n'est autre chose que la Providence*), такъ устроила, что все само собой приходитъ въ надлежащее равновѣсіе: «On n'avait qu'à laisser agir la Nature, en ce qui concerne les blés, comme on fait à l'égard des fontaines, et on peut dire qu'ils n'auraient jamais plus manqué, ni fait de désordre, soit par la sécheresse ou par l'inondation»²⁾). Здѣсь мы видимъ въ иѣкоторомъ родѣ гармонію интересовъ, при которой выгода одного въ то же время служитъ въ пользу другому.

Конечно, эта гармонія господствуетъ только до тѣхъ поръ, пока дѣйствуютъ чисто экономические факторы. Но—говоритъ онъ—сердце человѣка такъ испорчено, что онъ наряду съ законной выгодой ищетъ и незаконную на счетъ другого. Здѣсь-то должна вмѣшиваться правовая власть государства и подавлять наказаніемъ всякий обманъ. Поэтому что, какъ выражается нашъ авторъ, въ общественной жизни справедливость можетъ поддерживаться только остріемъ меча³⁾). Формула «laissez-faire et laissez passer», которую можно было предполагать у

¹⁾ Тамъ-же, стр. 233.

²⁾ Тамъ же, стр. 230.

³⁾ „Ce n'est qu'à la pointe de l'épée que la justice se maintient dans ces rencontres“, Part. II, p. 22. О спорѣ, возникшемъ по этому поводу, см. мое соч. „Die Maxime laissez-faire et laissez-passier“, стр. 47.

Буагильбера, у него еще не встречается, хотя иногда кажется, что она вертится у него на языке.

Итакъ, Буагильберъ развивалъ учение, впрочемъ только намеками выраженное, о предустановленной природой т.-е. Провидѣніемъ «гармоніи интересовъ», въ которую государство не имѣть права вмѣшиваться, пока дѣло идетъ только объ экономическихъ интересахъ, по крайней мѣрѣ во внутреннемъ управлѣніи; этимъ учениемъ руанскій судья сталъ въ прямое противорѣчие съ основнымъ положеніемъ меркантилизма, впервые формулированнымъ Монтенемъ. Тамъ государственное вмѣшательство вытекало изъ принципа дисгармоніи интересовъ. Здѣсь свобода вытекаетъ изъ основного положенія гармоніи интересовъ. Этотъ послѣдній принципъ проходитъ болѣе или менѣе рѣзко во всѣхъ слѣдующихъ системахъ.

Еще въ другомъ отношеніи Буагильберъ создалъ школу, хотя и не къ выгодѣ науки. Среди его мелкихъ разсужденій мы находимъ «*Dissertation de la nature des Richesses, de l'Argent et des Tributs*»¹⁾. Здѣсь впервые, насколько мнѣ известно, дѣлается упрекъ оспариваемой имъ системѣ, достигшей господства во Франціи приблизительно въ 1661 г., что она смѣшиваетъ богатство съ обладаньемъ золота и серебра. Онъ очень подробно доказываетъ: «Que c'est une erreur grossi re de regarder l'Or et l'Argent comme l'unique principe de richesse, et de la s  licit  de la vie»²⁾). Правильнѣе было бы: «Les b  soins imm diats de vie, comme la nourriture et les v  temens, desquels personne ne saurait se passer: Ce sont donc eux seuls qu'il faut appeler richesses»³⁾). Деньги, которые должны занимать положеніе раба, подняты на степень тиранна, стали идоломъ, даже богомъ и причинили такимъ образомъ невыразимое зло и т. д. Какъ неправильно оспариваемое воззрѣніе, видно уже изъ басни о Мидасѣ, а также изъ того, что, согласно опыту, драгоценные металлы, какъ средство обмѣна, могутъ быть замѣнены бумажными знаками. Ясно, что Адамъ Смитъ здѣсь почерпнулъ свое неправильное представление о меркантилизмѣ. То обстоятельство, что Буагильберъ обвиняетъ въ этомъ заблужденіи именно Кольбера, доказываетъ, какъ мало проникъ онъ въ духъ его управлѣнія и насколько онъ облегчилъ себѣ его оспаривание. Это слѣдуетъ отнести на счетъ нерѣдко у него проявляющейся наивности; такой же характеръ носить и заявленіе на заглавномъ листѣ «*Factum de la France*». Здѣсь Буагильберъ объявляется о своемъ намѣреніи указать на «moyens tr  s faciles», какъ доставить государству богатые доходы, «praticables par deux heures de travail des Messieurs les Ministres et un mois d'ex  cution de la part des Peuples». Слѣдуетъ только решить перестать

¹⁾ Т. II, стр. 164 и слѣд.

²⁾ А. а. О., гл. II.

³⁾ Тамъ же, гл. I.

насиловать природу; такъ какъ дѣло идетъ не о «question d'agir, mais seulement de cesser d'agir, ce qui n'exige qu'un instant»¹⁾.

Въ Буагильберѣ воплощается недовольство сельскихъ хозяевъ противъ предпочтенія, оказываемаго городскому населенію господствовавшей государственной системой. Онъ самъ, вѣроятно, въ какомъ-нибудь отношении былъ близокъ сельскому хозяйству, несмотря на судейскую должность. Въ трудахъ Буагильбера нѣсколько разъ говорится о какомъ-то процессѣ сельского хозяйства противъ торговли и промышленности, въ которомъ онъ желаетъ быть адвокатомъ первого.

Его оппозицію не слѣдуетъ смѣшивать съ одновременными стремлениями дворянства, представленными Фенелономъ, Bonlainvillier, старшимъ Сенъ-Симономъ и др., направленными къ возстановленію средневѣковой ленной системы противъ абсолютной монархіи. На Буагильбера слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ на представителя сельского третьаго сословія. Онъ имѣетъ въ виду интересы производительныхъ арендаторовъ по английскому образцу, а не интересы землевладѣльцевъ. Возражая противъ государственного вмѣшательства, Буагильберъ борется скорѣе противъ существующаго промышленного государства, стоящаго въ противорѣчіи съ аграрнымъ, чѣмъ противъ государства какъ такового; вѣдь онъ иногда формулируетъ свою точку зрѣнія въ томъ смыслѣ, что государство можетъ вмѣшиваться въ сельско-хозяйственную экономику, но только съ цѣлью ей покровительствовать²⁾.

Теперь слѣдуетъ другой писатель, экономическое сочиненіе котораго часто неправильно приписывается Буагильбера, — это маршалъ Вобанъ (1633—1707).

Въ то время не было ничего удивительнаго встрѣтить среди писателей о народномъ хозяйствѣ военнаго. Въ той же роли выступилъ вскорѣ и маршалъ Ноэль (Noailles). Воіска приходили въ болѣе близкое соприкосновеніе съ производительнымъ населеніемъ во время своихъ фуражировокъ, чѣмъ это происходитъ въ настоящее время, когда, впрочемъ, политico-экономические писатели также набираются изъ всѣхъ сословій³⁾. Маршалъ былъ другомъ Кольбера и естественно находился

¹⁾ Part. II, p. 150.

²⁾ О Буагильберѣ см. слѣд. сочиненія: *Felix Cadet, P. de Boisguillebert, sa vie, ses œuvres, son influence*, 1871; *Horn, L'Economie politique avant les Physiocrates*, 1867; Очеркъ „Boisguillebert“ въ *Nouveau Dictionnaire d'Economie Politique* par Léon Say et Chailley, 1891; *G. Cohn, Pierre de Boisguillebert, Zeitschr. f. d. ges. Staatsw.*, 1869; *Skarzynski, Pierre de Boisguillebert*, 1873; *A. Oncken, Die Maxime laissez-faire et laissez-passier*.

³⁾ Воззрѣніе, распространенное главнымъ образомъ Вольтеромъ, что „Dîme royale“ собственно сочиненіе Буагильбера, обусловлено очевидно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1707 г., непосредственно послѣ смерти Вобана были перепечатаны сочиненія Буагильбера подъ заглавіемъ „Testament politique du ma-

въ близкихъ сношенихъ и съ военнымъ министромъ Лувуа. Его сердцу, особенно въ послѣднее время, было видѣть, какъ подавляется крестьянинъ, несущій не только феодальныя повинности помѣщику, но въ сущности и государственныя тяготы, сваливаемыя высшими словесами на него. Правда, Кольберъ сумѣлъ своими косвенными налогами на предметы потребленія привлечь и высшіе классы общества къ платежамъ въ пользу государства. Но этимъ не были облегчены тягости низшихъ сословій. По мнѣнію Вобана, здѣсь могло помочь только радикальное лечение; слѣдуетъ всѣхъ подданныхъ государства въ равномъ отношеніи привлечь къ платежу прямыхъ налоговъ. Лучше всего, думаетъ онъ, можно достигнуть этого тѣмъ, чтобы взять первоконную податную систему за образецъ политической и ввести общую государственную десятину, «королевскую десятину», для всѣхъ подданныхъ государства. Эта мысль лежитъ въ основѣ сочиненія *«La Dime Royale»*, которое уже въ 1698 году, непосредствено послѣ рисвикского мира, было разработано и въ видѣ памятной записки представлено правительству, но оставлено имъ безъ разсмотрѣнія; въ 1707 г. авторъ напечаталъ его. Рѣзкій приемъ, оказанный ему королемъ при передачѣ книги, сломилъ его. Вобанъ умеръ въ тотъ день, когда его *«nouveau système»*, по постановленію парламента, публично была сожжена пажачемъ. *«Dime royale»* нельзя смѣшивать, какъ это иногда дѣлаютъ, съ единымъ налогомъ физіократовъ, и это по несколькимъ причинамъ. Во-первыхъ—она не единый налогъ, но имѣть рядомъ съ собой цѣлый рядъ налоговъ на предметы потребленія, какъ напр. соль, спиртные напитки, пограничныя пошлины и т. п. Во-вторыхъ—она взимается не только съ поземельного дохода, но со всякаго дохода вообще, независимо отъ его источника. Однимъ словомъ, это первообразъ современаго личнаго подоходнаго налога. Третье отличие

réchal de Vauban". Отсюда заключили, что сочиненія обоихъ — произведения одного автора, а именно Буагильбера. Уже фізіократъ Дю Понть де Немуръ возсталъ противъ этого предположенія въ своей *„Notice abrégée des differant écrits modernes qui ont concourru en France à former la science de l'économie politique“*, 1789 (перепечатано въ моемъ изданіи *„Oeuvres de Quesnay“* р. 145 и сл.). Онъ разсказываетъ тамъ (стр. 147, прим.): *„Нѣкоторые приписали Dime royale маршала Вобана господину Буагильберу. Но это— ошибка, отъ которой не гарантированы, впрочемъ, и самые дѣльные люди. Намъ кажется яснымъ, что хотя Dime royale, въ принципіальномъ отношеніи и значительно ниже тѣмъ Détail de la France, но написана гораздо лучше какъ трудъ большаго мастера пера и человѣка болѣе методичнаго, чѣмъ былъ Буагильберъ. Но сюда присоединяется еще и положительный фактъ. Мы видѣли и читали оригиналную рукопись, находящуюся въ настоящее время въ рукахъ знаменитаго Ami des Hommes (маркиза Мирабо). Въ этой рукописи Буагильберъ подвергаетъ Dime royale щадительной критикѣ и доказываетъ, что этотъ проектъ благожелательнаго и выдающагося человѣка невыполнимъ, и что имъ пришлось бы пожертвовать вслѣдствіе слишкомъ обильнаго количества вызываемыхъ имъ вредныхъ проявлений.“*

Вобановской десятины отъ «impôt unique» физиократовъ—то, что послѣдній есть реальный налогъ, личнаго же подоходнаго налога физиократы не имѣли и въ виду. Поэтому они, при всемъ своемъ уваженіи къ Вобану, всегда отрекались отъ его идеи. Такъ напр. Дю Понъ де Немуръ въ одномъ мѣстѣ¹⁾ говоритъ о «заблужденіи великаго, мудраго и добрѣшаго Вобана, который вѣдь ничего не зналъ о produit net и не понималъ, что промышленные капиталы не могутъ подлежать налогу». Королевская десятина, по Вобану, должна быть подвижнымъ налогомъ, который долженъ сообразоваться, съ одной стороны, съ измѣняющимися потребностями государства, съ другой—соответствовать производительной дѣятельности отдѣльныхъ подданныхъ. Одна десятая дохода считается максимальной границей, въ обыкновенное время достаточна одна двадцатая. Зачатокъ прогрессивности обложения можно найти въ томъ, что ремесленники вместо двадцатой платили бы одну тридцатую и т. д.

Вобанъ ясно сознавалъ, что «новая система» означаетъ паденіе старой; онъ категорически заявляетъ въ предисловіи: «Il faut donc prendre ce Système tout entier, ou le rejeter tout-à-fait». Это же вѣроятно имѣть въ виду Людовикъ XIV, когда онъ называлъ своего вѣрнаго слугу—революціонеромъ. Тѣмъ не менѣе три года спустя Демаре, тогдашній генеральныи контролеръ финансовъ, племянникъ Кольбера, сдѣлалъ попытку ввести Dîme на ряду съ старыми податями, какъ дополнительный налогъ. Это, понятно, было не въ духѣ Вобана, который желалъ облегчить податную тяжесть, а не увеличить ее. Если Вобанъ противопоставилъ системѣ Кольбера въ извѣстномъ смыслѣ противоположную систему податнаго дѣла, то нельзя сказать того же относительно общей торговой политики; здѣсь онъ стоитъ совершенно на той же почвѣ. Это часто не вполнѣ ясно понимается.

Современные приверженцы свободной торговли хотѣли считать Вобана своимъ предшественникомъ такъ же, какъ и Буагильбера, но къ нему это еще менѣе приложимо чѣмъ къ послѣднему. Вобанъ заявляетъ себя приверженцемъ торгового баланса и вытекающаго отсюда ученія о полезной и вредной торговлѣ, изъ которыхъ одна должна поощряться, а другой слѣдуетъ препятствовать. Правда, въ предѣлахъ отечественной таможенной границы должна господствовать возможная свобода сношеній, но точно такъ же думалъ и Кольберъ.

Въ другомъ мѣстѣ²⁾ я выставилъ положеніе, что на основаніи воззрѣній, высказанныхъ въ книгѣ Вобана, можно было бы построить полную научную систему меркантилизма. Въ послѣднее время Ломанъ подвергъ это замѣчаніе тщательному изслѣдованію съ привлечениемъ

¹⁾ Въ уже названной „Notice“ 1769 г., напечатанной въ моемъ изданіи „Oeuvres de Quesnay“, стр. 146.

²⁾ Въ моемъ сочиненіи „Die Maxime laissez faire“ etc., стр. 49 и слѣд.

опубликованныхъ посмертныхъ рукописей Вобана и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ¹⁾: «1) Всѣ записи Вобана, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ нашему вопросу, доказываютъ, что маршалъ всюду, гдѣ онъ касался политико-экономическихъ проблемъ, мыслить меркантилистически и защищаетъ старыя положенія Кольбера. 2) Если раньше на основаніи «Dime royale» предполагали, что авторъ ея— противникъ Кольбера и передовой боецъ либеральныхъ, политическихъ и экономическихъ идей и по духу родственъ Буагильберу и физіократамъ, то это воззрѣніе основывалось на неточномъ знаніи этихъ записокъ». И далѣе: ²⁾ «3) Положенія, выставленныя Дэрому, Каутцомъ и Ингрэмомъ какъ принадлежащія Вобану, этотъ послѣдній никогда самъ не высказывалъ ни въ такой, ни въ похожей формѣ».

Здѣсь мы снова снова имѣемъ передъ глазами примѣръ того, какъ легко образуются и распространяются невѣрныя традиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ предупрежденіе не принимать ихъ на вѣру, а подвергать вопросъ всегда новому изслѣдованію. Это предупрежденіе тѣмъ болѣе должно имѣть силы, когда мы укажемъ, что самъ Ломаннъ сдѣлался жертвой подобнаго недоразумѣнія. Мнимое противорѣчіе, находящееся въ сочиненіяхъ маршала, препятствуетъ Ломанну прійти къ заключенію, что въ отношеніи торговой политики Вобанъ былъ колльберистомъ. Въ то время какъ Кольберъ и Вобанъ придерживаются положенія, что цѣль, къ которой нужно стремиться, заключается въ «abondance de l'argent», Вобанъ въ другихъ мѣстахъ по свидѣтельству Ломанна, говорить «que ce n'est pas la grande quantit  d'or et d'argent qui font les grandes et veritables richesses d'un Etat»; очень часто онъ обращаетъ вниманіе на то, что «la vraie richesse d'un royaume consiste dans l'abondance des denr es, dont l'usage est si necessaire au soutien de la vie des hommes, qui ne s'auraient s'en passer». Ломаннъ, считающій безспорнымъ, что система меркантиловъ благоговѣла передъ безумiemъ Мидаса, отождествлявшаго богатство съ благородными металлами, смотрѣть на эти мнѣнія какъ на противорѣчіе. Въ извиненіе онъ считаетъ нужнымъ прибавить: «это мѣсто единственное въ своемъ родѣ; нигдѣ больше у автора не встрѣчается ни опредѣленіе богатства въ смыслѣ нового ученія ни возраженіе противъ старого пониманія»³⁾. Для читателей этой книги не требуется больше доказательствъ, что это «старое пониманіе»—измыщеніе противниковъ системы меркантилистовъ, и что въ этомъ мнимо «новомъ ученіи» Вобанъ не отклоняется отъ колльберизма въ его истинномъ видѣ. «Abondance de l'argent» означаетъ ни что иное какъ «abondance des denr es».

¹⁾ „Vauban, seine Stellung in der Geschichte der Nationaloekonomie und sein Reformplan“, 1895, стр. 19.

²⁾ Въ др. м., стр. 40.

³⁾ Въ др. м., стр. 45.

Въ соціально политическомъ отношении на Вобана слѣдуетъ смотрѣть какъ на защитника политики интересовъ третьаго сословія, хотя онъ самъ принадлежалъ ко второму сословію. Ломаний счелъ нужнымъ оспаривать это ссылкой на иѣсколько мѣстъ, гдѣ Вобанъ довольно благожелательно относится къ дворянству. Но въ другихъ мѣстахъ онъ съ еще большей симпатіей говоритъ о «partie basse du peuple». Тѣмъ не менѣе никому не придетъ въ голову видѣть въ немъ защитника четвертаго сословія. При обычномъ въ ту эпоху смѣшенніи третьаго и четвертаго сословій, эти отзывы слѣдуетъ обыкновенно относить къ первому изъ нихъ. Впрочемъ одно изъ двухъ. Или маршалъ былъ ясно выраженнымъ колѣбертистомъ, какимъ его выставляетъ Ломаний, тогда онъ не могъ быть сторонникомъ феодализма; или онъ былъ таковыи и въ такомъ случаѣ не могъ быть колѣбертистомъ. Ясно одно, что осуществленіе проекта королевской десятины смело бы съ лица земли всѣ феодальные порядки, насколько они еще существовали, какъ это дѣйствительно и случилось въ наши дни, въ эпоху прямого личнаго и подоходнаго налога¹⁾.

Еще въ четвертомъ отношеніи возникла противъ меркантилизма реакція, ставшая роковой для Франціи,—реакція въ области денежнаго обращенія. Деньги, съ точки зрѣнія хозяйственной эволюціи по истеченіи среднихъ вѣковъ, имѣютъ два значенія: во-первыхъ, какъ валюта или мѣрило цѣнности, во-вторыхъ, какъ представитель имущества, какъ капиталъ. Что деньги въ качествѣ валюты должны изготавляться изъ благороднаго металла, обѣ этомъ никогда и не подымалось вопроса: это всегда разумѣлось само собой. Различіе въ мнѣніяхъ возникло, въ крайнемъ случаѣ, обѣ отношеніи цѣнности металла къ номинальной цѣнѣ монеты. Теперь стали отрицать вообще необходимость металлической основы валюты. Вопросъ этотъ былъ поднятъ «системой» шотландскаго банкира Джона Ло, стремившагося реформировать народное хозяйство при помощи новаго вида денегъ.

Джонъ Ло (John Law of Lauriston, 1671—1729) былъ шотландецъ, и его сочиненія написаны первоначально на англійскомъ языкѣ; но различные вѣнчанія событий привели его во Францію, и такъ какъ при посредствѣ этой страны его идеи привлекли вниманіе міра, то ихъ слѣдуетъ разматривать здѣсь, а не въ отдалѣ о Великобританіи, гдѣ на нихъ не обратили вниманія. Лишь исключительные обстоятельства могли заставить схватиться за подобный якорь спасенія, и таковыя дѣйствительно наступили, когда 1-го сентября 1715 г. скончался Людовикъ XIV и французская корона, тѣсненная внутренними и вѣнчани-

¹⁾ О Вобанѣ см. еще слѣд. сочиненія: *Michel et Lissse, Vauban l'conomiste*, 1891; *De Rochas, Pensées et mémories politiques inédits de Vauban*; *Angoyat, Oisivetés de M. Vauban*, Paris 1842 и 43; *Michel, Histoire de Vauban*, 1879.

ми врагами, досталась пятилетнему ребенку. Пользовавшися дурной славой племянник старого короля герцог Филипп Орлеанский сумелъ объявить завещаніе покойного недѣйствительнымъ и сдѣлаться опекуномъ и правителемъ. И вотъ, въ теченіе пяти лѣтъ водворилось правленіе, не имѣющее въ исторіи себѣ подобнаго по произволу и авантюризму. Рассказываютъ, что послѣ первого свиданія съ финансовымъ фокусникомъ, излагавшимъ регенту свои планы, послѣдній воскликнулъ: «Если вы посланикъ Божій, то милости просимъ, если же вѣсъ послать дьяволъ, то, по крайней мѣрѣ, не уходите!». Излагать здѣсь частные случаи, сопровождавшіе осуществленіе «системы», повело бы насъ слишкомъ далеко¹⁾. Эти происшествія были бы важны въ томъ случаѣ, если бы они могли доказать правильность или неправильность идей Ло. Но это не можетъ быть такъ уже по той причинѣ, что регентъ совершенно ихъ не выполнялъ, а ходячичаѣ во всю, слѣпо злоупотребляя ими. Идеи же Ло, изложенные имъ въ сочиненіи «Money and Trade considered, with a proposal for supplying the nation with money» (1705), заключаются въ слѣдующемъ.

Золото и серебро, какъ мѣрило цѣнности, имѣютъ по своей природѣ тотъ недостатокъ, что они сами товары, цѣнность которыхъ колеблется въ зависимости отъ спроса и предложения. Мѣрило же, какъ таковое, должно быть неподвижнымъ и во всякомъ случаѣ не можетъ зависѣть отъ измѣряемаго предмета. Нѣть ничего болѣе постоянного по своей цѣнности, чѣмъ земля. Ей не достаетъ только подвижности, которая необходима измѣряющему цѣнность средству обращенія. Это легко устроить, мобилизовать ея цѣнность посредствомъ ипотечныхъ знаковъ. Такимъ образомъ достигается двойная выгода, во-первыхъ—неизмѣнность основы цѣнности, во-вторыхъ—повышенная, сравнительно съ беспомощнымъ металломъ, обращаемость бумажныхъ знаковъ. Чтобы заплатить 500 ливровъ въ бумагѣ, требуется меныше времени, чѣмъ для уплаты пяти ливровъ золотомъ. Кроме того бумагу легче пересыпать, легче хранить, она не теряетъ въ вѣсѣ, и ее легко размѣнять на болѣе мелкіе знаки и т. д. «Практика большинства торговыхъ народовъ подтверждаетъ, что бумага, если она имѣеть какую-нибудь цѣнность, лучше годится для употребленія въ видѣ денегъ, чѣмъ металлъ. Въ Голландіи металъ дается подъ залогъ, а бумага употребляется какъ деньги. Изъ сказаннаго ясно, что залогъ земли имѣеть большую цѣнность чѣмъ залогъ металла»²⁾. Для осуществленія этой мысли Ло предлагаетъ учредить государственный банкъ, который

¹⁾ Можно указать на подробное положеніе въ книгѣ *Wilhelm Oncken, Zeitalter Friedrichs des Grossen, Berlin, 1881, т. I, кн. I.*

²⁾ См. французскій переводъ сочиненія Ло у *Daire, Economistes financiers du XVIII siècle, подъ заглавіемъ „Considérations sur le numéraire et le commerce“, стр. 495—500.*

долженъ функционировать подъ управлениемъ комиссіи, назначенной шотландскимъ парламентомъ, которому первоначально былъ представленъ этотъ проектъ. «Предлагаемыя бумажныя деньги будутъ равнопѣнны металлическимъ, такъ какъ онѣ будутъ имѣть ипотечную цѣнность, соответствующую той же суммѣ въ звонкой монетѣ, какую даютъ за эту цѣнность.—Бумажныя деньги не могутъ понижаться въ своей цѣнѣ, какъ понижались и могутъ еще понижаться металлическія деньги: Товары или сорта монетъ могутъ понижаться въ цѣнѣ, если увеличится запасъ ихъ или уменьшится спросъ. Но такъ какъ комиссія будетъ выплачивать всѣ требуемыя суммы и принимать обратно всѣ возвращающіяся, то бумажныя деньги будутъ сохранять свою цѣнну, и мы будемъ имѣть столько денегъ, сколько мы сможемъ использовать, и никогда больше». Въ отношеніи торговой политики эти деньги имѣютъ то большое преимущество, что онѣ тѣсно связаны съ своимъ отечествомъ и не могутъ уходить за границу вслѣдствіе невыгоднаго торговаго баланса. Впрочемъ, вслѣдствіе этого онѣ не могутъ примѣняться во вѣнчанихъ сношеніяхъ. Здѣсь всегда будутъ неоходимы металлическія деньги. Въ задачу банка входить посредничество между вѣнчаной и внутренней валютою.

Мы видимъ, что придумано все это остроумно. При помощи волшебнаго дѣйствія кредита, должны войти въ обращеніе и стать плодотворными всѣ недвижимыя цѣнности, т.-е.—и это было ложное предположеніе, на которомъ основывалась вся система,—кредитъ создаетъ будто бы вторую цѣнность, которая можетъ быть приложена къ дѣлу въ качествѣ капитала. Учрежденная впослѣдствіи Индійская компанія стояла на этомъ воздушномъ основаніи.

Регентство прежде всего было поставлено передъ важнымъ вопросомъ упорядоченія государственного хозяйства. Людовикъ XIV оставилъ государственный долгъ приблизительно въ два миллиарда ливровъ т.-е. государство фактически было банкротомъ. Герцогъ Сень-Симонъ, какъ говорятъ, сдѣлалъ единственное правильное для тогдашняго положенія предложеніе, объявить себя «честнымъ банкротомъ». Однако, это повело бы за собой ограниченіе расходовъ на содержаніе двора и не могло нравиться регенту. Правда, учредили было по старинному образцу такъ называемую «Chambre ardente», на обязанности которой лежало повѣрять государственные обязательства и наказывать подлоги. Но скоро оказалось, что ея члены сами взяточники, и послѣ короткой дѣятельности камеру пришлось опять распустить со стыдомъ и позоромъ. Тогда-то выступилъ Ло въ роли ангела спасителя. Онъ обѣщалъ не только въ короткое время избавить государство отъ всякой финансовой нужды, но и привести весь народъ къ состоянію небывалаго довольства.

Регентъ сумѣлъ устраниТЬ всѣ стоящія на пути препятствія. Основаніе «Banque g n rale» указомъ отъ 20-го мая 1716 г., поднятіе его

билетовъ на степень государственныхъ 10-го апрѣля 1717 г., основаніе компаніи Миссисипи въ августѣ 1717 г. и соединеніе всѣхъ морскихъ торговыхъ обществъ въ одну «Compagnie des Indes» въ 1719 г.; дикая спекуляція акціями на Rue Quincampoix, тогдашнемъ мѣстѣ биржи, конверсія государственного долга въ трехпроцентную бумагу и отдача Компаниіи на откупъ сбора податей — вотъ событія, отмѣчающія развитіе «системы». Въ общемъ собраніи Компаниіи въ концѣ 1719 г. и въ окончательномъ назначеніи перешедшаго въ католичество Ло генеральнымъ контролеромъ финансовъ, она достигаетъ своей высшей и поворотной точки. Крахъ наступаетъ внезапно. Весь 1720 годъ наполненъ отчаянной борьбой противъ страшного паденія курса бумажныхъ денегъ и акцій. Ло бѣгствомъ за границу въ декабрѣ 1720 г. уклонился отъ представленія отчета въ управлениі за второй операционный годъ. Надвигающееся теперь съ удвоенной силой государственное банкротство, реализація котораго была поручена присяжнымъ врагамъ Ло, парижскимъ банкирамъ братьямъ Парисъ, творцамъ такъ называемой «анти-системы», установило тягость государственного долга въ три миллиарда ливровъ. Понятно, что изъ нихъ только одинъ миллиардъ слѣдуетъ поставить въ вину Ло; да и то правильнѣе будетъ приписать его регенту, чѣмъ ему самому, такъ какъ регентъ совершенно не заботился о цѣнности заложенныхъ имъній, а лишь дѣлая выпуски бумажныхъ денегъ одни за другими. Никогда несчастье не могло бы принять такихъ большихъ размѣровъ, если бы соблюдалось предписаніе Ло, что максимальное количество выпускаемыхъ бумажныхъ денегъ не должно превосходить двѣ трети дѣйствительно заложенныхъ земель. Ло самъ до конца своей жизни (1729) вѣрилъ въ правильность своей системы и принесъ ей въ жертву все свое довольно значительное имущество. Онъ былъ проектировщикомъ, но не аферистомъ. Герцогъ Филиппъ Орлеанскій соответственно своему образу жизни внезапно скончался въ 1723 г. отъ послѣдствій одной оргіи.

Главное сочиненіе Ло имѣеть также значеніе и въ исторіи догмы. У него мы снова, впервые послѣ Аристотеля, встрѣчаемъ точное различіе потребительной цѣнности (*valeur des usages*), и мѣновой цѣнности (*valeur dans les échanges*), какъ двухъ стоящихъ рядомъ самостоятельныхъ видовъ цѣнности. Для оборота на первомъ планѣ стоитъ мѣновая цѣнность, которую Ло обыкновенно называетъ просто «*valeur*». Она образуется изъ взаимнаго отношенія полезности и рѣдкости благъ. «Вода обладаетъ очень высокой полезностью, но низкой цѣнностью, такъ какъ количество воды далеко превосходитъ спросъ. Алмазы обладаютъ только незначительной полезностью и тѣмъ не менѣе высокой цѣнностью, такъ какъ спросъ на нихъ далеко превосходитъ имѣющееся количество ихъ». Но мѣновая цѣнность обязательно предполагаетъ известную полезность благъ, и если предметъ обладаетъ многосторонней полезностью, то это вліяетъ

на его мѣновую цѣнность въ смыслѣ ея увеличенія. Здѣсь мы видимъ въ Ло защитника теоріи цѣнности, названной впослѣдствіи субъективной.

Какъ уже было сказано, у Ло ипотечныя деньги хотя и ограничиваются металлическія, но отнюдь не устраниютъ ихъ совершенно. Напротивъ, бумажныя деньги, кромѣ того, что они фундированы въ землѣ, должны еще быть написаны въ металлической валюти и во всякое время приниматься генеральнымъ банкомъ по соответствующему курсу; но это не лежитъ однако на обязанности частныхъ лицъ, такъ какъ они погашаютъ свои обязательства — знаками, т.-е. законной валютой. Для металлическихъ денегъ Ло устанавливаетъ слѣдующую теорію, въ сущности свойственную вообще абсолютной монархіи. Благородные металлы обладаютъ способностью служить потребленію двоякимъ образомъ, во-первыхъ, какъ средство для украшенія, для предметовъ искусства и ремесла (*vaisselle*) и т. д.; и во вторыхъ, какъ валюта (*monnaie*). Та и другая полезность совершенно различного рода. Въ первомъ случаѣ принимается во вниманіе только свойственная имъ товарная цѣнность (*valeur intrinsèque*). Если же благородные металлы употребляются вмѣстѣ съ тѣмъ какъ деньги, то вслѣдствіе этого второго примѣненія возникаетъ добавочный спросъ (*demande additionnelle*) и такимъ образомъ добавочная цѣнность (*valeur additionnelle*), а вмѣстѣ это создаетъ офиціальную или нарицательную цѣну (*valeur extrinsèque*) монеты (Chap. IV).

Проникавшій, какъ мы видѣли, всю меркантилистическую литературу спорный вопросъ о томъ, должны ли деньги чеканиться полноцѣнными или нетъ, вергѣлся въ сущности на признаніи *valeur additionnelle*. Стоявши на почвѣ международныхъ сношеній отрицали его. Они говорили, что деньги такой же товаръ, какъ и всякий другой, и обладаютъ по этому одной только товарной цѣнностью. Олиравшійся на внутрення, національные сношения признавали двойственность цѣнности денегъ и предоставляли территоріальнымъ государямъ право располагать этой прибавочной цѣнностью, созданной поднятіемъ металлическихъ денегъ на степень общественнаго института съ принудительнымъ обращеніемъ, т.-е. употребить ее въ свою пользу посредствомъ соответствующей сбавки благороднаго или прибавки неблагороднаго металла при чеканкѣ. При этомъ, впрочемъ, деньги теряютъ способность къ международному обращенію. Но это создаетъ ту выгоду, что онѣ остаются въ странѣ. Ло, желавшій сохранить деньги изъ благородныхъ металловъ только для международныхъ сношеній, стоялъ за возможную полноцѣнность монетъ. И действительно, выпущенные въ началѣ генеральнымъ банкомъ банковые талеры заключали въ себѣ полную товарную цѣнность въ благородномъ металлѣ. Кромѣ того, Ло указываетъ, что съ введеніемъ «*monnaie territoriale*» «*valeur additionnelle*» пойдетъ въ пользу земли, и что слѣдовательно цѣна послѣдней значительно повысится во всемъ государствѣ (Chap. VII).

Изъ сочиненій Ло, кромѣ французскаго перевода разсужденія «Money and Trade», слѣдуетъ назвать еще нѣсколько докладовъ и писемъ къ регенту, опубликованныхъ въ официальномъ «Mercure de France»; они имѣютъ нѣкоторое литературно-историческое значеніе еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ впервые въ экономической литературѣ Франціи встрѣчается первоначально англійское выраженіе «balance du commerce». Понятіе это, конечно уже давно получило здѣсь право гражданства. Однако мы напрасно пробовали бы искать раньше это выраженіе. Само собою разумѣется, что своимъ разсужденіемъ Ло хотѣлъ дать возможность управлять къ выгодѣ страны также торговымъ балансомъ. Всѣдѣствіе обилия денегъ упадетъ самъ собою размѣръ процента, и государственное вмѣшательство съ этой цѣлью станетъ излишнимъ. Промышленность получить дешевый капиталъ, населеніе не будетъ чувствовать недостатка въ занятіяхъ. Если государство сочтетъ необходимымъ поощрительное вмѣшательство, то цѣлесообразнѣе всего будутъ денежныя преміи, для выдачи которыхъ Ло предлагалъ учредить особое бюро.

Общій выводъ будетъ тотъ, что воззрѣнія Ло еще совершенно меркантилистичны. И онъ имѣлъ прежде всего въ виду политическое могущество государства. Ло предсказываетъ Франціи, что она безъ употребленія силы достигнетъ положенія третейскаго суды въ Европѣ, для этого требуется только увеличеніе платежныхъ средствъ; ибо «ce qui constitue la puissance et la richesse d'une Nation, c'est une population nombreuse et magasins de marchandises étrangères et nationales. Ces objets dépendent du numéraire»¹⁾.

Паденіе Ло создало во Франціи на долгое время предубѣжденіе противъ всякой экономической «системы», и физіократамъ пришлось много терпѣть изъ за этого. Конецъ 18-го столѣтія подарилъ, какъ известно, Франціи второе изданіе земельныхъ денегъ, только менѣе остроумно придуманное и поведшее къ еще большему злоупотребленіямъ. Ассигнаціонное хозяйство великой революціи основывалось на подобномъ же воззрѣніи. Оно имѣло такой же, если не худшій конецъ. Какъ видимъ, исторіей предназначено постоянное возрожденіе не только хорошимъ, но и ложнымъ идеямъ²⁾.

¹⁾) *Considérations sur le Numéraire*, Chap. V.

²⁾) Изъ многочисленной литературы о Ло можно назвать: *Forbonnais, Vue générale du Système de M. Law*, въ его *Recherches et Considérations sur les Finances et France*, 1758; *Lerasseur, Recherches historiques sur le Système de Law*, 1854; *J. Heymann, Law und sein System*, 1854. Подробнѣе см. ст. Г. Адлера „Law“ въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*.—Замѣчательно, что на французскомъ вульгарномъ нарѣчіи имя шотландского финансового искусника постоянно выговаривается Лассъ (Lass). Я долго не могъ найти объясненіе этого. Наконецъ, это мнѣ удалось, когда я просматривалъ официальный „Mercure de France“ за тогдашніе годы. Въ одномъ изъ номеровъ за 1718 г. между

Отъ ликвидациі 1721 и 1722 г.г. сохранилось для потомства учреждение, которому лучше было бы претерпѣть участъ упраздненного «Banque royale»; я имѣю въ виду *Compagnie des Indes*. Возникшая изъ соединенія воедино всѣхъ старыхъ, основанныхъ большей частью еще во времена Кольбера, акціонерныхъ обществъ для морской торговли, компанія эта обладала монополіей торговли со всѣми европейскими странами. Въ смыслѣ же она была созданіемъ либеральнымъ. Вместо отдѣльныхъ монополій мелкихъ обществъ должна была возникнуть общая монополія одного великаго общества, акціи которого были бы доступны каждому. Весь французскій народъ долженъ былъ стать членомъ то вродѣ общества промышленниковъ, такова цѣль, которой онъ думалъ достигнуть компаніей. Но при ея возобновлениі предполагалось совершенно противоположное. Въ закрытомъ засѣданіи (*justice de lit*) въ іюнѣ 1725 г. (доказательство, что дѣло не обошлось безъ сопротивленія) въ парижскомъ парламентѣ были зарегистрированы два королевскихъ эдикта, утверждавшихъ компанію съ ея новыми привилегіями. Въ одномъ изъ нихъ ясно указывается на то, что это дѣлается съ цѣлью «assurer pour toujours le grand nombre d'anciennes familles qui s'у trouvent liées par des évènements dont il n'ont pas été les maîtres». Но эти «anciennes famille» были самъ король, остававшийся всегда главнымъ акціонеромъ, и другіе близкіе ко двору фамиліи. Число акцій ограничено 56000. Дивидендъ опредѣленъ какъ постоянный доходъ (!) въ 150 ливровъ на акцію, независимо отъ величины торговой прибыли. Чтобы дать компаніи возможность выплачивать этотъ опредѣленный дивидендъ также въ случаѣ недостаточности доходовъ, ей предоставленъ цѣлый рядъ особыхъ привилегій, такъ что послѣ своего возстановленія компанія обладала слѣдующими преимуществами¹⁾. Прежде всего она сохранила монополію французской торговли со всѣми европейскими странами. Къ этому прибавились монополія торговли неграми во французскихъ колоніяхъ и монополія торговли цветными индійскими бумажными тканями (*toiles peintes*) между Индіей и европейскими не французскими странами. (Во Франціи, какъ уже было замѣчено, торговля этими тканями была запрещена въ пользу отечественной льняной и пеньковой промышленности). Затѣмъ табачная, кофейная и лотерейная монополія. Послѣдняя, впрочемъ, была отъ нея вскорѣ опять отнята, такъ какъ понадобилась для другихъ цѣлей.

вновь возникшими учрежденіями названа „Banque générale“ съ ея директоромъ Mr. Lass. Буква w, почти совершенно не встрѣчающаяся во французской орнографіи, была, очевидно, принята наборщикомъ за ss. Хотя въ слѣдующіе годы это имя пишется правильно, по формѣ Lavv. Вѣроятно въ типографіи „Mercure“ не имѣлось правильнаго w. Между тѣмъ произношеніе имени уже установилось согласно съ печаткой и осталось таковымъ по настоящее время.

¹⁾ См. статью „Compagnie des Indes“ въ Dictionnaire du commerce братьевъ Savary и Morellet, Mémoires sur la Compagnie des Indes, Paris 1769.

Такимъ образомъ было создано чудовище, поль столѣтія тяготѣвшее на хозяйственномъ организмѣ Франціи и созданное,—это ясно для каждого,—ради обеспеченія вѣрнаго дохода нѣсколькимъ знатнымъ родамъ, не имѣвшимъ никакихъ связей съ торговлей.

Это произведеніе являющееся издѣятельствомъ надъ разумнымъ народнымъ хозяйствомъ, не могло не вызвать возраженія со стороны торговаго міра. Если присоединить сюда все возраставшее въ эту эпоху усиленіе внутренней регламентациіи промышленности, то станетъ понятно, что хозяйственная жизнь французскаго народа въ первую половину 18-го столѣтія чувствовала себя какъ бы въ тюрьмѣ; и все сильнѣе и сильнѣе взывала къ освобожденію. Въ 1769 г. удалось, наконецъ, объявленіемъ уставовъ компаний недѣйствительными и передачей въ государственную казну ея финансовыхъ обязанностей свергнуть это наложеніе на торговлю иго. Но въ первое время снаружи все оставалось спокойно.

d. Меркантилисты реформы. Государственное банкротство 1721/22гг. глубоко истощило Францію; происходившее въ ней броженіе не имѣло силы проявиться наружу. Оно было бы безжалостно подавлено. И вотъ появилась рукописная литература, переходившая изъ рукъ въ руки и напечатанная только много времени спустя послѣ этого периода. Пропускаемое цензурою безъ задержки отличалось совершенно смиреннымъ характеромъ. Однако было бы заблужденіемъ считать печатавшіеся тогда сочиненія отраженіемъ истиннаго народнаго духа того времени.

Въ экономической литературѣ периода, непосредственно предшествовавшаго системѣ физіократовъ (отъ Ло до Кэнэ), слѣдуетъ различать 3 группы авторовъ: консервативную, радикальную и среднюю, эклектическую.

Начнемъ съ консервативной вѣтви, старавшейся, насколько возможно примириться съ существовавшими условіями. Она также стремится къ реформѣ, но безъ торопливости, и ожидаетъ совершенія ея отъ государства, за которымъ признается полное право регулирующаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь. Начало ей полагаетъ бывший секретарь Ло *I. F. Мелонъ* книгой, пропущенной въ 1734 г. цензоромъ «Essai politique sur le Commerce». Но тотъ, кто думаетъ найти въ ней изложеніе теоріи Ло, разочаровался бы. Правда, авторъ нѣсколько разъ касается событий изъ эпохи регентства, причемъ даетъ понять, что паденіе «системы» слѣдуетъ приписать проискамъ враговъ Ло. Но въ книгѣ отсутствуетъ теорія бумажныхъ денегъ.

Онъ доказываетъ, что государственный человѣкъ долженъ имѣть въ виду два регулятивныхъ принципа въ отношеніи торговли; это «liberté et protection». Въ случаѣ сомнѣнія покровительство уступаетъ мѣсто свободѣ. Но послѣднюю слѣдуетъ понимать правильно. Если даже политическая свобода никоимъ образомъ не заключается въ томъ, чтобы дѣлать, что угодно, «mais seulement de faire ce qui n'est pas

contraire au bien général»¹⁾, то то же самое можно сказать про свободу торговли, подъ которой нельзя подразумѣвать дарованную дѣловымъ людямъ «imprudente license» ввозить и вывозить любые товары, «mais seulement des marchandises dont l'exportation ou l'importation peut procurer à chaque citoyen des facultés d'échanger son superflu pour le nécessaire qui lui manque». Ибо торговля, по знаменитому определенію Мелона, есть «мѣна излишняго на необходимое»²⁾. Постановленія, касающіяся изготошенія мануфактурныхъ товаровъ, должны подобнымъ образомъ считаться изданными въ интересѣ общаго благосостоянія, хотя они и бываютъ часто тягостны фабрикантамъ; они склонительно не противорѣчатъ хозяйственной свободѣ. То же самое можно сказать объ ограниченіяхъ, устанавливаемыхъ англійскимъ навигаціоннымъ актомъ. Онъ вполнѣ одобряетъ также англійскій хлѣбный законъ 1689 г., такъ какъ для него «la culture des terres est le fondement solide de l'industrie et du commerce», и земледѣлецъ уже по той причинѣ заслуживаетъ больше вниманія чѣмъ другіе классы «parce qu'il est plus nombreux et que son travail est plus essentiel»³⁾. Ничего нельзѣе преступнаго, чѣмъ исповѣданіе начала: «чѣмъ народъ несчастнѣе, тѣмъ онъ и податливѣе».

На ряду съ вѣшнимъ торговымъ балансомъ Мелонъ различаетъ еще внутренній хозяйственный балансъ, который онъ считаетъ важнѣе вѣшняго. «Il est une ballance interieure, balance de la plus grande importance qui doit toujours subsister entre la Capitale et les Provinces». О всеобщемъ благосостояніи слѣдуетъ судить на основаніи доходовъ не городского, а сельскаго населенія. Здѣсь Мелонъ предвосхижаетъ мысль, развиваемую затѣмъ Кантильономъ и Кэнз и перенятую наконецъ, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ, Адамомъ Смитомъ. Эта симпатія Мелона къ земледѣлію не препятствовала ему ломать, копья въ защиту городской роскоши. Роскошь, по его мнѣнію, относительная категорія, а не абсолютная, и держась въ опредѣленныхъ границахъ, можетъ оказать хорошія услуги производству какъ возбуждающее средство. Главное богатство страны заключается въ ея землѣ. Металлическія деньги составляютъ никоимъ образомъ не болѣе одной десятой его. Деньги вообще только знакъ или закладное свидѣтельство (*gage*) на остальное богатство, но не само богатство. Мелонъ былъ по образованію юристъ, а не купецъ, и онъ поэтому не стоитъ на точкѣ зрѣнія купеческихъ интересовъ. Это налагаетъ на его выводы печать объективности, которая впрочемъ иногда позволяетъ ясно различить боязнь цензорской критики.

Рядомъ съ Мелономъ слѣдуетъ назвать еще *Дюто* (*Dutot*), также

¹⁾ Chap. XI.

²⁾ Стр. 8.

³⁾ Стр. 341.

бывшаго чиновника Ло, котораго сочиненіе коллеги побудило опубликовать возраженіе (*Réflexions politiques sur les Finances et le Commerce*, 1735 г.), гдѣ онъ старается глубже разработать иѣкоторые вопросы и въ особенности опровергнуть воззрѣніе Мелона на право чеканить монеты не совсѣмъ полноцѣнными.

Въ томъ же направленіи какъ *Essai* Мелона и, безъ сомнѣнія, во многихъ отношеніяхъ подъ его вліяніемъ написано сочиненіе, литературный центръ тяжести котораго хотя и лежитъ въ сосѣдней области, но которое нельзя пройти молчаніемъ въ историческомъ изложеніи политической экономіи; мы говоримъ объ *Esprit des Lois* (1748 г.) *Монтескье* (1689—1755). Для насъ Монтескье имѣетъ особенное значеніе своимъ историко-философскимъ методомъ, нашедшимъ примѣненіе уже въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ, какъ напр. въ *Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence* (1734 г.). Подлежитъ сомнѣнію, находился ли онъ больше подъ вліяніемъ Бодена или Вико. Достовѣрно лишь, что онъ въ общемъ приверженецъ воззрѣнія о возвышеннѣ и паденіи народовъ. Прочія его правовыя и государственно-философскія воззрѣнія, изложенные довольно многорѣчиво, хотя и удивляли современниковъ, но мало кого убѣждали. Такъ напр. ясно видна произвольность, когда онъ каждой формѣ государства приписываетъ особый подобающій ей принципъ или побудительный мотивъ: монархіи—честь, аристократіи—умѣренность и республикѣ—добродѣтель. Несомнѣнно, во всякой формѣ государства слѣдуетъ выказывать какъ добродѣтель, т.-е. патріотизмъ, такъ и чувство чести и умѣренность; это не специфические признаки, свойственные той или другой формѣ правленія въ особенности. Главное вліяніе «Духа законовъ», какъ известно, заключалось въ рекомендаций ограниченной монархіи въ смыслѣ англійской конституції (система конституціоннаго государства). Мало говорить въ пользу его исторического смысла то, что онъ видитъ возникновеніе ея уже въ германскихъ первобытныхъ лѣсахъ. Вносясь въ философія исторіи спра-ведливо почти не обращала вниманія на его построенія. Адамъ Смитъ, который въ общемъ относился къ нему съ большимъ уваженіемъ, также не слѣдовала за нимъ въ этой области.

Въ нашей работѣ слѣдуетъ познакомиться, главнымъ образомъ, съ торгово-политическимъ воззрѣніемъ главнаго сочиненія Монтескье; они находятся преимущественно въ XX книгѣ, трактующей «О законахъ и ихъ отношеніи къ торговлѣ». Почти все заключающееся здѣсь высказано вкратцѣ уже у Мелона. Вотъ какъ говорится о политической свободѣ уже въ книгѣ XI, гл. 3: «Политическая свобода заключается отнюдь не въ томъ, чтобы дѣлать, что угодно; свобода есть право дѣлать все, что разрѣшается законами». Въ частности о свободѣ торговли онъ въ книгѣ, посвященной послѣдней, высказываетъ слѣдующее: «Свобода торговли не есть предоставленная купцамъ возмож-

ность дѣлать, что угодно: это было бы скорѣе ея рабство. То, что ограничиваетъ купца, не ограничиваетъ этимъ торговли. Англія запрещаетъ вывозъ своей шерсти; она желаетъ, чтобы уголь перевозился въ столицу моремъ; она разрѣшаетъ вывозъ только выхолощенныхъ лошадей; корабли ея колоній, торгующіе съ Европой, должны становиться на якорь въ Англіи. Англія ограничиваетъ купца; но это дѣлается къ выгодѣ торговли». Цитированное мѣсто у насъ уже разъ встрѣтилось (выше стр. 251). Оно было передано (безъ указанія на источникъ) въ наказѣ о составленіи русскаго уложенія императрицы Екатерины II 1767 года, и вообще оно встрѣчается во многихъ экономическихъ сочиненіяхъ тѣхъ дней.

Въ главѣ, трактующей о колоніяхъ въ особенности¹⁾, Монтескье, въ полномъ соотвѣтствии съ этой точкой зрѣнія, выступаетъ запитникомъ монопольного права метрополіи торговаться въ колоніяхъ. Этимъ способомъ колонисты должны платить за военную защиту, доставляемую имъ метрополіей. Впослѣдствіи противъ этого положенія выступилъ Кэнэ въ особомъ сочиненіи: «Remarques sur l'opinion de l'auteur de l'Esprit des Lois concernant les colonies»²⁾. Въ правильно устроенномъ монархическомъ государствѣ, по его мнѣнію, вообще не должно существовать различія между метрополіей и колоніями. Въ нихъ слѣдуетъ видѣть равноправныя части національной территории, и поэтому на нихъ слѣдуетъ налагать равныя подати. Дарование метрополіи преимуществъ ведетъ къ «l'legislation hollandaise par laquelle nos colonies ont été sепarées de la nation et livrées aux voituriers de la métropole»³⁾; но это противно какъ естественному праву, такъ и выгодѣ націи. Намъ известно, что такихъ же взглядовъ на колоніальную политику держался Адамъ Смитъ. Но онъ не полемизировалъ какъ Кэнэ, прямо съ Монтескье. Если онъ его цитируетъ, то всегда соглашаясь съ нимъ.

Коснемся еще взглядовъ Монтескье на отношеніе денегъ къ богатству. Въ книгѣ XXI, гл. 22 мы находимъ обширное разсужденіе на эту тему, сводящееся къ положенію: «золото и серебро представляютъ собой только фиктивное богатство, только знакъ истиннаго богатства». Испанія, впрочемъ, смотрѣла на это иначе: «Испанія поступила какъ тотъ безразсудный царь, который просилъ, чтобы все, чего онъ коснется, превратилось въ золото, и который принужденъ былъ вновь прибегнуть къ богамъ съ просьбой положить конецъ его несчастью. Завоевавъ Мексику и Перу, испанцы пренебрегли естественными богатствами, и стали гоняться за ихъ знаками, которые обезцѣниваются сами собой». Въ этомъ отношеніи мы находимъ у Монтескье такие же

¹⁾ Книга XXI, гл. 21.

²⁾ См. Oeuvres de Quesnay, стр. 425 и сл.

³⁾ Тамъ же, стр. 434.

взгляды, какъ и у Мелона, а что касается металлическихъ денегъ, подобные возрѣніямъ Ло. «Деньги, какъ металлъ, имѣютъ такую же цѣнность какъ и другіе товары, и они имѣютъ сверхъ того еще добавочную цѣнность, такъ какъ могутъ служить въ качествѣ представителей другихъ товаровъ». И даѣтъ: «Деньги, какъ монета, имѣютъ цѣнность, которую государь можетъ установить въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ другихъ же онъ этого сдѣлать не можетъ. 1. Государь устанавливаетъ отношеніе между известнымъ количествомъ золота и серебра въ металлѣ и тѣмъ же количествомъ въ монетѣ. 2. Онъ опредѣляетъ отношеніе между различными металлами, служащими для чеканки монеты. 3. Онъ устанавливаетъ вѣсъ и пробу каждой монеты. 4. Наконецъ, онъ сообщаетъ каждой монетѣ ту добавочную фиктивную цѣнность, о которой уже была рѣчь. Я назову цѣнность монеты въ этихъ четырехъ отношеніяхъ *положительной*, такъ какъ она можетъ быть установлена закономъ. Кроме того, монеты каждого государства обладаютъ еще *относительной* цѣнностью, когда ихъ сравниваютъ съ монетами другихъ государствъ: эта-то относительная цѣнность находится въ зависимости отъ мѣнового оборота. Она въ значительной степени обусловливается положительной цѣнностью и опредѣляется всеобщей оцѣнкой купцовъ, а не указомъ государя, такъ какъ она не-престанно измѣняется и зависитъ отъ множества обстоятельствъ»¹⁾. Другими словами мнѣніе Монтескье заключается въ томъ, что деньги имѣютъ различный характеръ внутри страны и во внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ. Тамъ рѣшающимъ обстоятельствомъ является повелѣніе государя, деньги имѣютъ определенную законами платежную силу, здѣсь деньги имѣютъ зависящій отъ оцѣнки купцовъ измѣнчивый курсъ, по существу соотвѣтствующій ихъ товарной стоимости.

Высота цѣнъ зависитъ отъ взаимоотношения количества денегъ къ количеству находящихся въ обращеніи товаровъ. Чѣмъ больше денегъ въ сравненіи съ товарами, тѣмъ выше цѣны, чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ онѣ ниже. «Если бы послѣ открытія Америки количество золота и серебра увеличилось въ Европѣ въ отношеніи 1:20, цѣны съѣстныхъ припасовъ и товаровъ должны бы были возрасти въ той же пропорціи. Но если бы съ другой стороны количество товаровъ увеличилось въ отношеніи 1:2, цѣны на эти товары и съѣстные припасы должны были бы съ одной стороны возвыситься въ отношеніи 1:20, съ другой стороны упасть въ отношеніи 1:2 и находиться слѣдовательно въ отношеніи 1:10»²⁾. Въ его разсужденіи мы имѣемъ начало такъ называемой количественной теоріи, которая впослѣдствіи была развиваема въ трудахъ Дженоvezи, Рикардо и др.

Наконецъ, заслуживають быть отмѣченными также и замѣчанія

¹⁾ Книга XXII, гл. 10. Нѣмецкій переводъ A. Ellissen, Leipzig 1857.

²⁾ Книга XXII, гл. 7 и 8.

Монтескье о податномъ дѣлѣ. Онъ требуетъ, чтобы государство само взимало налоги, а не предоставляло бы эту обязанность откупщикамъ; въ частности косвенная форма налоговъ кажется ему болѣе примиримой съ политической свободой чѣмъ прямая. Далѣе, высокіе налоги не противорѣчатъ свободѣ, напротивъ: «Въ государствахъ съ ограниченной властью существуетъ вознагражденіе за тяжесть налоговъ, это—свобода. Въ деспотическихъ государствахъ существуетъ возмѣщеніе за свободу, это умѣренность налоговъ». Это стоитъ въ связи съ незначительной обеспеченностью имущества въ тиранническихъ государствахъ. Вѣдь «подать есть часть имущества, которую отдаетъ каждый гражданинъ, чтобы обеспечить другую часть или пріятно пользоваться ею»¹⁾.

Экономическая идеи Монтескье отличаются скорѣе остроуміемъ, чѣмъ глубиной. Въ первый моментъ онъ поражаютъ. Но если взглянуть на нихъ внимательнѣе, то становится ясно, что для автора дѣйствительно было болѣе важно озадачить читателя, чѣмъ дать строго логической доказательства. Претензія, выставленная однимъ изъ новыхъ біографовъ Монтескье (см. введеніе), признать его основателемъ политической экономіи, могла возникнуть только вслѣдствіе недостаточного знакомства съ относящимся сюда материаломъ. Нельзя отрицать, однако, что своей манерой писать, отыскивая всюду связи, онъ разсыпалъ много научныхъ зеренъ, пустившихъ тамъ и сямъ ростки. Такимъ образомъ ему надлежитъ отвести мѣсто въ доисторическомъ періодѣ развитія политической экономіи.

Непосредственно послѣ Монтескье слѣдуетъ перейти къ человѣку, учившемуся по его сочиненіямъ и защищавшему впослѣдствіи его точку зрењія противъ нападеній физіократовъ; говорю о паодовитомъ *Веронъ де Форбоннэ* (*Véron de Forbonnais*, 1722—1800). Авторъ происходилъ изъ семьи фабриканта въ Бретани и самъ былъ первоначально промышленникомъ, но ознакомленіе съ появившимся въ 1748 г. *«Esprit des Lois»* такъ на него повлияло, что онъ написалъ къ нему комментарій. Въ 1752 г. онъ перѣхалъ въ Парижъ и присоединился къ кружку молодыхъ чиновниковъ, группировавшемуся вокругъ интенданта торговли Гурнэ. Гурнэ побудилъ его перевести (1753) съ испанского сочиненіе Устарица; кромѣ того Форбоннэ, для только что основанной д'Аламберомъ и Дидро энциклопедіи, разработалъ нѣсколько экономическихъ статей, которые были имъ изданы отдельно подъ заглавіемъ *«Éléments du Commerce»* (1754). Главное его сочиненіе *«Recherches et considérations sur les Finances de France, depuis l'année 1595 jusqu'à l'année 1721»*, двухтомный трудъ, появившійся въ 1758 году, представляетъ собою историко-экономическую работу, во многихъ отношеніяхъ образцовую. Книга обсуждаетъ главнымъ образомъ административную дѣя-

¹⁾ Книга XIII, гл. 1 и 12.

тельность Сюлли, Кольбера и Ло. Въ ней перепечатывается «Mémoire»¹⁾ послѣдняго къ регенту Филиппу Орлеанскому «Sur l'usage des Monnaies», въ которомъ отмѣчается идея, что цѣнность денегъ въ международныхъ сношеніяхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ количества заключающагося въ монетахъ металла и т. д. Форбоннэ занялъ затѣмъ должность инспектора королевскаго монетнаго двора и дѣйствовалъ въ духѣ просвѣщеннаго меркантилизма. О его спорѣ съ физіократами намъ еще придется говорить. Здѣсь мы должны прежде всего познакомиться съ точкой зрѣнія, проводившейся въ первыхъ его сочиненіяхъ. Она не заключается въ себѣ ничего оригинального. Въ «ELEMENS du Commerce» мы узнаемъ въ немъ ученика, съ одной стороны, Мелона и Монтескье, Устарица и Чайльда—съ другой.

Форбоннэ является поклонникомъ хлѣбныхъ законовъ Англіи. Онъ превозноситъ ихъ за то, что они сообщали земледѣлію, вѣчившему жалкое существованіе, коммерческій характеръ, сдѣлали земледѣліе источникомъ торговой прибыли. Этому воззрѣнію соответствуетъ его опредѣленіе торговли, гласящее: «L'agriculture, les manufactures, les arts libéraux, la pêche, la navigation, les colonies, les assurances, et le change, forment huit branches de Commerce»²⁾. На первомъ планѣ стоитъ земледѣліе, оно «la base» всей хозяйственной жизни. Подъ базисомъ не слѣдуетъ подразумѣвать источникъ. Это послѣднее выраженіе употреблялось физіократами, и послѣдующій споръ между обѣими партіями вращался въ сущности вокругъ того, слѣдуетъ ли признавать «источникомъ» благосостоянія только земледѣліе или и торговлю и промышленность. Послѣднее утверждалъ Форбоннэ и его партія, первое—Кэнэ и его послѣдователи. Они сходились на томъ, что земледѣліе основаніе (Basis) народнаго хозяйства.

О торговомъ балансѣ и другихъ экономическихъ предметахъ Форбоннэ думалъ то же, что Мелонъ и Монтескье. Въ группѣ Гурнэ, о которой мы еще будемъ говорить, онъ стоялъ правѣе всѣхъ и при случаѣ вступалъ въ противорѣчіе съ вождемъ ея, какъ напр. по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли отмѣнить запрещеніе пользованія и производства *toiles peintes*. Поэтому о немъ лучше говорить отдельно отъ группы Гурнэ.

Мелонъ, Монтескье и Форбоннэ сходятся въ томъ, что хотя существующія обстоятельства и требуютъ реформы, но что она должна произойти по возможности сверху внизъ, силою исторіи, и безъ нарушенія историческихъ правъ отдельныхъ сословій и другихъ общественныхъ категорій. Болѣе жизненно развивается другая экономическая литературная группа, которая стремилась къ прогрессу, производимому снизу.

¹⁾ Т. II, стр. 542 и сл.

²⁾ ELEMENS du Commerce, chap. I.

с. Экономический радикализмъ. Первые представители радикальной группы отличаются довольно мирнымъ характеромъ. Хотя аббатъ Сенъ-Пьерръ (1652 — 1743) и былъ рѣзкимъ противникомъ системы правленія Людовика XIV, но онъ не былъ революціонной натурой. Его «*Projet de paix universelle entre les potentats pour rendre la paix perpétuelle en Europe*», предложенный имъ державамъ при заключеніи Уtrechtского мира въ 1713 г. и напечатанный въ 1718 г., не требуетъ первоначального осуществленія европейской войны, какъ «великий планъ», составленный Генрихомъ IV и его министромъ Сюлли. Въ Мецѣ или Кельнѣ долженъ быть учрежденъ европейскій третейскій судъ (*Diète européenne*), который долженъ основываться на добровольномъ соглашеніи существующихъ христіанскихъ государствъ. Снизу онъ долженъ дополняться организацией судовъ внутри государствъ, о чемъ онъ болѣе подробно говорить въ своемъ «*Mémoire pour diminuer le nombre des procès*» (1725). Сенъ-Пьерръ не идетъ такъ далеко, чтобы требовать также международной экономической организаціи съ устраниенiemъ всѣхъ таможенныхъ барьеровъ, какъ это дѣлалъ его ученикъ д'Аржансонъ, старшій Мирабо и новая манчестерская школа, выводившіе это изъ идеи всеобщаго мира. Его политico-экономическая воззрѣнія, выраженные въ «*Mémoire sur le Commerce*», носятъ умѣренно меркантилистический характеръ Мелона, онъ даже доводыствуется монополизаціей морской торговли по образцу французской индійской компаніи. Тѣмъ болѣе радикаленъ онъ въ другихъ своихъ предложеніяхъ. Всѣ должности должны замѣщаться свободными народными выборами, а не по праву рожденія. Целибатъ духовенства долженъ быть отмѣненъ и т. д.

Еще больше, чѣмъ названными сочиненіями, повлиялъ онъ на развиціе политической экономіи своей статьей «*Projet d'une taille tarifée*» (1718). Подъ вліяніемъ Буагильбера, онъ предлагаетъ установить вместо ежегодно опредѣляемой «taille arbitraire», постоянный окладъ, смотря по величинѣ дохода съ земли; такимъ образомъ, крестьянинъ будетъ выведенъ изъ положенія тягостной неизвѣстности, зная, сколько ему придется заплатить въ текущемъ году; при существующемъ же порядкѣ весь его хозяйственный планъ можетъ рушиться. Съ «taille tarifée» Кэнѣ впослѣдствіи связалъ свое предложеніе «*impôt unique*». Нельзя, однако, не обратить вниманія на то, что у Сенъ-Пьера мысль о единомъ налогѣ еще не встрѣчается. Онъ говоритъ только о реформѣ сельской податной системы, не касаясь другихъ налоговъ. «*Taille tarifée*» не имѣетъ ничего общаго и съ «*Dime royale*» Вобана, съ которой ее иногда смѣшивали. Напротивъ, «*Taille arbitraire*» была личнымъ налогомъ. Сенъ-Пьерръ желалъ превратить ее въ подоходный налогъ; того же желалъ впослѣдствіи и Кэнѣ.

«Мечта честнаго человѣка», какъ называлъ кардиналъ Дюбуа проектъ вѣчнаго мира, ждетъ еще и теперь своего осуществленія. «*Taille tarifée*», напротивъ, была впослѣдствіи осуществлена въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ Франціи. Въ особенности защищалась она бывшимъ другомъ и ученикомъ Сенъ-Пьерра, доведшимъ тогдашній радикализмъ въ строгой послѣдовательности до его высшей точки; мы говоримъ о д'Аржансонѣ.

Не слѣдуетъ смѣшивать маркиза д'Аржансона (*René Louis Voyer d'Argenson, 1694—1757*) съ его младшимъ братомъ графомъ д'Аржансонъ (бывшимъ долгое время военнымъ министромъ при Помпадурѣ), которому посвященъ первый томъ большой «Энциклопедіи». Нашъ маркизъ также въкоторое время (1744—1747) былъ министромъ, а именно министромъ иностранныхъ дѣлъ, хотя его дѣятельность была не особенно счастлива. Оставивъ постъ, онъ возвратился къ своимъ научнымъ занятіямъ, результаты которыхъ дѣлались извѣстны только въ рукописяхъ, такъ какъ никогда не получили бы разрѣшенія цензора. Только послѣ его смерти, когда времена перемѣнились, большинство ихъ было напечатано, самая же радикальная часть,—дневникъ, писавшійся имъ между 1736 и 1757 гг.,—даже не ранѣе 19-го столѣтія¹⁾. Этому обстоятельству слѣдуетъ, вѣроятно, приписать то, что ранѣе въ исторіи политической экономіи д'Аржансону не удѣлялось мѣста. Въ моемъ сочиненіи «Die Maxime Laissez-faire et laissez-passier, ihr Ursprung, ihr Werden»²⁾ я старался восполнить этотъ пробѣлъ.

Маркизъ былъ секретаремъ такъ называемаго «Club de l'Entresol», учрежденія вродѣ тайной политической академіи, члены которого собирались съ 1724 г. въ квартирѣ аббата Алари, и которое было закрыто послѣ семилѣтняго существованія (1731 г.) министромъ кардиналомъ Флері вслѣдствіе своей опасности для государства. Тамъ онъ познакомился съ аббатомъ Сенъ-Пьерромъ и сдѣлался горячимъ приверженцемъ его ідей, причемъ онъ, однако, пошелъ значительно дальше. Маркиза можно назвать первымъ принципіальнымъ республиканцемъ въ дореволюціонный періодъ. «Démocratie dans la monarchie», которую онъ предлагаетъ, не что иное какъ распаденіе монархіи въ безчисленное множество республиканскихъ общинъ (*petites républiques*) по образцу Швейцаріи. Франція достаточна велика, чтобы не нуждаться больше во внѣшнихъ завоеваніяхъ, она должна стремиться къ внутреннему преуспѣянію и для этого заботиться о земледѣлії. Причемъ, однако, слѣдуетъ избѣгать чрезмѣрного расширенія административной дѣятельности (*Zuvielregiererei*). «Pour gouverner mieux, il faudrait gouverner moins», эта поговорка, употреблявшаяся также въ сокращенной формѣ: «pas trop gouverner», создана д'Аржансономъ. Она означаетъ то

¹⁾ Онъ появился впервые въ извлечениіи въ «Collection Baudouin des Mémoires sur la Révolution francale», 1825, и затѣмъ былъ переизданъ въ существенно дополненномъ видѣ въ 1858 г. однимъ изъ новыхъ посителей имени д'Аржансона.

²⁾ Бернъ, 1886. См. также *Wilh. Oncken, Zeitalter Friedrichs des Grossen*, Bd. I, Buch V, cap. I.

же самое, что и формула «*Laissez faire*»; онъ часто употребляеть также и эту послѣднюю. Онъ разсказываетъ о ея происхожденіи при Кольберѣ и склоненъ считать ее основнымъ положеніемъ экономической системы: «Je n'ai qu'un système sur le commerce, c'est de *laissez faire* le public, et de ne point diriger le commerce» ¹⁾. «*Laissez faire*, telle devrait étre la devise de toute puissance publique, depuis que le monde est civilisé» ²⁾. «*Laissez faire, morbleu, laissez faire!*» ³⁾. У д'Аржансона еще не встрѣчается «*laissez passer*», это — позднѣйшее добавленіе. Свобода, въ смыслѣ свободы международныхъ сношеній, заключается уже въ формулѣ д'Аржансона, и притомъ въ самомъ крайнемъ видѣ — абсолютнаго отсутствія пошлинъ. Онъ говоритъ, что обращеніе товаровъ между странами должно быть также свободно, какъ обращеніе воздуха и воды (*que le passage des marchandises d'un Etat à l'autre devrait être aussi libre que celui de l'air et de l'eau*) ⁴⁾. Вся Европа должна представлять изъ себя всеобщій рынокъ (*toute l'Europe ne devrait étre qu'une foire générale et commune*), на которомъ лучшій производитель, — отдельный житель или нація, долженъ получить большую выгоду.

Мы видимъ, что д'Аржансонъ на экономической почвѣ послѣдовательно доводитъ до конца идеи Сенъ-Пьерра. Такимъ образомъ, само собой понятно, что д'Аржансонъ долженъ считать идеи торгового баланса и активной и пассивной торговли безсмысленностью. Въ случаѣ сомнѣнія слѣдуетъ покровительствовать скорѣе иностранцу чѣмъ соотечественнику, такъ какъ послѣдній имѣеть достаточно преимуществъ въ видѣ близости рынка и сохраненія издержекъ перевозки.

Д'Аржансонъ изложилъ всѣ эти положенія въ полемикѣ, которую онъ анонимно велъ въ «Journal Oeconomique» (1751) противъ размѣтъиной нами раньше книги итальянца Беллони «Dissertatione del commercio», появившейся тогда во французскомъ переводѣ и совершенно безъ обиняковъ запицавшей, какъ известно, государственный протекціонизмъ. «Развѣ не слѣдуетъ прежде всего испытать, — возражаетъ д'Аржансонъ, — хорошо ли вообще подвергать экономическій строй такому мелочному заботливому управлению, какое рекомендуетъ Беллони и какое мы видимъ въ современной государственной практикѣ? И не будетъ ли лучше предоставить его самому себѣ, ограничиваясь обыкновенной защитой? Сколько дѣлъ, въ общемъ и въ частностяхъ, возникаетъ и совершенствуется только при помощи свободы! Каждый трудится самостоятельно. Хотя честолюбіе и стремленіе къ выгодѣ и руководятъ каждымъ человѣкомъ въ отдельности, но отсюда возникаетъ всеобщее великое пѣлое (*un grand tout*), какое никогда не можетъ воз-

¹⁾ См. мое названное сочиненіе, стр. 77.

²⁾ Тамъ же, стр. 60.

³⁾ Тамъ же, стр. 65.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 74.

никнуть при государственномъ управлении»¹⁾. Онъ прибавляетъ, что инстинктъ пчелы можетъ здѣсь больше сдѣлать, чѣмъ гений величайшаго государственного человѣка. Торговля и ремесла нуждаются только въ томъ, чтобы съ ихъ пути удалялись препятствія (*le retranchement des obstacles est tout ce qu'il faut au commerce*). Какъ только зло будетъ удалено, добро само пустить побѣги. Со стороны государства требуется только «хорошій судья, подавленіе монополій, одинаковая для всѣхъ жителей защита, неизмѣняющіяся въ своей цѣнности деньги, дороги и каналы; par delà ces articles les autres soins sont viciels»²⁾.

Но мы всетаки совершили бы насилие надъ возврѣніями д'Аржансона, если бы признали его родоначальникомъ современнаго манчестерства. Онъ чувствуетъ политическое пристрастіе не къ крупной, а къ средней и мелкой собственности. Такъ, въ особенности, ничего не считаетъ онъ столь вреднымъ для всеобщаго благосостоянія и нравственности, какъ распространеніе крупнаго производства. «Tout grand commerce se réduit à l'usure!» Какъ и Аристидъ, на котораго онъ ссылается, онъ считаетъ наиболѣйшимъ «cette mediocrité qui seule rend heureuse», что онъ находитъ у швейцарскаго народа. Говорятъ, что д'Аржансонъ написалъ (неизвѣстное намъ) разсужденіе объ оптовой торговлѣ. Правительства всегда покровительствовали ей на счетъ свободнаго производства, въ заблужденіи думая, что она олицетворяетъ богатство страны, между тѣмъ какъ правительства думать, что благосостояніе заключается «въ всеобщемъ хорошемъ земледѣліи, въ ремеслѣ жителей, неспособныхъ къ земледѣлію, и въ здоровой внутренней торговлѣ»³⁾. — Важнѣе всего земледѣліе. Въ разсужденіи, помѣщенному въ «Journal Oeconomique» (1751) и озаглавленномъ «Comment un Seigneur de terre peut remédier aux inconveniens de la taille arbitraire», онъ предлагаетъ реформу сельской податной системы по образцу «taille tarifée» аббата Сенъ-Пьерра.

Можно сказать, что радикализмъ д'Аржансона не былъ никѣмъ превзойденъ въ XVIII ст. до эпохи революціи. Онъ образуетъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи самую рѣзкую противоположность принципу абсолютной монархіи. Слѣдуетъ удивляться, какъ человѣкъ съ такимъ образомъ мыслей могъ достигнуть положенія министра; и вполнѣ понятно, что когда герцогу Бургундскому предложили взять д'Аржансона въ воспитатели его сына, онъ отклонилъ это, говоря, что убѣжденія этого человѣка во его мнѣнію не годятся для воспитанія наследника престола. Въ литературѣ д'Аржансона смыкается авторъ, хотя и составляющій въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ противоположность ему, но котораго все же слѣдуетъ при-

¹⁾ Тамъ же, стр. 70.

²⁾ Тамъ же, стр. 71.

³⁾ Тамъ же, стр. 65 и сл.

числить къ этой группѣ, хотя бы какъ чуждый ей наполовину членъ: а именно англо-французъ Ричардъ Кантильонъ.

Въ наши дни *Ричардъ Кантильонъ* (Cantillon) сдѣлался предметомъ поучительного изслѣдованія. Вопросъ заключается ни болѣе ни менѣе, какъ въ определеніи национальности политической экономіи какъ науки. Ричардъ Кантильонъ былъ крупный банкиръ ирландскаго происхожденія, поселившійся въ Парижѣ и завѣдывавшій денежными дѣлами семьи стюартскихъ претендентовъ. Вслѣдствіе недоразумѣній съ Ло, системѣ которого онъ старался противодѣйствовать, онъ переселился въ Италию и въ концѣ концовъ возвратился въ Великобританію. Въ 1734 г. въ Лондонѣ онъ былъ ограбленъ и убитъ своимъ слугой. Наряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ литературныхъ работъ, до настъ не дошедшихъ, онъ написалъ не задолго до смерти на французскомъ языкѣ свой «*Essay sur le commerce en général*», не сразу напечатанный и распространявшийся рукописно; при этомъ было выпущено и затерялось обширное дополненіе и которое содержало цѣлый рядъ ариѳметико-политическихъ примѣровъ и на которое въ *Essay* постоянно дѣлаются ссылки. Въ 1755 г., т.-е. 21 годъ послѣ смерти автора, книга была напечатана, неизвѣстно кѣмъ. Четыре года спустя (1759) она появилась также на англійскомъ языкѣ въ свободномъ перевода подъ заглавіемъ «*The Analysis of Trade*», изданная, какъ кажется, двоюроднымъ братомъ и душеприказчикомъ автора, *Филиппомъ Кантильономъ*.

Въ статьѣ «*Richard Cantillon and the Nationality of Political Economy*», опубликованной въ «Contemporary Review» за 1881 г., Стэнли Джевонсъ,—къ нему впослѣдствіи примкнулъ Н. Higgs,—¹⁾ какъ это было замѣчено уже выше, объявилъ, что на основаніи «*Essay*» Кантильона созданіе политической экономіи какъ науки принадлежатъ Великобританіи, но съ слѣдующимъ соображеніемъ. Слѣдуетъ признать, что Адамъ Смитъ не заслуживаетъ названія отца политической экономіи. Съ большимъ правомъ этотъ титулъ дается его французскому предшественнику Кэнэ, у которого онъ заимствовалъ главнѣйши. свои ученія. Но теперь выяснилось, что Кэнэ заимствовалъ свои главные идеи изъ источника еще болѣе ранніго; этимъ источникомъ былъ *Essay* Кантильона. Въ особенности идею своего «*Tableau Œconomique*» онъ заимствовалъ изъ части I, гл. XII. Послѣдняя заключаетъ въ себѣ: «the germ of the Physiocratic doctrines» (Jevons), и слѣдовательно Кантильонъ долженъ быть въ дѣйствительности признанъ «the Father of Physiocracy» (Higgs), а потому и отцомъ политической экономіи вообще. Хотя Кантильонъ продолжительное время жилъ во Франціи, онъ все же уроженецъ Великобританіи, которой и принадлежитъ, такимъ образомъ,

¹⁾ Въ обѣихъ статьяхъ: „Richard Cantillon“ въ Economic Journal, юнь 1891 г., и „Cantillons Place in Economics“ въ Quarterly Journal of Economics, юль 1892 г.

заслуга основания политической экономии какъ науки, если даже не считать Адама Смита; такъ какъ, по выражению Джевонса, *Essay Kantiléon's «is more than any other book, I know, the first treatise on economics»*. При этомъ обращается особенное вниманіе на слѣдующее: «*there is no taint of the Mercantile Fallacy whatever in his theory*».

Противъ послѣдняго утвержденія я возражалъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾, указывая на то, что Кантильонъ въ дѣйствительности оставался всегда меркантилистомъ, несмотря на сходство съ послѣдующимъ учениемъ физіократовъ. Къ тому же здѣсь дѣло идетъ какъ разъ о томъ, чѣмъ онъ отличался отъ д'Аржансона, а съ нимъ, кстати сказать, онъ совершенно не соприкасался. Сюда относится прежде всего то преимущество, которое онъ даетъ торговлѣ: вышешей передъ внутренней; онъ говоритъ, что первая «*le plus essentiel à un Etat pour l'augmentation ou la diminution de ses forces*», между тѣмъ, какъ «*celui de l'intérieur d'un Etat n'est pas d'une si grande considération dans la politique*»²⁾). И не одно это; Кантильонъ убѣжденный приверженецъ теоріи торговаго баланса, составляющей дѣйствительно характерную черту меркантилизма, противъ которой никто такъ рѣзко не боролся какъ Кэнэ и затѣмъ Адамъ Смить. Онъ говоритъ³⁾: «*Il faut encourager, tant qu'on peut, l'exportation des ouvrages et des manufactures de l'Etat, pour en retirer, autant qu'il est possible, de l'or et de l'argent en nature*»; таковъ путь «*qu'un Etat s'agrandit le plus solidement*». Даѣте, въ то время какъ система физіократовъ истинно благодатнымъ принципомъ считаетъ активную внѣшнюю торговлю произведеніями земли и пассивную мануфактурными товарами, Кантильонъ говоритъ наоборотъ: «Было бы невыгодно прививать государству привычку вывозить ежегодно произведенія земли въ большихъ количествахъ за границу и ввозить въ видѣ эквивалента мануфактурные товары. Это значило бы истощать жителей и силы государства и ослаблять ихъ съ двухъ концовъ»⁴⁾). Несмотря на всю симпатію Кантильона къ сельскимъ интересамъ, онъ все таки цѣнитъ индустріальный трудъ выше труда земледѣльческаго; это мнѣніе, обсужденію котораго онъ посвящаетъ цѣлую главу подъ заглавиемъ «*Le travail d'un Laboureur vaut moins que celui d'un Artisan*»⁵⁾), такъ же не физіократично, какъ и дѣлаемый отсюда выводъ, что государственный человѣкъ долженъ стремиться главнымъ образомъ «*à augmenter et maintenir de gros*

¹⁾ Въ статьѣ „*Entstehen und Werden der physiokratischen Theorie*“, помещенной въ *Vierteljahrsschrift für Staats- und Volkswirtschaft, für Litteratur und Geschichte der Staatwissenschaften aller Länder*, herausgegeben von Kuno Frankestein, Jahrg. 1896/97, стр. 37, прим. 2.

²⁾ Ч. III, гл. I, стр. 322.

³⁾ Тамъ же, стр. 309.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 310.

⁵⁾ Ч. I, гл. 7.

négociants naturels du pays, des bâtiments et des matelots, des ouvriers et des manufactures» etc.¹⁾). Впрочемъ нельзя отрицать того, что у него встречаются и мыслья, поражающія своимъ сходствомъ съ мнѣніями физіократовъ.

Прежде всего, Кэнэ и Кантильонъ пользуются однимъ и тѣмъ же абстрактнымъ, аналитическимъ методомъ. Они не выводятъ ничего исторически. A priori устанавливаются опредѣленные постулаты и рассматриваются взаимоотношения принимаемыхъ въ расчетъ факторовъ, причемъ второстепенные обстоятельства оставляются безъ вниманія. Если мы у Кэнэ находимъ подробные численные примѣры, отсутствующіе въ Essay Кантильона, то нужно помнить, что они находились и у Кантильона—въ утерянномъ дополненіи. Онъ постоянно ссылается на «calculs au Supplement», и по сжатому изложению видно, что мы дѣйствительно имѣемъ предъ собой только сводъ результатовъ, подробнѣе обоснованныхъ въ другомъ мѣстѣ. Вполнѣ понятно, что Джевонсъ, дзяя котораго политическая экономія является наукой только, когда она обработана математически, съ особенной симпатіей относится къ Кантильону. Даѣже, построение соціальныхъ классовъ у Кэнэ и Кантильона одинаковое. Послѣдній, исходя изъ англійского строя, дѣлить общество на три класса: во главѣ стоятъ землевладѣльцы, къ нимъ примыкаютъ сельскіе хозяева или арендаторы и затѣмъ промышленники или купцы. Это же дѣленіе находится у Кэнэ въ «Tableau économique», и, что очень важно, въ «Encyclopédie», въ своей статьѣ «Grains» (1757) онъ ясно ссылается на Кантильона (Ч. I, гл. 5 и 6) въ положеніи, что расходы землевладѣльцевъ питають оба другіе класса и, такимъ образомъ, сообщаютъ всей хозяйственной дѣятельности народа первоначальный толчокъ. Это же составляетъ основную мысль «Tableau économique». У обоихъ авторовъ встречается также мысль, что сельское и городское населеніе находятся въ равновѣсіи, мысль, встречающаяся впрочемъ уже у Мелона.

Какъ доказательство полнаго согласія ученія Кантильона съ учениемъ физіократовъ чапце всего приводится первая фраза его книги, гласящая: «La Terre est la source ou la matière d'où l'on tire la Richesse; le travail de l'Homme est la forme qui la produit: et la Richesse en elle-même, n'est autre chose que la nourriture, les commodit es et les agr emens de la vie». Но это дѣлаютъ неправильно. Эта фраза значитъ не то, что хотѣли выразить физіократы, когда говорили, что земля источникъ богатства. У Кантильона трудъ и земля равноправные факторы производства, и промышленный трудъ также производителенъ. Не то мы видимъ у физіократовъ. Они считаютъ только сельскій трудъ производительнымъ, а не городской. Земля «source unique» богатствъ. Трудъ только направляется жертвусые землей дары

¹⁾ Ч. III, гл. 1, стр. 322.

къ потребленію, самъ же не производить никакого богатства. Изъ всего этого можно сдѣлать слѣдующій выводъ: хотя оба ученія соприкасаются во многихъ отношеніяхъ, но многаго не достаетъ для того, чтобы оправдать мнѣніе, будто Кантільонъ можетъ считаться «the Father of Physiocracy» и, слѣдовательно, родоначальникомъ политической экономіи, какъ науки. Для послѣдняго притязанія «Essay» не достаетъ въ особенности той великой морально-философской основы, которая характеризуетъ системы Кэнэ и Адама Смита. Кантільонъ обладалъ выдающимся умомъ и необыкновеннымъ для того времени образованіемъ; но онъ все же былъ только купцомъ, какъ и Нортъ, Чайлдъ и впослѣдствіи Рикардо. Онъ не былъ основателемъ науки. И онъ самъ никогда не притязалъ на это, даже не давалъ повода подозрѣвать, что онъ себя считаетъ таковыми. Въ заключеніе отмѣтимъ, что Адамъ Смитъ заимствовалъ у Кантільона ученіе о заработной платѣ, о чёмъ подробнѣе поговоримъ въ своемъ мѣстѣ. Одна изъ новыхъ школъ, примыкающая къ Эфферту признала Кантільона и Петти своими родоначальниками¹⁾.

Среднее положеніе между д'Аржансономъ и Кантільономъ занимаетъ маркизъ Мирабо (Victor Riquetti, Marquis de Mirabeau, 1715—1789), называемый обыкновенно старшій Мирабо въ отличие отъ его сына, оратора революціи; онъ не такъ радикаленъ какъ д'Аржансонъ, и не такъ меркантилистиченъ какъ Кантільонъ, но находится подъ сильнымъ вліяніемъ обоихъ. Но маркизъ только первымъ періодомъ своего писательства принадлежитъ къ этой группѣ. Признавъ послѣ памятного разговора съ Кэнэ въ юлѣ 1757 года ученіе послѣдняго, онъ съ тѣхъ поръ сталъ самымъ ярымъ физіократомъ, сдѣлался даже дѣйствительнымъ основателемъ «секты» физіократовъ, Павломъ новаго посланія, исходившаго отъ Кэнэ.

Мирабо былъ замѣчательной личностью. Онъ былъ одаренъ сильнымъ, можно сказать революціоннымъ темпераментомъ, съ которымъ разумъ его находился въ непрестанной борьбѣ, то подчиняясь ему, то заключая его въ желѣзные оковы. Эту борьбу легко прослѣдить по его сочиненіямъ. Когда онъ давалъ волю своей природѣ, изложеніе его получало характеръ стремительности, какъ рѣчи его знаменитаго сына; когда онъ ее подавлялъ, какъ это случалось въ особенности во второмъ періодѣ, тогда и стиль его становился докучливымъ, мучительнымъ, такъ что только съ трудомъ можно за нимъ слѣдить. Въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ Рукселеемъ, новѣйшимъ издателемъ глав-

¹⁾ См. Базельскую диссертацию: *Wilhelm Kretschmer, Ueber den Richard Cantillon zugeschriebenen Essay sur la nature du commerce en g n ral mit besonderer Ber cksichtigung der Lehren von Otto Effertz, Liestal 1899.* См. затѣмъ: *Stefan Bauer, Art. „Cantillon“ въ Palgraves Dictionary; Robert Legrand, Richard Cantillon, un mercantiliste pr cureur des Physiocrates, Paris 1900, и A. Espinas, Histoires des Doctrines  conomique, Part. IV, Chap. II.*

наго его дофизіократическаго сочиненія, что отъ соединенія съ Кэнэ Мирабо скорѣе проигралъ чѣмъ выигралъ. Не будучи самъ оригиналъ, Мирабо всегда опирался на другихъ писателей, которыхъ онъ впрочемъ излагалъ не всегда правильно. Итакъ, не легко опредѣлить его мѣсто въ исторіи политической экономіи, несмотря на то, что онъ въ свое время игралъ очень выдающуюся роль.

Онъ происходилъ изъ древней дворянской семьи, обладалъ крупнымъ земельнымъ имуществомъ и защищалъ вначалѣ феодально-аристократические взгляды, которые онъ изложилъ для своего (еще не родившагося) сына въ оставшемся ненапечатаннымъ «Testament politique» (1747). Затѣмъ онъ бросился въ объятья Монтескье и опубликовалъ анонимно въ 1750 г. свой «Mémoire concernant l'utilité des Etats provinciaux», въ которомъ онъ предлагаетъ реформу Франціи въ смыслѣ федерациіи самоуправляющихся провинцій по образцу существующихъ «Pays d'Etat» въ противоположность съ стоящими въ вѣдѣніи королевскихъ интендантовъ «Pays d'Élection». Д'Аржансонъ принялъ это сочиненіе сначала за трудъ самого Монтескье. Подъ вліяніемъ Кэнэ онъ затѣмъ обратился къ системѣ просвѣщенаго абсолютизма.

Передъ тѣмъ онъ прошелъ еще промежуточный періодъ, характеризуемый приверженствомъ д'Аржансону, Кантильону и даже Сень-Пьерру. Съ этимъ періодомъ мы и должны теперь познакомиться. Результатомъ его былъ большой, появившийся также анонимно, трудъ «L'Ami des Hommes, ou Traité de Population», помѣченный 1756 годомъ, хотя и вышедший въ свѣтъ только въ началѣ 1757 г., что подало поводъ думать, будто книга испытала затрудненія со стороны цензуры. Это значительно подняло ее во мнѣніи общества и усилило безпримѣрный въ книжной торговѣ успѣхъ ея. Говорятъ, что она выдержала около 40 изданій. Мирабо¹⁾ разсказываетъ въ книгѣ²⁾, что она написана главнымъ образомъ подъ вліяніемъ «Essay» Кантильона, рукопись котораго много лѣтъ находилась въ его рукахъ; онъ собирался написать къ нему комментарій и опубликовать его вмѣстѣ съ оригинальнымъ сочиненіемъ. Но когда «Essay» неожиданно былъ напечатанъ (1755), онъ измѣнилъ свой планъ и превратилъ свои записки въ самостоятельную книгу.

О д'Аржансонѣ, сочиненіе котораго ходило тогда въ рукописяхъ, Мирабо не упоминаетъ, но вліяніе его, очевидно, гораздо значительнѣе, чѣмъ вліяніе Кантильона; то же самое можно сказать о Сень-Пьерѣ.

Что же говорится въ «L'Ami des Hommes», заглавіе котораго въ послѣдующихъ сочиненіяхъ авторъ часто употреблялъ какъ псевдо-

¹⁾ См. статью *H. Higgs'a „Mirabeau“* въ Palgraves Dictionary of Political Economy.

²⁾ Avertissement, p. 9.

нимъ¹), и которое новѣйшему издателю Рукселью (1883 г.) показалось настолько важнымъ, что онъ счѣлъ возможнымъ назвать его началомъ политической экономіи какъ науки? Поражающе живымъ, даже дерзкимъ языкомъ порицаетъ онъ тогдашній образъ правленія, какъ ведущій Францію къ паденію²). Всѣ несчастья Франціи происходятъ въ политическомъ отношеніи отъ все еще держащагося абсолютистскаго произвола Людовика XIV, въ хозяйственномъ же отношеніи отъ связанной съ нимъ системы Кольбера, направленной на поддержаніе городской и придворной роскоши. «Свобода и сельское хозяйство», этими двумя словами можно опредѣлить основные принципы противоположнаго ученія Мирабо. По этому девизу дѣйствовали прежній болѣе великій король и столь же великій министръ и доставили такимъ образомъ Франціи никогда ни раньше ни позже не достигнутый блескъ; это были Генрихъ IV и Сюлли. Только рѣшительный поворотъ въ эту сторону въ состояніи вновь поднять Францію и поопрѣтъ ее къ возобновленію завѣщанного записками Сюлли «Великаго плана» Генриха IV, приведеніе котораго въ исполненіе смертоносныи кинжалъ Равальяка сдѣлалъ въ самомъ начаѣ невозможнымъ: установленія общаго, постояннаго всемирнаго мира. Королю французскому подобаетъ играть роль «короля пастуха» (*roi pasteur*) или князя мира надъ всѣми европейскими народами, такъ какъ на другія государства по отношенію къ Франціи естественно слѣдуетъ смотрѣть какъ на отдаленные области одной и той же страны. Для проведения этого, по его мнѣнію, для всѣхъ народовъ одинаково благодатнаго плана Франція имѣеть право даже силою налагать на нихъ общий договоръ братства (*traité de fraternité*). Въ экономическомъ отношеніи этотъ договоръ долженъ содержать въ себѣ уничтоженіе всѣхъ безъ исключенія ввозныхъ пошлинъ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, для всѣхъ товаровъ, какого бы рода они ни были³). То же самое должно, конечно, примѣнить по отношенію къ вывознымъ и транзитнымъ пошлинамъ. Для внутренней хозяйственной жизни слѣдуетъ установить «liberté entière et absolue» и точно такъ же «liberté générale et universelle sur la mer, et de communication libre et fraternelle entre tous les peuples»⁴). Сношенія между Франціей и другими странами должны быть такъ же свободны, какъ между провинціями страны и ея столицей. Конечно, въ иностранцахъ уже не слѣдуетъ видѣть

¹) Сокращено, буквами L. D. H., т.-е. L (Ami) D (es) H (ommes).

²) См. мое сочиненіе „Der ältere Mirabeau und die Oekonomische gesellschaft in Bern“, Bern 1886, на которомъ главнымъ образомъ поконится дальнѣйшее.

³) Un traité de fraternité, portant suppression totale de tous droits d'entrée sur tout ce qui sera apporté dans les ports de l'une des Puissances contractantes par les sujets et vaisseaux de l'autre, de quelque nature qu'il puisse être, et de quelque pays qu'il soit apporté“, Part. III, Chap. V.

⁴) Тамъ же.

противниковъ. Поэтому король-пастухъ долженъ «ouvrir ses chemins, ses villes et ses ports aux étrangers qui jouiraient chez lui des mêmes avantages que ses regnicoles», и т. д.

Здѣсь мы имѣемъ соединеніе плана аббата Сенъ-Пьерра о вѣчномъ мири и мысли д'Аржансона о свободномъ, какъ воздухъ и вода, обращеніи товаровъ черезъ границы странъ. Но чтобы провести этотъ планъ къ общему благу человѣчества, продолжаетъ Мирабо, необходимо руководительство Франціи, могущественной количествомъ своего населенія. Государство должно обратить свое особое вниманіе на увеличеніе уменьшающагося, къ сожалѣнію, вслѣдствіе неправильной политики, числа людей; однако, не на увеличеніе того искусственно скученаго въ городахъ и разслабленного вслѣдствіе роскоши и пороковъ населенія,— оно скорѣе вредно государству; но на заботу о нравственно неиспорченномъ сельскомъ населеніи, составляющемъ, вслѣдствіе своего прileженія и нравственнаго характера, неизмѣнное основаніе политического и экономического могущества каждого большого государства. Такимъ образомъ задачи управления сводятся къ требованію увеличенія населенія, въ особенности сельскаго; нужно только имѣть людей, а богатство и могущество будутъ естественнымъ послѣдствиемъ этого. Мирабо кажется, что сущность этихъ мыслей выражена уже въ запискахъ Сюлли, въ его 36 максимахъ, которыя онъ поэтому перепечатывается¹⁾.

Конечный выводъ, что прежде всего слѣдуетъ увеличивать количество народонаселенія, привелъ къ первому въ исторіи политической экономіи доктринальному спору. Кэнэ, только что закончившій для «Encyclopédie» свою статью «Hommes», пришелъ къ выводу, что не народонаселеніе причина богатства, а что богатство причина народонаселенія, такъ что богатство должно ити впереди. Такъ какъ онъ вполнѣ соглашался съ остальными частями «Ami des Hommes», то онъ написалъ успѣвшему открыть свой анонимъ автору и пригласилъ его на обсужденіе вопроса. Оно состоялось въ Версалѣ въ юлѣ 1757 г., и этимъ обсужденіемъ, впослѣдствіи очень прославленнымъ физіократами, заканчивается для Мирабо до-физіократический периодъ. О переворотѣ въ его возврѣніяхъ и послѣдствіяхъ этого переворота мы поговоримъ дальше.

д. Гурнэ и его либерально-административная школа. Кромѣ консервативной реформаторской литературы съ одной стороны и радикальной вѣтви съ другой, въ исторіи периода, непосредственно предшествующаго системѣ физіократовъ, слѣдуетъ различать еще третью группу, носящую исключительно эклектическій характеръ и основанную парижскимъ интендантомъ торговли Гурнэ (J. C. Vincent de Gournay). Она состоитъ изъ ряда молодыхъ чиновниковъ, которые, чувствуя отвращеніе къ безсмыс-

¹⁾ См. объ этомъ выше стр. 181 и сл.

леницой волокитъ въ государственномъ управлениі, старались внести въ него живой духъ по иностраннымъ образцамъ. Эта группа не заключаетъ въ себѣ ничего оригинального, несмотря на крупныя заслуги въ распространеніи интереса къ экономическимъ вопросамъ. Ново въ ней то, что она представляетъ собой *экономическую школу*, первую въ исторіи, ставшую образцомъ для позднѣйшихъ образованій въ этомъ родѣ. Заключенію о недостаткѣ оригинальности противорѣчать повидимому,—по крайней мѣрѣ относительно главы школы,—два утвержденія, которыя научная традиція постоянно соединяетъ съ именемъ Гурнэ; во-первыхъ, будто онъ создатель формулы «*laissez-faire et laissez-passer*», и во-вторыхъ, будто онъ вмѣстѣ съ Кэнэ занимаетъ мѣсто основателя ученія физіократовъ.

Что касается первого утвержденія, то традиція начинается съ маркиза Мирабо, который въ статьѣ, написанной въ физіократическомъ періодѣ и появившейся въ февральской книжкѣ журнала «*Éphémérides du Citoyen*» за 1768 г.¹⁾, излагаетъ слѣдующее. Долго въ области политики хлѣбной торговли господствовалъ мракъ заблужденія, пока, наконецъ, не появилась заря истины. Первый ударъ заблужденію былъ нанесенъ личностью, имя которой не должно быть забыто (Герберъ), въ его «*Essai sur la police des grains*». Другой, еще болѣе энергичный человѣкъ, выросшій на донѣ торговли, почерпнулъ въ ней простыя и естественные, тогда еще неизвѣстныя истины, «qu'il exprimait par ce seul axiome qu'il eût voulu voir gravés sur toutes les barrières quelconques: *laissez-faire et laissez-passer*». Здѣсь онъ восклицаетъ: «Reçois ô excellent Gournay, cet hommage dû à ton génie cr閑ateur et propice, à ton coeur droit et chaud, à ton âme honnête et courageuse». «Я видѣлъ тебя, продолжаетъ Мирабо, только одинъ разъ; ты явился на мой братскій зовъ; ты прощаешь мнѣ несовершенство моихъ воззрѣній. Уставъ отъ безплодной роли пророка въ пустынѣ, ты удалился изъ святая святыхъ этого зобастаго народа, уродовавшаго тебя за то, что ты самъ не имѣлъ зоба» и т. д. Такъ говоритьъ Мирабо.

Съ тѣхъ порь это выраженіе непрестанно встрѣчается въ физіократической литературѣ и всегда съ ссылкой на Гурнэ²⁾. Мы уже знаемъ, что изложеніе Мирабо оставляетъ желать многаго въ томъ отношеніи, что, какъ можетъ быть доказано. «*laissez-faire*» происходитъ не отъ Гурнэ. Употребленное впервые купцомъ Лежандромъ противъ Кольбера въ формѣ «*laissez-nous-faire*», «*laissez-faire*» примѣнено прежде всего д'Аркансономъ, какъ основной принципъ экономической системы промышленной свободы. Гурнэ можно приписать развѣ только вторую

¹⁾ „La Dépravation de l'Ordre légal, lettre de M. B. à M.“

²⁾ Подробиѣ см. мое сочиненіе „*Die Maxime Laissez-faire et laissez-passer*“, Bern 1886.

половину, «laissez-passez» (свободу сношений), которая впрочемъ заключается у д'Аржансона уже въ первой части; по крайней мѣрѣ я раньше никогда не могъ найти ея. Можетъ быть слѣдовало бы признать, что Мирабо смысла здѣсь Гурнэ съ д'Аржансономъ. Но противъ этого должно возразить, что Мирабо безспорно, какъ это видно изъ его «Ami des Hommes», зналъ циркулировавшія въ рукописяхъ записки д'Аржансона такъ же хорошо, какъ рукопись «Essai» Кантильона. Слѣдовательно, можно предполагать, что Гурнэ на свиданіи дѣйствительно высказалъ формулу въ ея окончательномъ объемѣ. Однако, слѣдуетъ присовокупить, что онъ во всякомъ случаѣ не могъ придать ей тотъ смыслъ, который имѣло «laissez-faire» у д'Аржансона, и дополненная формула впослѣдствіи у школы физіократовъ и у манчестерства. И это приводитъ насъ къ второму утвержденію,—къ минимуму со участію Гурнэ въ основаніи системы физіократовъ. Это утвержденіе исходить отъ Дю Пона де Немура.

Въ статьѣ «De l'origine et des progrès d'une science nouvelle», появившейся въ 1768 г., Дю Понъ относитъ первую встречу Кэнэ и Гурнэ за 13 лѣтъ, т. е. къ 1755 году, и соединяетъ это съ сдѣдующей исторіей возникновенія ученія физіократовъ, заимствованной имъ впрочемъ изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ самъ онъ усвоилъ новое ученіе только въ 1763 г.: «Три человѣка, одинаково достойные дружбы съ основателемъ науки и авторомъ «Tableauconomique»,—*de Гурнэ, маркизъ Мирабо и Мерсье dela Ривьеръ*, тѣсно соединились тогда съ нимъ (Кэнэ). Можно было надѣяться, что совмѣстная дѣятельность съ этими тремя умными людьми создастъ могущественный успѣхъ новой наукѣ. Но слишкомъ ранняя смерть похитила Гурнэ у надежды и счастья страны. Де за Ривьера назначили интендантомъ Мартиники..., и добродѣтельный Ami des Hommes остался одинъ содѣйствовать созданію полезнѣшаго ученія».

Въ знаменитой «Notice sur les Economistes», которую Дю Понъ де Немуръ въ издававшемся имъ много времени спустя въ 1808—11 гг. полномъ собраниіи «Œuvres de Turgot» предпослалаъ составленному Тюрго и напечатанному тамъ «Eloge de Gournay», первая встреча съ Кэнэ относится уже приблизительно къ 1750 г. Оба пришли къ одинаковымъ выводамъ, хотя и исходили отъ разныхъ положеній. «Когда они встрѣтились и узнали, съ какой точностью ихъ различные, хотя и равно истинные принципы приводятъ къ совершенно одинаковымъ выводамъ, они поздравили другъ друга и осипали себя взаимно похвалами». Они образовали вокругъ себя «deux écoles fraternelles», не знавшія чувства зависти другъ къ другу, но старавшіяся взаимно разъяснить себя.

Это общепринятое изложеніе Дю Пона не соответствуетъ дѣйствительности. Прежде всего слѣдуетъ напомнить, что самая ранняя встреча Мирабо съ Кэнэ, послѣ которой онъ постоянно называлъ

себя «старшимъ сыномъ ученія», состоялась не въ 1755 г., а только въ іюль 1757 г. Въ приведенной выше цитатѣ, касающейся принципа laissez-faire et laissez-passar, онъ ясно говоритъ про Гурнэ: «Я видѣлъ тебя только одинъ разъ», а это было бы невозможно, если бы онъ дѣйствительно былъ членомъ замкнутаго кружка друзей, совмѣстно работавшаго надъ созданіемъ системы. Авторъ «Eloge historique de Quesnay»¹⁾, графъ д'Альбонъ, сообщаетъ объ отношеніяхъ этихъ двухъ личностей, что они познакомились «rep avant la mort de l'un des deux», а именно Гурнэ, скончавшагося въ іюнѣ 1759 г. Что касается обѣихъ школъ, то является непонятнымъ, почему требовалось отдельное другъ отъ друга развитіе ихъ, если правильно указаніе Дю Пона, что дѣло шло объ «exactement la m me th orie». Этому противорѣчитъ, впрочемъ, самъ Дю Понъ въ примѣчаніи къ «Eloge de Gournay» Тюрго, въ которомъ онъ указываетъ на то, что взглядъ на промышленный трудъ какъ на трудъ производительный былъ «un des points sur lesquels la doctrine de M. de Gournay diff rait de celle de M. Quesnay»²⁾. Наконецъ, что касается взаимнаго согласія обѣихъ школъ, то отъ графа д'Альбона мы узнаемъ объ этомъ также иѣчто другое, когда онъ, жалуясь, восклицаетъ: если бы они оба предвидѣли, «qu'on chercherait un jour à les opposer l'un à l'autre, leur coeur fraternel s'en serait indign ³⁾.

Если такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ виѣшимъ основаніямъ, изложеніе Дю Пона оказывается не соотвѣтствующимъ истинѣ, то, не смотря на это, оно какъ будто находитъ поразительное подтвержденіе по внутреннимъ основаніямъ въ томъ, что сообщается объ ученіи Гурнэ Тюрго въ своемъ «Eloge de Gournay». Согласно этому, Гурнэ уже съ начала 50-хъ годовъ XVIII ст., т.-е. еще до знакомства съ Кэнэ, распространялъ ученіе, похожее какъ одно яйцо на другое, на ученіе Кэнэ въ той формѣ, въ которой оно излагалось самимъ Тюрго. Но это противорѣчие разрѣшается очень просто, какъ я доказалъ въ моемъ сочиненіи «Die Maxime laissez-faire» etc. Eloge, которое Тюрго посвятилъ своему старшему другу и учителю, существуетъ въ двухъ варіантахъ различнаго объема. Первый, болѣе краткій, появился вскорѣ послѣ кончины Гурнэ (27 іюня 1759 г.) въ августовскомъ номерѣ издававшагося поэтомъ Мармонтелемъ литературнаго приложенія къ официальному «Mercure de France». Онъ состоить только изъ біографическихъ замѣтокъ и содержитъ иѣсколько неясныхъ намековъ на то, что Гурнэ придерживался въ своихъ торговыхъ дѣлахъ либеральной точки зрењія, отклонившейся отъ обычной рутины управлениа. Второй,

¹⁾ Перепечатано въ моемъ изданіи „Oeuvres de Quesnay“, стр. 39 и сл.

²⁾ „Oeuvres de Turgot“ nouvelle édition par Eug ne Daire, 1884, t. I, p. 266, Note.

³⁾ „Oeuvres de Quesnay“, p. 58.

гораздо болѣе подробный варіантъ найденъ 50 лѣтъ спустя Дю Понъ де Немуромъ въ посмертныхъ бумагахъ Тюрго и включенъ въ его изданіе сочиненій Тюрго (1808—11 г.). Не подлежитъ сомнѣнію, что Тюрго, который послѣ своего увольненія съ министерскаго поста (1776 г.) вновь обратился къ любимымъ своимъ теоретическимъ занятіямъ, принялъ за старый очеркъ и включилъ въ жизнеописаніе Гурнэ свои собственные, заимствованные у Кэнэ взгляды. Однако нѣть никакого повода предполагать, что онъ когда-либо имѣлъ намѣреніе опубликовать этотъ дополненный трудъ. Дю Понъ, котораго никакъ нельзя назвать основателыемъ изслѣдователемъ, принялъ Eloge за чистую монету и при помощи предпосланной «Notice» старался доказать, будто дѣло идетъ о сочиненіи, написанномъ уже въ 1759 г. Такимъ образомъ дѣйствительныя обстоятельства дѣла были совершенно искажены. Но такъ какъ не существовало никакихъ другихъ источниковъ о Гурнэ, то это искаженіе стало общепринятымъ, несмотря на то, что само Eloge, какъ оно есть, представляеть достаточно основаній для того, чтобы заставить подозрѣвать историческую вѣрность изложенія.

Разслѣданіе этихъ деталей не лишено литературнаго интереса: вѣдь вопросъ о томъ, какъ возникла наука политической экономіи, и кто въ этомъ принималъ участіе, — не маловаженъ. И такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается достаточно материаловъ для того, чтобы опредѣлить дѣйствительную точку зреінія Гурнэ, то мы къ этому и приступимъ. Прежде всего, кто былъ Гурнэ?

Жакъ-Клодъ-Мари Винцентъ (таково первоначальное родовое имя, *de Гурнэ* — позднѣйшее прибавленіе при возведеніи въ дворянское достоинство) родился въ 1712 г. въ Сенъ-Мalo въ семье оптоваго торговца. Его предназначали къ торговой дѣятельности, и 17-ти лѣтъ онъ поступилъ въ торговый домъ Jametz de Villebarre, французскаго гражданина, поселившагося въ Кадиксѣ. Онъ скоро достигъ званія *Associé* и предпринималъ въ интересахъ дома большія путешествія по всей Европѣ. Въ 1746 г. умеръ его покровитель, не имѣвшій дѣтей и сдѣлавшій его своимъ наследникомъ. Часть завѣщаннаго заключалась въ лежавшемъ во Франціи помѣстіи Гурнэ, имя которого онъ носилъ съ тѣхъ поръ. Онъ рѣшилъ удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя общественной дѣятельности. Во время путешествій ему не разъ приходилось оказывать услуги торговово-политического характера французскому морскому министру Морепа (*Maurepas*) и генеральному контролеру финансовъ Машо (*Machault*), и при содѣйствіи послѣдняго онъ купилъ въ 1751 г. должность интенданта торговли въ Парижѣ, которую занималъ въ теченіе 7 лѣтъ (съ 1-го мая 1751 г. до 31-го мая 1758 г.). Имущественные потери, понесенные, вѣроятно вслѣдствіе начавшейся въ 1756 г. семилѣтней войны, оставленнымъ имъ въ Италии капиталомъ, заставили его оставить службу

и продать должность. Другъ его, генеральный контролеръ финансовъ Силуэтъ (Silhouette) старался доставить ему должность въ податномъ управлениі. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до назначенія, Гурнэ умеръ 27 іюня 1759 г. отъ изнурительной лихорадки, развившейся вслѣдствіе бедренного нарыва.

Служебное положеніе Гурнэ часто понимается въ литературѣ неправильно. Его часто выставляютъ интендантомъ всей торговли Франціи. Это является смѣшніемъ его съ его начальникомъ и другомъ, Даніелломъ де Трудленъ (Trudaine). Онъ занималъ менѣе вліятельную должность. Главнымъ административнымъ учрежденіемъ старой монархіи для руководства торговлей былъ «Conseil de Commerce», состоявшій изъ министровъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ торговлѣ, и ряда носителей высшихъ государственныхъ должностей, назначенныхъ королемъ. На ряду съ этимъ Conseil существовалъ постоянный комитетъ изъ 11 delegatovъ отъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ государства, имѣвшій своей цѣлью представление Совѣту (Conseil) желаній пославшихъ ихъ корпорацій. Такъ какъ Conseil собирался рѣдко, то для приема входящихъ бумагъ, для регулярныхъ сношеній съ delegatами и для изготавленія проектовъ, приведенія въ исполненіе заключеній и т. под. было учреждено «Bureau du Commerce», состоявшее изъ четырехъ интендантовъ торговли. Одно изъ этихъ интендантскихъ мѣстъ занималъ Гурнэ.

Уже Кольберъ учредилъ, какъ мы знаемъ, подобный совѣтъ по вопросамъ народнаго хозяйства. Въ началѣ XVIII ст. онъ былъ преобразованъ въ только что изображенномъ видѣ. Каждому интенданту была прежде всего отведена территоріальная область государства для веденія соотвѣтствующихъ текущихъ дѣлъ. Но кромѣ того каждый изъ нихъ имѣлъ отдельный департаментъ для надзора за какой-нибудь отраслью промышленности во всей Франціи. Территоріальную область, находившуюся подъ управлениемъ Гурнэ, составляла югъ Франціи: Ліонне, Бургундія, Туръ, Бордо и т. д. Завѣдываемая имъ отрасль промышленности была шелковое производство. Во время совмѣстной работы между Гурнэ и остальными тремя интендантами торговли происходили постоянныя нелады, въ особенности съ обоими Монтаранами (отцомъ и сыномъ), стоявшими на типичной административной точкѣ зрѣнія. Въ остальныхъ европейскихъ странахъ, въ особенности въ Англіи, давно перешли къ либеральной покровительственной системѣ пошлинъ, поставившей на мѣсто единичныхъ привилегій и монополій отдельныхъ компаний защиту всего торговаго міра страны противъ иностранной конкуренціи. Важнѣйшими моментами этого переворота были навигаціонный актъ 1651 г. и хлѣбный законъ 1689 г. Во время своихъ путешествій Гурнэ проникся этимъ духомъ. Онъ считалъ своей миссіей проводить его въ своей дѣятельности. Впрочемъ дѣло шло вѣдь только о томъ, къ чему стремился уже Кольберъ. Тутъ онъ натолкнулся на сопроти-

вленіе своихъ сотоварищей. Судя по нѣкоторымъ признакамъ можно полагать, что пренія въ Bureau часто бывали очень горячи. Гурнэ постоянно ссылался на заграничную экономическую литературу и состояніе другихъ странъ. Его противники оспаривали примѣнимость этихъ принциповъ къ Франціи. Они прозвали его «novateur» и «homme à système». Такимъ образомъ Гурнэ оставался всегда въ меньшинствѣ, но зато въ немъ поддерживало бодрость одобрение его начальниковъ, въ особенности шефа торговаго управления Трюдена, министровъ Морепа, Машо, Сешелля, Бертена, Сидуэтта¹⁾.

Гурнэ увидѣлъ, что нѣтъ иного средства уничтожить старую бюрократическую рутину, «bureaucratie», какъ онъ ее называлъ, кроме воспитанія просвѣщенаго чиновничества, обученнаго на иностранныхъ образцахъ. И вотъ, онъ собирается вокругъ себя молодыхъ усердныхъ чиновниковъ, совмѣстно съ которыми онъ, повидимому въ правильно происходившихъ собраніяхъ, читалъ произведенія иностранныхъ экономическихъ литературъ, и поощрялъ къ переводу ихъ на французскій языкъ. Такимъ образомъ въ первой половинѣ 50-хъ гг. XVIII ст. Франція наводнилась массой переводовъ иностранныхъ экономическихъ сочиненій, за которыми вскорѣ послѣдовали самостоятельно разработанныя сочиненія тѣхъ же авторовъ. Французскому обществу предлага-

¹⁾ Въ сочиненіи „Vincent de Gournay d'apr s des travaux r cents“ (La R forme sociale, 16 fevrier 1898) Alfred des Cilleuls старался доказать, что дѣятельность Гурнэ въ Bureau du Commerce отнюдь не имѣла реформаторскаго характера, какой ей обыкновенно приписываются, въ особенности Г. Шелле; по крайней мѣрѣ этого благопріятнаго сужденія нельзѧ вынести изъ разсмотрѣнія документовъ, хранящихся въ Archives Nationales. Съ послѣднимъ можно согласиться. Я также изучилъ эти документы и былъ нѣкоторымъ образомъ разочарованъ тѣмъ сравнительно небольшимъ материаломъ, какой заключается въ протоколахъ засѣданій Bureau du Commerce. Но эти протоколы ограничиваются только статистическими данными. Въ нихъ нѣть даже намека на происходившія пренія. Онъ однако проглядываютъ въ современной экономической литературѣ, которую не принимаетъ во вниманіе des Cilleuls. Единственное исключение, которое онъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, касается анонимнаго обсужденія книги Беллони въ „Journal Oeconomique“, 1751, которое, какъ мы видѣли, принадлежитъ д’Аржансону; при этомъ des Cilleuls старается по вѣнчнимъ основаніямъ доказать, что оно не можетъ принадлежать Гурнэ (что конечно вѣрно). Впрочемъ, его сообщенія, которыхъ онъ противополагаетъ сочиненію Г. Шелле, имѣютъ свою цѣну. Совершенноѣ правильнѣ, что роль Гурнэ въ администраціи въ общемъ такъ же преувеличивается, какъ это дѣжалось до сихъ поръ съ его ролью въ теоріи. Однако Alfred des Cilleuls слишкомъ рѣзокъ, когда онъ выражается о сохранившейся официальной перепискѣ съ иностранными торговыми чиновниками: „pour etre fid le, il faut constater chez Vincent de Gournay un esprit enclin aux minuties, parfois   la na vet , un langage manquant de tact, lorsqu’il veut etre malicieux“ (стр. 301). Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что на нарисованный Турго въ его „Eloge de Gournay“ идеализированный портретъ его друга и благоджелателя накладываются нѣкоторые тѣневые штрихи. G. Schelle, Vincent de Gournay, Paris 1897.

лись въ болѣе или менѣе свободномъ изложениіи сочиненія Устарица, Уллоа, Gee, Деккера, Кинга, Теккера (Tucker) и т. д. По просьбѣ Трюдэна, желавшаго имѣть сочиненіе, въ которомъ какъ можно лучше выражались бы проводимые имъ «bons principes du commerce», Гурнэ самъ перевелъ главное сочиненіе Чайльда подъ заглавіемъ «Traité sur le Commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'intérêt de l'argent, par Josias Child, chevalier baronet; avec un petit Traité contre l'Usure, par le chevalier Thomas Culpeper», Amsterdam et Berlin 1754. По желанію тогдашняго генеральнаго контролера Машо не было пропущено довольно значительное количество примѣчаній къ этому сочиненію, обсуждавшихъ примѣненіе принциповъ Чайльда къ французскимъ обстоятельствамъ; такъ по крайней мѣрѣ сообщалъ Тюрго и стоявшій лично близко къ Гурнэ Гриммъ въ своей «Correspondance littéraire». Къ сожалѣнію эти примѣчанія пропали, какъ и большинство его официальныхъ записокъ.

Морелле сообщаетъ въ своемъ «Prospectus d'un nouveau Dictionnaire du commerce» 1769, что онъ располагаетъ болѣе чѣмъ сотней посмертныхъ записокъ Гурнэ, которыя онъ думаетъ включить въ проектируемый, но не состоявшійся Dictionnaire. Въ томъ же году Морелле опубликовалъ въ приложении къ своей книгѣ «Mémoire sur la situation actuelle de la Compagnie des Indes», послужившей поводомъ къ закрытію этого учрежденія, разсужденіе Гурнэ о томъ же предметѣ, написанное имъ по предложенію французскаго правительства еще въ 1755 г. Эти «Observations sur l'Etat de la Compagnie des Indes», помѣщающіяся на 24-хъ печатныхъ листахъ in 4°, являются единственной монографіей Гурнэ, дошедшей до насть. Сюда слѣдуетъ присоединить «Observations» Гурнэ обѣ отмѣнѣ запрещенія на «toiles peintes» во Франціи, воспроизведенныя въ сочиненіи Форбоннѣ «Examen des avantages et des désavantages de la Prohibition des Toiles peintes» (1755); затѣмъ рядъ требованій, предъявленныхъ Гурнэ въ видѣ программы занятій для учрежденной имъ совмѣстно съ Монтодуэномъ (Montaudouin) въ Бретаніи «Société d'Agriculture, du Commerce et des Arts», и опубликованныхъ секретаремъ ея Абейлемъ (Abeille) въ 1760 г. въ «Corps d'observations de la Société d'Agriculture de Bretagne». Если сюда присоединить еще нѣсколько примѣчаній къ переводу Чайльда и сообщенное Г. Шелле въ сочиненіи о Гурнѣ ¹⁾, найденное въ архивахъ Ліона письмо Ліонской торговой палаты, касающееся корпоративныхъ правъ, то мы исчерпали все, что дошло до насть непосредственно исходящаго отъ Гурнэ. Правда существуетъ еще цѣлый рядъ сочиненій, носящихъ на себѣ по крайней мѣрѣ печать его духа. Сюда относится прежде всего создавшееся «на глазахъ и по указаніямъ Гурнѣ» (Дю Понъ) сочиненіе *Клико де Блерваш* (Cliquo de Blervache)

¹⁾ Vincent de Gournay, Chap. VI.

«Considérations sur le Commerce et particulièrement sur les Compagnies, Sociétés et Maitrises» (1758 г.), и затѣмъ вообще все, опубликованное его школой; перечисление завело бы насъ слишкомъ далъко.

Члены школы имѣли каждый свой отг҃нокъ. Правѣе всѣхъ можно поставить Форбоннэ, продолжавшаго линію Мелона и, какъ замѣчено уже выше, стоявшаго при случаѣ въ извѣстной оппозиціи къ Гурнэ; лѣвѣе всѣхъ находился Тюрго, колебавшійся, впрочемъ, въ то время еще между историческимъ и догматическимъ образомъ мыслей; впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, онъ пересталъ колебаться. По серединѣ и ближе всего къ воззрѣніямъ главы школы слѣдуетъ поставить Морелле и Клико де Блервашъ. Чтобы представить школу Гурнэ, поскольку она имѣеть отношеніе къ литературѣ, въ видѣ цѣпи, ее надо расположить въ такой послѣдовательности, начиная справа: Форбоннэ, Монтодуэнъ, д'Егерти (d'Heguerty), Бютель-Дюмонъ (Butel-Dumont), Клико де Блервашъ, Гурнэ, Морелле, Дангейль (Dangeuil), Герберъ (Herbert), Абельль, Тюрго. Впослѣдствіи изъ этой группы Тюрго и Абельль совершенно перешли подъ знамена Кэнэ, а Гербера и Дангейля онъ, по крайней мѣрѣ, считалъ близкими себѣ. Напротивъ Бютель-Дюмонъ, Монтодуэнъ и Форбоннэ стали впослѣдствіи въ явное противорѣчіе съ школой физіократовъ. Нельзя отрицать, однако, что школа Гурнэ послужила впослѣдствіи образцомъ для собраній «секты» физіократовъ; въ этомъ смыслѣ, и только въ этомъ смыслѣ можно говорить о Гурнэ какъ о предшественнике Кэнэ. По существу между ними нѣтъ ничего общаго, если не считать отрицательного отношенія къ господствующему порядку вещей. Различіе между ними заключалось въ особенности въ томъ, что ученики Кэнэ поклонялись точно догматизированному ученію своего учителя, между тѣмъ какъ у Гурнэ и его учениковъ дѣло шло только о выросшей заграницей либеральной тенденціи въ предѣлахъ традиціоннаго меркантилизма; она составляла новость только для Франціи, вообще же не была новымъ ученіемъ. Это станетъ особенно яснымъ, если обратиться къ отдельнымъ понятіямъ. Правда, при этомъ намъ придется во многомъ забѣгать впередъ. Но мы должны произвести это изслѣдованіе понятій тѣмъ болѣе, что при этомъ ясно выступаетъ принципіальное различіе между меркантилизмомъ и послѣдующими ученіями. Заканчивая предварительную исторію политической экономіи, бросимъ такимъ образомъ еще общий взглядъ на пройденный съ начала новаго времени періодъ.

Основаніемъ для такого изслѣдованія необходимо служить «Eloge de Gournay» Тюрго во второй редакціи, которую можно отнести приблизительно къ 1780 году. Въ этомъ Eloge, которое несмотря на всѣ свои слабыя стороны является формально наиболѣе разработаннымъ сочиненіемъ Тюрго, изъ которого притомъ лучше всего можно вывести его собственный болѣе поздніяя воззрѣнія, находится рѣзкое существенное противорѣчіе, которое къ удивленію еще никѣмъ не было

замѣчено. Въ началѣ, въ биографическихъ замѣткахъ говорится, что Гурнэ въ молодости увлекался идеями, заключающимиися въ знаменитомъ «Discourse» Чайльда и въ мемуарахъ великаго пенсионера Жана де Виттъ (т.-е. въ «Het interest van Holland» P. de la Court'a), не предполагая, что ему будетъ суждено распространять когда-нибудь эти положенія въ своемъ отечествѣ¹⁾). За этимъ замѣчаніемъ слѣдуетъ въ видѣ доказательства пространное изложеніе взглядовъ Гурнэ, будто бы физіократическихъ; послѣ этого въ концѣ²⁾ говорится: «M. Trudaine l'engagea à donner comme une espèce de corps de sa doctrine, et c'est dans cette vue qu'il traduit, en 1752, les traités sur le commerce et sur l'intérêt de l'argent, de Josias Child et de Thomas Culperer». Намъ извѣстны оба эти комбинированныя сочиненія, и мы знаемъ, что дѣло идетъ о двухъ ясно выраженныхъ изложеніяхъ меркантильной системы въ ея позднѣйшемъ либеральномъ періодѣ, начавшемся съ англійскаго навигационнаго акта.

Здѣсь возможно одно изъ двухъ: или Гурнэ былъ приверженцемъ Чайльда и de la Court'a, и тогда онъ не могъ придерживаться тѣхъ воззрѣній, которыя ему приписываются Тюрго въ его теоретической части; или же онъ дѣйствительно придерживался этихъ взглядовъ, и въ такомъ случаѣ невозможно, чтобы онъ называлъ сочиненіе Чайльда «comme une espèce de corps de sa doctrine» и переводилъ его въ этомъ смыслѣ.

Въ первой, появившейся тотчасъ же послѣ смерти Гурнэ (1759), редакціи Eloge, заключающейся въ сущности только въ простомъ некрологѣ, также имѣется указаніе на Чайльда и де Витта; но тамъ нѣть этого противорѣчія, такъ какъ отсутствуютъ разсужденія въ духѣ физіократовъ. Если спросить, въ какомъ направленіи написаны сочиненія учениковъ Гурнэ и его собственныхъ статьи, отвѣтъ будетъ заключаться въ томъ, что всѣ они, за единственнымъ исключеніемъ сочиненій Тюрго, написаны въ духѣ Чайльда, на авторитетъ котораго они постоянно ссылаются. Гурнэ самъ въ Avertissement къ своему переводу сочиненія Чайльда говоритъ, что по единогласному отзыву всѣхъ народовъ, ведущихъ крупную торговлю, оно заключаетъ въ себѣ «les meilleurs principes que l'on connaisse en fait de Commerce». Чайльдъ же заявляетъ въ своей книгѣ, что все его ученіе сводится къ главѣ о торговомъ балансѣ³⁾). Но мы знаемъ, что понятіе торговаго баланса есть центральный пунктъ меркантилизма. Взглядъ на торговый балансъ опредѣляетъ различныя точки зрѣнія, такъ какъ въ зависимости отъ отношенія къ этому вопросу измѣняются выводы относи-

¹⁾ E. Daire, Oeuvres de Turgot, t. I, p. 264.

²⁾ Тамъ же, стр. 281.

³⁾ „Tout ce que nous avons écrit jusqu'ici, n'est qu'une ébauche de ce qu'on peut dire et faire à cet égard“, стр. 343 и сл. перевода Гурнэ.

тельно торговой политики. Кэнэ объявилъ торговый балансъ химерой, основывающейся на неправильномъ предположеніи, что покупка и продажа не одна и та же операция, что можно купить что-нибудь, ничего при этомъ не продавая; между тѣмъ это абсурдно. Тюрго приписывается Гурнэ взглядъ Кэнэ «vouloir tout vendre aux étrangers et ne rien acheter d'eux, est absurde» ¹⁾). Это противоположность торговаго баланса. Правильно ли изложилъ Тюрго мнѣніе Гурнэ?

Если мы присмотримся къ школѣ Гурнэ, то увидимъ, что во всѣхъ ея работахъ, за исключениемъ всѣхъ работъ Тюрго, торговому балансу придается наибольшее значение. Въ «Prospectus» Морелле, написанномъ, какъ мы уже замѣтили, на основаніи множества записокъ Гурнэ, мы находимъ длинное теоретическое разсужденіе, посвященное этому вопросу; оно не можетъ принадлежать самому Морелле, который не имѣлъ никакихъ собственныхъ идей, а почерпнуто имъ, безъ сомнѣнія, изъ имѣвшихся у него рукописей Гурнэ. Да и самъ Гурнэ заявилъ себя сторонникомъ идеи торговаго баланса. Не говоря уже о томъ, что онъ въ письмѣ къ Трюдэну ²⁾), посланномъ имъ съ частью перевода книги Чайльда, называвъ выпущенные пока главы о колоніяхъ и торговомъ балансѣ «далеко не маловажными», въ то время какъ при отрицаніи имъ ихъ значенія, онъ долженъ былъ бы сдѣлать оговорку, — Гурнэ и въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ часто говорить о торговомъ балансѣ; такъ въ запискѣ объ индійской компанії ³⁾), и, въ особенности, въ Observations къ трактату Форбоннэ объ отмѣнѣ запрещенія «toiles peintes», гдѣ задачей націи выставляется «de faire pancher la balance en son faveur» ⁴⁾). Такимъ образомъ утвержденіе Тюрго оказывается несогласнымъ съ дѣйствительностью.

Съ понятіемъ о торговомъ балансѣ связаны понятія объ активной и пассивной торговлѣ и предпочтеніе первой, какъ предоставляемой отечественнымъ купцамъ большія выгоды, чѣмъ иностраннымъ. Физіократы стояли въ этомъ вопросѣ на точкѣ зреяня д'Аржансона и впослѣдствіи Мирабо, что иностранныхъ купцовъ слѣдуетъ уравнять въ правахъ съ мѣстными, а въ сомнительныхъ случаяхъ даже предоставить имъ болѣе выгодныя условія, такъ какъ они болѣе отягчены расходами по транспорту. Изъ сочиненій Тюрго можно вывести заключеніе, что таково же было и мнѣніе Гурнэ. Между тѣмъ во всѣхъ работахъ школы Гурнэ прославляются навигаціонный актъ Кромвеля

¹⁾ *Daire, Oeuvres de Turgot, t. I, стр. 274.*

²⁾ Копія писемъ Гурнэ въ Archives Nationales Парижа.

³⁾ *Morellet, Supplément къ „Mémoire sur la situation actuelle de la Compagnie des Indes“ стр. XIV: „Une pareille augmentation de papier, ne pourrait qu'augmenter la valeur de nos denrées et de toutes choses, et affecter considérablement la masse et la balance de notre commerce“, etc.*

⁴⁾ *Forbonnais. Examen des avantages et des désavantages de la prohibition des Toiles peintes, 1755.*

и хлѣбный законъ Вильгельма III. Самъ Гурнэ, правда въ своей запискѣ объ индійской компаніи высказывался за отмѣну ея, ссылаясь на «bons principes du commerce». Однако онъ предлагаетъ «rendre le commerce libre et ouvert a toute la nation» ¹⁾, т.-е. только французской нації, ликвидациј же компаніи нужна ему только «pour permettre un commerce libre et ouvert à tous les sujets du Roi» ²⁾. Компанию онъ прямо упрекалъ въ томъ, что она ввозила въ колоніи и нефранцузскія мануфактурныя издѣлія и этимъ преслѣдовала частный интересъ (intérêt particulier) идущій всегда въ разрѣзъ съ общимъ благомъ (toujours en opposition au bien général). Гурнэ требуетъ, чтобы по осуществленіи свободы торговли купцы были бы обязаны «à ne porter aux Indes que des marchandises du cru du Royaume» ³⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ колоніальная торговля ни въ какомъ случаѣ не должна быть безпошлинной. При вывозѣ продуктовъ изъ колоніи должна взиматься пошлина въ размѣрѣ 5%, при ввозѣ же во Францію ввозная пошлина, колеблющаяся въ зависимости отъ мѣста происхожденія между $3\frac{1}{2}$ и 10% стоимости. Далѣе, по его предложенію суда, отѣзжающія въ колоніи, платить сборъ въ размѣрѣ 30 ливровъ за тонну. Чтобы обеспечить правильность взиманія сборовъ, онъ предлагаетъ ограничить количество гаваней, къ которымъ могутъ приставать возвращающіеся суда (l'Orient, Dunkerque, Marseille) и т. п. Во всѣхъ этихъ требованіяхъ Гурнэ расходится съ Кэнэ и его школой. Онъ постольку согласенъ съ Чайльдомъ, поскольку тотъ былъ противникомъ всякой торговли компаніями и стоялъ за введеніе общенациональной покровительственной системы. Онъ идетъ дальше Чайльда въ томъ отношеніи, что послѣдній дѣжалъ исключеніе для Остъ-Индской торговли, въ то время какъ Гурнэ не признавалъ никакой монополіи товариществъ. Такимъ образомъ парижскій интенданть торговли былъ нѣсколько либеральнѣе своего англійскаго коллеги. Но и онъ считаетъ неоспоримой необходимость предпочтенія отечественной торговли передъ иностранной.

Впечатлѣніе нѣкоторой искусственности производить желаніе Гурнэ сохранить компанію, по лишеніи ея права торговли, для военно-политической защиты колоній, такъ что всѣ вышеуказанные сборы должны поступать вмѣсто государственной кассы въ кассу компаніи. Когда въ 1769 г. главный контролеръ d'Urvau упразднилъ привилегію компаніи, всѣ предложения Гурнэ были приняты во вниманіе; но политическая охрана — и это было послѣдовательнѣе — была предоставлена государству, которое и удовлетворило всѣхъ акціонеровъ. Незадолго передъ французской революціей главный контролеръ Калоннъ рѣшилъ

¹⁾ a. a. O., S. XXIV.

²⁾ a. a. O., S. XIV.

³⁾ a. a. O., S. XXIII.

воскресить въ урѣзанномъ видѣ компанію, но она была окончательно сметена во время революціи.

Изъ всего сказанного, мы могли убѣдиться, что парижскій интенданть торговли хотѣлъ замѣнить систему исключительныхъ привилегій и запрещеній умѣренной системой пошлинъ и покровительства, избѣгая введенія полной свободы торговли. Ту же картину мы увидимъ, если разсмотримъ его отношеніе къ внутренней хозяйственной жизни страны.

Непосредственно послѣ смерти Кольбера Лувуа запретилъ ввозъ и употребленіе индійскихъ крашеныхъ бумажныхъ тканей (*Indiennes, toiles peintes*), желая этимъ оказать покровительство отечественной льняной и пеньковой промышленности. Компанія получила привилегію на ввозъ этихъ тканей изъ Индіи въ Европу и продажу ихъ иностранцамъ. Однако, этотъ видъ промышленности успѣхъ развиться въ соѣдніхъ странахъ. Крашеные ткани стали массами перевозиться контрабанднымъ путемъ черезъ границу Франціи; благодаря же тому, что и сама компанія, въ которой главнымъ акціонеромъ состоялъ король, повидимому не брезгала контрабандой, ткани вошли, не смотря на запрещеніе, во всеообщее употребленіе, пользуясь особыеннымъ покровительствомъ придворныхъ дамъ. Такой оборотъ сильно повредилъ французскому народному хозяйству. Значеніе покровительственной системы для льняной и пеньковой промышленности было сведено на нѣтъ, и въ то же время Франція лишена была важной отрасли текстильной промышленности, обогащавшей соѣдей. Въ 1755 г. Гурнэ поднялъ въ *Vireau du commerce* вопросъ о реформѣ, который вскорѣ сталъ усердно обсуждаться и въ прессѣ. Это былъ первый случай, когда обсужденіе подобнаго вопроса вынесено было за предѣлы административныхъ учрежденій. Форбоннэ опубликовалъ «*Examen des avantages et des désavantages de la prohibition des Toiles peintes*». Соответственно своей консервативной точкѣ зрѣнія, онъ старался по возможности примѣниться къ существовавшимъ порядкамъ и предложилъ предоставить право производства этихъ тканей только нѣкоторымъ областямъ Франціи, подчинивъ его извѣстному контролю. Допуская повсемѣстное свободное потребленіе продуктовъ, онъ настаивалъ, чтобы тѣмъ строже осуществлялся запретъ заграничного ввоза. Желая ознакомить читающую публику также съ другими взглядами и дать ей возможность судить самостоятельно, онъ помѣщаетъ въ своей книжѣ особую главу, принадлежащую перу очень свѣдущаго человѣка. Эта статья, озаглавленная «*Observations sur l'Examen*» никѣмъ не подписана. Однако, всѣмъ было извѣстно, что авторомъ ея былъ Гурнэ. По его мнѣнію Форбоннэ своими мѣропріятіями не достигнетъ цѣли. Главное зло лежитъ въ контрабандѣ. Сохраняя запретительный законъ о ввозѣ, онъ не избѣгаетъ ея. Только лишивъ контрабанду выгодности, можно ее уничтожить, говорить Гурнэ, и предлагаетъ назначить пошлины въ такомъ размѣрѣ, чтобы

заграничные товары сравнялись по ценѣ съ французскими, «sans étre assez fort pour en encourager la contrebande». Размеръ этой уравнительной пошлины Гурнэ опредѣляетъ, сообразуясь съ тогдашними обстоятельствами, для крашеныхъ бумажныхъ тканей въ 10—12% ихъ стоимости и въ 6—7% для некрашеныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть введенъ прямой налогъ на предметы роскоши, который будетъ взиматься съ главы каждого семейства за разрѣшеніе приобрѣсти эти ткани. Этотъ налогъ предполагался по образцу прямого налога на потребленіе, который рекомендовалъ англичанинъ Декеръ. Но вообще слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы всякаго рода поощреніями, льготами, почетными наградами и т. п. поднять отечественную промышленность. Путемъ такой покровительственной политики, продолжаетъ Гурнэ, «on pourroit faire pencher la balance en faveur des nôtres, sans avoir recours à des prohibitions et à des violences» etc. Итакъ мы повсюду видимъ стремленіе замѣнить запретительную политику политикой покровительственной. Въ этомъ духѣ и былъ наконецъ решенъ вопросъ, хотя и послѣ смерти Гурнэ.

Послѣ всего приведенного кажутся странными отзывы Тюрга о Гурнэ въ «Eloge de Gournay»: «Il aurait souhaité que les besoins de l'Etat eussent permis de libérer le commerce de toutes sortes de droits», и далѣе: «Il croyait q'une nation, assez heureuse pour être parvenue à ce point, attirerait nécessairement à elle la plus grande partie du commerce de l'Europe»¹).

Въ опубликованной брошюрѣ Морелле на эту же тему «Réflexions sur les avantages de la libre fabrication et de l'usage des toiles peintes en France» (1758), относительно которой самъ Дю-Понъ увѣряетъ²), что авторъ свои аргументы «a puise en grande partie dans sa société intime avec l'illustre et vertueux M. de Gournay, de la plupart des papiers et des Mémoires duquel il est encore dépositaire», развивается подробнѣе вышеприведенный проектъ Гурнэ, причемъ авторъ особенно оттеняетъ покровительственное значеніе предложенныхъ имъ пошлинъ въ размѣрѣ 10—12%. Введеніе пошлинъ вмѣсто запретительной системы «est conforme aux vrais principes de commerce». Пошлины, однако, не должны быть слишкомъ низкими. «Il faudrait que ce droit fût assez considérable pour donner aux Toiles que nous fabriquerions, un avantage marqué dans la concurrence avec celles qu'on voudrait introduire». Вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть принято во вниманіе, что королю эти пошлины приносятъ доходъ.

Комичное впечатлѣніе производитъ Дю-Понъ, который старается замять истинный смыслъ приведенныхъ фразъ. По его мнѣнію, если бы не желаніе сойтись со своими противниками побудило Морелле пред-

¹) Eloge de Gournay. *Daire, Oeuvres de Turgot*, t. I, стр. 279.

²) *Ephémrides du Citoyen*, майскій №, 1769 г. См. *Oeuvres de Quesnay*, стр. 155.

ложить «d'établir en même temps que la liberté intérieure, des droits sur l'entrée de Toiles étrangères,—on pourrait dire que ses réflexions formeraient ce qui est singulièrement rare, un livre parfait». Однако Морелле лишь повторилъ то, что предложилъ Гурнэ въ своихъ «Observations» къ «Examen» etc. Форбоннэ. Изъ этого видно, что Дю-Понъ де Немуръ считалъ, какъ и всѣ физиократы, логическимъ противорѣчіемъ то, что составляло основу меркантилизма, а именно, различіе внутренней и внешней торговли, и различное къ нимъ отношение. Гурнэ былъ безусловно приверженцемъ этой теоріи. Подобно всей своей школѣ онъ возставалъ при каждомъ удобномъ случаѣ противъ внутреннихъ пошлинъ, ограничивающихъ «le passage de nos denrées d'une Province à l'autre». Такъ, въ своихъ «Considerations», написанныхъ, какъ уже замѣчено, если не по формѣ, то во всякомъ случаѣ по содержанию подъ влияниемъ Гурнэ,—Cliquot de Blervache жалуется, что французы относятся другъ къ другу, какъ чужie, несмотря на то, что они обладаютъ общимъ отечествомъ и общимъ государемъ, передъ которымъ они являются «comme enfants d'un même père, comme membres d'une même famille». Однако Гурнэ и не собирался совершенно уничтожить пошлины, онъ хотѣлъ лишь перенести ихъ на границы. Какъ известно, уже Кольберъ имѣлъ такой планъ, но осуществление его не вполнѣ удалось. Онъ достигъ только разделенія государства на 3 части, которое было приоровлено къ господствовавшей налоговой системѣ. Первую область составляли «Provinces des cinq grosses Fermes», т.-е. главнымъ образомъ сѣверные провинціи, подчиненные непосредственно королевскому управлению, такъ называемые «Pays d'Elections»; въ нихъ налоги взимались финансовыми откупщиками. Во вторую область входили главнымъ образомъ «Pays d'Etat», имѣвшія земское самоуправление, названныя «Provinces réputées étrangères». Въ этихъ двухъ областяхъ действовали таможенные тарифы 1664 и 1667 г. съ позднѣйшими добавленіями. Существовала еще третья группа провинцій, «Provinces à l'instar de l'Etranger effectif». Къ нимъ принадлежали Лотарингія, Эльзасъ, Гексъ (Gex) и другіе, болѣе мелкіе округа. Эта группа была свободна отъ таможенныхъ пошлинъ. Торговля въ этихъ округахъ была ограничена лишь мѣстными косвенными налогами. Другъ и ближайшій начальникъ Гурнэ, Трюдэнъ желалъ ввести единство въ торговлю всей страны. Разразившаяся Семилѣтняя война, повидимому, отстрочила исполненіе плана; но лишь только въ 1762 г. миръ сдѣлался возможнымъ, Трюдэнъ снова приступилъ къ дѣлу. Къ сожалѣнію, Гурнэ уже не было къ этому времени въ живыхъ. Трюдэнъ поручилъ Морелле, какъ наследнику (*dépositaire*) бумагъ Гурнэ, отстаивать первомъ единый тарифъ (*tarif unique*)¹⁾.

¹⁾ См. Mémoires (inédits) de l'Abbé Morellet suivis de sa correspondance. Paris 1823. t. I, p. 144.

Трюдэнъ и главный контролеръ финансовъ, Bertin, также старый другъ Гурнэ, нуждались тѣмъ больше въ подобной поддержкѣ, что «le projet formé par M. le Contrôleur général, de supprimer les différents droits de Traite qui se perçoivent dans l'intérieur de la Province, pour les convertir en un droit uniforme, percevable à la Frontière» вызвалъ въ коммерческомъ мірѣ цѣлую бурю недовольства. Особенно же многіе купцы въ «Provinces à l'instar de l'Etranger effectif» боялись лишиться права свободной торговли. Это недовольство нашло выраженіе въ брошюре «Lettre d'un Citoyen à un Magistrat» изданной некіимъ Coster'омъ, о которомъ Морелле въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ выразился такимъ образомъ: «ses principes n'ont jamais été bons sur l'article de la liberté du commerce» ¹⁾). Характерно при этомъ то, что именно Костеръ защищалъ абсолютную свободу торговли въ провинціяхъ, исключенныхъ изъ таможенного союза, противъ включенія ихъ въ одну хозяйственную область, окруженнуя одной охранительной таможенной линіей. Морелле попытался опровергнуть его въ брошюре «Mémoire des Fabriquans de Lorraine et de Bar, présenté à Monseigneur l'Intendant de la Province, concernant le Projet d'un nouveau Tarif, et servant de réponse à un Ouvrage intitulé Lettre d'un Citoyen à un Magistrat» (1762), написанной якобы по просьбѣ фабрикантовъ того же округа. Въ этой брошюре Морелле первымъ дѣломъ защищаетъ охранительную пошлину, какъ таковую. «C'est un principe d'administration reçu aujourd'hui chez toutes les Nations commercantes et établi dans tous les ouvrages écrits sur cette matière, que les impôts sur les marchandises étrangères sont nécessaires pour favoriser le commerce national», звучитъ совершенно въ духѣ Гурнэ. Да, продолжаетъ авторъ, если бы всѣ государства Европы отмѣнили свои запрещенія и пошлины на пищевые продукты и мануфактурныя изделия, можно было бы и во Франціи снять всѣ ограниченія, «mais dans l'état présent des choses ces lois deviennent nécessaires». Затѣмъ Морелле перечисляетъ тѣ выгоды, которыя получать исключенные изъ таможенного союза провинціи отъ включенія ихъ въ единую хозяйственную область. Въ то время пассивная торговля значительно превосходила активную торговлю. При огражденіи всего государства общей таможенной линіей, провинціи получать возможность обрабатывать сырье продукты и этимъ путемъ создастся местная промышленность; до сихъ поръ, къ сожалѣнію, при наводненіи иностранными товарами это было невозможно. Это дало бы имъ возможность принять участіе въ активной торговлѣ страны, составляющей «la vraie source de la richesse et de la force d'un Pays».

Теорія, которую излагаетъ здѣсь Морелле,—во всякомъ случаѣ, не его собственная. Онъ—одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ можно за-

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 144.

ставить написать что угодно, снабдивъ ихъ лишь деньгами да идеями. Восемь лѣтъ спустя онъ, опять-таки по порученію правительства (Шуазель) и при нѣкоторомъ содѣйствіи Тюрго, отстаивалъ въ своей статьѣ противъ діалоговъ Галіані¹⁾ о хлѣбной торговлѣ прямо противоположную точку зрѣнія, несмотря на то, что годъ передъ тѣмъ (1769) онъ издалъ свой «Prospectus», въ которомъ защищался еще прежній взглядъ. Тѣмъ болѣе вѣроятно предположеніе, что свою записку 1762 г. онъ составилъ по довѣреннымъ ему рукописямъ Гурнэ, такъ какъ мысли, высказанныя имъ, вполнѣ тождественны со всѣмъ тѣмъ, что намъ вообще известно о Гурнэ и что содержится въ тогдашнихъ писаніяхъ его учениковъ. Въ такомъ случаѣ, однако, Тюрго, считавшій Гурнэ послѣдователемъ принципа: «laissez faire et laissez passer» снова неправъ. Проектъ единаго таможеннаго тарифа не былъ тогда приведенъ въ исполненіе. Завершить его было представлено великой Революціей.

Съ этимъ вопросомъ тѣсно связаны взгляды Гурнэ на внутреннюю налоговую систему. Мы уже сообщали, что Гурнэ предлагалъ ввести на ряду съ ввозной пошлиной на крашеные ткани прямой потребительный налогъ съ семействъ, желающихъ получить разрешеніе на употребленіе ихъ. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ дѣло касается лишь специальнаго вопроса, онъ не говорить о распространеніи этого вида налога и на другіе предметы потребленія. Однако обѣ этомъ говорятъ послѣдователи его школы, непремѣнно ссылаясь на Decker'a; такъ, уже въ первой статьѣ школы «Remarques sur les avantages et les désavantages de la France et de la Grande-Bretagne par John Nickolls» (пседонимъ Dangeuill'я) 1753, послѣ подробной критики существующей налоговой системы въ послѣдней главѣ «des taxes» предлагается «de taxer chaque Sujet à proportion de l'avantage qu'il retire de la Société»²⁾, — «une mani re juste, simple et égale». Легче же всего осуществить эту идею введеніемъ «une taxe libre portant uniquement sur les divers objets de luxe et de consommation, ceux d'absolue nécessité exceptés». Двойнымъ сборомъ слѣдуетъ обложить холостяковъ. Ту же точку зрѣнія еще болѣе подробно отстаиваетъ Cliquot de Blervache въ своихъ «Considérations», обязанныхъ своимъ содержаніемъ Гурнэ. Въ нихъ проводится мысль³⁾, что безъ сомнѣнія наиболѣе плодотворна (le plus solide et le plus fécond) такая система налоговъ, которая сохраняетъ свободу промышленности и уничтожаетъ налоги на сырье материалы, фабрикаты и фабрикантовъ какъ таковыхъ, чтобы излишняя отягченность не лишала продукты возможности конкурировать съ издѣліями

¹⁾ R futation de l'ouvrage qui a pour titre Dialogues sur les commerces des bl『ds. 1770.

²⁾ Стр. 402.

³⁾ Стр. 118.

другихъ странъ. Вмѣсто налоговъ, говорится далѣе, «on pourrait faire tomber la plus grande partie des impôts sur la consommation et sur les objets purement de luxe». Платежи такимъ образомъ были бы «répartie sur tous les ordres de l'Etat», а промышленность страдала бы только соразмѣрно тому, что потребляютъ ея участники. Такимъ образомъ поступали, по мнѣнію автора, всѣ государства, желавшія приобрѣсти вліяніе своей торговлей, такъ что не требуетъ доказательствъ польза, которую можетъ извлечь и Франція изъ примѣненія этой системы. Итакъ, Гурнѣ всесцѣло сторонникъ точки зренія личныхъ налоговъ, причемъ, наряду съ прямымъ подоходнымъ налогомъ онъ все еще желаетъ сохранить и охранительныя пошлины. Его проектъ сходенъ съ проектомъ Бобана, который ему, однако, видимо неизвѣстенъ. Однако, именно система личныхъ налоговъ находила въ средѣ физіократовъ всегда самыхъ ярыхъ теоретическихъ противниковъ. По ихъ мнѣнію, только земля, приносящая чистый доходъ, налогоспособна, человѣкъ же представляетъ собою лишь собраніе потребностей и, какъ таковой, ничего не производитъ. Только въ случаяхъ крайней нужды государство имѣть право затронуть доходы своихъ подданныхъ въ видѣ временнаго дополнительного налога. «Impôt unique», которое предложилъ Кэнэ, представляетъ собой, напротивъ, налогъ на доходъ съ земли, взимаемый не съ производителя, а съ землевладѣльца. Тюрго и въ этомъ вопросѣ приписывается, въ своемъ «Eloge», Гурнѣ взгляды, которые должны вызвать въ насъ недоумѣніе. Всегдѣ за утвержденіемъ, что Гурнѣ охотно отмѣнилъ бы всѣ пошлины, Тюрго говоритъ: «Il pensait que tous les impôts, de quelque genre qu'ils soient, sont en derni re analyse toujours pay s par le propri taire, qui vend d'autant moins les produits de sa terre, et que si tous les impôts  taient repartis sur les fonds, les propri taires et le royaume y gagneraient tout ce qu'absorbent les frais de r gie» etc. Таково ученіе физіократовъ, но его нельзя приписывать Гурнѣ. Снова Тюрго неправильно изложилъ взгляды Гурнѣ.

Посмотримъ теперь, какъ относился Гурнѣ къ сельскому хозяйству вообще. Быть можетъ, никогда во Франціи не было такъ стихійно силенъ интересъ общества къ сельскому хозяйству, какъ въ то время, когда Гурнѣ бросилъ торговлю и посвятилъ себя общественной дѣятельности. Война за австрійское наслѣдство, завершившаяся въ 1748 г. миромъ въ Аахенѣ, довела сельское населеніе до безограднаго положенія. Этому способствовали и неурожай 1747 и 1750, во время которыхъ покровитель Гурнѣ, Машо, въ то время главный контролеръ финансъ, закупилъ на государственный счетъ большия запасы хлѣба въ Голландіи, Англіи и Лотарингіи и продалъ ихъ наиболѣе нуждающимъ провинціямъ по пониженнымъ цѣнамъ. Онъ не могъ поступить иначе, такъ какъ въ то время во Франціи не существовало частной торговли хлѣбомъ. На хлѣбъ смотрѣли не какъ на товаръ, а какъ на

предметъ первой необходимости, надъ обмѣномъ котораго долженъ быть установленъ строгій правительственный надзоръ. Противъ этого и возникла оппозиція, которая напала на всю существовавшую систему управления, ссылаясь на англійскіе порядки. Уже въ 1745 году, въ концѣ войны, Du Pin указывалъ въ своемъ мало распространенномъ произведеніи «Oeconomique» на хлѣбный законъ Вильгельма III 1689 г., какъ на примѣръ, достойный подражанія, теперь же школа Гурнэ не могла не воспользоваться первымъ удобнымъ случасмъ, чтобы не вступить на путь реформъ. Форбоннэ пѣлъ хвалебные гимны этому закону въ статьѣ «Agriculture», написанной для энциклопедіи и перепечатанной въ «Elémens du Commerce». Особенно же горячо отстаивались эти принципы въ двухъ старѣйшихъ произведеніяхъ школы—въ вышеназванной книжѣ Danguel'я «Remarques sur les avantages et désavantages de la France et de la Grande Bretagne» (1753) и въ книжѣ Herbert'a «Essay sur la police générale des grains» (1754).

Послѣднее произведеніе произвело сенсацію: оно, проникнутое свободомысліемъ, возставало противъ оковъ, наложенныхъ на хлѣбную торговлю какъ правительствомъ, такъ и правленіями провинцій, и предлагало реформу выѣшней торговли хлѣбомъ, сходную со «скользящей шкалой» (*échelle mobile, sliding scale*), введенной позднѣе и въ Англіи. Эта книга вызвала указъ главнаго контролера Sechelles, изданный имъ 17 сент. 1754 г. и гласящій: «Arrêt qui ordonne que le Commerce de toute espèce de Grains sera libre entièrement par terre et par les rivières, de Province à Province, dans l'intérieur du Royaume». Выѣшняя торговля хлѣбомъ, однако, временно оставлена подъ контролемъ. Это была первая победа школы Гурнэ. 10 лѣтъ спустя (1764), при L'Averdy законъ былъ распространенъ и на выѣшнюю торговлю, но не въ духѣ англійскаго хлѣбнаго закона. Этимъ Франція, однако, обязана уже школѣ Кэнэ. Не Кэнэ, но его школа, главнымъ же образомъ Тюрго, всегда горячо протестовали противъ хлѣбнаго закона 1689 г. Они видѣли въ немъ меркантилистический законъ и полагали, что естественный ходъ вещей скорѣе приведетъ къ тѣмъ результатамъ, которыхъ меркантилисты пытались достичь искусственнымъ путемъ.

Конечно, и въ этомъ вопросѣ Тюрго въ своемъ Eloge приписываетъ Гурнэ свои собственные взгляды. Онъ говоритъ, что тотъ же принципъ свободы, который Гурнэ отстаивалъ въ промышленности, онъ еще въ большей мѣрѣ считалъ необходимымъ въ обмѣнѣ продуктами почвы. При этомъ онъ ссылается на книгу Herbert'a и статью «Grains» Кэнэ, тожественные, какъ онъ полагалъ, по содержанию съ идеями парижскаго интенданта торговли ¹⁾). Было ли, однако, дѣйствительно отношеніе Гурнэ къ сельскому хозяйству таково же, какъ отношеніе Кэнэ?

¹⁾ Eloge de Gournay, a. a. O. S. 275.

Лучше всего разобрать ихъ взаимоотношение на одномъ догматическомъ вопросѣ, къ чему настъ прямо таки обязываетъ изложеніе Тюрга.

Въ одномъ литературно-историческомъ очеркѣ, помещенномъ Дю-Пономъ де Немуръ¹⁾ въ издаваемомъ имъ «Ephémérides du Citoyen» за 1769 г. и посвященномъ развитію экономической науки, авторъ называетъ одной изъ самыхъ благородныхъ истинъ, установленныхъ статьями «Grains» и «Fermiers» въ Энциклопедіи (1756), то положеніе, что «l'agriculture est la source unique des richesses». Этимъ онъ хочетъ сказать, что промышленность не въ состояніи быть источникомъ богатства, съдовательно, непроизводительна. Действительно, въ данномъ мѣстѣ Кэнз защищаетъ этотъ взглядъ, составляющей основу всего его ученія. И вотъ, тотъ же Дю Понъ де Немуръ указываетъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ «Eloge de Gournay» какъ на одинъ изъ пунктовъ, въ которыхъ расходятся ученія Кэнз и Гурнэ, на то, что послѣдній приписывалъ промышленному труду способность создавать une richesse réelle, служить, съдовательно, самостоятельнымъ источникомъ богатства. Съ этимъ нельзя не согласиться. Существуетъ два мѣста въ произведеніяхъ Гурнэ, где онъ совершенно ясно высказываетъ подобную точку зрѣнія. Въ предисловіи къ своему переводу Чайлда и Culpeper'a онъ восхищается тѣмъ, что они единогласно признали «que le bas prix de l'intérêt est le mobile le plus puissant pour exciter à la culture des terres, et au commerce, les deux sources permanentes de la puissance des Etats». И въ концѣ своего уже нѣсколько разъ упомянутаго доклада обѣ индійской компаніи онъ еще опредѣлѣнѣе говоритъ, по поводу предложения сдѣлать колоніальную торговлю «libre et ouverte à toute la Nation», что это подниметъ «notre navigation, nos manufactures, et la culture de nos terres: toutes ces choses sont la source des richesses». Мысль эта проводится во всѣхъ сочиненіяхъ школы Гурнэ. Примѣромъ можетъ служить то, что Морелле говоритъ въ «Prospectus» о «commerce proprement dit, qui a aussi un produit net»²⁾.

Кэнз не только не раздѣляетъ этого мнѣнія Гурнэ, но повсюду является ярымъ его противникомъ. Въ той самой статьѣ «Grains», на которую ссылается Тюрга въ доказательство согласія ихъ взглядовъ на сельское хозяйство, Кэнз говоритъ: «On regarde continuellement l'agriculture et le commerce comme les deux ressources de nos richesses» въ то время, какъ по его мнѣнію: «Le commerce ainsi que la main-d'oeuvre, n'est qu'une branche de l'agriculture», такъ какъ «ces deux états ne subsistent que par l'agriculture»³⁾. Онъ, правда, признавалъ значеніе торговли, какъ элемента, содѣйствующаго развитію сельскаго хозяйства.

¹⁾ „Notice abrégée des différents écrits modernes qui ont concouru en France à former la Science de l'Economie politique“, въ извлеченияхъ перепечатано въ Oeuvres de Quesnay стр. 145 ff.

²⁾ Стр. 338.

³⁾ Oeuvres de Quesnay, стр. 216.

Задача хозяйственной политики должна заключаться въ томъ, чтобы «régler l'agriculture par l'activité du commerce»¹⁾, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, где обезцѣнились (*non valeur*) средства къ существованію.

Если мы посмотримъ, какъ относится въ своемъ «Eloge» Тюрго къ этому противорѣчію мы снова увидимъ нечто удивительное. Въ первой половинѣ «Eloge» онъ совершенно правильно характеризуетъ отношеніе Гурнэ къ этому вопросу. Онъ говоритъ: «Il pensait qu'un ouvrier qui avait fabriqué une pi  ce d'etoffe avait ajout   la masse des richesses de l'Etat une richesse r  elle»²⁾ и далъже перечисляетъ, также въ духѣ Гурнэ, «richesses r  elles» государства: «les produits annuels de ses terres et de l'industrie de ses habitants». По поводу этого взгляда позднѣйшій издатель сочиненій Гурнэ Е. Daire замѣтилъ, что его трудно согласовать съ требованіемъ Гурнэ, обложить налогомъ исключительно землю³⁾; Кэнэ въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Дера, гораздо послѣдовательнѣе. Мы однако уже знаемъ, что упрекъ Гурнэ въ данномъ случаѣ несправедливъ, такъ какъ онъ никогда и не предлагалъ единаго налога.

Тюрго видимо сознавалъ, что его изложеніе страдаетъ неточностью, и онъ попытался вывернуться, прибѣгнувъ къ приему, набрасывающему тѣнь на его добросовѣтность даже въ томъ случаѣ, если предположить, что его «Eloge» не предназначались для публики: онъ старался искусственнымъ образомъ затушевать противорѣчіе фразой: «La finance est n  cessaire, puisque l'Etat a besoin de revenus; mais l'agriculture et le commerce sont, ou plut  t l'agriculture anim  e par le commerce est la source de ces revenus»⁴⁾. Дарь полагаетъ, что такое толкованіе уничтожаетъ совершенно противорѣчіе⁵⁾. На самомъ дѣлѣ, однако, трудно себѣ представить большее догматическое противорѣчіе, чѣмъ то, которое заключается въ обѣихъ половинахъ фразы: «l'agriculture et le commerce sont la source de ces revenus» и «l'agriculture anim  e par le commerce est la source de ces revenus». Въ этихъ двухъ половинахъ фразы мы встречаемся съ двумя совершенно различными экономическими системами; Тюрго долженъ былъ быть въ этомъ отношеніи болѣе осведомленъ, чѣмъ кто бы то ни было, такъ какъ самъ принималъ участіе въ принципіальномъ спорѣ, завязавшемся въ 1765—66 гг. между школой Кэнэ и правымъ крыломъ школы Гурнэ (Форбоннэ, Монтодуэнъ и др.) какъ разъ по этому вопросу; споръ велся съ такой горячностью, что Дю Понть де Немуръ

1) Тамъ-же, стр. 241.

2) Daire. Oeuvres de Turgot, стр. 286.

3) Тамъ же, стр. 279, примѣч.

4) Тамъ же, стр. 278 ff.

5) Idem, стр. 273. прим.: „On verra un peu plus loin qu'il semble s'etre aper  u de cette erreur, et qu'il a pris a tâche de mettre son langage en harmonie avec sa doctrine“.

потерялъ мѣсто редактора въ полуофиціальномъ органѣ физіократовъ «Journal de l'Agriculture, du Commerce et des Finances», послѣ чего Baudouin предоставилъ въ его распоряженіе свои «Ephémérides du Citoyen». Такія событія не проходять незамѣченными, если же, несмотря на это, Du Poncъ, полвѣка спустя говоритъ въ своемъ примѣчаніи къ «Eloge de Gournay» о «deux écoles fraternelles», не зналъ разногласій (утвержденіе, во всякомъ случаѣ оспариваемое гр. д'Альбономъ), то мы можемъ только подивиться скверной памяти Du Pona и пожалѣть о томъ, что его «Notice sur les Economistes» позднѣе овладѣла традиціей.

Но и на Тюрга нельзя положиться. Онъ вполнѣ сознательно — это не подлежитъ никакому сомнѣнію — затушевываетъ принципіальное разногласіе между школой Кэнэ, смотрѣвшей на торговлю какъ на отрасль земледѣлія, и Гурнэ и его школой (въ особенности Форбоннѣ¹), признававшими земледѣліе равноправной отраслью торговли. Безъ сомнѣнія, имъ руководили наиболѣйшимъ намѣреніемъ въ его стремленіи приписать своему другу Гурнэ тѣ мысли, которыя ему самому впослѣдствіи казались правильными. Но ему пришлось пренебречь исторической правдой, вслѣдствіе чего исторія возникновенія физіократической системы оказалась до такой степени искаженной, что лишь съ большимъ трудомъ можно восстановить истину.

Намъ остается еще познакомиться со взглядомъ Гурнэ на отношеніе государства къ отечественной промышленности. Въ этомъ вопросѣ Тюрга ближе всего къ дѣйствительности. Вся школа, включая и Гурнэ, сходится на томъ, что во внутренней торговлѣ должна господствовать неограниченная свобода конкуренціи. Эта мысль особенно ярко выражена въ «Considérations sur le commerce et en particulier sur les Compagnies, Sociétés et Maîtrises»²), написанныхъ Cliquot de Blervache подъ вліяніемъ Гурнэ. «L'intérêt et la concurrence», по его мнѣнію, нѣсколько разъ повторяемому, «sont les deux agents les plus puissants du commerce»³). Онъ находитъ, что они обладаютъ большей силой и представляютъ собой болѣе дѣйствительное средство, чѣмъ какіе бы то ни было регламенты и инспекція. Особенно враждебно Гурнэ относился къ ремесленнымъ цехамъ. Онъ предлагалъ замѣнить ихъ свободными промысловыми ассоціаціями съ правомъ безпрепятственного

¹) Форбоннѣ, какъ уже указано, опредѣляетъ торговлю въ своихъ *Eléments du Commerce I*, chap I слѣд. образомъ: *L'agriculture, les manufactures, les arts libéraux, la pêche, la navigation, les colonies, les assurances et le change forment huit branches du commerce*. Здѣсь, слѣдовательно, земледѣліе рассматривается какъ отрасль торговли.

²) Статья эта была написана для конкурса, объявленного Аміенской Академіей. Гурнэ, будучи членомъ академіи, самъ предложилъ эту тему.

³) Подробные выдержки изъ сочиненій Cliquot de Blervache мы находимъ въ книгѣ *J. de Vroil, Etude sur Cliquot de Blervache*, 1870.

вступлениі и выхода изъ нихъ. Главное зло цеховъ состояло, по его мнѣнію, въ томъ, что, подобно государственнымъ учрежденіямъ для надзора за промышленностью, они вели за собой различные платежи и монополіи, способствовавшіе вздорожанію изготовленныхъ товаровъ, и такимъ путемъ уменьшали способность конкуренціи съ иностранной, болѣе независимой промышленностью. Однако, онъ не требуетъ совершенного упраздненія регламентовъ касающихся ремесленного производства. Они могутъ быть сохранены какъ поучительная инструкція; онъ ничего не имѣеть и противъ того, чтобы сохранить въ ограниченномъ количествѣ и инспекторовъ, измѣнивъ только ихъ назначеніе; вмѣсто того, чтобы отягощать производство, они, по его мнѣнію, обязаны просвѣщать промышленность въ ея же интересахъ, знакомить ее съ новыми способами производства, однимъ словомъ взять на себя роль странствующихъ учителей. Такъ какъ главнымъ препятствиемъ къ упраздненію цеховъ служатъ ихъ долги, онъ предлагаетъ тщательно разработанный проектъ погашенія ихъ; этотъ проектъ служилъ, повидимому, образцомъ для позднѣйшаго указа Тюрга относительно «Suppression des Jurandes» изданного въ февралѣ 1776 г. Гурнэ проводилъ свои идеи не только въ литературѣ; и въ своей административной дѣятельности онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ чтобы провести ихъ въ жизнь. Шелле¹⁾ нашелъ въ Ліонскихъ архивахъ письмо Гурнэ къ тамошней торговой палатѣ, въ которомъ онъ возстаетъ во имя «des principes g n eraux du commerce qui sont de m me pour tout l'univers» противъ ограничений и монополий корпораций.

Въ мемуарахъ Маркиза д'Аржансонъ отъ 17 апр. 1755 мы находимъ слѣдующую замѣтку: «Я долго бесѣдовалъ съ главнымъ контролеромъ финансовъ, г-номъ de Sechelles. Меня очень радуетъ его стремленіе, которое я въ немъ замѣчаю съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится на службѣ, дать торговлѣ большую свободу. Ему доставляетъ удовольствіе слушать г-на Гурнэ, идущаго въ этомъ отношеніи еще дальше и умѣющаго удивительно отстаивать свои убѣжденія. Г-нъ де Сешель говоритъ, что Гурнэ доходитъ до того, что требуетъ упраздненія всѣхъ цеховъ (jurandes), т.-е. всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ обществъ и свободного доступа всѣмъ къ ремесламъ. Я это вполнѣ одобряю». Изъ этого отрывка ясно, что д'Аржансонъ и Гурнэ до того времени еще не были знакомы. Такъ какъ вскорѣ послѣ этого (въ январѣ 1757 г.) д'Аржансонъ умеръ, не оставивъ больше никакихъ замѣтокъ въ своихъ мемуарахъ, то мы можемъ предположить, что они вообще не познакомились другъ съ другомъ. Однако, если Тюрга снова рассматриваетъ этотъ принципъ невмѣшательства государства во вну-

¹⁾ „Vincent de Gournay“. Кар. V, VI и VII. О движении противъ фабричныхъ инспекторовъ, ср. произвед. *L on Biollay, Le Pacte de Famine*, 1785. Partie II, chap. III.

треннюю жизнь народного хозяйства какъ абсолютное правило—«le commerce doit aller tout seul»¹⁾), то онъ снова преувеличиваетъ. Въ программѣ работы, которую Гурнэ составилъ для «Société d'agriculture, du commerce et des arts»²⁾, основанной имъ со своимъ ученикомъ Мондуэномъ въ концѣ 1756 г. въ Ренни; для Бретани, онъ идетъ такъ далеко въ предложеніяхъ оказывать поддержку отдельнымъ предпріятіямъ путемъ субсидій и тому подобныхъ поощреній, что о безусловной самостоятельности народного хозяйства говорить не приходится. Всѣ эти предложенія носятъ явный отпечатокъ протекціонизма. Правда, Тюрга даѣе нѣсколько ограничиваетъ свое утвержденіе. Въ Eloge³⁾ онъ говоритъ, что Гурнэ все же не доходитъ до того, чтобы отрицать всякое значеніе нѣкоторыхъ премій и льготъ для отдельныхъ промышленниковъ, частью для вознагражденія ихъ за изобрѣтенія, частью для побужденія ихъ къ усовершенствованіямъ, и полагаетъ, что «ces moyens sont souvent utiles pour hâter la marche naturelle». Однако, этимъ онъ впадаетъ въ противорѣчіе со своимъ же изложеніемъ, ибо физіократы отрицали всякую возможность искусственного ускоренія естественного хода вещей. Подобныя средства, согласно ихъ ученію, или излишни, или же вредны, въ обоихъ случаяхъ не имѣтъ смысла къ нимъ прибѣгать. Особенно же они возставали противъ поощренія изобрѣтеній, которое отстаивалъ Гурнэ. Слѣдовательно, въ своемъ пониманіи свободной конкуренціи, Гурнэ существенно расходится съ школой Кэнэ и самимъ Тюрго.

Однако, государственное невмѣшательство, по мнѣнію парижскаго интенданта торговли, не должно распространяться на оборотъ дѣйствительной субстанціи производственной жизни—кредитный оборотъ капиталовъ, точнѣе выражаясь, *vзиманіе процентовъ*. Еще этотъ вопросъ необходимо разсмотрѣть самостоятельно. Намъ известно, что главную мысль «Discourse'a» Чайльда составляетъ положеніе, что наиболѣшимъ способомъ удрочить торговый балансъ является пониженіе процента; этимъ путемъ промышленность получаетъ возможность дешево доставать капиталы, слѣдовательно удешевить производство и побивать иностраннную конкуренцію низкими цѣнами. Чайльдъ ставить вопросъ, слѣдуетъ ли предоставить процессъ пониженія процента самому себѣ, или же слѣдуетъ ускорить его законодательными мѣропріятіями. Послѣ продолжительного разсмотрѣнія этого вопроса, онъ приходитъ къ заключенію, что слѣдуетъ понижать размѣръ процента въ законодательномъ порядкѣ⁴⁾, ибо низкій размѣръ процента составляетъ причину, а не

¹⁾ Eloge, стр. 278.

²⁾ Эти „Observations sur l'agriculture, le commerce et les arts de la Bretagne“ написанныя Гурнэ, перепечатаны въ „Corps d'observations de la Société d'agriculture, du commerce et des arts, établie par les Etats de Bretagne“, Rennes, изданномъ секретаремъ общества Аббѣлемъ въ 1760 г.

³⁾ Eloge стр. 279.

⁴⁾ Стр. 131 перевода Гурнэ.

слѣдствіе національнаго богатства; какъ примѣръ онъ приводитъ Англію, гдѣ развитіе торговли всегда слѣдовало за закономъ, понижавшимъ размѣръ процента: «je dis suivi, et non pas précédent, la cause allant toujours avant l'effet». Онъ согласенъ съ тѣмъ, что всякий законъ, идущій противъ природы, остается безъ результата, «mais je n'ai jamais ouï dire qu'il fût contre la raison d'aider à la nature»¹⁾.

Если бы Гурнэ не раздѣлялъ этого основного взгляда Чайльда, что нужно помогать природѣ, онъ бы никогда не могъ назвать его «une espèce de corps de sa doctrine», на что указалъ самъ Тюрго. Во всякомъ случаѣ онъ оговорилъ бы свое несогласіе, какъ онъ сдѣлалъ это въ одномъ изъ примѣчаній, находящихся въ концѣ, относительно двухъ другихъ пунктовъ. Между тѣмъ, мы имѣемъ прямое доказательство тому, что Гурнэ придавалъ особенное значеніе пониженію процента законодательнымъ путемъ. Въ своихъ разсужденіяхъ Чайльдъ ссылается на французскій законъ, который онъ приводить дословно, принудительно понизившій проценты съ 8—10 до $6\frac{1}{4}\%$. Гурнэ выхватываетъ этотъ законъ изъ своего мѣста и ставитъ его, въ видѣ программы, во главѣ своего перевода, непосредственно послѣ «Introduction». Та же мысль проводится и во всѣхъ сочиненіяхъ его школы. Особенно же ярко она выражена въ одной изъ работъ Cliquot de Blervache, возникшей такимъ же путемъ какъ и его «Considérations». Она озаглавлена «Dissertation sur les effets que produit le taux de l'argent sur le commerce et l'agriculture» (1755). Эта работа также написана на конкурсъ, объявленный академіей наукъ въ Аміенѣ, и тема, какъ и тогда, предложена Гурнэ²⁾. Ссылаясь на переводъ Чайльда, Cliquot говоритъ, что самымъ полезнымъ закономъ для государства является такой законъ, «qui réduirait successivement l'argent au prix où il est réduit chez nos voisins», и далѣе: «Cette loi est d'autant plus nécessaire que l'esprit de la nation ne tendra jamais, sans le secours du législateur, à procurer cette réduction»³⁾.

Мы вправѣ предположить, что Гурнэ, входившій въ жюри, предложившій эту тему съ цѣлью пропаганды, врядъ ли пропустилъ бы эту ссылку, если бы она противорѣчила его взглядамъ. Что же сообщаетъ намъ Тюрго на этотъ счетъ? Снова нѣчто совершенно противоположное. Сообщивъ, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ развитію отечественной промышленности Гурнэ считаетъ высокій процентъ, онъ продолжаетъ: «Mais il croyait aussi que le commerce des capitaux, dont le prix est l'intérêt de l'argent, ne peut être amené à régler ce prix équitablement, avec toute l'économie nécessaire, que, comme tous les autres commerces, par la concurrence et la liberté r  iproque, et que le

¹⁾ Тамъ-же, стр. 179.

²⁾ Schelle, Vincent de Gournay, p. 125.

³⁾ См. выдержки у Vrol a. a. O., S. 18.

gouvernement ne saurait y influer utilement qu'en abstenant... de proposer des lois, dans le cas où les conventions peuvent y suppléer»¹⁾. Даже если видеть въ заключительныхъ словахъ «dans les cas où les conventions peuvent y suppléer» скрытую оговорку, съ изложениемъ никоимъ образомъ нельзя согласиться, такъ какъ Чайльдъ и Гурнэ требуютъ законодательного вмѣшательства независимо отъ того, имѣеть частный кредитный оборотъ тенденцію къ пониженію процентовъ или иѣть.

Правда, недавно Тюрго нашелъ поддержку въ Шелле, который опубликовалъ остававшееся неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ письмо Гурнэ къ позднѣйшему министру Шуазель, бывшему въ то время французскимъ посломъ въ Римѣ; по мнѣнию Шелле письмо это подтверждаетъ взгляды Тюрго²⁾. Въ этомъ письмѣ Гурнэ проситъ посла, чтобы онъ содѣйствовалъ упраздненію изданнаго папой подъ вліяніемъ казуистовъ церковнаго запрета взимать проценты. Отъ этого закона болѣе всего пострадали католическія страны. Всѣ капиталы стекаются въ протестантскія страны, гдѣ разрѣшено взимать проценты; съ увеличивающимся предложеніемъ капитала становятся дешевле, и такимъ образомъ въ международной конкуренціи увеличивается благосостояніе народовъ за счетъ католиковъ. Все это зло проистекаетъ якобы изъ того, что «nos casuistes n'ont point connu la nature du commerce» и также плохо сознаютъ зависимость, которая существуетъ между обработкой почвы, ростомъ населенія и высотой процента. Послѣдній же наиболѣе понижается въ странахъ, гдѣ имѣется наибольшее количество заемщиковъ. Отсюда Шелле заключаетъ, что Гурнэ, согласно съ показаніями Тюрго, отстаиваетъ принципъ *абсолютной* свободы въ взиманіи процентовъ, хотя письмо проникнуто ярко меркантилистическимъ духомъ. Однако Шелле плохо разбирается въ письмѣ. Гурнэ возстаетъ лишь противъ *запрета* процентовъ, какъ его требовали казуисты, но не противъ регулированія ихъ законодательнымъ путемъ, какъ скоро они допущены. Снятіе запрета съ отдачи денегъ въ ростъ отнюдь не означаетъ полной свободы кредитныхъ отношеній; напротивъ, какъ намъ извѣстно, съ отменой запрета, всѣ его противники, также и въ протестантскихъ странахъ, требовали взамѣнъ того правительственного вмѣшательства. Такъ поступили Чайльдъ и Суллерег, равно какъ и большинство остальныхъ меркантилистовъ. Впервые только физіократы, а среди нихъ, главнымъ образомъ, Тюрго и Дю Понъ стали оспаривать законность процентныхъ ограниченій, причемъ они шли въ разрѣзъ со своимъ учителемъ Кэнэ, который подобно Адаму Смиту былъ сторонникомъ процентнаго законодательства. Такимъ образомъ письмо Гурнэ къ Шуазелю отнюдь не говорить въ пользу Тюрго. Напротивъ,

1) „Eloge“, Daire, стр. 277.

2) a. a. O., S. 180. f.

того, оно можетъ служить лишнимъ доказательствомъ въ общемъ меркантилистической основы воззрѣй Гурнэ, которую мы нашли въ другихъ вопросахъ. Впрочемъ, Шелле незамѣтно для себя впадаетъ въ этомъ вопросѣ въ противорѣчіе и съ самимъ собой: онъ указываетъ, что дальнѣйшее изложеніе взглядовъ Гурнэ можно найти въ работахъ его друзей Дангейля, Клико де Блервашъ, Тюрго¹⁾. Между тѣмъ, Дангейль и Клико де Блервашъ утверждаютъ какъ разъ обратное тому, что имъ приписываетъ Шелле. Такимъ образомъ, дѣло обстоитъ не такъ, потому что показаніе Тюрго, какъ опровергнутое, нельзя принимать во вниманіе.

Гурнэ и его школа почти не затрагиваютъ вопроса о деньгахъ, которому обыкновенно въ меркантилистической литературѣ посвящались столь обширныя разсужденія. Тамъ, гдѣ они касаются этого вопроса, они стоять, въ общемъ, на точкѣ зрѣнія Монтескье. У Дангейля, у которого подробное изложеніе всѣхъ основныхъ экономическихъ вопросовъ доходитъ почти до подробности учебника, мы находимъ слѣдующія положенія: «Les richesses sont les terres fertiles, les manufactures et le commerce; l'or et l'argent en sont la fruit»²⁾. Даѣше говорится о народахъ «qui ont pris l'or et l'argent pour signe ou mesure communes de leurs richesses». Болѣе подробнаго изложенія этого вопроса нѣтъ.

Въ отношеніи общей политики Гурнэ былъ сторонникомъ просвѣщенного абсолютизма. Этимъ онъ довольно рѣзко отличается отъ своихъ учителей Чайльда и де Витта (въ работѣ *de la Court*), которые считали республиканскую форму правленія наиболѣе благопріятной для торговли. Въ концѣ своего перевода Чайльда, Гурнэ дѣлаетъ примѣчаніе къ главѣ о колоніяхъ. Въ немъ говорится³⁾: «Изъ страницъ 402 и 403 ясно видно, что Чайльдъ былъ сторонникомъ распространенного въ его время взгляда, что монархіи менѣе пригодны для торговли чѣмъ республики. Однако ошибочность этого взгляда какъ нельзя лучше доказываютъ наши собственные успѣхи, успѣхи Датчанъ, Пруссіи и Неаполя и т. д.». Даѣствительно, излагается дальше, республики раньше монархій стали охранять интересы торговли, такъ какъ купцы могли оказывать давление на правительство. Теперь же, когда духъ торговли занялъ повсюду первое мѣсто и пересталъ быть «chose accessoire et subalterne», напротивъ того, даже разсматривается, какъ «la vraie source des richesses et de la puissance» (неправда ли, физіократическій взглядъ?), монархіи, конечно, могутъ легче способствовать развитію торговли чѣмъ республики, ибо первыя лучше вооружены въ борьбѣ съ препятствіями, стоящими на пути его.

Еще въ одномъ вопросѣ Гурнэ дѣлаетъ подобную оговорку, при-

¹⁾ а. а. О., стр. 184.

²⁾ а. а. О., С. 343.

³⁾ Стр. 436, примѣч.

тому уже въ предисловіи къ переводу. Онъ доволенъ, что Англія, вполнѣ правильно взявъ, повидимому, въ основаніе своей политики положенія Чайльда, причемъ особое значеніе Гурнэ придаетъ пониженню размѣра процентовъ¹⁾, не послѣдовала Чайльду въ одномъ важномъ вопросѣ. Въ то время, какъ Чайльдъ предлагаетъ разрешить рыболовство на берегу ново-англійскихъ колоній только англичанамъ, правительство разрѣшило рыболовство и колонистамъ. Такимъ путемъ оно какъ бы создало себѣ новый флотъ въ новомъ свѣтѣ, что не можетъ не послужить къ благу Англіи. Эти примѣчанія имѣютъ для насть большое значеніе потому, что даютъ право предположить, что переводчикъ согласенъ со всѣми тѣми положеніями, относительно которыхъ онъ не сдѣлалъ оговорки. То же заключеніе можно вывести и изъ послѣдней фразы предисловія, гдѣ говорится по поводу книги, что она содержитъ въ себѣ «de l'aveu des Nations les plus commerçantes, les meilleurs principes que l'on connaisse en fait de Commerce».

Мы закончили наше изслѣдованіе о Гурнэ; вернемся теперь къ тѣмъ вопросамъ, которые мы себѣ поставили въ началѣ: къ вопросу о происхожденіи формулы «laisser faire et laissez passer» и къ вопросу объ участіи Гурнэ въ созданіи физіократической системы.

Относительно первого вопроса я уже высказалъ слѣдующее мнѣніе въ своемъ сочиненіи о происхожденіи и развитіи этого положенія: ввиду опредѣленного указания маркиза Мирабо на свиданіе съ Гурнэ нѣть никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что Гурнэ высказывалъ это положеніе; но что авторство его возможно, въ крайнемъ случаѣ, только по отношенію ко второй половинѣ, ибо первая часть была известна уже раньше и, наконецъ, что формула получила у физіократовъ гораздо болѣе распространенное и опредѣленное значеніе, чѣмъ того могъ желать тотъ, съ чимъ именемъ ее связывали²⁾). Полагаю, что мнѣ удалось доказать правильность моего взгляда³⁾). Какое же значеніе придавалъ Гурнэ словамъ «laissez passer» и вообще всей формулы?

Прежде всего нужно замѣтить, что вся формула цѣликомъ не встрѣ-

¹⁾ C'est encore en suivant les principes de cet Auteur, qu'il a tenté à diverses reprises de réduire l'intérêt de l'argent, et qu'il y a réussi. Avertissement VII.

²⁾ а. а. О, С. 119.

³⁾ Болѣе подробное обоснованіе я отложилъ до отдельной монографіи, подъ названіемъ „Мнимый физіократъ И. К. Винцентъ де Гурнэ, его сочиненія и его положеніе въ политической экономіи“. По независимымъ отъ меня причинамъ рукопись не была напечатана. Тѣмъ временемъ меня предупредилъ Шелле и обнародовалъ въ своей работѣ „Vincent de Gournay“ 1897, собранный мною въ Archives Nationales въ Парижѣ административный материалъ. Теоретическихъ вопросовъ, однако, Шелле почти не затрагиваетъ. Все предыдущее изслѣдованіе, составляющее выдержку изъ моей рукописи, можетъ восполнить этотъ пробѣлъ. Въ виду этого я считаю теперь излишнимъ самостоятельное изданіе этой рукописи, для которой по сіе времена не находилось издателя.

чается, какъ это удостовѣряетъ и Шелле, ни въ сочиненіяхъ Гурнэ, ни у его учениковъ. Также и первая ся половина встрѣчается лишь у Тюрго въ его «*Eloge de Gournay*», гдѣ онъ говоритъ: «On sait le mot de M. Le Gendre à M. Colbert: laissez-nous faire»¹). Онъ не говоритъ вполнѣ опредѣленно, что и Гурнэ признавалъ эту формулу но подобное заключеніе нетрудно вывести изъ его сочиненія. Подобное же мѣсто можно найти въ его статьѣ: «*Fondation*» (1756), написанной для большой энциклопедіи еще во время его личнаго обиженія съ интендантомъ торговли. Указавъ на то, что люди сами въ достаточной мѣрѣ заинтересованы въ своемъ благѣ, и не нуждаются въ томъ, чтобы имъ его навязывали, онъ говоритъ: «laissez les faire, voilà le grand et unique principe». Въ данномъ случаѣ иѣтъ опредѣленной ссылки Гурнэ. Но въ статьѣ «*Foires et Marchés*», надъ которой онъ одновременно работалъ, говорится о «magistrat citoyen auquel nous devons la traduction de Child et auquel la France devra peut-être un jour la destruction des obstacles que l'on a mis aux progrès du commerce en voulant le favoriser».

И у Тюрго ни разу не встрѣчаются слова «*laissez passer*». Намекъ на эту фразу я нахожу въ прибавлениіи къ книгѣ Дангейля (1753), озаглавленной «*Essai sur la police générale des grains*». Она представляетъ собой первоначальное, позднѣе переработанное и самостоятельно изданное сочиненіе Herbert'a. Въ ней говорится по поводу торговли хлѣбомъ и неудобствъ, возникшихъ изъ за запрещенія вывоза хлѣба: «Il n'y a d'autre moyen de prévenir ces désordres, que de *laissez passer notre superflu au dehors*»²). Мы знаемъ, что и для Гурнэ, и для Гербера это не означаетъ абсолютной безпошлининости обмѣна. Здѣсь имѣется въ виду, какъ уже у Буагильбера, торговая политика въ духѣ англійского хлѣбного закона (1689), а именно, какъ уже раньше упомянуто, въ родѣ позднѣе введенной «скользящей шкалы». Самъ Герберъ въ изданномъ имъ самостоятельно годомъ позднѣе (1754) *Essay* говоритъ: «Il ne faudrait d'autre Police, que de hausser ou baisser les droits à propos, sans aucune défense ou permission pour l'entrée, ni pour la sortie»³). Другими словами на мѣсто системы запретовъ съ одной и привилегій съ другой стороны, должна быть введена система общихъ покровительственныхъ пошлинъ. Таково содержаніе, которое Гурнэ и его школа, въ согласіи съ Мелономъ и Монтескье вкладываютъ въ понятіе свободу торговли. Такимъ образомъ эта формула не означаетъ для нихъ какъ для д'Аржансона, и позднѣе для физіократовъ и нашего современного манчестерства «свободнаго подобно воздуху и водѣ» перехода товаровъ черезъ границу и полнаго невмѣшательства во

¹⁾ *Daire, Oeuvrs de Turgot*, t. I, стр. 288.

²⁾ Стр. 452.

³⁾ Стр. 178 изданія 1757 г.

внутреннее производство. Лозунгъ «liberté et protection», употреблявшійся ими столь часто и встречающейся уже у Кольбера, который, съ точки зреінія крайнихъ сторонниковъ свободной торговли, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, направленъ лишь противъ монополій и запретительныхъ мѣръ.

Въ общемъ, можно считать, что Гурнэ и его школа занимали среднее положеніе между тогдашнимъ радикальнымъ національно-экономическимъ теченіемъ, представителями котораго были главнымъ образомъ д'Аржансонъ и Мирабо, и консервативнымъ, хотя реформистскимъ направленіемъ, во главѣ съ Мелономъ и Монтескье.

Этимъ мы отвѣтили и на второй вопросъ, вопросъ о мнимомъ соучастіи въ созданіи физіократической доктрины. Такъ какъ Гурнэ является предшественникомъ Кэнэ, то собственно ему, какъ утверждаютъ некоторые, принадлежитъ право первенства въ созданіи не только физіократического ученія, но вообще политической экономіи какъ науки. Однако, обѣ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Хотя Шелле и говоритъ постоянно о Гурнэ, какъ обѣ одномъ изъ «fondateurs de l'économie politique», онъ не приводитъ въ доказательство этого положенія ничего кромѣ «Eloge de Gournay» Тюрго, относительно котораго онъ самъ сознается, что «il n'est pas absolument certain que cette doctrine appartient entièrement à Gournay», а не заключаетъ въ себѣ много собственныхъ мыслей Тюрго. Однако, такъ какъ, по его мнѣнію, истину восстановить невозможно, Шелле беретъ Eloge какъ онъ есть и видитъ въ немъ «un admirable exposé de doctrine». Шелле протестуетъ противъ взгляда Malesherbes¹⁾, котораго многіе считаютъ ученикомъ Гурнэ и который утверждалъ, что Гурнэ не далъ собственно ничего новаго, а лишь требовалъ примѣненія тѣхъ принциповъ, «sur lesquels nombre de citoyens s'expliquaient tous les jours en société». По мнѣнію Шелле, это слишкомъ низкая оценка. Однако, Тюрго говоритъ совершенно то же въ своемъ Eloge: «il ne pensait nullement à faire un système nouveau»²⁾. Нельзя не согласиться съ Шелле, что если тѣ взгляды, которые Тюрго въ своемъ Eloge приписываетъ своему другу Гурнэ, въ самомъ дѣлѣ ему принадлежали, то дѣло шло дѣйствительно о новой теоріи и Тюрго проявилъ излишнюю застѣнчивость по отношенію къ заслугамъ своего друга. Но Тюрго, противъ обыкновенія, вышеприведенной фразой сказалъ сущую правду.

Гурнэ дѣйствительно не имѣлъ собственного ученія. Онъ сознательно распространялъ только тотъ запасъ идей, который онъ извлекъ изъ иностраннѣхъ либерально-меркантилистическихъ сочиненій. Оригинальностью отличалось не его ученіе, а его способъ пропаганды. Онъ основывалъ школу изъ молодыхъ чиновниковъ, чтобы такимъ образомъ вве-

¹⁾ А. а. О., С. 198.

²⁾ Daire, 280.

сти новый духъ въ управлениі торговлей, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался литературной агитацией заинтересовать общественное мнѣніе экономической жизнью. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ онъ и былъ предшественникомъ физіократовъ; что касается доктрины, то между нимъ и физіократами нѣтъ ничего общаго. Для этого ему не доставало, главнымъ образомъ, философскаго образа мысленія Кэнэ. Тюрго, правда, старается приписать своему герою и это достоинство, но не удачно. Гурнѣ былъ по происхожденію купцомъ, подобно Чайльду, и его кругозоръ ни въ какомъ отношеніи не былъ шире кругозора послѣдняго.

Можемъ ли мы, однако, считать результатъ нашего обширнаго разслѣдованія о Гурнѣ — отрицательнымъ? Ни въ коемъ случаѣ. Во-первыхъ, оно дало поводъ вернуться къ разсмотрѣнію основныхъ принциповъ меркантильной системы, заканчивающей свое существованіе съ Гурнѣ и его школой; во-вторыхъ, благодаря ему мы имѣли возможность бросить взглядъ на новыя идеинія теченія. Мы изучили почву, на которой выросла политическая экономія, какъ наука, и очистили ее отъ сознательныхъ или безсознательныхъ попытокъ отнять вполнѣ или отчасти заслугу основанія науки у ея истиннаго родоначальника и приписать ее тому, кто никогда и не притязалъ на подобную роль. Физіократическая система создана однимъ учителемъ, а не многими, и этотъ одинъ былъ — *Франсуа Кэнэ*.

Конецъ книги первой.

КНИГА ВТОРАЯ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАКЪ НАУКА.

ФИЗЮКРАТЫ.

КНИГА ВТОРАЯ.

НАЦІОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМІЯ, КАКЪ НАУКА.

Глава I. Система фізіократовъ.

§ 1. Франсуа Кэнэ, его жизнь и дѣятельность.

Никто не станетъ спорить противъ того общаго положенія, что соціальныя теоріи слѣдуетъ объяснять условіями ихъ вѣка. Можно пойти дальше и утверждать, что на ихъ возникновеніе имѣютъ вліяніе личныя свойства ихъ основателей и потому для полнаго пониманія слѣдуетъ принять во вниманіе и эти послѣднія. Несомнѣнно, извѣстное значеніе имѣло то обстоятельство, что первый экономистъ, выдвинувшій систему, построенную естественно-научнымъ методомъ, для леченія болѣзняного состоянія общества, былъ врачомъ. Даѣте, большої вопросъ, принялъ ли онъ за разработку этой проблемы съ такимъ же рвениемъ, если бы онъ самъ не жилъ при дворѣ и не усвоилъ бы такимъ путемъ ясный взглядъ на всѣ недостатки французского государственного строя.

И фізіократія имѣетъ свой періодъ развитія. Утвержденіе позднѣйшей школы, что эта система вышла совершенно законченной изъ головы ея основателя, какъ Минерва изъ головы Юпитера, не подтверждается подробнымъ изслѣдованіемъ. Это вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что процессъ развитія совершился только въ головѣ Кэнэ. Ни одинъ изъ его учениковъ не принималъ въ этомъ участія. Это обстоятельство требуетъ удѣленія особаго вниманія біографіи этого дѣятеля.

Франсуа Кэнэ родился 4 июня 1694 г. восьмымъ изъ 13 дѣтей землевладѣльца Николая Кэнэ и его супруги Луизы Жиру (Giroux), въ деревнѣ Méré около Monfort l'Amaury (Arrondissement Rambouillet). Утвержденіе, что его отецъ былъ адвокатомъ, высказанное секретаремъ французской академіи Grand-Jean de Foucay и графомъ д'Альбонъ въ «Eloges de Quesnay»,¹⁾ оказалось при болѣе близкомъ ознакомленіи съ

¹⁾ „Eloges de Quesnay“ переизданы мною въ моемъ изд. „Oeuvres de Quesnay“ Part. I, Francfort et Paris 1888.

церковными книгами и архивами местныхъ учрежденій, такимъ же неосновательнымъ, какъ и предположеніе, что онъ былъ единственнымъ ребенкомъ у родителей. Еще въ дѣтствѣ онъ потерялъ своего отца и былъ предоставленъ самому себѣ. Говорятъ, что онъ выучился читать въ 11-ти лѣтнемъ возрастѣ при содѣйствіи помощника садовника и притомъ—что достойно упоминанія—на стихотвореніи *Lébault* «La maison rustique», въ которомъ уже находятся въ зародыши вѣкоторые основные положенія будущей «экономической» науки. Пытливый умъ Кэнэ толкнулъ его сначала въ другую сторону. Противъ желанія матери онъ 16^{1/2} лѣтъ поступилъ въ ученіе къ неизвѣстному врачу-хирургу, поселившемуся въ сособѣніи мѣстечкѣ. Здѣсь онъ остался, однако, лишь одинъ годъ, былъ посланъ послѣ того (въ 1711 г.) въ Парижъ, съ согласія матери, и отданъ на 5 лѣтъ въ ученіе къ извѣстному тогда граверу *Pierre de Rochefort*. Изъ этого періода для насть многое неясно. Говорятъ, что онъ въ это время слушалъ также лекціи по медицинѣ и естественнымъ наукамъ и посѣщалъ практическія занятія по хирургіи при хирургической академіи *de St. Côme*¹). Достовѣрно лишь то, что по окончаніи ученія Кэнэ поселился въ городѣ *Mantes* (1717) не въ качествѣ гравера, а какъ хирургъ. Незадолго до этого онъ женился на Екатеринѣ Дофэнѣ, (*Dauphins*), дочери одного парижскаго купца.

Его слава, какъ хирурга и акушера, быстро возрастила и открыла ему доступъ въ высшее общество, между прочимъ въ замокъ Мантенонъ, принадлежавшій маршалу герцогу Ноэльскому. Въ его салонѣ онъ встрѣтился съ двумя знаменитѣшими хирургами Франціи, *La Peyronie* и *Garengeot*. Въ связи съ этимъ знакомствомъ созрѣлъ его первый трудъ, «Observations sur les effets de la saignée» (1730), въ которомъ онъ опровергаетъ надѣлавшее много шума сочиненіе королевскаго лейбъ-медика Сильва о кровопусканіи и предостерегаетъ отъ увлеченія этимъ средствомъ. Этотъ трудъ вызвалъ его избрание на должность секре-таря и учителя парижской «Academie de Chirurgie», основанной *La Peyronie* въ 1731 г. Всѣдѣствіе этого онъ скоро переселился въ Парижъ, сдѣлавшись вѣдѣстѣмъ лейбъ-хирургомъ герцога *de Villeroi*. Незадолго до этого умерла въ Мантѣ его жена. Изъ его трехъ дѣтей остались въ живыхъ мальчикъ и девочка. Въ 1743 г. онъ издалъ первый томъ мемуаровъ хирургической академіи, въ которыхъ онъ помѣстилъ, кромѣ специальныхъ статей, извѣстное предисловіе. Въ немъ онъ говорить о методѣ хирургической науки, причемъ одинаково

¹) Объ этомъ и о дальнѣйшихъ сообщеніяхъ см. мою статью: „Zur Biographie des Stifters der Physiokratie, F. Quesnay“ и „Entstehen und Werden der physiokratischen Theorie“ въ „Vierteljahrsschrift für Staats-und Volkswirtschaft, herausgegeben von Kuno Frankenstein“ за 1898—97 гг. Далѣе: *Lorrin*, François Quesnay въ *Mémoires de la Société Archéologique de Rambouillet* за 1899 г., Versaille 1899; его же: *Mémoires sur la fortune de Fr. Quesnay*, Paris 1897.

отрицательно высказывается, какъ противъ безнадѣйной рутинѣ, такъ и противъ отрѣщенной отъ опыта догматики. Истина — это освѣщеній и руководимый наукой опытъ.

Еще раньше онъ старался дать общую научную основу хирургіи, которая тогда пользовалась меньшимъ довѣріемъ въ сравненіи съ медицинской наукой вообще. Появившійся въ 1736 году «Essay physique sur l'économie animale» долженъ быть资料 of своего рода философской основой физіологии. Во второмъ изданіи 1747 г., выросшемъ въ 3 тома, онъ прибавилъ подробное ученіе о душѣ и старался построить психологію на физіологіи человѣческаго тѣла. Въ концѣ Кэнэ говоритъ обѣ общественномъ человѣкѣ и набрасываетъ въ нѣсколькихъ штрихахъ основныя положенія соціальной философіи, разработанныя впослѣдствіи въ его экономическомъ ученіи¹⁾.

По причинѣ ревматизма, который мѣшалъ ему исполнять обязанности хирурга, онъ принялъ уже въ Мантѣ за изученіе внутреннихъ болѣзней и удостоился въ 1744 г. степени д-ра медицины при университѣтѣ Pont-à-Mousson въ Лотарингіи.

1749 годъ вызвалъ важное измѣненіе въ его жизни. Благодаря умѣнью хранить тайны, которое Кэнэ выказалъ при эпилептическомъ припадкѣ одной придворной дамы, на него обратила вниманіе Помпадуръ. Она вызвала его въ качествѣ придворнаго врача въ свой королевскій замокъ, въ Версалѣ, гдѣ ему предоставили квартиру около ея покоеvъ.

Кэнэ было тогда 55 лѣтъ. Остававшійся послѣ занятій досугъ онъ употребилъ прежде всего на окончаніе старыхъ набросковъ; сочиненіе «Traité des fièvres continues», которымъ заканчивается его медицинская литературная дѣятельность, онъ посвятилъ въ 1753 году своей покровительницѣ. Годомъ раньше (1752) онъ былъ принять благодаря стараніямъ Помпадуръ въ число офиціальныхъ придворныхъ врачей. Въ то же время онъ изѣбчилъ дофина (отца Людовика XVI) отъ оспы, за что получилъ отъ короля право занять наследственное мѣсто (survivance) «premier médecin ordinaire», т.-е. второго королевскаго придворнаго врача, посредствомъ покупки его у тогдашняго областеля Marcot; обязанности «premier médecin ordinaire» сводились къ надзору за гигіеническими условіями обихода. Вслѣдствіе послѣдовавшей вскорѣ смерти своего предшественника, онъ занялъ эту должностъ. Еще въ 1752 году король возвелъ его въ дворянское достоинство, а именно,— какъ сказано въ жалованной грамотѣ,— въ награду за самопожертвованіе, обнаруженнное имъ во время болѣзни дофина, и въ знакъ признания его научныхъ заслугъ, которое онъ приобрѣлъ «par les ouvrages consi-

¹⁾ См. выдержки, сообщенные въ Oeuvres de Quesnay, Part. III, и рецензію (1748), взятую изъ „Göttinger Anzeigen von gelehrten Sachen“ и принадлежащую по всей вѣроятности, А. фонъ Галлеру.

dérables qu'il a donnés au public sur les parties les plus intéressantes de la médecine». Значитъ, неосновательно традиционное утверждение, будто Кэнэ былъ возведенъ въ дворяне благодаря своимъ экономическимъ воззрѣніямъ, которымъ сочувствовалъ король. Пожалованіе дво-риенства произошло за 4 года до обнародованія его первого экономиче-скаго сочиненія, относящагося къ 1756 году, и исключительно благодаря другимъ его заслугамъ.

Переходъ Кэнэ къ экономическимъ вопросамъ произошелъ въ тек-ченіе 3-хъ лѣтъ 1753—56 гг. Это былъ тотъ періодъ, когда фран-цузская публика заваливалась экономическими произведеніями и перев-водами школы Гурнэ. Но и издававшаяся съ 1751 года Дидро и Д'Алам-беромъ Большая Энциклопедія обратила главное вниманіе, слѣдуя Бэкону Веруламскому, на экономическую и техническую дисциплины. Невыяснено, какимъ образомъ Кэнэ, личному другу Д'Аламбера, пред-ложили писать статьи не медицинскаго или хирургическаго содержанія, а по экономическимъ вопросамъ, для которыхъ уже имѣлись сотрудники въ лицѣ Форбоннэ, Le Roy, Руссо (стат. *Economie Politique*) и др. Онъ самъ чувствовалъ необычайность этого обстоятельства; ибо когда онъ выступилъ, наряду съ анонимной метафизической подготовительной статьей «Evidence», со статьями «Fermiers» (1756) и «Grains» (1757), онъ подписалъ ихъ не своимъ именемъ, а именемъ сына (Quesnay le fils), который былъ агрономомъ. И впослѣдствіи онъ также не подписы-валъ своимъ именемъ экономические труды.

Когда Энциклопедія благодаря Дидро стала принимать все болѣе и болѣе материалистический характеръ, что послужило причиной выхода Д'Аламбера изъ состава редакціи и отстраненія всѣхъ умѣренныхъ элементовъ, тогда и Кэнэ отказался отъ сотрудничества. Всѣдѣствіе этого пропали составленія имъ статьи «Hommes», «Impôt» и «Intérêt de l'argent», изъ которыхъ, однако, первая найдена въ наши дни Сте-фаномъ Бауеромъ въ отдѣлѣ манускриптовъ въ «Bibliothèque Natio-nale» въ Парижѣ. Для своего сына, Blaise-Guillaume, онъ купилъ въ началѣ 1755 года большое имѣніе въ Nivernais (теперь Departament de la Nièvre), состоявшее изъ земель Beauvoir, St. Germain и Beaurepaire. Надежда отца имѣть въ сынѣ продолжателя своего ученія не оправда-лась. Только впослѣдствіи упоминается его внукъ, Quesnay de St. Ger-main, какъ принадлежащий къ физіократической школѣ.

Къ іюлю 1757 г. относится его встречи съ маркизомъ Мирабо по поводу его «L'ami des Hommes». Какъ разъ въ это время появилась вторая его статья «Grains» въ 7 томѣ Энциклопедіи; его статья «Hommes» лежала въ манускриптѣ; она, какъ и первая, можетъ быть на-звана «Traité de population». Къ этому первому догматическому спору въ исторіи политической экономіи пріурочиваютъ возникновеніе физіо-кратической школы; и съ литературно-исторической точки зрѣнія стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ событии, которое такъ

много впослѣдствіи восхвалялось. За этимъ «обращеніемъ» Мирабо имѣло мѣсто многое другихъ.

При позднѣйшей, неудавшейся попыткѣ обратить Руссо, Мирабо въ пространномъ письмѣ даетъ собственное освѣщеніе интересующему насъ событию. Такъ какъ его разсказъ характеренъ во многихъ отношеніяхъ, то я его приведу¹⁾. Мирабо говоритьъ:

«Я почерпнулъ мои первыя и единственныя понятія объ этомъ предметѣ изъ «Essai sur la nature du commerce» Кантильона, манускриптъ котораго находился почти 16 лѣтъ въ моемъ взадѣніи. Этотъ выросшій въ торговой средѣ авторъ, который заслуживаетъ быть названнымъ во многихъ отношеніяхъ гениемъ, довѣръ въ своихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ до крайности заблужденіе настоящаго столѣтія, по которому торговля должна считаться началомъ богатства. Сообразно съ этимъ я, какъ онъ и многіе другіе, принимая кажущееся за дѣйствительность, заключалъ, что, если я держа руку передъ глазами, заслоняю солнце, то, стало быть, моя рука больше солнца. Я разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: «Богатства—плоды земли и человѣческой дѣятельности. Только человѣческий трудъ обладаетъ способностью увеличивать богатства. Слѣдовательно—чѣмъ больше людей, тѣмъ больше труда, чѣмъ больше труда, тѣмъ больше богатствъ. Такимъ образомъ путь къ благосостоянію слѣдующій: 1) увеличеніе населения; вслѣдствіе этого 2) увеличеніе продуктивнаго труда; въ результатѣ чего 3) увеличеніе богатства». Я считалъ себя такимъ непобѣдимымъ въ этой своей позиціи, что основалъ на ней все мое политическое міровоззрѣніе; сюда относятся: брачные законы, законы противъ излишней роскоши и мн. тому подобн. Врядъ ли Голіафъ вступилъ въ бой съ большей уверенностью, чѣмъ я подступилъ къ тому человѣку, который, какъ я узналъ, написалъ о моей книжѣ слѣдующее замѣчаніе: «Ребенокъ выпилъ сквернаго молока; хотя сила темперамента влечетъ его къ вѣрнымъ результатамъ, но въ принципахъ онъ ничего не понимаетъ». Мой критикъ не любилъ долго разговаривать. Онъ прямо заявилъ мнѣ, что я впрегъ быковъ сзади пауга и что Кантильонъ, мой политический учитель, большой дуракъ (*un sot*). Я счелъ сумашедшимъ (*un fou*) того человѣка, который произнесъ это пониженіе; изъ вѣжливости я прекратилъ разговоръ. Къ моему счастью я вернулся вечеромъ, чтобы съ свѣжей головой продолжать бесѣду. Тутъ-то и случилось, что Голіафу раскроили черепъ. Мой собесѣдникъ просилъ меня оказать людямъ такую же честь, какъ и овцамъ, для увеличенія числа которыхъ, увеличиваются раньше пастища. Я возражалъ на это, что овца является лишь второстепенной причиной bla-

¹⁾ Помѣщеное 30 іюлемъ 1767 г. письмо приведено въ сочиненіи „J. J. Rousseau, ses amis et ses ennemis par Streckeisen-Moulton“, Paris 1865, t. II, p. 358 et suiv.

госостоянія, между тѣмъ какъ человѣка необходимо рассматривать какъ первопричину созданія плодовъ. Въ отвѣтъ на мое возраженіе онъ засмылся и попросилъ объяснить его поподробнѣе и отвѣтить, не захватилъ ли человѣкъ при своемъ появленіи на свѣтъ въ свой карманъ хлѣба, которымъ онъ могъ бы жить до тѣхъ поръ, пока онъ вспашетъ, засѣть землю, сниметъ урожай и обмолотитъ его. Этотъ аргументъ совершенно побилъ меня. Нужно было либо предположить, что человѣкъ, подобно медведю, въ состояніи пытаться въ продолженіи 8 или 10 мѣсяцевъ своимъ жиромъ, или же допустить, что земледѣлецъ находить уже при своемъ появленіи плоды, которые не были посѣяны имъ самимъ. Затѣмъ онъ попросилъ меня, чтобы и всѣ послѣдующія поколѣнія раздѣляли ту же участь, такъ какъ и для нихъ дѣло не можетъ обстоять иначе».

Вотъ разскѣзъ Мирабо, который онъ оканчиваетъ замѣчаніемъ, освѣщающимъ его характеръ съ положительной стороны. Онъ говоритъ: «У глупца разрушение его ложнаго мнѣнія ведетъ за собой стыдъ и ненависть, у порядочнаго же мыслителя оно вызываетъ, наоборотъ, благодарность и преданность; послѣднее случилось со мной». Въ самомъ сообщеніи, конечно, нужно многое подвергнуть критикѣ.

Прежде всего, выраженія «*sot*» и «*foi*» безъ сомнѣнія должно вложены въ уста Кэнэ. Онъ никогда не пользовался такими грубыми словами и даже часто порицаль рѣзкій способъ выраженія Мирабо. Даѣтъ, какъ намъ уже известно, онъ съ благодарностью ссылался на Кантільона по поводу другого пункта въ своей статьѣ «*Grains*». Наиболѣе замѣчательно то, что въ произведеніяхъ Кантільона тщетно было бы искать взглядовъ, приписываемыхъ ему Мирабо. Кантільонъ утверждалъ скорѣе противное, и не безъ основанія. Джевонъ считаетъ его предшественникомъ Мальтуса. Но наибольшаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что Мирабо самъ является въ своемъ «*Ami des Hommes*» представителемъ обоихъ взглядовъ, не сознавая противорѣчія¹⁾. Такимъ образомъ Кэнэ, который ознакомился съ материаломъ, благодаря незадолго до этого законченной статьѣ «*Hommes*», не стоило никакого труда разбить такого неостроумнаго мыслителя, какимъ былъ Мирабо.

Новая доктрина пріобрѣла въ лицѣ Мирабо—«старшаго сына»,

¹⁾ Такъ хотя мы и читаемъ въ „*Ami des Hommes*“ т. I, стр. 270: „*Les richesses se trouvent partout oÙ il y a des hommes*“, даѣтъ стр. 272: „*Je le répète: partout où il y a des hommes, il ya des richesses*“, наконецъ на стр. 26: „*Tant vaut l'homme, tant vaut la terre, dit un proverbe bien sensé. Il s'ensuit de là que le premier des biens, c'est d'avoir des hommes, et le second de la terre*“ Въ другомъ же мѣстѣ значится (т. III, стр. 374), „*La population dépend de la subsistance, la subsistance ne se tire que de la terre*“; тамъ же, стр. 289: „*Principe seul et unique, la mesure de la subsistance est celle de la population*“; „*Somme totale, multipliez la subsistance, vous multiplierez les hommes*“ т. I: p. 78 etc.

какъ онъ самъ называлъ себя. Вскорѣ появились и другіе. Еще въ томъ же году (1757) выступилъ Мерсье де ла Ривьеръ (1720—1794), который, однако, непосредственно послѣ усвоенія взглядовъ Кэнѣ былъ назначенъ интендантомъ вестинденскаго острова Мартиника, где ему, конечно, не удалось много поработать. Въ 1764 по возвращеніи въ Парижъ онъ занялся распространеніемъ ученія Кэнѣ: съ этой его дѣятельностью намъ придется столкнуться позже. По мемуарамъ придворной дамы Помпадуръ, *mme du Hausset*, Кэнѣ возлагалъ на него большія надежды. Мемуары *mme du Hausset* являются вообще очень цѣннымъ документомъ для первоначальной исторіи физіократіи. Они сообщаютъ о посѣщеніяхъ Кэнѣ единомышленниками и передаютъ даже отдельные разговоры¹⁾. О Гурнѣ она не упоминаетъ, но упоминаетъ о Тюрго, причемъ видно, что тогда онъ еще не принадлежалъ къ близкимъ знакомымъ Кэнѣ.

Здѣсь умѣстно установить, когда состоялось то единственное свиданіе между Мирабо и Гурнѣ, на которомъ, вѣроятно, присутствовалъ и Кэнѣ. Въ моей статьѣ о максимѣ: «laisser faire et laisser passer» я, по вѣнчанимъ основаніямъ, считалъ возможнымъ утверждать, что оно состоялось въ августѣ или сентябрѣ 1758 г.²⁾. Это свиданіе могло состояться только въ Парижѣ по причинѣ болѣзни Гурнѣ. Изъ словъ Мирабо: «Ты поспѣшилъ на мой братскій призывъ» можно заключить, что Гурнѣ былъ приглашенъ. Онъ пришелъ, вѣроятно, не одинъ, а судя по тому, что рѣчь идетъ о братствѣ, съ нѣкоторыми приверженцами, среди нихъ Тюрго. Слѣдующее сообщеніе въ мемуарахъ *mme du Hausset* наводитъ насть на истинный слѣдъ. Она разсказываетъ:

«Однажды я была въ Парижѣ и направилась къ доктору Кэнѣ, который также находился тамъ. У него было противъ обыкновенія много гостей и среди нихъ молодой *Maitre des requêtes*, представительной наружности, носившій имя какого-то помѣстя, котораго я не помню, кромѣ того сынъ *Prévôt des Marchands*—Тюрго. Говорили много объ администраціи, что меня вначалѣ мало занимало. Послѣ того рѣчь зашла о любви французовъ къ ихъ королю. Началъ говорить Тюрго: «Эта любовь ни въ какомъ случаѣ не слѣпа, сказалъ онъ, она является смутнымъ воспоминаніемъ о бывшихъ благодѣніяхъ. Нація, скажу болѣе—Европа и человѣчество обязаны одному королю Франціи (я забыла его имя) гражданской свободой; онъ основалъ общины и доставилъ возможность гражданскаго существованія безчисленному количеству людей. Я прекрасно знаю, что можно не безъ основанія возразить, что онъ своими благодѣніями преслѣдовалъ

¹⁾ Относящіяся сюда важнѣйшія мѣста находятся въ моихъ „Oeuvres de Quesnay“ Part. I. Сравни также мою статью „Entstehen und Werden der physiokratischen Theorie“, въ ViertelJahrsschrift fü Staats- und Volkswirtschaft, herausgegeben von Kuno Frankenstein, Jahrg. 1896—97.

²⁾ Стр. 117.

свою личную пользу: ему платили земельную ренту и власть сильныхъ и дворянства была ослаблена, но что слѣдуетъ изъ этого? Только то, что эта мѣра столько же полезна, сколько политична и человѣчна». Отъ королей вообще перешли къ Людовику XV; тотъ же Тюрго сказалъ, что его царствованіе останется всегда знаменитымъ благодаря развитію наукъ, просвѣщенія и философіи. Онъ добавилъ, что Людовику XV недоставало того, чего было много у Людовика XIV—высокаго самомнѣнія; онъ—очень образованъ и никто не знаетъ топографіи Франціи лучше его; въ совѣтѣ министровъ его мнѣніе всегда наиболѣе основательное, исхорошо лишь, что онъ такъ мало полагается на себя и не облекъ довѣріемъ какого-либо премьер-министра, одобренного импіей. Каждый раздѣлялъ мнѣніе Тюрго. Я попросила Кэнэ записать то, что сказалъ Тюрго и показала это М-те Помпадуръ. Она отозвалась весьма лестно о *Maitre des requêtes* и сообщила о немъ королю, сказавшему: «Это хорошая раса»¹⁾.

Описанное собраніе, день котораго къ сожалѣнію не обозначенъ, происходило, вѣроятно, до смерти Гурнэ, такъ какъ Тюрго называется еще *Maitre des requêtes*; между тѣмъ нѣсколько времени спустя онъ былъ назначенъ интендантомъ въ Лиможъ. Оно происходило во всякомъ случаѣ не раньше 1758 г.; въ противномъ случаѣ Тюрго былъ бы названъ однимъ изъ первыхъ учениковъ Кэнэ; между тѣмъ, очевидно, она видѣла его тутъ впервые. Въ тѣ времена существовала только одна группа людей, въ средѣ которыхъ можно было научно говорить объ «администраціи»; это была школа Гурнэ, къ которой принадлежалъ тогда Тюрго.

Послѣдній не всегда оставался вѣрнымъ своей тогдашней точкѣ зрѣнія. Позднѣе, въ бытность свою министромъ онъ высказывался въ поданномъ королю проектѣ учрежденія муниципалитетовъ²⁾ о дѣятельности королевскихъ предковъ въ такой формѣ, что вызвалъ этимъ рѣзкое неудовольствіе Людовика XVI; то же можно сказать и о *Préambule* къ эдикту объ уничтоженіи цеховъ. Еще передъ самимъ назначеніемъ его въ министры (1774 г.) онъ сказалъ уѣзжавшему въ Польшу Дю Пону де Немуръ: «Je ne suis point encyclopédiste car je crois en Dieu. Je ne suis point économiste car je ne voudrais pas de roi»³⁾. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ онъ не сходился, какъ мы знаемъ, ни съ Гурнэ, ни съ Кэнэ. Достовѣрно одно: что Тюрго лишь незадолго до смерти Гурнэ ближе сошелся съ Версальскимъ врачомъ⁴⁾. Болѣе близкое сношеніе было невозможно вслѣдствіе различія мѣсто-

¹⁾ См. *Oeuvres de Quesnay*, p. 135.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ ниже.

³⁾ *Loménie, Les Mirabeau*, vol. II, p. 416.

⁴⁾ Я удивляюсь, что ни одно изъ многихъ сочиненій о Тюрго не сообщаетъ объ этомъ подробнѣе и даже не попыталось изслѣдовать отношеніе Тюрго къ Кэнэ.

жительствъ, Парижа и Версаля, и связанности въ этомъ отношении Кэнэ вообще. Уже по этой причинѣ не можетъ быть принято мнѣніе, будто первое изданіе *Eloge* въ томъ видѣ, какъ оно появилось въ *Mercure de France* иѣсколько недѣль спустя послѣ смерти Гурнѣ (27 июня 1759 г.), содержало уже въ рукописи всю физіократическую теорію, и будто пропускъ ея, какъ многіе думаютъ, объясняется препятствіями со стороны редактора Мармонтеля. Если бы она была напечатана, это несомнѣнно вызвало бы возраженія со стороны тогда еще крѣпкой школы Гурнѣ, да и Кэнэ заявилъ бы иѣкоторая притязанія на свои идеи.

Изъ людей, дружески преданныхъ Кэнэ, бывшихъ болѣе чѣмъ только учениками, слѣдуетъ назвать трехъ лицъ, которыхъ въ то время раздѣляли его сельскохозяйственно-техническія воззрѣнія. Этоoberегермейстеръ версальскихъ парковъ *Ле-Руа* (*Le Roy*), авторъ цѣлаго ряда статей по сельскому хозяйству въ *Энциклопедіи*; далѣе, помѣстный дворянинъ *Де Маривель* (*De Marivel*), совмѣстно съ которымъ Кэнэ написалъ и издалъ (1759 г.) въ добавленіе къ новому изданію «*Ami des Hommes*»—«*Questions interessantes sur la population, l'agriculture et le commerce*» какъ основу для *Enquête* по народному хозяйству въ аграрномъ отношеніи. Третій—стюартскій бѣглакъ *Патулло* (*Patullo*), въ произведеніи котораго «*Essai sur l'amélioration des terres*» (1758) Кэнэ написалъ главу о хлѣбной торговлѣ. Рекомендованная въ этихъ работахъ система сельского хозяйства—есть, т. наз., англійская, которую иѣмецъ Альбрехтъ Таеръ (*Thaer*) называлъ «шодонеремѣнное хозяйство». Оно представляется собою коммерческія предпріятія крупныхъ арендаторовъ (*fermage*) на большихъ округленыхъ помѣстяхъ съ преобладающимъ разведеніемъ скота и кормленіемъ его въ стойлѣ. Послѣднее—съ цѣлью установленія болѣе интенсивного производства удобрѣнія (*Nitras*). Это—такъ называемая «*grande culture*» при помощи лошадей, которую Кэнэ уже въ своей статьѣ «*Fermiers*» ставить выше, чѣмъ «*petite culture*» при помощи быковъ (*métayage*) ¹⁾.

Вниманіе Кэнэ и Мирабо было обращено въ то время (1759 г.) на конкурсное сочиненіе «Экономического общества въ Бернѣ» о преимуществахъ обработыванія хлѣба. Это общество было основано въ декабрѣ 1758 г. по образцу «*Société de l'agriculture, des arts et du commerce*», учрежденного въ Бретани Гурнѣ и Монтодузеномъ. Общество начало свою дѣятельность названнымъ конкурсомъ, въ которомъ рѣшилъ принять участіе Мирабо. Хотя его сочиненіе и не получило преміи при объявлении результатовъ конкурса 2 февр. 1760 г., потому что въ немъ

¹⁾ Объ агрокультурно-техническихъ воззрѣніяхъ Кэнэ, см. моя статью „Entstehen und Werden der Physiokratischen Theorie“ въ *Vierteljahrsschrift für Staats- und Volkswirtschaft*, herausgegeben von Kuno Frankenstein, Jahrg 1896—97. Гл. IX.

не обращено должное внимание на швейцарскія условія,—но оно заслужило почетный отзывъ и авторъ былъ провозглашенъ почетнымъ членомъ общества. Въ Национальномъ Архивѣ въ Парижѣ, среди сохранившагося литературнаго наслѣдія Мирабо находится рукописный экземпляръ этого «*Mémoire sur l'Agriculture, envoyé à la très louable Société d'Agriculture de Bern*», съ примѣчаніями Кэнэ; онъ былъ изданъ въ томъ же году самимъ Мирабо въ видѣ дополненія къ «*Ami des Hommes*». Эта статья имѣетъ литературно историческій интересъ въ томъ отношеніи, что является первымъ произведеніемъ «Друга человѣчества», обозначающимъ переходъ къ новому ученію. Но въ ней содержатся еще глухіе отголоски его старыхъ возврѣній ¹⁾.

Междудѣмъ доктрина была закончена. Это совершилось благодаря изобрѣтенію «Tableau économique», этой прославленной «арифметической формулы, посредствомъ которой можно вычислить съ величайшей быстротой, точностью и достовѣрностью дѣйствіе различныхъ неправильностей, обнаруживаемыхъ распределеніемъ, обращеніемъ и воспроизведеніемъ богатствъ» (Дю Понъ). Относительно точной даты возникновенія этого «complément de la science de l'économie politique» существуетъ разногласіе. Дю Понъ де Немуръ разсказываетъ въ своей «Notice abrégée», касающейся различныхъ произведеній, способствовавшихъ возникновенію науки политической экономіи (*Ephémérides du citoyen за 1769 г.*) ²⁾, о томъ, что по словамъ Кэнэ имъ самимъ неоднократно слышаннымъ, первое, заготовленное лишь въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ изданіе Tableau появилось въ декабре мѣсяца 1758 года, и что онъ точно помнитъ это. Совершенно другое утверждалъ Мирабо, первый ученикъ Кэнэ, связанный съ нимъ тѣсной дружбой; по его сообщенію, изданіе послѣдовало лишь въ 1759 году и даже не въ началѣ года причемъ онъ утверждаетъ, что также прекрасно помнить это ³⁾. Надо полагать, что сообщеніе Кэнэ болѣеѣ вѣрно. Мирабо, очевидно, имѣлъ въ виду тотъ моментъ, когда ему впервые сообщили Tableau, а это было иѣсколько времени спустя послѣ ея составленія. Кэнэ намѣревался опубликовать въ официальномъ «Mercure» изготовленную первоначально лишь въ четырехъ экземплярахъ въ версальской дворцовой типографіи Tableau, къ которой былъ приложенъ рядъ максимъ подъ особымъ заглавиемъ «*Extraits des économies royales de Sully*». Онъ отказался отъ этого плана по совету Помпадуръ, опасавшейся насыщекъ со стороны публики за неясности изложенія, и позволилъ уговорить себя передать эту Tableau для популярной переработки своему новопріобрѣтенному другу п. ученому

¹⁾ См. мое сочиненіе „Der ältere Mirabeau und die ökonomische Gesellschaft in Bern“, Bern 1886.

²⁾ Важнѣйшая часть ея передана въ „Oeuvres de Quesnay“, стр. 145 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 155.

Tableau économique.

fournies par l'Agriculture plaine, — prairies, — forêts bœufs en grains, boisons grande bœuf, moutons — premières des marchandises demandées — le manneuvre de la bête — réiprologue d'une échelle de dépense à l'autre qui distribue un revenu de 400^{tt} départ et dans ce qui donne 200^{tt} de chaque côté des avances conservées et le propriétaire qui dépense les 400^{tt} de revenu entier sa substance, les 200^{tt} distribués à chaque étape de dépense peuvent être utilisés pour faire subsister 200 familles de 5 personnes par famille les frais de la classe des dépenses productives en renouvellement aussi d'une année et dont environ la moitié en salaire pour le travail 50 millions ajoutent 200 millions pour faire subsister encore 200 millions de chefs de famille à 200^{tt} chaque fois soit 600 millions de biens fournis par l'assise de 200 millions de personnes et 200^{tt} de circulation de 200^{tt} de bœufs animaux.

Dépenses productives

avances amont 400^{tt} produisent 400^{tt}

Dépense du travail qui partage ainsi

200^{tt} produisent 200^{tt}

100^{tt} produisent 100^{tt}

50^{tt} produisent 50^{tt}

10^{tt} produisent 10^{tt}

5^{tt} produisent 5^{tt}

2^{tt} produisent 2^{tt}

1^{tt} produisent 1^{tt}

15^{tt} produisent 15^{tt}

8^{tt} produisent 8^{tt}

4^{tt} produisent 4^{tt}

2^{tt} produisent 2^{tt}

1^{tt} produisent 1^{tt}

Total 400^{tt} produisent avec le travail d'agriculture de 400^{tt}

les marchandises de

maind'œuvre.

les denrées importées domestiques.

denrées étrangères et

échelles reciproques

d'une étape de

dépense à l'autre

qui distribue le

revenu de 400^{tt}

Les deux étapes

dépendent en partie

sur elles-mêmes, et

en partie reciproquement

telle sur l'autre.

La circulation porte

400^{tt} cette colonne

sur quoi il faut retrouver

les 200^{tt} des avances

et les 200^{tt} pour la

dépense.

L'imposte qui va

sur le deuxième étape

dépense est fourni par

le revenu d'après

étape des dépenses

productives et vient

l'ajouter dans celle-ci.

Le rapport de ce

rapport reporté aux

étapes productives

qui il renvoie dans

l'ensemble et que

ce revenu d'après

la distribution est

échelle mais toujours

est-il vrai au contraire

du revenu des propriétaires

ou des avances des

cultivateurs, ou de

l'apport sur la

consommation. Dans

les deux derniers cas

il est nécessaire de voir

qui diminue davantage

la reproduction, il est

ce dénuement de légumineuses

qui passe à l'avant-

jeune et dans

qui on se déroute pour

les fortunes privées

des hautains charges

des propriétaires des

exploits.

СТАРЫЙ СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ НАБРОСОКЪ
TABLEAU ÉCONOMIQUE КЭНЭ,

НАЙДЕННЫЙ ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ НАСЛЕДІИ МАРКИЗА МИРАБО, ARCHIVES NATIONALES,
PARIS, №. 784.

нику. Это и было сделано; въ результата появился опубликованный въ 1760 году въ видѣ прибавления къ «*Ami des Hommes*» и обнимающій 228 страницъ въ 12-ю долю листа трудъ «Tableau *économique avec ses explications*», который, однако, съ своей стороны не избѣжалъ насмѣшекъ публики. Въ первоначальномъ своемъ видѣ 1758 года Tableau пропала. По указанію Альфреда Штерна она была найдена въ 1890 г. Стефаномъ Бауеромъ въ Archives Nationales среди литературного наслѣдія Мирабо. По поводу двухсотлѣтія со дня рожденія Кэнэ «Tableau» была издана въ факсимиле въ 1894 г. «British Economic Association» ¹⁾). Не слѣдуетъ смѣшивать это изданіе съ помѣщеннымъ здѣсь въ факсимиле наброскомъ почерка Кэнэ, который былъ также найденъ среди литературного наслѣдія Мирабо (Archives Nationales, M. 784) и здѣсь впервые опубликовывается. Какъ можно заключить изъ одной дополнительной статьи Кэнэ, рѣчь идетъ о томъ на броскѣ, на основаніи которого Мирабо написалъ упомянутую «Explanation» (1760). Къ сожалѣнію, статья безъ обозначенія даты. По видимъ даннымъ она можетъ быть отнесена къ серединѣ 1759 года. Этимъ объясняется, почему Кэнэ, по сообщенію Дю Пона, относилъ возникновеніе Tableau къ моменту, на иѣсколько мѣсяцевъ болѣе раннему, чѣмъ Мирабо.

Приложенный здѣсь наиболѣе старый изъ до сихъ поръ извѣстныхъ набросокъ «Tableau *économique*» повторенъ въ помѣщенному ниже роскошномъ его изданіи, которое взято изъ «*Éléments de la Philosophie rurale*» (1767) Мирабо. Очень возможно, что и послѣдній набросокъ выполненъ самимъ Кэнэ. Мы знаемъ, что онъ юношей прошелъ пятилѣтній курсъ гравировки на мѣди у извѣстнаго мастера Pierre de Rochefort. Tableau выполненъ съ такой любовью и такъ тщательно, что его могло исполнить только лицо, понимавшее ту большую важность, которое оно занимаетъ въ ученикѣ Кэнэ. О послѣднемъ скажемъ ниже. Утвержденіе, будто Людовикъ XV принималъ личное участіе въ печатаніи Tableau *économique*, является вымысломъ. Напротивъ того, король всегда держался уклончиво по отношенію къ экономическимъ прихотямъ своего врача.

Разсмотримъ слѣдующій плодъ совмѣстной работы обоихъ друзей—*Théorie de l'Impôt* (1760) Мирабо. Произведеніе, облеченнное въ форму свободнаго обращенія къ королю, по сообщенію маркиза, написано въ невѣроятно короткое время ²⁾. Мы имѣемъ основаніе предположить, что оно было разработано на основаніи недошедшей до насть статьи «*Impôt*», которая была предназначена Кэнэ для Энциклопедіи, но потомъ взята имъ обратно. Если Мирабо, судя по иѣкоторымъ

¹⁾ London, Macmillan, 1894.

²⁾ См. письмо Мирабо къ секретарю Экономического Общества въ Бернѣ въ добавленіи къ моей статьѣ „Der altere Mirabeau und die Oekonomische Gesellschaft in Bern“, 1886.

намекамъ, надѣялся быть призваннымъ королемъ къ управлению пришедшими въ финансовое разстройство государствомъ, то онъ жестоко ошибался. Изъ мемуаровъ *mme du Haussset* можно узнать о приемѣ, который эта книга нашла у короля. Онъ пришелъ въ такую ярость, что велъ тотчасъ же арестовать автора и заключить его въ тюремный замокъ *Vincennes*. Лишь послѣ заступничества Помпадуръ, вызванного перепутаннымъ Кэнэ, наказаніе было, послѣ пятидневнаго заключенія, уменьшено до мѣсячной ссылки въ имѣніе Мирабо *Bignon*¹⁾. Послѣ этого слѣдуетъ перерывъ въ $2\frac{1}{2}$ года въ литературной дѣятельности обоихъ друзей; такъ сильно подействовало на нихъ случившееся. Комичное впечатлѣніе производятъ жалобы *Дю Пона* въ его литературноисторической «*Notice abr g e e*» о потеряхъ, которыя потерпѣло человѣчество отъ этого 2% годового перерыва въ эволюціи соціального ученія²⁾. Оба друга, казалось, потеряли съ этихъ поръ всякую надежду видѣть короля на сторонѣ ихъ реформы. Кэнэ сталъ возводить надежды на дофина, въ то время какъ Мирабо пошелъ дальше экономического либерализма и обратилъ все свое вниманіе на общее реформаціонное движение, народившееся въ обществѣ. Почва для этого была подготовлена окончаніемъ семилѣтней войны.

Если миръ въ Аахенѣ (1748), закончившій войну за австрійское наслѣдство, вызвалъ во Франціи умственное движение, направленное на общую реформу государства, то окончаніе семилѣтней войны (1763) дало толчокъ движению къ реформамъ отдельныхъ отраслей управления, и прежде всего—къ реформамъ податного дѣла. «*Th orie de l'Imp t*» (1760) была преждевременнымъ проявленіемъ этого движения. Всѣ набросились теперь на этотъ вопросъ. Благодаря войнѣ обнаружились наиболѣе опасные недостатки французского административнаго строя—именно въ области финансового управления. Сигналъ подалъ нѣкій *Rouxel de la Tour* агитационнымъ сочиненіемъ «*La Richesse de l'Etat*» (1763), въ которомъ онъ предлагаетъ прогрессивный подоходный налогъ для всѣхъ сословій, чтобы привести въ равновѣсие разстроенное государственное хозяйство. Сочиненіе слѣдовало за сочиненіемъ и среди нихъ находилась брошюра, озаглавленная «*R flexions sur la Richesse de l'Etat*», въ которой дѣлается противоположное предложеніе—одного единственного равномѣрнаго налога на земельное имущество. Эта мысль соприкасалась съ предложеніемъ, которое было сдѣлано въ «*Th orie de l'Imp t*» и Мирабо постарался познакомиться съ молодымъ, еще только 23-лѣтнимъ авторомъ, *Дю Пономъ*. Это удалось ему, и онъ познакомилъ его съ Кэнэ, который далъ ему дальнѣйшее образованіе въ «новой наукѣ»³⁾.

¹⁾ См. *Oeuvres de Quesnay*, p. 131.

²⁾ *Oeuvres de Quesnay*, p. 158, Note.

³⁾ См. объ этомъ прекрасную книгу „*Du Pont de Nemours et l' cole physiocratique par G. Schelle*“, Paris, Guillaumin, 1888.

Обнадеженные видимой терпимостью правительства по отношению къ другимъ оба друга рѣшились вновь выступить публично. Это произошло анонимно; они опубликовали написанный во время вынужденного досуга трудъ «Philosophie rurale»¹), который является по своему содержанию расширеннымъ объяснениемъ «Tableau économique». Значительная доля трехтомного труда, какъ, напримѣръ, вся седьмая глава, принадлежать всецѣло перу Кэнэ. Но и кромѣ этого многое въ остальной части, написанной Мирабо, принадлежитъ въ сущности ему, какъ можно заключить изъ первоначального наброска съ помѣтками Кэнэ на поляхъ, находящагося среди литературного наслѣдія Мирабо. Въ этомъ труде Мирабо едва узнаваемъ. Старая блестящая манера писать исчезла. Лишь въ отдельныхъ мѣстахъ прорывается необузданый темпераментъ. Замѣтно, что его обуздывала чья-то бдительная рука. Благодаря этому изложеніе дѣлается сухимъ, что отталкиваетъ читателя. Какъ ни содержательна эта книга,—она не доставляетъ приятного чтенія. Книга, повидимому, и не нашла большого круга читателей, что можно заключить изъ изданныхъ Мирабо нѣсколько лѣтъ спустя «Eléments de la Philosophie rurale» (1767), гдѣ онъ во вступлѣніи жалуется на то, что основной трудъ былъ до сихъ поръ пренебрегаемъ публикой, какъ «trop pénible à l'intelligence»²); по этой причинѣ онъ хочетъ дать популярный очеркъ изложенной тамъ подробно «science économique». Но и эти «Eléments», повидимому, не имѣли большого успѣха; да и вообще всѣ произведенія школы, относящіяся къ «palladium des Sociétés»,—какъ называлъ Мирабо Tableau Economique,—наталкивались на непониманіе и даже насмѣшки со стороны публики; это отношеніе удержалось до сегодняшняго дня.

Но вдругъ вѣтеръ подулъ въ благопріятную сторону для «économistes», какъ называла себя новая партія. Назначенный Помпадуръ, незадолго до ея смерти, генеральный контролеръ финансовъ L'Averdy искалъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, связей съ ними. Онъ вознамѣрился проводить изданный при Сешелль законъ 1754 г. о свободѣ хлѣбной торговли не только внутри Франціи,—до тѣхъ поръ законъ оставался мертвой буквой,—но распространить его также на виѣшнія сношенія. Это осуществилось при помощи изданного въ юлѣ 1764 года «Edit sur la liberté de la sortie et de l'entrée des grains dans le royaume», на который впослѣдствіи весьма часто ссылались. Пропагандѣ эдикта была посвящена брошюра: «De l'exportation et de l'importation des grains» (1764), написанная Дю Пономъ совмѣстно съ его покровите-

¹⁾ *Philosophie rurale ou Economie générale et politique de l'agriculture, réduite à l'ordre immuable des lois physiques et morales, qui assurent la prospérité des Empires*, vols 3, 1763.

²⁾ *Discours Préliminaire*, p. C.

лями и посвященная Помпадуръ. Это посвященіе не лишено литературно-исторического значенія; въ немъ сказано: «Vous avez vu naître, madame, cette science importante et sublime; c'est à vous que le public en doit la première connaissance par l'impression que vous avez fait faire chez vous et sous vos yeux du tableau économique et de son explication». Изъ этого слѣдуетъ, что первымъ изданіемъ «Tableau économique» обязано Помпадуръ, а не королю, какъ обыкновенно считается по традиціи. Помпадуръ не дожила до появленія этой брошюры. Мучимая тяжелыми угрызеніями совѣсти, она умерла 15 апреля 1764 года. Однако, несмотря на ея смерть, посвященіе осталось.

Для выработки обычного предисловія къ эдикту были призваны Дю Понъ и Тюрго, что ясно видно изъ слога акта. Но законъ, изданный Трюдэномъ, не вполнѣ соотвѣтствовалъ желаніямъ обоихъ экспертовъ. Онъ былъ написанъ скорѣе въ духѣ Гурнэ, чѣмъ Кэнэ. Такъ напримѣръ, вывозъ бытъ ограниченъ национально-французскими судами, какъ въ англійскомъ хлѣбномъ законѣ. Точно также вывозъ воспрещался въ томъ случаѣ, когда цѣна на хлѣбъ внутри страны превышала известную границу. Послѣдній пунктъ противорѣчилъ не столько учению самого Кэнэ, сколько учению его школы, въ чемъ мы еще убѣдимся. Дю Понъ написалъ статью «l'Anti-restricteur», въ которой онъ нападаетъ на эти ограниченія абсолютной свободы хлѣбной торговли. Но эта статья не была напечатана¹⁾). Наряду съ этими ограниченіями былидержаны легкія пошлины въ 1—3% для ввоза и 1/2% для вывоза. Во всякомъ случаѣ, этотъ законъ былъ первымъ практическимъ успѣхомъ новой школы. Наступившая вслѣдъ за тѣмъ реакція была направлена въ такой же степени противъ этого закона, какъ и противъ партіи.

Со смертью Помпадуръ начинается новая фаза въ жизни Кэнэ. Раньше онъ долженъ былъ безотлучно находиться при Помпадуръ, такъ какъ она не принимала пищи безъ удостовѣренія Кэнэ, что она не содержитъ яда,—теперь онъ сдѣлался болѣе независимымъ. Онъ покинулъ свое маленькое помѣщеніе въ Версальскомъ дворцѣ и перебѣхалъ въ помѣстительную квартиру въ такъ назыв. «grand commissaire», казарму для чиновниковъ, находившуюся около дворца. Тутъ онъ могъ, сколько душѣ угодно, принимать своихъ друзей и могъ также предпринимать болѣе частыя поѣздки въ Парижъ. Мы знакомимся теперь съ семидесятилѣтнимъ старикомъ, въ качествѣ экономического агитатора, къ чemu его привлекъ Мирабо.

Главный контролеръ L'Averdy основалъ офиціозный экономический полунедѣльный журналъ «Gazette du Commerce», чтобы создать сочувствие своимъ административнымъ мѣрамъ. Первый номеръ по-

¹⁾ Schelle, Du Pont de Nemours et l'école physiocratique, стр. 30, гдѣ отпечатано и предисловіе (стр. 29).

явился 1 апреля 1764 г., непосредственно перед смертью Помпадурь. Отъественнымъ редакторомъ былъ сдѣланъ Грюденъ, другъ и начальникъ Гурнэ. Онъ пригласилъ сотрудничать бывшихъ учениковъ интенданта торговли. Къ нимъ примкнули приверженцы Кэнэ и они боролись рука обь руку за экономический прогрессъ. Къ этому времени, вѣроятно, относятся первыя регулярныя собрания *Economistes* овъ, съ цѣлью совмѣстно обсуждать готовящіяся къ опубликованію статьи и поддерживать другъ друга въ общемъ духѣ. Прямыхъ указаний на это не имѣется. Послѣ того эти собрания происходили поочередно въ Версалѣ у Кэнэ и въ Парижѣ въ домѣ одной дружественно настроенной дамы, имя которой не называется. Къ нимъ присоединились новые приверженцы какъ Абель, Saint-Péravy, Ле Тронъ (*Le Trosne*) и др. Тюрго во время своихъ частыхъ и продолжительныхъ поездокъ изъ Лиможа въ Парижъ также принималъ, повидимому, въ этомъ дѣятельное участіе. Въ одномъ письмѣ къ Дю Пону отъ 20 февраля 1766 г. онъ говоритъ по отношению къ Кэнэ и Гурнэ: «*Je me ferai honneur toute ma vie d'avoir été le disciple de l'un et de l'autre*»¹⁾.

Однако, «*Gazette du Commerce*» не могла осилить громадный притекающій материалъ. Поэтому редакція рѣшила раздѣлить материалъ по его содержанію. Практическіе вопросы должны были попрежнему разрабатываться въ «*Gazette*». Для теоретическихъ же обсужденій было предназначено мѣсячное приложение подъ особымъ заглавіемъ: «*Journal de l'Agriculture, du Commerce et des Finances*»; оно появилось 1 июля 1765 г. Вскорѣ ощущалась необходимость въ особомъ редакторѣ для этого приложения; съ этой цѣлью былъ приглашенъ 1 сентября того же года Дю Понъ. Теперь группа Кэнэ имѣла публичный органъ. Ибо, хотя новый ежемѣсячникъ и обязался открыть свои столбцы для всѣхъ направленій и быть по выраженію Дю Пона въ предисловіи «une espèce d'arène où les vrais citoyens peuvent et doivent concourir, mesurer leurs forces», но тѣмъ не менѣе редактированіе велось такъ односторонне въ смыслѣ ученія версальского врача, что большинство старыхъ приверженцевъ Гурнэ вскорѣ опять возвращались къ «*Gazette du Commerce*», которая велась болѣе въ ихъ духѣ: здѣсь они образовали съ все болѣе возраставшей горячностью оппозицію противъ «*Journal*».

Уже первая статья, опубликованная Дю Пономъ, обнаружила новое направленіе, которое принялъ «*Journal*». Это была статья Кэнэ «*Le droit naturel*». Въ ней подробно развиваются общественно философскіе взгляды, которые излагаются уже въ концѣ «*Economie animale*» (2 изд. 1747 г.) Статья представляетъ собою критическое обсужденіе съ точки зренія философіи права всѣхъ противоположныхъ воззрѣй на естественное право, такъ наприм., Гроціуса, Гоббса, Шуфендорфа

¹⁾ Schelle, Du Pont de Nemours, стр. 74.

и др., причемъ авторъ старается доказать, что каждый правъ до известной степени. «Mais aucun n'a dit vrai relativement à tous les cas»¹⁾. Послѣ того авторъ излагаетъ свои собственныя положенія, свои ученія: о первобытномъ состояніи общества; о естественномъ правѣ людей на поддержаніе жизни, которое человѣкъ переносить въ государственный порядокъ, возникшій изъ договора; о различіи естественныхъ и положительныхъ законовъ; объ обязанностяхъ индивидуумовъ поддерживать себя и просвѣщаться; объ обязанностяхъ государства въ этомъ направленіи. Не безъ основанія данная статья была признана одной изъ лучшихъ, которая вышли изъ подъ пера Кэнэ. Онъ опять не назвалъ себя. И въ послѣдствіи онъ продолжалъ писать подъ произвольно выбранными обозначеніями, какъ М. Н., М. N., M. de l'Isle, M. Nisaque (анаграмма Кэнэ). Такъ же поступали и его друзья. Мирабо скрывался подъ буквой F., Мерсье де ла Ривьеръ, возвратившійся къ тому времени изъ Мартиники, подъ буквой G. и т. д.

Сейчасъ же возникъ горячій споръ. Въ сентябрьскомъ номерѣ въ одной замѣткѣ Дю Понъ далъ краткое изложеніе «Tableau économiique», въ которомъ купцы называются «classe stérile». Эта типично физіократическая терминология вызвала сильнѣйшія возраженія со стороны такъ охарактеризованныхъ круговъ. Самъ Кэнэ былъ вынужденъ остановиться на этомъ пунктѣ и точно установить вопросъ, вызывающій разногласіе; онъ сдѣлалъ это въ ноябрьскомъ номерѣ, симулируя нападеніе на свое собственное ученіе въ статьѣ, озаглавленной «Mémoire sur les avantages de l'industrie et du commerce et sur la fécondité de la classe prétendue stérile, par M. H.». Въ январскомъ номерѣ (1766) онъ написалъ въ опроверженіе своей собственной статьи «Repose au Mémoire de M. H.» Теперь пошли и отвѣтныя статьи, причемъ Кэнэ еще много разъ выступалъ на сцену; подробнѣе всего въ обоихъ обширныхъ «Dialogues entre M. H. et M. N.», въ одномъ о торговлѣ (июнь 1766), въ другомъ о ремесленникахъ и промышленникахъ (ноябрь 1766).

Руководительство противной партіей приняло на себя правое крыло школы Гурнэ. Форбоннэ и Монтодуэнъ выступали то въ самомъ «Journale», то въ «Gazette du Commerce» противъ предполагаемаго униженія почтенныхъ классовъ торгового и промышленного. Напрасно другая сторона обращала ихъ вниманіе на то, что различие производительныхъ и непроизводительныхъ классовъ еще не содержитъ ничего оскорбительного для послѣднихъ. Этимъ должно быть выражено только тотъ физическій фактъ, что земледѣліе даетъ избытокъ веществъ, между тѣмъ какъ промышленность и торговля занимается только измѣненіемъ ихъ формы и передвиженіемъ. Противники требовали признанія равноправія этихъ категорій съ земледѣліемъ во всѣхъ

¹⁾ Oeuvres de Quesnay, стр. 364.

отношенияхъ. Земледѣліе ни въ коемъ случаѣ не составляетъ «source unique» производства и тѣмъ самымъ богатства.

Это былъ *второй догматический споръ* въ исторіи политической экономіи; но въ этотъ разъ онъ разыгрался не между двумя лицами въ предѣлахъ узкихъ стѣнъ кабинета, а на широкой публичной аренѣ. Наконецъ, вмѣшалось и правительство, въ средѣ которого находился старый противникъ Кэнэ—министръ Шуазель. Монтодуэну поручили въ официальномъ «*Mercurie de France*» произвести вылазку противъ Дю Пона и скрывающихся за нимъ приверженцевъ. Это порученіе было исполнено въ статьѣ, которая появилась 13 сентября 1766 г. за его подпись; въ ней экономисты называются «*novateurs*», желающими измѣнить весь экономический порядокъ страны и возвысить земледѣліе на счетъ высшихъ отраслей промышленности. Это былъ опасный ударъ. Кэнэ еще разъ выступилъ на поле битвы и опубликовалъ въ слѣдующемъ, октябрьскомъ номерѣ за подпись М. Н. опроверженіе на «*Observation sur le Commerce par M. Montaudouin*», причемъ Дю Понъ поддержалъ его замѣткой¹⁾). Кэнэ обращаетъ съ непривычной для него горячностью вниманіе читателей на то, что выраженіе «непроизводительный» ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отожествлено съ «вреднымъ». Трудъ духовенства, чиновниковъ, военныхъ и т. д. также непроизводителенъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства. «*Les distinctions physiques ne font rien à la dignité, elles doivent intéresser peu l'amour-propre des hommes*»²⁾.

Однако, судьба Дю Пона была уже решена. «Мы всѣ—писалъ впослѣдствіи маркизъ Мирабо своему другу, итальянцу Лонго—были на собраніи у доктора, который жилъ въ домѣ нашей знакомой дамы, когда Дю Понъ получилъ извѣщеніе обѣ отставкѣ къ концу года». Общее угнетенное состояніе вскорѣ вновь смѣнилось болѣе повышеннымъ настроениемъ, когда выступилъ аббатъ Бодо (Baudouin), незадолго до этого привлеченный въ партію, и предоставилъ въ распоряженіе друзей издававшійся имъ въ продолженіе года еженедѣльный журналъ «*Ephémérides du Citoyen*». Это предложеніе было съ радостью принято. И съ начала новаго 1767 года этотъ журналъ, превращенный въ ежемѣсячный, сталъ выходить какъ органъ исключительно новой школы, безъ обязательства предоставлять мѣсто также другимъ точкамъ зрѣнія. «*Journal de l'Agriculture, du Commerce et des Finances*» перешелъ послѣ этого подъ руководствомъ аббата Уон совершенно въ лагерь Форбоннѣ и Монтодуэна. Деятельность Дю Пона въ качествѣ редактора «*Journal*» продолжалась въ общемъ 16 мѣсяцевъ. Къ этому спору слѣдуетъ отнести замѣчаніе графа д'Альбона въ его «*Eloge historique de Quesnay*», что еслибы Кэнэ и Гурнэ могли предвидѣть

¹⁾ *Oeuvres de Quesnay*, стр. 516 и сл.

²⁾ *Oeuvres de Quesnay*, стр. 522.

при жизни первого, что въ будущемъ ихъ будутъ противоставлять другъ другу, то ихъ братское сердце возмутилось бы.

Въ теченіе всего 1766 года, во время разгара спора о продуктивности или непродуктивности промышленной дѣятельности, Адамъ Смитъ находился въ Парижѣ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ, молодымъ герцогомъ Buccleugh. По свидѣтельству Дю Пона, онъ принималъ участіе въ собраніяхъ школы и всѣ считали его единомышленникомъ. Извѣстно также его болѣе позднѣе замѣчаніе о томъ, что онъ посвятилъ бы свое «Wealth of Nations» Кэнэ, еслибы тотъ до того не умеръ. Тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ своемъ изложеніи «земледѣльческой системы», какъ онъ называлъ ученіе физіократовъ, Смитъ упрекаетъ экономистовъ за то, что они хотѣли унизить мануфактурристовъ и купцовъ, назвавъ ихъ «непроизводительными» (*degrade by the humiliating appellation of the barren or unproductiv class*, Book IV, chap. IX), между тѣмъ какъ физіократы постоянно со всей энергией протестовали противъ этого недоразумѣнія. Это тѣмъ болѣе удивительно, что, какъ извѣстно, Адамъ Смитъ въ своей системѣ также называетъ непроизводительными классами либеральныя профессіи, духовенство, чиновниковъ, военныхъ, художниковъ и т. д. Онъ бы рѣзко протестовалъ противъ обвиненія будто онъ этимъ выражаетъ нѣчто унизительное.

Дю Понъ удалился послѣ своей отставки въ Лиможъ къ своему другу Тюрго. Онъ добился отъ L'Averdy порученія статистически обслѣдовать промыселъ каменщиковъ (въ Лимузинѣ). Наряду съ этимъ онъ подготовилъ къ печати собраніе статей, написанныхъ Кэнэ для «Journal» за время его редакторства. Оно появилось въ 2-хъ томахъ въ ноябрѣ 1767 года подъ заглавіемъ, давшимъ впослѣдствіи имя всей школѣ: «*Physiocratie, ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain. Recueil publié par Du Pont, Pecking*». Трудъ этотъ былъ тотчасъ же причисленъ къ классическимъ книгамъ школы, по крайней мѣрѣ эти два первыхъ тома. Впослѣдствіи Дю Понъ выпустилъ еще четыре тома съ произведеніями другихъ авторовъ, среди нихъ и самого себя, которыя, однако, встрѣтили мало вниманія.

Среди опубликованныхъ Дю Пономъ сочиненій Кэнэ особенно выдѣляются «*Analyse du Tableau économique*», опубликованный въ юньскомъ номерѣ «Journal» за 1766 г.; далѣе обѣ «*Problèmes économiques*», явившіяся иллюстраціей способа примѣненія «Tableau». Изъ нихъ первая (августъ 1766) обсуждаетъ вопросъ о хлѣбной торговлѣ, вторая о лучшей налоговой системѣ. Послѣдняя статья не могла быть напечатана въ «Journal» по причинѣ отставки Дю Пона и появилась потому впервые въ этомъ сборнике. Появленіе «*Analyse*» обязано выраженному публикой желанію имѣть вкратцѣ изложенное объясненіе «Tableau» «en langue vulgaire», потому что появившіяся до этого времени «*Explications*» Мирабо не были удобопонятны. Дю Понъ

рассказывает въ предисловіи, что онъ считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ сообщить объ этомъ желаніи самому автору, послѣ чего ему и былъ присланъ «Analyse du Tableau économiique». Послѣднему предпослана уже разобранная¹⁾ нами цитата изъ Ксенофонтова «Oekonomikus»: «Когда процвѣтаетъ земледѣліе, процвѣтаютъ и всѣ другія искусства; если же земледѣліе приходитъ въ упадокъ, то вмѣстѣ съ нимъ погибаютъ и всѣ прочія отрасли промышленной дѣятельности, на сушѣ и на морѣ». Это изреченіе получило впослѣдствіи у физіократовъ модернизированную форму: «Раунг Paysan, раунг Royaume, раунг Roy». Оно приписывается обыкновенно Кэнэ, что, быть можетъ, и вѣрно. Но напрасно было бы искать это изреченіе, по крайней мѣрѣ въ его полномъ объемѣ, въ сочиненіяхъ Кэнэ.

Нельзя сказать, что Tableau сдѣлался болѣе понятнымъ благодаря «Analyse» Кэнэ. Послѣдній составляетъ вообще лишь выдержку. Общее впечатлѣніе, имъ производимое, скорѣе впечатлѣніе игры понятіями, чѣмъ теоретического фундамента, на что онъ претендуетъ. Это мало лестное впечатлѣніе исчезаетъ, однако, при ознакомленіи съ обѣими болѣе поздними «Problèmes», показывающими способы его примѣненія. Здѣсь приводятся на числовыхъ примѣрахъ точныя и обширныя исчисленія, за которыми хотя и трудно усѣдѣть, но которые производятъ, однако, впечатлѣніе, что рѣчь идетъ о дѣйствительно серьезному вопросѣ. Основная мысль та, что «Tableau économiique» изображаетъ здоровое общественно-экономическое состояніе, т.-е. въ «état le plus avantageux aux hommes réunis en société»; между тѣмъ «Problèmes» изображаютъ болѣзньенное состояніе, когда потеряно равновѣсіе. Задача заключается въ томъ, чтобы на основаніи вычисленій найти средства, противодѣйствующія упадку (*déperissement*) и помогающія вернуть «Tableau», переставшей дѣйствовать, ея уравновѣщающую роль и этимъ самымъ привести общество въ «état de prospérité». Числа, которые Кэнэ примѣняетъ при этомъ, совершенно гипотетичны. Государственные дѣятели должны подставлять вмѣсто нихъ числа, взятыя въ каждомъ данномъ случаѣ изъ реальной жизни, т.-е. изъ статистики. Статистика составляется, такимъ образомъ, условіе примѣненія Tableau. Если невѣрны данные, то то же самое слѣдуетъ сказать о выводахъ построенного на нихъ исчисленія.

Но не всѣ сочиненія Кэнэ изъ «Journal» были воспроизведены Дю Пономъ въ «Physiocratie». Среди пропущеннаго находится появившаяся въ январскомъ номерѣ 1766 г., очень важная для выясненія точки зреянія автора статья «Observations sur l'intérêt de l'argent par M. Nisaque». Мы знаемъ, что Кэнэ обработалъ для Энциклопедіи также статью «Intérêt de l'argent», которая, однако, затерялась. Здѣсь предъ нами, очевидно, выдержка изъ нея. Почему Дю Понъ выпустилъ

¹⁾ Стр. 30 этого произведения.

ее? Въ отвѣтъ можно указать на обстоятельство, очень важное для вѣрной оцѣнки ученія Кэнэ. Школа была послѣдовательницей Кэнэ не во всѣхъ вопросахъ, какъ обыкновенно полагаютъ. Дю Понъ находился во время подготовленія сборника въ средѣ Тюрго. Относительно Гюрго намъ извѣстно, что онъ въ противоположность своему другу и учителю Гурнэ сочувствовалъ идеѣ абсолютной свободы процента. Эту точку зрѣнія онъ впослѣдствіи въ 1769 году развилъ подробно въ своемъ «Mémoire sur les prêts d'argent». Въ вышеупомянутой статьѣ, Кэнэ замѣтно проявляетъ нѣкоторую симпатію къ законодательному ограничению процента, чтобы высота его махинаціями ростовщиками не могла подниматься надъ размѣромъ обычного чистаго дохода съ земли, ибо, въ такомъ случаѣ, нарушается естественный порядокъ. Дю Понъ же, напротивъ, склонялся къ мнѣнію Тюрго. Неудивительно, что для него какъ и для другихъ членовъ школы, упомянутое сочиненіе Кэнэ было неудобно, почему онъ и выпустилъ его, вѣроятно, по совѣту Тюрго.

Можетъ быть для того, чтобы скрыть мотивы этого поступка, онъ такъ же поступилъ и съ другой статьей, которая болѣе согласовалась съ его міровоззрѣніемъ. Рѣчь идетъ объ упомянутыхъ уже прежде «Remarques sur l'opinion de l'auteur de l'Esprit des Lois concernant les Colonies». Здѣсь Кэнэ критикуетъ выставленный Монтескіе принципъ, что колоніальная торговля должна быть монополіей метрополіи. Въ «Physiocratie» недостаетъ также всѣхъ статей Кэнэ, опубликованныхъ въ «Ephémérides du Citoyen», о которыхъ рѣчь еще впереди. Въ моемъ изданіи «Oeuvres de Quesnay» я вновь собралъ и опубликовалъ эти отчасти забытыя статьи.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о заглавіи сборника, которое послужило впослѣдствіи, какъ уже было упомянуто, названіемъ для всей школы. Обыкновенно предполагаютъ, что составленное по греческому образцу выраженіе «физіократія» (господство природы) встрѣчается здѣсь впервые въ литературѣ и что слѣдовательно Дю Пона слѣдуетъ считать авторомъ этого характернаго для системы названія. Такъ думаетъ въ частности и Г. Шелле въ своемъ почтенномъ труде «Du Pont de Nemours et l'Ecole physiocratique» (1888)¹). Въ противоположность этому я въ другомъ мѣстѣ²) обратилъ вниманіе на то, что это выраженіе встрѣчалось еще полгода раньше въ статьѣ Baudeau «Principes de tout gouvernement», опубликованной въ «Ephémérides» (апрѣль 1767). Здѣсь говорится именно о «principes de la physiocratie, c'est-à-dire, de l'ordre naturel et social, fondé sur la né-

¹⁾ „Cette doctrine à laquelle il (Du Pont) a donné lui-même le nom de Physiocratie“ etc. p. 3.

²⁾ Oeuvres de Quesnay, p. 696; далѣе въ статьѣ „Quesnay“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2 Aufl., Bd. VI, S. 280, Note.

cessité physique et sur la force irrésistible de l'évidence». Но ни Дю Понъ, ни Бодо никогда не претендовали на изобрѣтеніе этого слова, они меньше всего думали о томъ, чтобы такимъ образомъ дать ученю и его группѣ типичное название¹⁾). Можно поэтому не безъ иѣкотораго основанія утверждать, что это словопроизводство принадлежитъ самому Кэнэ; извѣстно его пристрастіе къ греческому языку и литературѣ, да и заглавіе относится къ его собственнымъ трудамъ. Мало того, мы имѣемъ неоспоримый признакъ того, что онъ самолично былъ причастенъ къ составленію заглавнаго листа. А именно, послѣдній снабженъ еще слѣдующимъ латинскимъ эпиграфомъ:

Ex natura, jus et leges
Ex homine, arbitrium, regimen et coercitio.

F. Q.

Въ первый и единственный разъ мы встрѣчаемъ тутъ инициалы, указывающіе на имя Кэнэ. Такимъ образомъ, авторство его здѣсь не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы не ошибемся, если припишемъ не только латинскій эпиграфъ, но и греческое словопроизводство той личности, которой принадлежитъ и содержаніе произведенія. Еще одно обстоятельство: мѣстомъ печатанія указанъ «Pecking», т.-е. столица того государства, въ которомъ Кэнэ находилъ осуществленнымъ свой «ordre naturel», о чёмъ онъ какъ разъ тогда опубликовалъ въ «Ephémérides» длинную статью подъ заглавіемъ «Despotisme de la Chine»; это также позволяетъ заключить, что весь заглавный листъ съ начала до конца составленъ самимъ авторомъ, а не его ученикомъ, который является только издателемъ.

Здѣсь будетъ умѣстно затронуть вопросъ еще объ одномъ имени. Обыкновенно полагаютъ, что название «меркантильной системы» для характеристики дофізіократического образа мыслей—ведеть начало отъ Адама Смита, который пользуется въ «Wealth of Nations» поочередно названіями «mercantile system» и «commercial system». И эти два выраженія должны быть отнесены на счетъ Кэнэ. Терминъ «système mercantile» находится уже въ его разработанной совмѣстно съ Мирабо (1763 г.) «Philosophie rurale» (тому III, стр. 91, помѣтка на поляхъ); название «système de commerce» Кэнэ даетъ опровергающему ученю въ упоминавшихся уже иѣсколько разъ, направленныхъ противъ Монтескье «Remarques concernant les Colonies» (1766). Обыкновенно, впрочемъ, употребляются имъ выраженія «régime réglementaire» или «système du privilège exclusif», которыя еще долго употреблялись наряду съ тѣми.

¹⁾ Въ Германіи выраженія „Physiokraten“ и „Physiocratisches System“ были употреблены впервые, хотя и въ связи съ трудомъ Дю Пона, Mauvillon'омъ а именно въ 1776 г. Они сами называли себя, какъ раньше, такъ и впослѣдствіи „Economistes“ или „Philosophes économistes“.

Въ томъ же году, къ концу котораго появилась «Physiocratie», появился и другой важный трудъ, который носитъ отпечатокъ ученія Кэнэ и предлагаетъ это ученіе широкой публикѣ въ болѣе доступной формѣ, чѣмъ это дѣжалось до сихъ поръ; это трудъ *Mercier de la Rivière* (Mercier de la Rivière) «L'ordre naturel et essentiel des Sociétés politiques» (1767). Адамъ Смить отмѣчаетъ эту «маленькую книгу» (на самомъ дѣлѣ она совсѣмъ не мала), какъ лучшее изложеніе экономического ученія. Но это безусловно преувеличено. Въ сущности эта книга является лишь блѣдной популяризацией того, что было сказано самимъ Кэнэ въ болѣе скатой формѣ. Въ книгѣ нѣть ии малѣйшаго слѣда оригинальности и, очевидно, этому обстоятельству и слѣдуетъ приписать ея успѣхъ у публики. Какъ было замѣчено выше, тогдашній русскій посланникъ въ Парижѣ, князь Голицынъ, рекомендовалъ автора императрицѣ Екатеринѣ II, чтобы оказать ей иѣкоторую помошь при составленіи ею новыхъ законовъ. Она вызвала къ себѣ де ла Ривьера, и при громкихъ привѣтствіяхъ своей партіи онъ выѣхалъ въ Петербургъ еще къ концу того же года. Но образъ мысли Екатерины уже находился подъ вліяніемъ Монтескіе, такъ что между ними не могло установиться необходимое отношеніе. На умную императрицу не могъ, впрочемъ, произвести впечатлѣніе доктринеръ, заимствовавшій свои идеи изъ вторыхъ рукъ. Извѣстно ея замѣченіе въ письмѣ къ Вольтеру, что Ривьеръ думалъ найти въ Россіи людей бѣгающими на четверинкахъ и считать своей обязанностью прежде всего вѣжливѣнко поставить ихъ на заднія ноги. Послѣ непродолжительного и безплодного пребыванія онъ тихо и разочарованно возвратился въ Парижъ. Съ тѣхъ поръ замолкли громкія похвалы, которыя его приверженцы расточали до тѣхъ поръ сѣверной Семирамидѣ.

Въ Парижѣ партіи между тѣмъ удалось приобрѣсти возрастающее значеніе. И это было главной заслугой Мирабо. Съ самаго момента, когда «Ephémérides du Citoyen» сдѣлался органомъ партіи (январь 1767 г.), Мирабо сталъ устраивать въ своемъ парижскомъ отелѣ на Rue de Vaugirard два вечернихъ экономическихъ собранія еженедѣльно; одно эзотерическое по вторникамъ, на которомъ обсуждались внутреннія дѣла партіи,—другое эзотерическое по пятницамъ для вербовки новыхъ членовъ. Сначала былъ общій обѣдъ, затѣмъ начинались дискуссіи. Дамы также имѣли доступъ. Вночѣствіи оба вечера были соединены въ одинъ—по вторникамъ, на которомъ читались и обсуждались статьи, предназначенные къ опубликованію въ «Ephémérides». То, что до сихъ поръ носило при участіи Кэнэ нерегулярный характеръ, продолжалось теперь въ организованной формѣ. Мирабо при этомъ подражалъ, съ одной стороны, бывшему «Club de l'Entresol», съ другой—прежнимъ собраніямъ школы Гурнэ. Въ теченіе десятилѣтняго своего существованія (1767—1776) эти «séances

académiques», развившися подъ руководствомъ Мирабо въ «espace d'académie», пользовались все возраставшимъ успѣхомъ. Вначалѣ, повидимому, мѣсто секретаря занималъ Бодо. Когда же онъ въ маѣ 1768 г., слѣдя зову виленского епископа, поѣхалъ въ Польшу, Дю Понъ взялъ на себя и эту должность наряду съ должностю редактора «*Ephémérides*». Обыкновенно засѣданія открывались осенюю рѣчью предсѣдателя и заканчивались въ началѣ лѣта обзоромъ сдѣланнаго ¹⁾.

Старѣющій Кэнэ лишь изрѣдка прѣѣжалъ изъ Версаля на эти засѣданія. И участіе его въ партійномъ органѣ сократилось. Въ объявленіи о подпискѣ на 1767 г. Бодо прославляется его какъ «Confucius d'Europe». Очевидно, онъ уже тогда имѣлъ въ своихъ рукахъ обширную рукопись, въ которой Кэнэ, слѣдя общему духу времени, восхищался китайскими порядками; заглавіе этой рукописи «Despotisme de la Chine». Она была напечатана въ номерахъ марта—июня и, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ считаться экономическимъ завѣщеніемъ Кэнэ. Ему должна была быть особенно симпатична страна, въ которой почитаніе земледѣлія выражалось въ томъ, что императоръ ежегодно торжественно управляетъ плугомъ. Къ тому же минная долговѣчность Китайской Имперіи, казалось, доказываетъ правильность порядка правленія, согласнаго съ «ordre naturel». Въ концѣ статьи приводятся основныя положенія китайского способа управления. Съ совершенно незначительными отклоненіями они представляютъ собою положенія собственнаго ученія Кэнэ.

Помимо этой болѣе длинной и важной статьи, въ которой все же замѣтны признаки начинающейся старости, Кэнэ напечаталъ въ «*Ephémérides*» лишь нѣсколько очерковъ. Прежде всего слѣдуетъ назвать «Analyse du gouvernement des Incas de Pérou», где онъ старается найти слѣды «Ordre naturel» также у инковъ. Затѣмъ «Lettre de M. Alpha, maître ès-arts, à l'auteur des Ephémérides sur le langage de la Science économique» (октябрь 1767). Въ этомъ послѣднемъ находится единственное мѣсто, где Кэнэ употребляетъ формулу «laissez faire et laissez passer», да и то въ видѣ ссылки на одну изъ статей Бодо, обращаясь къ которому онъ говоритъ: «Vous ne connaissez qu'une seule rѣgle du commerce, c'est (pour me servir de vos propres termes) de laissez passer et de laissez faire tous les acheteurs et tous les vendeurs quelconques». Замѣчательно, однако, то, что у Бодо въ цитированномъ мѣстѣ нѣть этихъ словъ. Тамъ (августовскій номеръ 1767) говорится: «Laissez la plus enti re libert  possible au commerce et à la concurrence parfaite» ²⁾. Очевидно, Кэнэ смѣшилъ его съ Мирабо.

¹⁾ Все происходившее въ этой академіи въ теченіе 1772—1774 гг. подробно изслѣдовано въ работе: Karl Knies, „Carl Friedrichs von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau und Du Pont“ 1892. См. также мою статью „Zur Geschichte der Physiokratie“ въ Schmollers Jahrbuch, Jahrg. 1893,

²⁾ См. G. Schelle, Vincent de Gournay, p. 216, Note 2.

Въ февралѣ 1768 г. появилась послѣдняя статья Кэнэ въ видѣ двухъ «*Lettres d'un Fermier et d'un Propriétaire*», гдѣ Кэнэ еще разъ сводить счеты со своимъ старымъ противникомъ Форбоннэ. Зато тѣмъ многочисленнѣе становятся статьи Мирабо и другихъ членовъ «секты», какъ все чаще и чаще стали называть въ обществѣ школу, къ ея большому неудовольствію. Разборъ этихъ статей завелъ бы нась слишкомъ далеко¹⁾). Упомяну только, что журналъ имѣлъ большое распространеніе за границей, и съмена, имъ тамъ посыпанная, продолжали давать ростки, когда во Франціи ученіе давно было забыто.

Къ концу своей жизни Кэнэ вернулся къ своимъ любимымъ занятіямъ ариѳметикой и геометріей. Въ 1773 г., за годъ до смерти онъ опубликовалъ сочиненіе «*Recherches philosophiques sur l'évidence des vérités géométriques*», которому онъ, повидимому, придавалъ большое значеніе, тогда какъ послѣдователи Кэнэ находили въ этой работе признаки наступающей старческой слабости. Онъ думалъ, что нашелъ иѣчто вродѣ квадратуры круга. Книга вышла въ такое время, когда въ лагерѣ школы царilo глубокое уныніе. Тогдашній генеральныи контролеръ, аббатъ Террэ (*Terray*) сдѣлалъ редакціи «*Ephémérides*» предостереженіе и, подъ угрозой закрытія, предписалъ слѣдовать ограничительнымъ правиламъ. При такихъ обстоятельствахъ предпочли въ ноябрѣ 1772 г. закрыть журналъ²⁾). Дю Понъ, вложившій въ предпріятіе значительную часть своего имущества былъ безутѣшенъ. Онъ принялъ предложеніе польскаго князя Чарторыйскаго быть у него личнымъ секретаремъ и воспитателемъ его дѣтей, и въ началѣ 1774 г. выѣхалъ въ Варшаву. Едва только онъ успѣлъ прибыть туда, какъ получилось извѣстіе о возвышенніи Тюрго, а вскорѣ затѣмъ и его вызвали обратно въ Парижъ, въ учрежденное Тюрго при министерствѣ литературное бюро; тогда онъ послѣ кратковременнаго пребыванія въ Польшѣ вернулся обратно.

Самая смѣлья надежды Кэнэ, казалось, получаютъ однимъ ударомъ свое осуществленіе,—и это въ такой моментъ, когда всякая надежда на успѣхъ была потеряна и когда ему лично пришлось испить чашу страданій. Вѣроятно по причинѣ разногласій съ другими врачами, призванными къ смертному одру короля, наследникъ еще за нѣсколько дней до смерти Людовика XV уволилъ его отъ должности и далъ ему отставку. Съ философскимъ спокойствиемъ перенесъ Кэнэ эту немилость, хотя она и сильно его затронула, какъ показываетъ разсказъ Мирабо. Тогда судьба внезапно и неожиданно подарила послѣдний солнечный лучъ больному старцу. Въ іюлѣ 1774 г. его ученикъ Тюрго возвысился до положенія совѣтника короля.

¹⁾ Подробный отчетъ объ нихъ можно найти въ статьѣ S. Bauer'a „*Ephémérides*“ въ *Palgraves Dictionnaire of Political Economy*.

²⁾ По неопубликованной перепискѣ Дю Пона съ шведскимъ графомъ von Scheffer.

Счастьемъ для Кэнэ было то обстоятельство, что судьба не дала ему пережить паденіе его приверженца. Черезъ полъ года послѣ призыва Тюрга, 16 сентября 1774 года основатель «экономического ученія» скончался, не теряя сознанія почти до послѣдняго момента, въ своей квартирѣ въ «grand commun» въ Версалі. Ревматизмъ, сопутствовавшій ему большую часть его жизни, наконецъ одолѣлъ его¹⁾. 20-го декабря въ помѣщеніи школы произошло торжественное собрание, посвященное его памяти, причемъ Мирабо держалъ передъ бюстомъ почившаго напыщенную рѣчь²⁾. Смерть «учителя» сначала не произвела никакого задерживающаго вліянія на развитіе школы, внезапно вошедшій въ моду. Потеря, которую потерпѣла партія, дала себя почувствовать лишь, когда положеніе Тюрга пошатнулось и внутри партіи возникли разногласія. Тогда почувствовался недостатокъ въ примиряющемъ элементѣ и паденіе Тюрга увлекло за собой и всю школу.

§ 2. Ученіе.

а. *Общий взглядъ.* Чтобы правильно понять ученіе физіократовъ—необходимо, прежде всего, помнить, что «science économique» является не только специальной наукой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пѣтымъ міровоззрѣніемъ, построеннымъ на экономическомъ фундаментѣ «Ordre naturel et social», въ который вѣрили «philosophes-économistes»,—это опытъ соціальной философіи, построенной на основаніяхъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя мы находимъ у итальянца Джордано Вико. Кэнэ въ статьѣ «Le droit naturel» насыщается надъ тѣми, которые пытаются убѣдить себя «qu'il est dans l'ordre de la fatalit  des gouvernements d'avoir leurs commencements, leurs progr s, leur plus haut degr  de puissance, leur d clin et leur fin»³⁾; съ тѣмъ же намѣреніемъ, въ заключеніе статьи «Despotisme de la Chine» онъ говоритъ: «слишкомъ обще вѣрятъ, что правительства государствъ имѣютъ лишь преходящія формы, что все на этомъ свѣтѣ подвержено постояннымъ измѣненіямъ, что государства имѣютъ—каждое свое возникновеніе, свое развитіе, свое паденіе и свой конецъ»⁴⁾.

¹⁾ О наслѣдствѣ, оставленномъ Кэнэ, сообщаетъ подробная свѣдѣнія „M moire sur la fortune de Fran ois Quesnay“, опубликованный секретаремъ „Soci t  arch ologique de Rambouillet“ Lorin. Согласно этимъ свѣдѣніямъ размѣръ наслѣдства былъ 234608 L., половину которыхъ получилъ его сынъ Blaise-Guillaume, землевладѣлецъ въ Nivernais, другую—дѣти скончавшейся въ 1761 г. супруги коллеги Кэнэ, хирурга P. H vin—Marie-Jeanne Nicole.—23 августа 1896 года Soci t  populaire du Canton de Montfort l'Amaury (предсѣдатель г-нъ Jules Allain-le Cannu) воздвигло ему въ M r , мѣстѣ его рождения, памятникъ.

²⁾ Перепечатано въ „Oeuvres de Quesnay“, р. 3 f.

³⁾ Oeuvres de Quesnay, стр. 374.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 660.

Говоря все это Кэнэ, очевидно, имѣлъ въ виду Монтескье и Бодена. Противорѣча такому «fatalisme absurde», примѣръ Китая доказываетъ, что существуетъ «ordre stable par essence», соблюденіе котораго сообщаетъ каждому политическому союзу свойства «empire fixe et durable». Послѣ этого, собственно говоря, ничего не существуетъ, что не стояло бы въ какомъ-нибудь отношении къ «science économique», о которой графъ д'Альбонъ въ своемъ «Eloge historique de M. Quesnay» говорить, что «въ кругъ, который ее охватываетъ, попадаетъ религія, нравы, законы, политика, финансы, земледѣліе, торговля, искусства, учебная часть, взаимные обязанности, короче все то, что содѣйствуетъ благополучию государя и подданныхъ»¹⁾). Въ такомъ же смыслѣ выражался Мирабо въ надгробной рѣчи о своемъ другѣ и учителѣ: «онъ открылъ въ медицинѣ животную экономію, въ метафизикѣ—моральную, въ земледѣліи—политическую и, образуя изъ всего того, что человѣкъ представляетъ, понимаетъ, желаетъ, приобрѣтаетъ, достаетъ и производить, иѣчто цѣльное, онъ объединялъ это все, исходя изъ двойкой точки зренія нашихъ правъ и обязанностей, которая дасть намъ Богъ въ моментъ своей творческой воли и которая сдѣлала очевидными въ великихъ законахъ естественного порядка»²⁾.

Кэнэ стремился, какъ это уже было замѣчено, предпринять такую же реформу въ современной философіи, какую предпринялъ Сократъ въ древней. У Картизія—родоначальника новой философіи—только теоретическая философія подобающимъ образомъ была обоснована. Онъ пренебрѣгъ практической философіей. Только въ его ученихъ обѣ аффектахъ есть иѣкоторые намеки на нее. Мальбраншъ пытался пополнить его въ этомъ отношеніи; но онъ оставался одиноко на высотахъ метафизики, не спускаясь до обыденной человѣческой жизни. Какъ иѣкогда Сократъ произвелъ въ древности цѣлый переворотъ перемѣстивъ центръ тяжести философіи изъ теоретической части въ практическую; такъ и Кэнэ поставилъ подобную же цѣль—предъ современной философіей, продолжая даѣше труды Мальбранша. При этомъ онъ думалъ, что идетъ дальше Сократа, входя въ научное разсмотрѣніе промышленной жизни, пренебрегаемой въ древности. Послѣ этого понятно пропитанное ясмѣщкой выраженіе Мирабо въ надгробной рѣчи надъ тѣломъ Кэнэ: «Сократъ, какъ говорятьъ, низвергъ мораль съ неба, нашъ же учитель даѣшь ей возможность пустить всходы на землѣ. Небесная мораль давала духовную пищу только немногимъ привилегированнымъ, эта же мораль изъ своего чистаго дохода (*produit net*) обеспечиваетъ всѣму человѣчеству средства къ жизни, препятствуетъ расхищенію ихъ посредствомъ грабежа и обмана, указываетъ распределеніе, обеспечиваетъ воспроизведеніе ихъ и

¹⁾ Тамъ же, стр. 64. ²⁾ Тамъ же, стр. 9.

т. д.»¹). Съ особенной любовью ссылается Кэнэ на тѣ мѣста, гдѣ ученики Сократа, а именно Ксенофонтъ и Платонъ, вкладывали въ уста своего учителя изречения, которые касались преслѣдуемой Кэнэ точки зрења. Такъ—эпиграфъ къ «Analyse du Tableau économique о важности земледѣлія взятъ изъ «Экономики» Ксенофона; равнымъ образомъ эпиграфъ для второй «Problème économique» о необходимости подвергать политической материалъ численному изученію—изъ «Законовъ» Платона²).

Съ Аристотелемъ у Кэнэ дѣло обстояло хуже. Образъ воззрѣній первого былъ для послѣдняго очевидно слишкомъ историческимъ. Въ особенности Кэнэ не признавалъ установленного стагиритомъ дѣленія практической философіи на этику, политику и экономику. По его мнѣнію, всѣ эти дѣленія сливаются въ одну науку. Благосклонно упоминаетъ онъ о томъ, «que les Chinois ne distinguent point la Morale de la Politique»; искусство жить добродѣтельно было одно и то же съ искусствомъ хорошо управлять, «et ces deux sciences n'en font qu'un»³), говоритъ онъ. Даѣте то же самое: «Законы Китая всѣ основаны на законахъ морали; мораль и политика образуютъ одну и ту же науку»⁴). Такое воззрѣніе ведетъ свое начало, главнымъ образомъ, отъ Конфуція, котораго китайцы чтили «comme le plus grand des docteurs, le plus grand réformateur de la législation, de la morale et de la religion de cet empire»⁵). Ученкъ Кэнэ—Бодо называлъ его поэту, какъ мы знаемъ,—«Конфуциемъ Европы».

Цѣлью Кэнэ было—содѣйствовать всеобщей соціальной и государственной реформѣ, которая сладила бы экономическую рознь между интересами землевладѣльческими и капитала, и чтобы притомъ ни одно сословіе не могло выйти изъ заранѣе опредѣленныхъ ему закономъ границъ или пріобрѣсти незаконный перевѣсь. Это имѣло мѣсто, по его мнѣнію, во Франціи относительно городскихъ интересовъ, вскормленныхъ придворнымъ и своевольнымъ абсолютизмомъ (*despotisme arbitraire*). Дѣло идетъ о томъ, чтобы отвоевать подобающее мѣсто подавленнымъ интересамъ представителей земли, а именно сельской производительной дѣятельности. Крестьянинъ находится подъ двойнымъ гнетомъ: во-первыхъ, феодализма, стѣсняющаго его мелкое производство, а во-вторыхъ—государственного предпочтенія промышленности. Земледѣлецъ долженъ подняться до высоты сельскохозяйственного предпринимателя, до высоты арендатора-буржуза, какъ это имѣеть мѣсто въ Англіи. Поэтому можно въ соціально-историческомъ смыслѣ охарактеризовать систему физіократовъ, какъ систему протекціонизма *сельскому третьему сословію*, которую отно-

¹) *Oeuvres de Quesnay*, стр. 8. Слѣдующія подстрочные указанія относятся всѣ, гдѣ не указано ничего иного, также къ этому изданию.

²) Стр. 305 и 696. ³) Стр. 592. ⁴) Стр. 605. ⁵) Стр. 575.

сительно можно противопоставить системъ протекціонизма городскому третьему сословію, характеризующей меркантилизмъ. Изложеніе учнія Кэнэ во всемъ его объемѣ, затрудняется прежде всего тѣмъ, что онъ самъ не оставилъ послѣ себя систематического труда, все въ себѣ заключающаго. Можно только свести вмѣстѣ нѣкоторые отрывки изъ его сочиненій и очерковъ. Кроме того при изученіи его трудовъ много мѣшаетъ то обстоятельство, что школа отнюдь не во всѣхъ отношеніяхъ сдѣдовала за учителемъ; вслѣдствіе этого можно придавать только второстепенное значеніе сочиненіямъ, написаннымъ о Кэнэ сообща нѣкоторыми его учениками (напр. Мирабо и Мерье де ла Ривьеромъ).

б. *Методъ.* Кэнэ стоялъ въ такое же отношеніе къ задачѣ, какъ и Картизій, который впервые перенесъ *арифметико-геометрический методъ* или *методъ точного изслѣдованія*, примѣнившися раньше въ области физики, въ область моральныхъ отношеній; этимъ самымъ онъ подводилъ подъ одну и ту же точку зренія двѣ области, прежде остававшіяся раздѣльными. Хотя и другіе уже защищали подобный методъ, какъ напримѣръ—Платонъ въ древности, Гоббсъ и его критикъ Кэмберлэндъ въ новое время¹⁾, но однако никто не пользовался имъ въ достаточной мѣрѣ. Соответственно этому Кэнэ не полагаетъ грани между естественными и гуманитарными науками. Правда, онъ проводилъ различие между законами моральными (*lois morales*) и физическими (*lois physiques*). Но они не противополагаются другъ другу, какъ это позднѣе требовалъ Кантъ, они скорѣе идутъ параллельными путями и образуютъ въ своей связи—естественные законы (*lois naturelles*). Такимъ образомъ, вся область человѣческихъ дѣйствій, равно какъ и физическихъ явлений подпадаетъ исчислению; также права и обязанности дѣлаются «опредѣляемыми по количеству и вѣсу и исчисляемыми на талеры и пфениги». Дѣло идетъ о томъ, чтобы отыскать для людей, по выраженію Мирабо, «la mѣthode infaillible et calculée d'etre heureux et justes»²⁾.

Средствомъ сдѣлать общественные отношенія доступными для расчетовъ—является «Tableau *économique*». До появленія «Tableau *économique*», говорить Дю Понъ въ «Avis au lecteur» къ «Analyse», «science *économique*» была только «science conjecturale»; въ ней можно было работать только соответственно накопленію эмпирическаго материала, въ то время какъ «depuis l'ingenieuse invention de la formule du Tableau *économique*, cette mѣme science est devenue une science exacte, dont tous les points sont susceptibles de dѣmonstrations aussi s閙vères et aussi incontestables que celles de la g閍ometrie et de l'alg鑦bre»³⁾. Послѣ того, какъ намъ стало ясно, что значеніе «Tableau»

¹⁾ Смотри выше стр. 31 и 222 и сл.

²⁾ Oeuvres de Quesnay, стр. 5. ³⁾ Стр. 442.

заключается въ ея методѣ, а не въ содѣржаніи, какъ это обыкновенно полагалось, становится также понятнымъ, почему физіократы ставятъ ее во главѣ своей системы, почему видятъ въ ней «ключъ къ научному знанію и почему Мирабо, конечно съ большимъ преувеличеніемъ, говорилъ о ней, что она является третьимъ величайшимъ изобрѣтеніемъ человѣческаго рода, послѣ изобрѣтеній письма и денегъ¹⁾). Болѣе подробное объясненіе «Tableau *économique*» можно будетъ дать только въ заключеніе, такъ какъ оно требуетъ предварительного общаго обзора системы. Точка зреінія «точности» у Кэнэ побуждаетъ его неоднократно къ рѣзкимъ нападеніямъ на исторіческій методъ. Послѣдній долженъ быть оставленъ, какъ въ области теоріи, такъ и при ея практическомъ примѣненіи. Историки ищутъ скорѣе удовлетворенія любопытства, чѣмъ любознательности. Притомъ этотъ методъ приводить, вернемся опять къ старому, къ фаталистическому предположенію, что народы необходимо должны переживать возникновеніе, ростъ, упадокъ и конецъ. Это касается только тѣхъ націй, которых управляются не по абсолютнымъ принципамъ естественного порядка. Доказательствомъ этому служить, такъ сказать, вѣчная твердьня китайскаго государства, которое управляетъ по справедливымъ положеніямъ Конфуція и которое поэтому, какъ показываетъ опытъ, остается неизмѣннымъ.

Кэнэ перенесъ сюда главную точку зреінія изъ своей профессіи—изъ медицинской науки. Онъ рѣзко отличаетъ у общества, какъ и у отдельнаго человѣка, здоровое или совершенное состояніе, когда его силы находятся въ равновѣсіи, отъ больного или несовершенного состоянія. Здоровье—это прочно намѣченный идеалъ, который надо стараться осуществить, держась строго опредѣленного образа жизни. «Tableau *économique*» въ своемъ положеніи равновѣсія отражаетъ «*état le plus avantageux au genre humain*». Реальные отношенія всегда отступаютъ отъ него болѣе или менѣе.

Поэтому дѣло въ томъ, чтобы никогда не терять изъ глазъ этого совершенного или «естественнаго» состоянія и избѣгать ложныхъ путей. Средства и пути для его возстановленія даютъ «максимы», которые приложены къ «Tableau». Въ общемъ же гигиена и въ соціальной жизни, какъ и въ физической имѣть преимущество передъ терапіей. Каждое физическое тѣло, какъ и общественное, обладаетъ известнаго рода естественнымъ устройствомъ, которое само въ себѣ поддерживаетъ порядокъ; обладаетъ оно также и естественной излѣтельной силой, которую врачъ долженъ умѣло направлять, но не подавлять. Если взять сравненіе, то лихорадка отнюдь не всегда означаетъ упадокъ силъ, почему она должна быть подавляема, но также часто она является, какъ дѣйствіе самостоятельной цѣлительной силы

¹⁾ Philosophie morale, t. I, p. 52.

природы¹⁾). Соответственно этому, надо быть крайне осторожнымъ въ кровопусканіи, которое обыкновенно рассматривается какъ абсолютное цѣлительное средство. Часто бываетъ такъ, что какъ разъ пускается здоровая кровь, которая необходима больному для его выздоровленія. Въ концѣ концовъ, врачъ долженъ дѣйствовать активно только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и долженъ направлять все свое вниманіе, главнымъ образомъ, на возстановленіе здороваго образа жизни и устраненія причинъ болѣзни. Вотъ это-то и понималъ Кэнэ подъ искусствомъ «de guerir par un bon rgime»²⁾). Но это не значитъ, чтобы врачъ вообще былъ лишнимъ. Кэнэ прославляется Конфуціемъ, который самъ былъ въ одно и тоже время «et le maître et le docteur de l'empire»³⁾). Медицина для Кэнэ сдѣлалась,—какъ говорить одинъ изъ его бiографовъ, Романсъ де Мемонъ (R. de Mesmon),—точкой опоры, при посредствѣ которой творческій духъ его перекинулъ мостъ черезъ ту пропасть, которая отдѣляла низкое занятіе земледѣліемъ отъ высокихъ спекуляцій политики⁴⁾). Это въ сущности Платоновскія идеи, перемѣшанные съ медицинской и естественной точками зрѣнія.

с. *Метафизика*. Приводимыя здѣсь идеи излагаются въ двухъ мѣстахъ: прежде всего, въ дополненномъ второмъ изданіи «Economie animale» 1747 года въ 3 томѣ (первое однотомное изданіе 1736 года содержитъ въ себѣ только общее естественно-научное, т.-е. физиологическое изложеніе) и потомъ въ краткомъ изложеніи въ статьѣ «Evidence» въ Энциклопедіи, 1756 г. Вмѣстѣ съ Картизіемъ Кэнэ признаетъ двѣ мировыя субстанціи: *духъ* и *матерію*. Онъ не соглашается съ учениемъ Спинозы обѣ единой субстанціи⁵⁾). Обѣ эти основныя субстанціи не дѣйствуютъ другъ на друга, потому что, сами по себѣ, онѣ пассивны. Для этого воздействиа необходимъ третій элементъ, *движеніе* (*mouvement*). Этотъ элементъ исходить отъ Бога, какъ отъ единаго активнаго основного принципа вселенной. «Les deux substances ne peuvent agir l'une sur l'autre. C'est l'action de Dieu qui vivifie tous les corps animés, qui produit continuellement toute forme active et intellectuelle»⁶⁾). Божество также вызываетъ въ человѣкѣ ощущенія (*sensations*)⁷⁾. Представителемъ принципа активности въ человѣкѣ является *разумъ* (*raison*), который судить о похвальности и непохвальности вызваннаго къ жизни виѣшими впечатлѣніями интереса⁸⁾). Врожденныхъ идей—нѣтъ⁹⁾). Всякаго рода земное познаніе мы получаемъ «par la voie des sens, qui est l'unique source de nos

¹⁾ Стр. 85. ²⁾ Стр. 53 прим.

³⁾ Стр. 576. См. далѣе стр. 575: „le célèbre Confucius, que les Chinois regardent comme le plus grand des docteurs, le plus grand reformateur de la législation, de la morale et de la religion de cet empire“.

⁴⁾ Стр. 85. ⁵⁾ Стр. 778 и 787. ⁶⁾ Стр. 793. ⁷⁾ Стр. 769. ⁸⁾ Стр. 793.

⁹⁾ Стр. 782 и 774.

connaissances naturelles, et l'unique principe de l'évidence des vérités réelles»¹⁾.

Въ отличие отъ животнаго, которому свойственно только земное существование, человѣкъ предназначенъ для двойной жизни: для здѣшней, проходящей, и для вѣчной на томъ свѣтѣ. Какъ существу разумному (*animal raisonnable*) ему предоставлено въ обоихъ случаяхъ вести себя подобающимъ образомъ. Двойной цѣли соответствуютъ два различныхъ ствola познанія: во-первыхъ очевидность (*évidence*) и во-вторыхъ вѣра (*foi*)²⁾. Познанія, носящія характеръ очевидности (*vérités réelles*) касаются земной жизни и основаны исключительно на чувственномъ опыте. Сверхчувственные истины (*vérités révélées*)³⁾ не могутъ быть познаваемы точнымъ путемъ, со степенью очевидности; онъ открыты намъ Богомъ въ священномъ писаніи и должны быть принимаемы съ дѣтской вѣрой, съ покорностью и благодарностью за ниспосланія намъ Создателемъ благодѣянія. Только самый фактъ существованія Бога можемъ мы съ очевидностью познать изъ наблюденія силъ, дѣйствующихъ въ и внутри настъ, независимо отъ нашей воли. Особенные же свойства вышаго существа недоступны нашему познанію и должны по опредѣленію Бога оставаться для насъ скрытыми. Кэнэ насыщается надъ «idées factices», которые составили себѣ люди, пытаясь проникнуть въ «mystères de la foi». Всякая попытка въ этомъ направлениі необходимо должна вывести на ложную дорогу⁴⁾). Дѣйствительно научное познаніе возможно только естественной, но не сверхъестественной жизни. Наши познанія идутъ все же настолько далеко, что даютъ знать, что оба міра находятся въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ и другъ другу не противорѣчатъ⁵⁾). Отъ Мальбранша, за которымъ Кэнэ главнымъ образомъ склоняется въ своихъ математическихъ воззрѣніяхъ, онъ отличается, однако, тѣмъ, что не принимаетъ ученія послѣдняго о созерцаніи всего въ Богѣ⁶⁾). Онъ выступаетъ также противъ Локка. Хотя Кэнэ и раздѣляетъ ученіе послѣдняго о происхожденіи познанія всѣхъ естественныхъ явлений изъ чувственныхъ восприятій, онъ все же ставить ему въ вину то, что онъ пропускаетъ активное содѣйствіе свободно самоопредѣляющагося и ставящаго себѣ собственныя цѣли индивидуума при воспринятіи и образованіи познаній⁷⁾.

4. Этика. Она у Кэнэ, какъ уже было замѣчено, не выдѣлена въ особую категорію, также какъ и политика и экономика. Поэтому практикуемое въ послѣдующемъ изложеніи, ставшее слова обычнымъ расчлененіе материала будетъ имѣть мѣсто лишь исключительно въ виду вѣшней цѣлесообразности. Этика непосредственно вытекаетъ изъ основныхъ метафизическихъ воззрѣній, и поэтому главнѣйшими источниками

¹⁾ Стр. 780. ²⁾ Стр. 764. ³⁾ Стр. 765. ⁴⁾ Стр. 763. ⁵⁾ Стр. 762.

⁶⁾ Стр. 745, прим. ⁷⁾ Тамъ же.

ками въ данномъ случаѣ являются тѣ же работы, что и при выясненіи метафизики Кэнэ. Приходится принимать также во вниманіе иѣкоторыя мѣста изъ сочиненія «*Droit naturel*». Понятіе *свободы воли* является центральнымъ пунктомъ. Свобода (*liberté*) не должна быть смѣшиваема съ необузданностью (*licence*). Послѣдняя является «*liberté animale*», и на самомъ дѣлѣ это не свобода, потому что она обращаетъ людей въ рабовъ ихъ страстей; она должна рѣзко отличаться отъ «*liberté morale ou d'intelligence*», которая не подвержена беспорядочнымъ склонностямъ, но которая каждому ставить передъ глазами его обязанности по отношенію къ Богу, къ самому себѣ и къ своимъ ближнимъ ¹⁾). Будетъ ложнымъ пониманіемъ свободы, если ее представлять какъ возможности дѣйствовать помимо всякихъ мотивовъ: это будетъ произволъ. Даже Богу не дано дѣйствовать помимо всякихъ мотивовъ ²⁾).

Должно различать два рода мотивовъ: съ одной стороны чувственныя или побудительныя (*sensitifs et affectifs*), съ другой стороны наставительныя (*instructifs*). Первые соотвѣтствуютъ животному инстинкту, послѣдніе имѣютъ своимъ источникомъ разумъ, при помощи котораго человѣкъ находится въ связи съ неземными силами. Наставительными мотивами, которые могутъ быть укреплены воспитаніемъ, человѣкъ сдерживаетъ чувственныя побужденія. Если духовные мотивы побѣждаются чувственными, то индивидуумъ рѣшается на плохіе поступки; если возьмутъ верхъ первые, то результатомъ этого бываютъ хорошия поступки. Въ возможности разсчитать послѣдствія различныхъ способовъ дѣйствія, данныхъ на выборъ, и послѣ разсужденія решиться на то или иное и заключается сущность человѣческой свободы, которая, следовательно, вытекаетъ изъ разума. Напримѣръ, купецъ, подстрекаемый постоянно жаждой барыша (*désir du gain*), желаетъ истратить извѣстную сумму денегъ на покупку товаровъ. Передъ глазами его два пути, посредствомъ которыхъ онъ можетъ получить барышъ, причемъ одинъ изъ нихъ уже на первый взглядъ, кажется ему выгоднѣе, чѣмъ другой; но опасеніе обмануться, заставляетъ его разсматривать и разсчитывать покупную цѣну каждого изъ предлагающихся на выборъ товаровъ; издержки, которая ему предстоитъ сдѣлать; убытокъ, который онъ можетъ понести; быстроту сбыта и возможность полученія желаемой продажной цѣны. Тщательно все разсчитавши, купецъ избираетъ болѣе выгодный путь. Итакъ, этого купца сначала жажда наживы заставляетъ истратить свои деньги; но боязнь обмануться побуждаетъ производить разсчетъ (*délibérer*); наконецъ, онъ высказывается въ пользу извѣстнаго товара, который, какъ ему кажется, наиболѣе прибыленъ; часто бываетъ, что это не тотъ товаръ, который представлялся ему прибыльнымъ на первый взглядъ ³⁾). Кэнэ

¹⁾ Стр. 796. ²⁾ Стр. 748. ³⁾ Стр. 748.

следующимъ образомъ опредѣляетъ свободу: «La Liberté consiste dans le pouvoir de délibérer pour se déterminer avec raison à agir ou à ne pas agir» ¹⁾). Только во время разсужденія воля свободна. Разъ человѣкъ покинулъ нерѣшительное состояніе обдумыванія и принялъ рѣшеніе, Богъ, какъ дѣйствующая въ человѣкѣ активная сила, приводить въ исполненіе это рѣшеніе независимо отъ того, хорошо или плохо оно было. Это все, однако, происходитъ при условіи тройной ответственности, а именно «envers Dieu, envers lui-même et envers autrui» ²⁾). Трудность при пользованіи свободой, которая опять таки имѣетъ вѣсколько различныхъ степеней (*degrés de liberté*) состоить въ томъ, чтобы никогда не терять изъ вида этихъ трехъ условій и поступками поддерживать равновѣсіе между ними. Кэнэ сравниваетъ человѣческую душу съ рулевымъ на кораблѣ, который постоянно слѣдить, чтобы держать корабль на правильномъ пути. «Cet exemple donne une juste idée du pouvoir de l'âme dans l'exercice de sa liberté; car c'est l'âme du navigateur qui préside et qui désire; l'attention est toujours ce gouvernail par lequel elle peut maîtriser et faire valoir les motifs, qui la meuvent» ³⁾).

Всѣ естественные дѣйствія имѣютъ своимъ источникомъ раздраженіе чувствъ и своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, физическое благо или отдельныхъ личностей или общества. Побудительной причиной здѣсь является личный интересъ (*intérêt*) ⁴⁾). Въ «sensations de plaisir» заключается счастье (*bonheur*), а въ «sensations de douleur»— несчастье (*malheur*) людей ⁵⁾). Но такъ какъ опытъ показываетъ, что чувственное удовольствіе, болѣе сильное въ началѣ, отнюдь не всегда оказывается и въ дальнѣйшемъ наиболѣе цѣннымъ и, во всякомъ случаѣ, не всегда похвальнымъ съ моральной точки зрѣнія, то наряду съ «intérêt», соотвѣтствующимъ скоропреходящему чувству удовлетворенія, слѣдуетъ признать «intérêt bien entendu», направленный на получение длящейся выгоды и моральной цѣнности. Этотъ хорошо понятый интересъ часто враждебно выступаетъ противъ мгновенного раздраженія чувствъ. Часто натискъ инстинктивныхъ страстей бываетъ настолько могучъ, что недостаточно одной интеллектуальной силы человѣка, чтобы побѣдить ихъ. Въ подобныхъ случаяхъ благоразумный человѣкъ (*l'homme bien né*) обращается за сверхъестественной помощью (*secours surnaturel, secours de la religion*) ⁶⁾), въ которой ему Богъ не откажетъ. Въ будущей жизни (*vie future*) каждый дастъ отчетъ о пользованіи свободой и по своимъ заслугамъ получить: кто награду, кто наказаніе ⁷⁾.

¹⁾ Тамъ же. ²⁾ Стр. 758 и 796. ³⁾ Стр. 751. ⁴⁾ Стр. 771. ⁵⁾ Стр. 792.

⁶⁾ Стр. 776, 794 и 796. ⁷⁾ Стр. 753 и 795.

Неотложной задачей общества является просвещение своих членовъ, путемъ планомерного обучения относительно ихъ обязанностей и, следовательно, относительно соответственного использования ими своей свободы. Немыслимо,—здесь Кэнэ разсуждаетъ совершенно по сократовски,—чтобы кто-нибудь, зная свои истинные интересы, не старался ихъ осуществлять.

Невѣжество есть не только причина всякаго бѣдствія; оно въ то же самое время есть преступление (*crime*), съ которымъ должно бороться всякими средствами. Отсюда получается, что дѣти, идиоты и душевно-больные лишаются свободы¹⁾). То же и относительно тѣхъ, неразумныхъ личностей, которыхъ умышленно идутъ наперекоръ основнымъ положеніямъ естественного порядка. Сохраненіе такимъ личностямъ свободы—было бы сохраненіемъ свободы, вредной не только для нихъ самихъ, но и для другихъ (*Liberté nuisible à lui-même et aux autres*)²⁾). Государство обязано защищать общество, путемъ положительного законодательства, отъ подобныхъ наростовъ³⁾). По закону образованіе должно быть всеобщимъ и обязательнымъ⁴⁾). Это приводить насъ къ области политики и права.

е. *Политика и учение о правѣ*. Въ этой области исходнымъ пунктомъ для Кэнэ является Гуго Гроцій, естественно-правовая идея⁵⁾ котораго онъ пытается развивать болѣе самостоятельно. Въ общемъ онъ занимаетъ среднее мѣсто между Гоббсомъ и Кэмберлендомъ, примѣняя свойственный обоимъ методъ. Соответствующія воззрѣнія Кэнэ излагалъ неоднократно. Намеки можно найти уже въ заключеніи къ «*Economie animale*» (1747 г.). Подробное изложеніе естественно-правовыхъ вопросовъ онъ оставилъ въ сочиненіи «*Le droit naturel*» (1765), а политическихъ—въ послѣдней своей работѣ: «*Despotisme de la Chine*» (1767). Кроме того встрѣчаются отдѣльныя мысли, разсѣянныя по остальнымъ его сочиненіямъ.

По его воззрѣніямъ, человѣкъ подпадаетъ дѣйствію двухъ правовыхъ порядковъ: съ одной стороны, дѣйствію «*ordre naturel*» и съ другой—«*ordre positif*». Законы «естественного порядка» исходятъ отъ Бога; они внушены Имъ вселенной, еще до образованія какого бы то ни было человѣческаго общества, въ самомъ актѣ созданія. Они также переживаютъ всѣ общественные явленія. Это идеальные, мыслимые наилучшіе для человѣчества законы, являющіеся вслѣдствіе этого постоянной цѣлью всѣхъ стремленій (*lois évidemment les plus avan-*

¹⁾ Стр. 761 и 762. ²⁾ Стр. 377 и 797. ³⁾ Стр. 377.

⁴⁾ О соціально-педагогическихъ идеяхъ XVIII вѣка вообще см. *John Edelheim, Zur Geschichte der Sozialpädagogik*, Berlin und Bern. 1901.

⁵⁾ О развитіи этихъ идей см. *Wilhelm Hasbach, Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von François Quesnay und Adam Smith begründeten politischen Ökonomie*, Leipzig 1890 г. Затѣмъ *Otto Gierke, Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien*, Breslau 1880.

tageuses aux hommes réunis en société).¹⁾ Въ конечномъ счетѣ, естественные законы, какъ установленные Богомъ, слѣдуетъ разсматривать какъ Его предписанія. Въ качествѣ таковыхъ, они имѣютъ, прежде всего, моральный характеръ. Форма ихъ—форма заповѣдей или максимъ. Они не абсолютно обязательны, потому что отъ свободной воли людей зависить слѣдовать имъ или нѣтъ. Поэтому, люди всесцѣло несутъ ответственность за это въ будущемъ.

Эти естественные законы человѣкъ можетъ съ очевидностью вывести при помощи своего разума изъ наблюдений надъ общимъ мировымъ порядкомъ.

«Ordre naturel» касается только основныхъ, неизмѣнныхъ отношеній общественного устройства. Практическое развитіе его, примѣненіе къ национальнымъ различіямъ—является задачей «ordre positif». Послѣдній—произведеніе человѣка. Соответствующіе «писанные» законы снабжены принудительной обязательностью, т. е. наказаніями за непослушаніе имъ²⁾; они предназначены для буквального (littéralement) исполненія, но имѣютъ только временный характеръ; они зависятъ отъ перемѣнъ въ потребностяхъ и обстоятельствахъ и поэтому подвергаются постоянному измѣненію³⁾. Ихъ задача состоять въ томъ, чтобы осуществлять въ каждомъ отдельномъ случаѣ общіе принципы «естественного порядка». Если они отдаляются отъ этого прямого направленія—наступаетъ господство произвола и тираниі. Но гдѣ наблюдается правильное отношеніе между ними, тамъ существуетъ истинное «gouvernement économique», которое обеспечиваетъ продолжительное благосостояніе (prospérité), въ то время какъ противоположное состояніе имѣетъ послѣствіемъ неизбѣжную гибель (dérangement). Кэнэ упрекаетъ своихъ предшественниковъ въ наукѣ о государствѣ за то, что они въ своихъ изслѣдованіяхъ почти исключительно держались «ordre positif». Отсюда и получилось то, что каждый позналъ не всю истину, но только часть ея. Истину можно вывести только философскимъ путемъ изъ познанія всей природы, а не—ограничиваясь узкимъ кругозоромъ изданныхъ до сихъ поръ и болѣе или менѣе покоящихся на произволѣ положительныхъ законовъ, т.-е. не изъ исторіи положительного права (камешекъ въ огородѣ Монтескье). Наоборотъ необходимо, «que la nation soit instruite des lois générales de l'ordre naturel, qui constituent le gouvernement évidemment le plus parfait»⁴⁾. Одного изученія человѣческой юриспруденціи (Jurisprudence humaine) не достаточно, чтобы образовывать государственныхъ людей въ истинномъ смыслѣ этого слова. Но, съ другой стороны, такъ же необходимо, «que les connaissances pratiques et lumineuses que la nation acquiert par l'expérience et la réflexion, se réunissent à la science

¹⁾ См. заглавный листъ къ „Physiocratie“.

²⁾ Стр. 365 и 370, Note. ³⁾ Стр. 374, 375, 643. ⁴⁾ Maxime II, стр. 331.

générale du gouvernement», т.-е. необходимо изучение обѣихъ отраслей.

Этотъ дуализмъ «естественного порядка» (*ordre naturel*) и «положительного порядка» (*ordre positif*), какъ известно, отнюдь не является чѣмъ-то новымъ. Уже въ древности встрѣчаемся мы съ нимъ, можетъ быть только подъ другимъ названіемъ. Въ идеальномъ государствѣ Платона (*Politeia*), предназначенному, какъ таковое, только для сыновей боговъ, и въ рядомъ стоящемъ обыкновенномъ государствѣ закона (*nomoi*) мы уже находимъ подобное различіе. *Civitas Dei* и *civitas terrena* святого Августина выражаютъ позднѣе также родственное противоположеніе. И вся естественно-правовая философія государства покоится на дуализмѣ.

Кэнэ дѣлая это противопоставленіе, касается важнѣйшаго понятія во всемъ ученіи о государствѣ. Его школа впослѣдствіи перестала обращать на это вниманіе. Въ то время, какъ по мнѣнію учителя государственный человѣкъ долженъ изучать обѣ вѣти науки права: естественную и положительную, и чтобы хорошо управлять, долженъ быть твердъ въ обѣихъ, — ученики всесѣло погрузились въ «*ordre naturel*» и пренебрегали «положительнымъ порядкомъ», разматривая его какъ одну изъ деталей низшаго характера, которая не нуждалась въ изученіи. Въ концѣ концовъ они пришли къ тому, какъ напримѣръ Тюрго, что пожелали прямо перенести въ область практическихъ отношеній «*ordre naturel*» во всей его чистотѣ, что уже вовсе не соотвѣтствовало воззрѣніямъ Кэнэ. Вполнѣ справедливо посыпались упреки въ доктринерствѣ и утопизмѣ. Но въ системѣ учителя ничего подобнаго не было. Тотъ въ своихъ трудахъ «медицинскаго» периода всегда настойчиво указывалъ на «наблюденіе и опытъ», на общность теоретического и практическаго мышленія¹).

Государственный «*Ordre naturel*». Кэнэ начинаетъ съ перво-бытнаго состоянія (*simple état primitif, état de pure nature*)²). Было бы неправильно противополагать его общественному состоянію въ томъ смыслѣ, будто бы гражданинъ, вступающій въ общественный договоръ, пожертвовалъ извѣстной частью своего естественного права, чтобы быть въ состояніи тѣмъ вѣрѣть пользоваться остальной частью (Монтескье и др.). На самомъ дѣлѣ человѣку не пришлось ничего потерять изъ своего естественного права, по крайней мѣрѣ, въ обществѣ организованномъ по принципамъ «естественного порядка». Наоборотъ, при немъ оставлены всѣ его первоначальные права и пользованіе ими еще болѣе расширено. Совсѣмъ иначе обстоитъ, конечно, дѣло въ такомъ государствѣ, гдѣ насилие и произволъ взяли верхъ надъ естественнымъ правомъ. Въ сравненіи съ такимъ порядкомъ,

¹⁾ Смотри *Préface* къ „*Mémoires de l'Académie de Chirurgie, Oeuvres de Quesnay*”, р. 721 f.

²⁾ Стр. 366.

первобытный естественный строй имѣетъ даже преимущество¹⁾. Но въ чмъ же заключается естественное право людей? Кэнэ даетъ ему въ началѣ своего сочиненія «Le droit naturel» слѣдующее определеніе: «Le droit naturel de l'homme peut être défini vaguement le droit que l'homme a aux choses propres à sa jouissance»²⁾. Эта не вполнѣ ясная формулировка разъясняется слѣдующимъ положеніемъ: «Si on me demande ce que c'est que la justice, je répondrai que c'est une règle naturelle et souveraine, reconnue par les lumières de la raison, qui détermine évidemment ce qui appartient à soi-même ou à un autre»³⁾. Другими словами, говоря вообще, естественное право людей заключается въ правѣ на собственность.

Объемъ собственности, выводимой изъ естественного права и достающейся каждому сочлену общества, однако, ограниченъ. Будетъ обольщениемъ утверждать, что въ первобытномъ строѣ право обладанія было материально неограниченнымъ и съузилось только при общественномъ состояніи. Существующее тамъ формально «право всѣхъ на все» (droit de tous à tout), которому Гоббесъ придается такъ много значенія, суживается очень значительно, если присмотрѣться поближе. Его можно сравнить съ правомъ ласточки на всѣхъ комаровъ, летающихъ вокругъ нея въ воздухѣ⁴⁾. Ласточка все таки можетъ овладѣть ими, лишь затративъ извѣстныя усилия. Также ограничивалось фактически естественное право людей, въ первобытномъ состояніи, на обладаніе тѣми предметами, которые предоставляетъ природа и которые человѣкъ присвоивалъ себѣ лишь благодаря своему труду (travail)⁵⁾. Ни въ коемъ случаѣ эта сумма благъ не превышала ежедневнаго физического потребленія. Во всякомъ случаѣ, на это ихъ въ общемъ всегда хватало; и такъ какъ люди не могли вступить въ общественный договоръ съ иной цѣлью, какъ съ цѣлью лучше обеспечить свои естественные права, то отдельная личность и при общественномъ состояніи не могла потерять этого «естественного права на поддержаніе жизни» (droit naturel à la subsistance). Прежде всего лежитъ эта обязанность на родителяхъ по отношенію къ дѣтямъ; ибо они тѣмъ самыемъ только платятъ за то, чмъ они прежде пользовались отъ своихъ собственныхъ родителей⁶⁾. Такъ какъ это право дѣтей по отношенію къ ихъ родителямъ падаетъ со смертью послѣднихъ, то въ такомъ случаѣ, такъ же какъ и при безработицѣ взрослыхъ, происходящей не по ихъ винѣ, на ихъ защиту путемъ заботы о бѣдныхъ должно выступить общество, которое само по себѣ есть и должно быть только разросшимся семействомъ. Вѣдь общество представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ институтъ взаимнаго страхованія, средства которого составляются изъ относительно одинаковыхъ взносовъ на общее

¹⁾ Стр. 374. ²⁾ Стр. 359. ³⁾ Стр. 265. ⁴⁾ Стр. 366. ⁵⁾ Стр. 367.

⁶⁾ Стр. 365.

благо каждого члена, затрачивающего всю свою рабочую энергию¹⁾.

Этой обязанности взаимопомощи среди организованных въ общество людей Кэнэ придаетъ огромнѣйшую важность. Соответствующую теорію онъ выставилъ уже въ заключеніи своей «Economie animale» (1747)²⁾ и разработалъ подробнѣе въ сочиненіи «Le droit naturel» (1765). Естественно - правовое притязаніе отдельныхъ личностей простирается до требованія «quantit  de biens qui lui est n cessaire pour se conserver». Такъ какъ люди обязаны къ самосохраненію, то они не имѣютъ права лишать другъ друга этой части благъ, и то, что нуждающійся получаетъ въ этомъ отношеніи, принадлежитъ ему столько же въ силу естественного, какъ и положительного права³⁾. Но за этотъ предѣлъ притязаніе переходить не можетъ; ибо и въ эпоху первобытнаго состоянія человѣкъ не имѣлъ больше. Что касается собственности, выходящей изъ этихъ предѣловъ, то ея присвоеніе должно быть предоставлено свободной индивидуальной хозяйственной дѣятельности. Первоначальная общность благъ у людей (*communaut  des biens*) поэтому уступаетъ, все болѣе и болѣе⁴⁾, мѣсто - неравенству обладанія, сообразно съ индивидуальными экономическими способностями и усилиями. Само по себѣ это «in galit » не противорѣчитъ высоко развитому общественному состоянію естественного порядка, — наоборотъ, оно ставить промышленной и культурной жизни высокія задачи и побуждаетъ бѣдныхъ къ прилежанію и бережливости. По принципу естественного порядка неравенство обладанія (равенство всѣхъ членовъ общества передъ закономъ — подразумѣвается само собою) не заключаетъ въ себѣ еще ничего ни несправедливаго ни справедливаго. Оно является слѣдствіемъ установленнаго Богомъ мирового плана, «dont les hommes qui ont exist , qui existent et qui existeront, ne font qu'une tr s petite partie». О правѣ или не-правѣ слѣдуетъ судить на основаніи общаго плана, а не на основаніи случайного положенія отдельныхъ людей⁵⁾. Впрочемъ, уже и въ маломъ можно замѣтить, что кажущееся зло неравенства сглаживается благодаря получению большей выгоды въ другомъ отношеніи. Напримѣръ: дождь, который беспокоитъ странника, оплодотворяетъ землю⁶⁾. Человѣку предоставлено при помощи ума предвидѣть бѣдствія и направлять ихъ къ лучшему для себя.

Естественному праву индивидуума соответствуетъ съ другой стороны такое же право общества, рассматриваемаго какъ организмъ. Совершенно неправильно приписывать ученію Кэнэ крайне индивидуалистический характеръ, какъ это обыкновенно дѣлается. Оно имѣть уже вполнѣ характеръ соціального ученія⁷⁾, хотя и строящагося

¹⁾ Стр. 372. ²⁾ Стр. 755. ³⁾ Тамъ же. ⁴⁾ Стр. 674 и сл. ⁵⁾ Стр. 757. ⁶⁾ Стр. 368.

⁷⁾ „L'homme ne doit pas se consid rer lui seul dans l'exercice et dans l'usage de sa libert ; il vit en soci t  avec d'autres hommes qui ont comme lui

на индивидуалистической основе. Выражение «ordre social» встречается у физиократов неоднократно, напр., в заглавии книги Летрона, появившейся в 1777 г.: «De l'ordre social» etc. Второй томъ озаглавленъ: «De l'intérêt social» etc. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ конституціонными и основными законами (*lois fondamentales, lois naturelles et constitutives*) общества, выведенными изъ общаго мирового строя. По образцу неограниченного всемирного господства единаго высшаго Существа (*Être suprême*) общественный организмъ людей также долженъ находиться подъ единой и неограниченной властью (*autorité unique et absolue*).

Рассматривая всѣ важнѣйшия формы государственного строя, Кэнъ все осуждаетъ, кроме «despotisme légitime» или «despotisme légal», господствующаго въ Китаѣ, который слѣдуетъ строго отличать отъ «despotisme arbitraire», царящаго въ Европѣ. Противъ феодального государства онъ возражаетъ, что въ немъ феодалы или вассалы обладаютъ всѣми регалиями, такъ что, въ сущности, здѣсь дѣло идетъ о слабой конфедерации съ номинальнымъ сузереномъ во главѣ, а это легко можетъ повести къ распаденію государства¹⁾). Однако, и при томъ конституціонализмъ, который рекомендовалъ по английскому образцу Монтескье, при «gouvernement mixte» или системѣ раздѣленія властей (*système de contre-forces, division des forces*) существуетъ опасность, что отдельные классы населения, какъ напр. въ Англіи купцы, овладѣютъ государственной властью и используютъ ее въ своемъ классовомъ интересѣ на счетъ остальныхъ классовъ. То же самое можно сказать о демократическомъ и республиканскомъ государственномъ устройствѣ²⁾). Только монархъ, снабженный нераздѣльной полнотой власти, достаточно силенъ, чтобы поддерживать внутренній порядокъ и управлять непартійно, чтобы каждый получалъ свое. На противъ, монархъ, ограниченный въ своей власти, долженъ всегда испытывать страхъ за свое положеніе передъ внутренними врагами. Между тѣмъ не существуетъ болѣе богатаго источника тиранническаго распутства, чѣмъ страхъ. Впрочемъ, неограниченный монархъ долженъ управлять не произвольно, а по общимъ законамъ, какъ Богъ править міромъ. Такимъ образомъ, наилучшее государственное устройство сводится къ «pouvoir absolu réglé par les lois», т.-е. къ «despotisme légitime»³⁾). Только при такой формѣ правленія интересы главы государства совпадаютъ съ интересами гражданъ и «ordre légitime le plus avantageux au prince et à la nation» можетъ развиваться⁴⁾.

Однако, совершенный государственный организмъ можетъ возникнуть лишь на основѣ сельскаго хозяйства. «Sans l'agriculture les

des droits qu'il doit respecter, et auxquels on ne peut préjudicier impunément; ces droits sont naturels et légitimes», стр. 754.

¹⁾ Стр. 657 и сл. ²⁾ Стр. 638 и сл. ³⁾ Стр. 564. ⁴⁾ Стр. 641.

sociétés ne peuvent former que des nations imparfaites»¹). Такими несовершенными общественными организмами являются торговые республики,—какъ Генуя, Венеция, Гамбургъ, даже Голландія,—которыя, обладая сравнительно незначительною территоріей, влачатъ лишь жалкое существование паразитовъ, прекращающееся, какъ только изъ ихъ рукъ ускользнетъ ихъ движимая собственность— капиталъ: «Il n'y a donc que les nations agricoles qui puissent constituer des empires fixes et durables susceptibles d'un gouvernement général, invariable, assujetti exactement à l'ordre immuable des lois naturelles»²).

Если такимъ образомъ земля, какъ основа истинныхъ государствъ и какъ источникъ всего национального богатства, играетъ особенно выдающуюся роль,—то то же самое можно сказать, въ политическо-правовомъ отношеніи, о томъ классѣ населения, среди котораго она распределена,—о классѣ землевладѣльцевъ (*classe des propriétaires*). Этотъ классъ, который не слѣдуетъ смѣшивать съ классомъ сельскихъ хозяевъ (*classe productive*), въ цивилизованномъ состояніи предназначенъ Проридѣніемъ на роль помощника главы государства въ управлении общественными дѣлами. Вѣдь общество, и тѣмъ болѣе правительство, возникло лишь черезъ раздѣлъ земли въ частную собственность. Пока такимъ путемъ не создался устойчивый порядокъ, ни у кого не было интереса воздѣлывать землю; только тогда, когда это осуществилось, можно было перейти къ болѣе высокой культурѣ земли, дающей чистый доходъ, изъ котораго могъ черпаться налогъ на содержаніе правительства³). Только землевладѣльцы обладаютъ политическими правами, такъ какъ только они платятъ налоги и замѣщаютъ главнѣйшія должности въ государствѣ, какъ почетныя.

Классъ землевладѣльцевъ долженъ безвозмездно (*sans rétribution*) замѣщать не только высшія свѣтскія, но и высшія духовныя должности⁴). Ибо въ лучшемъ государствѣ духовная и свѣтская власть соединены въ рукахъ главы государства. Монархи должны быть «empereurs pour gouverner, maîtres pour instruire et prêtres pour sacrifier»⁵). Соответственно этому въ китайскомъ государственномъ строѣ императоръ является вмѣстѣ съ тѣмъ «le seul pontife»⁶), и такимъ образомъ естественное государственное устройство характеризуется какъ «théocratie, qui a fixé invariablement par poids et par mesure les droits et les devoirs réciproques des hommes réunis en société»⁷). Съ этимъ связано то обстоятельство, что въ Китаѣ, въ этомъ образцомъ государствѣ, священные книги «comprennent tout ensemble la religion et le gouvernement de l'empire, les lois civiles et les lois politiques»⁸).

¹) Стр. 647, § 12. ²) Тамъ же. ³) Стр. 652, 654. ⁴) Стр. 656, § 22.

⁵) Стр. 586. ⁶) Стр. 573. ⁷) Стр. 642. ⁸) Стр. 605.

Положительный ordre positif. Данныя, сюда относящаяся, мы можемъ найти въ описаніи китайской имперіи (*Despotisme de la Chine*), этого «прекраснѣйшаго, населенійшаго и самаго цвѣтущаго государства въ мірѣ»¹⁾, наиболѣе послѣдовательно осуществившаго «ordre naturel» и, вслѣдствіе этого, могущаго служить образцомъ для всякаго государственного устройства. Въ качествѣ источниковъ слѣдуетъ присоединить еще рядъ примѣчаній, касающихся практическаго выполненія этихъ максимъ и добавленныхъ Кэнэ къ «Maximes g n rales du gouvernement  conomique». Возраженіе, что Китай представляетъ собою общественный организмъ, развившійся въ совсѣмъ другомъ поясѣ и климатѣ,—онъ отводить указаніемъ на большое территоріальное протяженіе государства: онъ является какъ бы Европой, объединенной подъ властью одного государя²⁾), откуда слѣдуетъ, что различіе въ климатѣ еще не обусловливаетъ различія въ государственномъ устройствѣ³⁾ (слѣдовательно иначе, чѣмъ у Бодена и Монтескье). Конечно, Кэнэ отнюдь не хочетъ сказать, что слѣдуетъ при этомъ подражаніи слѣпо копировать положительныя учрежденія Китая. Онъ неустанно обращаетъ вниманіе на перемѣнчивость законовъ, предназначенныхъ для практическаго осуществленія, сравнительно съ неизмѣнностью путеводной звѣзды—«ordre naturel». Первые—твореніе рукъ человѣческихъ, и какъ таковые «r formables et passag res», тогда какъ послѣдній исходить отъ Бога, неподвиженъ и вѣченъ—«immuable et perp tuel»⁴⁾.

Истинное «gouvernement  conomique», какъ намъ известно, одной ногой опирается на основные законы природы, имѣющіе надъ нами власть исключительно авторитетомъ своей очевидности, которая подчиняетъ имъ разумъ; «lois positives  crites ou de convention»⁵⁾, напротивъ, должны соблюдатья буквально (*litt eralement*)⁶⁾, подъ угрозой непосредственнаго принужденія и связанныхъ съ нимъ каръ со стороны власти. Нѣть ничего хуже, если положительные законы занимаютъ мѣсто естественныхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они должны быть какъ бы постановленіями о проведеніи послѣднихъ въ жизнь (*lois de manutention*)⁷⁾. Въ этомъ случаѣ оправдывается положеніе: «Ex natura, jus et leges; ex homine, arbitrium, regimen, et coercitio». Съ другой стороны, и «ordre naturel» не можетъ обойтись безъ «ordre positif». «Les hommes r unis en soci t  doivent donc  tre assujettis   des lois naturelles et   des lois positives»⁸⁾.

Кэнэ приводить очень характерную иллюстрацію взаимоотношеній обоихъ родовъ законовъ. Онъ говоритъ: «Для того, чтобы мореплаватель могъ опредѣлять время или географическое положеніе даннаго мѣста, необходимо было тщательное наблюденіе надъ движениемъ небесныхъ

¹⁾ Стр. 577. ²⁾ Стр. 577. ³⁾ Стр. 578. ⁴⁾ Стр. 643. ⁵⁾ Стр. 373. ⁶⁾ Стр. 643.

⁷⁾ Стр. 375. ⁸⁾ Стр. 374.

свѣтиль. Подобнымъ же образомъ, съ цѣлью познать объемъ естественного права людей, соединенныхъ въ общество, слѣдуетъ опираться на естественные законы устройства наилучшей изъ возможныхъ формъ правленія¹⁾). Отсюда слѣдуетъ, что естественные законы должны для насъ быть лишь путеводными звѣздами, по которымъ мы должны направлять нашъ жизненный путь, какъ мореплаватель по созвѣздіямъ. Поэтому Кэнэ не безъ основанія изложилъ «ordre naturel» въ рядѣ максимъ и избѣгалъ придавать ему форму законовъ; объ этомъ подробнѣе ниже. Изъ этого возврѣнія вытекаетъ далѣе, что кромѣ единственнаго, въ этомъ мірѣ неосуществимаго идеального государства, можетъ существовать нѣсколько позитивныхъ формъ государства, каждая изъ которыхъ можетъ слѣдовать путеводной звѣздѣ «ordre naturel»; вѣдь и на морѣ могутъ плавать суда разныхъ видовъ. Физіократы никогда не оспаривали того, что напр., Швейцарія, къ которой они всегда питали особое пристрастіе, можетъ осуществлять естественный порядокъ и при своемъ республиканскомъ устройствѣ. Несмотря на это, они все же считали законную монархію наилучшей и самой естественной формой государства.

Во главѣ «ordre positif» стоитъ центральная охраняющая власть (*autorit  tut laire*)²⁾, которая лучше всего можетъ быть представлена неограниченнымъ монархомъ. Главнѣйшей его задачей является *защита страны*³⁾. И наилучшій общественный порядокъ не можетъ быть вполнѣ обеспеченъ отъ насильтвенныхъ нападеній вѣнчанихъ и внутреннихъ враговъ. Государство должно предотвращать и тѣ и другія. Для этого необходима армія; правда, въ виду того, что съ этихъ поръ отпадаютъ всѣ торговыя войны и всѣ несправедливые поводы къ войнѣ, является возможность уменьшить ея численность сравнительно съ настоящимъ моментомъ, но обойтись совершенно безъ нея невозможно. Она должна подчиняться исключительно волѣ монарха, т.-е. необходимо постоянное войско. Организація воинской повинности по образцу ополченія *in natura*, какъ это было при феодальной системѣ, заключаетъ въ себѣ опасность появленія свободныхъ и революціонныхъ скопищъ. Къ тому же эта система не годилась бы для эпохи, когда войны распространяются на обширныя территоріи и когда тактическій центръ тяжести перенесенъ на тяжелую артиллерию⁴⁾). «Il faut que le soldat soit bien pay , pour qu'il puisse  tre bien disciplin , bien exerc , vigoureux, content et courageux»⁵⁾). Для этого необходимы соответствующія средства. Чѣмъ народъ богаче, тѣмъ болѣе необходима ему воинская защита, чо и тѣмъ легче ему

¹⁾ Тамъ же. ²⁾ Стр. 637, § 2.

³⁾ Стр. 648, § 16: „La d fense assur e par des forces doit toujours  tre l'objet capital d'un bon gouvernement“. Стр. 183: „La d fense de l'Etat est un des premiers devoirs de la nation“. ⁴⁾ Стр. 658. ⁵⁾ Стр. 356.

снести необходимые налоги. Такимъ образомъ, войны ведутся скорѣе богатствами, чѣмъ людьми. Если у государства есть деньги для вознагражденія солдатъ, то оно никогда не будетъ испытывать недостатка въ войскѣ¹⁾. Итакъ, богатство—тотъ истинный герой, который даетъ сраженія²⁾.

Рядомъ съ виѣшней защитой стоитъ внутренняя *защита права*. Главнымъ зломъ является дорогоизна отправленія права. Собственно всѣ государственные пошлины должны бы быть упразднены и классъ землевладѣльцевъ долженъ безвозмездно исполнить эти функции, какъ почетныя. Вѣдь достоинство правосудія существенно зависитъ отъ отсутствія имущественной заинтересованности должностныхъ лицъ. И назначеніе значительныхъ доходовъ землевладѣльцевъ заключается отнюдь не въ томъ, чтобы быть растраченными въ безплодной праздности. Ихъ имущество является какъ бы вознагражденіемъ за добровольное занятіе судейскихъ, воинскихъ и церковныхъ должностей. Этотъ классъ, стоящій надъ промысловой жизнью, можетъ также беспристрастно надзирать за тѣмъ, чтобы отправленіе правосудія не затягивалось крюкотворствомъ жадныхъ низшихъ чиновниковъ или ходатаевъ и не удорожалось вслѣдствіе излишнихъ формальностей. Во всякомъ случаѣ, судебные пошлины должны быть возможно болѣе низкими³⁾. Правосудіе должно отправляться, какъ въ Китаѣ, именемъ главы государства, къ которому восходитъ на утвержденіе каждый приговоръ. Нехорошо, если суды рѣшаютъ дѣла, какъ суверенныя власти. Съ другой стороны, желательно, чтобы всякий законъ, изданный монархомъ, получалъ бы обязательную силу лишь послѣ регистраціи ихъ высшими судами⁴⁾.

Особенное значеніе придается Кэнэ *народному просвѣщенію*. Просвѣщеннымъ народомъ легче управлять, чѣмъ невѣжественнымъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ сознаетъ правомѣрность изданныхъ постановленій и законовъ, тѣмъ охотнѣе онъ имъ подчиняется. Для этого необходимо, однако, чтобы образованіе не ограничивалась элементарными знаніями, а распространялось на всю «science *économique*». Въ этомъ отношеніи Китай является образцомъ для всѣхъ другихъ странъ. Стало быть, первымъ и главнѣйшимъ закономъ, который долженъ быть изданъ въ государствѣ, вступающимъ на путь естественного порядка, является законъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи⁵⁾. Вѣдь посредствомъ просвѣщенія надлежитъ бороться также съ пороками и преступленіями, а поэтому не слѣдуетъ бояться принужденія. Чѣмъ просвѣщеніе станетъ народъ, тѣмъ болѣе его жизнь будетъ руководиться «ordre naturel» и тѣмъ ближе къ послѣднему будетъ «ordre positif»; тѣмъ болѣе будутъ расти могущество и благосостояніе (*force et prospÃ©ritÃ©*), какъ общая цѣль государственной политики.

¹⁾ Стр. 357. ²⁾ Стр. 656, § 22. ³⁾ Стр. 356. ⁴⁾ Стр. 606. ⁵⁾ Стр. 641 и 375.

f. Экономика. Какъ уже было замѣчено, она не составляетъ самостоятельной категоріи; по крайней мѣрѣ, такъ думалъ и хотѣлъ Кэнэ. У него политика и экономика такъ же совпадаютъ, какъ политика и этика. Его взглядъ въ этомъ отношеніи сходенъ со взглядомъ канонистовъ, только у Кэнэ центръ тяжести лежитъ въ экономикѣ, тогда какъ у канонистовъ этика, въ религіозномъ смыслѣ, какъ бы поглощала все остальное. Тѣмъ не менѣе, основатель физіократіи долженъ признать, что цѣли, преслѣдуемыя ученыемъ о государствѣ и ученыемъ о хозяйствѣ, не однѣ и тѣ же. Онъ спрашивается: «Что, въ общемъ, составляетъ задачу процвѣтанія нації?» И онъ отвѣчаетъ: «De cultiver la terre avec le plus grand succѣs possible, et de pr eserver la soci t  des voleurs et des m chants»¹⁾). Осуществленіе обѣихъ пѣней, однако, отнюдь не совпадаетъ и опредѣляется различными точками зренія. Кэнэ еще подробнѣе говоритъ: «La premi re partie est ordonn e par l'int r t, la seconde est confi e au gouvernement civil»²⁾). Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ этой области мы будемъ имѣть дѣло въ особенности съ Tableau  conomique, которая заключаетъ въ себѣ только экономическую точку зренія, даже сознательно отдаляясь ее отъ другихъ, такъ что, несмотря на неоднократныя оговорки Кэнэ, мы все же можемъ говорить о его экономическомъ учениіи въ тѣсномъ смыслѣ; правда, у него это учение имѣть то преимущество, что заключено въ рамку общаго соціально-философскаго міровоззренія.

Мотивомъ экономической дѣятельности является собственный интерес (int r t). Стремленіе сложить свою судьбу возможно болѣе благопріятно составляетъ естественное право человѣка, поскольку это возможно безъ нарушенія правъ другихъ людей³⁾). Эту «священную свободу» (libert  sacr e) слѣдуетъ рассматривать, какъ «r sum  de tous les droits de l'homme»⁴⁾.

И вотъ, Кэнэ возвращается къ формулированному еще въ древности «гедоническому принципу»: высшей экономической мудростью онъ называетъ «d'obtenir la plus grande augmentation possible de jouissance, par la plus grande diminution possible de d pense»⁵⁾). Но для этого индивиду необходима полная свобода въ экономическихъ дѣйствіяхъ какъ въ отношеніи къ производству, такъ и въ отношеніи къ потребленію благъ. Все это при условіи, что этимъ не нарушаются интересы другихъ людей. Предупредить такое нарушеніе составляетъ задачу «ordre positif» съ его вѣшней силой принужденія.

Экономический *ordre naturel*. «Среди всѣхъ средствъ для приобрѣтенія имущества—говорить Кэнэ—нѣтъ ни одного, которое было

¹⁾ Стр. 643. ²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Chacun doit licitement avoir la facult  de faire son sort le meilleur qui lui soit possible, sans usurpation sur le droit d'autrui”. Стр. 553.

⁴⁾ Тамъ же. ⁵⁾ Стр. 537.

бы для человѣка лучше, выгоднѣе, пріятнѣе и приличнѣе, даже достойнѣе для свободного человѣка, чѣмъ земледѣлье. Нѣтъ также другого образа жизни, который быль бы счастливѣе, — не только вслѣдствіе полезности этого занятія, создающаго средства существованія для всего общества, но и вслѣдствіе того внутренняго удовлетворенія, которое имъ доставляется, потому что земля создаетъ все необходимое «pour la vie des hommes et pour le culte des Dieux»¹⁾. Отсюда главный дозунгъ системы, повторяющійся безконечное число разъ: «L'agriculture est la source de toutes les richesses de l'Etat, et de celles de tous les citoyens»²⁾ или, такъ какъ земледѣлье — лишь сознательное присвоеніе даровъ природы (dons de la nature), находящихся въ землѣ: «la terre est l'unique source des richesses»³⁾.

Это положеніе намъ уже извѣстно изъ доктринальнаго спора школъ Гуриэ и Кэнэ. Торговля и промышленность заслуживаютъ вниманія лишь какъ «отрасль земледѣлья» или, какъ Кэнэ иногда выражается, какъ «dépendance de l'agriculture». Раздѣленіе основывается лишь на невѣрной абстракціи⁴⁾. Изъ этого выводится заключеніе, что съ точки зрѣнія ordre naturel общественному благу служить только такія мануфактуры и такая торговля, которые перерабатываются или пускаются въ обращеніе отечественное сырье⁵⁾. Если торговля ввозить въ страну иностранные сырье и пищевые продукты, и если отечественная промышленность ихъ перерабатываетъ, то это создаетъ для всего общества совершенно нездоровое состояніе, которому положительное законодательство должно противодѣйствовать насколько возможно. Ибо «все, что вредитъ земледѣлью, вредитъ также націи и государству; и все, что благопріятствуетъ земледѣлью, выгодно для народа и государства»⁶⁾. Другими словами: «Pauvre paysan, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi!»

Отсюда слѣдуетъ далѣе, что государственный дѣятель долженъ оказывать земледѣлью «une protection décidée»⁷⁾, тогда какъ непроизводительные интересы должны быть предоставлены самимъ себѣ⁸⁾.

¹⁾ Стр. 345. ²⁾ Стр. 331, Максима I. ³⁾ Стр. 337.

⁴⁾ Стр. 602, § 9. Заглавіе: „Le commerce considéré comme dépendance de l'agriculture“. Далѣе стр. 216: „On regarde continuellement l'agriculture et le commerce comme les deux ressources de nos richesses; le commerce, ainsi que la main-d'oeuvre, n'est qu'une branche de l'agriculture, ces deux états ne subsistent que par l'agriculture, la distinction du commerce d'avec l'agriculture est une abstraction qui ne présente qu'une idée imparfaite et qui séduit les auteurs qui écrivent sur cette matière“.

⁵⁾ Стр. 344. Примѣчаніе къ максимѣ IX.

⁶⁾ Стр. 319. ⁷⁾ Стр. 183.

⁸⁾ Максима VIII: Que le gouvernement économique ne s'occupe qu'à favoriser les dépenses productives et le commerce des denrées du cru et qu'il laisse aller d'elles-mêmes les dépenses stériles“.

Общественный строй народа, находящагося подъ «gouvernement économique», рисуется слѣдующимъ образомъ.

Какъ и Кантльонъ, Кэнэ различаетъ три главныхъ класса населения по роду собственности и связанной съ ней дѣятельности. Подъ этимъ соціальнымъ строеніемъ, обусловленнымъ отношеніями собственности, находится еще многочисленный четвертый слой народа, не имѣющій собственности; экономическое значеніе его заключается въ рабочей силѣ и потреблениі, въ оборотѣ—роль его совершенно пассивна. Поэтому онъ не включенъ въ Tableau économique.

Соціально наиболѣе высоко стоящимъ классомъ, хотя и не самымъ главнымъ въ народнохозяйственномъ отношеніи, является *классъ землевладѣльцевъ* (classe des propriétaires или classe disponible), упомянутый уже по своей политической роли. Онъ слагается изъ трехъ категорій: монархъ, свѣтскіе и духовные (décimateurs) собственники¹⁾. У землевладѣльцевъ двойная миссія. Одной ногой они стоятъ въ политической, другой—въ хозяйственной жизни. Тамъ они, какъ единственные носители политическихъ правъ и обязанностей, содѣйствуютъ управлению государствомъ и поддержанію общественного порядка; здѣсь,—хотя сами они и не занимаются земледѣліемъ, которое посредствомъ сдачи земли въ аренду возлагается на особый промысловый классъ,—они все же первоначально обработали землю иозвели необходимыя для производства строенія. И теперь они еще заняты меліораціей имѣній посредствомъ осушительныхъ и оросительныхъ сооруженій, охранительныхъ лѣсонасажденій, проведенія каналовъ, дорогъ и т. д. Однимъ словомъ, и теперь они сохраняютъ въ своихъ рукахъ высшее управление, предоставляемое самую обработку земли классу арендаторовъ. Безъ этихъ, нерѣдко чрезвычайно большихъ затратъ на землю (dépenses foncières) она не давала бы никакого чистаго дохода (produit net). Слѣдовательно, не иначе, какъ съ одобрениемъ слѣдуетъ относиться къ тому факту, что этотъ чистый доходъ въ видѣ арендной платы получается землевладѣльцами, за вычетомъ лишь приличной предпринимательской прибыли въ пользу класса арендаторовъ. Эта рента слагается изъ двухъ составныхъ частей; во-первыхъ, изъ процентовъ и погашенія затраченныхъ «dépenses foncières» и во-вторыхъ, изъ излишка плодовъ (surcroit), добровольно даруемаго природой. Въ рукахъ землевладѣльцевъ эти доходы, которыми они могутъ свободно располагать (richesses disponibles), получаютъ активный характеръ путемъ отчужденія сельскимъ и городскимъ хозяйственнымъ классамъ съ цѣлью потребленія. Такимъ образомъ, создается постоянно возрождающійся спросъ, а это приводить въ движение и поддерживаетъ всю экономическую машину общества. Tableau économique наглядно изображаетъ этотъ процессъ въ линіяхъ. Чѣмъ больше эти

¹⁾ Стр. 338.

«richesses disponibles», т. е. чистые доходы, тѣмъ больше спросъ на сельскіе и городскіе продукты, тѣмъ сильнѣе расцвѣтъ народнаго хозяйства. Такимъ образомъ всеобщее благосостояніе растетъ и падаетъ вмѣстѣ съ «produit net» сельскаго хозяйства. Вопросъ, являются ли землевладѣльцы производительнымъ классомъ или нѣтъ, разрѣшается въ томъ смыслѣ, что они занимаютъ среднее положеніе. Они — «classe mixte»¹⁾. Съ точки зрѣнія публичноправныхъ функций землевладѣльцевъ ихъ слѣдуетъ причислять къ непроизводительному, съ точки зрѣнія ихъ сельской административной дѣятельности — къ производительному классу.

Въ соціальномъ отношеніи *classe des propriétaires* охватываетъ первое и второе сословія. Третье сословіе состоитъ изъ двухъ группъ: изъ сельскаго «classe productive» (или *classe productive*) и городскаго «classe stérile» (или *classe stipendiée*). Тогда какъ меркантилизмъ ошибочно придавалъ въ экономическомъ отношеніи наибольшее значеніе классу торговому и мануфактурному, въ дѣйствительности это слѣдуетъ признавать за землевладѣльцами. Лишь ихъ дѣятельность создаетъ, благодаря щедрости природы, излишокъ сравнительно съ возмѣщеніемъ затраченаго труда и другихъ расходовъ, — и следовательно, только они, по природѣ вещей, могутъ быть охарактеризованы, какъ производительный классъ.

Но для этого необходимо, чтобы землевладѣльцы занимались сельскимъ хозяйствомъ въ качествѣ самостоятельныхъ предпринимателей (*entrepreneurs*), т.-е. съ помощью капитала и не при феодальныхъ принудительныхъ условіяхъ²⁾.

Дѣло въ томъ, что среди землевладѣльцевъ, составляющихъ половину націи³⁾, надо различать двѣ группы. Прежде всего, мелкихъ крестьянъ, ведущихъ мелкую сельско-хозяйственную культуру (*petite culture*), преимущественно въ формѣ арендованія исполу (*métagage*); это — работники, не имѣющіе собственности и затрачивающіе только свою рабочую силу, при чемъ землевладѣльцы предоставляютъ въ ихъ распоряженіе небольшой земельный участокъ вмѣстѣ съ постройками и урожай дѣлится *in natura*. Обработка земли совершается при помощи быковъ. Она не приноситъ чистаго дохода, скорѣй можетъ характеризоваться, какъ хищническая эксплуатациѣ — и въ лучшемъ случаѣ даетъ скучное пропитаніе работнику и собственнику⁴⁾. Эта низкая культура (*mauvaise culture*), къ сожалѣнію, еще сильно преобладаетъ во Франціи и является существенной причиной печальнаго положенія сельскаго населенія. Иначе обстоитъ дѣло съ производитель-

¹⁾ Стр. 529, 318.

²⁾ „Ce sont les terres et les avances des entrepreneurs de la culture qui sont la source unique des revenus des nations agricoles“, стр. 337.

³⁾ Стр. 320. ⁴⁾ Стр. 204.

нымъ классомъ въ собственномъ смыслѣ слова, съ арендаторами (*fermiers*) на англійскій образецъ (*fermage*). Эти занимаются земледѣліемъ при помощи собственныхъ капиталовъ, на началахъ крупной культуры (*grande culture*). Послѣдняя характеризуется большимъ количествомъ рогатаго скота и интенсивнымъ воздѣлываніемъ торговыхъ растеній. Рабочее животное здѣсь не быкъ, а лошадь¹⁾. Во Франціи эта система (*bonne culture*) введена лишь въ немногихъ провинціяхъ, напр., въ Пикардіи, въ Нормандіи, во французской Фландріи и т. д. Она предполагаетъ соединеніе болѣе мелкихъ участковъ въ болѣе крупныхъ помѣстья, такъ какъ крупное производство хозяйствуетъ бережливѣе мелкаго, и поэтому оно въ состояніи производить «produit net» въ возрастающихъ размѣрахъ²⁾.

Интенсивность производства существенно зависитъ отъ величины «richesses d'exploitation de la culture du cru»: государственный дѣятель долженъ обращать вниманіе на увеличеніе этихъ капиталовъ и, соответственно, на образованіе возможно болѣе зажиточного сословія арендаторовъ. А именно, капиталы не должны отниматься у земледѣля черезъ налоги³⁾, ихъ скорѣй надо рассматривать, такъ сказать, какъ «immeuble»⁴⁾, какъ желѣзный фондъ, по принятому выражению. Эти капиталы, въ свою очередь, расчленяются на «avances primitives» и на «avances annuelles⁵⁾». Первые соответствуютъ такъ называемому впослѣдствіи «постоянному капиталу» и относятся къ основнымъ, долго сохраняющимся средствамъ производства, какъ скотъ, машины и т. п. Вторые являются оборотнымъ капиталомъ и обнимають собой сѣмена и заработную плату. Центръ тяжести лежитъ въ «avances primitives», которые исчисляются Кэнэ въ пять разъ большими, чѣмъ другіе. Они сообщаютъ системѣ производства присущій ей характеръ.

Необходимо, чтобы затраты арендаторовъ приносили соответственные проценты. За минимальное использование «richesses d'exploitation» принимаютъ 10 процентовъ⁶⁾, куда, однако, входитъ доля погашенія стоимости машинъ. Кэнэ вообще, и въ этомъ онъ отличается отъ Гуриѣ и отъ меркантилистовъ, считаетъ высокій процентъ благопріятнымъ признакомъ для народнаго хозяйства, исключая произволь-

¹⁾ См. точное воспроизведеніе этой системы въ статьѣ „Fermiers“, стр. 159 и слѣд. и въ статьѣ „Grains“, стр. 193 и слѣд. Ср. также отдѣлъ VI моего сочиненія „Was sagt die Nationalökonomie als Wissenschaft über die Bedeutung hoher und niedriger Getreidepreise“. Sonderabdruck, Verlag d. Monatl. Nachrichten zur Regulierung der Getreidepreise, Berlin 1901.

²⁾ „Que les terres employées à la culture des grains soient réunis autant qu'il est possible, en grandes fermes exploitées par des riches laboureurs; car il y a moins de dépense pour l'entretien et la réparation des bâtiments et à proportion beaucoup moins de frais et beaucoup plus de produit net dans les grandes entreprises d'agriculture que dans les petites“. Maxime XV, p. 334.

³⁾ Стр. 237. ⁴⁾ Стр. 332. ⁵⁾ Стр. 312. ⁶⁾ Стр. 313.

ная повышенія¹⁾). Чѣмъ лучше арендаторы вознаграждаются за приложеніе своихъ капиталовъ, тѣмъ больше капиталъ и населеніе стремятся къ земледѣлію, тѣмъ выше увеличиваются «richesses d'exploitation» и тѣмъ выше поднимается чистый доходъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все народное хозяйство. Общее благосостояніе, такимъ образомъ, зависитъ (помимо земли, являющейся источникомъ всего) отъ количества капиталовъ сословія арендаторовъ. Отсюда слова: «Le Royaume doit être bien peuplé de riches cultivateurs»²⁾.

Третій классъ образуютъ мануфактуристы и купцы. Занимаясь только переработываніемъ или перемѣщеніемъ продуктовъ, они не могутъ имѣть требовать признанія за собой характера производительности; поэтому дано название безплоднаго класса (classe stérile или classe stipendiée). Не потому, чтобы ихъ трудъ ничего не стоилъ, но производимое ими увеличеніе цѣнности поглощается расходами на ихъ собственное содержаніе; стало-быть, избытка, какъ въ земледѣліи, при обычномъ состояніи не бываетъ. Кто считаетъ этотъ классъ производительнымъ, тотъ смѣшиваетъ ведро у колодца съ самимъ источникомъ, средство съ причиной³⁾). Кэнэ поясняетъ существенную особенность безплодной дѣятельности, говоря, что черезъ нее въ богатствѣ происходитъ только «addition», тогда какъ земледѣльческое производство даетъ «multiplication», а сама земля—«génération» или «création»⁴⁾. Въ силу этого непроизводительный классъ, составляющій въ общемъ около четверти націи⁵⁾, имѣеть только право на возмѣщеніе труда (gage, salaire), служащее для его содержанія,— отсюда и название «classe salariée». Тамъ, где этотъ классъ имѣеть сверхъ того прибыль, она всегда получается на счетъ другихъ слоевъ населенія, главнымъ образомъ болѣе мелкихъ дѣловыхъ людей⁶⁾, и происходитъ это обыкновенно такимъ путемъ: вмѣсто свободной конкуренціи государство вводить въ пользу торговли и мануфактуры монополіи, привилегіи и запретительныя пошлины. Накопленіе этихъ прибылей ведетъ къ «richesses pécuniaires» или «richesses fictives» въ противоположность «richesses réelles», производимыхъ земледѣліемъ и образующихъ «vérables richesses»⁷⁾.

Для правильной оценки торговыхъ интересовъ нельзя обойти одного важнаго различія. Интересы торговли, какъ таковой, нельзя смѣшивать съ интересами лицъ, занимающихся ею. Часто одни прямо противопоставляются другимъ. Торговля въ смыслѣ «ordre naturel» лучше всего протекаетъ безъ участія посредниковъ, непосредственно между производителемъ (vendeur de la première main) и потребителемъ (acheteur consommateur); это—обмѣнъ сельскихъ продуктовъ (commerce rural). Ему противопоставляется торговля для перепродажи

¹⁾ Стр. 481, прим. ²⁾ Максима IX, стр. 333. ³⁾ Стр. 415.

⁴⁾ Стр. 321, 531, 546. ⁵⁾ Стр. 320. ⁶⁾ Стр. 234. ⁷⁾ Стр. 238 и слѣд.

онкенъ. Исторія полит. экон.

(commerce de revendeur, commerce mercantile et de trafic), которую надо рассматривать самое большое, какъ необходимое зло, вторгающееся тамъ, гдѣ потребитель и производитель слишкомъ удалены другъ отъ друга, чтобы сноситься непосредственно. Изъ разницы цѣнъ при покупкѣ и при продажѣ такая торговля старается извлечь прибыль, которую искусственно повышаютъ тѣмъ, что производителю возможно меньше даютъ, а у потребителя возможно больше отнимаютъ; и въ этихъ усилияхъ ее, къ сожалѣнію, поддерживаетъ неправильная меркантилистическая торговая политика. Неестественность зашла такъ далеко, что цѣлью государственныхъ образованій основались на колеблющемся фундаментѣ этихъ «richesses fictives»; таковы эфемерныя маленькия торговыя республики, какъ Гамбургъ, Генуя, Венеция, Голландія и др. съ ихъ кареагенскимъ государственнымъ строемъ. Въ сущности, крупные торговцы всего свѣта образуютъ вмѣстѣ одну единственную международную торговую республику (*rÃ©publique commersante universelle*)¹), территорія которой— капиталъ, и которая имѣеть въ тѣхъ маленькихъ торговыхъ государствахъ только свои независимыя бюро, въ то время какъ ея граждане живутъ разсѣянными по всѣмъ остальнымъ странамъ. Неправильно рассматривать ихъ, какъ принадлежащихъ къ странѣ, въ которой они живутъ, и считать ихъ интересъ интересомъ торговли ихъ колоніи. Вѣрно совершенно противоположное: «l'intérêt particulier des traſiquants est toujours opposé à celui de l'agriculture et du commerce»²). Особенности положенія иностранца также свойственны туземнымъ купцамъ, какъ и чужеземнымъ, и обратно³). Поэтому никогда нельзя проводить между ними разницу, покровительствуя мѣстнымъ купцамъ преимущественно передъ иностранцами⁴). Напротивъ, рекомендуется привлекать чужихъ купцовъ, чтобы при помощи ихъ конкуренціи понизить прибыли мѣстныхъ торговцевъ до ихъ законной мѣры; ибо эти прибыли точно также получаются на счетъ туземныхъ производительныхъ сословій, какъ и прибыли иностранцевъ. Къ этимъ «marchands revendeurs» относятся слова: «Leurs richesses, ainsi qu'eux-mêmes, n'ont point de patrie»⁵). Лучше всего обставлено государство, производительная жизнь котораго, подобно Китаю, сформирована такъ многосторонне, что оно самодовлѣть,—гдѣ, такимъ образомъ, возможно меньше распространена вѣшняя торговля. Однако, обойтись совсѣмъ безъ нея нельзя, да Богъ этого и не хотѣлъ, какъ видно изъ того, что онъ снабдилъ различныя страны особыми

¹) Стр. 326 и слѣд., 459, 420 и слѣд. ²) Стр. 670, 321.

³) „Nos commerçants sont aussi les commerçants des autres nations; les commerçants des autres nations sont aussi nos commerçants“. Стр. 328, 468.

⁴) Стр. 465.

⁵) Стр. 486; далѣе максима XXIX: „Les fortunes pécuniaires sont des richesses claudestines qui ne connaissent ni Roi ni Patrie“, стр. 337, 461, 459.

продуктами, дѣлающимися доступными всѣмъ людямъ путемъ международного обмѣна¹⁾). Виѣшия торговыя сношенія необходимы также для регулированія цѣнъ отечественныхъ произведеній. Это «mal n  cessaire»²⁾, все же лучше, чѣмъ ничего.

«Classe des propriétaires», «classe productive» и «classe stérile» являются категоріями населенія активными въ хозяйственной жизни. Они одни были поэтому включены въ Tableau économique. Однако, они отнюдь не составляютъ всего общества. Среди нихъ живетъ еще все неимущее населеніе, «qui est la plus pourceuse». Это «les dernières classes de citoyens»³⁾, называемые также «petit peuple», «bas peuple» или «tenu peuple». Не будучи самостоятельными предпринимателями, они заслуживаютъ вниманія лишь пассивно, т.-е. только въ отношеніи ихъ потребленія, которое должно быть направляемо по возможности на пользованіе отечественными продуктами. Это четвертое сословіе, живущее своей постоянной заработной платой и заслуживающее «protection particulière de la part du gouvernement»⁴⁾). Подробнѣе о немъ будетъ рѣчь въ популяціонистикѣ.

Итакъ, согласно «ordre naturel», въ общественной постройкѣ Кэнзы, собственно говоря, различаемъ въ общемъ четыре классовыхъ слоя, интересы которыхъ съ самаго начала отнюдь не всѣ согласуются между собой. Параллельно всеобщему интересу народного хозяйства идетъ интересъ земельныхъ собственниковъ и сельскихъ хозяевъ. Отъ него не отличается интересъ «dernière classe», такъ какъ для нихъ нужны работодатели, отъ платежеспособности которыхъ они зависятъ. Но въ торговлѣ можно считать полезными только тѣхъ купцовъ и промышленниковъ, которые занимаются сбытомъ и переработываніемъ отечественныхъ сырыхъ материаловъ (commerce des denr  es du cru)⁵⁾. Какъ только они начинаютъ способствовать обороту иностранныхъ предметовъ роскоши и заставляютъ понижаться цѣны на національные земледѣльческие продукты, они дѣлаются вредной категоріей. Только абсолютн.-свободная конкуренція иностранныхъ и туземныхъ торговцевъ можетъ положить преграду неправомѣрному стремленію къ монополіи⁶⁾ этихъ группъ населенія—вѣдь крупный торговецъ всегда падокъ на монополіи—и только она можетъ достаточно понизить его вознагражденіе (gage)⁷⁾.

Изъ этихъ соціологическихъ воззрѣній выводится принципіальное или догматическое ученіе физіократической системы во всѣхъ его деталяхъ.

¹⁾ Стр. 322, 427. „C'est ainsi que le ciel a voulu qu'aucune nation comme aucun particulier, ne pût jouir de la totalité des biens que lui offre la nature, qu'en les échangeant contre les productions ou les travaux de ses semblables“.

²⁾ Стр. 483. ³⁾ Максима XX, стр. 335. ⁴⁾ Стр. 635.

⁵⁾ Стр. 233. ⁶⁾ Стр. 304. ⁷⁾ Стр. 670 и слѣд.

Въ центрѣ меркантилистической теоріи стояли деньги. Это, по мнѣнію Кэнэ, большая переоценка, изъ которой вытекаютъ всѣ остальныя ошибки этой системы. Онъ постоянно повторяетъ то же, что Буагильберъ выдигалъ противъ Кольбера, а именно, что деньги—не богатство,—съ той разницей, что онъ выставляетъ это заблужденіе не какъ особое мнѣніе меркантиловъ, а какъ убѣжденіе всего народа. «Le peuple croit que c'est dans l'argent que consiste la richesse d'un Etat»¹⁾. «Le vulgaire regarde la masse d'argent comme la vraie richesse des états, parce qu'avec de l'argent on peut acheter, dit-on, tout ce dont on a besoin»²⁾). Но не спрашиваютъ себя, по словамъ Кэнэ, о томъ, что и деньги надо сперва купить. Въ дѣйствительности, деньги не то богатство, «dont les hommes ont besoin pour leur jouissance»; скорѣе этимъ богатствомъ являются «les biens nécessaires à la vie et à la reproduction annuelle de ces biens m mes qu'il faut obtenir»³⁾). Удивительно, какъ Кэнэ не замѣчаетъ, что оспариваемое имъ заблужденіе въ дѣйствительности существуетъ только въ его воображеніи. Вѣдь когда онъ возражаетъ, что деньги только «gage interm diaire entre les ventes et les achats», «ustencille de commerce»⁴⁾, посредствомъ котораго дѣйствительные предметы потребленія приобрѣтаются въ обмѣнѣ,—«l'argent ne se consomme pas»⁵⁾, «l'argent n'est bon que pour l'échanger avec d'autres richesses»⁶⁾—то и въ критикуемыхъ имъ словахъ также заключается положеніе, что деньги считаются богатствомъ на томъ основаніи, «parce qu'avec de l'argent on peut acheter, dit-on, tout ce dont on a besoin». Можетъ ли тутъ итти рѣчь о заблужденіи Мидаса, противъ котораго Кэнэ вообще направляетъ свое оружіе? Въ частностяхъ денежная теорія Кэнэ строится слѣдующимъ образомъ.

Благородные металлы, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоять серебро, имѣютъ двоякаго рода потребительную цѣнность: во-первыхъ, «consid r  comme monnaie» и, во-вторыхъ, «consid r  comme mati re de meuble»⁷⁾). Въ первомъ смыслѣ, какъ орудіе обращенія «num raire circulant» или «r ecule de la nation»⁸⁾, они никому не принадлежать и являются учрежденіемъ, введеннымъ государствомъ и несущимъ всеобщую службу, «l'argent n'a point de propri taire, il appartient aux besoins de l'Etat»⁹⁾). Во второмъ случаѣ, напротивъ, благородный металлъ, какъ сырой матеріалъ для промышленныхъ цѣлей, есть «une marchandise comme une autre»¹⁰⁾). Если рассматривать металлъ съ точки зрењія орудія обращенія, то его количество должно стоять въ неизмѣнномъ отношеніи къ чистому доходу съ земли данной страны, т.-е. быть равнымъ ему¹¹⁾). Наличность излишка безцѣльна тѣмъ больше, что въ развитомъ народномъ хозяйствѣ многіе и, какъ разъ, самые важные

¹⁾ Стр. 327, прим. ²⁾ Стр. 324. ³⁾ Стр. 324. ⁴⁾ Стр. 483, 542, 290, 348.

⁵⁾ Стр. 483, 548. ⁶⁾ Стр. 348. ⁷⁾ Стр. 483, прим.

⁸⁾ Стр. 325. ⁹⁾ Стр. 349. ¹⁰⁾ Стр. 483. ¹¹⁾ Стр. 325.

акты мъны совершаются безъ участія звонкой монеты, а именно посредствомъ кредита, «c'est à dire par l'entremise de papiers valables, qui suppléent à l'argent et facilitent beaucoup le commerce» ¹). Уже поэтому непозволительно измѣрять богатство государствъ большими или мѣньшими денежными запасомъ. Една страна относительно всегда имѣеть больше денегъ, чѣмъ богатая. Изъ разсужденій Кэнэ можно усмотрѣть, что «récule» должна быть опредѣляема правительствомъ государства; по крайней мѣрѣ, онъ указываетъ на то, что такъ дѣло обстоитъ въ Англіи, гдѣ установлена сумма въ 26 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ или 11 миллионовъ марокъ серебромъ, что соотвѣтствуетъ годовому чистому доходу ²). Между тѣмъ, надо ясно отличать этотъ фондъ, служацій національному обмѣну, отъ того, который служить крупной торговлѣ. «Il faut distinguer le récule des commerçants de celui de la nation; ces deux parties n'ont rien de commun» ³). Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ неѣть у Кэнэ. Такъ какъ, по его мнѣнію, деньги, въ качествѣ орудія обращенія, получаютъ свою цѣнность отъ содержащагося въ нихъ благороднаго металла, то можно допустить безъ сомнѣнія, что его точка зрѣнія согласуется съ чеканкой полновѣсной монеты. У Кэнэ всюду выступаетъ предположеніе, что деньги, какъ масштабъ цѣнности, а именно, какъ «mesure pour constater la valeur des choses commerçables» ⁴), по крайней мѣрѣ для внутренняго обмѣна страны, являются прочнымъ официальнымъ институтомъ. Если, следовательно, въ этомъ пунктѣ, т.-е. рассматривая деньги какъ валюту, онъ едва ли расходится въ своемъ пониманіи съ просвѣщенными меркантилистами, то иначе обстоитъ съ его взглядами на деньги, какъ на орудіе сбереженія цѣнности и форму капитала. Тутъ мы замѣчаемъ возвращеніе къ до-меркантилистическому періоду, если не къ образу мыслей полнаго натурального хозяйства, то все-таки къ воззрѣніямъ связанного денежнаго хозяйства, приблизительно въ духѣ позднѣйшихъ канонистовъ.

Мы знаемъ уже, что «richesses récuniaires» только «richesses stériles» или «richesses fictives». Кэнэ говоритъ: «L'argent n'est donc pas la véritable richesse d'une nation, la richesse qui se consomme et qui renaît continuellement: car l'argent n'engendre pas de l'argent» ⁵). Итакъ, мы находимъ здѣсь вновь положенія Аристотеля, подхваченное канонистами, о томъ, что деньги не могутъ плодиться.

И у канонистовъ замѣчалось особое предпочтеніе земледѣлія и отрицательное отношение къ посреднической торговлѣ. И у нихъ находится противоположная оценка капитала, истраченного на землю, и капитала, вложенного въ торговлю. Представление Кэнэ о «dons de la terre», въ конечномъ смыслѣ, какъ о Божихъ дарахъ, ибо земледѣ-

¹) Стр. 543. ²) Тамъ же. ³) Тамъ же, прим. ⁴) Тамъ же. ⁵) Стр. 349.

лещь «par un effet de la bienfaisance divine»¹⁾ производить больше плодовъ, чѣмъ сколько онъ ихъ употребляетъ на поддержаніе своей рабочей силы,—въ сущности совпадаетъ со взглядами канонистовъ, объяснявшихъ, что жатва происходитъ отъ Божьяго благословенія и отъ человѣческаго труда. Но можно еще продолжить параллель. По мнѣнію канонистовъ, деньги, по своей природѣ, только сопровождаютъ акты обмѣна въ качествѣ мѣры цѣнности. Активная роль на нихъ долю не приходится, такъ какъ действительный обмѣнъ происходитъ между товарами, и чтобы понять сущность обмѣна, какъ такового, надо исключить понятіе о деньгахъ. Но подобное этому говоритъ и Кэнэ: «L'argent n'est une richesse active»²⁾, «les objets définitifs des échanges ne sont point l'argent»³⁾, «faisons donc abstraction de l'argent, dans l'emploi même de l'argent»⁴⁾. Тогда какъ меркантилистическое пониманіе, въ противоположность натурально-хозяйственному, разлагаетъ актъ обмѣна на двѣ половины, на куплю и продажу, при чемъ одна часть временно и пространственно отдѣлена отъ другой,—Кэнэ говоритъ въ согласіи съ канонистическимъ пониманіемъ: «Tout achat est vente et toute vente est achat»⁵⁾, что нельзѧ продавать и не хотѣть одновременно покупать⁶⁾. Съ этимъ связано воззрѣніе, что нельзѧ продавать больше, чѣмъ закупать, что въ естественномъ и справедливомъ соотношеніи актъ купли есть обмѣнъ одинаковыхъ цѣнностей. Эта идея красной нитью проходитъ чрезъ всю канонистическую экономическую доктрину. Но такимъ же образомъ у Кэнэ говорится, что націи «ne peuvent acheter qu'antant qu'elles peuvent vendre»⁷⁾, и что «le commerce n'est qu'un échange de valeur pour valeur égale»⁸⁾.

Актъ обмѣна, безъ сомнѣнія, имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда одинъ чувствуетъ потребность въ предметѣ, которымъ другой владѣеть въ избыткѣ, и постольку можно сказать, что торговля «est également profitable à l'un et à l'autre»⁹⁾. И такъ какъ это вообще взаимно выравнивается, то торговля не даетъ «par conséquent point d'augmentation réelle de richesse»¹⁰⁾. Торговля, какъ таковая, есть и остается бесплодной.

Не смотря, однако, на это согласіе физіократической и канонистической доктринъ, встрѣчается и рѣзкое противорѣчіе между ними, на которое мы указывали уже раньше. Канонисты выводили изъ своихъ посылокъ необходимость верховной регламентаціи хозяйственной жизни, свободная конкуренція представлялась имъ корнемъ всего зла, потому что черезъ нее осуществляется право сильного надъ слабымъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы защитить бѣдныхъ отъ самоуправства богатыхъ при помощи преобладающаго могущества церкви и свѣтскихъ властей.

¹⁾ Стр. 441. ²⁾ Стр. 548. ³⁾ Стр. 542. ⁴⁾ Стр. 543, 549. ⁵⁾ Стр. 478.

⁶⁾ Стр. 292. ⁷⁾ Стр. 450, 386. ⁸⁾ Стр. 449, 389, 583. ⁹⁾ Стр. 456, 583.

¹⁰⁾ Стр. 583.

У Кэнэ, наоборотъ, неограниченная конкуренція (*la pleine liberté de la concurrence*) ¹⁾ выставляется, какъ вѣрное цѣлебное средство для возстановленія естественнаго равновѣсія въ оборотахъ. Вмѣшательство власти (не считая исключений) происходитъ регулярно въ пользу богатыхъ и за счетъ бѣдныхъ. Конкуренція, напротивъ, обходится со всѣми одинаково и т. д. Интересы индивидуумовъ сами собой приводятся въ равновѣсіе. Отсюда положеніе, прямо противоположное канонистическому учению: «*le juste marché résulte du désir naturel de faire les plus grands profits possibles, réglé par la loi de la concurrence*» ²⁾.

Въ послѣдніемъ пунктѣ меркантилизмъ, какъ известно, стоять ближе къ канонистическому пониманію, отъ которого онъ въ остальномъ сильно отличается. Уже у Уллоа встрѣчается выраженіе «*commerce réciproque*», понимаемое Кэнэ, какъ выравниваніе цѣнностей обмѣниваемыхъ націями товаровъ. Но только тамъ оно должно было быть результатомъ предусмотрительной государственной политики торговаго баланса. У Кэнэ вообще исчезаетъ противоположеніе туземной и иностранной торговли, поскольку дѣло идетъ о выгодѣ торговаго соревнованія, какъ такового. Теорія торговаго баланса для него не больше, какъ «*une chimère des spéculateurs politiques*». По природѣ своей, торговый балансъ долженъ всегда находиться въ равновѣсіи, такъ какъ и въ международныхъ оборотахъ, предполагая свободную конкуренцію, могутъ быть обмѣниваемы только равныя цѣнности. Когда у купцовъ случается такого рода прибыль, то можно принять съ достовѣрностью, что въ дѣйствительности она есть результатъ торговыхъ привилегій ко вреду отечественной производственной жизни, что следовательно она получилась за отечественный, а не заграничный счетъ. «*Cessez donc*», восклицаетъ Кэнэ, «*de vous égarer avec vos spéculateurs politiques, qui cherchent à vous persuader que dans votre commerce vous pouvez profiter aux dépens des autres nations; car un Dieu juste et bon a voulu que cela fût impossible, et que le commerce de quelque manière qu'il s'exécutât, ne fut jamais que le fruit d'un avantage évidemment réciproque*» ³⁾.

Къ учению о деньгахъ непосредственно примыкаетъ учение о цѣнности и цѣнѣ, такъ какъ деньги, по вышеприведенному, — «*la mesure pour constater la valeur des choses commerçables*». Центръ тяжести тутъ въ выраженіи «*choses commerçables*». Дѣло въ томъ, что существуютъ еще и другія блага, не поступающія въ оборотъ, но предназначенные для пользованія или для потребленія. Во вновь найденной, но еще не напечатанной статьѣ «*Hommes*», находится подробно разработанное учение о цѣнности и цѣнѣ, далеко превосходящее то, что позднѣе говорилъ на ту же тему Адамъ Смитъ. Согласно дуализму потребительной и мѣновой цѣнности, послѣ Аристотеля высту-

¹⁾ Стр. 336, максима XXV. ²⁾ Стр. 682. ³⁾ Стр. 484.

пающему вновь у Джона Ло, и Кэнэ отличаетъ «richesses usuelles» отъ «richesses vénales ou commerçables» и «valeur usuelle» отъ «valeur vénale». Только товары, поступающіе въ оборотъ, имѣютъ мѣновую цѣнность и могутъ быть понимаемы, какъ богатство въ настоящемъ смыслѣ. Что остается въ этого, можетъ быть причислено къ благамъ, но не къ истинному богатству. «Ainsi tous les biens ne sont pas des richesses vénales; l'air que nous respirons, l'eau que nous puisons à la rivière et tous les autres biens ou richesses surabondantes et communes à tous les hommes ne sont pas commerçables, ce sont des biens et non des richesses». Потребительная цѣнность и мѣновая цѣнность слѣдуютъ различнымъ законамъ; первая стоитъ въ прямомъ отношеніи къ потребности, вторая къ рынку. Алмазъ, имѣющій только небольшую потребительную цѣнность, по мѣновой цѣнности на много превышаетъ необходимые съѣстные припасы, имѣющіе, съ своей стороны, очень большую потребительную цѣнность. Это зависитъ отъ сравнительной рѣдкости алмаза. Въ необычное время, напр. при голодѣ или при осадѣ города въ случаѣ войны, цѣна быстро поднимается, благодаря возросшей настоятельности потребности съ одной стороны и рѣдкости благъ съ другой, и тутъ «par accident» потребительная цѣнность опредѣляющимъ образомъ вмѣшивается въ сферу мѣновой цѣнности. Въ обыкновенное время, напротивъ, первенство принадлежитъ мѣновой цѣнности.

О мѣновой цѣнности въ отдѣльности трактуетъ обстоятельное *ученіе о цѣнѣ*. Здѣсь надо различать *естественную цѣну* (*prix naturel*) и *текущую рыночную цѣну* (*prix courant*). Первою, собственно мѣновой цѣнностью, товары владѣютъ уже до того, какъ попадаютъ на рынокъ¹⁾; последняя измѣняется сообразно спросу и предложению и постоянно колеблется около уровня естественной цѣны. Но при этомъ надо дѣлать важное различие между сельско-хозяйственными и промышленными продуктами. Въ естественной цѣнѣ мануфактурныхъ товаровъ содержатся только издержки на продовольствие производителей и прочіе прямые расходы. Въ сельско-хозяйственныхъ произведеніяхъ сюда присоединяется еще вознагражденіе за добровольные дары природы (*surcroit, dons de la nature*), выражаящіеся въ чистомъ доходѣ. Конечно, это предполагаетъ наличность «grande culture»; «petite culture», какъ и бесплодное занятіе, доставляетъ только необходимое продовольствие. Въ силу этого ученіе о цѣнѣ строится слѣдующимъ образомъ²⁾. Надо различать три категоріи: 1. основная цѣна товаровъ

¹⁾ Ненапечатанная статья „Hommes“ въ отдѣленіи рукописей парижской Bibliothèque Nationale. Смотри передачу ея содержания въ моемъ сочиненіи „Entstehen und Werden der physiokratischen Theorie“, отдѣль V.

²⁾ Кэнэ въ принадлежащемъ ему отдѣлью „Débit de grains“ книги Патулло „Essai sur l'amélioration des terres“ 1758 г. повторилъ нижеиздѣйшую теорію цѣны изъ статьи „Hommes“.

(prix fondamental des marchandises). Эта цѣна «est établi par des dépenses ou frais qu'il faut avancer pour leurs productions et pour leurs préparations». Затѣмъ идетъ 2. цѣна при продажѣ изъ первыхъ рукъ (prix du vendeur de la première main). Она обыкновенно выше первой. Но это еще не окончательная цѣна, такъ какъ часто, раньше чѣмъ товаръ попадетъ въ руки потребителя, цѣна его значительно повышается благодаря перепродажѣ и переработкамъ. Отсюда, въ концѣ концовъ, возникаетъ еще 3. цѣна покупателя - потребителя (prix de l'acheteur - consommateur). Эти три категоріи находятъ себѣ приложеніе при обмѣнѣ какъ «richesses stériles», такъ и «richesses réelles», но въ различномъ отношеніи. Купцы и то, что съ ними связано, естественно заинтересованы въ томъ, чтобы промежутокъ отъ цѣны при продажѣ изъ первыхъ рукъ до цѣны покупателя-потребителя быть бы возможно великъ, такъ какъ въ предѣлахъ этой разности проявляется все ихъ стремленіе къ наживѣ. Они стараются достигнуть этого тѣмъ, что съ одной стороны заставляютъ потребителя платить наивысшую цѣну, какую допускаетъ его платежеспособность, а, съ другой стороны, по возможности понижаютъ цѣну сырья при продажѣ изъ первыхъ рукъ, пока она не совпадетъ съ основной цѣной; они извлекаютъ свою прибыль какъ изъ хищническаго присвоенія сбереженій потребителя, такъ и изъ наживы, за счетъ чистаго дохода съ земли¹⁾. Наоборотъ, естественный порядокъ предписываетъ, чтобы первая продажная цѣна и послѣдняя покупная стояли бы возможно ближе одна къ другой или совпадали бы, и чтобы у земледѣльческихъ продуктовъ разность между основной цѣной и цѣной при продажѣ изъ первыхъ рукъ была бы по возможности велика. Ибо въ предѣлахъ этого послѣдняго промежутка движется принадлежащей землевладѣльцамъ чистый доходъ (produit net), отъ величины которого зависитъ все процвѣтаніе народнаго хозяйства. Слѣдовательно, политика «gouvernement économique» стремится, съ одной стороны, при помощи бережливаго производства возможно удешевить основную цѣну сельскохозяйственныхъ продуктовъ, что лучше всего достигается введеніемъ машинъ въ производство и т. п., а съ другой стороны,—возможно повысить цѣну при продажѣ изъ первыхъ рукъ и приблизить ее къ цѣнѣ покупателя-потребителя, а это скорѣе всего достигается исключениемъ прибылей посредниковъ. Послѣднее—задача соотвѣтствующей политики сбыта.

Вопреки колльбертистскому обычью понижать цѣны на хлѣбъ путемъ запрещенія вывоза, чтобы доставить промышленному работнику дешевый хлѣбъ, а чрезъ это мануфактурѣ низкую заработную плату, Кэнэ во главѣ своей доктрины ставить положеніе: «Il n'y a que le haut prix qui puisse procurer et maintenir l'opulence et la population

¹⁾ Стр. 449.

d'un royaume par les succès de l'agriculture. Voila l'alpha et l'oméga de la science économique¹⁾). Такъ какъ если сельскій хозяинъ можетъ продавать по хорошей цѣнѣ (prix du vendeur de la première main), то онъ въ состояніи соразмѣрно увеличивать свои орудія производства, наряду съ этимъ доставлять землевладѣльческому классу высокій produit net и, наконецъ, повышать заработную плату промышленного класса и трудящихся слоевъ населенія, благодаря чему достигается всеобщее благосостояніе. Иное при низкихъ цѣнахъ на земледѣльческие продукты. Сельскіе хозяева принуждены иногда ограничивать свое производство, иногда переходить къ «petite culture» съ ея хищнической разработкой, благодаря чему понижается весь уровень народнаго хозяйства. Въ минимумѣ должна быть достигнута основная цѣна.

«Haut prix» не обозначаетъ чрезмѣрно высокой цѣны²⁾), которая во всякомъ случаѣ переходитъ въ свою противоположность—«non-valeur», а «haut prix continu», одинаково далекую отъ дороговизны и отъ обезцѣнивания и, следовательно, движущуюся въ «état mitoyen». Рѣзкія колебанія вверхъ и внизъ также вредны, какъ длительная пониженія цѣнъ, «les non-valeurs et les grandes variations des prix des grains détruisent l'agriculture». Въ XVIII максимѣ Кэнѣ высказываетъ свой взглядъ по этому вопросу въ такомъ изречении: «Abondance et non-valeur n'est pas richesse; disette et cherlē est misère. Abondance et cherté est opulence»³⁾.

Регулированіе цѣнъ не должно совершаться ни путемъ установления цѣнъ властями, ни путемъ устройства государственныхъ магазиновъ, а посредствомъ цѣлесообразной политики внешней торговли. Надо установить свободный вывозъ хлѣба, а это предупредить возможность понижения цѣны отъ внутренняго перепроизводства. Тогда цѣна движется по мало колеблющейся скалѣ, дѣйствующей въ международномъ обмѣнѣ («prix commun qui a cours dans les autres pays») и стоящей всегда выше, чѣмъ средняя цѣна внутри земледѣльческой страны. Отсюда положеніе: «Le principe de tous ces progrès est donc l'exportation des denrées du cru»⁴⁾. Кэнѣ не говоритъ о свободномъ ввозѣ, такъ же, какъ и Буагильберъ. Гдѣ онъ примѣняетъ выражение «liberté de l'entrée», что случается очень

¹⁾ Стр. 458.

²⁾ Стр. 248, „nous n'entendons pas ici, par le mot de cherté, un prix qui puisse jamais être excessif, mais seulement un prix commun entre nous et l'étranger; car, dans la supposition de la liberté du commerce extérieur le prix sera toujours réglé par la concurrence du commerce des denrées des nations voisines“.

³⁾ Стр. 335, 246.

⁴⁾ Стр. 207, „parce que la vente à l'étranger augmente les revenus, que l'accroissement des revenus augmente la population, que l'accroissement de la population augmente la consommation, qu'une plus grande consommation augmente de plus en plus la culture, les revenus de terres et la population“ etc.

рѣдко, тамъ онъ всегда имѣетъ ввиду ввозъ мануфактурныхъ товаровъ¹⁾. При вывозѣ сырья естественно должны ввозиться другие товары, и такъ какъ это не могутъ и не должны быть земледѣльческие продукты, то лучше всего пользоваться для этой цѣли произведеніями безплодныхъ народныхъ классовъ. Обратно тому, какъ въ меркантилистической торговой политикѣ, гдѣ старались развить активную торговлю фабричными продуктами при помощи пассивной торговли сырьевыми материалами, вниманіе государственного дѣятеля по «ordre naturel» должно быть обращено на то, чтобы «способствовать активной торговлѣ земледѣльческими продуктами при помощи пассивной торговли промышленными продуктами. Voila tout le mystère du commerce»²⁾. Меркантилистическое правило слѣдуетъ предоставить маленькимъ торговымъ республикамъ, не владѣющимъ большой территорией и вынужденнымъ поэтому прибѣгать къ безплоднымъ видамъ хозяйственной дѣятельности.

Въ извѣстной связи съ этимъ стоитъ ученіе Кэнэ о процентахъ. По принципу «l'argent n'engendre pas d'argent» онъ собственно долженъ быть выступать, какъ Аристотель, противъ всякаго права на проценты. Однако уже канонисты допускали по крайней мѣрѣ покупку ренты. Смотрѣли же они на ренту, какъ на «собственность, связанную съ собственностью на землю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на ея продукты». Кальвинъ и его приверженцы впослѣдствіи оправдывали процентъ указаніемъ на то, что на капиталъ можно купить участокъ земли и тѣмъ самымъ вступить во владѣніе рентой. Все же онъ долженъ быть сдерживаемъ властями въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такова и точка зреянія Кэнэ. Въ сочиненіи «Observations sur l'intérêt de l'argent»³⁾ говорится: «Avec de l'argent, on acquiert la propriété et le revenu d'un bien-fonds... donc avec de l'argent on peut, dans l'ordre de la justice la plus exacte, acquérir un revenu annuel avec la conservation du capital de l'argent qui procure le revenu»⁴⁾. Слѣдовательно, процентъ по существу не что иное, какъ «produit net», принявшій новую форму. Какъ высокая степень «produit net» является благопріятнымъ показателемъ для народного хозяйства страны, такъ же обстоитъ и съ процентомъ.

Мы знаемъ изъ прежняго, что Кэнэ не раздѣлялъ воззрѣнія меркантилистовъ и въ особенности Гурнэ, по которому низкий процентъ составляетъ признакъ благосостоянія народа. Отъ этого, по его мнѣнію, существенно бы пострадалъ арендаторъ, котораго обеспечиваетъ высокий процентъ съ его «richesses d'exploitation». На возраженіе, что арендаторъ извлекаетъ выгоду изъ низкаго процента, такъ

¹⁾ Напр. стр. 286 III. ²⁾ Стр. 345.

³⁾ Январьскій номеръ 1766 г. Journal de l'agriculture etc. Стр. 399 и слѣд.

⁴⁾ Стр. 400.

Но изъ тѣснаго соотношенія процента и «produit net» вытекаетъ въ другомъ направленіи очень важное слѣдствіе. Если бы размѣръ процента превысилъ когда-нибудь долю чистаго дохода съ земли, то это противорѣчило бы «ordre naturel». Разъ это гдѣ-либо обнаруживается, естественный порядокъ опрокидывается и, навѣрное, предстоитъ разрушеніе народнаго хозяйства. Задача монарха противодействовать этому двоякимъ образомъ: самому не заключать займовъ путемъ обѣщанія высокихъ процентовъ, потому что въ силу этого искусственнымъ образомъ отвлекаются отъ земледѣлія его производительные фонды ³⁾, и устанавливать посредствомъ положительного законодательства максимальный размѣръ процента, обязательный и для частныхъ лицъ, какъ соотвѣтствующій чистому среднему доходу. Эти разсужденія Кэнэ приводятъ насъ къ экономическому положительному порядку.

Экономический ordre positif. Въ экономическихъ вопросахъ важнѣе, чѣмъ во всякихъ другихъ, дуализмъ законовъ, которымъ подчи-

¹⁾ Стр. 181 и слѣд. „L'agriculture n'a pas comme le commerce une ressource dans le cr dit... il faut donc que les fermiers soient riches par eux-m mes“

²⁾ Стр. 481 и слъд. 327, прпм. ³⁾ Стр. 337, максима XXX.

нено человѣческое общество, а именно естественныхъ неизмѣнныхъ, съ одной стороны, и положительныхъ измѣнчивыхъ—съ другой. «*Science économique*» требуетъ, какъ мы знаемъ, изученія обѣихъ частей, и задача «*autorité tutélaire*» привести въ равновѣсіе обѣ сферы права. Государь долженъ быть одновременно учителемъ и врачомъ подчиненного ему общества. Въ качествѣ учителя онъ заботится посредствомъ положительного законодательства обѣ обязательномъ народномъ обученіи, въ качествѣ врача онъ долженъ направлять образъ жизни народа по соответствующему правильному пути, пользуясь для этого гражданскими законами, подкрепленными принудительной силой и угрозой наказанія. Изъ этихъ двухъ порядковъ законовъ важнѣе естественные: однако отдельному лицу въ своихъ поступкахъ не съ ними приходится непосредственно считаться. Такое значеніе скорѣй имѣютъ положительные законы, которымъ надо слѣдовать буквально (*littéralement*) даже тогда, когда они не проникнуты духомъ естественныхъ законовъ.

Каждый народъ имѣть свои собственные положительные законы и долженъ ихъ имѣть. Безусловно неправильно упрекать Кэнэ въ космополитическомъ и, стало быть, лишенномъ патріотизма образѣ мыслей. Послѣдній учрекъ онъ самъ, какъ известно, обращаеть противъ одностороннихъ торговыхъ государствъ. Конечно, онъ того мнѣнія, что принципы естественного порядка дѣйствительны для всѣхъ государствъ и народовъ. Но какъ только ставится вопросъ о положительномъ порядке, онъ всегда имѣеть ввиду свое отчество—Францію. Настоящими французами онъ считаетъ только тѣ классы, которые, прямо или косвенно, стоятъ въ связи съ земледѣліемъ. Правительство должно удѣлить особую «protection décidée»¹⁾ арендаторскому сословію, «classe productive», чтобы тѣмъ крѣпче привязать его къ его трудному призванію. Вѣдь крестьянинъ, по мнѣнію Кэнэ, не могъ бы держаться безъ такого покровительства. Къ сожалѣнію, практика управления до сихъ поръ проявлялась въ противоположномъ направленіи, «en protégeant plus les citoyens que les habitants de campagnes». ²⁾ Этому невѣрному правилу Кэнэ противопоставляется VIII максиму «Que le gouvernement économique ne s'occupe qu'à favoriser les dépenses productives et le commerce des denrées du cru et qu'il laisse aller d'elles-mêmes les dépenses stériles»³⁾. Поэтому неправильно предполагать, какъ дѣлаютъ обыкновенно, что Кэнэ отвергаетъ всякое покровительство съ помощью положительныхъ законовъ по отношенію къ народному хозяйству. Это примѣнено только къ непроизводительнымъ занятіямъ, какъ торговля и промышленность. Земледѣліе, напротивъ, всѣми силами должно быть защищаемо и поощряемо. Единственный разъ, когда Кэнэ примѣняетъ формулу «laissez faire et laissez

¹⁾ Стр. 183. ²⁾ Стр. 189. ³⁾ Стр. 333.

passer» въ «*Lettre sur le langage de la science économique*¹⁾», онъ относить ее къ торговлѣ, а именно въ противоположность Форбоннѣ, оспаривая его противопоставленіе национальныхъ и чужихъ купцовъ, изъ которыхъ первымъ надо покровительствовать, а вторымъ—не надо. И тѣ и другіе должны быть лишены всякаго покровительства, такъ какъ они въ одинаковой мѣрѣ чужie по отношенію къ отечественной хозяйственной жизни.

При покровительствѣ сельскимъ интересамъ дѣло, конечно, не въ запрещеніяхъ, монополіяхъ и другихъ исключительныхъ привилегіяхъ. Всѣ подобныя предпочтенія однихъ за счетъ другихъ должны быть отвергнуты. Иначе обстоитъ дѣло съ всеобщими поощрительными мѣропріятіями для усиленія сбыта земельныхъ продуктовъ.

Альфой и омегой всей экономической политики—Кэнэ выставляетъ, какъ мы видѣли, подобно Буагильберу прочную высокую цѣну на хлѣбъ. Активная виѣшняя торговля земледѣльческими продуктами и пассивная виѣшняя торговля фабричными изделиями,—такова цѣль, къ которой должна стремиться политика виѣшней торговли. Какъ только торговля дѣлаетъ поворотъ въ противоположномъ направленіи, монархъ долженъ притти на помощь естественному порядку съ положительнымъ законодательствомъ. Какимъ же образомъ должно это происходить? Кэнэ отвѣчаетъ постоянными указаніями на тогдашніе хлѣбные законы Англіи. Примѣръ этого государства, по мнѣнію Кэнэ, показываетъ, что не существуетъ другого болѣе важнаго средства поднять земледѣліе, «que la vente d'une partie de la r colte   l' tranger». Англичане были защищены и отъ недостатка, и отъ излишка. «Cette nation n'a point essay  de chert  extraordinaire ni de non-valeur du bl  depuis qu'elle en a favoris  et excit  l'exportation». Кэнэ нигдѣ не говоритъ о свободѣ ввоза хлѣба; рѣчь всегда идетъ только о «libert  d'exporter   l' tranger», такъ какъ «la vente   l' tranger facilite le d bit, ranime la culture et augmente le revenu des terres»²⁾ и т. д.

Что Кэнэ дѣйствительно не имѣлъ въ виду ничего другого, какъ хлѣбный законъ Вильгельма III отъ 1689 г., видно изъ того, что въ статьѣ «Grains» онъ, подобно тому закону, предлагается для Франціи нормальную цѣну. Онъ опредѣляетъ ее въ 18 ливровъ за сетье (12 четвер.). Въ Англіи она, правда, составляетъ 22 ливра. Но, принимая во вниманіе, что средняя цѣна стояла до сихъ поръ во Франціи на 17-ти ливрахъ, можно считать достаточнымъ вышеприведенный размѣръ. При этомъ уровень не можетъ жаловаться и потребитель; если, въ видѣ исключенія, наступаетъ значительное повышеніе цѣны на хлѣбъ, то всегда можно прибѣгнуть, какъ въ Англіи, къ безпопулярному ввозу заграничнаго хлѣба. Потому что, говорить Кэнэ, въ такомъ случаѣ «on peut, en permettant l'exportation, permettre aussi

¹⁾ Стр. 671. ²⁾ Стр. 207.

*l'importation des blés étrangers sans exiger des droits*¹⁾). Тогда цѣна на хлѣбъ никогда не можетъ подняться во Франціи выше, чѣмъ у другихъ націй, которыя его вывозятъ. Отсюда видно, что Кэнэ смотритъ на безпошлинный ввозъ хлѣба, только какъ на мѣру годную при исключительныхъ обстоятельствахъ. Но и вывозъ, какъ бы онъ обыкновенно ни былъ выгоденъ, не долженъ быть неограниченнымъ; Англія опять является образцомъ. «*L'exportation ne doit pas cependant être illimitée; il faut qu'elle soit, comme en Angleterre interdite lorsque le blé passe un prix marqué par la loi*²⁾». Если, съ другой стороны, Кэнэ предостерегаетъ отъ подражанія английскому *навигационному акту*³⁾, одобрявшемуся Гуриѣ и впослѣдствіи Адамомъ Смитомъ, хотя по разнымъ причинамъ, то это связано съ тенденцией этого закона покровительствовать торговлѣ и судоходству, безплоднымъ, по мнѣнію Кэнэ, промысловымъ отраслямъ, которыхъ бы слѣдовало предоставить имъ самимъ.

Внутри страны «protection décidée», обращенная на земледѣліе, должна преслѣдовать слѣдующія задачи. Правительство должно всѣми средствами стараться замѣнить мелкую культуру (*métayage*) крупной (*fermage*). Хорошимъ поощреніемъ этого было бы освобожденіе сыновей арендаторовъ отъ тягостной службы въ ополченіи (*milice permanente*), въ то время какъ на сыновей мелкихъ крестьянъ она должна распространяться⁴⁾. Но надо создать и условія, необходимыя для «*grande culture*», которая состоять въ соединеніи болѣе мелкихъ помѣстій въ болѣе крупныя⁵⁾. Далѣе, арендаторы должны быть освобождены отъ дорожной повинности (*cogvées*)⁶⁾. Дѣло государства или землевладѣльцевъ заботиться о подходящихъ путяхъ сообщенія, какъ дороги, каналы и т. под. Особое вниманіе должно быть обращено на пріумноженіе общаго количества скота, такъ какъ онъ одновременно служитъ источникомъ удобренія и является необходимымъ условиемъ для возникновенія *produit net*⁷⁾. Принудительный сївооборотъ долженъ быть отмѣненъ. Каждый крестьянинъ долженъ иметь право воздѣлывать плодъ, который обѣщаетъ ему наибольшій доходъ, какъ онъ считаетъ нужнымъ. Всѣ налоги на производительный классъ должны быть отмѣнены и перенесены на землевладѣльческий классъ⁸⁾.

¹⁾ Стр. 231, прим. ²⁾ Тамъ же.

³⁾ Въ ненапечатанной статьѣ „Hommes“. ⁴⁾ Стр. 227.

⁵⁾ „Que les terres employées à la culture des grains soient réunies, autant qu'il est possible, en grandes fermes, exploitées par de riches laboureurs“, максима XV, стр. 334 и 219.

⁶⁾ Стр. 227.

⁷⁾ „Qu'on favorise la multiplication des bestiaux; car ce sont eux qui fournissent aux terres les engrâis qui procurent les riches moissons“, максима XIV, стр. 334.

⁸⁾ Стр. 332.

Особенно важны положительные законы о процентахъ. По «Ordre naturel» размѣръ процента никогда не долженъ превышать средней доли чистаго дохода съ земли. Но это соразмѣрное отношение далеко не всегда устанавливается само собой. Скорѣй своекорыстіе займодавцевъ постоянно стремится перешагнуть эту естественную границу ко вреду должниковъ и извлечь неправомѣрную выгоду изъ труднаго положенія послѣднихъ. Противъ «injustice si manifeste» долженъ выступить государь со своимъ положительнымъ законодательствомъ. Необходимъ «loi positive, constante qui puisse fixer équitablement le taux de l'intérêt de l'argent, qui n'admet d'autre loi que la loi naturelle»¹⁾. Конечно, дѣло тутъ идетъ только объ установлении максимальной границы. «La loi du prince peut seulement assigner des limites que le prêteur, qui pourrait abuser du besoin de l'emprunteur, ne peut passer, en laissant d'ailleurs les contractants libres de traiter à un moindre intérêt»²⁾. Кэнэ смытается надѣять утвержденіемъ, будто бы, по его словамъ, цѣна ссужаемыхъ денегъ «doit être aussi libre et aussi variable que le prix des denrées aux marchés»³⁾. На это ссылаются, по его словамъ, крупные торговцы, интересы которыхъ отнюдь не совпадаютъ съ интересами общества.

Предписываемое государемъ «règle authentique» должно устанавливаться каждое десятилѣtie на основаніи произошедшихъ за это время перемѣнъ въ отношеніяхъ чистаго дохода. Оно должно служить нормой при судебныхъ решеніяхъ. Для пониманія взаимоотношенія «ordre naturel» и «ordre positif» заслуживаетъ особаго вниманія слѣдующій взглядъ Кэнэ: онъ усиленно подчеркиваетъ, что задача положительного закона—дозволять только сдѣлки, соответствующія естественному порядку. Отсюда видно, что для осуществленія естественныхъ законовъ всегда нужно посредничество положительныхъ законовъ, и что эти законы должны дѣйствовать то поощряюще, какъ мы это видѣли въ политикѣ хлѣбной торговли, то задерживающе, какъ въ послѣднемъ случаѣ въ политикѣ процентовъ, смотря по обстоятельствамъ, въ какихъ находится народное хозяйство страны. Это соответствуетъ положенію врача, которое государственный дѣятель долженъ занимать по отношенію къ обществу. При этомъ все-таки нельзя забывать, что эти мѣропріятія предназначены для чрезвычайныхъ обстоятельствъ, а для обыкновенныхъ—достаточно цѣлебной силы природы, чтобы вернуть общество къ его нормальному положенію. О состояніи здоровья или болѣзни общества, сложившагося въ національный организмъ, даетъ указаніе въ каждый данный моментъ Tableau économique; объ этомъ мы скажемъ ниже.

g. Популяционистика. Физіократія является, какъ уже замѣчено, системой третьаго сословія, въ сельской вѣтви которой она беретъ

¹⁾ Стр. 402. ²⁾ Тамъ же. ³⁾ Стр. 403.

свою точку опоры подобно тому, какъ меркантилизмъ находилъ свой центръ тяжести преимущественно въ городскихъ интересахъ. У меркантилистовъ общественный интересъ сводится къ капиталистическому купеческому и промышленному сословію,—у физіократовъ къ сильнымъ капиталами предпринимателямъ въ области сельского хозяйства, какъ «classe productive». «Pauvre paysan, pauvre royaume»¹), по нѣмецки: «Hat der Bauer Geld, hat's die ganze Welt».—проходитъ красною нитью чрезъ всю систему.

Четвертое сословіе у Кэнэ еще не играетъ самостоятельной роли, оно распредѣляется по остальнымъ классамъ, интересы которыхъ раздѣляются, и поэтому не было принято въ Tableau єconomique. Между тѣмъ было бы неправильно предположить, что его этимъ обошли или пренебрегли имъ въ теоріи. Гдѣ только Кэнэ приходится говорить о «dernières classes de citoyens», о «petit peuple», «mien peuple», «bas peuple», объ этомъ «многочисленнѣйшемъ» слоѣ населенія, онъ дѣлаетъ это съ большой теплотой. Онъ называется варварскимъ принципъ, утверждающій, что народъ слѣдуетъ держать въ бѣдности, иначе онъ станетъ лѣнивымъ и дерзкимъ²). Напротивъ, ничто не дѣлаетъ человѣка лѣнивѣмъ, чѣмъ безнадежность въ успѣшности своей работы. Каждому врождено стремленіе къ улучшенію своего положенія, и въ этомъ лежитъ, гдѣ только предвидится малѣйший успѣхъ, достаточное поощреніе къ промысловой дѣятельности³). Въ дѣйствительности, низшее населеніе, особенно сельское, находится въ такомъ подавленномъ состояніи, что о самопомощи не можетъ быть и рѣчи. Поэтому нужно «protection particulière de la part du gouvernement»⁴), чтобы осуществить «aisance du bas peuple», необходимую для развитія государства и общества. Какого же оно рода? Тутъ надо снова различать естественный и положительный порядокъ.

Ordre naturel. Какъ къ исходной точкѣ, нужно вернуться къ старѣйшему догматическому спору въ наукѣ, какъ онъ развернулся при обращеніи старшаго Мирабо,—спору о томъ, является ли богатство послѣдствіемъ населенія или населеніе послѣдствіемъ богатства. Несомнѣнно характерно для ученія Кэнэ тогдашнее разрѣшеніе спора: «il faut pr alablement des richesses pour accroître la population et les richesses»⁵). Отсюда слѣдуетъ, «que le gouvernement doit  tre plus attentif   l'accroissement des richesses qu'  l'accroissement de la population», такъ какъ богатства доставляютъ людямъ работу, а въ зависимости отъ количества работъ регулируется населеніе⁶). Согласно съ этимъ, интересъ трудящихся классовъ идетъ параллельно чистому

¹⁾ Въ этомъ сокращеніи формула „Pauvre paysan, pauvre royaume, pauvre royaume, pauvre roi“ находится въ прим. къ XX максимѣ, стр. 353.

²⁾ Стр. 170 и слѣд., 265. ³⁾ Стр. 354, прим. къ максимѣ XX.

⁴⁾ Стр. 635. ⁵⁾ Стр. 269, прим. ⁶⁾ Стр. 301, I.

доходу (*produit net*) съ земли: ибо отъ послѣдняго зависитъ увеличение богатства.

Можно здѣсь же упомянуть о томъ, что впослѣдствіи возникъ вопросъ, стоитъ ли интересъ трудящихся классовъ въ связи съ чистымъ или валовымъ доходомъ производства (Рикардо и др.). Физіократы разрѣшали вопросъ въ первомъ смыслѣ.

Существеннымъ свойствомъ «*grande culture*» является, разсуждаетъ Кэнэ, такая организація производства, чтобы въ пользу чистаго дохода уменьшились издержки какъ на материалы, такъ и на рабочую силу путемъ примѣненія машинъ¹⁾; это постоянно заставляетъ сельскохозяйственнаго предпринимателя «*de préférer les manières de cultiver qui épargnent les travaux des hommes*»²⁾. Подобное же происходитъ и въ другихъ отрасляхъ хозяйства. Эти обстоятельства и стремленіе человѣка къ размноженію ведутъ къ тому, что съ возрастаніемъ культуры и богатства количества населения всегда превосходитъ наличныя средства къ труду и къ существованію. Здѣсь мы видимъ начало ученія, нашедшаго впослѣдствіи распространеніе подъ названіемъ закона *Мальтуса о населеніи*, авторъ котораго могъ почерпнуть свою мысль у физіократовъ. Трудно выразить этотъ законъ точнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ Кэнэ въ слѣдующемъ изреченіи: «*La population excède toujours les richesses dans les bons et dans les mauvais gouvernements, parce que la propagation n'a de bornes que celles de la subsistance, et qu'elle tend toujours à passer au delà: partout il y a des hommes dans l'indigence*»³⁾.

У Кэнэ находятся также слѣды и закона заработной платы, связаннаго впослѣдствіи съ именемъ Рикардо. Если у послѣдняго говорится, что заработка плата зависитъ отъ цѣны предметовъ, необходимыхъ для существованія, то уже у Кэнэ мы читаемъ: «*C'est le prix commun des denrées de premier besoin qui règle le salaire des ouvriers*»⁴⁾, и если затѣмъ у Рикардо, впрочемъ какъ и у Адама Смита, особенно выдвигается хлѣбъ въ качествѣ представителя необходимыхъ средствъ пропитанія, и его цѣною опредѣляется уровень заработной платы,—то подобнымъ же образомъ у старшаго писателя, «*le salaire de la journée de manouvrier s'établit assez naturellement sur le prix du blé*»⁵⁾). Отсюда вытекаетъ дальнѣйшее слѣдствіе, что высокая цѣна на хлѣбъ не имѣеть въ себѣ ничего убыточнаго для работника. Съ возрастаніемъ цѣни на хлѣбъ въ одинаковой мѣрѣ возрастаетъ и заработка плата, и спросъ на трудъ увеличивается, а не уменьшается⁶⁾). Рикардо, какъ известно,

¹⁾ Стр. 266, VI. ²⁾ Стр. 265, VI.

³⁾ Стр. 635, 579. „*Ce sont les richesses qui multiplient les richesses et les hommes; mais la propagation des hommes s'étend toujours au delà des richesses*“.

⁴⁾ Стр. 271. ⁵⁾ Стр. 354, прим. къ максимѣ XIX.

⁶⁾ „*Qu'on ne croie pas que le bon marché des denrées est profitable au menu peuple; car le bas prix des denrées fait baisser le salaire des gens du*

не дѣлать подобнаго вывода. По его теоріи, выгода работника требуетъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, о чёмъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Изъ связи съ общимъ учениемъ Кэнэ—минимальная заработка плата (определяющая существование работника) соответствуетъ у него болѣе высокому уровню потребностей, чѣмъ у Рикардо. Не только безусловно необходимое, но и относительно хорошее содержаніе рабочихъ понимается подъ словомъ *subsistance*, такъ какъ «*sa subsistance consiste dans les biens qui lui sont nécessaires pour exister et ceux dont il peut jouir utilement pour sa conservation et pour son bonheur*»¹). Такой взглядъ больше соответствуетъ воззрѣніямъ Адама Смита, полагающаго, что физическое поддержаніе жизни должно составлять низшую границу, но не нормальную высоту заработной платы.

Впрочемъ, изъ закона о населеніи Кэнэ вывелъ другое слѣдствіе, чѣмъ Мальтусъ. Послѣдній, на основаніи его, рѣзко нападалъ на «*droit de subsistance*» и требовалъ отмены всякаго общественнаго призрѣнія бѣдныхъ. Кэнэ, напротивъ, усердно защищаетъ «*droit naturel à la subsistance*», въ качествѣ человѣческаго права и постулируетъ необходимость соответственнаго общественнаго призрѣнія бѣдныхъ. Это приводитъ насъ къ *ordre positif*.

Ordre positif. Наилучшимъ средствомъ для созданія «*aisance du bas peuple*», понятно, является вообще хозяйственная политика, соответствующая *ordre naturel*. Черезъ «*protection décidée*» земледѣлія капиталы отводятся отъ нездороваго накопленія въ городахъ и обращаются къ землѣ, гдѣ они дѣйствуютъ производительно и могутъ давать занятіе и пропитаніе большему количеству населенія. Такимъ путемъ населеніе Франціи, упавшее со временемъ Сюлли съ 24-хъ на 16 миллионовъ жителей, не только можетъ быть вновь приведено къ прежнему количеству, но еще и быть увеличено на половину и больше. Но кроме этого должно иметь мѣсто еще «*protection pariculièr*» бѣднымъ со стороны правительства. Оно состоитъ отчасти въ общественномъ попеченіи о бѣдныхъ, отчасти въ организаціи эмиграціи.

Въ Китаѣ само государство, по праву, взяло въ свои руки общественное *призрѣніе бѣдныхъ*. Тамъ требуемыя для этой цѣли суммы удерживаются провинциальными властями изъ собранныхъ въ дистрикты налоговъ до отсылки ихъ въ государственную кассу и обращаются на предназначенную цѣль подобно тому, какъ это дѣлается съ жалованьемъ служащихъ²). Наряду съ этимъ Кэнэ рекомендуетъ,— а именно по образцу государства Инковъ въ Перу, гдѣ *ordre naturel*, по его мнѣнію, также былъ осуществленъ,—отсрочку брачнаго

peuple, diminue leur aisance, leur procure moins de travail et d'occupations lucratives et anéantit le revenu de la nation”; максима XIX, стр. 335.

¹⁾ Стр. 289, прим. ²⁾ Стр. 614.

возраста у мужчинъ до 25, у женщинъ до 20 лѣтъ¹⁾). Для экстренныхъ случаевъ нужды еще допускается милостыня²⁾). Но всего этого недостаточно, если сюда не присоединяется колонизация въ невоздѣланныхъ территоріяхъ въ государстве. Она должна происходить «sous les auspices d'une bonne administration»³⁾), т. е. на счетъ государства. Въ томъ, что Китай изъ плохо понятаго патріотизма не пошелъ этимъ путемъ, и въ результатѣ постоянно подверженъ страданіямъ перенаселенія, Кэнэ видѣтъ одинъ изъ немногихъ недостатковъ этого въ остальномъ образцового государственного строя.

h. *Ученіе о финансахъ и о налогахъ*. Оно предполагаетъ знаніе всего общественнаго строенія и его принциповъ и поэтому мѣсто его въ концѣ изложенія. Кэнэ называетъ широко распространенной ошибкой мнѣніе, что тутъ нѣть принциповъ и одна эмпиріка является рѣшающей. Конечно, реальные отношенія образовали «labyrinthe entrecoupé de fausses routes ouvertes à l'iniquité»⁴⁾). Но и для этого создатель природы ввелъ «des lois et des r gles immuables, dont le prince et les sujets ne peuvent s'『carter qu'à leur désavantage»⁵⁾). Это доказала административная дѣятельность Сюлли, который проявилъ себя мастеромъ въ этой области⁶⁾.

Ordre naturel. Всякій государственный механизмъ нуждается въ извѣстныхъ фондахъ для экстренныхъ случаевъ. Съ этой целью лучше скопить государственную казну такъ, чтобы государство могло оперировать собственными средствами, вмѣсто того чтобы вступать на путь публичнаго кредита. Ибо такимъ образомъ создается классъ государственныхъ рантьеровъ, питающихся плотью и кровью общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди частныхъ лицъ разжигается страсть къ образованію «fortunes p cuniaires st r iles», а это идетъ за счетъ производительныхъ, вложенныхъ въ земледѣліе «richesses d'exploitation», отъ которыхъ отвлекается часть притока. Сообразно съ этимъ XXX максима настоятельно подтверждаетъ: «Que l' t at  vite des emprunts qui forment des rentes financi res»⁷⁾). Поэтому при чрезвычайныхъ потребностяхъ все же лучше аппелировать къ налогоплатильщику чѣмъ къ финансисту. Вообще, и при организаціи податей, и при государственныхъ расходахъ слѣдовало бы избѣгать всѣхъ средствъ и путей, ведущихъ къ образованію большихъ денежныхъ богатствъ⁸⁾ (отдача податей на откупъ и т. под.). Ибо такія денежныя богатства являются фондами, которые легко скрыть и къ которымъ примѣнимы слова, что они «ne connaissent ni Roi ni Patrie»⁹⁾.

¹⁾ Стр. 636.

²⁾ „L'aum ne est n cessaire pour pourvoir aux besoins pressants de l'indigent“, стр. 580.

³⁾ Стр. 634. ⁴⁾ Стр. 645, § 7. ⁵⁾ Тамъ же. ⁶⁾ Стр. 659, § 24.

⁷⁾ Стр. 337. ⁸⁾ Максима XXVIII, тамъ же.

⁹⁾ Максима XXIX, стр. 337.

Естественный порядокъ оправдываетъ только одинъ единственный налогъ, а именно налогъ на чистый доходъ (*produit net*) съ земли, съ которого онъ и долженъ непосредственно взиматься (*impôt unique et directe*). Два основанія говорятьъ за это. Во-первыхъ одна земля производитъ богатства и поэтому, по праву, платить налоги государству; во-вторыхъ, — всякий другой классъ старается свалить съ себя возложенную на него подать, благодаря чему она въ концѣ концовъ всетаки ложится на землевладѣльческий классъ, только повышенная безчисленными и ненужными расходами. Поэтому гораздо экономнѣе съ самого начала брать налогъ съ того источника, на который онъ въ концѣ концовъ все-таки падаетъ и избѣжать обходного пути, связанного съ большими ненужными расходами. Отсюда положеніе: «Налогъ долженъ браться непосредственно съ чистаго дохода земельныхъ участковъ; ибо какимъ бы образомъ ни распредѣлялся налогъ въ королевствѣ, извлекающемъ свои богатства изъ собственной территории, его всегда будутъ нести земельные участки. Соответственно этому, наиболѣе простымъ, упорядоченнымъ, выгоднымъ для государства и наименѣе обременительнымъ для плательщиковъ является такой налогъ, который падаетъ пропорціонально на чистый доходъ и тѣмъ самымъ непосредственно на источникъ постоянно воспроизводимыхъ богатствъ»¹⁾.

Въ особенности неправильно брать налогъ съ землевладѣльческихъ «richesses d'exploitation». Они должны оставаться изъятыми отъ повинностей за счетъ всего общества, такъ какъ вычесть изъ нихъ мстить уменьшениемъ чистаго дохода²⁾. Ихъ надо рассматривать, какъ священный фондъ, какъ бы «immeuble». Свободными отъ налоговъ должны оставаться и разные виды занятій безплоднаго класса купцовъ и фабрикантовъ: такъ какъ они, согласно съ естественнымъ порядкомъ не производятъ чистаго дохода, то они не могутъ уплачивать и налога съ него. Это, конечно, оказывается вѣрнымъ и для обыкновеннаго работника, имѣющаго только необходимыя средства къ существованію. Понятно, что всякий личный налогъ неправиленъ. Такъ какъ «l'homme, dont la constitution physique ne présente que les besoins, ne peut rien payer par lui-même»³⁾. Это бы повредило его существованію. Значитъ, налогъ не можетъ браться ни съ его личности, ни съ его заработной платы, «puisque ce salaire lui est nécessaire pour sa subsistance»⁴⁾. По существу налогъ все же лежъ бы на работодателя, подобно тому, какъ происходило бы при налогѣ на рабочихъ лошадей⁵⁾. Такой же результатъ имѣлъ бы потребительный налогъ на необходимыя средства существованія: «Les taxes établies sur les salariés ou sur leurs dépenses, sont donc évidemment payées en entier par

¹⁾ Стр. 339. ²⁾ Стр. 332, максима V. ³⁾ Стр. 704. ⁴⁾ Стр. 625.

⁵⁾ Стр. 338.

сех qui payent leurs salaires¹). Отсюда V' максима, въ которой выражена вся теорія налога Кэнэ: «Налогъ долженъ падать непосредственно на чистый доходъ съ земельныхъ участковъ, а не на вознаграждение за трудъ и не на средства къ существованію, иначе умножаются издержки на взиманіе податей, наносится убытокъ торговлѣ и ежегодно уничтожается часть національныхъ богатствъ»²).

Единый налогъ долженъ быть установленъ пропорционально высотѣ чистаго дохода, т. е. онъ возрастаетъ и убываетъ вмѣстѣ съ нимъ. Отсюда ясна выгода, которую находитъ государь въ высокомъ «produit net». Говоря точно, налогъ не дань, а доля дохода, которую монархъ получаетъ въ силу совладѣнія, удержаннаго имъ за собой при дальнѣйшихъ передачахъ помѣстій, и въ производствѣ которой онъ участвуетъ правовой защитой, устройствомъ дорогъ, каналовъ, и вообще содѣйствіемъ обороту, поднимающимъ цѣнность земельныхъ участковъ³). Такимъ образомъ, платить самыи участокъ, а не собственникъ; этотъ послѣдній уплачиваетъ подлежащую долю ренты, какъ ему не принадлежащую, монарху, занимающему, на одинаковыхъ съ нимъ правахъ, място associé⁴). Слѣдовательно, это налогъ на доходъ въ настоящемъ смыслѣ. Всѣ остальные виды налоговъ, къ которымъ принадлежатъ таможенные и дорожные пошлины, налоги на потребленіе, затѣмъ всѣ виды личнаго обложенія, какъ «taxe personnelle», «capitation», далѣе—дорожные повинности, налоги на ссуды, на проценты и пр., словомъ,—всѣ налоги, не основанные на чистомъ доходѣ съ земли, Кэнэ объединяетъ подъ названіемъ «impôts indirectes»⁵), и какъ таковые они должны быть отброшены. Если хотятъ, говорить Кэнэ, распределить налоги равномѣрно между землей, сельскими хо-зяевами, мануфактурисками, торговцами, наемными работниками, предметами потребленія, то это въ дѣйствительности означаетъ шестикратное обложение, которое независимо отъ своего дурного вліянія на народное хозяйство, благодаря издержкамъ на взиманіе податей, стоитъ государству въ пять разъ больше, чѣмъ единый налогъ; сюда присоединяется еще и увеличенное обремененіе землевладѣльцевъ, на которыхъ сваливаются не только налоги, но и увеличенные расходы⁶).

Мы знаемъ, что учение о единомъ налогѣ представлено было и до Кэнэ, а именно англичанами Локкомъ, Asgill'емъ и Вандерлинтомъ. Но тѣмъ не менѣе, ясно видно, что идея Кэнэ развилась самостоятельно. Въ статьѣ «Fermiers» говорится еще только о регулированіи «taille arbitraire», лежащей на мелкой промышленности, и

¹) Стр. 706. ²) Стр. 332.

³) Графъ д'Альбонъ въ своемъ „Eloge historique de M. Quesnay“ примѣняетъ для этого название „avances souveraines“, опредѣленно ссылаясь на главу школы (стр. 58). Въ собственныхъ сочиненіяхъ Кэнэ я нашелъ эту мысль, но не такую ея формулировку.

⁴) Стр. 652, 338. ⁵) Стр. 699. ⁶) Стр. 339

можно ясно распознать образецъ «taille tarifée» аббата Сенъ-Шерра. Затѣмъ, въ статьѣ «Grains» появляется предложеніе возложить этотъ налогъ на землевладѣльцевъ соразмѣрно съ получаемой ими арендной платой. Здѣсь этотъ налогъ еще не постулируется какъ единый. Это положеніе высказано впервые изъ сочиненій Кэнэ только въ «Analyse du tableau économique» послѣ того, конечно, какъ оно уже было подробно обосновано въ произведеніяхъ, написанныхъ совмѣстно съ Мирабо: «Théorie de l'Impôt» и «Philosophie rurale»¹⁾.

Ordre positif. Послѣдній часто значительно отличается и долженъ отличаться отъ естественного порядка, а именно въ небольшихъ торговыхъ государствахъ, какъ напр. Генуя, Гамбургъ и т. д., —не обладающихъ, можно сказать, никакой территоріей, вслѣдствіе чего въ нихъ невозможно «gouvernement économique». Пошлины на товары, на потребленіе, личные налоги и т. п., однимъ словомъ, вообще косвенные налоги являются «essentiellement la resource des petits Etats maritimes qui subsistent par un commerce de trafic»²⁾). Въ видѣ исключенія случалось и сельско-хозяйственнымъ странамъ прибѣгать къ помощи такихъ налоговъ, въ случаѣ такого паденія сельскаго хозяйства, что чистаго дохода не хватало для обложенія. Однако, этотъ путь всегда опасенъ и не можетъ быть успешнымъ болѣе продолжительное время. Вообще, при возстановленіи пошатнувшейся финансовой и податной системы слѣдуетъ действовать осторожно и осмотрительно. Чрезвычайно важно «établir cette réforme sur un plan bien régulier et bien sûr; c'est un travail qui demande du temps, du génie et des lumières peu communes et difficiles à acquérir»³⁾). И министръ, удачно справившійся съ такимъ дѣломъ, долженъ бы вѣчно считаться благодѣтелемъ своего народа и достойнѣшимъ слугою своего государя.

Въ «Théorie de l'Impôt», —книгѣ, написанной совмѣстно Кэнэ и Мирабо (1760), —мы (можемъ предполагать, что въ ней зашлючается главное содержаніе статьи «Impôt», предназначавшейся для Энциклопедіи, но затѣмъ утерянной,) —предлагаются для Франціи въ видѣ временнѣй переходной мѣры до возстановленія финансового равновѣсія слѣдующіе чрезвычайные налоги, на ряду съ «impôt territorial» какъ «impôt ordinaire». Во-первыхъ, для покрытия текущаго дефицита въ государственномъ управлении, —«taxe de supplément», заключающейся въ «capitation ou impôt personnel proportionnellement aux logemens ou

¹⁾ Въ „Théorie de l'Impôt“ на стр. 20 находятся три слѣдующія, безъ сомнѣнія формулированныя Кэнэ, главныя максимы или „conditions nécessaires“ для налога, соответствующаго естественному порядку: „a. qu'elle soit établie immédiatement à la source des revenus; b. qu'elle soit dans une proportion connue et convenable avec ces mêmes revenus; c. qu'elle ne soit point surchargée de frais de perception“.

²⁾ Стр. 338. ³⁾ Стр. 515.

loyers d'habitations» «sur tous les habitans du Royaume quelconque, même sur le Clergé, sur les Nobles et sur les Communautés Religieuses». Эта «subvention passagère», платимый всеми жителями государства «proportionnellement à leurs état et facultés», является ничемъ инымъ, какъ личнымъ подоходнымъ налогомъ, исчисляемымъ по затратамъ на жилище¹⁾.

Къ этому присоединяются, какъ специальные налоги для погашения государственныхъ долговъ,—соляной налогъ въ видѣ пошлины при перевозкѣ изъ одной провинціи въ другую, и затѣмъ прямой налогъ въ видѣ надбавки къ поземельному за разрѣшеніе разводить табакъ²⁾). Правда, все это должно носить временный характеръ. Однако, изъ этого слѣдуетъ, что Кэнэ и въ голову не приходило непосредственное осуществление реформы по мановенію руки, какъ это предполагалъ впослѣдствіи, будучи министромъ финансовъ, его ученикъ Тюрго, согласно съ представленнымъ имъ королю проектомъ муниципалитетовъ.

Что касается способа взиманія налоговъ, то оно должно производиться не путемъ откуповъ, а какъ въ Китаѣ, непосредственно чиновниками государства. Они должны взиматься не *in natura*, а деньгами, а также не въ формѣ и не по образцу десятины. «Impôt unique» Кэнэ нельзя смѣшивать съ «dîme royale» маршала Вобана. По поступлению налоговъ провинціальная власти удерживаютъ суммы, необходимыя для уплаты жалованья чиновникамъ, для содержанія и устройства школъ, почтовыхъ и др. общественныхъ учрежденій, для призрѣнія бѣдныхъ; остатокъ отсылается въ центральную государственную кассу. Послѣдня не должна копить поступающіе налоги, но возможно быстрѣе пускать ихъ обратно въ оборотъ путемъ организаціи общественныхъ работъ, необходимыхъ для общаго блага. Въ случаѣ избытка—остатки могутъ ассигновываться нуждающимся провинціямъ.

Преобразовавши такимъ образомъ государственное управление можно не сомнѣваться, что общество вступитъ на путь оздоровленія. Какъ же опредѣлить, находится ли данное общество въ состояніи прогрессирующемъ или регрессирующемъ, или же въ состояніи покоя, и на какой ступени этого движенія? Отвѣтъ на это даетъ *Tableau économique*, къ которой мы и перейдемъ.

§ 3. *Tableau économique* и ея объясненіе.

a. *Общий взглядъ.* Фридрихъ Энгельсъ въ своемъ сочиненіи «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft»³⁾ справедливо на-

¹⁾ Théorie de l'Impôt, стр. 315 и сл. Ср. также Oeuvres de Quesnay, прим. къ максимѣ V, стр. 337 и сл.

²⁾ Théorie de l'Impôt, стр. 387. ³⁾ 3. Aufl. 1894, Vorrede III.

звалъ экономическую таблицу Кэнэ загадкой сфинкса, рѣшеніе которой осталось непосильнымъ для всей новѣйшей экономической науки. Но то, что онъ самъ приводить изъ литературиаго наслѣдія Маркса¹⁾ противъ Дюринга, видѣвшаго въ таблицѣ только «путаницу и произволъ, доходящіе до мистицизма», отнюдь не вносить больше свѣта въ эту область. Если мы и получили приблизительное понятіе о томъ, что обозначаютъ въ отдѣльности «зигзаги» таблицы, то вѣдь все еще остается неяснымъ, какимъ образомъ физіократы могли видѣть въ нихъ «la base de la science économique et la boussole du gouvernement des Etats»²⁾. Да и вообще сочиненіе Кэнэ «Analyse du tableau économique», являющееся единственной основой изслѣдованія Маркса, уже потому недостаточно для полнаго пониманія таблицы, что оно вовсе не содержитъ «grand tableau», а ограничивается tableau abr g , которая уже въ «Philosophie rurale» имѣла лишь вспомогательное значеніе. Изъ этого видно, что педагогическая способности Кэнэ и его творческая сила—это, впрочемъ, всегда допускали, какъ самъ Кэнэ, такъ и его ученики—не стояли на равной высотѣ. Чтобы знать, что собственно авторъ хотѣлъ выразить своей «Formule arithm tique», безусловно необходимо сопоставить всѣ объясненія таблицы, непосредственно или только косвенно исходящія отъ Кэнэ; сюда относятся: обработанная и опубликованная Мирабо въ 1760 году въ видѣ приложения къ «Ami des hommes» «Tableau économique avec ses explications»; затѣмъ «Philosophie rurale» 1763 г.; дающе «Analyse» 1765 г. и обѣ «Probl mes  conomiques» 1776/1777 гг. разъясняющія способы примѣненія таблицы въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ; и, наконецъ, составленное Бодо и пересмотрѣнное Кэнэ, по свидѣтельству автора, «Explication du tableau  conomique»³⁾ 1770 г. Всякий, изучившій серьезно всѣ эти труды (а это дѣло не легкое)⁴⁾, необходимо придетъ къ тому

¹⁾ Ibidem S. 260 f. ²⁾ Pr fase къ Philosophie rurale.

³⁾ Воспроизведено въ сборникѣ E. Daire „Physiocrates“ deuxi me partie, Paris 1846.

⁴⁾ Самы физіократы всегда утверждали, что понять „Tableau  conomique“ не легко. Въ письмѣ, въ которомъ маркизъ Мирабо переслалъ Экономическому обществу въ Бернъ свою первую „Explication“, говорится, напримѣръ, по этому поводу слѣдующее: „Ce morceau comprend tout et repond tout. Ce n'est ni   la premi re ni   la 12-e lecture qu'un bon esprit en sentira toute l' tendue, mais plus il y reviendra plus il trouvera dans sa propre t te des lumi res“ etc. (Это письмо приводится въ приложении къ моей книжѣ „Der  ltere Mirabeau und die Oeconomische Gesellschaft zu Bern“ 1886). И въ Philosophie rurale, въ сущности только болѣе подробномъ объясненіи Tableau  conomique, на самомъ графическомъ изображеніи, какъ бы въ видѣ извиненія, находится указание: „Il n'est pas n cessaire de s'attacher   l'intelligence de ce Tableau avant la lecture des 7 premiers chapitres“. Это замѣчаніе находится и на роскошномъ изданіи Tableau  conomique (внизу) въ „El ments de la philosophie rurale“ маркиза Мирабо, приложенномъ къ этой книжѣ.

заключению, что таблица сама по себѣ вообще необъяснима, что она можетъ быть понята лишь въ связи со всѣмъ учениемъ физіократовъ и что только послѣ общаго обзора послѣдняго можно понять и оцѣнить положеніе этой формулы въ системѣ. Поэтому мы здѣсь предполагали подробному объясненію таблицы изложеніе ученія Кэнэ.

То обстоятельство, что мы разсмотрѣли все фактическое содержаніе ученія, только вскользь упоминая о таблицѣ, указываетъ, что ея значеніе слѣдуетъ искать не въ фактической части системы. Остается область метода и мы уже не разъ указывали, что къ этой именно области и относится Tableau. Теперь мы подробнѣе остановимся на этомъ вопросѣ. Вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о таблицѣ, ее называютъ *орудіемъ* (*outil, ustencille*) познанія—«un nouveau genre de dialectique»¹), служащимъ для открытия и объясненія новыхъ истинъ. Таблица предложала двѣ цѣли: во-первыхъ, она должна была дать общее понятіе о круговоротѣ экономическихъ силъ внутри общественнаго организма «pour juger de l'état de santé ou de maladie de la Société»²), и затѣмъ она должна была служить инструментомъ, чтобы подвергнуть подсчету экономическія отношенія, подобно физическимъ явленіямъ природы, чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ исчисление.

Намъ уже известны слова Дю Пона во введеніи къ «Analyse»: экономическая наука до «ingénieuse invention de la formule du Tableau économique», говоритъ онъ, была лишь «une science conjecturale», о которой можно было разсуждать только индуктивнымъ, т.-е. эмпирическимъ путемъ, но съ этого момента она стала «une science exacte», всѣ отдылы которой могутъ быть въ равной степени строго и неоспоримо доказаны, подобно, всѣмъ частямъ алгебры и геометріи. Мирабо въ «Philosophie rurale» говоритъ въ этомъ смыслѣ: «Le Tableau économique est la première règle de l'Arithmétique que l'on ait inventée pour réduire au calcul exacte, précis, la science élémentaire et l'exécution perpétuelle de ce décret de l'Eternel: vous mangerez votre pain à la sueur de votre front»³). Между обѣими задачами существуетъ тѣсная связь, при чёмъ первая опирается на вторую, такъ какъ нельзя поставить вѣрно диагнозъ болѣзни общественнаго организма безъ точнаго знанія его дѣятельности: «les calculs sont à la science économique ce que les os sont au corps humain; les nerfs, les vaisseaux, les muscles le vivifient et lui donnent le mouvement; les os le défendent et le soutiennent etc.»⁴). Мы здѣсь ясно видимъ перенесеніе воззрѣній, взятыхъ изъ области физіологии, съ «économie animale» на «économie politique». Изъ всего этого слѣдуетъ, что Tableau économique, по мнѣнію его изобрѣтателя, есть орудіе изслѣдованія, своего рода «Novum organon»: и подобно тому, какъ индуктивная логика Бэкона Веруламскаго ука-

¹) Mirabeau, Explication, стр. 214. ²) Philosophie rurale, t. I, p. 171.

³) Préface, стр. XLIV. ⁴) Ibidem, стр. XLV.

зываетъ путь къ познанію явлений природы, Tableau économiique есть методъ изслѣдованія общественныхъ отношеній. Разматривая таблицу съ этой точки зренія, мы не найдемъ уже ничего странного въ томъ, что послѣдователи Кэнэ видѣли въ ней «la base de la science économique et la boussole du gouvernement des Etats».

Впрочемъ, одно обстоятельство какъ будто препятствуетъ сравненію съ Novum organon Бэкона. Послѣднее имѣть дѣло съ опытомъ, а Tableau économique есть орудіе дедукціи, формула, полученная путемъ абстракціи. Безспорно, что диагнозъ болѣзни общества можетъ быть поставленъ только на основаніи опыта и наблюденія. Самъ Кэнэ заявилъ въ своей знаменитой *Préface*¹⁾ къ первому тому (1743) мемуаровъ королевской хирургической академіи, что наблюденіе (*observation*) и опытъ (*expérience*) являются источниками хирургіи и медицины; онъ сослался при этомъ на открытіе кровообращенія въ человѣческомъ организмѣ Гарвеемъ; Кэнэ особенно указывалъ на то, что при операцияхъ «les secours de la main ne doivent être réglés que par la nécessité des circonstances qui varient toujours»²⁾; а слѣдовательно «le traitement doit varier selon la nature et la différence de ces accidents»³⁾). Конечно, теорія и практика должны были бы итти рука обь руку. Какъ же примирить это съ Tableau économique?

Нигдѣ нельзя видѣть съ большей ясностью, чѣмъ въ этомъ мѣстѣ, въ какой мѣрѣ необходимо судить обь отдѣльныхъ частяхъ доктрины Кэнэ, лишь исходя изъ обзора всѣхъ его сочиненій. Кэнэ позаботился и о томъ, чтобы опытъ нашелъ себѣ мѣсто въ его экономической системѣ; впослѣдствіи это было, конечно, забыто, благодаря небрежности и поверхности его учениковъ.

Въ томъ же 1759 году таблица, изобрѣтенная въ декабрѣ 1758 г., была передана, по иниціативѣ Помпадуръ, Мирабо, которому и поручено было популяризировать ее въ «Explication»; въ томъ же году Мирабо получилъ отъ Кэнэ для опубликованія еще одно сочиненіе; это были «Questions intéressantes sur la Population l’Agriculture et le Commerce, proposées aux Académies et autres Sociétés savantes des Provinces»—совмѣстный трудъ Кэнэ и нѣкоего Marivelt⁴⁾). Мирабо издалъ это «Tableau de Questions» въ видѣ приложений (*quatrième partie*) къ «Ami des Hommes» въ 1759 г. еще до изданія своей «Explication du Tableau économique». Онъ заявляетъ, что Questions написаны не имъ самимъ, но имени ихъ автора онъ не называетъ. Въ короткомъ предисловіи къ нимъ онъ замѣчаетъ, что послѣдующіе вопросы не даютъ указаній, а только требуютъ ихъ: «elles établissent une communica-

¹⁾ Oeuvres de Quesnay, стр. 724 и сл.

²⁾ Oeuvres de Quesnay, стр. 732. ³⁾ Ibidem. стр. 733.

⁴⁾ Воспроизведено въ Oeuvres de Quesnay, стр. 250.

tion d'idées et non un empire sur les idées». И действительно, онъ требуетъ, какъ уже было выше замѣчено, ни болѣе и ни менѣе, какъ организаціи анкеты, охватывающей всю Францію, всѣ отрасли хозяйства. То обстоятельство, что этотъ планъ опытнаго изслѣдованія возникъ въ то же время, какъ и «la formule arithmétique», заставляетъ подозрѣвать, что оба эти произведенія не только не противорѣчатъ другъ другу, а скорѣе стоятъ въ опредѣленной связи между собой. И это предположеніе находитъ фактическое подтвержденіе въ примѣчаніяхъ Дю Пона къ «Analyses» и «Problèmes économiques». Здѣсь особенно подчеркивается необходимость пополненія таблицы данными, почерпнутыми изъ опыта, т.-е. изъ статистики. «Il a inventé»¹⁾—такъ говорится о Кэнэ—«une formule arithmétique qui représente exactement cette marche (общественныхъ сношеній), et qui selon la différence des données en exprime les divers résultats». Безъ величайшаго старанія въ установлениі и примѣненіи этихъ «данныхъ величинъ» (données) можно будетъ притти только къ ложнымъ результатамъ даже въ томъ случаѣ, если вычисление сдѣлано безошибочно, такъ какъ объективная истина лежитъ въ фактахъ, а не въ механизмѣ счислений.

Въ этомъ смыслѣ Дю Понъ и говоритъ: «Эти формулы—прекрасные инструменты для полученія съ легкостью точныхъ результатовъ по даннымъ условіямъ (conditions données) «mais semblables à l'alambic, elles ne rendent rien qu'en raison de ce qu'on leur confie; et c'est l'art de découvrir les données d'en saisir les rapports, de les rassembler dans l'ordre régulier que nous indique la nature, qui se constituera toujours la véritable science de l'Arithmétique politique, science sublime dont les principes ne dépendent que de leur propre évidence, qui assure celle de leur conséquences par la fidélité de la déduction»²⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что для примѣненія Tableau économique здѣсь прибѣгаютъ къ помощи статистики. «Il ne suffit pas alors, говорится далѣе, de savoir calculer en général et de posséder même la formule du Tableau économique; il faut encore être fort attentif à la mani re de poser son problème et d'en rassembler les données. Car sans l'attention la plus scrupuleuse aux données qu'on adopte et sans la recherche sévère de toutes les autres données qui sont ou peuvent  tre inséparablement li es aux premières, on ne parviendra jamais, avec tous les calculs possibles, qu'à de faux résultats qui pourraient  tre des guides tr s dangereux dans la pratique»³⁾. Установленіе и примѣненіе этихъ фактovъ, почерпнутыхъ изъ опыта,— дѣло не легкое. Понять формулу саму по себѣ, замѣчаетъ Дю Понъ въ другомъ мѣстѣ⁴⁾, въ сущности не трудно. «Mais l'art de saisir dans les diff rents cas les données auxquelles on peut appliquer

¹⁾ Стр. 442. ²⁾ Стр. 495, прим. ³⁾ ibidem. ⁴⁾ Стр. 156.

cette formule est beaucoup plus difficile et beaucoup plus compliquée». Для этого необходимо полное знание почти всѣхъ отдельовъ политической экономіи. Немногие обладаютъ этимъ знаніемъ и поэтому то Tableau économiique и кажется большинству непонятнымъ и мало поучительнымъ. И все же это поистинѣ «un excellent outil», применение котораго требуетъ однако большого напряженія и достоинство котораго могутъ оцѣнить только тѣ, которые умѣютъ обращаться съ нимъ¹⁾. Изъ всего этого можно заключить, такимъ образомъ, что «Questions intéressantes» и формула «Tableau économiique» въ действительности не противорѣчатъ другъ другу, но обусловливаютъ и пополняютъ другъ друга. То же—съ принципіальной стороны—относится и къ третьей части ученія Кэнэ, именно, къ максимамъ.

Мы знаемъ, что къ первому изданію «Tableau économiique» были приложеніе цѣлый рядъ максимъ подъ названіемъ «Extrait des Oeconomies Royales de M. de Sully». Максимы не являются составной частью таблицы, они должны скорѣй разматриваться отдельно и имѣютъ свою собственную исторію. Они были созданы раньше, чѣмъ таблица. Въ числѣ 14 максимы встречаются уже въ статьѣ «Grains», образуя отдельную часть ея, озаглавленную: «Maximes du Gouvernement économiique». Но здѣсь мы ихъ читаемъ еще не окончательной редакціи. Это простыя положенія, къ которымъ приложены нѣкоторыя объясненія. Въ первомъ печатномъ изданіи таблицы²⁾, найденномъ С. Бауеромъ, измѣнены и название максимъ и ихъ число и ихъ формулировка. Здѣсь мы находимъ 23 максимы; они являются необходимыми предположеніями «de l'ordre de la circulation r旤guli re» и выражены въ слѣдующей формѣ: «dans cette distribution on suppose: 1° Que...» и т. д. Въ Explication Мирабо, помѣщенному въ приложении къ «Ami des Hommes», ихъ число возросло до 24. Они приведены здѣсь безъ заглавія, просто, какъ «conditions nécessaires» естественного т. е. совершенного обращенія экономическихъ силъ внутри соціального организма. Ту же императивную форму максимы сохраняютъ въ «Philosophie rurale»³⁾, гдѣ они снова появляются подъ прежнимъ названіемъ «Maximes g n rales du Gouvernement économiique». Ссылка на Сюлли выпущена. Въ Analyse максимы вообще не встречаются. Они были однако помѣщены Дю Пономъ въ Physiocratie уже въ числѣ 30 подъ заглавиемъ «Maximes g n rales du Gouvernement économiique d'un Royaume agricole». Здѣсь къ нимъ приложены длинные объяснительныя примѣчанія. Въ одномъ изъ примѣчаній⁴⁾ Дю Понъ высказался о положеніи максимъ во всей системѣ: «Этотъ сборникъ, говоритъ онъ, «является наиболѣе поучительной частью всего ученія

¹⁾ ibidem.

²⁾ Tableau Oeconomique by Fran ois Quesnay first printed 1758 and now reproduced in Facsimile for the British Economic Association, London 1894.

³⁾ t. II chap. IX. ⁴⁾ Стр. 330, примѣчаніе.

для того большого числа читателей, которые требуютъ однихъ только выводовъ, не имѣя времени болѣе подробно знакомиться съ вопросомъ. Если максимы покоятся на естественномъ порядкѣ, онъ вездѣ находить себѣ признаніе и одобрение, онъ переходитъ изъ устъ въ уста и легко запоминаются. Ученымъ, государственнымъ дѣятелямъ, выдающимся умамъ и др. известно ихъ происхожденіе и знакомы доказательства ихъ истинности. Они убѣждены въ иной и ихъ ясное убѣженіе поконится на доводахъ разума. Въ томъ же убѣждены и обыкновенные люди и даже простой народъ, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ скорѣе дѣло съ вѣрой, основанной, если мнѣ будетъ позволено такъ выразиться, на чувствѣ. Всеобщее признаніе является здѣсь слѣдствіемъ того, что эти истинныя максимы не вымыселъ людей, а только выраженіе Богомъ установленныхъ естественныхъ законовъ; въ противномъ случаѣ онъ не были бы вовсе максимами. Среди нихъ есть нѣсколько такихъ, которыя на первый взглядъ кажутся простыми слѣдствіями предыдущихъ. Не трудно, однако, замѣтить, что нельзя опустить ни одной изъ нихъ, не причиняя ущерба цѣлости этого своего рода экономического кодекса. И если бы, съ другой стороны, кто-либо пожелалъ увеличить ихъ число, то онъ замѣтилъ бы къ своему изумленію, что сдѣлать это очень не легко и что число предложеній, въ которыхъ можно выразить основные законы счастья обществъ и могущества государствъ, весьма невелико».

Какъ бы то ни было, максимы дѣйствительно являются «une espèce de code économique». Это—принципы, иначе говоря *императивы*, простирающіеся на всю область «science économique», охватывающіе все материальное содержаніе системы, изложенное нами выше *in pince*. Максимы выведены не изъ опыта, а изъ общихъ философскихъ воззрѣній на соціальный организмъ и относятся онъ не къ его дѣйствительному, а къ его совершенному состоянію. Онъ имѣютъ въ виду, какъ говорить Дю Понъ, «un ordre social physique, fondé invariablement et pour le plus grand avantage de l'humanité sur des lois naturelles et constitutives d'un gouvernement parfait»¹). Съ этимъ идеальнымъ масштабомъ слѣдуетъ приступить къ фактамъ дѣйствительности, чтобы судить о нихъ. Такимъ путемъ мы найдемъ ту ступень, на которой стоитъ данный общественный организмъ сравнительно съ идеальнымъ состояніемъ. Слѣдуетъ, однако, определить не только степень совершенства общественного организма, но и направление, въ которомъ онъ развивается, находится ли онъ на пути къ выздоровленію или же приближается къ своей погибели. Для этого служить сама «Tableau économique».

Такимъ образомъ «Questions», «Tableau» и «Maximes» находятся въ тѣсной взаимной связи. Они образуютъ единое цѣлое; это три

¹⁾ Ibidem.

части, взаимно обуславливающія другъ друга, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть понятна, если не принятъ во вниманіе остальныхъ. Но изъ этого слѣдуетъ, что Tableau *économique*, дѣйствительно, центральный пунктъ всей системы и что мы, согласно опредѣленію Мирабо, дѣйствительно, имѣемъ дѣло съ «un nouveau genre de dialectique»¹⁾ т.-е. съ новымъ научнымъ методомъ, который, если присмотрѣться къ нему ближе, является ничѣмъ инымъ, какъ нашимъ современнымъ математическимъ или точнымъ методомъ, методомъ изолированія; но физіократы примѣняли его въ гораздо болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ дѣлаютъ это современные его сторонники. Подробное изученіе трехъ названныхъ выше частей системы еще болѣе выяснитъ сдѣланный нами выводъ.

b. «*Formule arithmétique*». Мы находимъ слѣдующія слова въ письмѣ къ Мирабо, которое было послано безъ обозначенія числа вмѣстѣ съ приведеннымъ выше эскизомъ «Tableau *économique*», по всей вѣроятности, въ маѣ 1759 г.: «Я поставилъ себѣ задачей составить основную таблицу экономического строя (*tableau fondamental de l'ordre *économique**) и изобразить въ ней въ общедоступномъ видѣ издержки производства и само производство; на основаніи этой таблицы легко будетъ судить о порядкѣ и беспорядкѣ, виновникомъ котораго можетъ быть правительство. Вы увидите, достигъ ли я своей цѣли. На дняхъ Вы видѣли еще другіе таблицы,—есть о чёмъ подумать и теперь и въ будущемъ... Въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ Вы правда замѣчаете, что усиія частныхъ лицъ весьма безыгодны, но не слѣдуетъ терять мужества, такъ какъ ужасному кризису не миновать, а тогда придется прибѣгнуть къ средствамъ, которыя ставить въ наше распоряженіе медицина (*médecine*)»²⁾.

Въ этомъ письмѣ два пункта заслуживаютъ вниманія: во-первыхъ,—«Tableau économiique», два изданія котораго въ видѣ факсимиле приложены къ этой книгѣ, называется здѣсь «Tableau fondamental», наряду съ которымъ существуютъ еще и другія Tableau, во-вторыхъ, она буквально называется здѣсь средствомъ общественнаго врачеванія. Мы указываемъ на это по той причинѣ, что въ недавнее время осправивалось идеиное родство экономическихъ и медицинскихъ воззрѣй Кэнэ. Въ безчисленныхъ мѣстахъ сочиненій Кэнэ, а также въ «Philosophie rurale» приводятся для наглядности сравненія изъ области медицины. Сама Tableau есть не что иное, какъ (прибѣгнемъ къ современной аналогіи) аппаратъ, дающій возможность освѣтить рентгеновскими лучами соціальный организмъ. И при этомъ мы можемъ изучить не только строеніе скелета и мускуловъ, но нашему наблюденію становятся доступны и внутреннее кровообращеніе, удары пульса и ихъ возможные остановки. Если, такимъ образомъ, изслѣдована сущность

¹⁾ Explication, ctp. 214.

²⁾ Издано Стефаномъ Бауеромъ въ мартовской книгѣ „Economic Journal“ за 1895 г. стр. 20.

божъзни, иначе говоря, поставленъ диагнозъ и если можно еще предвидѣть направлениe дальнѣйшаго ея хода (прогнозъ), то является вопросъ, какой же указать (индицировать) способъ леченія. Для этого слѣдуетъ обратиться къ максимамъ: онѣ должны быть путеводными звѣздами при изданіи положительныхъ распоряженій и законовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ времени.

Кэнэ кладетъ въ основаніе Tableau свое дѣленіе общества на классы. «Classe productive» является какъ бы желудкомъ, вырабатывающимъ кровь и отводящимъ ее затѣмъ къ сердцу. Это сердце представляетъ собой «classe des propriétaires» съ государемъ во главѣ. «Classe stérile»—мануфактурристовъ и купцовъ—можетъ считать обоими легкими, которыя доставляютъ организму кислородъ и поддерживаютъ обмыть веществъ. Импульсъ къ движенію исходитъ отъ сердца, отъ «classe des propriétaires». Въ этомъ мѣстѣ безусловно видно сходство съ мыслями, которыя мы встрѣтили у Кантильона. Точно также и по Кантильону экономическая дѣятельность народа приводится въ движение расходами землевладѣльцевъ. Какъ известно, Кэнэ, высказывая эту мысль въ статьѣ «Grains», сослался на Кантильона. Мы имѣемъ, однако, дѣло съ двумя различными мыслями, ибо какъ разъ въ томъ пунктѣ, который намъ предстоитъ изслѣдовать и который долженъ быть признанъ основнымъ, характернымъ элементомъ системы физіократовъ, обѣ теоріи рѣзко расходятся. По Кантильону классъ мануфактурристовъ и классъ купцовъ имѣютъ большее значеніе, чѣмъ классъ землевладѣльцевъ. Напротивъ того, у Кэнэ первые два класса считаются бесплодными, и производительность приписывается только послѣднему. Даѣе, для Кэнэ далеко не безразлично, кому внутри страны, главнымъ образомъ, достанется богатство, и въ этомъ пунктѣ онъ расходится съ системой меркантилизма, согласно которой внутри страны одни всегда выигрываютъ то, что проигрываютъ другіе, а это для интересовъ цѣлаго является безразличнымъ. Наоборотъ, фонды, принадлежащіе классу землевладѣльцевъ, имѣютъ ту особенность, что въ процессѣ производства они не только воспроизводятъ свою собственную цѣнность, но даютъ еще излишекъ (*surcroit*), чистый доходъ (*produit net*), что не происходитъ съ тѣми суммами, которыя достаются бесплоднымъ классамъ. Послѣдніе въ лучшемъ случаѣ воспроизводятъ всю свою цѣнность. На этой мысли основаны всѣ зигзаги Tableau *économique*, за которыми легче слѣдить по приведенной здѣсь гравюрѣ, взятой изъ «*Eléments de la Philosophie rurale*»¹⁾ Мирабо, чѣмъ по приложенному выше эскизу самаго Кэнэ.

¹⁾ „*Eléments de la Philosophie rurale*“ (1767)—выдержка изъ „*Philosophie rurale*“ (1763), которую Мирабо составилъ съ популяризаторскими цѣлями. Вероятно, что и это роскошное изданіе Tableau было выгравировано на мѣди самимъ Кэнэ, который въ молодости долгое время занимался этимъ искусствомъ.

TABLEAU ECONOMIQUE

Objets à considérer. 1e trois sortes de Dépenses. 2e leur Source. 3e leurs avances, 4e leur Distribution, 5e leurs Effets, 6e leur Reproduction, 7e leurs Rapports entre elles, 8e leurs Rapports avec la population, 9e avec l'Agriculture, 10e avec l'Industrie, 11e avec le Commerce, 12e avec la masse des richesses d'une Nation.

DÉPENSES

Productives

Relatives à
l'Agriculture &c.

Avances annuelles

pour produire un Revenu
de 2000^m sont 2000^m

2000^m produisent net.....

Productions

1000^m, f., g. reproduisent net.....

500. " " reproduisent net.....

250. " " reproduisent net.....

125. " " reproduisent net.....

62. 10. " reproduisent net.....

31. 5. " reproduisent net.....

15. 12. 6. " reproduisent net.....

7. 16. 3. " reproduisent net.....

3. 18. 2. " reproduisent net.....

1. 19. 1. " reproduisent net.....

0. 19. 6. " reproduisent net.....

0. 9. 9. " reproduisent net.....

0. 5. " reproduisent net.....

0. 2. 6. " reproduisent net.....

0. 1. 3. " reproduisent net.....

0. 0. 8. " reproduisent net.....

Total 2000^m, f., g.

DÉPENSES DU REVENU

l'Impôt compris se partagent
à la Classe productive et
à la Classe stérile

Revenu

Annuel
de

2000^m

DÉPENSES

Stériles

Relatives à
l'Industrie &c.

Avances annuelles

pour les Ouvrages des
Dépenses stériles sont

1000^m

Ouvrages &c.

1000^m, f., g.

500. " " partie iciy

250. " " .

125. " " .

62. 10. " .

31. 5. " .

15. 12. 6. " .

7. 16. 3. " .

3. 18. 2. " .

1. 19. 1. " .

0. 19. 6. " .

0. 9. 9. " .

0. 5. " .

0. 2. 6. " .

0. 1. 3. " .

0. 0. 8. " .

Total 2000^m, f., g.

Total 2000^m, f., g.

Il n'est pas nécessaire de s'attacher à l'intelligence de ce tableau avant la lecture des 7 premiers Chapitres, il suffit à chaque chapitre de faire attention à la partie du Tableau qui y a rapport.

Роскошное издание „TABLEAU ÉCONOMIQUE“,

находящееся въ „ELEMENTS DE LA PHILOSOPHIE RURALE“ (1767) маркиза Ниррабо.

Клише и печать С. М. Прокудина-Горского. СПБ

Находящійся посрединѣ наверху «Revenu annuel de 2000 L.» есть гипотетический чистый доходъ (produit net), уплаченный въ видѣ арендной платы за истекшій годъ производительнымъ классомъ классу землевладѣльцевъ; этотъ доходъ надлежитъ теперь передать обоимъ хозяйственнымъ классамъ. Tableau предполагаетъ, что половина этой прибыли переходитъ въ видѣ «dépenses productives» къ земледѣльцамъ въ качествѣ платы за сѣѣстные припасы, другая половина, въ видѣ «dépenses stériles» достается промышленникамъ и купцамъ. Судьбы обѣихъ частей, однако, различны. Часть, переданная производительному классу, та же возмѣщается и притомъ не въ равномъ, а въ двойномъ размѣрѣ; полученный излишекъ приписывается въ серединѣ Tableau къ доходамъ класса землевладѣльцевъ.

Напротивъ того, 1000 L., полученные безплоднымъ классомъ, потребляются имъ, не принося чистаго дохода. Поэтому отсюда нечего и переносить въ среднюю колонну. Но потребленіе безплоднаго класса, подобно потребленію класса землевладѣльцевъ, можетъ быть раздѣлено на двѣ качественно различные части. Половину своего дохода безплодный классъ тратить на промышленныя издѣлія, изготавляемыя имъ самимъ, другая половина расходуется на сѣѣстные припасы и сырье продукты и возвращается производительному классу. Эта половина, она равна 500 L., та же воспроизводится послѣднимъ въ двойномъ размѣрѣ и часть полученнаго (500 L.), составляющая чистый доходъ, снова записывается посрединѣ.

Но производительный классъ нуждается, наряду съ добытыми собственными силами сѣѣстными припасами, и въ промышленныхъ издѣліяхъ, на приобрѣтеніе которыхъ онъ предназначаетъ половину своего дохода. Такимъ образомъ изъ первоначальныхъ 1000 L., полученныхъ отъ класса землевладѣльцевъ, 500 L. переходятъ къ безплодному классу, который въ свою очередь выплачиваетъ производительному классу половину изъ нихъ за сырье продукты и сѣѣстные припасы; это вновь приводить къ образованію чистой прибыли, равной затраченному капиталу и т. д. Въ концѣ концовъ израсходованные землевладѣльцами 2000 L. совершили свой путь черезъ оба другихъ класса; они въ обоихъ возбудили хозяйственную дѣятельность, были шагъ за шагомъ воспроизведены продуктивнымъ классомъ и въ концѣ концовъ вся вновь образовавшаяся сумма была уплачена въ видѣ арендной платы землевладѣльцамъ. Въ слѣдующемъ году весь этотъ процессъ возобновляется.

Мы видимъ здѣсь таблицу въ состояніи равновѣсія, устойчивости т.-е., по воззрѣніямъ Кэнэ, въ здоровомъ состояніи. Но этому совершенному, идеальному состоянію никогда не соответствуетъ дѣятельность. Воспроизвести таблица эту послѣднюю, она навѣрное имѣла бы другой менѣе благопріятный видъ. Съ одной стороны, придворная и городская роскошь (*Luxe de décoration*) заставляетъ землевладѣль-

цевъ отдавать безплодному классу болѣе половины чистаго дохода, и доля, которая достается крестьянамъ-земледѣльцамъ становится вслѣдствіе этого меныше; но вмѣстѣ съ ней сокращается «*produit net*», получаемый въ концѣ года. И безплодный классъ потребляетъ болѣе половины своего дохода на предметы роскоши или иностранные сырье продукты; это уменьшаетъ сумму, возвращающуюся отъ него къ сельскому хозяйству, сокращается вслѣдствіе этого и соотвѣтственная доля чистаго дохода. Таблица, измѣненная соотвѣтственно этимъ даннымъ, приводитъ къ тому заключенію, что чистый доходъ воспроизводится только частью, и что въ слѣдующемъ году въ оборотѣ будутъ участвовать уже не 2000 L., а примѣрно 1600 L., еще годомъ позже уже всего 1200 L. и т. д., пока чистый доходъ не исчезнетъ совершенно и не наступитъ полный застой. Это и есть тотъ «ужасный кризисъ», навстрѣчу которому, по мнѣнію Кэнэ, движется его родина—Франція. И онъ ищетъ способа предотвратить его съ помощью общественной медицины.

Существуютъ различные болѣзни; онѣ носятъ отчасти мѣстный характеръ. Для того, чтобы изслѣдовать ихъ съ этой послѣдней точки зрењія, недостаточно одного «Tableau fondamental», такъ какъ она изображаетъ лишь общее теченіе дѣлъ и намѣренno отвлекается отъ маловажныхъ моментовъ, чтобы не затмнить картины изобиліемъ деталей. Сообразно съ объектомъ, на изученіе котораго Tableau направлено, она нуждается въ дополненіяхъ, заключающихся въ маленькихъ таблицахъ (*petits tableaux*), группирующихся вокругъ большой (*grand tableau, tableau fondamental*). Эти маленькия таблицы необходимо каждый разъ составлять заново въ зависимости отъ того, на какую точку зрењія необходимо стать; Кэнэ различаетъ всего 12 основныхъ точекъ зрењія, которыя перечислены въ началѣ основной таблицы. Достаточно при этомъ вмѣсто всей основной Tableau пользоваться «Tableau abr  g  », которая воспроизводить только первые зигзаги, такъ какъ знатоку это уже дастъ возможность обозрѣть всю остальную «систему зубчатыхъ колесъ» (*rouage*) общественного механизма. Такая таблица положена въ основаніе «*Analyse*» и объясненія Бодо¹⁾. Въ *Philosophie rurale* авторъ поперемѣнно пользуется то этой, то полной таблицей.

Необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: въ физикѣ и химії, методъ изслѣдованія которыхъ послужилъ здѣсь образцомъ для Кэнэ, объекты изслѣдованія помѣщаются въ регорту, устроенную такъ, что отдѣльные моменты дѣйствуютъ изолированно другъ на друга, а второстепенные факторы не оказываютъ на процессъ никакого вліянія; такъ и здѣсь. Мы всегда получаемъ результатъ, соотвѣтствующій только той задачѣ, къ решенію которой была

¹⁾ *Oeuvres de Quesnay*, стр. 316.

приспособлена реторта, и тѣмъ материаламъ, которые были въ нее вложены. Материаломъ являются статистическая данные. Мы уже знаемъ, что эти данные таблица черпаетъ изъ наблюденія. Если эти коэффициенты невѣрны, то и результатъ счислениія получится невѣрный, даже въ томъ случаѣ, если таблица, функционирующая здѣсь, какъ счетная машина, вѣрно произвела подсчетъ, такъ какъ, по выражению Дю Пона, «semblables à l'alambic, elles (подсчеты) ne rendent rien qu'en raison de ce qu'on leur confie»¹); это приводитъ насъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію искусства находить данные (*l'art de découvrir les données*), т.-е. къ «science arithmétique politique» въ томъ видѣ, въ какомъ она разработана въ «Questions».

«Questions». Здѣсь намъ необходимо коснуться теоріи познанія Кэнэ. Въ общемъ, какъ мы видѣли уже выше, онъ занимаетъ въ этой области среднее положеніе между Мальбраншемъ и Локкомъ. Первый изъ этихъ философовъ въ своей теоріи, согласно которой мы познаемъ всѣ вещи въ Богѣ, упустилъ тотъ фактъ, что источникъ человѣческихъ впечатлѣній слѣдуетъ искать во внѣшнемъ мірѣ. Съ другой

¹) Кэнэ съ своей стороны говоритъ объ этомъ слѣдующее въ первой „Problème économique“: „Les calculs ne sont ni cause ni effets, ainsi ils ne sont jamais dans les sciences les objets de nos recherches. Or, dans toutes les sciences, la certitude consiste dans l'évidence des objets. Si nous ne parvenons pas à cette évidence qui présente au calcul les faits ou les données susceptibles de compte et de mesure, le calcul ne rectifiera pas nos erreurs... d'où suit que dans la recherche de la vérité par le calcul, toute la certitude est dans l'évidence des données“ (стр. 511, Note). Здѣсь рѣчь идетъ о томъ же приемѣ, который былъ примѣненъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ Генрихомъ фономъ Тюненемъ, „Изолированное государство“ которого является ничѣмъ инымъ, какъ другой Tableau économique, съ той лишь разницей, что у Тюнена мы имѣемъ дѣло не съ вертикальнымъ, а съ горизонтальнымъ разрѣзомъ Gouvernement économique, причемъ задачей является изслѣдование того, какое экономическое вліяніе оказывается на производство географическое положеніе послѣдняго по отношенію къ рынку. Объ таблицы пополняютъ другъ друга. Тюненъ не знакомъ обстоятельно съ теоріей Кэнэ. Весьма замѣчательно поэтому, что въ зародыши разрабатываемый имъ вопросъ можно найти уже у главы школы физіократовъ. Въ написанной имъ седьмой главѣ „Philosophie rurale“, сочиненія, разработанного совмѣстно съ Мирабо, Кэнэ также наталкивается на проблему транспорта продуктовъ на рынокъ, но онъ не составляетъ однако для рѣшенія ея отдельной таблицы. Здѣсь (стр. 346 и сл.) говорится о томъ, что сажень дровъ въ Парижѣ имѣетъ одну и ту же рыночную цѣну, все равно, привезена ли она изъ отдаленной или близкой мѣстности. Если предположить что цѣна равна въ Парижѣ 40 L., а расходы на транспортъ составляютъ 3 L., то землевладѣльцу остается 37 L.; если же вычесть изъ этого еще 3 L. расходовъ на производство, то остается чистый доходъ равный 34 L. Съ другой стороны, если бы расходы на транспортъ составляли 34 L., чистый доходъ при тѣхъ же расходахъ на производство сократился бы до 3 L. Изъ этого выводится необходимость по мѣрѣ возможности уменьшить издержки на транспортъ путемъ приближенія производителя къ потребителю.

стороны, Локкъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что воспринимая ощущенія, человѣкъ относится къ нимъ не только пассивно, но и активно, придавая впечатлѣніямъ форму, соответствующую своимъ цѣлямъ. Въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать вышеупомянутую мысль (Дю Пона) о томъ, что для правильнаго установленія фактовъ необходима «une connaissance pr alable et compl te de presque toutes les branches de la science de l' conomie politique». Дѣйствительно, при решеніи этихъ вопросовъ дѣло заключается не только въ собираніи сырого фактическаго материала, но и въ сужденіи о причинахъ явлений. Каждый отдельный вопросъ разсматривается съ определенной точки зренія, которая прилагается къ фактамъ въ качествѣ масштаба для решения вопроса въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Идеи должны руководить уже при собираніи материала, они должны привести его въ состояніе, допускающее научную обработку,—въ противоположность воззрѣніямъ нашихъ новѣйшихъ политico-экономовъ исторического направленія, полагающихъ, что фактическій материалъ слѣдуетъ собирать безъ всякой идеи, что лишь вслѣдствіи, когда этотъ материалъ уже собранъ, его нужно освѣтить съ философской точки зренія.

Выходитъ, что *Questions* составлены такъ, что изъ нихъ можно вывести обратнымъ путемъ всю систему физіократовъ. Вотъ напр. первая группа вопросовъ изъ главы «Culture des Terres»: «Обрабатываются (въ данной провинціи) помѣстья волами или лошадьми? Какова разница въ продуктахъ и издержкахъ при веденіи хозяйства первымъ и вторымъ способомъ? Почему не предпочтуютъ болѣе выгодного способа? Почему цена имѣній при продажѣ ниже тамъ, где они обрабатываются волами, чѣмъ тамъ, где они обрабатываются лошадьми?» и т. п. Или же въ другомъ мѣстѣ: «Сколько шерсти приноситъ овца въ данной мѣстности? Обрабатывается ли шерсть на мѣстѣ добыванія или же вывозится? Возвысилась или понизилась цена в продолженіи послѣдняго столѣтія, принимая во вниманіе измѣненіе ценности денегъ? Не выгоднѣ ли для государства издержки на продукты, изготовленные изъ собственной шерсти, чѣмъ на шелковые и хлопчатобумажныя ткани?» и т. п.

Вездѣ, где вопросъ касается товарныхъ цѣнъ, высоты заработной платы, цены имѣній и т. д., требуется указаніе измѣненія этихъ величинъ за послѣдніе 100 лѣтъ. Не потому, что исторія интересуетъ автора вопросовъ. Кэнэ предполагаетъ, что при этомъ обнаружится не развитіе Франціи, а скорѣе паденіе ея съ прежней культурной высоты, и слѣдовательно необходимость возвращенія къ системѣ Сюли. Наилучшимъ положеніемъ является прочное состояніе равновѣсія. Въ общемъ «Questions» обнимаютъ 228 главныхъ вопросовъ, разделенныхъ на слѣдующія 14 главъ: климатъ провинцій, территорія, способъ обработки, населеніе, хлѣбъ, скотъ, торговыя растенія, вино, плодо-

водство, рѣчные пути сообщенія, торговыя пошлины, торговля, города, богатства.

Кэнэ желалъ, чтобы этимъ дѣломъ занялись ученыя академіи провинцій и чтобы результаты опубликовывались ими въ «Journal Oeconomique». Насколько мнѣ известно, это предложеніе не имѣло никакихъ послѣдствій. Вѣдь сама школа впослѣдствіи пренебрегала такими «Détails». Поэтому и была забыта вся эта работа, столь важная для правильнаго пониманія ученія Кэнэ. Дю Понъ не включилъ даже «Questions» въ «Physiocratie». И все же безъ этого дополненія нельзя понять Tableau économique. Судьба «Maximes» была болѣе благопріятна.

«Maximes». Историческія свѣдѣнія о нихъ мы сообщили уже выше. По своему содержанию онъ охватываетъ всѣ основные принципы политической экономіи, выраженные въ формѣ императивовъ. Это ихъ особенность, которую слѣдуетъ цѣнить чрезвычайно высоко. Въ наше время стало модой упрекать физіократовъ въ идеализмѣ и утопизмѣ. Первый упрекъ вѣренъ, хотя онъ и звучитъ нѣсколько странно въ устахъ какъ разъ такихъ изслѣдователей, которые считаютъ нужнымъ выдвигать «этическій» моментъ въ противовѣсь старой политической экономіи (Рошеръ и историко-этическая школа). Но упрекъ въ утопизмѣ совершенно не обоснованъ. Напротивъ, въ этомъ пункктѣ Кэнэ выгодно отличается отъ Платона, за которымъ онъ въ общемъ слѣдуетъ въ основахъ своей системы. Конечно, Кэнэ постулировалъ совершенное или идеальное состояніе въ противоположность несовершенному реальному состоянію. Но въ то время какъ Платонъ изобразилъ свой идеалъ въ «Политеїї», въ видѣ настоящаго государства (это и вызвало то недоразумѣніе, будто онъ хотѣлъ дать абсолютный образецъ, въ рамки которого человѣческое общество просто должно быть втиснуто для осуществленія наибольшаго счастья на землѣ),—Кэнэ, въ противоположность всѣмъ утопистамъ, пошедшемъ въ этомъ отношеніи по стопамъ Платона, избралъ другой, болѣе разумный путь. Совершенное является для него лишь величиемъ разума. Оно служить путеводной звѣздой государственному мужу и направляетъ его дѣятельность подобно тому, какъ небесныя свѣтила указываютъ путь кормчemu корабля въ океанѣ. Подобно 10 заповѣдямъ Моисея въ индивидуальной и религіозной сферѣ, Максимы являются регулятивными принципами, общими и специальными требованиями того, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ политико-экономической области. Очевидно, что въ воззрѣніяхъ Кэнэ нѣть абсолютно ничего утопического. Онъ предлагаетъ не механическій образецъ, который можетъ быть осуществленъ только опредѣленнымъ образомъ, и не иначе: онъ пытается внушить нашему разуму рядъ положеній, которымъ долженъ слѣдовать въ своихъ поступкахъ человѣкъ, стремящійся къ совершенству.

Изслѣдователь не становится утопистомъ только потому, что онъ, на ряду съ дѣйствительностью, принимаетъ во вниманіе и идеальное состояніе. Не можетъ составить себѣ критического миѳія о существующемъ тотъ, кому чуждо представлѣніе о лучшемъ. Отказъ отъ высшаго масштаба для сужденія о вещахъ равносителенъ отказу отъ всякой научной оцѣнки вообще. Характерной чертой утописта является то, что онъ вообще не обращаетъ никакого вниманія на явленія дѣйствительности и вращается исключительно въ сферѣ вымысла. Этого о Кэнѣ сказать нельзя. Онъ не пытается замѣнить методическое изслѣдованіе дѣйствительности установленіемъ готоваго, совершенного идеала; онъ ставить рядъ требованій, слѣдя которымъ, можно достигнуть идеального состоянія. Императивы сами по себѣ не утопичны. Въ одно и то же время можно имѣть въ виду нѣсколько вѣлѣній и---какъ указываетъ Кэнѣ въ области чистой морали---въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуетъ всегда стремиться къ соответствующему равновѣсію мотивовъ. «Formule arithm tique» нисколько не противорѣчить этому воззрѣнію. Правда, и она изображаетъ совершенное состояніе, но не ограничиваясь этимъ, она даетъ также изображенія несовершенного хозяйственного строя въ зависимости отъ природы введенаго коэффиціента. Она имѣеть лишь формальный характеръ и служить орудіемъ познанія всѣхъ общественныхъ явлений вообще, вовсе не являясь идеаломъ сама по себѣ. Идеаль---это состояніе полнаго здоровья. Но человѣку никогда не приходится наслаждаться имъ вполнѣ. Вотъ что говорить Бодо въ своей книгѣ «Introduction à la philosophie ´conomique» «La sant  parfaite d'un homme est aussi une chim re toute m taphysique, elle n'existera jamais»¹⁾; то же можно сказать и объ «id e metaphysique de monarchie ´conomique toute parfaite», которую можно себѣ только представить «pour mod le, pour but vers lequel on doit tendre sans cesse sans esp rer jamais de l'atteindre enti erement»²⁾. Бодо принадлежитъ къ числу тѣхъ учениковъ Кэнѣ, которые наиболѣе приблизились къ воззрѣніямъ учителя. Напротивъ въ неясныхъ мысляхъ Мирабо понятія объ идеалѣ и дѣйствительности постоянно перепутывались и это смѣщеніе сдѣлалось, къ сожалѣнію, обычнымъ въ школѣ. Во всякомъ случаѣ, необходимо признать методъ Кэнѣ---выраженіе идеального въ формѣ императивовъ, «должнаго» --- болѣе разумнымъ, чѣмъ методъ утопистовъ, придающихъ ему форму «сущаго». Этотъ методъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова въ наукѣ.

Кэнѣ связалъ первоначально свои максимы съ именемъ Сюлли. Въ дѣйствительности, однако, отличаясь отъ максимъ послѣдняго по формѣ, онъ и по своему содержанію имѣютъ съ ними мало общаго. Въ то время, какъ Сюлли указываетъ, чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы

¹⁾ E. Daire, Physiocrates, deuxi me partie, Paris 1840, p. 792.

²⁾ Ibidem, str. 793.

не разориться (напр. augmentation de la taille—affaiblissement de l'Etat), Кэн избираетъ положительную форму; его максимы говорять, что слѣдуетъ дѣлать для достиженія совершенного состоянія, онъ указываютъ на «conditions» его осуществленія. Въ этомъ смыслѣ приведены среди другихъ и слѣдующія максимы: «Maxime 1-e: Que l'autorit  souveraine soit unique et sup rieure   tous les individus de la soci t ... Maxime V: Que l'imp t soit  tabli imm diatement sur le produit net des biens-fonds... Maxime XI: Que les terres employ es   la culture des grains soient r unies autant qu'il est possible en grandes fermes explo t es par de riches laboureurs» и т. д. Замѣчательно, что положеніе «laissez faire, laissez passer» среди максимъ не встрѣчается. Ему было бы мѣсто въ максимѣ XXV, рекомендующей свободу торговли. Въ послѣдней, XXX максимѣ рѣчь идетъ о государственномъ кредитѣ; вотъ она: «Que l'Etat  vite les emprunts qui forment des rentes financi res». Почти ко всемъ максимамъ приложены обосновывающія ихъ прибавленія. Въ приложеніи находится рядъ подробныхъ «Notes sur les Maximes», въ которыхъ высказанныя въ максимахъ мысли разработаны подробнѣе. Главное содержаніе ихъ было уже использовано при изложеніи теоретической части системы. Поэтому здѣсь иѣть болѣе надобности останавливаться на нихъ.

Все предыдущее объясненіе «Tableau  conomique», кажется, поставило вѣ: всякаго сомнѣнія, что «Formule arithm tique», «Questions» и «Maximes» образуютъ единое цѣлое, каждая часть которого служить ключомъ къ пониманію обѣихъ другихъ частей. Все цѣлое построено съ точки зрѣнія общественной гигіены. Вопросы отвѣчаютъ первому процессу—выслушиванию и выстукиванію. При помощи формулы и вычислений ставится діагнозъ сущности и вѣроятнаго хода болѣзни. Затѣмъ необходимо установить, которое изъ указанныхъ средствъ слѣдуетъ примѣнить: для этого служатъ максимы. Только въ этомъ мѣстѣ заканчивается теоретическій процессъ и начинается практическая дѣятельность. Она лежитъ въ области активныхъ постановленій, въ сфере положительного законодательства. Слѣдуетъ помнить,—мы указывали на это уже выше,—что въ практической дѣятельности нужно руководствоваться постоянно измѣняющимися обстоятельствами, примѣняясь къ нимъ. «Th orie de l'imp t», сочиненіе, написанное совмѣстно Мирабо и Кэнз представляетъ собой положительный проектъ приблизить тогдашнее французское государство въ финансовомъ отношеніи къ «ordre naturel». Разсмотрѣніе этого проекта завело бы насъ слишкомъ далеко. Какъ извѣстно, онъ не встрѣтилъ сочувствія со стороны лица, которому принадлежалъ рѣшающій голосъ—короля Людовика XV; даже напротивъ того, этотъ проектъ былъ причиной тюремного заключенія Мирабо. Вмѣстѣ съ этимъ рухнули и самыя надежды на осуществленіе новой теоріи при помощи привлечения короля на ея сторону. Пришлось волей неволей ограничиться одной теоріей, что и повело

къ ея односторонности, на которую такъ часто указываютъ; но эта односторонность въ началѣ вовсе не была свойственна системѣ.

§ 4. Школа физионратовъ и ея противники.

а. *Мирабо, какъ глава школы.* Безпристрастное знакомство со всѣмъ учениемъ Кэнэ показываетъ, что оно представляетъ собой грандиозное научное построение, а никакъ не фантастическую теорію талантливаго, но чудаковатаго ученаго, какъ думаютъ многіе еще и въ наши дни; съ этимъ можетъ не согласиться только человѣкъ или невѣжественный, или же сознательно относящийся съ недоброжелательствомъ къ творцу ученія. Въ немъ подготовлены почти всѣ основные догматические вопросы, занимавшіе впослѣдствіи экономистовъ теоретиковъ. Мы еще увидимъ далѣе, какъ благодарны должны были бы быть позднѣйшии экономисты версальскому врачу, мысли которого они молча присваивали себѣ, скрывая это подъ личиной открытаго пренебреженія къ ихъ истинному автору. Съ другой стороны, однако, и собственная школа Кэнэ зашла слишкомъ далеко въ обоготовленіи своего главы и незаслуженно скомпрометировала этимъ скромнаго «учителя» въ глазахъ свѣта. Дальше всѣхъ зашелъ въ этомъ отношеніи «старшій сынъ доктрины», дѣйствительный основатель экономической «секты», маркизъ *Викторъ де-Мирабо*. Мы должны еще разъ остановиться на немъ.

Мирабо обладалъ ярко выраженнымъ абсолютскимъ темпераментомъ и, что связано съ послѣднимъ, радикальнымъ характеромъ мышленія. Это сказалось, какъ въ его семейной жизни, такъ и въ его теоретическихъ построенияхъ. Чуждый всякаго оппортунизма, онъ всегда готовъ быть биться головой объ стѣну, какъ изъ-за принципа, такъ и ради практическаго интереса. Поэтому все, за что онъ ни брался, и выходило одностороннимъ. У Мирабо мы не находимъ того дуализма, который Кэнэ установилъ между «ordre naturel» и «ordre positif»: у Кэнэ, человѣкъ подчиненъ обоимъ, послѣднему практически и философски первому; положительные же законы съ ихъ принудительнымъ характеромъ служатъ поддержкой естественного порядка. Иначе по мнѣнію Мирабо: положительные законы только опредѣляютъ тѣ детали *ordre naturel*, которые выходятъ за предѣлы научнаго изслѣдованія. Въ *Maxime II* Кэнэ говоритъ: «L'étude de la jurisprudence humaine ne suffit pas pour former les hommes d'Etat; il est nécessaire que ceux qui se destinent aux emplois de l'administration soient assujettis à l'étude de l'ordre naturel le plus avantageux aux hommes réunis en société»¹⁾). Здѣсь говорится такимъ образомъ лишь то, что изученіе положительныхъ законовъ, издаваемыхъ людьми, само по себѣ

¹⁾ Стр. 331.

недостаточно; что оно должно быть связано съ познаніемъ философскаго естественаго права. И то и другое одинаково необходимо. Что это было дѣйствительно мнѣніе Кэнэ, прямо вытекаетъ изъ слѣдующихъ его словъ: «il est n  cessaire, que les connaissances pratiques et lamineuses que la nation acquiert par l'exp  rience et la r  flexion se r  unissent   la science g  n  rale du gouvernement».

Совершенно иначе разсуждаетъ Мирабо. Онъ находитъ, что новый путь, открыть который суждено было нашему вѣку, «  pargne l'  tude des d  tails ou, pour mieux dire, la confie aux mains pures et laborieuses destin  es   la pratique»¹⁾). Все дѣло заключается въ манипуляціяхъ, регулированіе которыхъ въ частностяхъ должно быть обязанностью не государства, а самое большее, мѣстныхъ властей. Здѣсь воззрѣнія Мирабо вполнѣ совпадаютъ съ мыслями д'Аржансона; оба они полагаютъ, что государственный дѣятель не имѣеть возможности обозрѣвать дѣятельность членовъ общества, а слѣдовательно не имѣеть и права регулировать ее. Она должна быть вполнѣ представлена индивидуальной свободѣ и частному интересу; это поведетъ и къ общему благополучію. «Il est donc  vident que tout membre de la Soci  t  , occupe  quitablement de son int  r  t particulier, coop  re au bien g  n  ral»²⁾). Кэнэ въ сочиненіяхъ, написанныхъ имъ совершенно самостоятельно, въ свободѣ хлѣбной торговли (подъ этимъ онъ понималъ главнымъ образомъ одну свободу вывоза) видѣлъ только средство сдѣлать хлѣбныя цѣны по возможности устойчивыми и высокими и готовъ былъ тотчасъ же стѣснить эту свободу закономъ, если бы можно было ожидать отъ нея результатовъ противоположнаго характера; Мирабо, напротивъ, во всѣхъ своихъ трудахъ ставить выше всего свободу, какъ самостоятельный и надъ всѣми господствующій принципъ, предъ которымъ все должно отступить на задній планъ. Этимъ принципомъ является «la libert   g  n  rale et ind  finie du commerce, d'exportation et d'importation des denr  es»³⁾), которую онъ защищалъ уже въ своемъ «L'Ami des hommes», не будучи еще фізіократомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ всегда защищаетъ свободу хлѣбной торговли въ томъ предположеніи, что съ ея помощью лучше всего можно будетъ достигнуть достаточно высокой цѣны на хлѣбъ, къ которой и онъ стремится. Мирабо настолько проникнутъубѣжденіемъ въ выгодности этой «libert   sacr  e et absolue» для земледѣлія, что въ напыщенныхъ словахъ призываєтъ на себя громы небесные, если бы она привела къ противоположнымъ результатамъ. Вотъ, что онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, удостоенномъ Бернской преміи: «Мнѣніе, будто въ какомъ либо отношеніи выгодно поддерживать низкія цѣны на хлѣбъ въ государствѣ или городѣ, является настолько же укоре-

¹⁾ Philosophie rurale, II, стр. 98. ²⁾ ibidem I, стр. 130.

³⁾ Philosophie rurale, III, стр. 143.

нившейся, насколько и устарѣлой ошибкой, съ которой слѣдуетъ бороться. Надо опасаться только быстрого и непредвидѣнаго поднятія цѣнъ, опаснаго для бѣднаго класса. За исключеніемъ этого случая высокія хлѣбныя цѣны (*le haut prix*) полезны для всѣхъ... Высокія цѣны поощряютъ земледѣліе и даютъ изобиліе продуктовъ. *Cherté fait abondance*¹). И далѣе: «Свобода есть первый божественный и человѣческій законъ и всякое насильственное вмѣшательство въ этомъ отношеніи должно быть поставлено разумнымъ и просвѣщеннымъ народомъ на одну ступень съ поджогомъ, отравленіемъ общественныхъ колодцевъ, даже государственной измѣнѣ. Пусть меня присудятъ къ наказанію, постигшему одного отца, извѣстнаго благодаря поступку, который принято называть «римская *caritas*»; я готовъ прозябать въ тюрьмѣ питаюсь только молокомъ моей собственной дочери, я готовъ умереть на ея рукахъ, когда иссякнетъ этотъ источникъ, если когда-нибудь какой-либо народъ издастъ этотъ законъ и будетъ терпѣть изъ за него нужду» и т. д.²). Одно выраженіе *«police de grains»* является для него *«un mot à jamais détestable et détesté»*.

Именно Мирабо пустилъ среди физіократовъ лозунгъ *«laisser faire et laissez passer»*, который сдѣлался главной максимой школы Кэнэ и она стала понимать этотъ лозунгъ въ гораздо болѣе абсолютномъ смыслѣ, чѣмъ того желали самъ Кэнэ и, особенно, Гурнэ. Согласно этой максимѣ нѣть надобности въ особомъ положительномъ законодательствѣ: *«Il suffit de laisser agir l'ordre naturel, c'est la loi et les prophètes de l'administration»*. Всѣ лозунги и всю аргументацію позднѣйшей манчестерской школы мы находимъ уже у Мирабо. Вотъ его слова: *«De deux choses l'une, en un mot, quand le Gouvernement veut se mêler de l'Agriculture, c'est, ou pour la diriger selon les lois de la nature, en ce cas il prend un soin superflu, et qui peut aisément devenir nuisible»*; вмѣшательство излишне, такъ какъ вещи, предоставленные самимъ себѣ, и безъ того бы шли своимъ чередомъ, но оно окажется вреднымъ, если регламентація захочетъ замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ естественный порядокъ³). Регулированіе этой области отношеній есть дѣло одного Бога. Напрасно желали *«ignorer que le monde va de lui-même. Il mondo va de se, dit l'Italien, mot d'un grand sens»*⁴). Не только въ хлѣбной торговлѣ, но и во всѣхъ областяхъ народного хозяйства, должно быть отвергнуто государственное вмѣшательство т.-е. положительное законодательство. *«Le Gouvernement n'a presque rien à faire autre chose que de se dispenser d'agir. Plus il y d'administration de détail, plus il y a d'occasions favorables à la mal-*

¹) Ср. мое сочиненіе „Der ältere Mirabeau und die öconomiche Gesellschaft in Bern“, Bern 1886, стр. 32.

²) Тамъ же, стр. 32. ³) *Philosophie rurale*, II, стр. 108.

⁴) *Ibidem*, I, стр. 417.

versation tyrannique»¹). Этимъ дѣло осуждено и съ точки зрѣнія теоріи, такъ какъ «tout ce qui est tyrannique est également absurde»²). И если Кэнѣ сравниваетъ государственного дѣятеля съ кормчимъ, который долженъ внимательно слѣдить за компасомъ, наблюдать за звѣздами и выжидать благопріятнаго вѣтра и погоды, чтобы безопасно провести судно среди всѣхъ угрожающихъ ему превратностей, Мирабо, напротивъ, находитъ, что «во время плаванія вовсе не важно постоянно слѣдить за компасомъ, нужно обращаться къ нему тогда, когда грозитъ опасность сбиться съ вѣрного пути». Это, дѣйствительно, характерная картина!

Изъ всего сказаннаго видно, что теорія Мирабо дѣйствительно нечто совершенно отличное отъ ученія Кэнѣ. Скверно однако то, что въ книгахъ, написанныхъ сообща, проводятся рядомъ обѣ точки зрѣнія. Это именно и дѣлаетъ чтеніе такихъ произведеній, какъ напр. «Philosophie rurale» чрезвычайно непріятнымъ. Изъ нихъ ничего нельзѧ вынести. Между тѣмъ какъ Помпадуръ полагала, что Мирабо можетъ популяризировать идеи Кэнѣ, онъ, какъ разъ напротивъ, внесъ въ нихъ только путаницу понятій. Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ Кэнѣ на поляхъ сохранившихся манускриптовъ Мирабо, съ удовольствіемъ можно заключить, что друзья часто вступали въ письменные споры. И совершенно вѣрно мнѣніе послѣдняго издателя «Ami des hommes» Rouxel'я, что Кэнѣ, въ сущности, никогда не удалось вполнѣ обратить Мирабо, хотя самъ Rouxel и не сумѣлъ научно обосновать это положеніе. Мирабо пріобрѣлъ такое большое вліяніе на школу физіократовъ, что пожалуй можно говорить о побѣдѣ, одержанной имъ вшослѣдствіи надъ Кэнѣ. Во всякомъ случаѣ то, что современники понимали подъ ученіемъ Кэнѣ, было собственно ученіемъ Мирабо и его школы. Противъ нихъ и были главнымъ образомъ направлены возраженія, становившіяся постепенно все болѣе рѣзкими по мѣрѣ того, какъ ученіе дѣжалось достояніемъ публики.

b. *Организація школы.* Мы уже знаемъ, что по примѣру прежнѣго Club de l'Entresol, съ одной стороны, и школы Гурнэ—съ другой, Мирабо собралъ вокругъ себя учениковъ, чтобы выработать апостоловъ новой вѣры и пріобрѣсти такимъ путемъ вліяніе на общественное мнѣніе. Уже въ то время, когда въ рукахъ Дю Пона находилось редактированіе «Journal de l'Agriculture, du Commerce et des Finances» (1765/1766), происходили періодическія собранія единомышленниковъ, посѣщавшіяся и Кэнѣ, болѣе свободнымъ со смерти Помпадуръ, и приѣзжавшимъ для этого изъ Версаля въ Парижъ; онъ принялъ на себя роль руководителя собраній. Кажется однако, что въ это время собранія не происходили вполнѣ регулярно. Измѣнилось это, когда Дю Понъ къ концу 1766 г. былъ вынужденъ оставить постъ редактора

¹) Ibidem, III, стр. 111. ²) Ibidem, стр. 240.

«Journal» и органомъ новой партіи сдѣмались «*Ephémérides*» Бодо. Теперь партія освободилась отъ связывавшихъ ее прежде стѣснительныхъ условій и могла дѣйствовать свободнѣй. Если до тѣхъ поръ соображенія происходили въ домѣ единомыслящей дамы (имя ея неизвѣстно), то, начиная съ 1767 г., Мирабо сталъ устраивать свои, впослѣдствіи знаменитыя собранія по вторникамъ въ собственномъ домѣ на Rue Vaugirard въ Парижѣ. Цѣлью собраній было, съ одной стороны, приобрѣтеніе новыхъ послѣдователей, съ другой — чтеніе и критика рефератовъ и другихъ манускриптовъ, которые предназначались къ напечатанію въ Эфемерідахъ. Начинали съ ужина, во время которого велись общіе разговоры. Затѣмъ переходили къ чтенію литературныхъ работъ; за ними слѣдовало ихъ обсужденіе, принимавшее часто оживленный характеръ. Заключеніе составляли мелкіе доклады ¹⁾. Швейцарка (изъ кантона Ваадъ) подруга маркиза, Madame de Pailli, кажется, играла роль хозяйки дома, да и вообще на собранія привлекались и дамы.

Выпущенная Карломъ Книсомъ книга «*Carl Friedrichs von Waden briefliecher Verkehr mit Mirabeau und Du Pont*» ²⁾ ближе знакомить насъ съ этой «espèce d'académie», какъ называетъ ее Дю Понъ, по крайней мѣрѣ за 1772 — 1774 г.г. Дю Пону поручено было письменно преподавать ученіе физіократовъ наслѣдному принцу. Его письма содержать въ себѣ не что иное, какъ изложеніе манускриптовъ, которые читались втеченіе этого периода по вторникамъ, и современи прекращенія Эфемеридъ (1772) не могли быть болѣе напечатаны. Для Дю Пона это не представляло затрудненій, такъ какъ онъ былъ секретаремъ общества, руководимаго Мирабо.

Сезонъ открывался ежегодно осенью (обыкновенно въ ноябрѣ, но иногда и позже) вступительной рѣчью Мирабо. Онъ продолжался до мая или іюня и закрывался торжественной рѣчью президента. Иногда его замѣнялъ секретарь, Дю Понъ. «Messieurs et Mesdames», были характерныя вступительныя слова. Заключительная рѣчь содержала обыкновенно очеркъ выполненной по программѣ работы. Въ свомъ сочиненіи: «*Zur Geschichte der Physiokratie*» ³⁾ я далъ на основаніи опубликованныхъ Книсомъ документовъ, подробную картину этихъ работъ за зимы 1772/73 и 1773/74 г.г., на которую въ данномъ случаѣ исылаюсь. Это было время, когда, судя по виѣшимъ признакамъ, положеніе новаго ученія во Франціи было самымъ стояннымъ. Вмѣшательство главнаго контролера, аббата Терре, повлекло за собой пре-

¹⁾ Ср. сочиненіе: „*Les Mirabeaus nouvelles études sur la société fran aise au XVIII si cle*“ par Louis de Lom nie, Paris 1897, t. II, p. 262 f.

²⁾ Heidelberg 1892, C. Winter, 2 тома.

³⁾ Въ Schmollers Jahrbuch f r Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, Jahrg. 1893.

кращеніе въ 1772 г. изданія Эфемеридъ. На это и жалуется Дю Понъ въ своей заключительной рѣчи сезона 1772/73 г.: «On a voulu me fermer la bouche; j'ai perdu mon journal, mon état, ma fortune, tout excepté l'honneur, le courage, votre estime et le désir de la mériter de plus en plus»¹⁾). Во вступительной рѣчи къ восьмому «année académique» 1773/74 г. Мирабо даетъ печальный обзоръ развитія основанной имъ школы. Онъ бытъ первымъ и долгое время единственнымъ ученикомъ почтенного основателя ученія. Занятый только изслѣдованіемъ принциповъ, Кэнэ поручилъ ему вербовать сторонниковъ ученія. Онъ самъ началъ новую жизнь актомъ самоотверженія. Мирабо намекаетъ на свое обращеніе въ новую вѣру и публичное отреченіе отъ прежнихъ заблужденій. Задача, которую онъ взялъ на себя въ преклонномъ возрастѣ, была не изъ легкихъ и, чтобы выполнить ее, нужно было не мало мужества. Но это мужество было вознаграждено все возраставшимъ притокомъ приверженцевъ ученія общаго учителя. Онъ восклицаетъ: «Avec quel soin et quelle joie je les recueillis!» «Это было, продолжаетъ онъ, время нашихъ первыхъ ассамблей. Этимъ возмущались и примѣняли къ намъ выраженіе «секта». Какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь тайномъ ученіи, а не о вещахъ, доступныхъ разумуничтожнѣшаго изъ смертныхъ» Впослѣдствіи, когда собранія разрослись, стали нападать, наоборотъ, на излишнюю огласку. Однако, этой публичности не искали и вообще выступленіе не можетъ считаться вызывающимъ. Теперь, можетъ быть, ассамблеи находять чрезмѣрно разросшимися. Дѣйствительно, лишь немногого лицъ отвернулось отъ нихъ, да и тѣ примикиали исключительно изъ любопытства, такъ что безъ нихъ легко можно обойтись. Часто и иностранцы чтили собранія своимъ присутствіемъ, и это были личности незаурядныя.

¹⁾ Очень распространено мнѣніе, будто аббатъ Террэ прямо запретилъ изданіе Эфемеридъ. Это не совсѣмъ вѣрно, что явствуетъ изъ неиздѣт资料а еще письма Дю Пона къ шведскому графу Шефферу отъ 6 мая 1773 г. Въ немъ Дю Понъ говоритъ слѣдующее: „Господинъ генеральный контролеръ запретилъ мнѣ говорить въ моемъ журналѣ о финансахъ, торговлѣ и управлениіи. Въ то же время канцлеръ, управляющій департаментомъ, завѣдующимъ дѣлами о печати, приказалъ моему цензору не пропускать ничего, что относится къ политикѣ, правительству и законодательству. Онъ велѣлъ ему заботиться, чтобы я держался въ границахъ частной морали (*moralité particulière*) и указалъ мнѣ черезъ различныхъ лицъ, что противъ меня будутъ приняты строгія мѣры, если я не буду придерживаться указанного имъ направлениія. Я не вполнѣ понималъ, что это означаетъ: границы частной морали. Но одно мнѣ было ясно, что невозможно будетъ редактировать „Библіотеку нравственныхъ и политическихъ наукъ“ (подзаголовокъ Эфемеридъ), въ которой нельзя было бы касаться политики, правительства, управления, законодательства, финансъ и торговли. Находясь въ этомъ крайне затруднительномъ положеніи я обратился за совѣтомъ къ своимъ друзьямъ и ихъ мнѣніе было, что слѣдуетъ совершенно оставить это дѣло“.

Основанный первоначально лишь съ цѣлью сплачивать единомышленниковъ и укрѣплять ихъ въ ученіи, союзъ постепенно былъ вынужденъ приступить къ отраженію нападеній извнѣ. Затѣмъ слѣдуетъ характеристика различныхъ нападокъ, которымъ подвергался союзъ. Неожиданную поддержку партія нашла за границей и даже среди монарховъ. Даѣе обсуждаются отношенія къ маркграфу баденскому, къ великому герцогу тосканскому и къ шведскому королю, отъ котораго ораторомъ незадолго передъ тѣмъ полученъ былъ орденъ Вазы; объ этомъ онъ упоминаетъ съ благодарностью. Наконецъ ораторъ переходитъ къ несчастной, раздробленной Польшѣ, въ своей бѣдѣ съ упованіемъ прислушивавшейся къ благой вѣсти *Tableau économique*. Онъ призываетъ къ мужеству ея государственныхъ дѣятелей, совѣтуя имъ не отчаиваться въ спасеніи отечества. Кто перестаетъ надѣяться на себя, тотъ во всякомъ случаѣ проигрываетъ дѣло. Замѣчательная рѣчь заканчивается приподнятымъ обращеніемъ къ собранію; Мирабо указываетъ въ немъ, что ихъ дѣлу принадлежить будущее и не слѣдуетъ поэтому охладѣвать въ своемъ усердіи.

Это было добрыхъ полѣ-года до смерти Людовика XV. За ней, въ правлениѣ Людовика XVI послѣдовалъ поворотъ, приведшій къ возвышенію Тюrgo. Въ «*Nouvelles Ephémérides économiques*», основанныхъ Тюрго и выходившихъ подъ редакціей Бодо физіократы снова получили публичный органъ. Несмотря на то, что между Тюрго и Мирабо большой близости не существовало, этотъ поворотъ благопріятно повлиялъ на ассамблеи. Въ письмѣ къ маркграфу Карлу Фридриху Баденскому отъ 5 апрѣля 1775 г. Мирабо хвалится тѣмъ, что ассамблеи стали «*plus nombreuses que jamais*». Вмѣстѣ съ паденіемъ Тюрго въ маѣ 1776 г. рушилось все это величіе.

Не слѣдуетъ однако полагать, что внутри общества «*Ephéméristes*», какъ ихъ иногда называли, никогда не бывало конфликтовъ. Темпераменты обоихъ вождей, консервативнаго, спокойнаго Кэнэ и дѣятельнаго, радикальнаго Мирабо, были для этого слишкомъ различны. Обыкновенно Кэнэ въ такихъ случаяхъ одерживалъ верхъ. Но въ одномъ весьма важномъ случаѣ Кэнэ пришлось уступить. Версальскій королевскій врачъ не могъ освободиться отъ убѣжденія, что государственная реформа, къ которой онъ стремился, должна быть проведена сверху. Когда же рушилась попытка привлечь на свою сторону Людовика XV посредствомъ «*Théorie de l'Impôt*», онъ возложилъ всѣ свои надежды на тогдашняго дофина, сына короля, котораго онъ въ 1752 г. вылѣчилъ отъ осипы. Его планомъ было поставить редактировавшейся Дю Пономъ «*Jurnal de l'Agriculture*» etc. (1765/76) подъ покровительство дофина. Но прежде, чѣмъ это было осуществлено дофинъ внезапно умеръ (1765) и дѣло такимъ образомъ не могло состояться. Тогда взоры Кэнэ обратились на нового дофина, впослѣдствіи Людовика XVI. Тотъ же планъ долженъ былъ быть выполненъ относи-

тельно «*Ephémérides*¹⁾). Съ этой цѣлью Кэнэ завязалъ сношенія съ воспитателемъ принца, герцогомъ de la Vauguyon, сынъ которого герцогъ de Saint-Mégrin считался сотрудникомъ «*Ephémérides*». Предложеніе было принято сочувственно и, казалось, что все идетъ благополучно.

Въ видѣ первого шага къ открытому выступленію въ номерѣ журнала отъ 16 июня 1768 г. было помѣщено письмо изъ Версали, написанное вѣроятно Кэнэ; въ немъ сообщалось о чертѣ характера дофина, обнаруживающей его симпатіи къ сельскому хозяйству. Рассказывалось, что принцъ, во время прогулки, остановился у вспахивавшаго поля; онъ наблюдалъ за работой и затѣмъ вдругъ пожелалъ собственноручно управлять плугомъ. И сдѣлалъ это дофинъ съ такой силой и ловкостью, что всѣ окружающіе были изумлены. Нѣтъ, такимъ образомъ, надобности «отправляться въ Китай, чтобы видѣть, какъ коронованныя особы почитаютъ земледѣліе, отлично управляя плугомъ».

Надо замѣтить, что этотъ случай, въ основѣ которого лежить безъ сомнѣнія дѣйствительное происшествіе, имѣлъ мѣсто за годъ до знаменитаго хожденія за плугомъ императора Іосифа II въ Моравіи (1769). Іосифъ II по этой причинѣ также причислялся физіократами къ числу ихъ единомышленниковъ.

Дю Понъ и Кэнэ совмѣстно подали дофину просьбу о разрешеніи посвятить ему журналъ; дофинъ выразилъ согласіе. Съ начала 1769 г. Эфемериды должны были официально выходить подъ покровительствомъ наслѣдника престола. Но прекрасный планъ, который на вѣрное предотвратилъ бы журналъ отъ послѣдовавшаго запрещенія, будь онъ принедѣнъ въ исполненіе,—не осуществился. Онъ разбился о рѣзкое сопротивленіе маркиза Мирабо. Мирабо предвидѣлъ, что изъ-за напечатаннаго впереди имени наслѣдника свобода выраженія ими своихъ мнѣній будетъ стѣснена. Со свойственной ему вспыльчивостью онъ рѣшительно объявилъ, что порветъ всякия сношенія съ журналомъ, если онъ будетъ поставленъ подъ покровительство двора. Дѣло правителей заслуживать своими поступками одобрение «*Ephémérides*», а не наоборотъ.

Кэнэ попалъ въ весьма неудобное положеніе. Дофинъ принялъ посвященіе, но ясно было, что если Мирабо приведетъ свою угрозу въ исполненіе и удержитъ кромѣ того своихъ учениковъ отъ дальнѣйшаго сотрудничества, то жизненный нервъ органа будетъ перерѣзанъ. Разныя примирительныя попытки не удались. Планъ долженъ быть оставленъ къ великому неудовольствію Кэнэ, положеніе котораго относительно дофина было весьма непріятнымъ. Съ этого

¹⁾ Смотри обѣ этомъ мою работу: „Ludwig XVI und das Physiokratische System“ въ издававшейся Куно Франкенштейномъ *Zeitschrift für Litteratur und Geschichte der Staatswissenschaften*, Bd. I, 1892/93.

времени Кэнэ пересталъ принимать участіе въ журналѣ и, какъ кажется, только нѣсколько лѣтъ спустя посѣтилъ одно изъ собраній. Кто знаетъ, не повіялъ ли этотъ случай, вызвавшій неудовольствіе дофина, на немилостивое увольненіе Кэнэ въ то время, какъ старый король находился на смертномъ одрѣ.

с. *Физіократы за границей*. Между тѣмъ Ephémérides сумѣли заслужить уваженіе за границей. Парижъ стоялъ въ то время настолько прочно во главѣ умственныхъ теченій Европы, что все, что исходило изъ него, принималось за откровеніе. Доктрина, заявлявшая о себѣ, что она раскрыла тайну философскаго камня явленій общественной жизни, и дѣйствительно умѣвшая защищать свое дѣло новыми аргументами, должна была поэтому обратить на себя всеобщее вниманіе.

Наиболѣе гостепріимно новое ученіе было принято въ Германії, и при дворахъ князей и въ ученыхъ кругахъ. На югѣ очагомъ его сдѣлался дворъ маркграфа Карла Фридриха Баденъ-Дурлахскаго. Здѣсь веймарецъ А. Шлеттвейнъ, привлеченный въ 1763 г. въ Карлсруэ въ качествѣ «Kammer-und Polizeirat», сильно увлекся новымъ ученіемъ. Онъ сумѣлъ убѣдить маркграфа, человѣка съ возвышенными стремлениями, поручить ему устройство опыта управления по образцу ученія физіократовъ. Новая «Шлеттвейнская система», какъ называлъ ее народъ, должна была быть введена съ начала 1769 г. въ селеніи Дитлингенъ у Шфорцгейма, гдѣ бѣдственное состояніе хозяйства вызвало массовую эмиграцію, и отсюда она должна была быть распространена и на другія области¹⁾). Шлеттвейнъ, пропагандировавшій свое дѣло во многихъ широковѣщательныхъ статьяхъ, полагалъ, что сумѣеть дать свѣту доказательство безусловной цѣлительной силы ученія, которое послужить примѣромъ для всего міра. Предполагалось распространить систему на все маркграфство, послѣ того какъ опытъ удастся въ малыхъ размѣрахъ. Затѣмъ ей уже суждено было обойти весь міръ. Но вскорѣ натолкнулись на препятствія и должны были увидѣть, что многія изъ предположеній, на которыхъ было построено ученіе Кэнэ, вовсе не имѣли мѣста. Хозяйственная жизнь стояла на ступени не денежнаго, а феодально - натуральнаго хозяйства, т. е. она была въ томъ состояніи, которое Кэнэ охарактеризовалъ, какъ «petite culture», гдѣ не существуетъ «produit net» и рабочій въ лучшемъ случаѣ получаетъ отъ земли свои скучныя средства пропитанія. Арендаторовъ въ сущности совершенно не было, еще менѣе можно было говорить о существованіи того богатаго класса фермеровъ (riches fermiers), который былъ бы въ состояніи вести реко-

¹⁾ Смотри обѣ этомъ Emminghaus, Karl Friedrichs von Baden physiokratische Verbindungen, Bestrebungen und Versuche, ein Beitrag zur Geschichte des Physiokratismus, Hildebrands Jahrbücher, Bd. XIX, также мое сочиненіе „Zur Geschichte der Physiokratie“ въ Schmollers Jahrbüch, Jahrg. 1894.

мендованную Кэнэ «grande culture» въ смыслѣ плодонеремѣнного хозяйства по английскому образцу. Для этого нужны были большія округленныя помѣстья и не годилось то раздробленное мелкопомѣстное землевладѣніе, которое господствовало въ Баденъ-Дурлахѣ.

Словомъ, дѣло плохо подвигалось впередъ и пришли наконецъ къ рѣшенію обратиться за совѣтомъ къ самимъ авторамъ системы. Маркграфъ написалъ Мирабо письмо и просилъ болѣе подробныхъ указаний; на этой почвѣ возникла переписка, которая напечатана въ работѣ Книса. Такъ какъ и она не совсѣмъ привела къ желанному результату, маркграфъ поѣхалъ въ іюнь 1771 *incognito*, въ сопровожденіи всей своей семьи и Шлеттвейна, въ Парижъ, чтобы получить на мѣстѣ желаемое поученье. Онъ привезъ при этомъ собственноручно составленное «*Abrégé de l'Economie politique*» и передалъ его Дю Пону для напечатанія въ *Ephémérides*, что и было сдѣлано въ началѣ 1772 года непосредственно передъ прекращеніемъ журнала. Докладъ Шлеттвейна о его опытахъ въ Дитцингенѣ и другихъ мѣстахъ, написанный въ Парижѣ, былъ изданъ въ 1772 г. въ Карлсруэ подъ заглавиемъ: «*Les moyens d'arrêter la misère publique et d'acquitter les dettes des Etats*».

Время для поѣздки было неудачно выбрано въ томъ отношеніи, что сезонъ собраній по вторникамъ уже закончился и Мирабо собирался выѣхать въ свое имѣніе. Но тогда Дю Понъ лично сталъ излагать наслѣдному принцу ученіе физіократовъ, сначала устно, затѣмъ письменно. Эти письма Дю Пона впослѣдствіи были изданы Книсомъ. Съ этого времени и установились близкія отношенія между маркграфомъ и Дю Пономъ, вызвавшія продолжительный визитъ послѣдняго въ Карлсруэ, затѣмъ возведеніе его въ званіе маркграфскаго баденскаго надворнаго совѣтника и, наконецъ, баденскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при французскомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ. Зато вліяніе Шлеттвейна начало съ этого времени падать. Причины его отставки въ октябрѣ 1773 г. еще не вполнѣ выяснены. Послѣ нея онъ жилъ иѣ, которое время въ Вѣнѣ, затѣмъ у своего друга-физіократа Изелина въ Базель, пока не былъ приглашенъ наконецъ въ Гиссенъ (1777) во вновь основанный факультетъ государственного хозяйства. Кроме собственныхъ оригинальныхъ сочиненій, онъ издавалъ здѣсь также физіократическій журналъ «*Archiv für den Menschen und Bürger in allen Verhältnissen*». Въ 1785 г. Шлеттвейнъ оставилъ свою профессуру и переселился въ мекленбургское имѣніе Безеритцъ, доставшееся его женѣ по наслѣдству. Онъ умеръ въ 1802 г. приват-доцентомъ въ Грейфсвальдѣ. Его дочь была матерью Родбертуса. Шлеттвейнъ безусловно самый выдающійся нѣмецкій физіократъ. И въ то же время онъ былъ самымъ фанатичнымъ приверженцемъ ученія объ исключительности *ordre naturel*. Когда франкfurteцъ I. Г.

Шлоссеръ (шуринъ Гёте)¹⁾, приглашенный на баденскую службу, отвѣтилъ однажды на предложеніе Шлеттвейна ввести свободу промышленности въ баденскихъ земляхъ, что реформа можетъ быть проведена только постепенно, Шлеттвейнъ горячо возражалъ на это: если что-нибудь признано несправедливымъ, оно должно быть отмѣнено немедленно и безъ всякихъ колебаній; только дѣти могутъ поступать иначе. Неудивительно, что Шлеттвейнъ терпѣлъ неудачу въ своихъ практическихъ предпріятіяхъ, хотя онъ и утверждалъ всю жизнь, что всѣ его опыты удались. Впрочемъ, слѣдуетъ ему отдать справедливость: его преемники въ Баденѣ не были счастливѣе его самаго. Въ 1776 г. Карль-Фридрихъ призвалъ къ себѣ на службу для продолженія дѣла Шлеттвейна финансиста *Charles de Butré*, рекомендованного ему Мирабо; но дѣла стали итти еще хуже, чѣмъ прежде, и князь увидѣлъ себя принужденнымъ восстановить вездѣ старый порядокъ, что и было сдѣлано рескриптомъ отъ 25 февраля 1795 г. Два года спустя (1797) *Butré*²⁾ также оставилъ Баденскую службу. Попытка ввести физіократическую систему, предпринятая съ такимъ энтузіазмомъ, потерпѣла полное фиаско.

Наряду съ этими южными представителями физіократіи, стремившимися преимущественно къ практическому осуществленію теоріи, въ Германіи существовала еще сѣверная вѣтвь, занимавшаяся исключительно литературной разработкой ученія. Во главѣ ея стоитъ *Яковъ Мовильонъ* (*Manvillon*), бывшій сначала профессоромъ военно-инженернаго дѣла въ Кассельскомъ, а затѣмъ преподавателемъ тактики и политики въ Брауншвейгскомъ *Carolinum*. Сынъ француза, поселившагося въ Лейпцигѣ въ качествѣ учителя языковъ, онъ хорошо зналъ французскій и нѣмецкій языки, и началъ свою литературную дѣятельность переводами съ французскаго. Въ числѣ книгъ, переведенныхъ имъ (1775), была и работа Тюрго «*Réflexions sur la formation et la distribution des richesses*»; она-то сдѣлала его приверженцемъ новаго ученія. Въ 1776 и 1777 годахъ онъ издалъ «*Sammlung von Aufsätzen über Gegenstände aus der Staatskunst, Staatswirtschaft und neuesten Staatengeschichte*» въ 2 т. Это сочиненіе имѣетъ литературно-историческое значеніе, такъ какъ въ немъ впервые вмѣсто выражений «*économistes*» и «*science économique*», которыми пользовались Кэнэ и его французскіе ученики, встрѣчаются термины «фізіократы» и «система фізіократовъ»: авторъ воспользовался заглавіемъ сборника сочиненій Кэнэ «*Physiocratie*», изданнаго Дю Пономъ (1767). Мовильонъ посвятилъ книгу своему тогдашнему коллегѣ *Дому* (C. W. Dohm), профессору камеральныхъ наукъ въ Кассельѣ, приглашая его высказаться по по-

¹⁾ Смотри о немъ *E. Gothein*, Joh. Georg Schlosser als badischer Beamter. *Neujahrsblatt der Badischen Historischen Kommission*, Heidelberg 1890.

²⁾ О *Butré* см. въ особенности: *Rodolphe Reuss*, *Charles de Butré, un physiocrate tourangeau en Alsace et dans le Margraviat de Bade*, Paris 1887,

воду новаго учения. Домъ отвѣтилъ ему статьей «Ueber das physiokratische System», помещенной въ 1778 г. въ «Deutsches Museum». Мовильонъ возразилъ книгою «Physiokratische Briefe an den Herrn Professor Dohm» (1780), главной его работой въ этой области. Мовильонъ и Домъ не были единственными участниками спора, кроме нихъ отмѣтимъ: *Пфейфферъ*, впослѣдствіи профессоръ камеральныхъ наукъ въ Майнцскомъ университетѣ, своимъ сочиненіемъ «Der Antiphysiokrat (1780), далѣе *К. Ф. Фюрстенау* («Versuch einer Apologie des Physiokratischen Systems», 1779), *Е. Шпрингеръ* («Ueber das Physiokratische System», 1780). Примирающу позицію стремился занять *Г. А. Вилль* въ своемъ «Versuch über die Physiokratie, deren Geschichte, Litteratur, Inhalt und Wert» (1782) и т. д. Всѣ эти книги имѣютъ тотъ недостатокъ, что авторы ихъ или вовсе не были знакомы съ французскими оригиналыми сочиненіями или же плохо знали ихъ. Впослѣдствіе этого встрѣчаются различныя недоразумѣнія. Самъ Мовильонъ сознается въ своихъ «Physiokratischen Briefe», что онъ читалъ лишь немногія оригиналыми сочиненія, и просить называть *Mauvillionisch* его уклоненія отъ системы, если таковыя встрѣчаются. И дѣйствительно, съ нимъ случилось подобное несчастье: онъ объединилъ классъ землевладѣльцевъ и производительный классъ сельскихъ хозяевъ, что совершенно противорѣчило учению физіократовъ. Такъ какъ противники, въ свою очередь, почерпали свои знанія о системѣ изъ изложенія Мовильона, то ошибки продолжали повторяться. Этотъ литературный споръ тѣмъ менѣе заслуживаетъ вниманія, что онъ не даль повода къ какимъ-либо практическимъ опытамъ. Когда впослѣдствіи «Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ» Адама Смита, появившееся въ 1776 г., сдѣлалось известнымъ и въ Германіи, интересъ къ системѣ физіократовъ исчезъ самъ собой.

Довольно благопріятную почву идеи физіократовъ нашли и въ *Швейцаріи*. Независимо отъ нихъ здѣсь уже было положено начало заботамъ о земледѣліи. «Oekonomische Gesellschaft in Bern», основанное въ 1759 г., назначило премію за лучшую работу о «vorzügliche Notwendigkeit des Getreidebaues»; это дало поводъ Мирабо написать свою работу, въ которой впервые было возвѣщено болѣе широкому кругу читателей учение о «produit net», содержащееся въ законченной къ тому времени «Tableau économique» (1758). Хотя на основаніи рѣшенія 2 февраля 1760 г. Мирабо и не получилъ преміи за свое сочиненіе, такъ какъ оно было признано слишкомъ мало соответствующимъ реальнымъ Швейцарскимъ условіямъ, но работа удостоилась почетнаго отзыва. Въ то же время авторъ ея былъ избранъ почетнымъ членомъ общества¹⁾. Изъ числа учениковъ

¹⁾ Смотри мое сочиненіе: „Der ältere Mirabeau und die Oekonomische Gesellschaft in Bern“, Бернъ 1886, стр. 18 и слѣд.

Кэнэ это званіе получили впослѣдствіи еще Дю Понъ, Летронъ графъ д'Альбонъ, а также и маркграфъ Карлъ Фридрихъ Баденскій. Общество не перешло, однако, вполнѣ на сторону школы физіократовъ. Начиная съ 1766 г. имъ руководилъ Альбрехтъ фонъ-Галлеръ, вернувшись изъ Геттингена въ Бернъ. Будучи противникомъ Кэнэ въ области физіологии, онъ стоялъ въ общемъ гораздо ближе къ его экономическимъ воззрѣніямъ. Въ тѣ два года (1770 и 1771), когда онъ предсѣдательствовалъ, въ Ивердонѣ (Yverdon) была напечатана шестнадцати-томная «Encyclop die Oeconomique»; она состояла почти исключительно изъ перепечатокъ физіократическихъ и другихъ, родственныхъ имъ по духу, статей энциклопедіи Дидро-Д'Аламбера; на заглавномъ листѣ этого изданія стояло замѣчаніе: «Le tout revu par quelques membres de la Soci t  o economique de Berne». Въ предисловіи и въ отдѣльныхъ статьяхъ восхваляются заслуги Кэнэ, Мирабо и др. въ дѣлѣ развитія экономической науки. Только въ дѣлѣ восхваленія монархического просвѣщенія деспотизма авторы словаря, по ихъ словамъ, не могли следовать ихъ примѣру. Этотъ вопросъ вообще серьезно обсуждается въ письмахъ Мирабо и Летрона, сохранившихся въ архивѣ общества.

Если отношенія къ Бернскому Экономическому Обществу никогда не становились особенно близкими, то французскіе физіократы могли найти удовлетвореніе въ той особенной сердечности, съ которой новое ученіе было встрѣчено въ Базельѣ.

Секретарь базельского городского управлениія, Исаакъ Изелинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ филантроповъ—энтузіастовъ, которыхъ знало такъ много восемнадцатое столѣтіе. Сначала юристъ, онъ впослѣдствіи отдался философскимъ и историческимъ занятіямъ, къ которымъ питалъ особую склонность; въ этой области онъ приобрѣлъ значеніе. Въ 1755 г. Изелинъ издалъ свое первое сочиненіе «Patriotische und Philosophische Trume eines Menschenfreundes»; въ немъ мы находимъ важнѣйшія мысли, позднѣе болѣе подробно разработанныя въ его «Geschichte der Menschheit», 1762 г. Это сочиненіе претендуетъ на значеніе философіи исторіи; идеей, проходящей красной нитью черезъ исторію, Изелинъ считаетъ «движение человѣчества отъ крайней несложности (Einfalt) ко все болѣе увеличивающейся степени просвѣщенія и благосостоянія». Въ дѣйствительности, этотъ трудъ содержитъ въ себѣ лишь самыя общія соображенія, имѣющія только слабое отношеніе къ самой исторіи и подвергшіяся справедливой отрицательной критикѣ Гердера. Изелинъ рѣзко измѣнилъ свой образъ мыслей со времени первого знакомства съ сочиненіями физіократовъ. Это впервые нашло выраженіе въ статьѣ «Versuch  ber die gesellige Ordnung» (1772); продолженіемъ ея служитъ книга «Trume eines Menschenfreundes» (1776 г.; не смѣшивать съ сочиненіемъ того же названія, но совершенно отличного содержанія, появившемся въ 1755 г.). «То были лишь впе-

чатлънія юноши, пишеть онъ въ предисловіи, которыя въ свое время могли оказать нѣкоторую пользу тѣмъ читателямъ, для которыхъ они были предназначены... Пусть они по заслугамъ будутъ преданы забвению, добычей котораго сдѣлалось безчисленное число книгъ того же рода». Зато въ настоящее время онъ намѣренъ обратить вниманіе своихъ современниковъ на важныя истины; и онъ льстить себя надеждой, что они окажутся гораздо болѣе соотвѣтствующими потребностямъ читателей, чѣмъ были въ свое время его мечтанія (Träume). Объ этомъ своемъ переломѣ Изелинъ передаетъ слѣдующее: Свѣдущій (*geschickter*) человѣкъ познакомилъ его съ нѣкоторыми старѣйшими сочиненіями такъ называемыхъ французскихъ экономистовъ. Они были написаны въ высшей степени неясно и это долго мѣшало ему оценить по заслугамъ содержащіяся въ нихъ истины; тотъ жаръ, съ которымъ нѣкоторые защитники этихъ истинъ прославляли ихъ открытие передъ своими читателями, всегда казался ему скорѣе шарлатанствомъ, чѣмъ тѣмъ, достойнымъ уваженія, усердіемъ, которое наполняетъ души благородныхъ борцовъ за истину. «Но къ моему счастью, нѣсколько лѣтъ спустя, Эфемериды этого гражданина попали въ мои руки. Я нашелъ изложенія тамъ части экономического ученія настолько блестящими, столь связными и настолько совпадающими съ моими собственными чувствами, что я рѣшился еще разъ изслѣдовать тѣ принципы, на основаніи которыхъ авторы статей, помѣщенныхъ въ Эфемеридахъ, строили по ихъ увѣренію свои выводы». Тутъ словно завѣса спала съ его глазъ. «Ученіе о чистомъ доходѣ, которое столь естественно и которое, тѣмъ не менѣе, до г. Кэнэ никто не сумѣлъ какъ слѣдуетъ развить или использовать, казалось мнѣ самымъ важнымъ открытиемъ, сдѣланнымъ когда-либо въ области экономическихъ изслѣдованій; и авторъ новой истины сталъ въ моихъ глазахъ тѣмъ, чѣмъ для математика является Ньютона».

Этотъ разсказъ есть въ то же время и исторія обращенія большинства остальныхъ приверженцевъ Кэнэ. Ничто не заражаетъ болѣе, чѣмъ энтузіазмъ. Если вамъ удалось завладѣть чувствомъ, то вы подчините себѣ вскорѣ и разумъ. Воодушевленіе Изелина было такъ велико, что онъ рѣшилъ основать нѣмецкій ежемѣсячный журналъ того же направленія, какъ «*Ephémérides*». Это были «*Ephemeriden der Menschheit*», начавшій выходить въ свѣтъ въ 1776 г. Въ немъ сотрудничали почти всѣ нѣмецкіе писатели-сторонники новаго ученія. Послѣ смерти Изелина 1782 г. редакторомъ журнала сталъ Г. В. Беккеръ, профессоръ дрезденской дворянской гимназіи. Но подъ его руководствомъ журналъ продолжалъ существовать лишь недолгое время.

И Изелинъ не былъ вполнѣ ортодоксальнымъ приверженцемъ ученія. Такъ, онъ требовалъ, чтобы единый налогъ не былъ пропорциональнымъ, а скорѣе прогрессивнымъ. Кроме того, въ хлѣбной торговлѣ онъ стоялъ за устройство общественныхъ хлѣбныхъ мага-

зиновъ, которые осуждали Кэнэ. Въ остальномъ онъ былъ почти такъ же радикаленъ, какъ и его другъ Шлеттвейнъ. Онъ считалъ вполнѣ очевиднымъ, что то, что върно въ Китаѣ, должно быть върнымъ и въ Санъ-Марино и т. д. Высшимъ руководящимъ принципомъ было для него положеніе: «Увеличеніе средствъ пропитанія при возможно меньшихъ издержкахъ производства, подъемъ сельского хозяйства при помощи справедливой и выгодной оплаты продуктовъ, наибольшій допускаемый этическими и физическими требованіями чистый доходъ, являются первыми условіями истиннаго экономического благосостоянія ¹⁾». Въ противоположность свомъ коллегамъ изъ Бернскаго Экономического Общества, Изелинъ относился съ симпатіей къ монархической формѣ правленія. Въ картинѣ идеального государства, изображенной имъ въ концѣ его «Träume», онъ старается соединить преимущества монархической и республиканской организаций. По его мнѣнію «государь желающій только добра и разумно стремящійся къ нему, можетъ пользоваться самимъ неограниченнымъ авторитетомъ при республиканской формѣ правленія. Въ республикѣ гражданинъ можетъ оставаться полнымъ рабомъ ²⁾). Какъ истый сынъ своего времени Изелинъ придаетъ весьма большое значеніе воспитанію. Кэнэ и Базедовъ являются въ его глазахъ величайшими благодѣтелями человѣческаго рода. «Дайте народу наисовершеннѣйшую форму правленія, но пусть этотъ народъ будетъ недостаточно добродѣтенъ, и свобода у него невозможна» ³⁾.

Ни въ Базель, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ въ Швейцаріи дѣло не дошло до практической попытки провѣрить ученіе на опыте.

Иначе развивалась физіократія въ болѣе южномъ государствѣ, гдѣ тоже нашелся государь, взявший ученіе подъ свое покровительство: въ *Италии*. Когда братъ императора Іосифа II, Леопольдъ, наследовалъ въ 1765 г. родительскій престолъ великаго герцогства Тосканскаго, онъ случайно приобрѣлъ ministra *Помпео Нери*, горячаго поклонника французскихъ экономистовъ, пользовавшагося уже известностью писателя-экономиста. Болѣе осторожный членъ Іосифъ II, Леопольдъ ревностно заботился, однако, подобно брату, о благѣ человѣчества; онъ позволилъ убѣдить себя провести въ своей странѣ реформу въ духѣ физіократіи. Вывозъ хлѣба былъ облегченъ, косвенные налоги были преобразованы и ограничены, а прямые налоги велико было слить въ единую «Tassa di redenzione». Къ этому присоединился грандиозный планъ погашенія государственного долга,

¹⁾ *Träume eines Menschenfreundes*, Karlsruhe, 2 Aufl., B. I, S. 187.

²⁾ Ibidem, Bd. II, S. 303.

³⁾ Ibidem, S. 351. Сравни объ Изелинѣ: A. v. Miaskowski, Isaak Iselin, Basel 1875; затѣмъ мою статью Iselin въ Paigrares Dictionnary.

мысль о которомъ ему подаѣь сенаторъ *Джіанни* (*Gianni*). Государственные долги были конвертированы въ единый долгъ и были обеспечены непосредственно единымъ налогомъ: каждый землевладѣлецъ долженъ былъ капитализировать приходившуюся на его долю часть налога по $3\frac{1}{2}\%$ и внести эту сумму въ казначейство государственными облигациами. Полагали, что этимъ путемъ можно будетъ безъ труда освободить государство отъ бремени долговъ. Но и здѣсь предпріятіе встрѣтило затрудненія, и когда Леопольдъ оставилъ Тоскану, чтобы наслѣдовать по смерти Іосифа II (1790) престолы Австріи и Германіи, въ Тосканѣ былъ возстановленъ прежній порядокъ (эдиктъ отъ 27 сент. 1794 года). Свои мысли о реформѣ Леопольдъ велѣлъ изложить въ запискѣ «Governa della Toscana, sotto il regno di Leopoldo II» (1790); ее переводъ впослѣдствіи (1795 г.) на нѣмецкій языкъ подъ заглавиемъ «Die Staatsverwaltung von Toscana unter der Regierung Leopolds II» гиссенскій профессоръ *Crome*, преемникъ Щюттвейна по каѳедрѣ камеральныхъ наукъ. Когда Леопольдъ сталъ императоромъ, его мысли были слишкомъ заняты политическими событиями того времени, чтобы онъ могъ даѣе предаваться своей склонности къ физіократіи. Онъ умеръ въ 1792 г.

Наряду съ этимъ въ Тосканѣ и въ другихъ мѣстахъ Италии выросла физіократическая литература. Мы уже замѣтили, что эта литература не вполнѣ ортодоксальна, но она сумѣла усвоить себѣ новые цѣли. Первымъ слѣдуетъ здѣсь назвать тосканского писателя *Бандини*; его жизнь относится ко времени, предшествовавшему появлению физіократовъ, но онъ съ энтузіазмомъ присоединился къ идеямъ Бугагильбера, предшественника послѣднихъ, которыя онъ защищалъ въ своемъ «Discorso Economico» (написано и представлено великому герцогу Францу въ 1735 году, напечатано только въ 1775 г.). Совершенно послѣдовательнымъ физіократомъ является флорентинецъ *Паолетти* въ своемъ сочиненіи «Pensieri sopra l'agricoltura» (1769); но и у него, какъ и у *Нери*, государственного дѣятеля и автора «Discorso sopra la materia frumentaria» (1767), встрѣчаются чѣмокото ряя меркантилистическая воззрѣнія. Даѣе слѣдуетъ назвать: *Beccaria*, *Filangieri*, *Briganti*, *Verri*, *Carli*, *Arco* и др.; всѣ они эклектики и колеблются между меркантилизмомъ и физіократіей. Извѣстной оригинальностью отличаются воззрѣнія *Джіаммаріа Ортеса* (*Giammaria Ortes*), автора сочиненія «Errori populari intorno all'Economia nazionale», изданного въ 1774 г. Въ немъ впервые употребляется обыденное въ настоящее время название политической экономіи—национальная экономія. Въ другой своей книгѣ «Riflessioni sulla Populazione» (1790) Ортесъ является прямымъ предшественникомъ Мальтуса, поскольку онъ защищаетъ положеніе, что народонаселеніе имѣть тенденцію возрастать въ геометрической прогрессіи, въ то время, какъ ростъ богатства совершается медленнѣе. Отсюда выводится необходимость бороться съ

соціальними бѣдствіями благоразумной умъренностию и добровольнымъ безбрачіемъ¹⁾.

Появленіе физіократіи въ одномъ изъ съверныхъ государствъ, въ Польшѣ, носило опять-таки своеобразный характеръ. Сношенія французовъ съ аристократіей этой страны начались довольно рано. На первомъ мѣстѣ называются обыкновенно графа Хрептовича, литовскаго канцлера, завязавшаго сношенія съ Кэнэ во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ въ Парижъ; его считаютъ ученикомъ французскаго экономиста. Даѣе слѣдуетъ князь Массальскій, епископъ Виленскій, предложившій Бодо въ маѣ 1768 года пріѣхать въ Польшу. Бодо приглашеніе принялъ; это обстоятельство и было причиной уступки Дю Пону поста редактора «*Ephémérides*», который до того времени онъ занималъ самъ. Говорятъ, что этотъ князь Массальскій во время своего второго посѣщенія Парижа взялъ съ собой въ 1773 г. въ Польшу на одинъ годъ внука Кэнэ, Quesnay de Saint-Germain; послѣдній пользовался здѣсь, по свидѣтельству Дю-Пона, особенной благосклонностью короля Станислава Понятовскаго²⁾. Кроме того въ физіократической литературѣ упоминаютъ о графахъ Замойскомъ, Любомирскомъ, Водзицкомъ, Мишкѣ, Весѣловскомъ и др. Дѣло въ томъ, что послѣ первого раздѣла Польши въ 1772 г., когда принялись за внутреннюю реформу растерзаннаго государства, взоры патріотовъ обратились къ единственной научной системѣ управления того времени, имѣвшей къ тому еще то преимущество, что она выходила изъ обожаемой Франціи. Дю Понъ былъ приглашенъ въ качествѣ воспитателя дѣтей графа Чарторійскаго, двоюроднаго брата короля, а также въ качествѣ его личнаго секретаря. Дю Понъ неохотно покинулъ свой мілый Парижъ въ началѣ 1774 г. Едва лишь онъ прибылъ въ Варшаву, какъ получилъ извѣстіе о возвращеніи Тюрга и вскорѣ затѣмъ былъ отозванъ назадъ, чтобы стать во главѣ учрежденнаго Тюрга литературнаго бюро, въ которое вступили также Бодо, снова вернувшійся въ Парижъ, и Quesnay de Saint-Germain.

Однако, дѣло не дошло до осуществленія на практикѣ физіократическихъ проектовъ. Все таки, быть можетъ, въ основѣ такъ назы-

¹⁾ Сравни статью „Ortes“ въ Palgraves Dictionary, затѣмъ тамъ же статью „Italian School of Economics“ и L. Cossa, Introduzione etc. chap. VII. Болѣе подробный описанія реформъ въ Тосканѣ находятся у Zobi, Manuale storico degli ordinamenti economici in Toscana, Florenz 1847; Baldasseroni, Leopoldo II, Granduca di Toscana e i suoi tempi, Florenz 1871; Abele Morena, Le riforme e le dottrine economiche in Toscana, въ флорентинской „Rassegna Nationale“ 1886—87 г. Сравнительный обзоръ попытокъ ввести физіократический единий налогъ находится въ сочиненіи Roger Dollfus'a, Ueber die Idee der einzigen Steuer, Basel 1897.

²⁾ Du-Pont, Nécrologue de M. Quesnay de Saint-Germain, petit fils du Docteur Quesnay, напечатано въ „Oeuvres de Quesnay“, приложеніе, стр. 805 и слѣд.

ваемаго «пожертвованія десятаго гроша», даннаго конституцієй 3 мая 1791 г., лежала идея единаго налога. Но это былъ въ дѣйствительности подоходный налогъ, въ смыслѣ «королевской десятины» Вобана, а не «impt unique», какъ понималъ его Кэнэ.

Зато въ области научнаго развитія физіократическихъ ідей польская литература имѣетъ довольно крупное значеніе. Въ своей работе «Der Physiokratismus in Polen»¹⁾ Julius Marchlewski сообщаетъ объ этомъ подробныя свѣдѣнія. На первомъ планѣ стоитъ профессоръ этики и естественнаго права краковскаго университета Антонъ Поплавскій, сочиненіе котораго «Собраніе нѣсколькоихъ политическихъ матерій» (1774) примыкаетъ къ «Première introduction à la philosophie économique» Бодо; Бодо, быть можетъ, и побудилъ Поплавскаго написать эту книгу. Да же слѣдуетъ назвать профессора естественнаго права виленской академії Геронима Стройновскаго, сочиненіе котораго «Ученіе естественнаго права, политическаго права, политической экономіи и международнаго права» (1785) обнаруживается, однако, уже вліяніе Адама Смита; однофамилецъ этого автора, депутатъ и чиновникъ, Валеріанъ Стройновскій, напротивъ того, пытается въ своей «Общай національной экономії» (1816) защитить систему физіократовъ отъ критики Адама Смита. Горячаго приверженца физіократіи нашла въ лицѣ политическаго дѣятеля Гуго Коллонтая: его книга «Физический и нравственный порядокъ или наука о правахъ и обязанностяхъ людей, вытекающихъ изъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ и необходимыхъ законовъ природы» (1810) весьма близка къ воззрѣніямъ Кэнэ. Здѣсь, какъ и повсюду за границей, физіократія не выступаетъ въ совершенно чистомъ видѣ.

Намъ слѣдуетъ еще коснуться Швеціи. Густавъ III, будучи еще наслѣдникомъ, пріѣхалъ въ Парижъ со своимъ воспитателемъ барономъ и впослѣдствіи графомъ Карломъ фонъ-Шефферомъ въ такое время, когда экономические дебаты начали становиться все болѣе оживленными. Онь завязалъ сношенія съ Мирабо и его кружкомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ группой энциклопедистовъ. Эти сношенія не прекратились и тогда, когда молодой король вернулся на родину и въ 1772 г. совершилъ изящно выполненный государственный переворотъ, низвергнувшій господство знати и установившій въ Швеціи правленіе въ формѣ просвѣщенаго абсолютизма. Это вполнѣ соответствовало желаніямъ физіократовъ и они никогда не скрывали симпатій къ этой «révolution bienfaisante». Установилась постоянная переписка между Мирабо, Дю Пономъ, Бодо и др. въ Парижѣ, съ одной стороны, и графомъ Шефферомъ въ Стокгольмѣ — съ другой. Эта переписка была недавно найдена въ Капенгагенѣ дат-

¹⁾ Zürich, J. Schabelitz, 1896.

скимъ ученымъ Биргеромъ Ганстедомъ (Birger Hansted). Изъ нея видно, что курсъ учения, который Дюпонъ посыпалъ наследному принцу Баденскому въ Карлсруэ, отправлялся и графу Шефферу въ Стокгольмъ, а тотъ уже передавалъ его королю. Эти письма (они еще не напечатаны, но я имѣлъ возможность ихъ просмотрѣть) содержать сообщенія о фактахъ, которые до сихъ поръ не были известны. Въ то время, какъ маркизъ де-Мирабо въ своихъ безчисленныхъ письмахъ сохранялъ достоинство дворянина, о поведеніи Дю Пона, Бодо и др. нельзя сказать того же. Всѣ они въ большей или меньшей степени являются попрошайками. То они въ униженной формѣ добиваются ордена Вазы, который (въ августѣ 1772 г.) получилъ уже Мирабо, то они прямо просятъ о денежной поддержкѣ. Такъ Дю Понъ подтверждаетъ однажды получение 1000 ливровъ, Бодо требуетъ за «idée maieure dont l'exécution serait utile aux opérateurs, à leur patrie, à l'Europe, à l'humanité», трехъ вещей, а именно: 1) единовременного вознагражденія, 2) пожизненной пенсіи, 3) медаль ордена Вазы. Неизвестно, было ли принято это предложеніе.

Сочиненіе Мерсье де-ла-Ривьера «De l'instruction publique» (1775) было написано по инициативѣ шведского двора; содержаніе переписки съ Мирабо также касается, главнымъ образомъ, вопроса народного просвѣщенія. До реальнаго вліянія физіократическихъ идей на шведское законодательство дѣло кажется не дошло. Ничего неизвестно до сихъ поръ о самостоятельной физіократической литературѣ въ скандинавскихъ государствахъ. Но было бы все же желательно, чтобы нашелся научный изслѣдователь этой вѣтви физіократіи, который собралъ бы разсѣянныя здѣсь сѣмена ученія.

Въ другихъ европейскихъ государствахъ физіократія не пустила глубокихъ корней. Называютъ обыкновенно въ числѣ приверженцевъ ученія императора Іосифа II и можно дѣйствительно привести кой-какія свидѣтельства его симпатій къ земледѣлію. Сюда относятся, напр., фактъ собственноручного веденія плуга въ Моравіи 19 августа 1769 года, а также нѣсколько замѣчаній въ физіократическомъ духѣ. Такъ, въ собственноручномъ письмѣ отъ 1783 г. къ министру Коловрату (этимъ посланіемъ планируется въ Австріи всеобщая реформа налоговой системы) говорится слѣдующее: «земля есть единственный источникъ, изъ которого все исходить и къ которому возвращается все, что служить къ поддержанію жизни людей. Время здѣсь ничего не измѣняетъ, государственное благо должно стоять выше противодѣйствующихъ законовъ и государственныхъ установленій, площадь обрабатываемой земли должна нести все бремя налоговъ. Налоги на предметы потребленія сохраняются только въ главныхъ городахъ. Доходность земли опредѣляется среднимъ урожаемъ, разсчитаннымъ за десять лѣтъ. Устанавливается всеобщая и равномѣрная обязанность землевладѣльцевъ платить налоги. Прежде всего долженъ быть обновленъ

кадастръ»¹⁾. Шлёттвейнъ послѣ своего отъѣзда изъ Карлсруэ, оставался нѣкоторое время въ Вѣнѣ, въ надеждѣ получить должность у Іосифа II, но противодѣйствіе министровъ, противниковъ физіократіи, разрушило эту надежду. Характерно въ этомъ отношеніи, что указъ о налогахъ, изданный два года послѣ вышеупомянутаго письма (20 апреля 1785 г.), встрѣтилъ при своемъ введеніи такое сильное сопротивленіе, что даже пріемникъ Іосифа II, Леопольдъ II, приверженецъ физіократіи, отмѣнилъ его сейчасъ же по вступленіи на престолъ (1790 г.). Въ своей промышленной политикѣ Іосифъ вовсе не былъ приверженцемъ физіократическихъ идей. Въ этой области онъ былъ послѣдователемъ вѣнскаго меркантилиста Зонненфельса.

Мы говорили уже выше, что императрица Екатерина II, въ концѣ концовъ, отклонила попытку князя Гозицкаго, русскаго посла въ Парижъ, навязать ей совѣтника въ лицѣ Мерсье де-ла-Ривьера. О первой и, собственно говоря, единственной встречѣ Екатерины съ Мерсье де-ла-Ривьеромъ Thiébault передаетъ слѣдующее: «Можете ли вы мнѣ указать, спросила императрица, лучшіе пути для того, чтобы хорошо управлять государствомъ?»—«Есть только одинъ путь, государыня, отвѣчалъ ученикъ Кэнэ, а именно, быть справедливымъ, т.-е. поддерживать порядокъ и добиться исполненія законовъ».—«Но на какой основѣ должны покончиться законы государства?»—«Только на одной, государыня, на природѣ вещей и людей».—«Конечно, но если хочешь дать народу законы, какими правилами слѣдуетъ предпочтительно руководствоваться при этомъ?»—«Государыня, издавать законы, это задача, которую Богъ удержалъ за собой. Какъ можетъ человѣкъ считать себя способнымъ предписывать законы существамъ, которыхъ онъ или вовсе не знаетъ или же знаетъ очень поверхностно! И по какому праву онъ сталъ бы давать законы людямъ, власть надъ которыми ему не предоставлена Богомъ?»—«Къ чему же сводится по вашему наука объ управлѣніи?»—«Къ тому, чтобы изучать, открывать и выяснять законы, которые Богъ явнымъ образомъ вложилъ въ природу человѣка, создавая его. Пытаться выйти за предѣлы этого было бы большимъ несчастиемъ и пагубнымъ предпріятіемъ».—«Милостивый государь, я очень рада, что имѣла случай услышать васъ и желаю вамъ всего лучшаго».

Этотъ разсказъ былъ навѣрное вымысленъ противниками Мерсье. Но онъ тѣмъ не менѣе характерно выражаетъ его точку зренія. Мерсье также принадлежалъ къ числу людей, полагавшихъ, что нѣть надобности заботиться объ «Ordre positif»; это косвенно выражено въ заглавіи главнаго его сочиненія, по которому въ книгѣ идетъ рѣчь только объ «Ordre naturel et essentiel des Sociétés politiques».

¹⁾ Цитировано въ: Oesterreich unter Maria Theresia, Joseph II und Leopold II von A. Wolf und H. von Zwiedineck-Südenhorst, Berlin 1884, стр. 274.

Князь Голицынъ остался ревностнымъ посѣтителемъ собраний по вторникамъ у Мирабо. Онъ написалъ впослѣдствіи двухтомный трудъ, заглавіе которого выдаетъ его апологетический характеръ; оно гласитъ: «*De l'esprit des économistes, ou les économistes justifiés d'avoir posé par leurs principes les bases de la révolution française*» (1796). Насколько мнѣ известно, это единственная книга съ физіократическимъ содержаніемъ, написанная русскимъ.

На второмъ планѣ въ числѣ приверженцевъ ученія называются также Карла III Испанскаго и Фердинанда Неаполитанскаго. Всего холоднѣе ученіе было встрѣчено въ Великобританіи. Это вполнѣ понятно; и по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, Великобританія вовсе не находилась въ то время въ духовной зависимости отъ Франціи, подобно континентальнымъ странамъ; напротивъ, скорѣе Франція старалась въ это время слѣдовать британскому образцу. Затѣмъ, и въ экономическомъ отношеніи Великобританіи не приходилось, подобно Франціи, охранять земледѣліе отъ неблагопріятствовавшаго ему законодательства. «*The landed interest*» тогда господствовалъ еще въ Англіи и хлѣбный законъ 1689 г. вполнѣ обеспечивалъ аграрные интересы. Поэтому-то британскіе авторы, какъ напр. Юмъ, Адамъ Смітъ, Артуръ Юнгъ, говоря о физіократической или земледѣльческой системѣ, какъ ее называли въ Британіи, всегда упрекаютъ ее въ односторонности. Насколько мнѣ известно, физіократовъ въ Британіи вовсе не было.

Изъ всего сказанного слѣдуетъ, что школа физіократовъ за границей стоитъ въ такомъ же отношеніи къ школѣ физіократовъ во Франціи, въ какомъ послѣдняя стоитъ къ ученію самаго Кэнэ. Мы встрѣчаемъ здѣсь еще большее обезцвѣчиваніе, шаблонизированіе, даже прямое смыщеніе понятій, доходящее до того, что авторы не замѣчаютъ, какія идеи они заимствовали у меркантилистовъ. Вполнѣ понятно поэтому, что публика видѣла въ системѣ физіократовъ только произволъ и абсурдъ, въ лучшемъ же случаѣ ненаучную поверхностность. Вѣдь еще во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка одинъ нѣмецкій ученый полагалъ, что заблужденія физіократовъ являются послѣдствіемъ «лишенаго всякаго идеяного содержанія наблюденія надъ сельскимъ хозяйствомъ того времени»¹⁾). Онъ, конечно, не имѣлъ никакого понятія о дѣйствительномъ содержаніи ученія Кэнэ²⁾. Между тѣмъ и въ самомъ отечествѣ появилось сильное против-

¹⁾ v. *Sivers, Turgots Stellung in der Nationalökonomie*, Jena 1874, стр. 13.

²⁾ Смотри еще о школѣ физіократовъ *H. Higgs, The Physiocrats, six lectures on the French Economists of the 18-th Century*, London 1897 (Русскій переводъ съ англійскаго О. Ю. Гофмана подъ редакціей Струве Г. Гиггеса. Физіократы. Французскіе экономисты XVIII вѣка. Спб. 1899, изданіе О. Н. Поповой). Далѣе *Lexis*, статья „Physiokratische Schule“ въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*; *G. Schelle, Dupont de Nemours et l'école physiocratique*, Paris 1888.

ное течеіе, разраставшееся какъ лавина и приведшее въ концѣ концовъ къ борьбѣ, захватившей не только всю Францію, но и Европу.

d. *Противники во Франціи.* 1767 годъ имѣлъ для распространенія ученія огромнѣйшее значеніе. Не только потому, что съ этого года стали выходить въ свѣтъ «*Ephémérides du Citoyen*» въ качествѣ официального органа партіи; но тогда же появились и два важныхъ труда: «*L'Ordre naturel et essentiel des Sociétés politiques*» Мерсье де-ла-Ривьера и два первыхъ тома «*Physiocratie*» Дю Пона со статьями Кэнэ. Въ особенности первая изъ названныхъ книгъ вызвала сильный интересъ благодаря популярному изложенію. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разошлось, какъ говорятъ, 3000 экземпляровъ. Такой успѣхъ вызвалъ немедленно появленіе возраженій.

Первымъ, выступившимъ противъ нея, былъ не кто иной, какъ Вольтеръ. Отъ него не ускользало ничто, достойное насмѣшки, и вотъ, въ томъ же году онъ опубликовалъ сатиру «*L'Homme aux quarante écus*». Въ книгѣ Мерсье говорилось, что человѣкъ съ среднимъ ежегоднымъ доходомъ въ 40 талеровъ (120 ливровъ) можетъ не бояться нужды. Съ этого начинаетъ Вольтеръ. Въ формѣ діалога, который ведется между мелкимъ землевладѣльцемъ, обрабатывающимъ свою землю въ потѣ лица своего отъ ранняго утра до поздней ночи, и между крупнымъ городскимъ купцомъ, проѣзжающимъ въ экипажѣ, Вольтеръ выслушиваетъ требованія единаго налога на землю и свободы отъ налоговъ населенія, занимающагося городскими промыслами. Но Вольтеръ обнаруживаетъ здѣсь непониманіе одного важнаго пункта системы. Физіократы постулировали въ своихъ разсужденіяхъ существование такъ называемой «*grande culture*», где землевладѣльцы и землевладѣльцы образуютъ отдѣльные классы. Землевладѣльца, какъ такового, и физіократы хотѣли видѣть свободнымъ отъ податей. Только богатые землевладѣльцы, являющіеся исключительно политическимъ сословіемъ, должны бы нести расходы, необходимые для поддержанія политического строя.

Другое, болѣе серьезное возраженіе исходило отъ аббата Мабли (*Mably*), старшаго брата Кондильяка, болѣе близко стоявшаго къ экономистамъ, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Въ книгѣ «*Doutes proposés aux Philosophes économistes sur l'Ordre naturel et essentiel des Sociétés politiques*» (1768) Мабли останавливается на вопросѣ, дѣйствительно ли природѣ вещей отвѣчаетъ только частная собственность, какъ это утверждаетъ Мерсье, или же ей скорѣе соответствуетъ коллективная собственность. Ссылаясь на устройство Спарты и другихъ античныхъ общинъ, онъ решаетъ вопросъ въ пользу коммунизма. Мабли защищалъ эту точку зрѣнія и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: такъ, напр., въ книгѣ «*De la législation ou principes des loix*» (1776) и др. Онъ является однимъ изъ предшественниковъ современнаго коммунизма. Еще въ 1767 году Форбоннѣ въ своемъ двутомномъ

трудъ «Principes et observations économiques» выступилъ прямо противъ Talneau économique Кэнэ и пытался опровергнуть его, но онъ врядъ ли правильно понялъ то, на что возражалъ. Благодаря тому уважению, которымъ пользовался въ то время Форбоннэ, его книга, тѣмъ не менѣе, произвела на публику сильное впечатлѣніе. Въ томъ же духѣ написанъ былъ цѣлый рядъ памфлетовъ извѣстнаго въ то время журнального критика Linguet. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ является статья «Réponse aux doctrines modernes ou apologie pour l'auteur de la théorie des loix et des lettres sur cette théorie avec la refutation du système des philosophes économistes» (1771) ¹⁾.

Кульминаціоннаго пункта борьба эта достига въ юмористической статьѣ «Dialogues sur le commerce des blés» (1770) Галіани, автора упоминавшейся уже книги «Della Moneta» (1750), проживавшаго въ то время въ Парижѣ въ качествѣ секретаря неаполитанскаго посольства. Статья направлена прямо противъ Мирабо, хотя онъ и не названъ въ ней по имени. Просмотренная и исправленная въ стилистическомъ отношеніи Дидро, статья эта надѣла очечь много шума въ кругу французскихъ ученыхъ и привлекла на свою сторону тѣхъ, кого заражала своимъ смѣхомъ. Въ теоретическомъ отношеніи ее можно характеризовать, какъ реакцію со стороны «ordre positif», оставленнаго въ пренебреженіи Мирабо, противъ «ordre naturel». Практически она направлена противъ закона 1764 года, допустившаго для Франціи виѣшнюю торговлю хлѣбомъ. Въ цѣломъ она защищаетъ принципъ относительности противъ фанатического догматизма школы физіократовъ. Въ то время, какъ послѣдняя высказала ту мысль, что въ народно-хозяйственныхъ мѣропріятіяхъ мы имѣемъ дѣло съ «des plans uniformes, simples et propres à tous les climats et à toutes les nations» (Мирабо, Avertissement къ Бернскому Mémoire sur l'Agriculture), Галіани, наоборотъ, пытается доказать, что каждая нація нуждается въ своей особой экономической, а слѣдовательно и хлѣбной политикѣ въ зависимости отъ своего географического положенія и исторически выработанныхъ условій. Главная ошибка въ политикѣ заключается въ томъ, что средствами, первоначально вѣрными, пользуются и тогда, когда обстоятельства измѣнились. «Такъ, старикъ, который много жить и портить себѣ желудокъ, слѣдуетъ опыту и примѣру юности, не обращая вниманія на то, что онъ постарѣлъ. Распространите этотъ примѣръ на всѣ случаи жизни: на нравственные поступки человѣка, на государства, на правительства—и вы вездѣ найдете ту же ошибку». «Исторія, единственное и наиболѣе вѣрное изображеніе нравовъ прошедшихъ временъ, свидѣтельствуетъ о томъ, сколь полезны и мудры были многіе законы, которые теперь никуда не годны, такъ какъ они

¹⁾ Ср. A. Philipp, Linguet, ein Nationalökonom des XVIII Jahrhunderts, in seinen rechtlichen, socialen und volkswirtschaftlichen Anschauungen, Zürich 1896.

не соотвѣтствуютъ потребностямъ нашего времени! Будемъ же восторгаться мудростью нашихъ отцовъ и будемъ стараться подражать имъ, удовлетворяя требованіямъ *нашего времени*¹⁾. Какъ слѣдуетъ понимать эти слова, Галіани поясняетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Достаточно одного канала, чтобы измѣнить хлѣбную политику провинціи, даже цѣлаго государства. Великій Кольберъ издавалъ распоряженія, проектировалъ каналы, гавани и т. п. Быть можетъ, онъ ожидалъ только окончанія постройки этихъ сооруженій, чтобы затѣмъ отмѣнить свои распоряженія. Будемъ же подражать Кольберу, не слѣдя сѣ по за нимъ: между тѣмъ и другимъ есть разница, которой многіе не замѣ чаютъ. *Мы должны дѣлать то, что дѣлали бы Кольберъ въ настоящее время*²⁾. Такая концепція, по мнѣнію автора, равно устраниетъ, какъ слишкомъ высокую, такъ и слишкомъ низкую оцѣнку прошлаго. А именно въ послѣднемъ отношеніи новая школа преступаетъ всякия границы. «Всѣ наши новые писатели относятся къ законамъ нашихъ предшественниковъ съ крайнимъ пренебреженіемъ; съ ихъ словъ можно подумать, что наши предки бѣгали на четверенькахъ».

Аксіома, что земледѣліе является основой и источникомъ богатства всѣхъ странъ, выражена слишкомъ категорично и должна быть поэтому признана невѣрной. Существуютъ государства, которые живутъ исключительно своими мануфактурами; такова, напр., Женева. Но аксіома эта вѣрна въ примѣненіи къ большинству территоріальныхъ государствамъ, хотя и въ отношеніи къ нимъ неправильно положеніе, будто ввозу и вывозу хлѣба слѣдуетъ предоставить абсолютную свободу. Это зависитъ отъ организаціи народа, которой должны соответствовать всѣ законы страны. Во всякомъ случаѣ, законъ 1764 г. впалъ въ ошибку, сразу замѣнивъ абсолютное запрещеніе хлѣбной торговли полной ея свободой. Слѣдовало дѣйствовать постепенно и сначала въ видѣ переходной ступени ввести умѣренные охранительныя пошлины на ввозъ и вывозъ. Всѣ внезапныя перемѣны въ политикѣ опасны. Здѣсь дѣло обстоитъ такъ же, какъ въ искусствѣ кормчаго управлять кораблемъ. «Все искусство кормчаго сводится къ простому и краткому положенію: *nil repente*, ничего не дѣлай сразу! Чтобы благополучно путешествовать, нужно ставить паруса по вѣтру и лавировать; но если повернуть паруса слишкомъ быстро, вода можетъ хлынуть въ люки, корабль пойти ко дну,—и погибнетъ все: и цѣль и средство. Недостаточно еще знать, куда хочешь направиться, нужно также знать, какъ слѣдуетъ взяться за дѣло; и это лавирование и выборъ средствъ труденъ потому, что надо всегда избѣгать быстрыхъ движений и тоактовъ, совершая обходы и тѣмъ замедляя слишкомъ быстрое движеніе по прямому пути. Прямой путь кратчайший; но поэтому-то и слѣдуетъ удли-

¹⁾ См. стр. 3 и 16 нѣмецкаго перевода F. Blei'a, Bern K. J. Wyss 1895.

²⁾ Тамъ же, стр. 12.

нять его, чтобы успѣло пройти больше времени. Однако, эта тактика не уживается съ энтузіазмомъ, который хочетъ все сдѣлать сразу; онъ никогда не можетъ выжидать и сгораетъ отъ нетерпѣнія. Повѣрьте мнѣ, энтузіазмъ и искусство управления,—это антитезы. И если бы мы даже вошли въ гавань этой хваленой «Очевидности» (Evidenz) (допустимъ, что мы ее открыли), то и тогда мы не должны были бы отдавать корабль на волю вѣтра и волнъ, чтобы онъ не былъ опрокинутъ¹⁾. Что въ глазахъ Галіани, скрывающагося въ діалогѣ подъ именемъ Кавалера Zapobi, дѣлаетъ экономистовъ не только простоватыми, но и дѣйствительно опасными людьми, это именно ихъ честный энтузіазмъ. «Почему вы относитесь такъ отрицательно къ этимъ экономическимъ сочиненіямъ?», спрашиваетъ президентъ П. «Потому что ихъ авторы честные люди, увлеченные идеей всеобщаго счастья!», отвѣчаетъ на это Кавалеръ. «Это парадоксъ», восклицаетъ президентъ. Въ отвѣтъ на это Кавалеръ даетъ слѣдующее, въ психологическомъ отношеніи весьма тонкое объясненіе: «Добродѣтель, стремленіе дѣлать добро, есть такая же страсть, какъ и всѣ другія. Она встрѣчается рѣдко, но тамъ, где она находится, она слишкомъ пылка; ибо пока настъ возбуждаетъ стремленіе къ добру, настъ не удержать никакія разсужденія. Эта пылкость и горячность порождаютъ энтузіазмъ. Мы, не задумываясь, вѣряемся нашимъ стремленіямъ; мы и другихъ убеждаемъ горячностью рѣчей именно потому, что мы добродѣтельны. Мы не приводимъ вѣрныхъ доказательствъ, не обнаруживаемъ остраго ума, но мы обладаемъ горячей смѣлостью истины, прекраснымъ мужествомъ добродѣтели, огнемъ собственного убѣжденія — и этимъ увлекаемъ за собой другихъ, такъ какъ они не видятъ основанія не довѣрять намъ. Повѣрьте, шарлатановъ и мошенниковъ нечего бояться; въ короткое время они обнаруживаютъ свою истинную физіономію. Но берегитесь честнаго человѣка, если имъ овладѣло заблужденіе. Для него неѣть сомнѣній, и онъ стремится къ лучшему. Всякій довѣряетъ ему,—но къ сожалѣнію онъ ошибается въ средствахъ, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать людямъ добро»²⁾.

Эти возраженія Галіани прекрасно характеризуютъ школу физіократовъ. Но и Галіани отнюдь не требуетъ пренебрежительного отношенія къ земледѣлію. Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ предложенийъ, которыя онъ дѣлаетъ въ концѣ своей книги и которыя, по его мнѣнію, будутъ равно охранять и интересы промышленности, какъ потребителя сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и интересы земледѣлія. Должна существовать постоянная пошлина на вывозимый хлѣбъ и наряду съ ней перемѣнная пошлина на ввозимый. Размѣры послѣдней мѣняются въ зависимости отъ природнаго превосходства конкурирую-

¹⁾ Ibidem, стр. 183.

²⁾ Ibidem, стр. 180 и 181.

иціхъ странъ и условій транспорта. Высота ея должна регулироваться естественной для французского землепашца цѣной. «Естественной цѣной я называю ту, которую имѣеть хлѣбъ въ средніе по урожайности года, когда земледѣлецъ можетъ извлечь отъ продажи хлѣба столько, сколько необходимо для уплаты налоговъ государству и покрытия расходовъ на хозяйство и собственное пропитаніе. Въ этомъ только случаѣ условія равны. Тогда иностранецъ не можетъ погубить французского земледѣльца и, съ другой стороны, это будетъ препятствовать чрезмѣрному повышенню цѣнъ на хлѣбъ»¹⁾). Такимъ образомъ, Галіани желаетъ видѣть въ своей подвижной ввозной пошлинѣ то, что въ наше время принято называть уравнительной пошлиной.

Книга Галіани была тяжелымъ ударомъ для экономической «секты», какъ ее все чаще стали называть. Публика, вѣрившая до сихъ поръ въ превосходство ихъ знанія, хотя и не вполнѣ соглашавшаяся со всѣми ихъ положеніями, начала терять свое довѣріе. Вѣдь выражение «система» вообще еще не потеряло того непріятнаго привкуса, которое оно имѣло во Франціи со временемъ Джона Ло. Дю Понъ и Бодо, возвратившися тѣмъ временемъ изъ Польши, помѣстили горячія возраженія въ *Ephémérides*. Мерсье де-ла-Ривьеръ написалъ особое сочиненіе *L'Intérêt général de l'Etat ou la liberté du commerce des blés, avec la réfutation d'un nouveau système publié par l'abbé Galiani* (1770) и т. д.

Самъ авторъ діалоговъ тѣмъ временемъ былъ отозванъ своимъ правительствомъ въ Неаполь, по настоянию министра Шуазеля, который былъ имъ недоволенъ изъ-за цѣлаго ряда обстоятельствъ. Маю того, Шуазель побудилъ еще аббата Морелле написать опроверженіе—*Réfutation* книги Галіани. Но контролеръ финансъ Террэ, нерасположенный къ физіократамъ, не захотѣлъ выдать деньги на печатаніе и объемистая книга оставалась первое время въ видѣ рукописи. Лишь четыре года спустя, когда Тюрго осенью 1774 г. занялъ мѣсто Террэ, она появилась въ печати, но не произвела уже сильнаго впечатленія, такъ какъ успѣла потерять интересъ современности. Самъ Морелле сознался въ своихъ мемуарахъ, что книга эта принадлежала къ числу тѣхъ его произведеній, которыя доставили ему наименьшее удовлетвореніе. И дѣйствительно, старый защитникъ охранительныхъ пошлинъ, орудуетъ здѣсь тѣми аргументами, съ которыми онъ раньше самъ боролся; и если онъ упрекаетъ Галіани въ томъ, что тотъ въ своей болѣе старой книжѣ *Della Moneta* высказалъ мысли, которая очень уже близко подходятъ къ мнѣніямъ людей, на которыхъ онъ обрушивается теперь, то Галіани могъ бы возвратить ему этотъ упрекъ. Изъ слѣдующихъ примѣровъ видно, какого рода доказательствами пользуется Морелле. Галіани, какъ уломянuto, утверждалъ, что если подражать Кольберу,

¹⁾ а. а. О. стр. 272.

то не слѣдуетъ поступать буквально такъ же, какъ поступалъ онъ, а дѣлать то, что соответствуетъ нынѣшнему времени и отличается отъ тогдашихъ мѣропріятій. На это Морелле отвѣчаетъ: «Если регламенты были хороши въ эпоху Кольбера, то они хороши и въ настоящее время, а то, что никакъ не годно теперь, и при Кольберѣ ничего не стоило»¹).—Далѣе: Галіани настаивалъ на необходимости возможно болѣе точной статистики производства, чтобы на основаніи ея можно было судить о цѣлесообразности свободы вывоза хлѣба. На это Морелле возражаетъ: «Что касается защитниковъ свободы, то имъ не нужны такія изслѣдованія..., такъ какъ они предполагаютъ, что въ состояніи свободы всегда существуетъ избытокъ, если хлѣбъ продается за границу, и чтобы установить это, не нужно никакихъ вычислений»²).

Видно, что здѣсь говорить уже не бывшій послѣдователь Гурнэ. Эти мысли внушиены Морелле съ другой стороны; но кто ихъ ему внушилъ и причастенъ ли къ этому Тюрго— эти вопросы мы оставимъ здѣсь открытыми. Въ письмѣ къ Mademoiselle de l'Espinasse отъ 26 января 1770 г. Тюрго высказалъ, при разсмотрѣніи книги Галіани, слѣдующее классическое утвержденіе: «Я утверждаю вообще: кто не забудетъ, что существуютъ отдѣльные и различно устроенные государства, никогда не сможетъ хорошо разработать какой-либо вопросъ политической экономіи»³). Онъ писалъ Морелле послѣ того, какъ прочиталъ представленную ему рукопись: «La démonstration y est portée au plus haut degré d'évidence»⁴). Онъ находитъ въ рукописи лишь немного недостатковъ.

На всѣ эти нападки «эфемеристы», какъ ихъ называли по имени органа, отвѣчали съ величайшимъ рвениемъ, и, къ ихъ чести можно сказать, вполнѣ корректно. Поэтому Мирабо не безъ основанія утверждалъ, что онъ и его приверженцы образуютъ партію порядочныхъ людей. Но этимъ онъ во всякомъ случаѣ только подтверждалъ то обстоятельство, которое Галіани считалъ причиной опасности, угрожающей съ ихъ стороны.

Конечно столбцы «*Ephémérides*» были очень оживлены этими спорами. Поэтому и друзья и недруги читали ихъ съ интересомъ. Разсмотрѣніе всѣхъ подробностей завело бы насъ слишкомъ далеко⁵). Изъ важнѣйшихъ сотрудниковъ должны быть названы: Кэнэ, Мирабо, Дю Понъ, Мерсье де ла Ривьеръ, Бодо, Абель, Летронъ, Butré, Roubaud,

¹⁾ Morellet, *Réfutation de l'ouvrage qui a pour titre Dialogues sur le commerce des Bleds.* 1770, стр. 32.

²⁾ Ibidem, стр. 283.

³⁾ Daire, *Oeuvres de Turgot*, t. II, p. 800.

⁴⁾ Ibidem, стр. 799, Письмо къ Abbé Morellet отъ 25 июля 1769 г.

⁵⁾ Наглядный обзоръ ихъ содержанія даѣтъ въ своей статьѣ „*Ephémérides*“ въ „*Palgrave Dictionary*“—Стефанъ Бауэръ.

St. Péavy, Тюрго, Морелле, Франклінъ, Fréville, Pezay, Fourqueux, De Vanvilliers, герцогъ de St. Mégrin, Bigot de Ste. Croix, Loiseau, Rouxelin, de la Torane, Treillard, Belly, St. Maurice de St. Leu, графъ д'Альбонъ, шведскій графъ Шефферъ и маркграфъ Баденскій.

Однако въ концѣ концовъ—то же случилось въ свое время съ «Journal d'Agriculture»—поднятый шумъ показался правительству слишкомъ громкимъ. Въ ноябрѣ 1772 г. послѣдовало предписаніе генерального контролера Терра, которое заставило Дю-Пона прекратить дальнѣйшее изданіе ежемѣсячника на 63-мъ номерѣ. Два года спустя, при министерствѣ Тюрго, изданіе возобновилось подъ заглавіемъ «Nouvelles Ephémérides».

е. *Догматический споръ между Кондильякомъ и Летрономъ.* Пока основатель ученія былъ живъ, болѣе или менѣе серьезныя противорѣчія внутри школы были невозможны. Этому противодѣйствовали его авторитетъ, его личный тактъ, его примиряющій характеръ. Но, когда онъ скончался въ Версалѣ 16 декабря 1774 г., съ нимъ какъ бы исчезъ добрый гений, сдерживавшій вмѣстѣ всѣхъ друзей. Дѣло дошло до раздоровъ, и можно сказать, что партія внутренне уже распалась къ тому времени, когда паденіе Тюрго разсѣяло ея членовъ во всѣ стороны. Раньше всего начались догматические споры.

Философъ Кондильякъ, главный представитель сенсуализма, принадлежалъ къ числу лицъ, посѣщавшихъ собранія, устроенные Кэнэ въ 1764—1766 г., чтобы ознакомиться съ новой наукой. Но онъ держался въ сторонѣ отъ эфемеристовъ, такъ какъ руководительство Мирабо ему не могло быть по душѣ. Онъ продолжалъ работать самостоительно и въ 1776 г. неожиданно для своихъ старыхъ друзей выпустилъ книгу «Le Commerce et le Gouvernement considérés relativement l'un à l'autre» и высказалъ въ ней разныя ереси. Сочиненіе было разсчитано на три части, изъ которыхъ вышли только первыя двѣ; третья, которая должна была слѣдовать за ними и обсуждать вопросъ о примѣненіи принциповъ, не появилась, быть можетъ вслѣдствіе рѣзкихъ возраженій, которыя разсужденія автора встрѣтили со стороны школы и въ особенности со стороны его старого друга, Летрона.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Кондильякъ говоритъ, что главная его цѣль заключается не въ открытии новыхъ истинъ, а въ дальнѣйшемъ распространеніи старыхъ. Первая задача должна быть предоставлена геніямъ, онъ же пишетъ только «pour l'instruction». Но онъ не слѣдуетъ этой программѣ. Онъ полагаетъ, что можетъ исправить ученіе Кэнэ въ двухъ главныхъ его пунктахъ: во-первыхъ, въ вопросѣ о распространеніи понятія производительности на торговлю и промышленность и, во-вторыхъ, въ представлении о цѣнности.

Что касается первого пункта, вопроса о производительности торговли и промышленности, то намъ уже известно, что постановкой

этого вопроса Кондильякъ только возобновилъ старый споръ, который велся въ «Journal d'Agriculture, du Commerce et des Finances» какъ разъ въ то время, когда онъ посѣщалъ лекціи Кэнэ. Судя по этому, тогдашніе аргументы Кэнэ не убѣдили его, какъ не убѣдили они и Адама Смита, который въ ту пору, во время пребыванія своего въ Парижѣ (1766), по словамъ Дю Пона, тоже принималъ участіе въ собраніяхъ, въ качествѣ гостя. Но Кондильякъ глубже захватываетъ сущность вопроса, чѣмъ въ то время Форбоннэ, Монтодуэнъ и др. Онъ пытается догматически обосновать свое мнѣніе.

Онъ также исходитъ изъ положенія: «La terre est l'unique source de toutes les richesses» (Chap. VI). Но такъ какъ земля доставляетъ свои произведенія только черезъ приложеніе къ ней труда, то и послѣдній долженъ быть признанъ производительнымъ, а въ такомъ случаѣ онъ остается производительнымъ и тамъ, где онъ стоитъ на первомъ планѣ—въ промышленности и торговлѣ. Кромѣ того, вѣдь невѣрно, что при обменѣ «on donnait toujours valeur égale pour valeur égale». Если бы дѣло обстояло такъ, то нельзя было бы заключить ни одной мѣновой сдѣлки. Скорѣе для осуществимости такой сдѣлки необходимо какъ разъ обратное, неравенство цѣнностей. «On donne toujours moins pour plus». Кондильякъ кончаетъ свои разсужденія объ этомъ предметѣ торжествующей фразой: «Il est donc démontré que l'industrie est aussi en dernière analyse, une source de richesse» (Chap. VII). До сихъ поръ эта аргументація въ общемъ совпадаетъ съ той, которую напечаталъ въ томъ же году Адамъ Смитъ въ своемъ «Изслѣдованіи». И кто знаетъ, не сговорились ли оба автора лично по вопросу объ этомъ отступлениі отъ ученія Кэнэ. Но дальше Кондильякъ обнаруживаетъ непослѣдовательность, которой не совершаеть вмѣстѣ съ нимъ Адамъ Смитъ. Въ теоріи налоговъ онъ присоединяется къ ученію объ *impôt unique*. Кондильякъ горячо оспариваетъ налоги на промышленность и потребленіе, такъ какъ эти налоги все же въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ накладными расходами падаютъ на землевладѣльцевъ, и поэтому лучше взимать ихъ непосредственно съ послѣднихъ (Chap. XXVIII). На этотъ пунктъ прежде всего направлена критика Летрона.

Другой важнѣйшій предметъ спора образуетъ *ученіе о цѣнности*. Здѣсь Кондильякъ выказываетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи, называемой въ настоящее время *субъективной теоріей цѣнности*. Мы знаемъ, что еще со временъ Аристотеля ведетъ свое начало дѣленіе цѣнности на потребительную, въ которой рѣшающимъ моментомъ является субъективная потребность, и мѣновую, основаніе которой образуетъ рыночная цѣна, покоящаяся на издержкахъ производства. Въ новое время Петти можетъ считаться предшественникомъ послѣдователей такъ называемой объективной теоріи, или теоріи издержекъ, а Ло—предшественникомъ субъективной теоріи цѣнности. Но это все только отдельныя замѣчанія. Галіани первый подробнѣе раз-

виль субъективное направление, въ которомъ факторами, образующими цѣнность, считаются полезность и рѣдкость. Кэнэ пытался соединить оба направления, какъ желали это, скорѣе инститтивно, сдѣлать уже канонисты. Кондильякъ снова является приверженцемъ субъективной теоріи цѣнности, въ полную противоположность Адаму Смиту, который былъ выразителемъ объективного ея пониманія. Потребность образуетъ исходный моментъ, полезность и рѣдкость являются обоими факторами цѣнности благъ. Разсужденія, относящіяся къ этому вопросу, находятся въ первыхъ же главахъ книги. Въ нихъ сказано: «La valeur des choses est donc fondée sur leur utilité, ou, ce qui revient au même, sur le *besoin* que nous en avons, ou, ce qui revient encore au même, sur l'*usage* que nous en pouvons faire»; и далѣе: «Le plus ou moins de valeur, l'utilité étant la même, serait uniquement fondé sur le *degré de rareté ou d'abondance*». И другія важнѣйшія утвержденія современныхъ представителей субъективной теоріи цѣнности формулированы уже Кондильякомъ; такъ, напр., положеніе: «Une chose n'a pas une valeur, parce qu'elle coûte, comme on le suppose; mais elle coûte parce qu'elle a une valeur» и т. д.

Книга Кондильяка вызвала въ кругу школы полное возмущеніе. Бодо немедленно выступилъ противъ нея въ возобновившемся изданіи «Nouvelles Ephémérides», а Летронъ тотчасъ же разработалъ второй томъ къ уже приготовленному къ печати сочиненію; въ этомъ томѣ онъ пытался обстоятельно опровергнуть ереси Кондильяка. Это двойное сочиненіе Летрона носитъ название: «De l'Ordre social, ouvrage suivi d'un traité élémentaire sur la valeur, l'argent, la circulation, l'industrie, le commerce intérieur et extérieur». Оно вышло въ 1777 году, когда, благодаря паденію Тюрго, публика отвернулась отъ этихъ вопросовъ; поэтому книгу не встрѣтили съ тѣмъ вниманіемъ, котораго она заслуживала. Первый томъ былъ уже отданъ въ цензуру въ рукописномъ видѣ въ 1775 г. (слѣдовательно, еще при Тюрго) и былъ разрѣшенъ цензоромъ Cadet de Senneville на слѣдующемъ основаніи: онъ нашелъ, что основные принципы управления государствомъ разработаны въ немъ чрезвычайно убѣдительно. «Я поэтому считаю его тѣмъ болѣе достойнымъ напечатанія, что наше современное государственное управление, повидимому, приближается отчасти къ этимъ принципамъ, о которыхъ тѣмъ правильнѣе будутъ судить въ будущемъ, чѣмъ больше они будутъ обсуждаться печатью передъ читателями». Немного времени спустя, цензоръ разсуждалъ бы вѣроятно иначе.

Насъ интересуетъ здѣсь прежде всего второй томъ, въ которомъ находится полемика противъ Кондильяка; онъ носитъ еще отдельное название «De l'Intérêt social»¹). Въ предисловіи авторъ упрекаетъ Кон-

¹⁾ Я цитирую по нѣмецкому переводу *Wichmann* (Christian August Wichmann), изданному въ Лейпцигѣ у F. G. Jacobäer und Sohn въ 1780 г. и посвя-

дильяка въ томъ, что онъ принялъ только отчасти теорію, образуяющую стройное цѣлое, исказилъ ее до неузнаваемости и создалъ массу внутреннихъ противорѣчий. Правда, Кондильякъ въ концѣ концовъ пришелъ къ вѣрнымъ выводамъ, но это произошло лишь «потому что они не находятся ни въ какой связи съ его посыпками».

Онъ доказываетъ это въ IV главѣ въ связи съ вопросомъ о производительности промышленного труда, признаваемой Кондильякомъ. Вотъ его разсужденія: «Я съ своей стороны признаю не болѣе, чѣмъ одинъ источникъ богатства; а г. Кондильякъ признаетъ ихъ столько, сколько различныхъ видовъ труда и предпринимательской дѣятельности онъ видитъ передъ собой. Между тѣмъ здравый смыслъ вернулъ его на вѣрный путь, какъ только онъ долженъ былъ перейти къ практикѣ. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваетъ на единомъ налогѣ, на свободѣ промышленности, также и на свободѣ внутренней и виѣшней торговли, на печальныхъ послѣдствіяхъ монополій, на опасности и вредѣ отъ стѣсненій торговли. Такимъ образомъ тѣ мнѣнія, которыхъ онъ придерживается въ теоріи, не имѣютъ никакого вліянія на его выводы, хотя отъ поры до времени было основаніе опасаться, что такое вліяніе скажется. Такъ напр.: изъ положенія, что промышленность производить богатство, естественно вытекаетъ выводъ, что правительство имѣетъ право облагать промышленность налогами; но господинъ аббатъ отказывается отъ этого вывода, когда онъ устанавливаетъ прямое обложение. Здѣсь онъ прекрасно показываетъ, что классъ людей, живущихъ промышленнымъ трудомъ, получаетъ только жалованье и заработную плату, которая уже доведены конкуренціей до минимума; что издержки этого класса должны быть возмѣщены ему тѣми, кто желаетъ пользоваться его трудомъ, и что налогъ поэтому падаетъ на покупателя. Гдѣ же въ такомъ случаѣ богатство, которое будто произвела промышленность?—Такимъ образомъ выводъ правиленъ только потому, что онъ противорѣчитъ принципу»¹⁾.

Нельзя не сознаться, что здѣсь преимущество большей послѣдовательности—на сторонѣ Летрона.

Что касается второго главнаго пункта спора, теоріи цѣнности, то Летронъ возражаетъ Кондильяку слѣдующимъ образомъ: конечно, говоритъ онъ, справедливо, что всякое благо должно обладать полезностью, чтобы быть богатствомъ. Существуютъ однако предметы, которые, при незначительной полезности, имѣютъ высокую цѣнность,

щенному маркграфу Баденскому. Первый томъ носитъ название: „Des Herrn Le-Trosne Lehrbegriff der Staatsordnung oder Entwicklung des vom D. Franz Quesnay erfundenen Physiokratischen Regierungs- und Staatswirtschaftssystems“, второй: „Des Herrn Le-Trosne Elementarwerk vom Staatsinteresse in Rücksicht auf Geltung, Umlauf, Kunstfleiss, und inländischen sowohl, als auswärtigen Handel, worinnen einige Grundsätze des Herrn Abbé von Condillac geprüft werden“.

¹⁾ Ibidem, стр. 577 и 578.

какъ напр., алмазы и жемчугъ, и наоборотъ, какъ напр., вода. Такимъ образомъ, въ полезности нельзя видѣть сущность цѣнности, приходится принимать во вниманіе еще издержки и рыночныя отношенія. «Словомъ, свойство предмета, дѣлающее его богатствомъ, не только предполагаетъ, что предметъ удовлетворяетъ какую-либо потребность и обладаетъ какимъ-либо полезнымъ качествомъ, оно предполагаетъ еще возможность обмѣнять или продать этотъ предметъ»¹⁾. И далѣе: «Если бы издержки производства не покрывались цѣной, люди не имѣли бы ни желанія, ни возможности совершать для дальнѣйшаго производства тѣ же усилия и тѣ же затраты». Другими обстоятельствами, вліяющими на цѣнность, являются рѣдкость или изобилие товаровъ, предложеніе и спросъ, покупательная сила населенія и т. п.

Летронъ формулируетъ свое ученіе о цѣнности, которое, впрочемъ, является общимъ ученіемъ школы физіократовъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Вотъ результатъ предшествующаго изслѣдованія: цѣнность продуктовъ основывается прежде всего на ихъ полезныхъ свойствахъ и на издержкахъ, которые произведены для того, чтобы получить ихъ; затѣмъ она видоизмѣняется подъ вліяніемъ рѣдкости или изобилия, степень которыхъ зависитъ отъ силы конкуренціи между покупателями и между продавцами» и т. д.

Книга Летрона имѣеть особенное литературно-историческое значеніе, потому что она является первымъ сочиненіемъ, содержаніе которого образуетъ главнымъ образомъ споръ объ экономическихъ теоріяхъ. Кондильякъ не отвѣтилъ на нее и общее впечатлѣніе было, что въ спорѣ онъ оказался слабѣйшимъ. Ж. Б. Сэй, который въ обоихъ главныхъ пункта спора придерживался того же мнѣнія, что и Кондильякъ, полагалъ однако, что послѣдний попытался создать особую систему въ незнакомой ему области знанія. Но онъ считалъ, что въ его книгѣ можно найти иѣсколько дѣльныхъ мыслей.

Первый томъ сочиненія Летрона не представляетъ собой ничего замѣчательнаго; онъ даетъ только популярное изложеніе ученія Кэнз и долженъ былъ повидимому служить поддержкой для режима Тюрга. Въ немъ прославляется судьба Франціи, имѣющей короля, который постарался «поднять законы къ себѣ на тронъ», какъ это было уже сдѣлано ранѣе въ Тосканѣ, въ Швеціи и въ маркграфствѣ Баденскомъ. Но Летронъ, какъ и всѣ эфемеристы, понималъ подъ этими законами—законы естественные, а не положительное законодательство; что касается послѣдняго, то онъ полагалъ, что только абсолютная свобода приводитъ къ благу. «Свобода, восклицаетъ онъ, не есть продуктъ особой системы, или произвольной спекуляціи, она—естественное состояніе, соответствующее справедливости и интересамъ государства; она существовала и господствовала уже прежде, чѣмъ явился поло-

¹⁾ Ibidem, стр. 494.

жительный законъ, чтобы съ нею бороться и разрушить ее своими захватами. Для того, чтобы возстановить свободу, нужно только, чтобы мы перестали ее подавлять; для этого мы должны лишь принять руку, державшую ее въ порабощеніи, разбить ея оковы и тогда она сама собой оправится».

Мы знаемъ, что это было мнѣніемъ школы, но не мнѣніемъ Кэнэ. Какъ мы еще увидимъ далѣе, и Летронъ также измѣнилъ вслѣдствіе свои убѣжденія.

Этотъ томъ заканчивается апоѳеозомъ Кэнэ. Никогда великие люди міра сего не забудутъ заслугъ человѣка, который впервые превратилъ искусство управления—произвольное и измѣничивое—въ дѣйствительную науку, основанную на неизмѣнныхъ законахъ. «Эта наука явилась на свѣтъ вполнѣ законченной; она всегда останется такой, какою открылъ и изложилъ ее ея творецъ... Философы, послѣдовавшіе по его стопамъ по пути, который онъ проложилъ, всегда будутъ почитать за честь право признавать его своимъ наставникомъ и учителемъ. Они ничего не прибавили къ его учению и никто ничего къ нему не прибавитъ... Могу ли я, не совершая несправедливости, не принести ему дани похвалы, имъ заслуженной? Если я принесу ее, я исполню этимъ долгъ благодарности ему за тѣ усилия, которыя онъ употребилъ, письменно и устно руководя моими первыми шагами на этомъ пути. Смерть, которая недавно похитила его у насть, лишаетъ меня удовольствія преподнести ему эту книгу, принадлежащую ему, такъ какъ въ ней не содержится ничего, кроме развитія его учения. Нынѣ же я посвящаю ее его памяти»¹⁾.

Когда эти слова, полныя энтузіазма, появились передъ публикой, все величіе фізіократовъ уже рухнуло. Только заграницей книга нашла еще читателей. Въ самой Франціи уже никто не вѣрилъ въ ихъ спасительную міссію. Въ заключеніе всего этого отдѣла мы разсмотримъ еще относящіяся сюда событія, поскольку они имѣютъ значеніе для теоріи.

§ 5. Тюрго и крушеніе фізіократіи.

a. *Тюрго, какъ государственный дѣятель.* Драматические моменты встречаются не только въ политической исторіи. Ихъ можно найти и въ исторіи науки. И врядъ ли развитіе какого-нибудь ученія богаче ими, чѣмъ исторія системы фізіократовъ. Сюда относятся: обращеніе Мирабо во время достопамятной бесѣды его съ Кэнэ въ іюль 1757 года въ Версальскомъ дворцѣ; затѣмъ устраненіе Дю-Пона отъ должности редактора «Journal», послѣ чего Бодо выступилъ со своими Ephémérides и способствовалъ этимъ новому подъему общаго дѣла. Кроме того же сюда же слѣдуетъ причислить: призваніе Тюрго въ

¹⁾ Ibidem, стр. 439.

министерство въ моментъ, когда друзья отчаялись въ какомъ бы то ни было успѣхѣ. Но и паденіе Тюрга принадлежитъ къ числу такихъ моментовъ, такъ какъ оно отнюдь не было чисто политическимъ со-бытиемъ, какъ обыкновенно полагаютъ; значительную роль сыграла при этомъ и теорія.

Мы уже неоднократно говорили о Тюрге. Мы познакомились съ нимъ, какъ съ историкомъ экономической литературы. Историкомъ онъ оказался неудовлетворительнымъ. Сможемъ ли мы опѣнить его выше, какъ государственного дѣятеля и теоретика?

Anne-Robert-Jacques Turgot, младшій сынъ парижского *Prévôt des Marchands* Michel-Etienne Turgot, родившійся въ 1727 году, вступилъ первоначально въ духовное сословіе. Въ 1749 г. онъ былъ избранъ пріоромъ Сорбонны и прочиталъ здѣсь двѣ замѣчательныя лекціи, одну «о выгодахъ, которые доставило человѣчеству введеніе христіанства» (іюль 1750) и другую, въ концѣ того же года, «о постепенномъ развитіи человѣческаго духа» (декабрь 1750). Намъ еще придется вернуться къ обѣимъ.

Внезапно (въ 1751 году) онъ рѣшилъ бросить духовную карьеру и посвятить себя государственному управлению. Причины этого не вполнѣ выяснены. Объясненіе, которое онъ давалъ своимъ друзьямъ,— что онъ не въ стояніи всю жизнь носить маску на лицѣ,— нельзя считать серьезнымъ основаніемъ такого шага въ средѣ, въ которой даже высшіе церковные сановники не стыдились открыто заявлять о своемъ атеизмѣ; къ тому же онъ самъ вѣдь вовсе не былъ атеистомъ. Съ другой стороны, званіе аббата вовсе не могло помѣшать ему достигнуть высшихъ административныхъ должностей и на это вполнѣ справедливо ему указывали удерживавшіе его друзья. И Террэ, сдѣлавшійся позднѣе его предшественникомъ по должности генерального контролера, былъ вѣдь аббатомъ.

Въ 1753 г. Тюрго былъ назначенъ *Maitre des Requêtes*. Свободнымъ временемъ онъ пользовался, чтобы написать для большой энциклопедіи рядъ философскихъ статей, изъ которыхъ особенно замѣчательна статья «Existence». Это было время, когда на французскій языкъ переводились иностранныя сочиненія, главнымъ образомъ англійскія экономическія книги; инициаторомъ этого дѣла былъ Гурнэ. По тому же пути пошелъ и Тюрго, который уже молодымъ священникомъ интересовался этими вопросами и написалъ еще въ 1749 году возраженіе на работу *Abbé Terrasson'a*, защищавшую систему Ло. Въ 1755 году онъ издалъ переводъ небольшого сочиненія англичанина Josias Tucker подъ заголовкомъ «*Questions importantes sur le commerce à l'occasion des oppositions au dernier bill de naturalisation*». Эта книга—либерально меркантилистическое сочиненіе въ духѣ Чайльда и отличается отъ послѣдняго лишь тѣмъ, что съ еще большей настойчивостью защищаетъ допущеніе иностранного (протестантскаго) труда въ

Англію. Сила и богатство страны заключаются, по его мнѣнію, въ обильномъ народонаселеніи; поэтому страна никогда не можетъ имѣть слишкомъ много жителей. «Le pays le plus riche, n'est il pas celui où il y a le plus de travail? N'est il pas celui où les habitants plus nombreux se procurent les uns aux autres de l'emploi?.. Si l'on avoue que la France et la Suède ont sur nous l'avantage de la balance (du commerce), n'est il pas de l'intérêt de l'Angleterre d'attirer chez elle et d'enlever à ces deux royaumes cet excédent de manufacturiers, qui fait leur supériorité?»¹⁾.

Изъ этихъ словъ, съ которыми Тюрго и самъ вѣроятно соглашался въ то время, такъ какъ въ нихъ выражена главная мысль работы, видно, что его экономическая воззрѣнія не выяснились еще тогда окончательно, такъ какъ впослѣдствіи онъ оспаривалъ идею торгового баланса. Достовѣрно извѣстно, что эти воззрѣнія встрѣтили полное сочувствіе со стороны Гурнэ, съ которымъ онъ познакомился—неизвѣдаемъ, до изданія книги, или вслѣдствіе ея появленія (1755). Тюрго сильно привязался къ парижскому торговому интенданту и посвятилъ ему нѣсколько почтительныхъ словъ въ первой изъ двухъ экономическихъ статей Энциклопедіи: «Foires et Marchés» и «Fondation» (1756). Онъ сопровождалъ Гурнэ въ большинствѣ его офиціальныхъ путешествій по Франціи въ 1755—1759 годахъ. Послѣ смерти Гурнэ, похитившей его 27 июня 1759 г. въ возрастѣ 47 лѣтъ, онъ написалъ по предложению Мармонтеля для офиціознаго «Mercure de France» тотъ «Eloge de Gournay», которымъ мы уже занимались подробно. Сохранилось еще препроводительное письмо къ Eloge, написанное 22 июля, т. е. менѣе, чѣмъ черезъ 4 недѣли послѣ смерти Гурнэ, при отсылкѣ его Мармонтелю. Тюрго извиняется въ немъ въ позднемъ доставленіи статьи. Онъ хотѣлъ уже нѣсколькими днями раньше лично передать рукопись у мадамъ Жофренъ (Geoffrin), но къ сожалѣнію не встрѣтилъ у нея Мармонтеля. Онъ не могъ за недостаткомъ времени исполнить свое желаніе и еще болѣе развить «ébauche de l'éloge». «Puisque vous n'avez pas le temps d'attendre, je vous en envoie les traits principaux, esquissés trop à la hâte». И дѣйствительно, Eloge въ томъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано тогда въ «Mercure de France», дѣйствительно производить впечатлѣніе наброска. Онъ поразительно кратокъ и ограничивается, какъ было выше указано, біографическими свѣдѣніями, а въ теоретическомъ отношеніи простымъ замѣчаніемъ, что покойный былъ послѣдователемъ идей Чайльда и де Витта. Здѣсь еще отсутствуетъ подробное изложеніе идей фізіократовъ, которое содержится въ «Eloge de Gournay», найденномъ Дю Пономъ въ литературномъ наслѣдіи Тюрго. Этотъ «Eloge», какъ извѣстно, вышелъ въ свѣтъ только въ началѣ девятнадцатаго вѣка.

¹⁾ Oeuvres de Turgot, ed. Eugène Daire, Paris 1844, t. I, p. 335.

въ девятитомномъ изданиі сочиненій Тюрго, предпринятомъ Дю Пономъ въ 1809—1811 гг. Къ этому изданію приложена «Notice sur les Economistes» Дю Пона, которая ввела въ заблужденіе позднѣйшія поколѣнія. Въ этой болѣе поздней формѣ Eloge производить впечатлѣніе чего только угодно, но не «ébauche esquissé trop à la hâte». Это скорѣе стилистически самое лучшее и наиболѣе обработанное сочиненіе, которое оставилъ Тюрго.

Съ точностью неизвѣстно, когда отношения между Тюрго и Кэнэ стали болѣе близкими. Мы уже упомянули о томъ собраніи въ Парижѣ (1758), на которомъ встрѣтились Кэнэ и Тюрго; о немъ разсказывается также присутствовавшая камерь фрейлина г-жи Помпадуръ Мадаме du Hausset. Такъ какъ ея мемуары, доведенные до смерти любовницы короля (1764), не упоминаютъ болѣе о Тюрго въ числѣ посѣтителей Кэнэ, то можно съ достовѣрностью предположить, что сношенія между ними до этого времени не носили характера близости. И кромѣ того, Тюрго съ 1761 года находился въ Лиможѣ въ качествѣ интенданта. Такимъ образомъ указаніе, что близкое знакомство съ Кэнэ относится къ тому же времени, что и знакомство съ Гурнэ (1755),—мы находимъ его въ большинствѣ біографій Тюрго,—безусловно невѣрно. Оно очевидно основано на предположеніи (распространенномъ Дю Пономъ), что и знакомство Кэнэ съ Гурнэ также относится уже къ этому времени, — а теперь доказано, что это предположеніе не правильно. По всей вѣроятности, сношенія были первоначально преимущественно письменныя, хотя съ другой стороны противъ этой гипотезы говорить то обстоятельство, что въ наслѣдіи Кэнэ и Тюрго не нашлось соответствующихъ писемъ. Зато есть много показаній, что Тюрго, сохранившій въ Парижѣ постоянную квартиру, былъ частымъ гостемъ на собраніяхъ, которыя Кэнэ устраивалъ послѣ смерти Помпадуръ въ Парижѣ, чтобы посвящать своихъ учениковъ въ тайну новой науки и подготавливать статьи для «Journal». Напротивъ, повидимому, если онъ и участвовалъ въ собраніяхъ по вторникамъ у маркиза Мирабо, то только вначалѣ. Его душѣ претилъ тотъ декламаторскій паѳосъ, который маркизъ внесъ въ ученіе и изъ-за которого новая группа получила название «секты». Кромѣ того, гордясь своей независимостью, онъ не хотѣлъ нести ответственность за глупости и экстравагантности замкнутой группы; по крайней мѣрѣ онъ неоднократно высказывалъ это Дю Пону и др. Наряду съ этимъ онъ поддерживалъ постоянно добрыя отношения съ остальными литературными кружками, даже тогда, когда они начали выступать противъ экономистовъ: съ энциклопедистами, съ кружкомъ Гольбаха, съ Вольтеромъ и даже съ Галіані.

Въ Лиможѣ онъ немедленно выступилъ реформаторомъ. Какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, судили весьма различно объ этой административной дѣятельности Тюрго. Ее называли иногда предисловіемъ — «Préface» къ его министерской дѣятельности, подобно тому, какъ послѣд-

нюю называли *Préface* къ великой революции. Другие думали, что онъ тамъ менѣе всего выказалъ себя физиократомъ и только потому и имѣлъ успѣхъ; третыи, наконецъ, оспаривали самый успѣхъ. Въ этомъ смыслѣ одинъ изъ наиболѣе расположенныхъ къ Тюргу и наиболѣе добросовѣстныхъ его біографовъ, А. Мастье, считаетъ своимъ долгомъ не умолчать о томъ, что Тюргу покинулъ свою провинцію въ худшемъ состояніи, чѣмъ нашелъ ее при своемъ вступленіи въ должность. «Il suffit de lire ses Avis annuels sur l'imposition de la taille, pour se convaincre que la misère va toujours en augmentant, et que l'état du Limousin est encore plus triste en 1774 qu'en 1761»¹⁾.

Реформа налоговъ, на которую здѣсь намекаетъ Мастье, была уже начата предшественникомъ Тюрго, интендантомъ Турни (Tourny). Дѣло заключалось въ преобразованіи *taille arbitraire* въ *taille tarifée*, въ смыслѣ Буагильбера. Тюргу взялся за выполнение этого проекта, но не довелъ его, конечно, до удовлетворительного конца. Но онъ настолько увлекся этой задачей, которая вполнѣ соотвѣтствовала его экономическимъ воззрѣніямъ, получившимъ дальнѣйшее развитіе, благодаря сношеніямъ съ Кэнэ, что отказался, чтобы не прервать предпринятаго дѣла, отъ выгоднаго назначенія на постъ интенданта Лиона, которое было выхлопотано для него у тогдашняго генерального контролера финансовъ Бертена стараніями его матери.

Много шума надѣжало устройство, такъ называемыхъ «Bureaux de charité», основанныхъ имъ при поддержкѣ духовенства и дворянства; эти бюро имѣли цѣлью доставить бѣднымъ провинціи занятія и, такимъ образомъ, облегчить ихъ нужду. Въ нихъ можно видѣть предвѣстниковъ «Ateliers nationaux» въ томъ видѣ, въ какомъ они были осуществлены во время великой революции 1789 года и впослѣдствіи во время революции 1848 года. Тюрго, какъ впрочемъ и остальные физиократы, считалъ вполнѣ дозволеннымъ отклоненіе отъ принципа *«laisser faire et laisser passer»* въ вопросѣ о призрѣніи бѣдныхъ.

Въ остальныхъ отношеніяхъ общее благосостояніе провинціи должно было быть поднято соотвѣтственными мѣропріятіями. Лучшимъ средствомъ для этого ему казалось тогда, какъ и впослѣдствіи, въ бытность его министромъ, введеніе полной свободы хлѣбной торговли, которая, хотя и существовала на бумагѣ съ 1764 года, но или вовсе или почти не была осуществлена въ провинціяхъ. Характерно для воззрѣній Тюрго, что онъ разослалъ подчиненнымъ органамъ большое число экземпляровъ сочиненія своего друга и единомышленника Летрона: «La liberté du commerce des grains toujours utile et jamais nuisible». Въ письмѣ отъ 15 февраля 1765 г., сопровождавшемъ эту посылку, говорится слѣдующее: «S'il pouvait vous rester quelques doutes sur cette matière importante, je suis persuadé que la lecture de cet

¹⁾ A. Mastier. Turgot, sa vie et sa doctrine, Paris 1862, p. 64 п 67.

excellent ouvrage achèverait de les dissiper». Кроме того, онъ особенно настоятельно поручаетъ чиновникамъ «d'engager les curés, les gentilshommes, toutes les personnes qui, par leur état et leurs lumières, sont à portée d'influer sur la façon de penser du peuple, à lire l'ouvrage de M. Letrosne, dont je vous adresse dans cette vue plusieurs exemplaires, afin que, persuadés eux-mêmes, ils puissent travailler de concert avec vous à persuader les autres»¹⁾.

Въ этихъ словахъ мы видимъ передъ собой всего Тюрго. Онъ—человѣкъ просвѣщенія. Этому духу обязаны своимъ происхожденiemъ и длинныя Préambules къ его министерскимъ эдиктамъ. Это пространная разсужденія, которыхъ какъ бы хотятъ поставить на мѣсто привычнаго «car tel est notre plaisir»—формулу «car tel est la loi naturelle». Не слѣдуетъ только думать, что Тюрго хотѣлъ въ то время добиться всего однѣми мѣрами кротости. Быть можетъ то обстоятельство, что онъ видѣлъ въ каждомъ человѣкѣ, противившемся просвѣщенію въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ самъ его понималъ, или опаснаго глупца или человѣка надѣленнаго злой волей,—было остаткомъ богословскаго периода его жизни. Выраженія «absurde», «ridicule», «puéril», «imbécile» и т. п. для людей первого рода и «frivole», «fripponerie», «brigandage» для лицъ второго рода у него постоянно на языкѣ. Его мышленіе не допускаетъ вообще середины. Поэтому не слѣдуетъ удивляться тому, что въ концѣ упомянутаго письма онъ предлагаетъ полицейскимъ чиновникамъ въ случаѣ, если законъ вызоветъ недовольство, «de faire arrêter sur le champs quiconque donnerait l'exemple du murmure et de l'attroupement. La maréchaussée a ordre de prêter main-forte partout ou elle sera requise». Мы имѣемъ здѣсь уже прообразъ его поведенія во время такъ называемой мучной войны (*guerre de la farine*) въ началѣ его министерской дѣятельности.

Нѣсколько лѣтъ спустя тогдашній генеральный контролерь финансъ аббатъ Террэ побудилъ его подробно изложить свои собственныя мысли о свободѣ торговли хлѣбомъ. Эдиктъ 1764 года о свободѣ хлѣбной торговли въ сущности никого не удовлетворилъ. Если экономистамъ онъ казался недостаточнымъ, то съ другой стороны публика по большей части видѣла въ немъ преступное пренебреженіе къ обязательной заботѣ о тѣхъ классахъ населенія, которые живутъ собственнымъ трудомъ, потому что въ ея глазахъ свобода вывоза поднимала цѣны на хлѣбъ. Горячія нападки на новую систему исходили и изъ писательской среды. Въ январѣ 1770 г. появились «Dialogues sur le commerce des blés» Галіани, направленные прямо противъ закона 1764 года и привлекшіе своимъ блестящимъ изложеніемъ симпатіи всей образованной публики на сторону того дѣла, которое они защи-

¹⁾ Oeuvres de Turgot, ed. Daire, t. I, p. 665.

щали. Къ концу того же года генеральный контролеръ, относившійся враждебно къ закону, рѣшилъ, что наступилъ благопріятный моментъ для его отмѣны. Рядъ неурожаевъ дѣйствительно вызвалъ вздорожаніе, ответственность за которое возлагалась на эдиктъ. Чтобы придать отмѣнѣ легитимный видъ, онъ окружнымъ циркуляромъ, въ началѣ октября мѣсяца, пригласилъ интендантовъ высказаться о вліяніи существующаго закона и о проектѣ ограничительного регламента, который былъ приложенъ къ циркуляру. Отвѣтъ онъ просилъ прислать къ концу того же мѣсяца.

Тюрго былъ крайне взволнованъ. Онъ тотчасъ же принялъ за дѣло и написалъ генеральному контролеру семь писемъ, въ которыхъ онъ рѣзко протестовалъ противъ его намѣреній. Въ этихъ письмахъ замѣчательно одно. Это учительскій тонъ обращенія сверху внизъ, въ которомъ интендантъ незначительной провинціи говорить со своимъ всесильнымъ начальникомъ. Тюрго раньше всего упрекаетъ его въ томъ, что срокъ назначенъ слишкомъ короткій для того, чтобы высказать сужденіе, соотвѣтствующее важности дѣла; въ этомъ онъ правъ. Тѣмъ не менѣе онъ намѣренъ постараться «de traiter à fond cette matière», насколько это позволяетъ короткое время, причемъ онъ хочетъ придать защищаемымъ имъ принципамъ въ глазахъ Террэ очевидность «d'une démonstration mathématique», каковую они уже давно имѣютъ въ глазахъ тѣхъ, которые изучали этотъ вопросъ. Онъ указываетъ министру, какъ опасно для него совершить ошибку въ такомъ важномъ дѣлѣ. «Vous avez votre réputation d'homme éclairé et de ministre sage à conserver; mais surtout vous avez à répondre au public, au roi et à vous m me du sort de la nation entière»¹⁾. Онъ самъ занимается этими вопросами уже восемнадцать лѣтъ²⁾ и можетъ съ уверенностью сказать, что составилъ свое убѣжденіе лишь послѣ зреаго обсужденія. То же убѣжденіе раздѣляютъ не только «Economistes», на которыхъ столько разъ нападали за ихъ энтузиазмъ и сектантское поведеніе, но и за долго до нихъ много уважаемыхъ людей, какъ Du Pin, Гурнэ, Герберъ и др. защищали идею «de la liberté la plus entière, la plus absolue, la plus débarrassée de toute espèce d'obstacles» въ этой области. И снова, совершенно въ тонѣ учителя, авторъ писемъ совѣтуетъ своему начальнику въ послѣднемъ своемъ письмѣ пріобрѣсти для дальнѣйшаго поученія вышедшую недавно брошюру аббата Бодо, трактующую объ этомъ вопросѣ. «J'ose vous prier, monsieur, de lire le recueil des brochures que l'abb  Baudeau publia à ce sujet dans le cours de 1768; il suppliera en parti à bien des omissions que j'ai faites dans les lettres dont celle-ci est la dernière»³⁾.

Письма Лиможскаго интенданта не достигли желанного результата. Вотъ что Дю Понъ разсказываетъ въ своей біографіи Тюрго:

¹⁾ Oeuvres de Turgot, t. I, p. 162. ²⁾ Ibidem, стр. 166. ³⁾ Ibidem, стр. 254.

«Аббатъ Террэ прочиталъ письма, восхищался ими, съ живостью хвалилъ ихъ содержаніе, талантъ и смѣлость автора передъ всѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ случай бесѣдоватъ, и—уничтожилъ свободу хлѣбной торговли»¹⁾.

Разсмотрѣніе всѣхъ частностей административной дѣятельности Тюрго въ Лиможѣ завело бы настъ слишкомъ далеко. Они являются главнымъ образомъ прелюдіей его административныхъ мѣропріятій того времени, когда онъ былъ министромъ²⁾. Нельзя оспаривать одного, что онъ развила большую энергію слишкомъ большую для того, чтобы не натолкнуться на сопротивленіе. Когда онъ послѣ 13-ти лѣтней дѣятельности оставилъ Лиможъ, не одна грудь вздохнула вѣроятно свободнѣй. Въ то время, когда вопросъ о его назначеніи министромъ еще оставался открытымъ, дворъ былъ извѣщенъ о томъ, что его ненавидятъ въ его провинціи. «Le fait est vrai», сознался даже одинъ изъ такихъ горячихъ его сторонниковъ, какъ Бодо. Но это, говорить онъ, вѣрно только относительно высшаго класса, за то онъ пользовался тѣмъ большимъ уваженіемъ среди мелкаго люда³⁾.

Его практическія обязанности чиновника не оторвали его отъ научныхъ занятій, скорѣе и тѣ и другія шли у него рука обѣ руки. Какъ президентъ «Société Royale d'Agriculture de Limoges» онъ пытался вызвать движение въ области экономического просвѣщенія назначениемъ премій за литературныя произведенія. Такъ напр., для 1767 года онъ предложилъ тему «О вліяніи косвенныx налоговъ на доходы землевладѣльцевъ». Въ слѣдующемъ году тема для сочиненія на премію гласила: «Какимъ образомъ можетъ быть точнѣе всего вычислень чистый доходъ помѣстій, въ зависимости отъ различныхъ способовъ обработки», другой темой былъ вопросъ «О преимуществахъ культуры при помощи лошадей передъ культурой при помощи воловъ» и т. д. Тюрго не соглашался съ тѣмъ разграничениемъ, которое устанавливала въ этомъ вопросѣ Кэнэ.

Къ тому же времени относится затѣмъ работа, которая обыкновенно признается самымъ значительнымъ сочиненіемъ Тюрго, такъ какъ въ ней онъ какъ бы явился предшественникомъ и даже учителемъ Адама Смита; это «Réflexions sur la formation et la distribution des richesses». Происхожденіе этого сочиненія также очень характерно для автора. Въ 1766 году, разсказывается Дю Понъ⁴⁾, Тюрго

¹⁾ Du Pont, Mémoires sur la vie et les ouvrages de M. Turgot. Philadelphia 1782, Part. I, p. 89.

²⁾ Подробное изложеніе этого даетъ Alfred Neymark въ сочиненіи: „Turgot et ses Doctrines“, 1885, t. I, Livre II; затѣмъ G. D'Hugues, Essai sur l'Administration de Turgot dans la g n ralit  de Limoges, 1859.

³⁾ Ibidem, стр. 171.

⁴⁾ Mémoires sur la vie et les ouvrages de M. Turgot, 1782, Première Partie, стр. 109 и сл.

близко познакомился съ двумя китайцами, Ко и Янгомъ, привезенными во Францію миссіонерами-іезуїтами для получения образования цивилизованныхъ странъ. Французское правительство, желая способствовать развитию торговли между Франціей и Китаемъ, сочло возможнымъ воспользоваться этими молодыми людьми для получения периодическихъ свѣдѣній изъ ихъ отечества, которое возбуждало тогда сильное удивление въ Европѣ; съ этой цѣлью имъ было назначено, по возвращеніи, жалованіе. Тюрго въ своей жаждѣ обучать, повидимому, по собственному желанію, давалъ обоимъ иностранцамъ уроки экономической науки. По крайней мѣрѣ, сочиненіе возникло изъ сношений съ ними. Оно написано въ формѣ краткаго учебника основныхъ понятій политической экономіи и состоитъ всего изъ 101 параграфа. Чтобы облегчить молодымъ людямъ ихъ задачу корреспондентовъ, Тюрго выработалъ наряду съ этимъ цѣлый рядъ вопросовъ, дабы указать имъ, на что они должны обращать преимущественно свое вниманіе. Эти «*Questions sur la Chine*»¹⁾ аналогичны «*Questions*» Кэнэ, съ тою лишь разницей, что въ послѣднихъ дѣло идетъ о положеніи Франціи, а въ первыхъ о положеніи далекой страны. Быть можетъ слѣдуетъ приписать стремленію не обременять слишкомъ трудными задачами сравнительно мало образованныхъ китайцевъ то, что вопросы, которыхъ всего 52, носятъ отчасти довольно тривіальный характеръ. Они начинаются напримѣръ слѣдующимъ образомъ: «I. Есть ли въ Китаѣ много богачей, или, что означаетъ одно и то же, очень ли велики имущественные различія? II. Есть ли люди, владѣющіе очень большими участками земли, домами, имѣньями?» и т. д. Во всякомъ случаѣ, они совершенно не поддаются сравненію съ «*Questions*» Кэнэ.

Но и отдельные параграфы «*Réflexions*» носятъ отчетливую печать своего происхожденія. Видно, что авторъ имѣеть въ виду читателей, еще совершенно незнакомыхъ съ предметомъ и отличающихся весьма невысокимъ уровнемъ образования. Какъ можно назвать это сочиненіе «éternellement classique», подобно Дю Пону и всему хору изслѣдователей Тюрго, повторившему это вслѣдъ за Дю Пономъ, совершенно непонятно. Вѣрное сужденіе, которое высказалъ въ своей работе «*Smith und Turgot*»²⁾ Зигмундъ Фейльбогенъ. Воздавая должное стремленіямъ Тюрго, онъ все же не считаетъ его человѣкомъ истинной науки и отрицає внутреннюю связь между «*Réflexions*» и «*Wealth of Nations*» Смита. Но при этомъ Фейльбогенъ самъ также впадаетъ въ ошибку, предполагая, что сочиненіе Тюрго въ самой совершенной формѣ отражаютъ систему физіократовъ³⁾. Какого низкаго

¹⁾ Приведены въ изданіи *Oeuvres de Turgot Daire'a*, t. I, p. 310 и слѣд.

²⁾ Вѣна 1892.

³⁾ То же сужденіе высказываетъ W. J. Ashley въ предисловіи къ англійскому переводу „*Réflexions*”, изданному имъ въ „*Economic Classics*”; онъ

мнѣнія, однако, наша современная политическая экономія объ ученіи Кэнэ¹⁾!

Еще нѣсколько статей относятся къ тому періоду, когда Тюрго былъ интендантомъ въ Лиможѣ. Къ ихъ числу принадлежитъ довольно обширный «Mémoire sur les prêts d'argent» 1769 г. Онъ образуетъ самостоятельную и дополнительную разработку заключительного отдѣла «Réflexions», трактующаго о свободѣ процента, и вызванъ происшествіемъ въ Ангулемѣ, гдѣ нѣсколько купцовъ пытались отдѣляться отъ своихъ долговыхъ обязательствъ тѣмъ, что обвинили въ уголовномъ порядкѣ своихъ кредиторовъ въ ростовщичествѣ. Это настолько возмутило Тюрго, что онъ написалъ мемуаръ, чтобы протестовать противъ этой «cabale de fripons» во имя свободы договора. При этомъ онъ вообще предлагаетъ отмѣнить законы о ростовщичествѣ и процентѣ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже. Мы уже упомянули о «Lettres sur la liberté du commerce des Grains» (1770) къ генеральному контролеру Террѣ, занимающія слѣдующее мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ. Онѣ не были изданы тогда и появились впервые не раньше 1809 года въ изданіи сочиненій Тюрго, предпринятымъ Дю Пономъ; онѣ взяты изъ оставшихся послѣ бывшаго ministra бумагъ. Изъ семи писемъ, образующихъ въ совокупности самое обширное изъ всѣхъ сочиненій Тюрго, письма II, III и IV имѣются только въ видѣ извлеченій, изготовленныхъ Дю Пономъ на основаніи конспектовъ. Оригиналы потерялись, потому что Тюрго, будучи министромъ, далъ ихъ прочесть королю, котораго онъ стремился настроить въ пользу возстановленія отмѣненной Террѣ свободы хлѣбной торговли. Письма достигли тогда результата, къ которому стремился Тюрго, но, кажется, не были ему возвращены.

Медленно подвигался періодъ правленія Людовика XV къ своему концу. Когда же 10-го мая 1774 года смерть короля, наконецъ, наступила, она слишкомъ еще рано застигла важнѣйшее лицо въ государствѣ, двадцатилѣтняго наслѣдника престола Людовика XVI; онъ приступилъ къ своимъ новымъ обязанностямъ безъ вѣры въ себя и со страхомъ передъ величиемъ поставленной ему задачи.

хвалить это сочиненіе за то, что въ немъ физіократическая доктрина получила „their briefest and most lucid expression“. v. Scheel, (Turgot als Nationalökonom, Thübiner Zeitschr. f. d. gesammte Staatsw. Jahrg. 1868 S. 261) идетъ еще дальше. На основаніи той же статьи онъ характеризуетъ Тюрго, какъ „перваго систематика народнаго хозяйства“ и хочетъ поставить его чуть ли не выше Адама Смита. И все же дѣло идетъ при этомъ о совершенно незначительной въ научномъ отношеніи статейкѣ, о которой вѣроятно никто и не говорилъ бы, если бы авторомъ ея не былъ случайно французскій министръ-реформаторъ. Подробнѣе объ этомъ смотри ниже.

¹⁾ Réflexions sur la formation et la distribution des richesses были написаны въ 1766 году, но были изданы только въ 1769 году Дю Пономъ въ Ephémérides du Citoyen. Часто указываютъ уже на 1766 годъ, какъ на годъ появленія этого сочиненія, но это не вѣрно.

Всякий образованный человѣкъ знаетъ тѣ обстоятельства, которыя сдѣлали стараго придворнаго Морепа первымъ министромъ въ новомъ министерствѣ, въ которомъ получилъ мѣсто Тюрго¹). Какимъ образомъ Тюрго достигъ этого положенія, не выяснено вполнѣ и въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ, не его симпатіи къ группѣ экономистовъ доставили ему эту постъ. Обыкновенно рассказываютъ, что другъ дома супруги Морепа, Abbé de Very съ восторгомъ представилъ ей своего пріятеля, какъ искуснаго администратора, и что Морепа избралъ Тюрго по настоянію своей жены. Кажется, однако, что дѣло обстояло не такъ просто. Я подозрѣваю, что другое обстоятельство имѣло рѣшающее значеніе. Морепа — это тотъ человѣкъ, который въ пятидесятыхъ годахъ восемнадцатаго вѣка, будучи морскимъ министромъ, былъ другомъ и покровителемъ Гурнэ. Но Тюрго считался самымъ выдающимся ученикомъ Гурнэ и возможно, что воспоминаніе о старомъ интендантѣ торговли было причиной вѣры Морепа въ то, что Тюрго будетъ въ состояніи реформировать разстроенное финансовое управлѣніе. Кажется, что онъ хотѣлъ сначала произвести опытъ, и такимъ образомъ Тюрго не былъ тотчасъ же назначенъ на постъ генеральнаго контролера финансъ, а былъ выбранъ морскимъ министромъ, т.-е. получилъ ту должность, съ которой самъ Морепа лучше всего былъ знакомъ. Это произошло 20 июля 1774 года. Несмотря на то, что при вступленіи въ должность Тюрго заявилъ, что онъ не имѣть никакого понятія о морскомъ дѣлѣ, его управлѣніемъ повидимому остались довольны, такъ какъ ровно пять недѣль спустя, 24 августа, онъ былъ поставленъ во главѣ управлѣнія финансами на мѣсто аббата Террѣ, остававшагося до этого времени въ должности.

Было написано много литературныхъ изслѣдованій по вопросу о томъ, какъ Тюрго понималъ свою задачу. Обыкновенно его рисуютъ какимъ-то кудесникомъ, которому слѣдовало предоставить свободу, и онъ тогда заново организовалъ бы французское государство, расшатанное въ финансовомъ отношеніи, и повелъ бы его навстрѣчу болѣе счастливымъ временамъ. Но, къ сожалѣнію, его прекрасныя намѣренія были прерваны слишкомъ ранней отставкой. Если біографы фізіократы или люди, стоявшіе близко къ нему, какъ Дю-Понъ и Кондорсе, высказываютъ такое мнѣніе, то оно понятно. Но если писатели противники фізіократовъ, какъ Неймаркъ, Леонъ Сэй, Мастье, Батби, Дэръ и др., склоняются къ подобнымъ взглядамъ, то это все же нѣсколько странно. При болѣе внимательномъ отношеніи, такое сужденіе не выдерживаетъ критики.

На аудіенціи, на которой Людовикъ XVI объявилъ своему морскому министру о томъ, что онъ избралъ его преемникомъ аббата

¹⁾ См. подробности у *Wilhelm Oncken*, Das Zeitalter Friedrichs des Grossen, Berlin 1882, Bd. II. Стр. 560 и слѣд.

Террэ, Тюрго просилъ короля разрѣшить ему письменно изложить свою программу необходимыхъ финансовыхъ реформъ. Это было сдѣлано въ довольно большой работѣ, написанной непосредственно за этимъ и дошедшей до насть. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію сдѣланныхъ въ ней предложеній, будетъ полезно бросить общий взглядъ на положеніе и задаться вопросомъ: въ чёмъ нуждалось въ то время французское государство?

Франція была неограниченной монархіей, это значитъ, что въ ней господствовалъ такъ называемый «despotisme arbitraire», который, какъ мы знаемъ, физіократы хотѣли замѣнить системой—«despotisme lgal». Въ природѣ всякаго неограниченного личнаго господства лежитъ, что съ переходомъ короны отъ одного лица къ другому, начинается новая эра въ управлениі. Для этого необходимо создать административныя условія; другими словами нужно ликвидировать старую систему, чтобы проложить свободный путь для новой. Поэтому во Франціи существовала старая традиція, что при переходѣ престола къ новому лицу рассматривались прежнія обязательства и затѣмъ ихъ или признавали или отъ нихъ отказывались. Ибо существовалъ принципъ, что долги, которыя взялъ на себя государь, были его личными долгами, а не долгами государства въ современномъ смыслѣ. Постоянныи государственный кредитъ, какъ таковой, развился только со временемъ возникновенія представительной формы государственного управлениія. Такого рода ликвидациія походила нѣсколько на банкротство, но это было честное банкротство и какъ разъ самые выдающіеся финансовые геніи, какъ Сюлли при Генрихѣ IV и Кольберъ при Людовикѣ XIV выдвинулись благодаря такимъ ликвидациямъ. При смерти Людовика XIV (1715) французская монархія, какъ известно, была въ неоплатномъ долгу. Во время послѣдовавшаго регентства герцогъ Сенъ-Симонъ сдѣлалъ единственно правильное предложеніе оздоровить финансовые условія объявленіемъ «честнаго банкротства». Намъ известно, что регентъ Филиппъ Орлеанскій отвергъ этотъ путь и кинулся въ объятія химерическихъ проектовъ Джона Ло. Но банкротство было этимъ только отсрочено, а не предотвращено. Нѣсколько лѣтъ спустя его все же пришлось признать, но это уже не было честнымъ банкротствомъ. Отъ сколькихъ бѣдствій страна была бы избавлена, если бы банкротство было объявлено во время и съ разумной предусмотрительностью! Тотъ же вопросъ, который былъ поставленъ во времена регентства, стоялъ и въ моментъ смерти Людовика XV. И этотъ король покинулъ монархію въ состояніи финансового разстройства. Что же сдѣловоало предпринять?

Тюрго отвѣчаетъ въ своемъ мемуарѣ на этотъ вопросъ тремя предложеніями:

«Ниакаго банкротства!

Ниакаго увеличенія налоговъ!

Ниакихъ займовъ!»

Тюрго действительно долженъ былъ бы быть кудесникомъ, чтобы имѣть успѣхъ съ такой программой. Онъ сталъ бы выше Сюлли, выше Кольбера,—что онъ самъ, пожалуй, и полагалъ въ своемъ доктринерскомъ заблужденіи.

Чтобы достичь цѣли, у него подъ руками было одно средство, но зато универсальное: бережливость. Нужно сократить расходы сравнительно съ доходами,—тогда можно не только свести концы съ концами, но и ежегодными остатками покрывать старые долги. Логически это было совершенно правильно. Однако, затрудненіе начиналось тогда, когда необходимо было определить, въ какой области и какимъ образомъ должна проявляться бережливость. Онъ самъ, въ своемъ департаментѣ, будучи министромъ, расходовалъ скорѣе больше чѣмъ раньше. Упрекать его въ этомъ, однако, можно лишь съ той точки зрењія, что наряду съ этимъ онъ еще уменьшилъ доходы государства путемъ сокращенія косвенныхъ налоговъ. Впрочемъ, Тюрго, говоря о бережливости, имѣлъ въ виду исключительно расходы королевскаго двора. Здѣсь необходимо сокращеніе. Для проведения этого онъ потребовалъ, чтобы министромъ двора было назначено его довѣренное лицо. Онъ предложилъ для этой цѣли своего друга Малерба, бывшаго до того президентомъ податной палаты; 21 июля 1775 г. онъ и былъ призванъ въ министерство. Но тутъ произошло нечто своеобразное. У короля были наилучшія намѣренія; молодая королева была менѣе довольна. Однако, вскорѣ и она примирилась съ новымъ министромъ двора, когда послѣдній при переодѣнкѣ расходовъ призналъ, что въ сущности содержаніе двора допускаетъ лишь небольшія сбереженія, или даже никакихъ. Въ сознаніи того, что онъ не отвѣтствуетъ задачѣ, предназначеннѣй ему Тюрго, онъ въ апрѣль 1776 г. внезапно подалъ въ отставку. Уже раньше онъ давалъ дружественный совѣтъ Тюрго, проводить свою реформу не такъ стремительно и прямолинейно. «Почему это, говорилъ онъ, вы должны хотѣть все сразу? Вы воображаете, что чувствуете любовь къ общественному благу: нѣтъ, это не любовь, а помѣшательство (*vous en avez la rage*)». Тюрго могъ отвѣтить на это лишь, что онъ страдаетъ семейнымъ недугомъ — подагрой, и что ему не долго остается жить. Поэтому онъ долженъ использовать каждый часъ.

Обстоятельства, вызвавшія отставку Малерба, въ то же время нанесли ударъ программѣ Тюрго, и паденіе послѣдняго должно было тѣмъ болѣе явиться неизбѣжнымъ слѣдствиемъ указаннаго факта, когда король отклонилъ назначеніе аббата де Вері, предложеннаго Тюрго въ качествѣ преемника, и призвалъ лицо, не пользовавшееся его довѣріемъ. Это уже рѣшило судьбу Тюрго. Но и преемники послѣдняго по должности не умѣли попасть на вѣрный путь; менѣе всего былъ способенъ на это Неккеръ, который, въ качествѣ бывшаго банкира, не признавалъ другого средства, кроме займовъ и только зай-

мовь; вслѣдствіе этого положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось. Когда, наконецъ, и этотъ источникъ изсякъ,—вспыхнула революція съ сопровождавшими ее ужасами. Нежеланіе своевременно объявить себя честнымъ банкротомъ — вотъ то, что опредѣлило собой участіе Людовика XVI и его супруги. Въ концѣ 18 ст., какъ и въ началѣ его, Франція была безсилна избѣжать банкротства. А между тѣмъ — не пролились бы рѣки крови, если въ нужную минуту имѣли бы смѣлость признать государственное банкротство. И именно Тюрго, въ своемъ доктринерскомъ ослѣпленіи, проложилъ неправильный путь.

Въ сравненіи съ этой кардинальной ошибкой остальные ложные шаги министерства Тюрго не представляютъ такого значенія. Вскорѣ послѣ занятія Тюрго министерскаго поста, возникъ конфліктъ между нимъ и общественнымъ мнѣніемъ, относившимся къ нему до сихъ поръ съ полнымъ довѣріемъ. 21 сентября 1774 было опубликовано постановление Государственного Совѣта (отъ 13 сентября), которое въ существенномъ возстановляло эдиктъ 1764 года о свободѣ хлѣбной торговли, ограниченной аббатомъ Террэ въ декабрѣ 1770 года. Придворные противники Тюрго воспользовались народнымъ броженіемъ, вызваннымъ опасеніемъ, что упомянутый эдиктъ поведетъ къ вздорожанію хлѣба,— для организаціи возстанія противъ ненавистнаго ministra. Возстаніе, вспыхнувшее въ Дижонѣ 18 апрѣля 1775 года, нашло себѣ откликъ въ Парижѣ, гдѣ 1 мая организованная народная масса разгромила мучные склады и булочные, и двинулась въ Версаль, чтобы заставить короля взять обратно рѣшеніе Государственного Совѣта. Получивъ на время этихъ беспорядковъ, въ шутку прозванныхъ «мучной войной» (*guerre des farines*), полномочія военнаго ministра, Тюрго быстро стянулъ значительное количество войска и подавилъ восстаніе съ безпощадной жестокостью, что не могло не оставить непріятнаго осадка въ народномъ сознаніи.

Въ данномъ случаѣ министръ повторилъ то, что было уже разъ продѣлано имъ, только въ меньшихъ размѣрахъ, когда онъ былъ интендантомъ въ Лиможѣ. И въ этотъ разъ онъ снова обратился (10 мая) къ духовенству съ воззваніемъ, въ которомъ говорилъ о непоколебимой рѣшимости короля, чтобы «brigandages», являющіяся въ настоящее время причиной беспорядковъ въ провинціяхъ Его Величества «fussent reprimés par des punitions promptes et sévères». Да же, духовенству вмѣнялось въ обязанность — употребить все свое духовное влияніе для умиротворенія Франціи, такъ какъ «le maintien de l'ordre public est une loi de l'Evangile comme une loi de l'Etat, et tout ce qui trouble est également criminel devant Dieu et devant les hommes». Опубликованный вслѣдъ за этимъ ордонансъ грозилъ даже смертной казнью всѣмъ, кто будетъ схваченъ въ скопищахъ¹⁾.

¹⁾ Oeuvres de Turgot ed. Daire, t. I, стр. 191—6.

Едва было подавлено это возмущение, какъ появился новый противникъ—на этотъ разъ литературный. Это былъ Неккеръ, который, получивъ премію французской Академіи наукъ за малосодержательное сочиненіе «*Eloge de Colbert*», вообразилъ себѣ, что ему слѣдуетъ принять участіе въ практической борьбѣ. Въ книжкѣ «*Sur la législation et le commerce des grains*» (1775 г.) онъ является противникомъ абсолютной свободы торговли хлѣбомъ. Научными достоинствами его сочиненіе отнюдь не отличается. Теперь совершенно непонятна шумная сенсациѣ, вызванная въ свое время этой книгой. Публика, признававшая въ женевской банкірѣ специалиста по экономическимъ вопросамъ, не уступающаго, по крайней мѣрѣ, своими знаніями министру, горячо привѣтствовала автора. По своему содержанию трудъ этотъ представляется собой не что иное, какъ новое и притомъ значительно растянутое изложеніе взглядовъ, высказанныхъ Галіани въ его полныхъ остроумія диалогахъ. Вся суть его исчерпывается слѣдующимъ положеніемъ, высказаннымъ въ вступлении: «Хлѣбные законы, которые кажутся въ одной странѣ установленными самой природой, въ другой странѣ, которая имѣеть менѣе плодородную почву, другое географическое положеніе и, наконецъ, другие обычай,—могутъ оказаться гибельными». Кромѣ того, Неккеръ протестуетъ противъ злоупотребленія словомъ «свобода», что, впрочемъ, до него сдѣлалъ тотъ же Галіани. «Только та свобода спасительна, которая не противорѣчить общему благу» (Chap. XXVI).

Изъ дальнѣйшихъ законодательныхъ эдиктовъ для настъ представляютъ важность только шесть, которые Тюрго опубликовалъ въ январѣ и февралѣ 1776 года и въ которыхъ наиболѣе радикально выражена его основная точка зрѣнія. Они трактуютъ: 1) о превращеніи натуральныхъ дорожныхъ повинностей (*corvées*) въ денежные сборы, платимые земельными собственниками, 2) объ уничтоженіи сохранившихся еще въ Парижѣ мѣстныхъ сборовъ съ хлѣбной торговли, 3) объ отменѣ извѣстныхъ сборовъ, ложившихся бременемъ на остальную торговлю, 4) объ уничтоженіи цеховъ (*jurandes*) и привилегій, предоставленныхъ мастерамъ (*maîtrises*), 5) о закрытии въ Пуасси кассы, сборы которой отягощали мясную торговлю и 6) объ уничтоженіи опредѣленныхъ пошлинъ на ввозимое изъ заграницы сало. Особенное значеніе представляютъ первый и четвертый эдикты. Остальные являются дальнѣйшими распространеніями и дополненіями къ нимъ, а также къ извѣстнымъ эдиктамъ о свободѣ хлѣбной торговли.

Каждому эдикту было предпослано общирное *Préambule*, разъясняющее его смыслъ. Въ данномъ случаѣ особенно ярко высказалась догматичность ихъ автора. Подобныя предисловія были освящены обычаемъ старого порядка. Обыкновенно указывались цѣль эдикта и поводъ къ его изданію, причемъ присовокуплялось, что король издаетъ нижеслѣдующій эдиктъ въ силу своего всемогущества и изъ особаго

расположенія къ французскому народу. Никакихъ теоретическихъ доводъ при этомъ не приводилось. Совершенно иное теперь. Своимъ эдиктамъ Тюрга предпосыпаетъ цѣлые научные трактаты. И обязательность эдиктовъ, по мнѣнію ихъ автора, основывается на авторитетѣ не королевскаго, а естественного права. Мало того, эти *Préambules* не останавливаются передъ критикой, зачастую самой безпощадной, постановленій прежнихъ абсолютныхъ королей. Такъ напримѣръ, «*Edit du Roi portant suppression des jurandes*» начинается слѣдующими словами: «Всѣмъ нашимъ подданнымъ мы обязаны гарантировать возможность полнаго и совершенного пользованія предоставленными имъ правами... Съ прискорбиемъ убѣждались мы въ неоднократномъ нарушеніи этого естественного права (*droit naturel*) и справедливости со стороны извѣстныхъ старыхъ институтовъ и организаций, существование которыхъ не можетъ быть освящено и оправдано ни давностью, ни надеждами, ни даже поступками, исходящими отъ высшихъ административныхъ лицъ... Злоупотребленія эти укоренились мало по малу. Они представляютъ собой обыкновенно порожденіе частныхъ интересовъ, которые одержали верхъ надъ интересами общественными и которые администрація санкционировала, иногда застигнутая врасплохъ, иногда введенная въ заблужденіе ихъ мнимой пользой». Даѣте слѣдуетъ указаніе на то, что въ первый разъ Генрихъ III въ 1581 году далъ форму общаго государственного закона этимъ «*dispositions bizarres, tyraniques, contraires à l'humanité et aux bonnes moeurs, rédigées par l'avidité, adoptées sans examen dans des temps d'ignorance*». Вслѣдствіе этого явилась иллюзія, «que le droit de travailler était un droit royal, que le prince pouvait vendre, et que les sujets devaient acheter. Nous nous hâtons de rejeter une pareille maxime». А затѣмъ идетъ извѣстное положеніе: «*Dieu, en donnant à l'homme des besoins, en lui rendant nécessaire la ressource du travail, a fait du droit de travailler la propriété de tout homme, et cette propriété est la première, la plus sacrée et la plus imprescriptible de toutes*». Такимъ образомъ, вся прежняя политика французскихъ королей въ области промышленности объявляется ложной и несправедливой.

Подъ «*droit de travailler*» не слѣдуетъ разумѣть позднѣйшаго «*droit au travail*», какъ это сдѣлали впослѣдствії. Это выраженіе означаетъ не что иное, какъ промышленную свободу, т.-е. свободу заводить предпріятія, не встрѣчая въ этомъ помѣхи со стороны привилегій другихъ лицъ; въ своей основе, это—буржуазное право. «Право на работу», наоборотъ, заключаетъ въ себѣ притязаніе не только на то, чтобы искать работу, но и чтобы находить ее. Это — пролетарское право. Въ самомъ дѣлѣ, эдиктъ, снабженный указаннымъ предисловіемъ, трактуется только обѣ уничтоженіи привилегій цеховъ и обѣ отменѣ подчиненія предпринимателей полиції безопасности. Долги

корпораций должны быть погашены по определенному плану, а до тѣхъ поръ эдиктъ не входитъ въ полную силу.

Въ подобномъ духѣ написаны предисловія и къ пяти остальнымъ эдиктамъ. Подобныя предисловія принципіального характера съ цѣлью обосновать законъ были вешию очень опасной. Въ самомъ дѣлѣ: тѣмъ, что король открыто апеллировалъ къ разуму своихъ подданныхъ, онъ дѣлалъ законъ объектомъ всеобщей критики, а послѣдняго не могла терпѣть абсолютная монархія. Только такой глубоко убѣжденный въ правотѣ своихъ взглядовъ человѣкъ, какъ Тюрго, могъ думать, что лишь глупость или злая воля людей способны оставаться непоколебленными логической силой его доводовъ;—поэтому администраторъ имѣть право прибѣгать къ принужденію, болѣе того — обязанъ дѣлать это. Нѣть ничего удивительного въ томъ, что когда его идеи не встрѣтили одобренія, онъ сталъ думать, будто при дворѣ его окружаютъ исключи-
тельно бездѣльники и дураки.

Опубликованіе эдиктовъ вызвало чрезвычайное возбужденіе. Для ихъ окончательного превращенія въ законъ необходимо было зарегистрированіе ихъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, т. и. парламентомъ. Парламентъ согласился зарегистрировать только эдиктъ о закрытіи кассы въ Пуасси. Чтобы принудить его, пришлось устроить закрытое засѣданіе (*lit de justice*) 12 марта, въ присутствіи короля. Уже то, что королю пришлось выслушать изъ устъ президента парламента *d'Aligre*, переходитъ за предѣлы достойной критики; о томъ, что говорили снаружи, на улицахъ,—лучше и не упоминать.

До сихъ поръ король во всемъ довѣрялъ своему министру. Онъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что только Тюрго въ силахъ урегулировать государственные финансы. Когда въ немъ поколебали это убѣженіе, — онъ отшатнулся отъ Тюрго, въ особенности послѣ того, какъ послѣдній представилъ ему свой проектъ реформы управлѣнія, заставившій короля внезапно почувствовать опасность, въ которую его ввела дружеская привязанность къ министру. Дѣло идетъ о такъ называемомъ *проектѣ муниципалитетовъ*. Тюрго вскорѣ убѣдился, что осуществленію его плановъ мѣшаетъ устарѣлый государственный порядокъ съ іерархіей различныхъ сословій. Совершенно послѣдовательно онъ задумалъ произвести въ этой области реформы. Тюрго обсудилъ этотъ вопросъ совмѣстно съ своимъ литературнымъ сотрудникомъ *Дю-Пономъ*, и такъ какъ лично онъ былъ очень занятъ, то поручилъ ему составить проектъ, руководясь данными ему разъясненіями; на время работы *Дю-Понъ* получилъ отпускъ въ свое имѣніе *Chevannes* недалеко отъ Немура. Это произошло въ августѣ и сентябрѣ 1775 года. Какъ сообщается самъ *Дю Понъ*, проектъ долженъ быть введенъ въ силу съ началомъ предстоящаго (1775/6) финансового года, съ 1 октября. Но для этого было необходимо согласіе короля и всего министерства. Въ виду неожиданнаго противодѣй-

ствія, встрѣченного эдиктомъ о свободѣ хлѣбной торговли, Тюро рѣшилъ отложить осуществленіе своего плана до начала слѣдующаго (1776/77) финансового года. Къ сожалѣнію, жалуется Дю Понъ, они оба тогда уже не были у власти. Проектъ, составленный съ цѣлью уврачевать всѣ недуги Франціи, «qui n'a jamais *été* *pr  sent * au roi», — остался только заманчивой мечтой.

Впрочемъ, въ послѣднемъ Дю Понъ заблуждается. Дѣло въ томъ, что незадолго до своей отставки, не говоря ни слова своему сотруднику, Тюрго представилъ этотъ проектъ королю. Съ какимъ успѣхомъ,— это видно изъ собственноручныхъ помѣтокъ короля на поляхъ, которыя отыскала *Soulavie* среди захваченныхъ при штурмѣ Тюльери (10 августа 1792 года) бумагъ короля и опубликовалъ въ своихъ «Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI»¹). Этотъ проектъ нѣсколько разъ издавался, сначала графомъ Gabriel Honoré de Mirabeau, а затѣмъ самимъ Дю Пономъ. Каково его содержаніе?

Въ цѣломъ проектъ предлагаетъ систему стоящихъ другъ надъ другомъ муниципалитетовъ: сельскихъ и городскихъ общинъ, уѣздныхъ и провинціальныхъ муниципалитетовъ, съ общегосударственнымъ муниципалитетомъ во главѣ; высшіе — составляются изъ депутатовъ низшихъ. Избирательными правами пользуются только тѣ поданные ко-роля, которые владѣютъ земельной рентой минимумъ въ 600 ливровъ. Политическихъ полномочій муниципалитеты не имѣютъ. Ихъ роль ограничивается распределеніемъ требуемыхъ королемъ податей. Рас-пределеніе это совершается такимъ образомъ, что общая сумма, со-общаемая государственному муниципалитету, распредѣляется имъ между провинціальными. Послѣдніе, въ свою очередь, разлагаютъ сумму между уѣздными; эти—между общинами, которыхъ производятъ раскладку между отдельными плательщиками. Самое большее, въ чёмъ можетъ проявиться самостоятельность муниципалитетовъ,—это постройка мѣст-ныхъ дорогъ и забота о призрѣніи бѣдныхъ. Ясно, что система построена довольно шаблонно,—и если отнестись къ проекту безпристрастно, нельзя отѣлаться отъ впечатлѣнія, что имѣешь дѣло...—къ сожалѣнію, трудно подыскать болѣе подходящее выраженіе—съ продуктомъ диллантства. Непонятно, какъ человѣкъ, который въ качествѣ мини-стра имѣлъ возможность постигнуть сущность сложнаго государствен-наго механизма въ цѣломъ,—не только не отвергнулъ подобнаго плана, а наоборотъ одобрилъ его и вѣрилъ, что имъ сейчасъ же можно замѣнить политическій порядокъ, существовавшій болѣе тысячи лѣтъ. При этомъ чрезвычайно характерно одно. Указанный проектъ не признаетъ болѣе сословій: онъ дѣлаетъ собственность, какъ таковую,—правда, съ

¹⁾ Paris, 1801, t. III. О подлинности этихъ помѣтокъ см. мою статью „Ludwig XVI und das physiokratische System“ (Frankenstein'sche Zeitschrift für Literatur und Geschichte der Staatswissenschaft, Jahrg. 1893/4).

ограниченіемъ ея земельной собственностью,—единственнымъ источникомъ политическихъ правъ. Въ этомъ фактѣ проявляется до извѣстной степени буржуазный характеръ, которымъ несомнѣнно отличаются воззрѣнія Тюрга.

Лучшую критику проекта, правда, съ точки зренія старого режима, даъ самъ Людовикъ XVI въ своихъ примѣчаніяхъ. Эти примѣчанія тѣмъ болѣе достойны вниманія, что здѣсь ярко проявляется борьба между «despotisme arbitraire» и «despotisme lgal», при чёмъ первый пока все еще оказывается сильнѣе. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ системой физіократовъ въ апогей ея исторического развитія перейдя который, она потерпѣла внезапное крушеніе.

Примѣчанія Людовика XVI къ проекту муниципалитетовъ Тюрга (по Soulavie).

Проектъ. Для того, чтобы убѣдиться, цѣлесообразно ли организовать муниципалитеты, необходимо улучшить или измѣнить уже существующіе; и для введенія тѣхъ, которые необходимы,—не достаточно обращаться къ исторіи происхожденія этихъ формъ общинного управления. Слишкомъ часто приходится наблюдать, что въ важныхъ случаяхъ въ своемъ поведеніи руководствуются опытомъ и примѣромъ того, что дѣлали наши предки во времена, которыя мы сами считаемъ временами невѣжества и варварства. Подобный методъ ведетъ лишь къ возбужденію въ правительяхъ нежеланія выполнять свои важнѣйшія обязанности, такъ какъ имъ внушается мысль, будто выполнение ихъ съ успѣхомъ и пользой возможно только въ томъ случаѣ, если быть ужасно ученымъ (*prodigieusement savant*).

Примѣчаніе Людовика XVI. Не нужно быть очень ученымъ, чтобы понять, что этотъ проектъ составленъ съ пѣлю дать Франції новую форму управления, а прежнія учрежденія, въ которыхъ авторъ видитъ плодъ стоящаго невѣжества,—опорочить. Какъ будто царствованіе трехъ моихъ предшественниковъ можетъ быть сравниваемо, справедливымъ и умнымъ человѣкомъ, съ правленіемъ periodovъ варварства и какъ будто мое государство не этимъ именно тремъ царствованіямъ обязано тѣмъ почетомъ и положеніемъ, которое оно занимаетъ въ Европѣ. Никогда въ Европѣ не дадутъ себя убѣдить въ томъ, что эти три царствованія были опорой варварства и невѣжества; скорѣe согласятся съ тѣмъ, что отчасти именно этимъ тремъ царствованіямъ Франція обязана цивилизаціей, благами которой она пользуется.

Проектъ. Вы, Ваше Величество, могли бы управлять, какъ Богъ, при помощи всеобщихъ законовъ, если бы главные части вашего государства имѣли правильную организацію и поставлены были въ подлежащее извѣстное отношеніе другъ къ другу.

Примѣчаніе. Весьма вѣроятно случилось бы наоборотъ. Если бы

организація моихъ провинцій была однородна,—это повело бы къ тому, что мнѣ не оказывалось бы никакого позионенія или по крайней мѣрѣ очень слабое. Мнѣ было бы гораздо труднѣе воздѣйствовать на всю эту массу, чѣмъ моимъ предшественникамъ, которые правили ею при посредствѣ интендантовъ и провинціальныхъ штатовъ (*Pays d'Etats*).

Проектъ. Причина зла, Ваше Величество, заключается въ томъ, что у вашей нації нѣтъ никакой конституції.

Примѣчаніе. Это глубоко огорчаетъ г. Тюрго. Новаторамъ нужна Франція, превосходящая въ этомъ отношеніи даже Англію.

Проектъ. Правда, нѣкоторые изъ вашихъ провинцій имѣютъ конституцію, право политическихъ собраній, способъ выраженія общественной воли. Эти собранія носятъ название «*Pays d'Etats*»; но такъ какъ они составлены изъ сословныхъ группъ, интересы которыхъ враждебны не только другъ другу, но и государству, — то эти штаты далеки отъ того, чтобы принести провинціямъ, въ управлении которыхъ они участвуютъ, всю пользу, которая желательна.. Вы, Ваше Величество, имѣете полную возможность дать провинціямъ не обладающимъ конституціей,—конституцію лучше той, которой обладаютъ *Pays d'Etats*... Для этого необходимо составить планъ, гарантирующій связь индивидуумовъ съ ихъ семьей, семьи съ деревней, деревни и города—съ уѣздомъ (*arrondissement*), уѣзда съ провинціей и послѣдней—съ государствомъ.

Примѣчаніе. Опять очевидно, что г. Тюрго—врагъ сословного состава штатовъ, а также іерархического строя ихъ собраній, что тѣмъ не менѣе даетъ Франції возможность охранять права и честь каждого отдельного индивидуума и что въ то же время является формой сословного строя, безъ котораго немыслимо самое существование ни одной части монархіи. Тюрго предлагаетъ іерархію властей (*hiérarchie des pouvoirs*). Подобный родъ іерархіи является химерой, если она не опирается на іерархію рожденія, какъ это можно наблюдать не только во всѣхъ монархіяхъ прошлаго и настоящаго, но и почти во всѣхъ республикахъ.

Проектъ. Гражданскія права или права голоса въ общинахъ собраніяхъ по справедливости слѣдуетъ предоставить только мѣстнымъ земельнымъ собственникамъ.

Примѣчаніе. Это было бы средствомъ вызвать неудовольствіе класса не-землевладѣльцевъ. Достаточно разрѣшить земельнымъ собственникамъ собираться, какъ это станетъ источникомъ разнаго рода конфликтовъ.

Проектъ. Я предложилъ бы Вашему Величеству предоставить право голоса какъ гражданину только владѣльцу 600 ливровъ земельнаго дохода... Обладающій только 100 ливрами—владеетъ только шестой частью гражданскихъ правъ.

Примѣчаніе. Дѣлить въ политическомъ собраніи права одного человѣка на половину или на четыре части по величинѣ его имущества, это—столь новая и для нашего образа мыслей столь удивительная, столь странная идея, что достоинство государства не можетъ позволить ее проектировать.

Проектъ. Провинціальныя собранія составлялись бы изъ депутатовъ общиныхъ собраній и имѣли бы цѣлью распределеніе налога, приходящагося на ихъ округъ¹⁾.

Примѣчаніе. Эта операциѣ производится интендантами по назначению отъ короля, а въ Pays d'Etats тремя сословіями. Составъ штатовъ изъ трехъ сословій находится въ тѣсной связи съ дарованными французамъ привилегіями, и полномочія интендантовъ слишкомъ тѣсно связаны съ королевскимъ авторитетомъ, чтобы возможно было ихъ превращеніе въ народныхъ депутатовъ (*députés du peuple*). Это совершенно измѣнило бы существующій порядокъ, а также, за немногими исключеніями, и управление Pays d'Etats. Управление интендантовъ, не считая немногихъ злоупотребленій,—лучшее въ моемъ королевствѣ. Не въ этомъ заключается слабая сторона нынѣшнихъ порядковъ.

Проектъ. Ваше Величество! Главный муниципалитетъ, т. - е. общиі государственный муниципалитетъ (*la municipalité générale du royaume*) дополнялъ бы собой муниципалитеты низшаго разряда. Онъ явился бы средствомъ, которое безъ всякаго затрудненія дало бы возможность Вашему Величеству концентрировать въ своихъ рукахъ всѣ нити, идущія изъ самыхъ отдаленныхъ и незначительныхъ мѣстъ. Этотъ главный муниципалитетъ можетъ быть составленъ изъ депутатовъ отъ каждого провинціального собранія, при чемъ каждый изъ нихъ имѣлъ бы своего замѣстителя. Ваше Величество объявляли бы черезъ ministra финансовъ сумму, которая должна быть внесена всѣми провинціями.

Примѣчаніе. Это легко можетъ вызвать совершенную пустоту государственной казны. Мои парламенты привыкли санкционировать все, что отъ нихъ ни потребуютъ за счетъ народа; они привыкли отказывать въ санкціи и позволяютъ себя разогнать, если потребовать введенія налоговъ, затрагивающихъ ихъ личные интересы. Созвать земельныхъ собственниковъ моего королевства и потребовать отъ нихъ, чтобы они вотировали возлагаемые на нихъ налоги,—значить призвать ихъ къ сопротивленію противъ этого. Аббатъ Террэ ясно показалъ, что поступленіе налога обеспечено только тогда, когда онъ взимается по приказанію лицъ, которыхъ этотъ налогъ мало или совсѣмъ не затрагиваетъ. Идея учрежденія постояннаго

¹⁾ Съ этимъ должна быть соединена податная реформа въ направлениі „de supprimer par degrés les impositions spéciales au tiers-état, et même à la noblesse, d'établir une seule contribution uniforme pour tous les revenus“.

государственного представительства (*Etats généraux perpétuels*) можетъ оказаться роковой для монархіи, которая абсолютна только вслѣдствіе того, что ея авторитетъ недѣлимъ. Съ момента учрежденія подобного представительства единственнымъ посредникомъ между королемъ и его націей является армія и чрезвычайно достойно сожалѣнія, что послѣдней приходится ввѣрить охрану государственного авторитета отъ собрания франузовъ. Система г. Тюрго не болѣе, какъ красивая грэза (*beau rêve*). Кромѣ того, это—странная утопія человѣка, который по-лонъ благихъ намѣреній, но который тѣмъ не менѣе можетъ способствовать ниспроверженію существующаго порядка. Идеи г. Тюрго въ высшей степени опасны (*extrêmement dangereuses*), и ихъ новизна побуждаетъ бороться съ ними.

Проектъ. Все это можно осуществить въ этомъ и началѣ слѣдующаго года, но во всякомъ случаѣ муниципалитеты могутъ собраться не раньше первыхъ чиселъ октября, когда урожай снятъ и опредѣленъ его размѣръ.

Примѣчаніе. Это было бы настоящимъ воскресенiemъ изъ мертвыхъ, представительнымъ собранiemъ новой Франціи; но пока что старая Франція, именно: знатные лица государства, парламенты, штаты провинцій, старшины, купеческие комитеты, совѣтники—всѣ они, въ свою очередь, собирались бы и протестовали, чтобы узнать преступленіе, вызвавшее ихъ отставку.

Проектъ. По истечениіи нѣсколькихъ лѣтъ Ваше Величество повелѣвало бы новымъ народомъ и наилучшимъ изъ всѣхъ народовъ.

Примѣчаніе. Само собою разумѣется подобная собранія были бы новостью во Франціи, такъ какъ право собственности въ соединеніи съ правомъ рожденія и сословія, а также вмѣстѣ съ старыми формами монархического строя были бы уничтожены и замѣнены новой народной организацией.

Проектъ. Вмѣсто подкупности, трусости, интригъ и алчности, которыхъ вы видѣли, Ваше Величество, находите, вы встрѣтили бы повсюду добродѣтель, безкорыстіе, честность и рвеніе.

Примѣчаніе. Не знаю, будеть ли Франція, управляемая выборными отъ народа и самыми богатыми гражданами, добродѣтельнѣе, чѣмъ теперь, когда она управляется на основаніи правъ рожденія и лицами, избранными королемъ. Въ рядахъ администраторовъ, назначенныхъ моими предшественниками, среди высшаго духовенства, даже среди финансистовъ моего государства я знаю франузовъ, которые могли бы быть украшеніемъ всѣхъ извѣстныхъ націй. Переходъ отъ настоящаго режима къ предлагаемому немедленно г-омъ Тюрго (*que Mr. Turgot propose actuellement*) наводитъ на сомнѣнія: вѣдь хорошо извѣстно то, что есть, а не то, чего еще нѣть и что представляетъ собой только плодъ воображенія; и не слѣдуетъ производить никакихъ опасныхъ опытовъ, не представляя себѣ ихъ результатовъ.—

Кому приходилось читать этот письменный діалогъ короля съ его министромъ, тотъ не повѣрить утвержденіямъ Дю Пона, будто только личныя интриги Морепа были причиной паденія Тюрго, и не будь ихъ, послѣдній «serait peut-être resté ministre du roi jusqu'à sa mort». Удивительнымъ самообманомъ звучатъ слова Дю Пона, сопровождаю щія мемуаръ въ собраніи сочиненій Тюрго: (1809 г.): «Déplorons la malheureuse modestie du bon Louis XVI, qui l'empêchait de croire à la justesse de sa propre raison, et de tenir à ses propres affections, quand la majorité de ceux qui l'entouraient n'était pas de son avis».

Результатъ былъ совершенно обратенъ тому, на который разсчиты-
валъ Тюрго. Извѣстно, что отношение короля къ Тюрго уже послѣ
засѣданія парламента совершенно измѣнилось. Въ концѣ апрѣля про-
изошелъ знаменитый случай, который показалъ министру, что на-
ступило сильное охлажденіе короля къ нему. Король съ возрас-
тавшимъ нетерпѣніемъ сѣдила за докладомъ своего генерального
контролера по вопросу о замѣнѣ уходящаго изъ министерства Ма-
лерба аббатомъ de Very и по окончаніи доклада грубо спросилъ:
«Это все?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ повернулся спиной къ
министру и произнесъ: «Тѣмъ лучше!» Тюрго почувствовалъ себя
оскорблѣннымъ до глубины души. Полагая, что противъ него интри-
гуетъ первый министръ Морепа, Тюрго написалъ 30 апрѣля 1776 года
королю четыре письма, одно другого рѣзче. Какъ сообщаетъ Дю
Понъ, Тюрго хотѣлъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы добиться
паденія Морепа. Эти письма, которыя Тюрго просилъ сохранить въ
тайнѣ, видѣлъ Soulavie. Послѣдній приводитъ отрывокъ изъ наиболѣе
важнаго письма, которое должно было произвести глубокое впечатлѣніе
на нѣсколько трусливаго короля, именно указаніе, что въ свое время
слабость характера привела Карла I Англійскаго на эшафотъ. Недавно
былъ опубликованъ полный текстъ этого письма, извлеченаго изъ
литературного наслѣдства аббата de Very, которому его другъ Тюрго,
повидимому, послалъ копію. Это письмо представляетъ собой наиболѣе
энергичное изъ того, что осмѣлились заявлять своему королю не только
министры при старомъ режимѣ, но и вообще когда-либо. Между про-
чимъ тамъ говорится слѣдующее:

«Вы, Ваше Величество, сказали мнѣ, что Вамъ необходимо обду-
матъ положеніе дѣлъ и что Вы чувствуете недостатокъ опытности.
Да! Сиръ, Вы недостаточно опытны; я знаю, что въ 22 года и въ
Вашемъ положеніи нельзя обладать тѣмъ, что даетъ частнымъ ли-
цамъ въ смыслѣ житейского опыта общеніе съ подобными себѣ; но
развѣ Вы будете опытнѣе черезъ 8 дней, мѣсяцъ?... Личной опытности
у Васъ нѣтъ, но нѣтъ ли у Васъ свѣжей опытности Вашего дѣда,
чтобы чувствовать настоящую опасность Вашего положенія?... Для
Вашего управления самое необходимое это сила воли. Не забывайте,
Сиръ, что именно слабость привела Карла I на эшафотъ... Вы ска-

зали, Сиръ, что Вамъ недостаетъ опыта, что Вамъ необходимъ руководитель и что этотъ руководитель долженъ обладать проницательностью и энергией. Откровенно сознаться, я не понимаю Васъ. Вамъ могутъ говорить, что я горячая голова, что я мечтатель; но мнѣ кажется, все, что я говорю, не походитъ на выдумки глупца. Мнѣ кажется, что мѣропріятія, которыя я провелъ, не смотря на всеобщее недовольство и противодѣйствіе, увѣнчались именно тѣмъ успѣхомъ, какой я предсказывалъ; и если я не глупецъ, если въ указанной мною опасности есть хоть нѣкоторая реальность,—тогда, разъ Вы не желаете измѣнить себѣ самому, не слѣдуетъ изъ расположенія къ Морепа поддаваться увлечению».

Въ концѣ письма Тюрго высказываетъ вполнѣ понятное предчувствіе: «Если меня въ концѣ концовъ постигнетъ несчастіе и если это письмо послужить причиной Вашей немилости ко мнѣ, умоляю Ваше Величество, выскажите мнѣ это лично. Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что все это будетъ сохранено въ тайнѣ».

Кажется, просьбу о сохраненіи письма въ тайнѣ король исполнилъ. Онъ хранилъ письма въ конвергѣ, на которомъ его рукой было написано: «*Lettres de Turgot*»; ихъ видѣлъ именно такъ Soulavie. Объявить Тюрго лично о своей немилости король не согласился. 12 мая король предложилъ ему черезъ ministra Bertena (Bertin) сложить свои полномочія. Только 18 мая Тюрго покорился этому требованію и 20-го, дѣйствительно, послѣдовала его отставка. Рассказъ, будто приказъ объ отставкѣ засталъ Тюрго при составленіи отчета, при чемъ будто бы онъ отложилъ въ сторону перо, говоря: «Пусть это окончить мой преемникъ» ¹⁾, оказывается не болѣе, какъ красивымъ вымысломъ, относящимся къ болѣе позднему времени. Возможно, что Тюрго такъ никогда и не узналъ дѣйствительной причины своей отставки, которая, безъ сомнѣнія, заключалась въ неодобреніи королемъ его проектовъ реформы государственного управлѣнія. Короля, во всякомъ случаѣ, нельзя обвинять за то, что онъ разошелся съ министромъ, съ которыемъ у него не было никакихъ точекъ соприкосновенія.

Послѣ своей отставки, Тюрго вернулся всепѣло къ своимъ научнымъ занятіямъ. Аббатъ Морелле, его старинный другъ еще съ того времени, когда они вмѣстѣ были учениками Гурнэ, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ ²⁾, что онъ часто посѣщалъ Тюрго и послѣ отставки. «Rage de perfection», которую Тюрго проявилъ, будучи министромъ, не покидала его и въ уединеніи. Вмѣстѣ съ аббатомъ Рошонъ онъ задался цѣлью опредѣлить экспериментальнымъ путемъ годную для всякаго времени и мѣста точку термометра, чтобы на ней построить неизмѣнную скалу. Морелле тогда будто бы замѣтилъ ему:

¹⁾ G. Kellner, Zur Geschichte des Physiokratismus, Göttingen 1847, стр. 156.

²⁾ Т. I, стр. 16 и сл.

«Вы поступаете въ физикѣ точно такъ, какъ раньше въ политикѣ: также и здѣсь Вы боретесь противъ природы, которая все таки сильнѣе Васъ и которая не хочетъ, чтобы человѣкъ обладалъ абсолютной мѣрой чего-либо».

Плодомъ этихъ его занятій въ уединеніи явилось, безъ сомнѣнія, второе обработанное изданіе его «*Eloge de Gournay*». Это особенно ясно видно изъ того, что въ этомъ лучшемъ изъ всѣхъ его сочиненій, онъ особенно старается защитить своего героя отъ упрека, будто онъ былъ *hostile à système*. Есть основаніе думать, что этимъ онъ хотѣлъ защитить себя самого отъ вѣчнаго упрека дѣлавшагося ему, когда онъ былъ министромъ. Мы можемъ смотрѣть на «*Eloge de Gournay*» во второмъ изданіи, какъ на экономическое завѣщеніе Тюрго, какъ бы на «*Eloge*» его самого. Окончено оно было, по моему, приблизительно въ 1780 году. 18 марта 1781 года Тюрго умеръ, 54-хъ лѣтъ отъ роду, въ Парижѣ, какъ онъ самъ это предчувствовалъ, отъ наследственной болѣзни—ревматизма.

b. *Тюрго, какъ теоретикъ*. Въ общемъ основная теоретическая точка зрѣнія Тюрго уже выяснена нами, когда мы противоставляли его Гурнэ. Мы видѣли, что онъ не былъ настоящимъ ученикомъ послѣдняго. Былъ ли онъ ученикомъ Кэнэ? Какъ известно, Тюрго съ гордостью заявлялъ, что онъ—послѣдователь обоихъ. Строго судя, это также не вѣрно, какъ и первое. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе важно установить, что существуетъ общераспространенное мнѣніе, будто въ «*Réflexions sur la formation et la distribution des richesses*» Тюрго физіократическая система достигла высшей точки своего развитія, и для ея пониманія совершенно достаточно знакомства съ этой работой; паденіе Тюрго можетъ считаться наиболѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ ложности всей доктрины Кэнэ.

Въ дѣйствительности же, къ Тюрго приложимо то же, что и ко всей школѣ: именно, что ему остался чуждъ истинный духъ ученія Кэнэ. Хотя Тюрго, правда, чуждался Мирабо и собраній, происходившихъ у послѣдняго, такъ какъ ему не нравился господствовавшій тамъ духъ сектантства, однако теоретически онъ стоялъ на той же радикальной почвѣ. Такимъ образомъ, онъ дальнѣйшій представитель того политического радикализма, который, какъ мы видѣли, начинается Сенъ-Пьерромъ и продолжается д'Аржансономъ, Кантильономъ и Мирабо. Наилучшее выраженіе этотъ радикализмъ нашелъ, какъ известно, въ д'Аржансонѣ, который первый провозгласилъ принципъ «*Laissez faire*» руководящимъ началомъ экономической политики, причемъ онъ выставилъ требованіе, чтобы товары также свободно могли переходить границы страны, какъ воздухъ и вода. Интересно замѣтить, что его «*Демократія въ Монархіи*» предлагала построить государство на совокупности небольшихъ общинныхъ республикъ, какъ Тюрго на муниципалитетахъ.

Державшійся консервативныхъ убѣждений Кэнэ, какъ извѣстно, не одобрялъ подобныхъ воззрѣній. У него все вращается около противоположенія «ordre naturel» и «ordre positif». О подобномъ разграничении въ *Réflexions* нѣтъ и рѣчи. Хотя въ другихъ своихъ произведеніяхъ Тюрго при случаѣ касается противоположенія обоихъ понятій, но ясно, что авторъ не составилъ себѣ опредѣленного мнѣнія на этотъ счетъ. Во всякомъ случаѣ «ordre positif» не занимаетъ у Тюрго такого мѣста, какъ у Кэнэ. Между прочимъ Тюрго говоритъ: «Tout ce que les lois positives ont à faire se réduit à ne rien retrancher et à ne rien ajouter à ce qu'établit l'équité naturelle»¹⁾). Вообще знаніе, какъ таковое, оперируетъ не съ несовершенной дѣйствительностью, а съ болѣе совершеннымъ состояніемъ. «C'est toujours le mieux dont on doit s'occuper dans la théorie»²⁾). Онъ думаетъ, что не представлять никакихъ особыхъ затрудненій сейчасъ же реализовать это лучшее. Правда, въ концѣ своего «Mémoire sur les prêts d'argent» Тюрго высказываетъ мнѣніе, что при отмѣнѣ законовъ о ростовщичествѣ необходимо приступать къ дѣлу осторожно и считаться съ мнѣніемъ народа, который противъ этого. Но насколько мало считается онъ съ этимъ, показываетъ дѣлаемое имъ непосредственно затѣмъ предложеніе: «La voie la plus directe pour y parvenir, et celle à laquelle j'avoue que j'inclinerais beaucoup, serait d'interdire entièrement par une loi toute poursuite criminelle pour fait d'usure»³⁾). Трудно сказать, что оставалось еще дѣлать для уничтоженія законовъ о ростовщичествѣ послѣ подобнаго, якобы подготовительного шага. Впрочемъ, намъ приходитъ на память, что Тюрго надѣялся осуществить свою реформу французского государственного строя согласно своему проекту муниципалитетовъ—въ одно мгновеніе. Не даромъ самъ Людовикъ XVI не могъ удержаться отъ насмѣшки надъ тѣмъ, будто «tout cela peut se faire tant cette année qu'au commencement de l'année prochaine».

Впечатлѣніе не измѣнится, если мы перейдемъ къ частностямъ. Укажемъ кстати, что Тюрго нигдѣ не упоминаетъ о *Tableau économiique*, изученіемъ которой онъ, очевидно, не занимался. Но даже тамъ, гдѣ онъ примыкаетъ къ Кэнэ, онъ обнаруживаетъ недостатокъ точности. Правда, мы находимъ и у него главный тезисъ доктрины что земля является источникомъ всѣхъ богатствъ, но формулировка, которую онъ даетъ ему въ своихъ *«Réflexions»*—неясна и ошибочна. Такъ заглавіе къ § VII гласитъ: «Le laboureur est le seul dont le travail produise au delà du salaire du travail. Il est donc l'unique source de toute richesse». Въ поясненіе онъ прибавляетъ: «Le laboureur recueille,

¹⁾ E. Daire. Oeuvres de Turgot, t. II, стр. 164.

²⁾ Тамъ-же, стр. 393.

³⁾ Тамъ же, стр. 144.

outre sa subsistance, une richesse disponible, qu'il n'a point achetée et qu'il vend. Il est donc l'unique source des richesses». Что земледѣлецъ, кромѣ средствъ своего существованія, производить еще и излишокъ или, какъ говорится дальше въ указанномъ мѣстѣ, «un superflu que la nature lui accorde en pur don au delà du salaire des ses peines», — это говоритъ и Кэнэ, но ни ему, ни кому-либо изъ его учениковъ никогда не приходило въ голову видѣть въ земледѣльца источникъ всѣхъ богатствъ. Наоборотъ, Кэнэ остерегался подобнаго смѣшения орудія производства съ самимъ источникомъ его. Въ дѣйствительности, признаніе земледѣльца источникомъ всѣхъ богатствъ привело бы къ совершино другимъ результатамъ. Тогда, по праву, налоги должны были нести земледѣлецъ, а не земля. А это именно обстоятельство и являлось въ глазахъ Кэнэ той ненормальностью, которая укоренилась вслѣдствіе злоупотребленій и противъ которой была направлена вся его система. Но въ данномъ случаѣ Тюрго не стоитъ въ принципіальномъ разногласіи съ Кэнэ; все дѣло въ неточности выраженія; это видно изъ того, что въ другомъ мѣстѣ того же Réflexions... онъ правильно формулируетъ указанное отношеніе. § LIII онъ начинаетъ слѣдующими словами: «C'est toujours la terre qui est la première et l'unique source de toute richesse; c'est elle qui, par la culture, produit tout le revenu». Допущенныхъ имъ противорѣчій въ опредѣленіяхъ Тюрго не замѣчается. Подобныхъ неясностей понятій — такъ какъ именно о нихъ идетъ въ этомъ случаѣ рѣчь — въ Réflexions можно найти очень много. Но едва ли стоитъ дальше изслѣдовать этотъ вопросъ.

Тюрго принято приписывать ту заслугу, что онъ вмѣсто терминовъ Кэнэ «classe des propriétaires», «classe productive» и «classe stérile» — ввѣгъ лучшіе: «classe disponible», «classe productrice» и «classe stipendiée». Въ этой формѣ подобное мнѣніе нельзя признать вѣрнымъ. Во всякомъ случаѣ, послѣдніе термины Тюрго употреблялъ особенно охотно вѣроятно потому, что первые потеряли до известной степени свой кредитъ. Однако, мимоходомъ они встрѣчаются и у Кэнэ. Нельзя сказать, чтобы выборъ Тюрго обусловилъ собой большую ясность понятій.

Правда, въ одномъ принципіальномъ пунктѣ, повидимому, Тюрго превосходитъ Кэнэ большей опредѣленностью. Это — учение о деньгахъ. Намъ вспоминается старый споръ между меркантилистами по вопросу о томъ, нужно ли видѣть въ деньгахъ общественно-государственный институтъ, иѣчто вродѣ представительного знака или просто частную цѣнность, товаръ, какъ и всякий другой. Dudley North былъ главнымъ сторонникомъ послѣдняго взгляда. Кэнэ также склонялся къ этому взгляду, но дѣлая извѣстныя оговорки. Что касается Тюрго, то онъ цѣлкомъ присоединяется къ нему. Этотъ взглядъ является въ извѣстной мѣрѣ центральнымъ пунктомъ его теоріи.

Еще когда Тюрго не былъ знакомъ ни съ Кэнэ, ни съ Гурнэ, а

быть 22-хлѣтнимъ начинаящимъ теологомъ, въ отрывкѣ письма, найденного Дю Пономъ въ бумагахъ ministra, письма, написаннаго товарищу по занятіямъ, впослѣдствіи аббату de Cicé,—онъ подробно, высказывается по этому вопросу. Поводомъ къ этому послужило небольшое сочиненіе аббата Террасона, защищавшее систему Ло; тамъ было выставлено слѣдующее положеніе: «Ces deux m taux (*l'or et l'argent*) ne sont que les signes qui repr sentent les richesses r elles, c'est- -dire les denr es». Талеръ есть не что иное, какъ вексель на эквивалентную цѣнность, выраженную въ съѣстныхъ припасахъ «et l'effigie du prince tient lieu de signature». Отсюда слѣдуетъ, что безразлично, будетъ ли этотъ знакъ сдѣланъ изъ бумаги или металла. Противъ подобнаго мнѣнія и высказывается Тюрго. Только вещь, сама обладающая цѣнностью, можетъ выполнять функцию масштаба и эквивалента цѣнности. Мнѣніе Ло представляетъ собой иллюзію, стоящую на одинаковой ступени съ идеей философскаго камня. Съ другой стороны, мы знаемъ, что идеи Ло не вполнѣ точно совпадаютъ съ идеями, высказанными аббатомъ Террасономъ; поэтому товарищъ Дэра по изданію сочиненій Тюрго, Hypolyte Dussard указалъ на то, что Тюрго совершенно невѣрно приписываетъ Ло взгляды аббата. Какъ бы то ни было, Тюрго во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ твердо держится положенія «*l'argent et l'or sont deux marchandises comme les autres*», именно: въ Réflexions (§ XXX и сл.), затѣмъ въ «M moire sur les pr ts d'argent», въ фрагментѣ «Valeurs et Monnaies» и т. д. Изъ указаннаго тезиса онъ умозаключаетъ обратно: «Toute marchandise est monnaie» (§ XXXIX—Réflexions). Каждый товаръ можетъ служить масштабомъ цѣнности для каждого другого товара. «Il n'y a de gage universellement repr sentatif d'une valeur q'une autre valeur  gale. Une monnaie de pur convention est donc une chose impossible» (тамъ же—§ XXXIX). Отсюда ясно видно, что деньги, въ силу своей природы, не являются устойчивымъ масштабомъ, но что, наоборотъ, послѣдній зависитъ отъ спроса и предложения, а потому подверженъ постояннымъ колебаніямъ. Только въ силу физическихъ причинъ, такъ какъ благородные металлы обладаютъ извѣстными преимуществами для роли мѣрила цѣнности и орудія обращенія, представляется возможность употреблять ихъ для указанной цѣли. Государственный штемпель имѣеть только то значеніе, что подтверждаетъ вѣсть и содержаніе монеты, но ни въ коемъ случаѣ не опредѣляетъ ихъ цѣнности; отсюда выводится тезисъ: «*L'or et l'argent sont constitu s, par la nature des choses, monnaie et monnaie universelle, ind pendamment de toute convention et de toute loi*» (§ XLIII).

Итакъ мы видимъ, что Тюрго рѣшаетъ вопросъ просто. Онъ и не догадывается о сложности денежной проблемы. Эти поверхность и односторонность, которыхъ въ сущности возвращаются настъ къ методу теоріи натурального обмѣна,—впослѣдствіи стали шаблономъ и въ *

общемъ господствуютъ въ политической экономіи и до настоящаго времени, хотя Кэнз и Адамъ Смитъ признавали этотъ принципъ только съ оговорками.

Съ теоріей денегъ у Тюрга тѣсно связано учение о *процентахъ*. Если деньги—товаръ, какъ и всякий другой, если обратно всякий товарь—деньги, то накопленный денежный запасъ по существу не отличается ничѣмъ отъ накопленного запаса товаровъ. Какъ послѣдніе можно продавать и отдавать въ наемъ, ставя при этомъ свои условія, такъ можно поступать и съ деньгами. Поэтому государство такъ же не вправѣ запрещать или ограничивать продажу или отдачу въ наемъ денежной суммы, какъ и продажу и отдачу въ наемъ любого изъ товаровъ. Свобода процента—прямое слѣдствіе свободы торговли, а послѣдняя, въ свою очередь, есть слѣдствіе права собственности, какъ такового; т.-е. изъ права индивидуума свободно распоряжаться принадлежащими ему вещами—все равно, въ пѣляхъ потребленія или производства—вытекаетъ постулатъ абсолютной свободы процента. Какъ тамъ, такъ и здѣсь имѣеть значеніе только законъ спроса и предложения. На государство въ данномъ случаѣ не падаетъ никакихъ обязанностей. Возможность убытка для кого-либо изъ участующихъ въ обмѣнѣ исключена какъ тамъ, такъ и здѣсь, ибо «*dans tout commerce d'homme à homme on donne toujours valeur égale pour valeur égale*». Здѣсь господствуетъ гармонія интересовъ. Единственный случай, когда ссудныя операции могутъ нарушать чьи-либо интересы,—тотъ, когда отдача въ ростъ денегъ расточительнымъ молодымъ людямъ является профессіей. Но, думаетъ Тюрго, «*en tout cas c'est à eux et non pas à la loi à s'occuper du soin de conserver leur patrimoine*»¹⁾). Передъ нами въ чистомъ видѣ позднѣйшая манчестерская теорія. Тюрго подробно возражаетъ схоластикамъ и канонистамъ. Новаго ничего при этомъ онъ не высказываетъ. Онъ упрекаетъ ихъ прежде всего въ томъ, что они не поняли священнаго писанія, смѣшавъ предписанія морали съ требованіями положительного закона. Да же онъ опровергаетъ аргументъ Аристотеля, что деньги не могутъ производить денегъ; при этомъ, по его словамъ, упускается изъ виду, что якобы бесплодныя, деньги у всѣхъ народовъ не только являются эквивалентомъ всѣхъ товаровъ, «*mais encore des fonds de terre qui produisent un revenu très réelle*». Мы знаемъ, что этотъ аргументъ первый разъ былъ употребленъ съ особенной силой Кальвиномъ, который, впрочемъ, этимъ хотѣлъ уничтожить запрещеніе процента, а отнюдь не его законодательное регулированіе, такъ какъ онъ былъ сторонникомъ послѣдняго; это относится и ко всѣмъ послѣдующимъ теоретикамъ процента. Тюрго наоборотъ распространяетъ этотъ аргументъ на законодательство о процентахъ вообще. Онъ сва-

¹⁾ *Oeuvres de Turgot*, t. I, p. 141.

ливаетъ въ одну кучу абсолютное запрещеніе процента и свободу отъ всякаго законодательного регулированія. И въ данномъ случаѣ снова сказывается его радикализмъ. Тюрго признаетъ возможными вообще только двѣ системы: 1) *système des prohibitions*, которая господствовала въ *siècles d'ignorance* и 2) *système de la liberté*, которая начинаетъ завоевывать себѣ признаніе въ настоящее время и которая обнимаетъ «*vrais principes de l'humanité éclairée*». Первая—абсолютно должна, вторая—абсолютно вѣрна; средняго не можетъ быть. Онъ неоднократно повторяетъ, что суть не въ томъ, чтобы улучшать зло, а въ томъ, чтобы его уничтожить ¹⁾.

1) Насколько неспособенъ былъ Тюрго уяснить себѣ способъ мышленія другого и вообще понять умѣренную точку зрѣнія,—видно изъ его отношенія къ английскому экономисту Теккеру. Въ 1755 году, какъ мы знаемъ, Тюрго перевѣль на французскій языкъ небольшое сочиненіе Теккера (*Questions importantes sur le commerce*), чѣмъ онъ пріобрѣлъ и укрѣпилъ дружбу съ Гурнэ. Мы знали автора (см. выше стр. 441) какъ либеральнаго меркантилиста, который былъ сторонникомъ теоріи торговаго баланса, но (какъ и Гурнэ) былъ умѣренъ въ практическихъ требованіяхъ. Дю Понъ опубликовалъ изъ литературнаго наслѣдства Тюрго два письма его къ Теккеру, изъ которыхъ одно датировано 12 Сент. 1770 г. изъ Парижа, а другое 10 Дек. 1773 г. изъ Лиможа. (Переиздано у Дѣра, т. II, стр. 801 и 803 и сл.). Хотя тогда уже Тюрго укрѣпился въ своемъ экономическомъ радикализмѣ, однако, въ обоихъ письмахъ онъ исходить изъ предположенія, будто между ихъ воззрѣніями едва ли существуетъ разница. Онъ говорить въ первомъ: „*Je vois par vos ouvrages que nos principes sur la liberté et sur les principaux objets de l'économie politique se ressemblent beaucoup. Je vous avoue que je ne puis m'empêcher d'être étonné que, dans une nation qui jouit de la liberté de la presse, vous soyez presque le seul auteur qui ait connu et senti les avantages de la liberté du commerce, et qui n'ayez pas été séduit par la puérile et sanguinaire illusion d'un prétendu commerce exclusif*“. Какъ гражданинъ мира (*citoyen du monde*) Тюрго съ радостью видѣть предстоящее исчезновеніе „*fantôme de la jalouse du commerce*“. Во второмъ письмѣ онъ опять возвращается къ этой темѣ: „*Je suis tout à fait de votre avis sur l'inutilité de la gratification que votre gouvernement a si longtemps accordée en faveur de l'exportation des grains. Mes principes sur cette matière sont: liberté indéfini d'importer, sans distinction de bâtiments de telle ou telle nation et sans aucun droit d'entrée; liberté pareillement indéfinie d'exporter sur toute sorte de bâtiments, sans aucun droit de sortie et sans aucune limitation, même dans les temps de disette; liberté dans l'intérieur de vendre à qui l'on veut, quand et où l'on veut, sans être assujetti à porter au marché public, et sans que ce soit se mêlé de fixer les prix des grains ou du pain. J'étendrais même ces principes au commerce de toute espèce de marchandises etc*“. На основаніи этихъ словъ политическая экономія 19 столѣтія хотѣла видѣть въ Теккерѣ главнаго представителя теченія „*Laissez faire*“ и одного изъ самыхъ выдающихся предшественниковъ манчестерской теоріи. Кто же самъ читаль его—кстати сказать, маловыдающіяся—сочиненія, тотъ знаетъ, что это совершенно невѣрно. Рекомендуется же онъ введеніе въ Англіи мануфактурныхъ инспекторовъ по французскому образцу, мѣра, противъ которой, какъ мы видѣли, высказывался со всей энергией даже Гурнэ. Итакъ, въ письмѣ къ самому автору Тюрго не могъ стать выше самого себя и превратить либеральную точку зрѣнія Теккера въ радикальную.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ онъ такъ же мало имѣетъ общаго съ Кэнэ, какъ позже съ Адамомъ Смитомъ. Послѣдніе были сторонниками законодательного регулированія процента и, какъ мы знаемъ, Кэнэ особенно насыпался надъ тѣми, которые утверждали «que le prix de l'argent prêté à intérêt doit être aussi libre et aussi variable que le prix des denrées aux marchés». Это именно и есть точка зрѣнія Тюрго. Въ общемъ же, Кэнэ стоитъ за высокій процентъ, Тюрго за низкій. Первый желалъ возможно больше ограничить оборотъ капиталами, послѣдній, наоборотъ, измѣрялъ величину народнаго благосостоянія количествомъ скопленныхъ въ данной странѣ и пущенныхъ въ обращеніе капиталовъ и т. д. Очевидно, что ихъ точки зрѣнія совершенно различны; поэтому съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что Тюрго такъ же мало былъ настоящимъ ученикомъ Кэнэ, какъ мало, насколько мы видѣли раньше, онъ былъ ученикомъ Гурнэ.

Необходимо обратить вниманіе еще на одинъ особенный пунктъ. При чтеніи экономическихъ сочиненій Тюрго прежде всего бросается въ глаза и поражаетъ совершенное отсутствіе исторической точки зрѣнія. Ярче всего это проявляется въ вопросѣ объ осуществленіи его проекта организаціи муниципалитетовъ. Проектъ, какъ известно, начинается слѣдующими словами: «Pour savoir s'il convient d'établir des municipalités en France... il ne s'agit de remonter à l'origine des administrations municipales, de faire une relation historique» etc. Слишкомъ долго, говорится тамъ, при важныхъ обстоятельствахъ спрашивали о томъ, «qu'ont fait nos ancêtres dans des temps que nous convenons nous-mêmes avoir été des temps d'ignorance et de barbarie». Лучше руководствоваться правами и интересами людей; такъ какъ «les droits des hommes réunis en société ne sont point fondés sur leur histoire, mais sur leur nature. Il ne peut y avoir de raison de perpétuer les établissements faits sans raison. Les rois, prédecesseurs de Votre Majesté... se sont trompés quelquefois» etc. Необходимо считаться съ потребностями и способностями націи. «C'est ce qui serait plus utile que l'historique des positions passées». Этимъ духомъ проникнуть весь проектъ. Составляя свой проектъ, Тюрго не считался съ исторіей государства, которое онъ собирался реформировать; онъ становится даже во враждебное отношеніе къ его прошлому. Но какъ же согласить съ этимъ взглядомъ то обстоятельство, что въ соціологическихъ и философскихъ трудахъ, Тюрго постоянно признается однимъ изъ родоначальниковъ философіи исторіи и, нужно сознаться, не безъ извѣстнаго основанія. Какъ объясняется это?

Обратимся къ раннимъ трудамъ Тюрго, которые относятся къ тому періоду, когда онъ, не будучи ученикомъ ни Гурнэ ни Кэнэ, въ качествѣ пріора Сорбонны, какъ известно, прочиталъ два реферата; первый — 3 Іюля 1750 г. о пользѣ, которую принесло человѣчеству введеніе христіанства, и второй — 11 Декабря того же года о постепенномъ прогрессѣ человѣческаго духа. Тогда оба эти реферата въ

печати не появились. И впервые они были опубликованы много лѣтъ спустя послѣ смерти Тюрго, въ полномъ собраніи его сочиненій (1809—11), предпринятомъ Дю Пономъ, при чмъ были внесены иѣ-которыя дополненія, найденные издателемъ въ рукописи. Въ этихъ статьяхъ, взятыхъ въ цѣломъ, заключается планъ большой работы по всеобщей исторіи и стоящей въ связи съ послѣдней политической географіи,—планъ, оставшійся неосуществленнымъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ эскизомъ философіи исторіи, набросаннымъ крупными штрихами Дю Понъ разсказываетъ о происхожденіи этой работы слѣдующее. Какъ членъ Сорбонны, Тюрго занялся изученіемъ «*Discours sur l'histoire universelle*» Боссиюта. Восхищенный способомъ изложенія автора, Тюрго однако не вполнѣ былъ удовлетворенъ содержаніемъ сочиненія. Поэтому онъ задумалъ, «de recomposer ce livre, de lui donner l'etendue qu'il aurait desiree et d'y consigner les principes que l'illustre evêque de Meaux avait passé sous silence, n'avait peut-être pas conçus, n'aurait peut-être adoptées»¹⁾. Планъ этотъ однако былъ слишкомъ широко задуманъ, чтобы быть осуществленнымъ. Проектъ «политической географіи» Тюрго составилъ для одного изъ своихъ товарищей, который намѣревался написать подобный трудъ. Самъ Тюрго задумалъ написать сочиненіе, состоящее изъ трехъ частей: первая—*histoire universelle*, вторая—*géographie politique* и послѣдняя—*toute la science de gouvernement*²⁾.

Если прочесть названныя работы, трудно поверить, что они написаны авторомъ «*Réflexions*» и «*Mémoire au Roi sur les municipalités*». Въ этихъ раннихъ произведеніяхъ онъ является теоретикомъ эволюціи. Въ физической природѣ существуютъ только подчиненные непреложимъ законамъ рождение и смерть: «Tout renait, tout pérît». Прогресса здѣсь нѣтъ. «La succession des hommes, au contraire, offre de siècle en siècle un spectacle toujours varié». Каждое поколѣніе оставляетъ послѣдующему «trésor commun», что ведетъ къ непрерывному прогрессу, какъ у отдельныхъ индивидовъ. Тюрго говоритъ: «le genre humain considéré depuis son origine, paraît aux yeux d'un philosophe un tout immense, qui lui-même a, comme chaque individu, son enfance et ses progrès»³⁾. Въ цѣломъ развитіе проходитъ три стадіи. Низшая—

¹⁾ *Daire, Oeuvres de Turgot*, t. II, стр. 627.

²⁾ Самъ Тюрго высказывается о задуманномъ имъ планѣ такъ: онъ хотелъ „donner 1°—une histoire universelle raisonnée, 2°—une géographie politique qui en serait la suite, 3°—un traité du gouvernement, qui renfermerait ce que j'appelle la théorie de la géographie politique“. Тамъ же, стр. 614.

³⁾ Тамъ же, стр. 598. Эта мысль повторяется часто, такъ напр., на стр. 627, гдѣ говорится: „Une combinaison continue de ces progrès avec les passions et avec les événements qu'elles ont produits, forme l'histoire du genre humain, où chaque homme n'est plus qu'une partie d'un tout immense qui a, comme lui, son enfance et ses progrès“.

это варварство. Здѣсь господствуетъ равенство; деспотизмъ является необходиомой формой правленія. На второй ступени развитія проявляются национальныя и индивидуальныя различія, которые зависятъ отъ воспитанія и склонностей извѣстныхъ народовъ, а также отъ территоріальныхъ условій и климата страны. Здѣсь Тюрго упрекаетъ Монтескье за то, что онъ преувеличивалъ влияніе климата. На этой ступени націи вступаютъ въ взаимныя сношенія и борьбу между собой. Государственное устройство становится республиканскимъ, чтобы снова смѣниться деспотизмомъ. Дѣло въ томъ, что анархія всегда рождаетъ деспотизмъ. Въ общемъ нѣтъ тираніи хуже тираніи большинства. Постепенно, съ прогрессомъ просвѣщенія, послѣ постоянныхъ колебаній отъ одной крайности къ другой—наступаетъ равновѣсіе. «*Dans ces balancements tout se rapproche peu à peu de l'équilibre et prend à la longue une situation plus fixe et plus tranquille*»¹). Этой ступени развитія соотвѣтствуетъ своя форма государственного устройства: просвѣщенный абсолютизмъ. «*Le souverain est le seul point de réunion*»²). Обѣ Сорбоннскія рѣчи оканчиваются пламеннымъ обращеніемъ къ Людовику XV, котораго онъ восхваляетъ еще мечтательнѣе, чѣмъ въ той рѣчи, которая намъ извѣстна изъ мемуаровъ Madame Du Haussset.

Эту общую историко-философскую мысль, основой которой служить принципъ относительности, Тюрго думалъ конкретизировать въ политической географіи, второй части задуманного труда. Къ сожалѣнію, до насъ дошелъ только изрядно запутанный фрагментъ, въ которомъ между прочимъ есть указанія и на содержаніе третьей части; особаго наброска послѣдней не имѣется. Тюрго былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что «*science du gouvernement*» должна опираться на политическую географію, подъ которой онъ разумѣетъ всеобщую статистику, такъ что онъ въ извѣстномъ смыслѣ у него совпадаютъ.

Какъ сильно отличается эта точка зрѣнія отъ высказанной черезъ 10 лѣтъ въ уже упомянутомъ письмѣ къ Mademoiselle de l'Espinasse, гдѣ онъ слѣдующимъ образомъ возражаетъ на диалоги Галіани, исходящіе изъ той же идеи зависимости государственной политики отъ политico-географическихъ условій: «*Je dirai encore généralement que quiconque n'oublie pas qu'il y a des Etats politiques séparés les uns des autres et constitués diversement, ne traitera jamais bien aucune question d'économie politique*»³). Чтобы понять въ какое неизримое противорѣчіе

¹) Тамъ же, стр. 599.

²) Тамъ же, стр. 625.

³) Тамъ же, стр. 800. Удивительно, что В. Ропшъ совершенно не понялъ этого мѣста. Въ своей „Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland“ (München 1874, S. 481), онъ сочувственно замѣчаетъ, что „Гурнэ и Тюрго значительно смягчили теорію Кэнэ: одинъ объявилъ продуктивную и промышленность, другой призналъ практическій смыслъ за тѣмъ, кто „n'oublie pas, qu'il y a des Etats politiques séparés les uns des autres et constitués diver-

попалъ Тюрго, достаточно вспомнить слова, съ которыми онъ обратился къ королю: для того, чтобы дать Франції новую конституцію, нѣть нужды обращаться къ ея исторіи: на природу, а не на исторію необходимо опираться при этомъ; въ томъ именно и заключается ошибка практиковавшейся до сихъ поръ политики, что считались съ исторіей.

Какъ произошелъ въ Тюрго этотъ переворотъ, — такъ какъ именно о послѣднемъ, а не о простой перемѣнѣ взглядовъ идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь, — и сознавалъ ли его онъ самъ? Для отвѣта на послѣдній вопросъ мы не находимъ данныхъ въ остальныхъ его сочиненіяхъ. Онъ могъ или просто на просто забыть свои раннія произведения или видѣть въ нихъ юношескіе грѣхи, о которыхъ не стоитъ вспоминать, а такъ какъ они не были напечатаны, то не было и повода публично отъ нихъ отрекаться. Что касается первого вопроса, то такова уже была психологія Тюрго, что онъ, покинувъ извѣстную точку зрѣнія, могъ стать только на противоположную. Средняго для него не существовало. Между прочимъ тѣ, которые цѣнятъ въ Тюрго философа исторіи, не должны забывать того, что онъ не остался вѣренъ своему девизу, но впослѣдствіи стала поклоняться другимъ богамъ.

Подобный переломъ мыслимъ только въ человѣкѣ, который лишенъ настоящей оригинальности, который свои идеи черпаетъ извѣснѣ, чтобы все воспринятое удержать со всемъ упорствомъ второразряднаго ума. Въ дѣйствительности Тюрго не заслуживаетъ мѣста, которое ему до сихъ поръ отводили благоволящіе къ нему историки. Если назначеніе Тюрго министромъ было промахомъ, который не могъ не отразиться тяжело на Франціи, такъ какъ онъ еще больше запуталъ начала управлѣнія, — то при этомъ больше всего пострадало ученіе Кэнэ, которое имъ превратно понималось, примѣнялось на дѣлѣ и, такимъ образомъ, было совершенно дискредитировано. Если приглядѣться ближе, то окажется, что Тюрго погибъ жертвой своихъ личныхъ ошибокъ, а не системы физіократовъ. Его паденіе поэтому не можетъ служить аргументомъ противъ правильности ученія Версальскаго врача, но скорѣе противъ экономического радикализма его школы, съ которой Тюрго какъ практическі, такъ и теоретически, стоялъ на одинаковой почвѣ.

Установливая этотъ фактъ, мы отнюдь не желаемъ ломать копій для доказательства истинности ученія Кэнэ. Продуктъ своего времени,

sement". Какъ извѣстно, хронологически Гурнэ предшествовалъ Кэнэ; что касается Тюрго, то смыслъ оригинала совершенно обратный. Было бы противорѣчіемъ со взглядами, высказанными Тюрго въ остальныхъ экономическихъ сочиненіяхъ, если бы онъ утверждалъ что-либо подобное сказанному Рошеромъ. Наоборотъ, сравнительно съ Тюрго именно Кэнэ отличался практическимъ духомъ.

система физиократовъ обладала относительной вѣрностью только для этого времени. Но подобная заслуга за ней дѣйствительно имѣется и ее не слѣдуетъ отрицать дешевыми фразами.

с. Конецъ системы физиократовъ. 10 Мая 1776 года Малербъ получилъ согласіе на просимую имъ отставку. 12 Мая король послалъ старого министра Бертена къ Тюрго чтобы сказать послѣднему, что онъ въ свою очередь можетъ покинуть министерскій постъ. Этимъ завершился хотя и краткій, но очень важный по своимъ послѣдствіямъ періодъ въ исторіи французского государства.

До сихъ поръ не было извѣстно или лишь глухо упоминалось, что съ Тюрго въ концѣ концовъ порвала сама группа физиократовъ. Чтобы не быть скомпрометированнымъ ихъ несвоевременнымъ энтузіазомъ и сектантствомъ, Тюрго совершенно разошелся съ ними. Вновь основанныя «*Nouvelles Ephémérides*» въ первомъ же нумерѣ напечатали высокопарную надгробную рѣчъ Мирабо о скончавшемся 16 Декабря 1774 г. Кэнѣ; въ ней Мирабо называлъ себя духовнымъ наслѣдникомъ Кэнѣ, «старѣйшимъ сыномъ доктрины»—демонстрація, вызвавшая всеобщія насмѣшки своей напыщенностью¹⁾). Тюрго снова сталъ все больше сходиться съ своими друзьями-энциклопедистами и по возможности старался сторониться секты. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ тотъ фактъ, что Дю Понъ, несмотря на свою близость къ Тюрго, никогда не узналъ, что выработанный имъ проектъ организаціи муниципалитетовъ былъ представленъ королю, по крайней мѣрѣ онъ до конца своей жизни съ упорствомъ отрицалъ это.

Объ этихъ взаимныхъ раздорахъ намъ даетъ представление не-напечатанное до сихъ поръ письмо, которое редакторъ «*Nouvelles Ephémérides*», аббатъ Бодо написалъ въ Стокгольмъ графу фонъ-Шефферу 15 Марта 1776 г., слѣдовательно наканунѣ паденія Тюрго и въ которомъ говорилось слѣдующее: «Получите съ этимъ письмомъ разясненіе той загадки, которая, очевидно, беспокоитъ Ваше Сіятельство. У насъ здѣсь имѣется нѣчто вродѣ философскаго общества, это—энциклопедисты. Послѣдніе никогда не любили экономистовъ; за что, я не знаю, но это неоспоримый фактъ. Господинъ Тюрго раньше любилъ насъ всѣхъ и я думаю, что онъ любитъ насъ всѣхъ и теперь, но его друзья водятъ дружбу съ энциклопедистами и настроены противъ насъ. Ему въ настоящее время внушали, что экономисты, пользующіеся плохой репутацией у парижскаго общества, компрометируютъ его, это ихъ буквальное выраженіе, поскольку онъ за одно съ ними и питаетъ къ нимъ расположение. Всѣдствіе этого, насъ сначала отѣснили на задній планъ, а затѣмъ нами пожертвовали. Съ тѣхъ поръ, какъ Тюрго сталъ министромъ, Мирабо имѣлъ у него всего одну аудіенцію, весьма холодную и продолжавшуюся только

¹⁾ Рѣчь помѣщена въ *Oeuvres de Quesnay*, стр. 3 и сл.

нѣсколько минутъ. Никто изъ экономистовъ не приглашался въ качествѣ совѣтника и не получилъ занятія. Все, что для насъ дѣлаютъ,—это терпятъ «Gazette» аббата Рубо и «Ephémérides». Самому Дю Пону, который для невысокой должности съ вознагражденіемъ въ 8.000 Fr., оставилъ въ Польшѣ мѣсто въ 20.000 Fr., было внушено не встрѣчаться съ нами, не показываться по вторникамъ на собраніяхъ у маркиза Мирабо и всепѣло отдаваться будничной работѣ. Энциклопедисты и ихъ протеже: нѣсколько писателей, поэтовъ, геометровъ—пользуются открытымъ довѣріемъ министра и вмѣстѣ съ тѣмъ получили мѣста, пенсіоны и т. д., чего мы, слава Богу, никогда не добивались. Я давно предвидѣлъ, что пренебреженіе къ намъ смынется преслѣдованіемъ, и мои опасенія оправдались. Недовольство, вызванное новыми законами среди чиновниковъ, финансистовъ и придворныхъ, тѣмъ легче свалили на насъ, что эти законы прежде всего было опубликованы на страницахъ нашихъ органовъ. Всѣ лично заинтересованные подняли крикъ противъ экономистовъ и это обстоятельство дало энциклопедистамъ право утверждать, что мы компрометируемъ министра. Такъ какъ мы не видѣли его уже 15 мѣсяцевъ, и не замѣчали ни малѣйшаго знака вниманія къ намъ съ его стороны, осталось заключить, что мы компрометируемъ министра нашими сочиненіями. И вотъ, аббать Рубо получилъ формальное запрещеніе продолжать «Gazette», а я—«Ephémérides».

Впрочемъ, такъ заключаетъ Бодо свое длинное письмо, насть обѣщали удовлетворить, но съ одной стороны еще ничего подобного не сдѣлано, а съ другой не легко это сдѣлать: вѣдь мы лишились пріятной обязанности поддерживать благородное министерство и вмѣстѣ съ нимъ продолжать распространеніе полезныхъ истинъ. «En attendant il est dÃ©cidÃ© que nous finirons la Gazette et les Ephémérides à la fin du mois d'avril».

Отсюда видно, что закрытие этихъ двухъ органовъ физіократовъ («Gazette»—прежняя «Gazette du commerce», основанная въ 1764 году министромъ л'Аверди, долгое время была органомъ Форбоннѣ, но позже попала въ руки редактора-физіократа) было рѣшено еще до паденія Тюрго. Изъ письма видно также, въ чемъ заключалась «нескромность», въ которой впослѣдствіи всегда упрекали Бодо: это—преждевременное опубликованіе эдиктовъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ указаніями Бодо находятся нѣкоторыя уже раніе известныя письма Мирабо. Уже 25 мая 1775 г. онъ пишетъ своему брату bailli: «Будь увѣренъ, что я не вижусь ни съ Тюрго ни съ d'Albert (полицейскимъ лейтенантомъ) ни даже съ Дю Пономъ. Надменные мошенники, которые окруждаютъ министра, сильнѣе всего нападаютъ на экономистовъ: идетъ слухъ о враждебномъ отношеніи ихъ къ намъ. Этого именно я и хотѣлъ, и ничто не злитъ меня больше, чѣмъ смѣщеніе насть съ ними». 31 Августа того же года, следовательно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ

послѣ паденія Тюрго, онъ писалъ своему другу, итальянцу Longo: «Говорять, что г.г. Тюрго и Малербъ юдуть въ Италию. Въ такомъ случаѣ, ты увидишь двухъ людей, которые обладаютъ прямымъ сердцемъ и неповоротливымъ умомъ, а по моему, нѣтъ ничего менѣе пригоднаго для политики, какъ именно эти два качества». Два года спустя (29 августа 1778 г.) маркизъ высказывается своему брату о Тюрго въ еще болѣе рѣзкой формѣ: «Раньше, какъ и теперь, ты вѣрно оцѣнилъ ministra; это — взбалмошная философская голова, одинъ изъ тѣхъ господъ, политическая системы которыхъ сводятся лишь къ тому, чтобы все запутывать. Что касается его фискального проекта, то онъ не принадлежалъ ему; но свойственная Тюрго опрометчивость, выразившаяся въ преждевременномъ разглашеніи проекта, неуклюжій и отвлеченный способъ его трактованія, равно какъ грубая, лишенная всякаго достоинства манера выполненія — могли бы, будь это возможно, отсрочить осуществленіе плана на сто лѣтъ. Необходимо природное достоинство и удивительная прямота взглядовъ или изъ ряда вонъ выходящія интеллектуальные способности, чтобы на подобномъ мѣстѣ поступать, какъ дѣльная натура. А Тюрго не обладалъ ничѣмъ подобнымъ: онъ былъ добродѣтельнымъ мечтателемъ или вѣриѣ — только головорѣзомъ»¹⁾.

Что Мирабо и въ личныхъ сношеніяхъ съ другими не удерживался отъ подобныхъ выражений, видно изъ письма Дю Пона къ маркграфу Баденскому, въ которомъ онъ, послѣ смерти Тюрго, сообщаетъ о положеніи дѣлъ во время министерской дѣятельности послѣдняго, и гдѣ онъ (1 февраля 1783 г.)²⁾ жалуется: грустно убѣждаться, что даже маркизъ Мирабо не съ особеннымъ уваженіемъ отзыается о мѣропріятіяхъ ministра. Дю Понъ прибавляетъ, что особенно печальную роль сыгралъ аббатъ Бодо. Оскорбленный тѣмъ, что его изъ за нескромности перестали приглашать въ качествѣ совѣтника, онъ бросился въ объятія Неккера, противъ котораго онъ раньше боролся. Для Неккера и другихъ онъ писалъ статьи, которыя вооружали короля противъ Тюрго. Подобнаго рода работы посланы были имъ и къ Морепа; послѣдній съ злорадствомъ обращалъ вниманіе короля на то, что даже друзья Тюрго не одобряютъ его плановъ. Кто знаетъ, насколько вообще недостовѣрны свидѣтельства Дю Пона, тотъ съ трудомъ повѣритъ его обвиненіямъ противъ человѣка, котораго онъ, какъ онъ самъ раньше съ гордостью заявлялъ, сдѣлалъ приверженцемъ Кэнэ. Но изъ всѣхъ этихъ сообщеній видно, что духъ единенія, раньше одушевлявшій группу, отлетѣлъ послѣ смерти основателя.

О событияхъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Тюрго, мы узнаемъ

¹⁾ Lucas von Montigny, Memoiren Mirabeaus. Buch IX, Kap. I, Schlussnote.

²⁾ Karl Knies, Karl Friedrichs von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau und Du Pont, B. II, стр. 370.

изъ одного (ненапечатанного) письма къ графу Шефферу (8 Сентября 1779 г.) Тамъ Дю Понъ жалуется, что при пріемникѣ Тюрго (Clugny) отъ реформъ послѣдняго не осталось и слѣда, если не считать частичной свободы торговли виномъ. Свобода хлѣбной торговли снова уничтожена. Торговля мясомъ опять подчинена кассѣ въ Пуасси, цехи снова получили свои прежнія привилегіи, сельское населеніе, какъ и раньше, изнемогаетъ подъ тяжестью дорожныхъ повинностей. Къ этому Дю Понъ прибавляетъ, что экономисты разбрелись, какъ разбитая ария. Маркизу Мирабо хотя и не приказали, но настоятельнѣйшимъ образомъ посовѣтовали (*fortement conseillé*) прекратить собранія по вторникамъ, что онъ и безъ того сдѣлалъ бы, такъ какъ его постигли семейные раздоры. Мерсѣе де ла Ривьеръ вернулся судьей въ парламентъ. Здоровье аббата Рубо совершенно расшаталось. Аббатъ Бодо, подкупленный обѣщаніемъ пенсіона со стороны правительства, согласился не писать больше объ административныхъ дѣлахъ. Самъ онъ (т. е. Дю Понъ), по истечениіи извѣстнаго промежутка времени, которое онъ провелъ въ занятіяхъ сельскихъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи Chevannes, получилъ отъ Неккера, который всегда циталъ къ нему извѣстное уваженіе, приглашеніе снова поступить на государственную службу. Цензоры получили отъ правительства строгое предписаніе не пропускать въ печать ничего такого, что имѣетъ отношеніе къ Тюрго и его планамъ. Вообще дѣлаютъ все, чтобы стереть всякое воспоминаніе о Тюрго. Это происходитъ изъ зависти и изъ желанія убѣдить всѣхъ, «que cet homme habile et pur était un fou, puisque l'on ne peut, dit-on, laisser subsister rien de ce qu'il a fait». При этомъ Дю Понъ высказываетъ мнѣніе, которое можетъ считаться очень характернымъ. Именно онъ говоритъ, что хотя Тюрго и не принадлежалъ къ обществу экономистовъ (*société des Economistes*), а скорѣе, какъ философъ-эклектикъ, выбиралъ изъ всѣхъ направлений то, что подходило къ нему, и поэтому въ иѣко-торыхъ пунктахъ отклонялся отъ нихъ,—тѣмъ не менѣе экономисты, которые держатся одинаковыхъ съ нимъ воззрѣній на податное обло-женіе и свободу торговли, попали въ немилость у министра. Въ высшей степени характерно, что самый ревностный физіократическій поклонникъ Тюрго называетъ послѣдняго «philosophe éclectique», только въ отдѣльныхъ пунктахъ солидарнымъ съ учениемъ системы.

Единственнымъ человѣкомъ изъ всего кружка, не сложившимъ оружія, былъ Летронъ. Онъ не только, преодолѣвъ неблагопріятныя обстоятельства, нашелъ средство и возможность опубликовать свой двойной трудъ «Ordre social» и «Intérêt social», о которомъ мы уже говорили; Летронъ неутомимо продолжалъ работать надъ другой кни-гой, которую онъ началъ въ 1775 г. еще въ бытность Тюрго мини-стромъ, и въ которой можно видѣть послѣдній, достойный вниманія, трудъ школы;—я имѣю въ виду двухтомный трудъ «De l'Administration provinciale et de la réforme de l'impôt». Онъ вышелъ въ Базель, въ

изданіи одного изъ его друзей, сначала въ 1779, а затѣмъ 1783 г. Послѣ первого изданія авторъ умеръ 26 мая 1780 г.

До сихъ порь Летронъ бытъ извѣстенъ намъ, какъ одинъ изъ самыхъ одностороннихъ защитниковъ чистаго «Ordre naturel». Очевидно, ободренный тѣмъ, что призваніе къ королю государственной власти единомышленника налагаетъ на экономистовъ обязанность не только пропагандировать свое ученіе, но также и осуществлять его,— Летронъ поставилъ себѣ задачей изыскать средства и пути для достижениія этой цѣли, другими словами для того, чтобы ближе подойти къ положительной «Detail», разсматриваемой до сихъ порь какъ дѣло второстепенной важности. «Il est temps», говорится въ предисловіи, «de tirer ces vѣrit s de leur abstraction, en tra ant la mani re dont ont pent appliquer au gouvernement ces principes que le raisonnement prouve  tre les seuls qui puissent procurer le bonheur des soci t s». При этомъ онъ натолкнулся на нечто неожиданное. «Le travail, j'ose le dire,— восклицаетъ онъ — est plus difficile que l'exposition sp culative de la doctrine!» Летронъ прибавляетъ, что онъ никогда не рѣшился бы взяться за эту задачу, если бы онъ съ самаго начала предвидѣлъ ея трудности. Сначала онъ думалъ ограничиться простой запиской, но вслѣдствіи онъ все больше убѣждался въ необходимости выработать цѣльный планъ государственной реформы, считаясь съ действительнымъ положеніемъ монархіи. Что чѣмъ кѣн муниципалитетовъ Тюрга думалъ разрушить на иѣсколькоихъ границахъ, для этого Летрону потребовался трудъ въ 1200 страницъ (*in octavo*); для осуществленія чего первый считалъ достаточнымъ иѣсколько мѣсяцевъ, для этого второй требовалъ отъ 9—12 лѣтъ. Рѣчь идетъ о «r  eforme ex cut e avec prudence et par degr s»¹⁾. Соответственно этому, книга не проектируетъ немедленного перехода къ «imp t unique», но предлагаетъ пока еще сохранить существующіе «imp ts personnels» и вводить даже еще новый налогъ. «Si l'on m'oppose que cela est contraire aux principes que j'ai moi-m me  tablis, j'en conviendrai». Но,— отвѣчаетъ онъ на это,— въ минуту введенія реформы не всегда возможно «de se conformer exactement aux principes», если еще, къ тому же приходится считаться съ значительнымъ государственнымъ долгомъ. Достаточно въ такомъ случаѣ поставить себѣ опредѣленную цѣль и возможно энергичнѣе добиваться ея осуществленія. Мы знаемъ, что эта точка зрѣнія была чужда и школѣ, и самому автору въ прежнее время. Онъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Кэнэ, невольно вернулся къ идеѣ, принятой учителемъ въ то время, когда система едва возникла. Мирабо, Тюрга и самъ Летронъ всегда смотрѣли на эту «Detail» съ пренебреженіемъ, какъ на вещь, которая не имѣеть ничего общаго съ насто-

¹⁾ t. I, стр. 121.

ящей наукой. Когда одинъ изъ нихъ, наконецъ, проникся правилънымъ взглядомъ, было слишкомъ поздно.

Въ трудахъ Летрона особенный интересъ представляетъ одна замѣтка, помѣщенная въ видѣ приложения и озаглавленная: «*Dissertation sur la Féodalité, dans laquelle on discute son origine, son état actuel, ses inconvénients et les moyens de la supprimer*». Какъ общее правило, можно признать, что физіократы не особенно добивались отмѣны феодальныхъ тягостей и только косвенно, пропагандируя экономическую свободу и добиваясь превращенія всѣхъ натуральныхъ повинностей въ денежныя, способствовали ихъ устраниенію. Въ самомъ дѣлѣ, напрасно искать въ главныхъ ихъ сочиненіяхъ обстоятельного разбора данного вопроса; вѣдь дорожныя повинности, противъ которыхъ столь решительно воевалъ именно Тюрго, были обязанностью по отношенію къ государству, а не земельному дворянству. Очевидно этотъ вопросъ считался вопросомъ практики, а не теоріи, вопросомъ «Detail», который разрѣшится самъ собой. Летронъ пополняетъ этотъ проблѣмъ. Онъ начинаетъ съ общаго замѣчанія, что феодальные тягости находятся въ противорѣчіи съ принципомъ полной собственности и, если бы онъ не существовали, слѣдовало бы осторегаться вводить ихъ. До сихъ поръ предлагали два способа уничтоженія феодальныхъ земельныхъ повинностей. Одинъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставить отмѣну ихъ соглашеніямъ между отдельными, заинтересованными въ этомъ лицами, другой — отмѣнить ихъ общимъ закономъ. Насчетъ первого способа a priori можно сказать, что онъ не можетъ довести дѣла до конца, второй не можетъ быть осуществленъ безъ нарушенія интересовъ многихъ лицъ. Летронъ пытается разрѣшить вопросъ, обойдя неудобства какъ первого, такъ и втораго способа.

Необходимымъ условіемъ для этого онъ считаетъ государственную реформу на основѣ новой организаціи провинцій, изложеннюю въ главной части его книги. Какъ известно, Тюрго въ своемъ проектѣ исходилъ изъ муниципалитетовъ.

Провинціальныя управления должны взять дѣло въ свои руки; они должны явиться органами посредничества между лицами, облечеными правами, и лицами, несущими обязанности. Провинціальныя управления должны перевести на деньги натуральная повинности, и погашать ихъ, взыскивая по частямъ съ должниковъ и удовлетворяя этими взносами кредиторовъ. Летронъ считаетъ, однако, эту реформу независимой отъ государственной реформы. О послѣдней онъ говоритъ: «Ce plan peut s'exécuter sans toucher à la féodalité». Отмѣна феодальныхъ повинностей, правда, должна быть разсматриваема, «comme le complément de la réforme», но «elle est en elle-même personnellement indifférente au Souverain».

Предлагаемый здѣсь Летрономъ планъ почти въ настоящемъ своемъ видѣ былъ, какъ известно, осуществленъ въ первой половинѣ

XIX ст. въ большинствѣ европейскихъ государствъ. Только во Франції отвергнутый Летрономъ путь насильственной отмѣны безъ вознаграждения—былъ осуществленъ революціей. Это явилось результатомъ столкновенія ученій тысячелѣтняго безправія и тысячелѣтнихъ правъ—и побѣды первого.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ паденія Тюрга его проекты могли до нѣкоторой степени отпраздновать свое возрожденіе. Вернувшись къ государственной дѣятельности, Дю Понъ оказался единственнымъ человѣкомъ серьезно занимавшимся экономическими вопросами, и вслѣдствіе этого онъ вскорѣ сталъ совѣтникомъ министра иностранныхъ дѣлъ *Vergennes*, по порученію которого онъ, въ качествѣ представителя интересовъ Франціи, заключилъ либеральный торговыи договоръ 1786 года съ Англіей (*Edenvertrag*). Впослѣдствіи его привлекъ къ себѣ генеральный контролеръ *Calonne* и выработалъ съ нимъ и графомъ *Gabriel Honore de Mirabeau*, сыномъ маркиза, толь проектъ, который былъ предложенъ созванному въ 1787 г. Собранию Нотаблей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ секретаремъ собранія вмѣсто графа Мирабо, который имѣлъ притязаніе на этотъ постъ; это повело впослѣдствіи къ охлажденію между ними.

Какъ извѣстно, финансовая программа Тюрга при вступленіи его на министерскій постъ гласила: никакого банкротства, никакихъ новыхъ налоговъ, никакихъ займовъ. Послѣ того, какъ его универсальное средство — бережливость оказалась невозможной, назначенный министромъ Неккеръ обратился къ займамъ, что дало возможность Франціи вмѣшаться въ войну Сѣверо-Американскихъ штатовъ противъ англійской метрополіи; вслѣдствіе этого положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось. Франція вышла изъ этой войны обремененная новымъ долгомъ въ 1200 миллионовъ ливровъ (1783). Скоро и этотъ источникъ изсякъ. Калоннъ предполагалъ обратиться къ третьему средству — налогамъ. Личность совершенно беззыдейная — онъ искалъ въ архивахъ прежнихъ проектовъ реформъ и напалъ на проектъ Тюрга. Съ помощью Дю Пона онъ обработалъ шесть докладовъ, которые уже своими заглавіями выдаютъ ихъ духовное родство. Они озаглавлены: *Sur l'établissement des assemblées provinciales; Sur l'imposition territoriale; Sur le remboursement des dettes du clergé; Sur la taille; Sur le commerce des grains; Sur la corvée*¹⁾.

Первый и самый важный докладъ представляетъ собой не что иное, какъ переизданіе проекта муниципалитетовъ, — проекта, составленного въ свое время Дю Пономъ. Только общий государственный муниципалитетъ не вошелъ въ проектъ, такъ какъ онъ уже былъ представленъ Собраниемъ Нотаблей. Кромѣ того, центръ тяжести былъ перенесенъ отъ отдѣльныхъ муниципалитетовъ къ провинциальнымъ.

¹⁾ Подробаѣе см. *Adalbert Wahl. Die Notablenversammlung von 1787. Freiburg i. B. 1899.*

Собрание Нотаблей, какъ известно, не оправдало возлагаемыхъ на него Калонномъ и королемъ ожиданий. Со стороны Тюрга было настоящимъ ребячествомъ думать, будто общее государственное собраніе станетъ послушно ватировать королю налоги и принимать ихъ, какъ знакъ милости, съ благодарностью. Подобного мнѣнія держался и Калоннъ. Нельзя обвинять собраніе за то, что, объявивъ о своей готовности на вся жертвы, оно потребовало сообщить размѣръ и причины дефицита; тѣмъ болѣе, что Неккеръ нѣсколько лѣтъ назадъ въ своемъ извѣстномъ «Compte Rendu» (1781) опредѣлялъ излишekъ государственныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ 10 миллионовъ. Правда, Калоннъ могъ съ полнымъ основаніемъ заявить, что отчетъ Неккера представляетъ собой сплошное заблужденіе. Но при всемъ своемъ желаніи онъ не могъ дать требуемаго отчета, такъ какъ онъ самъ не достаточно былъ знакомъ съ состояніемъ государственныхъ финансовъ, которые находились въ полномъ разстройствѣ. Въ данномъ случаѣ нѣть основанія сваливать вину исключительно на него, такъ какъ подобное знакомство даже при современныхъ урегулированныхъ административныхъ отношеніяхъ является труднымъ дѣломъ.—Объ этотъ важный вопросъ, о финансовый контроль—разбилась похвальная попытка урегулировать государственные финансы посредствомъ собранія нотаблей. Также и въ данномъ случаѣ для государства оставалось только войти въ сдѣлку съ кредиторами, т.-е. объявить себя честнымъ банкротомъ. Но не было больше людей, способныхъ это осуществить. Было слишкомъ поздно, и государство неуклонно, съ возрастающей быстротой неслось къ гибели.

Къ немногому изъ того, что, послѣ паденія Калонна, *Loinéie de Brienne*'омъ было осуществлено изъ предложенныхъ имъ Собранию Нотаблей мѣръ, относятся и провинциальныя собранія съ ихъ низшими подраздѣленіями (*assemblées de paroisse* и *assemblées municipales* по образцу Тюрга). Только вмѣсто требованія первого проекта о предоставлѣніи политическихъ правъ лишь лицамъ, обладающимъ цензомъ въ 600 ливровъ дохода отъ земли, былъ предложенъ общий податной цензъ въ 10 ливровъ (июньскій эдиктъ 1787 г.)¹⁾. Реформа пока не затронула *Pays d'Etats*. Передаютъ, что когда королю представили проектъ для подписи, онъ отшатнулся въ ужасъ и сказалъ: «Mais c'est du Necker tout pur que vous me donnez là!» Онъ съ болѣшимъ правомъ могъ назвать Тюрга вмѣсто Неккера; очевидно, именно его онъ и имѣлъ въ виду²⁾. Съ какимъ чувствомъ долженъ быть несчастный монархъ, котораго тогда уже покинула всякая твердость, подписывать документъ, опасность котораго онъ раньше такъ хорошо сумѣлъ охарактеризовать.

Каковъ былъ результатъ этого новаго учрежденія? Въ своемъ пре-

¹⁾ Тамъ же, стр. 96.

²⁾ Schelle, Du-Pont de Nemours, стр. 262.

восходномъ труде «Старый порядокъ и революція» (1856 г.) Токвиль ставить паденіе стараго режима въ связь съ этой «grande révolution administrative», которая предшествовала политической революціи. Онъ говорить:

«Всѣ извѣстныя намъ дѣйствія провинціальныхъ собраний, учрежденныхъ въ 1787 г., и самые ихъ протоколы показываютъ, что тотъ часъ же послѣ своего возникновенія они вступили въ глухую, а нѣрѣдко и открытую борьбу съ интендантами, которые пользовались преимуществомъ своей опытности лишь для того, чтобы мѣшать своимъ преемникамъ. То собраніе жалуется, что ему стоитъ большихъ усилий вырвать необходимѣйшія ему бумаги изъ рукъ интенданта. То интендантъ обвиняетъ членовъ собранія въ томъ, что они хотятъ захватить права, оставленные ему, какъ онъ говоритъ, эдиктами. Онъ апеллируетъ къ министру, который часто ничего не отвѣчаетъ или колеблется; потому что предметъ и для него новъ и такъ же теменъ, какъ и для всѣхъ другихъ. Порою собраніе разсуждаетъ о томъ, что интендантъ плохо управляетъ, что устроенные имъ дороги неудачно проведены или плохо содержатся; что онъ допустилъ разорить тѣ общины, попечителемъ которыхъ былъ. Нерѣдко собранія становятся въ туницѣ среди неясностей мало знакомого законодательства; они издалека обращаются другъ къ другу за совѣтами и безпрестанно дѣлаютъ запросы. Ошскій (Auch) интендантъ считаетъ себя вправѣ воспротивиться волѣ провинціального собранія, разрѣшившаго одной общинѣ обложить себя налогомъ; собраніе увѣряетъ, что въ этихъ дѣлахъ интенданту отнынѣ предоставляется только выражать мнѣнія, а не приказывать, и обращается къ провинціальному собранію Иль-де-Франса съ вопросомъ, какъ оно обѣ этомъ думаетъ. Среди этихъ препирательствъ и совѣщаній ходъ административной дѣятельности нерѣдко замедляется, а иногда и простоянливается,— и тогда публичная жизнь какъ бы замираетъ. «Дѣла находятся въ полномъ застоѣ», говоритъ Лотарингское провинціальное собраніе, въ одинъ голосъ со многими другими: «всѣ добрые граждане огорчены этимъ».

Къ подобной дезорганизаціи управления присоединилась все рѣзче проявлявшаяся разнъя сословій между собой. Новые муниципалитеты неожиданно отдали всю власть въ руки третьаго сословія, до сихъ поръ порабощеннаго, высшія сословія были оттеснены на задній планъ; конечно, и они не хотѣли поступиться своими интересами. Въ эту борьбу вмѣшалась литература. «Что такое третье сословіе?» спрашивалъ аббатъ Сійесь въ зажигательной брошюре въ началѣ 1789 г. Отвѣтъ, который онъ дасть, гласитъ: «все!». «Чѣмъ оно было до сихъ

¹⁾ Кн. 3, гл. 7. Русск. переводъ подъ ред. проф. П. Г. Виноградова, Москва 1903, стр. 217.

поръ?» «Ничъмъ!» «Чѣмъ оно хочетъ быть?» «Чѣмъ нибудь!» «Быть вѣмъ!» очень послѣдовательно заключили хоромъ народныя массы.

Случилось то, что предвидѣлъ Людовикъ XVI въ своихъ критическихъ замѣткахъ къ проекту Тюрго. На мѣсто стараго сословнаго порядка, укоренившагося въ теченіе столѣтій, наступила анархія.

События слѣдовали ускореннымъ темпомъ. Въ созванныхъ Неккеромъ, во время его второго министерства, и собравшихся 5 мая 1789 г. генеральныхъ штатахъ третіе сословіе получило одинаковое съ двумя высшими числомъ депутатовъ. Скоро оно добилось совмѣстныхъ засѣданій трехъ сословныхъ группъ, по старому обычая засѣдавшихъ отдельно. Переображенчики изъ высшихъ сословій дали ей большинство въ *Assemblée constituante* и возможность перестраивать міръ по своему желанію. Но оно менѣе всего думало о томъ, чтобы платить долги старой монархіи. Оно зачеркнуло счета и просто приговорило къ смерти кредиторовъ. Это, конечно, было своего рода разрѣшеніемъ вопроса

Непосредственно передъ своимъ трагическимъ концомъ королю было суждено еще разъ освѣжить въ своей памяти воспоминаніе о времени своего восшествія на престолъ; вмѣстѣ съ этимъ вспыхнуть передъ нимъ образъ того человѣка, который уже тогда указывалъ ему на судьбу Карла I Англійскаго и хотѣть предостеречь его, но самъ больше всего сдѣжалъ для того, чтобы события приняли именно это направление.

Это было въ 1792 году. Король сидѣлъ въ Temple, обвиненный въ государственной измѣнѣ и ожидалъ суда. Трудно было найти защитника, который имѣлъ бы мужество взяться за его дѣло. Тогда рыцарски выступилъ тотъ человѣкъ, внезапный уходъ котораго изъ министерства въ маѣ 1776 г. повель за собой паденіе Тюрго: это былъ Малербъ. 11 декабря 1792 года Малербъ написалъ президенту конвента слѣдующее письмо: «Гражданинъ президентъ! я не знаю, разрѣшилъ ли Конвентъ Людовику XVI воспользоваться правомъ защиты и избрать себѣ защитника. Если да, я желаю, чтобы Людовикъ XVI зналъ, что я готовъ взяться за это, если онъ изберетъ меня». При свиданіи они упали другъ другу въ объятія, плача отъ волненія. «Ваша жертва тѣмъ болѣе великодушна, сказалъ ему король, что вы подвергаете опасности собственную жизнь, не будучи въ состояніи спасти меня». И на этотъ разъ Людовикъ XVI оказался правъ — 21 января 1793 года онъ погибъ, а въ апрѣлѣ 1794 г. взошелъ на эшафотъ и Малербъ со всей своей семьей, состоявшей изъ трехъ поколѣній.

Въ тюрьмѣ Малербъ встрѣтился съ de Vaines, бывшимъ «preteur commis» (помощникъ государственного секретаря) Тюрго. Малербъ вступилъ съ нимъ въ откровенную бесѣду. «Тюрго и я» — такъ сказалъ онъ — «были людьми, достойными уваженія, очень образованными и исполненными наилучшихъ намѣреній; кто могъ подумать, что можно

сдѣлать что-нибудь лучшее, какъ призвать насъ къ власти. Но мы плохо справились съ нашей задачей. Зная людей только по книгамъ и не обладая опытностью, мы не могли направить короля по правильному пути... и такимъ образомъ мы, не желая и не предвидя этого, довели государство до революціи¹⁾.

Рѣдко высказывалось болѣе мѣткое сужденіе. Тюрго и Малербъ знали людей только по книгамъ. Это оказалось роковымъ какъ для нихъ, такъ и для Франціи.

Только одному изъ участниковъ стараго дружескаго кружка экономистовъ суждено было пережить время революціи и еще довольно долго въ 19 вѣкѣ защищать девизъ физіократовъ. Это бытъ Дю Понъ, который во избѣженіе смѣщенія его съ депутатомъ, носившимъ сходную фамилію Du Port, выбраннымъ въ Constituante, принялъ имя Du Pont de Nemours по мѣсту своего рожденія и избирательному округу; подъ такимъ именемъ онъ и извѣстенъ въ наукѣ. Маркизъ Мирабо умеръ въ 1789 году при самомъ началѣ революціи, въ одночествѣ и потрясенный семейными несчастіями. Аббатъ Бодо въ припадкѣ помѣшательства выбросился въ 1792 г. изъ окна лечебницы, куда онъ былъ помѣщенъ, и погибъ. Годомъ позже умеръ въ совершенномъ одночествѣ Мерсье де ла Ривьеръ.

Въ Constituante Дю Понъ боролся противъ возрожденія идей Ло, выразившагося въ проектѣ выпуска ассигнацій, сторонникомъ которыхъ былъ графъ G. H. de Mirabeau (сынъ). Вѣрный своему направленію онъ съ большимъ успѣхомъ добивался введенія всеобщаго государственного земельного налога. Короткое время онъ былъ также президентомъ собранія, но лавровъ себѣ не стяжалъ. Въ дни террора Дю Понъ только съ трудомъ избѣжалъ эшафота. Съ наполеоновскимъ режимомъ онъ не могъ ужиться. Послѣ 9 фрутидора онъ переселился въ Сѣверную Америку, где его сынъ велъ промышленное предприятіе. Матеріальная неудачи принудили его вернуться во Францію и заняться изданиемъ литературнаго наслѣдства Тюрго, которое появилось въ 9 томахъ (1809—1811 гг.). Дю Понъ присоединилъ къ сочиненіямъ Тюрго много примѣчаній объ историческомъ развитіи теоріи физіократовъ, примѣчаній, которыя считаются классическими, хотя они, какъ мы старались показать, въ высшей степени недостовѣрны. Отсюда впослѣдствіи черпали всѣ, кто желалъ ближе познакомиться съ системой Кэнэ, и такимъ образомъ сочиненія Тюрго, «Réflexions» и «Eloge de Gournay», пріобрѣли до иѣкоторой степени классическую извѣстность. Признавалось фактомъ, не нуждающимся въ особенномъ доказательствѣ, что въ этихъ сочиненіяхъ физіократическая система достигла своего теоретического апогея. Позже Дю Понъ вторично вернулся въ

¹⁾ Изъ мемуаровъ аббата Морелле, т. II, стр. 427.

Америку и умеръ въ Делаверѣ 77 лѣтъ отъ роду въ 1817 г.¹⁾. Никакіе удары судьбы не были въ силахъ поколебать его философскаго оптимизма.

Позже, когда система была совершенно дискредитирована или оттеснена на задній планъ другими теоріями, находились еще отдѣльные ученые, которые проявляли симпатію къ ней и потому могутъ быть названы эпигонами физіократовъ. Къ нимъ принадлежать: во Франції *Germain Garnier* († 1831), въ Германіи *Schmalz* († 1831) и *Krug* († 1843). Никто изъ нихъ, однако, не былъ знакомъ съ теоріей по оригиналамъ, и потому они допускаютъ значительныя, частью сознательныя, частью безсознательныя отклоненія.

Меркантилизмъ и физіократія — двѣ діаметрально противоположныя доктрины. Трудно подыскать болѣе различныхъ государственныхъ дѣятелей чѣмъ Кольберъ и Тюро, эти наиболѣе яркіе выразители упомянутыхъ теченій. Если одинъ изъ нихъ отличался чрезмѣрнымъ практицизмомъ, то другой, наоборотъ, страдалъ чрезмѣрнымъ доктринерствомъ. Исторія не осталась при подобномъ контрастѣ равнодушной. Она искала примиренія этихъ крайностей и выражениемъ этого явилась научная система, выросшая самостоительно и поставившая своей конечной задачей синтезъ обоихъ теченій. Это система шотландскаго моральнаго философа *Адама Смита*, который начинаетъ собой новый экономический періодъ.

¹⁾ *Schelle, Du Pont de Nemours, ch. XV.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЬ.

Числа означают страницы.

Абейль, 294, 295, 310, 335, 434.
св. Августинъ, 92, 93, 94, 217, 245, 356.
Августъ, императоръ, 192, 246.
л'Аверди, 305, 333, 334, 338, 475.
Адлеръ, Георгъ, VII, 49, 186, 217, 245, 268.
д'Аламберъ, 275, 324, 420.
Алари, аббать, 278.
Александръ III, папа, 138.
— VI, папа, 184.
— Великій, 39.
д'Алигръ, 456.
Алланъ, Рене, VIII.
Алланъ-ле-Кашю, 345.
Альберони, 188, 189.
д' Альберъ, 475.
д'Альбонъ, графъ, 290, 308, 321, 337, 346,
390, 420, 435.
Алеазій, 354.
Амброзій, 151.
Анна, королева, 208, 216.
Ансіо, 190.
Антисеенъ, 49.
д'Аржансонъ, графъ, 278.
— маркизъ Рене Луи, 277—280, 282,
284, 285, 287, 288, 289, 293, 297, 309,
315, 316, 409, 464.
Аристидъ, 280.
Аристиппъ, 49.
Аристотель, 4, 8, 25, 29, 31, 32, 39—49,
63, 64, 83, 96, 132, 141, 174, 180, 197,
213, 219, 221, 222, 266, 347, 373, 375,
379, 436, 468.
Арій, 89.
Арко, 423.
Арволльдъ, 61, 63, 64, 65, 89, 106, 108,
110, 111, 139.
Ауспицъ, 7.
Ахенваль, 240.
Аенаасій, 89. | Базедовъ, 422.
Бальдассерони, 424.
Бандини, 423.
Барбейракъ, 223.
Барбонъ, 215.
Вартелеми де Лаффема, 166.
Вауерь, 215, 284, 324, 331, 344, 397, 399,
434.
Баумъ, 150.
Бахофенъ, 69, 70.
Вегаймъ, 229.
Безольдъ, 231.
Беккарія, 250, 423.
Беккеръ, 421.
Беккліфъ, герцогъ (Buckleugh), 338.
Белли, 435.
Беллони, 244, 279, 293.
фонъ-Беловъ, 17, 18, 105, 106, 115, 128,
129, 130, 145, 232.
св. Бенедиктъ, 91, 97.
Беньковскій, 231.
Бергонъ (Burgon), 211, 212.
Бернгарди, 2.
Бернгеймъ, 12.
Бертенъ (Bertin), 293, 302, 444, 463, 474.
Бертонъ (Burton), 3.
Бехеръ, 233—238, 240.
Биго де сень-Круа, 435.
Видерманъ, 159.
фонъ Бильфельдъ, 239, 251.
Бюлла, 309.
Бланки, 182.
Блей, 431.
де-Блервашъ (Clicquot de Blervache), 294,
295, 301, 303, 308, 311, 313.
Боденъ, 20, 147, 148, 157, 179, 272, 346, 361.
Бодо, аббать, 308, 337, 340, 343, 347,
402, 406, 412, 414, 424, 425, 426, 433,
434, 437, 446, 447, 474—477, 484. |
|---|---|

- Водрильяръ, 147.
 Бодуэнъ, 278.
 Бокль, 156.
 Бонаръ, 224, 226.
 Бонифацій VIII, папа, 93, 145.
 св. Бонифацій, 89.
 Боннь, 190.
 Борніцъ, 231.
 Воссюэтъ, 471.
 Брантсь, 141.
 Брейзигъ, 11, 12, 18, 19, 48, 76.
 Брентано, 8.
 Бриганті, 423.
 Брюннеръ, 250, 252.
 Бріеннъ, см. Ломени.
 Буагильберъ, 158, 255—262, 277, 315,
 372, 378, 382, 423, 444.
 Булэнвилье, 259.
 Бургундскій, герцогъ, 280.
 Ваконъ Веруламскій, 38, 155, 213, 221,
 222, 324, 394, 395.
 Бетби, 450.
 Бютель-Дюмонъ, 295.
 де Бютре, 418, 434.
 Бюхерь, Карлъ, 16, 17, 18, 71, 72, 105,
 106, 115, 127—130, 145, 154, 155.

 Вагнеръ, Ад. 48, 145.
 Вайдъ, 74.
 Валь, 480.
 Вальполь, 210, 216, 217.
 Вальрасъ, 7.
 фонъ Вальтерсгаузенъ, см. Сарторіусъ.
 Вандерлингъ, 225, 390.
 Варронъ, Маркъ Теренцій, 58, 59.
 Веберъ, Георгъ, 13, 142.
 — В., 22, 246.
 Вельзеръ, 127, 229.
 Вергилій, 58.
 Верженинъ, 480.
 де-Вери, аббатъ, 450, 452, 462.
 Верри, 250, 423.
 Вессели, 245.
 Весёловскій, графъ, 424.
 Вико, 20, 22, 246, 247, 272, 345.
 Вилль, 419.
 Вильгельмъ III, 202, 206, 207, 208, 298,
 305, 382.
 — Завоеватель, 85, 203, 204.
 Вильда, 106, 115.
 Вильерсь, герцогъ Букингамъ, 221.
 де-Вильруа, герцогъ, 29, 322.
 Виноградовъ, 74.

 Вирмигаузъ, 190.
 Вискеманъ, 150.
 де-Битть, Янъ, 195, 199, 296, 313, 442.
 Вихманъ, 247, 437.
 Вобанъ, 259, 260—263, 277, 304, 392, 425.
 де-Вовилье, 435.
 де-ла-Вогюонъ герцогъ, 415.
 Водзицкій, графъ 424.
 Воловскій, 231.
 Вольтеръ, 158, 259, 342, 429, 443.
 Вольфъ, А., 427.
 — Хр. 240.
 де-Вройль, 308, 311.
 де-Вэнъ, 483.

 Газонъ, 254, 255.
 Галіани, 244, 249, 303, 430—434, 436,
 443, 445, 454.
 Галлей, 228, 240.
 фонъ-Галлеръ, А., 323, 420.
 — К. Л., 8, 152.
 Гансенъ, 74.
 Гаистедъ, Ширгеръ, VIII, 426.
 Гарацко, 322.
 Гарвей, 395.
 Гарнье, 485.
 Гасбахъ, 50, 57, 225, 226, 227, 232, 354.
 Гассеръ, 239.
 Гаттинари, 144.
 Гачекъ, 235.
 Геблеръ, 190, 229.
 Гегель, Г. Ф. В., 9, 10.
 — Карлъ, 115.
 Гейкингъ, 158, 203.
 Гейманъ, 268.
 Гейслеръ, 115.
 фонъ Геккель, VII.
 Генрихъ I, король Германскій, 98, 99,
 108.
 — IV, императоръ — 125.
 — III Французскій, 147, 455.
 — IV — 166, 181, 182, 256, 277, 286,
 451.
 — VII Англійскій, 203.
 — VIII — 169, 203, 217.
 — Мореплаватель, принцъ, 185.
 Гентеръ (Hunter), 14.
 Георгъ I, 210.
 Герберъ, 288, 295, 305, 315, 445.
 де-Гербенъ, 165.
 Гердеръ, 56, 420.
 Герингъ, 115, 117, 143.
 Гермогеніанъ, 63.

- фонъ-Гернигъ, 235.
Гете, 418.
Гехтъ, 183, 184, 201.
Геэ (Gehe), 17.
Гиггсъ, 3, 281, 285, 428.
Гильдебрандъ, Бруно, 1, 8, 16, 31, 73,
128, 417.
— Рихардъ, 74.
Гильти, 92.
Гиплеръ, 144.
Гирке, 74, 76, 78, 106, 115, 119, 128, 354.
Гоббсъ, 66, 69, 194, 222, 223, 224, 228,
232, 246, 335, 348, 354, 357.
Голицынъ, князь, 252, 342, 427, 428.
Гольбахъ, 244, 443.
Гомеръ, 71.
Гонорій III, папа, 149.
Гоопсь, 218.
Гопкінсь, 14.
Горнъ, 259.
Госсенъ, 7.
Готгейнъ, 186, 418.
Готфридъ Бульонскій, 142.
Гофманъ, 428.
Гравъ, VIII.
Грасвінкель, 200, 205, 257.
Граунтъ, 227, 228, 240.
Граціанъ, 95, 149.
Гречемъ, 203, 211, 212, 219.
Гриммъ, 294.
Грипмахеръ, 146.
Громатикъ, 60.
де-Гроотъ, 198.
Гросъ, 115.
Гроцій, Гуго, 69, 195—199, 202, 205, 222,
232, 246, 248, 335, 354.
Губачъ, 145.
Губеръ, 76.
Гурнѣ, 275, 276, 287—317, 324, 327, 328,
329, 334—337, 340, 342, 343, 365, 368,
379, 383, 410, 411, 434, 441, 442, 443,
445, 450, 463, 464, 466, 469, 470, 472,
473, 484.
Густавъ III Шведскій, 425.
Гутенбергъ, 155.
фонъ-Гуттенъ, Ульрихъ, 144.
Гэльсь (Hales), 219.
Гюльманъ, 99, 110, 111.
фонъ-Гюнцбургъ, Еберлейнъ, 144.

Даванцати, 243.
Давенантъ, 229.
Дальфингеръ, 229.

Дангейль, 295, 305, 313, 315.
Данте, 145, 146, 147.
Данъ, Феликсъ, 71.
Дарвинъ, 20.
Декартъ, 155, 346, 348, 350.
Деккеръ, 216, 217, 294, 300, 303.
Демадъ, 157.
Демаре, 261.
Демокритъ, 59.
Джевонсъ, Стэнли, 3, 7, 281, 282, 283.
Дженовези, 247, 248, 249, 274.
Джи (Gee), 216, 294.
Джіанни, 423.
Дидро, 275, 324, 420, 430.
Дильсь, VI.
Дитмаръ, 239.
де Діонъ, графъ, VII.
Дольфусъ, 424.
Домъ, 418, 419.
Доренъ, 116.
Дофенъ, Екатерина, 322.
фонъ-Думрейхеръ, 165, 166, 178.
Дэръ, Евгеній, 84, 262, 264, 290, 296, 297,
300, 307, 312, 316, 393, 406, 434, 442,
445, 448, 450, 453, 465, 467, 469, 471.
Дюбуа, 277.
Дювалъ, 180.
Дюмуленъ, см. Молиней.
Дю-Понъ-де-Немуръ, 84, 260, 261, 289,
290, 291, 294, 300, 301, 306, 307, 308,
312, 328, 330—341, 343, 344, 348, 394,
396, 397, 398, 403, 404, 405, 411—415,
417, 418, 420, 424, 425, 426, 428, 429,
433—436, 440, 442, 443, 446—450, 456,
457, 462, 467, 469, 471, 474—477, 480,
481, 484.
Дю-Поръ, 484.
Дюрингъ, Евгеній, 135, 392, 393.
Дюссаръ, 467.
Дюто, 271.

Еберштадтъ, 115.
Евенъ (Hévin), 345.
д'Егерти (d'Heguerty), 295.
Едельгеймъ, 354.
Ебергъ, 113, 114.
Ейхгорнъ, 105.
Екатерина II, 251, 252, 273, 342, 427.
Елизавета, Англійская, 202, 203, 204,
211, 212, 238.
— Пармская, 188.
Елліссенъ, 274.
Еммінггаузъ, 416.

Ердбергъ-Креценчевский, 235, 236.
Еренбергъ, 193, 203, 211, 229.

Жамецъ-де-Виллебарь, 291.
де Жиаръ, 141, 150.
Жиру, 321.
Жоффренъ, 442.
Жубло, 167.

Замойский, графъ, 424.
Зейдель (Шлирбахъ).
фонъ Зеккендорфъ, см. Секкендорфъ.
Зенонъ, 49, 246.
фонъ Зиккингенъ, Францъ, 144.
Зоммерладъ, 74, 91, 97.
Зомъ, 115.
Зонненфельсъ, 239, 251, 427.
Зюсмильхъ, 241.

Ибелинъ, фонъ 142.
Ивонъ, аббать, 337.
Изабелла Кастильская, 185, 187.
Изелинъ, 84, 417, 420, 421, 422.
Изомахъ, 30.
Изуле, Жанъ, 23.
де л'Иль, 336.
Инама Штернеггъ, 75, 115, 122, 127.
Ингрэмъ, 262.
Ирмино, 97.

Іегерь, 156.
фонъ Іерингъ, 63.
Іёръ (Jöhr), VIII.
Іоаннъ, 146.
Іосифъ II, 415, 422, 423, 426, 427.

Каботъ, 203.
Каде, 259.
— де Сенневиль, 437.
Калоннъ, 298, 480, 481.
Кальвинъ, 150, 151, 379, 468.
Кампанелла, 245.
Канитцъ, 150.
Кантільонъ, Ф., 281.
— Рихардъ, 3, 228, 271, 281—285, 289,
325, 326, 366, 400, 464.
Кантъ, 9, 240, 348.
ле Каню, см. Алланъ.
Каракалла, 52.
Карли, 250, 423.
Карль I Англійский, 205, 462.
— II Англійский, 206.
— III Испанский, 428.

Карль IV Императоръ, 143.
— V Императоръ, 144, 165, 193, 229,
230, 243.
— Великий, 90, 98, 99, 113, 138.
— Мартелль, 90, 98.
— Фридрихъ Баденский, 343, 412, 414,
416, 418, 420, 426, 435, 438, 476.
да-Карпи, Гуго, 165.
Катилина, 53.
Катонъ, 54, 57, 58.
Кауцъ, 262.
Келлинеръ, 463.
Кельпеперъ, 215, 294, 296, 306, 312.
Кемберлэндъ, 222, 223, 224, 348, 354.
Кеннанъ, 26, 42, 62.
Кеннингэмъ, 211.
Кингъ, 229, 294.
Кирхманъ, 36, 197, 224.
Клеманъ (Clément), 167, 183.
Клико, см. Блервашъ.
Климентъ V, 138.
Клокъ, 231.
Клюни, 477.
Кнаппъ, 74.
Книсъ, 1, 8, 147, 343, 412, 417, 476.
Ко, 448.
Ковалевский, М., 74, 75, 76.
Коллонтай, 425.
Коловратъ, 426.
Колумба, 91.
Колумбъ, 84, 185, 187, 203.
Колумелла, 58, 59, 219.
Кольберъ, 164, 166—179, 183, 184, 188,
189, 200, 204, 254, 255, 256, 259—262,
269, 276, 279, 286, 288, 292, 299, 301,
315, 316, 372, 431, 433, 434, 451, 452,
454, 485.
Кондильякъ, 429, 435—439.
Кондорсе, 450.
Конрингъ, 240.
Константинъ, 52, 88, 89, 90, 113.
Контценъ, 135.
Конть, Огюстъ, 22, 23, 104, 135.
Конфуций, 347, 349, 350.
Конъ, 178, 183, 259.
Коперникъ, 231.
Кортъ (Pieter de la Court), 199, 200, 237,
296, 313, 485.
Косса, 250, 424.
Костеръ, 302.
Кречмеръ, 284.
Кромвель, 195, 199, 200, 202, 204, 205,
206, 297.

- Кроме, 423.
Кругъ, 485.
Ксенофонтъ, 30, 31, 53, 58, 339, 347.
де-Куланжъ, Фюстель, 74, 75.
Курно, 7.
Кустоди, 250.
Кэне, Блэзъ-Вильгельмъ, 324, 345.
— де-Сенъ-Жерменъ, 324, 424.
— Франсуа, 2, 3, 4, 5, 7, 26, 29, 30,
31, 33, 34, 38, 40, 41, 50, 57, 66, 67, 69,
73, 83, 84, 151, 153, 179, 181, 182, 201,
225, 232, 260, 261, 270, 271, 273, 276,
277, 281—285, 287—291, 295, 297, 298,
300, 304—308, 310, 312, 316, 317, 321—
324, 326—359, 361—366, 368, 369, 372—
388, 390—397, 399—411, 413—418, 420,
421, 422, 424, 425, 427—430, 434—440,
443, 444, 448, 449, 464, 465, 466, 468,
470, 472, 473, 474, 476, 484.
- де-Лавеле, 71, 74, 82, 83.
Ламондъ, Елизавета, 218.
Лампрахтъ, Карлъ, 12, 71, 115.
де Ларрошъ, см. Морионъ.
Ласпейресъ, 200.
Лассаль, 61, 101, 102, 104, 144.
Ласъ-Казасъ, 186.
Лаунгардтъ, 7.
Левассёрь, 268.
Левъ III, папа, 98.
— XIII, — 132.
Леграндъ, 284.
Лежаадръ, 254, 288, 315.
Лезэръ, 212, 218, 219.
Лейбницъ, 240.
Лексисъ, 74, 245, 428.
Ленге (Linguet), 430.
Леонардо-да-Винчи, 165.
Леопольдъ I, 233, 236.
— II, Тосканскій, 422, 423, 424, 427.
Летронъ, 101, 335, 359, 420, 434—440,
444, 445, 477—480.
Либенъ, 7.
фонъ-Либигъ, 222.
Ливій, Титъ, 146.
Лимузенъ, 165.
Липпертъ, VIII.
Лискеръ, 200, 205.
Листъ, Фридрихъ, 8, 153.
Лифшицъ, VIII.
Лієбо, 322.
Ліессъ, 263.
Люянъ, 167.
- Ло, Джонъ, 227, 263—270, 274, 276, 281,
376, 433, 436, 451, 467, 484.
Локкъ, 217, 224—227, 351, 390, 403, 404.
Ломаннъ, 229, 261, 262, 263.
де-Ломени, 328, 412.
Ломени де Бріеннъ, 481.
Лонго, 337, 476.
Лоренцо Медичи, 147, 243.
Лоренъ, VIII, 322, 345.
Лотцъ, 230.
Луазо, 435.
Лувуа, 167, 175, 177, 178, 183, 255, 260,
299.
Лука, Евангелистъ, 93, 138, 139.
Лукасъ фонъ Монтины, 476.
Лукрецій Каръ, 53, 55, 56, 69.
Любомирскій, графъ, 424.
Людеръ, 12.
Людовикъ XII Французскій, 166.
— XIII — 166.
— XIV — 164, 167, 169, 171, 175—
179, 198, 208, 254, 261, 263, 265, 277,
286, 328, 451.
— XV — 177, 328, 333, 344, 407,
414, 449, 451, 472.
— XVI — 187, 323, 328, 414, 415,
449, 450, 453, 457, 458, 462, 465, 483.
Лютерь, 144, 149, 150, 155.
- Мабли, аббатъ, 429.
Мазарини, 167.
Майръ, Рихардъ, 20.
Макіавелли, 20, 146, 147, 148, 242, 243,
246.
Максимиланъ I, Императоръ, 144, 245.
Малербъ (Malesherbes), 316, 452, 462,
474, 476, 483, 484.
Мальброншъ, 346, 351, 403.
Мальтусъ, 21, 241, 326, 386, 387, 423.
Мандвилль, 51.
де-Маривель, 329, 395.
Марія Медичи, 180.
— Терезія, 427.
Марко, 323.
Марксъ, Карлъ, 2, 9, 10, 30, 50, 69, 70,
102, 393.
Марло, 235.
Мармонтель, 290, 329, 442.
де-ла-Марръ, 183.
Мартинъ V, папа, 139.
Мархлевскій, 425.
Марше, 239.
Массальскій, князъ, 424.

- Мастье, 444.
Матей, 93.
Маурерь, 74.
Машо 291, 293, 294, 304.
Мезерь, 81.
Мейеръ, Эдуардъ 17, 18, 127.
Мейценъ, 74, 75, 77, 81.
Мелайнсъ (Malynes), 212.
Мелонъ, 270, 271, 272, 274, 276, 277, 283,
295, 315, 316.
Менгеръ, Карлъ, VIII, 6, 7, 51.
Менготти, 164, 182, 183, 250.
Мень (Mun), 213, 214, 237.
Мерингъ, Францъ, 50.
Мерсье-де-ла-Ривьеръ, 252, 289, 327, 336,
342, 348, 426, 427, 429, 433, 434, 477,
484.
Месмонъ, Романсъ де, 29, 32, 84, 350.
Метуэнъ, 208, 209.
Мидастъ, царь, 44, 160, 250, 258, 262, 372.
Милль, Джонъ Стюартъ, 160.
Минзестъ, 251.
де-Мирабо, графъ, 457, 480, 484.
— маркизъ, 3, 29, 181, 182, 260, 277,
284—289, 297, 314, 316, 324—334, 336,
337, 338, 341—346, 348, 349, 385, 391,
393, 394, 395, 397, 399, 400, 403, 406—
415, 417—420, 425, 426, 428, 430, 434,
435, 440, 443, 464, 474—478, 484.
Миссельденъ, 212.
Мишель, 263.
Міасковский, 422.
Мишикъ, графъ, 424.
Мовильонъ, 341, 418, 419.
Моисей, 405.
Молиней, 150.
Момсенъ, 63.
Монкада, 189.
Монкретьенъ-де-Ватвилль, 3, 4, 26, 179—
182.
Монтанари, 244.
Монтаранъ, 292.
Монтескье, 3, 29, 67, 87, 251, 272—276,
285, 313, 315, 316, 340, 341, 342, 346,
355, 356, 359, 361, 472.
Монтины, см. Лукасъ.
Монтодуэнъ, 294, 295, 307, 310, 329, 336,
337, 436.
Монтэнъ, 157, 158, 258.
Морганъ, 69.
Моргофъ, 240.
Морелле, 269, 294, 295, 297, 300, 301, 302,
306, 433, 434, 435, 463, 484.
Морена, 424.
Морепа, 291, 293, 450, 462, 476.
Моріонъ де Ларрошъ, VIII.
Морштадтъ, 2, 48.
Моръ, Томасъ, 217, 218, 222, 245.
Мэкилленъ, 331.
Мэксъ-Лиудъ, 212.
де-Мантенонъ, Мадамъ, 176, 322.
Мюллеръ, Адамъ, 8, 152.
— I. A., 250.
- Наваррете, 189.
Нейманъ, 141, 149, 150.
Неймаркъ, 167, 172, 447, 450.
Неккеръ, 452, 454, 476, 477, 480, 481.
Нери, Помпео, 422, 423.
Нибуръ, 11.
Низакъ, 336, 339.
Николь, 345.
Никольсъ (Дангейль), 303.
Ницшъ, 106, 115, 129.
Ноэльскій, герцогъ (de-Noailles), 259, 322.
Нортъ, Дедли (North, Dudley), 215, 216,
225, 284, 466.
Нума Помпілій, 51.
Ньютонъ, 226, 421.
- Обрехтъ, 231.
Огоя (Augoyat), 263.
фонъ-Озандеръ, 43.
Ольденбарневельдтъ, 196, 199.
Онкенъ, Вильгельмъ, 46, 210, 264, 278,
450.
— Августъ, V, VII, 9, 19, 29, 153,
166, 177, 178, 183, 198, 236, 254, 257,
259, 261, 279, 280, 282, 286, 288, 290,
293, 321, 322, 327, 329, 330, 331, 340,
343, 368, 376, 390, 410, 412, 415, 416,
419, 422, 457.
Оппенгеймъ, 211.
Орезмій, 135.
Ортесь, 26, 250, 423.
фонъ-Осса, 231, 240.
дю Оссе, мадамъ (Hausset), 327, 332, 443,
472.
де-ла Оссей (Haussaye), 255.
Охенковскій, 211.
- Павель, апостолъ, 150, 197, 284.
Палюнь, Ведій 192.
Палладій, 58, 59.
де-Пальи, 412.
Панталеони, 7.

- Паолетти, 250, 423.
Парето, 7.
Парись, братья, 266.
Патулло, 329, 376.
Пезэ, 435.
ла-Пейрони, 322.
Пекио (Pechio), 250.
дю-Пенъ, 305, 446.
Петрарка, 147.
Петръ, апостолъ, 93, 146.
— Великій, 250, 251, 252.
Петти, Вилліамъ, 3, 4, 227, 228, 240, 284, 436.
Пиль, 210, 217.
Пиегоръ, 219 (см. опечатки).
Планкъ, 89, 90.
Платонъ, 21, 22, 29—41, 43, 49, 57, 61, 93, 95, 96, 180, 186, 217, 219, 222, 245, 347, 348, 350, 356, 405.
Помпадуръ, 278, 323, 327, 328, 330, 332—335, 395, 411, 443.
Поншартрэнъ, 255.
Понятовскій, 424.
Поплавскій, 425.
Посошковъ, 250.
Прудонъ, 2.
Псевдо-Исидоръ, 91.
Пуфendorfъ, 232, 240, 335.
Пфейферъ, 419.
Пэльгрэвъ, 212, 213, 215, 224, 226, 284, 285, 344, 422, 424, 434.
Пэльманъ, 33, 53.
- Равальякъ, 286.
Ратцингеръ, 89, 91, 97, 140.
Рачинскій, Ив., 55.
ванъ Ресъ, 200.
Рейсь, 150, 418.
Ривьеръ, см. Мерсье.
Рикардо, 7, 274, 284, 386, 387.
Ришелье, 166, 167, 170, 171, 204, 245.
демла Роббіа, 165.
Родбертусъ, Карлъ, 16, 105, 417.
де-Роша, 263.
Рошерь, 1, 8, 20, 51, 135, 144, 150, 190, 217, 230, 231, 235, 242, 405, 472.
Рошонъ, аббать, 463.
де-Рошфоръ, 322, 331.
де ла Рошфуко, 51.
ле Руа, 324, 329.
Рубо, 434, 475, 477.
Рукселенъ, 435.
Руксель, 3, 284, 286, 411.
- Руксель-де-ла-Туръ, 332.
Руссо, Ж. Ж., 69, 83, 197, 202, 324, 325.
Рэлей, Вальтеръ, 204.
- Савари, братья, 8, 183, 269.
— Жакъ, 182, 255.
Савини, 66.
дель-Сарто, Андреа, 165.
Сарторіус фонъ-Вальтерсгаузенъ, 78, 81.
Севастьянъ, король, 186.
фонъ-Секкендорфъ, 238, 240.
Сельденъ, 205.
Семевскій, 252.
Сенека, 58.
Сень-Круа, см. Биго.
де-Сень-Мегренъ, Герцогъ, 415, 435.
Сенъ Морисъ-де-Сень-Лё, 435.
Сенъ Перави, 335, 435.
Сенъ Пьерръ, аббать, 277—280, 285, 287, 391, 464.
Сенъ Симонъ, 9, 22.
де-Сень-Симонъ, герцогъ, 177, 259, 265, 451.
Сервій Туллій, 63.
Серра, Антоній, 4, 243, 250.
де-Серръ, Оливеръ, 166.
Сешелль, 293, 305, 309, 333.
Сибомъ (Seeböhm), 74.
фонъ-Сиверсь, 428.
Сигиамундъ, король Польскій, 231.
Силузтъ, 292, 293.
Сильва, 322.
Симонъ-де-Сисмонди, 60.
де-Сисе, аббать, (Cicé), 467.
де-Сійель, Альфредъ (Cilleuls), 293.
де-Сійесь, аббать (Siéyès), 23, 482.
Скаржинскій, 259.
Скаруffi, 243, 250.
Сміть, Адамъ, 2, 7, 8, 10, 26, 27, 29—32, 35—42, 50, 51, 54, 57, 58, 59, 62, 66, 67, 69, 71, 72, 73, 81, 82, 84—87, 102, 106—110, 118, 151, 152, 153, 158—163, 178, 180, 191, 192, 193, 201, 205, 208—211, 214, 217, 221, 225, 226, 227, 232, 240, 247, 258, 271, 272, 273, 281, 282, 284, 312, 338, 341, 342, 354, 375, 383, 386, 387, 419, 425, 428, 436, 437, 447, 448, 449, 468, 470, 485.
фонъ-Соденъ, 27.
Сократъ, 29, 30, 31, 49, 50, 51, 346, 347.
Солиманъ II, 165.
Солонъ, 38, 40, 41, 44.
Сорель, Альбертъ, 3.

- Софронісъ, 29.
Спенсеръ, 24.
Спиноза, 246, 350.
Сталь, 235.
Старфордъ, 218, 219.
Стейартъ, Джемсъ, 226, 227.
Страбонъ, 73.
Стройновскій, І., 425.
— В., 425.
Струве, 428.
Сулави, 457, 458, 462, 463.
Сэй, Ж. Б., 2, 7, 12, 48, 202, 439.
— Леонъ, 259, 450.
Сюлли, 166, 181, 182, 256, 276, 277, 286,
287, 330, 387, 388, 397, 404, 406, 451,
452.

Таеръ, Альбрехтъ, 329.
Тарквіній Гордый, 52.
Тацитъ, 73.
Тевтофиль (Тенцель), 238, 242, (см. опечатки).
Теккеръ (Tucker), 294, 441, 469.
ле-Телье, 167, 169.
Террассонъ, аббать, 441, 467.
Террэ, аббать, 344, 412, 413, 433, 435
441, 445, 446, 447, 449, 450, 451, 453, 460.
Тертулліанъ, 89.
Тенцель, см. Тевтофиль.
Тіебо, 427.
Токвиль, 482.
Томазій, 231, 239.
де-ла-Торанъ, 435.
Трельяръ, 435.
де-Трюденъ, 292, 293, 296, 297, 301, 302,
334, 335.
Туганъ-Барановскій, 251.
Турболи, 243.
Турии, 444.
фонъ-Тюненъ, 7, 403.
Тюрго, Мишель-Этьенъ, 441.
— Ж. А. Р., 83, 84, 101, 106, 168, 178,
289, 290, 291, 294—297, 300, 303—313,
315, 316, 317, 327, 328, 334, 335, 338, 340,
344, 345, 356, 392, 414, 418, 424, 428,
433, 434, 435, 437, 439 до конца.

Уллоа, 189, 190, 294, 375.
Урбанъ VIII, папа, 245.
Уцтарицъ, 189, 190, 275, 276, 294.

Фанье, 166, 182.
Фёгелинъ, 34, 35, 37.

Фейльбогенъ, 227, 448.
Фенелонъ, 177, 259.
Фердинандъ Арагонскій, 185, 187.
— Неаполитанскій, 428.
Фернамъ, 178.
Фернівэль, 218.
Філанджіери, 250, 423.
Филиппъ, А., 430.
— II, 193.
— V, 188.
— Орлеанскій, 264, 266, 276, 451.
Фіцморисъ, 3, 228.
Фихте, 80.
Флаккъ, 60.
Флері, 278.
Фогель, 31.
Фокілідъ, 43.
Форбоннэ, 268, 275, 276, 294, 295, 297,
299, 301, 305, 307, 308, 324, 336, 337,
344, 382, 429, 430, 436, 475.
Форлендеръ, 9.
Франкенштейнъ, VII, 282, 322, 327, 329,
415, 457.
Франклінъ, 435.
Францискъ I, 165, 166, 170, 204.
— вел. герц. Тосканскій, 423.
Фревіль, 435.
Фридрихъ Великій, 154, 210, 239, 241,
242, 264, 278, 450.
— Вильгельмъ I, 239.
Фроонтінъ, 60.
Фуггеръ, 127, 193, 203, 229.
Функъ (Funk), 141.
— Брентано, 3, 4, 179.
Фурке, 435.
Фушки, 321.
Фюрстенау, 419.

Хлодвигъ, 89, 98.
Хрецовичъ, 424.
Хризантемъ, 151.
Хродегангъ, 91.

Цвидинекъ-Зюденгорстъ, 427.
Цезарь, 52, 73, 219.
Циммерманъ, 190, 242.
Цицеронъ, 29, 53, 54, 219.
Цоби, 424.

Чайльдъ, 214, 215, 225, 249, 276, 284,
294, 296, 297, 298, 306, 310, 311, 312,
313, 314, 315, 317, 441, 442.
Чарторійскій, кн., 344.

Чарторійскій гр., 424.
Челліни, Бенвенуто, 165.

Шамильяръ, 255.
Шанцъ, 211.
Швабъ, 43.
Шевалье, 29.
Шекспиръ, 218.
Шелле, 293, 294, 309, 311—316, 332, 334,
335, 340, 343, 428, 481, 484.
фонъ Шель, 449.
Шенбергъ, 128.
фонъ Шефферъ, графъ, 344, 413, 425, 426,
435, 474, 477.
Шеффле, 24.
Шледтвейнъ, 416, 417, 418, 422, 423, 427.
Шлецерь, 240.
Шлоссеръ, 417, 418.
Шмальцъ, 485.
Шмейцель, 240.
Шмоллеръ, Густавъ, 1, 2, 6, 8, 10, 11, 12,
17, 72, 105, 106, 115, 122, 128, 144, 145,
150, 154, 186, 242, 343, 416.
Шпрингерь, 419.
фонъ Шредеръ, 236, 237.
Штейнъ, Людвигъ, 19, 49, 70, 72.
Штернъ, 331.
Штида, 106, 115, 124.
Штрекейзенъ-Мульту, 325.
Шуазель, 303, 312, 337, 433.
Шультгесъ, 34, 35, 37.
Шульте, 115, 124, 126, 229. | Шульце-Геверницъ, 250, 251.
— Деличъ, 103.
Шэлье, 259.

Эдуардъ I, Англійскій, 203.
Эколампадій, 150.
Эммануилъ Счастливый, 185.
д'Энво (Unva), 298.
Энгельсъ, Фридрихъ, 9, 50, 70, 392.
Эндеманъ, В., 60, 94, 133—136, 139.
Эпікуръ, 49, 50, 51, 53, 69, 246.
Эразмъ, 229.
Эртманъ, П., 60, 65.
Эсгілль (Asgill), 225, 390.
Эспинась, А., 284.
де л'Эспинась, М-lle, 434, 472.
Эфферцъ, 228, 284.
Эшли (Ashley), 74, 141, 211, 214, 443.

д'Югъ (Hugues), 447.
Юмъ, Давидъ, 3, 158, 428.
Юнгъ, 428.
фонъ Юсти, 239, 251.
Юстиніанъ, 61, 66, 149.

Якобъ фонъ, 27.
Яковъ I, Англійскій, 221.
Янгъ, 448.
Яннашъ, 190.

Фалесь, 45, 46.
Фома Аквінскій, 132—135, 137, 139, 140.
Фукидидъ, 51, 72. |
|--|---|

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
4	1 снизу	—	duction, p. XXIII.
147	13 "	3530	1530
153	11 "	союзъ, третьяго	союзъ третьяго
165	16 "	Карпъ	Карпи
170	1 "	г олько	гдѣ только
182	23 сверху	Савари	Жакъ Савари
198	1 снизу	belliac	belli ac
208	18 сверху	slading	sliding
212	14 "	Грешемомъ то	Грешемомъ, то
216	3 снизу	othe	other
219	12 сверху	пропущено	Пиѳагора
242	4 сверху	Тенцель	Тенцель
259	11 "	Bonlainvillier	Boulainvillier
270	16 "	d.	b.
271	9 "	подобнымъ	подобнымъ же
303	19 снизу	пседонимъ	псевдонимъ
—	13 "	exzeptés	exceptés
350	13 сверху	Месмонъ	Месмонъ
361	1 "	Положительный	Политический
387	14 снизу	particuli�re	particuli�re
391	15 "	мы ((мы
403	12 сверху	„Questions“	b. „Questions“.
405	12 "	„Maximes“	c. „Maximes“
409	9 "	oureset	pures et
412	21 снизу	современи	со времени
447	4 "	stra tion	stration